

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

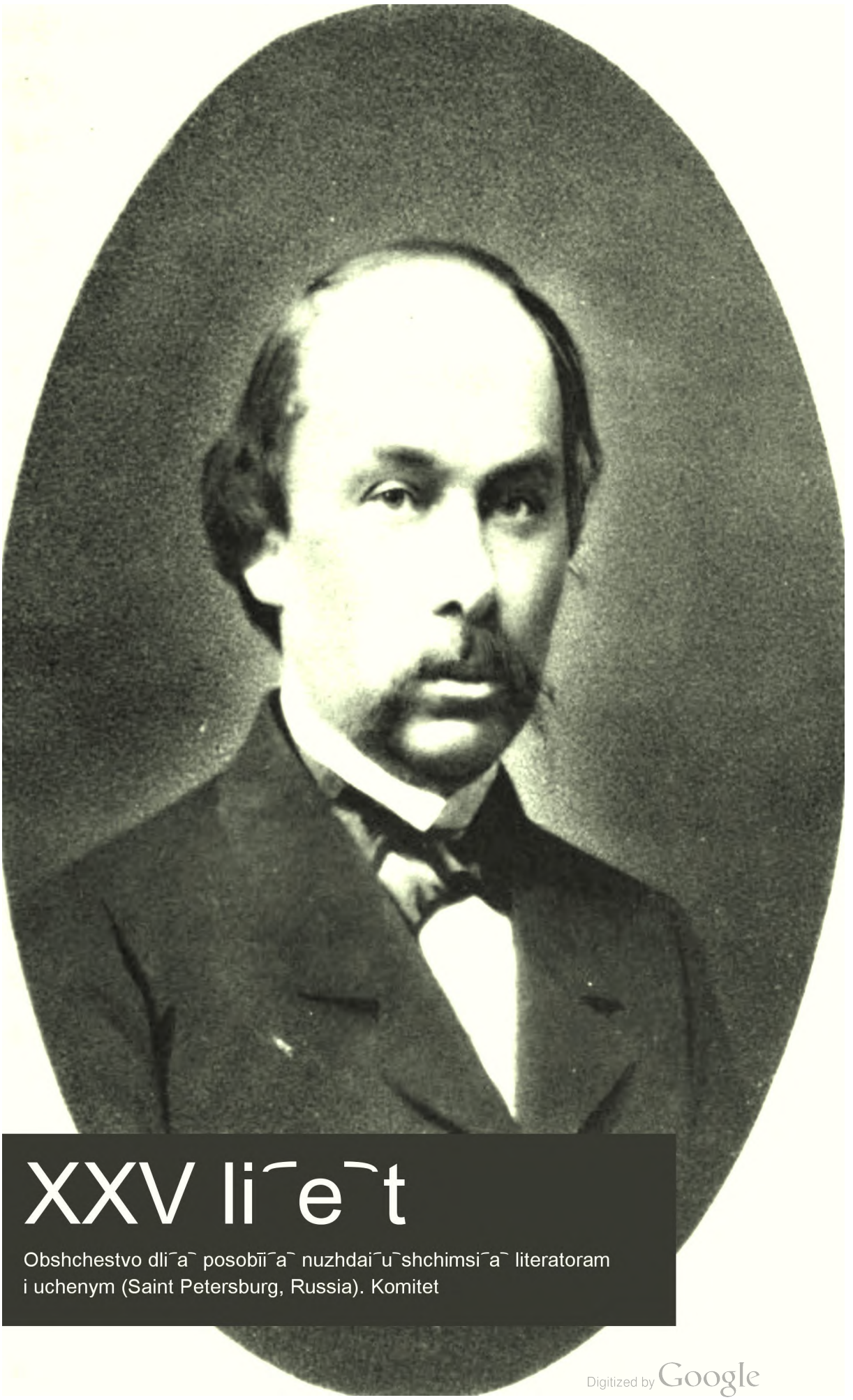
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

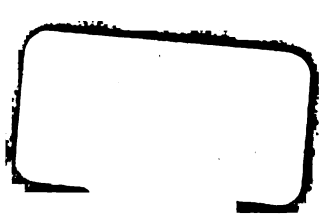

XXV li͡e͡t

Obshchestvo dli͡a͡ posobīi͡a͡ nuzhdai͡u͡shchimsi͡a͡ literatoram i uchenym (Saint Petersburg, Russia). Komitet

Digitized by Google

Digitized by Google

Obshchestvo

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

169

785424

1859 XXV 1884

АКТЪ

Сборникъ

Общества

для пособія

нуждающимся литераторамъ и ученымъ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1884.

Digitized by Google

Digitized by Google

169

785424

1859 ХУ 1884

АКТЪ

Сборникъ

Общества

для пособія

нуждающимся литераторамъ и ученымъ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1884.

Digitized by Google

Digitized by Google

XXV ЛѢТЪ

1859—1884

П. П. Комиссии,
в благодарность за ценное
содѣйствіе
от
Вобаева

Ноябрь 1884.

Digitized by Google

Digitized by Google

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

XXV ЛѢТЪ

1859—1884

СБОРНИКЪ,

изданный комитетомъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ

**Съ портретами покойныхъ учредителей общества:
А. В. Дружинина, Е. П. Ковалевскаго, С. С. Дудышкина, А. В. Никитенко,
А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго и И. С. Тургенева**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1884

Digitized by Google

PUBLIC LIBRARY
785424
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
1917

Печатано въ типографіяхъ газеты „Новое Время“ (А. С. Суворина), В. С. Балашова, А. Е. Бенке, товарищества М. О. Вольфа, И. И. Глазунова, Р. Р. Голике, Н. А. Лебедева, И. Н. Скороходова и А. И. Траншеля.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	I
Лѣтопись Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ съ 1859 по 1884 г. Г. К. Рѣпинскаго и А. М. Скабичевскаго	1
Мать. Стихотвореніе А. И. Подолинскаго	200
Двѣ элегіи К. Н. Батюшкова	201
Въ альбомъ А. С. Даргомыжскому. Князя П. А. Вяземскаго	207
Рыбакъ. (Изъ Гете). Кн. Д. Цертелева	208
Стихотворенія И. С. Тургенева:	
Графиня Донато. Начало поэмы	209
Филиппо Стродзи	212
Декабристы. Романъ. Главы I — III. Графа Л. Н. Толстаго	216
Съ кѣмъ спорить? Изъ «Стихотвореній въ прозѣ». И. С. Тургенева	272
Лучъ свѣта въ педагогическихъ потемкахъ. В. Я. Стоюнина	273
Въ герцогскомъ склепѣ въ Веймарѣ. Стихотвореніе К. К. Случевскаго	298
Семья въ провинціи. И. С. Беллюстина	302
Съ курьерскимъ поѣздомъ. Стихотвореніе А. Н. Апухтина	315
Философія и наука въ Европѣ и у насъ. Рѣчь К. Д. Кавелина	318
Послѣ судебнаго приговора. Прологъ драмы. А. И. Пальма	337
Два стихотворенія Д. Мережковскаго	359
Стихотвореніе Я. П. Полонскаго	364
Инкогнитнымъ манеромъ. Сценка Н. А. Лейкина	365
За что же? Д. Л. Мордовцева	375
Поѣздка митрополита Хрисанѳа къ Далай-Ламѣ въ 1792 г. Д. Ѳ. Кобеко.	385
Два стихотворенія В. П. Буренина	399
Сказки Н. Щедрина:	
I. Карась-идеалистъ	401
II. Добродѣтели и пороки	412
III. Обманщикъ-газетчикъ и легковѣрный читатель	419
А. В. Дружининъ, какъ основатель литературнаго фонда. В. П. Гаевскаго.	423
Выкса. Изъ путевыхъ воспоминаній. В. П. Безобразова	435
Ловчинскій бой. Изъ военныхъ разсказовъ. А. В. Верещагина	449
Передъ разсвѣтомъ. Стихотвореніе Н. Позникова	469

Digitized by Google

стр.
Сказка для дѣтей. В. М. Гаршина 471
Стихотвореніе С. Я. Надсона 479
Изъ бумагъ А. В. Дружинина. Письма къ нему В. П. Боткина 481
По Сенькѣ шапка. С. В. Максимова 508
Карьеристъ. Очеркъ. Д. В. Григоровича 529
Одинъ изъ вымысловъ въ нашей исторіи. Е. П. Карновича 537
Вліяніе европейскихъ финансовыхъ учрежденій на экономическое положеніе первобытныхъ народовъ. И. И. Янжула 562
Къ Батюшкову. Посланіе князя П. А. Вяземскаго 587
Строфы изъ поэмы И. С. Тургенева 591

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ ноябрѣ 1884 года исполнилось 25 лѣтъ существованія Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

По этому поводу возникла въ средѣ членовъ Общества мысль ознаменовать 25-лѣтній періодъ его дѣятельности изданіемъ сборника, къ участію въ которомъ были бы привлечены лучшія литературныя силы. Мысль эта встрѣтила живое сочувствіе, и въ короткое время составился предлагаемый сборникъ, выручка отъ продажи котораго назначается на увеличеніе средствъ литературнаго фонда.

Независимо отъ матеріальной цѣли, Комитетъ Общества имѣлъ въ виду представить обозрѣніе 25-лѣтней дѣятельности Общества, и почтить память покойныхъ его основателей. Значительная часть изданія посвящена этому историческому очерку, къ которому приложены портреты шести скончавшихся учредителей Общества (изъ числа 11, подписавшихъ его уставъ): А. В. Дружинина, Ег. П. Ковалевскаго, С. С. Дудышкина, А. В. Никитенко, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго и И. С. Тургенева. Портреты исполнены въ свѣто-печатномъ заведеніи В. И. Штейна: портретъ Дружинина съ фотографіи Деньера, Ковалевскаго съ принадлежащаго Обществу портрета масляными красками работы И. П. Келлера, Никитенко съ литографіи, а остальные три съ фотографическихъ карточекъ, предвари-

Digitized by Google

тельно увеличенныхъ въ фотографіи Э. Вестли и К°. Изъ нихъ портретъ Тургенева сдѣланъ по фотографіи Надара въ Парижѣ, присланной Тургеневымъ въ 1882 г. графу Л. Н. Толстому, который доставилъ ее для воспроизведенія въ сборникѣ.

Редакціонныя заботы приняли: предсѣдатель Общества В. П. Гаевскій, помощникъ предсѣдателя А. А. Краевскій и члены Общества: А. М. Скабичевскій и К. К. Случевскій.

Комитетъ Общества долгомъ считаетъ упомянуть съ чувствомъ глубокой благодарности о лицахъ, оказавшихъ весьма дѣятельное и вполнѣ безвозмездное участіе въ изданіи сборника. Писатели предоставили въ пользу Общества присланныя ими произведенія. В. И. Штейнъ исполнилъ фототипически упомянутые шесть портретовъ. Типографіи: газеты „Новое Время“ (А. С. Суворина), напечатавшая 13 листовъ, В. С. Балашева, А. Е. Бенке, товарищества М. О. Вольфа, И. И. Глазунова, Р. Р. Голике, Н. А. Лебедева, И. Н. Скороходова и А. И. Траншеля раздѣлили между собою трудъ печатанія сборника, изданнаго въ 4000 экземпляровъ. Художникъ Н. А. Богдановъ исполнилъ рисунокъ на оберткѣ. Торговый домъ А. И. Варгунина доставилъ бумагу за половину цѣны. Содержатель брошюровочнаго заведенія Н. А. Макаровъ принялъ безвозмездно брошюровку изданія; а петербургскіе книгопродавцы отказались отъ процентовъ за продажу сборника.

Это дружное содѣйствіе столькихъ лицъ, это добровольное и значительное пожертвованіе ими труда и времени лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ сочувствіи, которымъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, по справедливости, пользуются въ наше время труженики литературы и науки.

Ноябрь 1884.

Digitized by Google

А. В. Дружининъ.

Фототип. Имп. Ак. Худ. В. Штейнъ. Спб. Вознесенскій проспектъ, № 14.

Дозволено цензурою. Спб., 24 октября 1884 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛѢТОПИСЬ

Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

I.

1859—1861 годы.

Мысль объ основаніи въ Россіи, по примѣру Англіи, Общества для пособія писателямъ впервые была высказана А. В. Дружининымъ въ журналѣ «Библіотека для чтенія». Принятая съ полнымъ сочувствіемъ въ литературныхъ кружкахъ, мысль эта вызвала совѣщанія между представителями петербургской журналистики и литературы объ организаціи общества, его цѣляхъ и, наконецъ, о самомъ уставѣ его. Послѣдствіемъ совѣщаній было то, что сперва на А. В. Никитенко, а потомъ на А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго и К. Д. Кавелина было возложено составленіе проекта устава Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Выработанный ими проектъ былъ одобренъ и 16-го февраля 1859 года представленъ министру народнаго просвѣщенія за подписью П. В. Анненкова, С. С. Дудышкина, Н. Г. Чернышевскаго, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, Е. П. Ко-

Тип. А. С. Суворина.

Digitized by Google

валевскаго, А. Д. Галахова, А. В. Никитенко, К. Д. Кавелина, А. А. Краевскаго и И. С. Тургенева.

При разсмотрѣніи проекта въ министерствѣ, въ немъ сдѣлано было одно только измѣненіе: исключена статья, предоставлявшая Обществу и иногороднымъ его членамъ право безплатной пересылки по почтѣ корреспонденціи, и затѣмъ, согласно Высочайшей резолюціи на журналѣ Главнаго Правленія училищъ, проектъ былъ внесенъ въ Комитетъ Министровъ, который, при обсужденіи его, обратилъ вниманіе на то, во-первыхъ, что въ немъ вовсе не упоминается о завѣдываніи дѣйствіями Общества со стороны подлежащаго начальства, и, во-вторыхъ, что, по § 29-ому, въ годовомъ отчетѣ о дѣйствіяхъ и состояніи Общества предоставляется поименовывать лишь лицъ, получившихъ пособіе на изданіе своихъ литературныхъ или ученыхъ трудовъ, а также молодыхъ людей, которымъ будетъ назначено отъ общества вспомоществованіе для окончанія ихъ образованія; прочія-же лица, получающія пособія, въ отчетѣ не поименовываются. Комитетъ находилъ, что если въ отчетѣ, предназначаемомъ, по проекту устава, собственно для прочтенія въ годовомъ собраніи Общества, дѣйствительно было бы неудобно поименовывать всѣхъ лицъ, получившихъ пособія, то, не менѣе того, начальство, въ непосредственномъ завѣдываніи коего будетъ находиться Общество, должно имѣть подробныя свѣдѣнія о всѣхъ лицахъ, кои будутъ получать отъ онаго пособія. Согласно этимъ замѣчаніямъ, § 2 проекта устава былъ дополненъ указаніемъ, что Общество состоитъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, и, кромѣ того, включенъ въ уставъ § 45, опредѣляющій, что Комитетъ Общества обязанъ представлять названному министерству подробный отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ за каждый годъ, съ поименованіемъ всѣхъ безъ исключенія лицъ, получившихъ пособія, и съ объясненіемъ послужившихъ къ назначенію оныхъ уваженій.

Исправленный такимъ образомъ проектъ устава удостоился Высочайшаго утвержденія 7-го августа 1859 года, а 8-го ноя-

Digitized by Google

бря того же года состоялось первое собраніе учредителей, въ которомъ Общество объявлено открытымъ и приступлено къ выбору членовъ Комитета. Избраніе производилось закрытыми записками, по разсмотрѣніи которыхъ оказались выбранными по большинству голосовъ: К. Д. Кавелинъ, Е. П. Ковалевскій, А. Д. Галаховъ, А. В. Дружининъ, И. С. Тургеневъ, П. В. Анненковъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, Н. Г. Чернышевскій, Е. И. Ламанскій, А. В. Никитенко, С. С. Дудышкинъ и А. А. Краевскій. Того же числа Комитетъ, согласно § 21 устава, выбралъ изъ своей среды предсѣдателемъ общества Е. П. Ковалевскаго, помощникомъ предсѣдателя К. Д. Кавелина, секретаремъ А. Д. Галахова и казначеемъ А. А. Краевскаго.

Первымъ представившимся Комитету дѣломъ было, конечно, ознакомленіе публики со всѣмъ, что касается устава, открытія и дѣйствій Общества, сборъ вносовъ, объявленныхъ учредителями, и устройство дѣлопроизводства.

Съ этою цѣлью Комитетъ, на третій день по образованіи Общества, поручилъ лицамъ, приглашавшимъ членовъ-учредителей, собрать ихъ вносы, распорядился напечатаніемъ устава Общества отдѣльною брошюрою, извѣстилъ особою публикаціею въ газетахъ и журналахъ объ открытіи Общества и составѣ его Комитета, съ приглашеніемъ всѣхъ сочувствующихъ отечественной литературѣ и просвѣщенію къ пожертвованіямъ, и положилъ: журналы своихъ засѣданій, вполнѣ или въ извлеченіяхъ, немедленно печатать въ повременныхъ изданіяхъ, «дабы публика поставляема была въ совершенную извѣстность о всѣхъ дѣйствіяхъ Комитета и о состояніи Общества».

Другимъ первостепенной важности дѣломъ для Комитета было озаботиться усиленіемъ средствъ Общества. Такъ какъ члены: Н. А. Некрасовъ, И. И. Панаевъ, А. В. Дружининъ и А. А. Краевскій изъявили желаніе вносить въ пользу Общества, начиная съ 1860 года, по копѣйкѣ съ каждаго подписчика на издаваемые ими журналы, а К. Д. Кавелинъ и А. Д. Галаховъ по копѣйкѣ съ каждаго экземпляра издаваемыхъ ими книгъ, и,

Digitized by Google

наконецъ, Е. П. Ковалевскій по одному проценту съ гонорара за статьи его, помѣщаемыя въ повременныхъ изданіяхъ, то Комитетъ, принявъ съ благодарностію эти предложенія, пригласилъ и прочихъ членовъ и ревнителей просвѣщенія и литературы къ подобнымъ же пожертвованіямъ. Точно также, вслѣдствіе заявленія А. Ѳ. Писемскимъ, А. Н. Островскимъ и И. С. Тургеневымъ желанія читать публично свои произведенія въ пользу Общества, Комитетъ положилъ пригласить и другихъ литераторовъ и артистовъ содѣйствовать успѣху этого предложенія.

Приглашенія Комитета не остались безъ отвѣта: въ теченіи первыхъ пятнадцати мѣсяцевъ *) со дня открытія Общества, однихъ единовременныхъ пожертвованій отдѣльныхъ лицъ всѣхъ сословій поступило 7,547 р. 75 к. и отъ обществъ нѣкоторыхъ городовъ, преподавателей, служащихъ, учениковъ, а также отъ устроенныхъ безъ участія Комитета чтеній, спектаклей и вечеровъ 4,546 руб. 69¼ коп. Нѣкоторыя лица жертвовали Обществу книги; другія выражали готовность читать въ пользу Общества публичныя лекціи; врачи: А. П. Каталинскій, С. Гудвиловичъ, А. Иностранцевъ и И. М. Барчъ вызвались безвозмездно оказывать медицинскія пособія бѣднымъ литераторамъ и ученымъ; книгопродавцы, издатели, редакторы журналовъ и газетъ и сами авторы заявили желаніе вносить въ кассу Общества извѣстный процентъ съ подписной суммы на ихъ изданія, съ продажной цѣны ихъ произведеній, или же съ гонорара за ихъ статьи, помѣщаемыя въ журналахъ, либо за ихъ лекціи и т. п. Кромѣ того, изъявили намѣреніе быть коммиссіонерами Общества: Н. М. Щепкинъ въ Москвѣ, г. Пальмъ въ Одессѣ, К. Д. Даниловъ въ Таганрогѣ и А. Н. Трофимовъ въ Тамбовѣ. Н. А. Геннади обѣщалъ вносить ежегодно по 25 руб., съ тѣмъ, что

*) Согласно рѣшенію общаго собранія членовъ Общества 20-го декабря 1859 г., первый годъ существованія Комитета первоначальнаго состава долженъ былъ считаться оконченнымъ лишь 2-го февраля 1861 г., такъ какъ иначе первоначальный составъ Комитета просуществовалъ бы лишь три мѣсяца.

Digitized by Google

такой же вносъ будетъ производиться и по смерти его единственнымъ его сыномъ и наслѣдникомъ. И. Т. Лисенковъ пожертвовалъ 5% билетъ въ 1,000 рублей, съ условіемъ, что Обществу предоставляется пользоваться только процентами съ этого капитала.

Независимо отъ всѣхъ этихъ пожертвованій, самое крупное и вмѣстѣ съ тѣмъ самое дорогое для Общества получено было отъ щедротъ Его Императорскаго Величества. Еще 4-го января 1860 года, т. е. на второй мѣсяцъ по открытіи Общества, министръ Императорскаго Двора сообщилъ министру Народнаго Просвѣщенія, что Государь Императоръ, желая споспѣшествовать полезной цѣли Общества, поручилъ просить объ увѣдомленіи: какую сумму слѣдовало бы назначить въ пособіе Обществу отъ Имени Его Величества. Бывшій тогда министръ Народнаго Просвѣщенія Евграфъ Петровичъ Ковалевскій отвѣтилъ на этотъ запросъ, что, по его мнѣнію, слѣдовало бы назначить 1,000 руб. въ годъ, и съ тѣхъ поръ Общество каждогодно получало эту сумму изъ кабинета Его Величества. Равнымъ образомъ, Государыня Императрица и Ихъ Императорскія Высочества Великая Княгиня Елена Павловна и Великіе Князья Константинъ и Михаилъ Николаевичи съ перваго же года удостоили Общество своими ежегодными вкладами.

Устроенные Комитетомъ Общества публичныя чтенія, лекціи и спектакли также доставили Обществу немаловажный доходъ, а именно, въ теченіи первыхъ пятнадцати мѣсяцевъ, поступило 10,420 руб. 58 коп. Первое литературное чтеніе происходило 10-го января 1860 года, въ залѣ Пассажа, предложенной безвозмездно въ пользу Общества торговымъ домомъ Пахитонова, Водова и Струговщикова, а второе 6-го февраля. Чтенія были приняты публикою съ такимъ сочувствіемъ, что на второй недѣлѣ великаго поста было предположено устроить третье чтеніе и затѣмъ повторить его, потому что число желавшихъ присутствовать на чтеніяхъ далеко превышало число мѣстъ въ залѣ Пассажа. 23-го и 27-го февраля состоялись эти

Digitized by Google

чтенія, а 12-го и 15-го марта М. М. Стасюлевичъ прочелъ публичныя лекціи о Маркѣ Авреліи Философѣ. Въ то же время, при содѣйствіи А. А. Фета, А. Н. Островскаго, М. Н. Лонгинова, М. Я. Китарры, Н. А. Основскаго и И. С. Тургенева, въ Москвѣ также было устроено чтеніе. Въ апрѣлѣ (14 и 18-го чиселъ) были устроены спектакли. Кромѣ того, въ концѣ года Н. И. Костомаровъ и В. Д. Спасовичъ были приглашены прочесть публичныя лекціи, а 18-го декабря снова было устроено литературное чтеніе. Комитетъ вынужденъ былъ даже отклонять разныя предложенія, сдѣланныя съ цѣлью, или подъ предлогомъ, увеличенія денежныхъ средствъ Общества.

Несмотря однако на значительность пожертвованій, Комитетъ вполнѣ сознавалъ, что сила Общества должна заключаться не въ нихъ. «Какъ бы ни были удовлетворительны временные сборы и пожертвованія» — говорилъ секретарь въ первомъ общемъ собраніи членовъ общества, 20-го декабря 1859 года — «но, будучи случайными, они не представляютъ того, что̀ нужно Обществу для успѣшнѣйшаго хода его дѣйствій: опредѣлительности и прочности. Главная опора не въ томъ, что̀ подвержено измѣненіямъ, а въ томъ, на что можно разсчитывать съ большею или меньшею вѣрностью и чему, по возможности, подводится годичный итогъ. Потому-то Комитетъ особенно заботится объ отысканіи и упроченіи постоянныхъ доходовъ. Постоянные же доходы образуются, прежде всего, ежегодными вносами его членовъ. Съ увеличеніемъ числа членовъ, будутъ, конечно, возрастать и его средства. Если, по самому характеру Общества, членами-учредителями его могли быть только литераторы и ученые, то, на основаніи устава, членомъ можетъ быть всякій, и литераторъ, и нелитераторъ, желающій какимъ-либо ежегоднымъ пожертвованіемъ участвовать въ пособіи нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Притомъ, одни литераторы, несмотря на все ихъ желаніе, лишены возможности обезпечивать судьбу своихъ собратовъ. Для того, чтобы добросовѣстная и благородная литературная дѣятельность находила себѣ надежнѣйшее

Digitized by Google

застрахованіе отъ разныхъ житейскихъ невзгодъ, необходимо дружное содѣйствіе всѣхъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ литературѣ; а кто же изъ читающаго міра не признаетъ за собою такого отношенія, или, признавъ, отречется отъ него? Разсчетъ, въ этомъ отношеніи, самый простой и ясный: чѣмъ больше будетъ членовъ, тѣмъ больше у Общества будетъ денежныхъ средствъ, которыя дадутъ ему возможность раздвинуть кругъ своихъ дѣйствій — оказывать пособія большему числу лицъ и въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Но, какъ ни простъ подобный разсчетъ, онъ долженъ, по убѣжденію Комитета, контролироваться другимъ, высшимъ разсчетомъ, независимо отъ стремленія увеличить цифру капитала. Комитетъ убѣжденъ, что предоставленное ему § 16 устава право разсматривать каждое предложеніе въ члены и одобрять или не одобрять предложеніе, имѣетъ прямымъ своимъ послѣдствіемъ такой составъ Общества, который удовлетворяетъ, въ одно и то же время, и финансовымъ и нравственнымъ соображеніямъ».

И этотъ призывъ Комитета не остался безъ послѣдствій: сочувствіе публики цѣлямъ Общества выразилось въ той массѣ лицъ, которыя вступили въ число его членовъ. Независимо отъ 77-ми членовъ-учредителей (53-хъ въ Петербургѣ и 24-хъ въ Москвѣ), въ первомъ общемъ собраніи выбрано было 106 человѣкъ, а въ теченіи перваго года 391, и въ томъ числѣ 20 дамъ.

Вопросъ о принятіи дамъ въ члены Общества былъ возбужденъ еще въ самомъ началѣ существованія Общества, и тогда же единодушно разрѣшенъ Комитетомъ въ положительномъ смыслѣ, съ такимъ впослѣдствіи разъясненіемъ, что дамы принимаются съ благодарностію въ Общество, какъ ревнительницы просвѣщенія; тѣ же изъ нихъ, которыя пожелаютъ быть членами онаго, подвергаются баллотировкѣ на общемъ основаніи, выраженномъ въ § 16 устава. Современемъ, однако, по предложенію Е. П. Ковалевскаго, общее собраніе членовъ Общества, 2-го февраля 1860 года, опредѣлило: не подвергать закрытой

Digitized by Google

баллотировкѣ дамъ, которыя изъявятъ желаніе поступить въ члены Общества, а принимать ихъ въ члены по одобренію Комитета и открытому согласію Общества.

Высказанное секретаремъ убѣжденіе Комитета въ необходимости заботиться не только объ увеличеніи цифры капитала чрезъ расширеніе состава членовъ Общества, но и объ удовлетвореніи этимъ составомъ нравственныхъ соображеній, выразилось между прочимъ въ томъ, что, по опредѣленію Комитета, избирательные списки предлагаемыхъ въ члены Общества, въ видахъ лучшаго ознакомленія съ ними, отсылались, за недѣлю до дня собранія, въ магазинъ Кожанчикова, для просмотра ихъ членами.

Принятые въ составъ Общества лица и учредители, въ числѣ 368 *), внесли въ кассу общества 9,619 руб., такъ что, вмѣстѣ со всѣми вышеприведенными доходами, а равно съ процентами на капиталъ и другими поступленіями, въ первый годъ своего существованія Общество владѣло уже капиталомъ въ 35,163 руб. 44¼ коп. Хотя же, въ самомъ началѣ его дѣятельности, въ рукахъ его было лишь 2,285 руб., но Комитетъ, убѣжденный — какъ выразился Е. П. Ковалевскій — если не собственнымъ опытомъ, то слишкомъ близкимъ соприкосновеніемъ съ нуждою, какъ тяжелъ каждый проведенный въ нуждѣ день, не сталъ ожидать, пока суммы Общества дойдутъ до тѣхъ значительныхъ размѣровъ, что можно было бы довольствоваться одними процентами для вспомоществованія бѣднымъ собратамъ или ихъ семействамъ, поспѣшилъ на помощь нѣкоторымъ изъ нихъ и по мѣрѣ средствъ облегчилъ ихъ участь.

Вопросъ о вспомоществованіи писателямъ былъ поднятъ уже 18-го ноября 1859 г., когда предложены были трое кандидатовъ на помощь отъ Общества. Комитетъ, руководствуясь

---

*) Прочіе 100 членовъ къ концу отчетнаго года не опредѣлили и не сдѣлали еще своихъ первыхъ вносовъ, несмотря на напечатанное въ сентябрѣ 1860 г. въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» приглашеніе уплатить ихъ.

Digitized by Google

§§ 11, 37 и 38 устава, поручилъ А. В. Дружинину, К. Д. Кавелину и А. Д. Галахову собрать справки по этимъ предложеніямъ*). Затѣмъ, въ засѣданіи 30-го ноября 1859 г., Комитетъ присудилъ ежегодную пенсію въ 300 руб. жившему въ Москвѣ литератору и ученому, который, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, былъ обремененъ семействомъ. Другое пособіе, также постоянное, въ размѣрѣ 180 р. въ годъ, было назначено, въ декабрѣ 1859 г., семейству умершаго въ Петербургѣ писателя, находившемуся въ крайне стѣсненномъ положеніи, и въ декабрѣ же выдано въ единовременное пособіе одному лицу 100 руб. и другому 300 руб. Получившій эту послѣднюю сумму выразилъ намѣреніе возвратить ее; но Комитетъ увѣдомилъ его, чтобы онъ не стѣснялъ себя мыслію объ уплатѣ, а если непремѣнно хочетъ возвратить пособіе, то чтобы, по крайней мѣрѣ, высылалъ въ уплату, сколько признаетъ нужнымъ и когда угодно, не полагая никакихъ сроковъ и условій.

Такимъ образомъ началось проявленіе, указанной въ уставѣ, дѣятельности Общества. Въ первый годъ его существованія, она въ особенности сказалась въ назначеніи пенсій, которыя были назначены 15-ти лицамъ или семействамъ, въ размѣрѣ отъ 100 до 600 руб., всего на сумму 3,510 руб. Въ одномъ случаѣ, назначая семейству извѣстнаго писателя пенсію въ 600 руб., Комитетъ не ограничился этимъ, но сообщилъ вдовѣ покойнаго,

*) Впослѣдствіи, по заявленію Е. П. Ковалевскаго, было предположено составлять краткія біографіи лицъ, получившихъ пособія отъ Общества. Излагая ихъ ученыя и литературныя заслуги, дающія имъ право на участіе въ пособіи отъ Общества, біографіи эти, вмѣстѣ съ тѣмъ, указывали бы и основанія, которыми руководствовался Комитетъ въ назначеніи пособія. Къ сожалѣнію, это предположеніе не осуществилось, быть можетъ, потому, что біографическія свѣдѣнія излагались и излагаются въ прошеніяхъ самихъ получавшихъ и получающихъ пособія и въ отзывахъ тѣхъ лицъ, которыя собирали и собираютъ справки по прошеніямъ. Нельзя также не пожалѣть, что и другое предположеніе, заявленное А. В. Дружининымъ и одобренное Комитетомъ, также не осуществилось, именно объ изданіи «Памятной книжки Общества», которая содержала бы въ себѣ, кромѣ устава и списка всѣхъ членовъ Общества, и другія указанія.

Digitized by Google

что независимо отъ такого постояннаго пособія, онъ считаетъ своею обязанностію, въ случаѣ какой либо ея нужды, всегда поспѣшить къ ней на помощь. Кромѣ того, 13-го сентября 1860 года, внукамъ писателя, пользовавшагося въ свое время большою извѣстностью, положено было производить, въ теченіи трехъ лѣтъ, по 300 руб. въ годъ, а 25-го января 1861 года предположено было помѣстить дочь писателя въ Московскій Николаевскій Сиротскій Институтъ пансіонеркою, платя за нее положенную плату до окончанія курса; но предположеніе это не было приведено въ исполненіе, сперва за недоставленіемъ бумагъ, требуемыхъ отъ помѣщаемыхъ въ казенныя воспитательныя заведенія дѣвицъ, а потомъ за неимѣніемъ вакансіи въ названномъ выше заведеніи. Единовременныхъ пособій было оказано 56, въ размѣрѣ отъ 25 до 500 руб., на сумму 7,500 руб., 51 лицу, изъ коихъ четыре лица получили пособія по 2 раза и два — пособія для окончанія образованія.

Независимо отъ денежныхъ пособій, Комитету, съ самаго учрежденія его, пришлось оказывать помощь и иными способами. Такъ, въ декабрѣ 1859 г., не находя возможнымъ, по своимъ соображеніямъ, принять предложеніе одного священника объ изданіи составленныхъ имъ книгъ на чувашскомъ языкѣ, Комитетъ препроводилъ это предложеніе въ Академію Наукъ, и когда послѣдняя не согласилась съ своей стороны удовлетворить ходатайство, то о составленныхъ просителемъ катехизическихъ бесѣдахъ было сообщено оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода. Затѣмъ Комитетъ хлопоталъ о предоставленіи мѣстъ четыремъ лицамъ и заботился о помѣщеніи въ казенное заведеніе дѣтей писателя *). Самымъ же крупнымъ въ этомъ родѣ дѣломъ Комитета было ходатайство, по предложенію И. С. Тургенева, объ отпускѣ на волю родныхъ братьевъ и сестры извѣстнаго поэта. Хотя подобное ходатайство и не входило собственно въ кругъ дѣйствій Общества, исчисленныхъ въ уставѣ,

*) Всего неденежныхъ пособій оказано 7 лицамъ.

Digitized by Google

но такъ какъ оно, по выраженію Комитета, будучи самымъ человѣколюбивымъ и просвѣщеннымъ, имѣло при томъ цѣлію доставить истинное утѣшеніе литератору, пріобрѣвшему своимъ талантомъ видное мѣсто въ современной литературѣ, то Комитетъ положилъ написать отъ имени всѣхъ своихъ членовъ письмо къ помѣщику В. Э. Фліорковскому и просить его объ увольненіи родныхъ означеннаго писателя, изъ уваженія къ его литературнымъ заслугамъ и вообще къ литературѣ. Просьба Комитета была уважена г. Фліорковскимъ: освободивъ родныхъ поэта, онъ принялъ даже на себя уплату 900 руб. банковаго за нихъ долга. По полученіи увѣдомленія объ этомъ, Комитетъ выразилъ г. Фліорковскому признательность Общества и просилъ пріискать для новыхъ свободныхъ людей участокъ земли, за который Общество охотно внесло бы деньги.

Но, приходя на помощь писателямъ и ихъ семействамъ, Комитетъ вынужденъ былъ и отклонять ходатайства нѣкоторыхъ изъ нихъ. Прежде всего явилась необходимость отказывать въ изданіи произведеній или въ пособіи на ихъ напечатаніе, и отказывать не потому только, что самыя произведенія, какъ было въ одномъ случаѣ, не заслуживали быть напечатанными, но потому, что въ то время, какъ и впослѣдствіи, изданіе книгъ не входило въ кругъ дѣйствій Общества, по недостатку денежныхъ средствъ его. Отклонивъ нѣсколько просьбъ такого рода, Комитетъ высказалъ въ журналѣ 18-го октября 1860 года, что незначительныя средства Общества поставляютъ его въ необходимость ограничивать пока свою дѣятельность одною главною цѣлію его основанія, т. е. оказаніемъ пособія нуждающимся семействамъ литераторовъ и ученыхъ и самимъ литераторамъ и ученымъ, неимѣющимъ возможности содержать себя собственными средствами, и не дозволяютъ ему, до времени, приступить къ осуществленію двухъ другихъ, второстепенныхъ его цѣлей: къ изданію въ свѣтъ нолезныхъ литературныхъ трудовъ и доставленію даровитымъ молодымъ людямъ способовъ къ окончанію ихъ образованія, тѣмъ болѣе, что со времени основанія

Digitized by Google

Общества, въ теченіи перваго года своего существованія, оно назначило уже постоянныя пособія 15 лицамъ, всего на сумму 3,690 руб., и на немъ лежитъ обязательство выдавать эти пособія на слѣдующіе годы; точное же выполненіе этого обязательства весьма важно и необходимо для сохраненія кредита Общества, и какъ знакъ его состоятельности; между тѣмъ цифра этихъ пенсій будетъ, безъ сомнѣнія, возрастать съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ появленія такихъ случаевъ, въ коихъ назначеніе постоянныхъ пособій окажется необходимымъ; сверхъ того, Обществомъ выдано уже единовременныхъ пособій на 5,500 руб.; количество ихъ, вѣроятно, и въ послѣдующіе годы будетъ достигать такой же цифры.

Другимъ поводомъ къ отказу въ пособіяхъ служило то, что пособія испрашивались подъ условіемъ возврата, въ видѣ ссудъ. Всѣ подобныя просьбы Комитетъ отклонялъ, считая, что уставъ не разрѣшаетъ выдавать деньги въ ссуду; но иногда, входя въ положеніе такихъ просителей, Комитетъ выдавалъ имъ единовременныя пособія.

Въ двухъ случаяхъ было отказано въ пособіи потому, что произведенія просителей были написаны на иностранныхъ языкахъ, «цѣль же Общества есть вспомоществованіе русскимъ литераторамъ и ученымъ, и, при необширныхъ его средствахъ, оно принуждено было пока ограничивать свои пособія кругомъ писателей собственно русскихъ, трудившихся въ пользу отечественной словесности и издававшихъ свои труды на языкѣ отечественномъ».

Остальныя ходатайства не были уважены потому, что просители были достаточно, по мнѣнію Комитета, обезпечены въ средствахъ къ жизни, или не подходили подъ условія устава, или же просили о такихъ предметахъ (какъ напримѣръ, о помѣщеніи въ печатаемыхъ протоколахъ Общества свѣдѣній объ одной библіотекѣ, съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ въ ея пользу), которые никакого отношенія къ Обществу не имѣли *).

*) Всего въ первый годъ отклонено 32 просьбы 32-хъ лицъ.

Digitized by Google

Между тѣмъ, по поводу печатавшихся въ газетахъ извлеченій изъ журналовъ Комитета и общихъ собраній, нѣкоторыя лица и устно, и письменно выражали членамъ Комитета свое недоумѣніе, почему не публикуются имена лицъ, получающихъ пособія отъ Общества. Въ разъясненіе этого недоумѣнія, Комитетъ призналъ нужнымъ публиковать, «для свѣдѣнія всѣхъ и каждаго, что въ этомъ случаѣ, равно какъ и во всѣхъ другихъ, онъ дѣйствуетъ по точному смыслу устава, въ § 29 котораго значится: въ годовомъ отчетѣ, читаемомъ въ Обществѣ, могутъ быть поименованы лица, получившія пособія на изданіе своихъ литературныхъ или ученыхъ трудовъ, а также молодые люди, которымъ назначено отъ Общества вспомоществованіе для окончанія ихъ образованія. Прочія же лица, получающія пособія, не поименовываются. Параграфъ этотъ введенъ въ уставъ не безъ основанія. Если въ каждомъ образованномъ человѣкѣ значительно развито чувство благородной деликатности, запрещающей не только не напрашиваться на пособіе, но и стыдливо принимать пособіе добровольное, то оно должно быть еще сильнѣе развито въ человѣкѣ, посвятившемъ себя литературѣ или наукѣ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что лица, принявшія помощь отъ Общества, приняли ее только на томъ условіи, что она не будетъ предана гласности; въ противномъ случаѣ, они рѣшительно отказались бы отъ всякой помощи, какъ бы она ни была настоятельна въ ихъ стѣсненномъ положеніи».

Этою публикаціею недовольные тайною именъ не были, повидимому, удовлетворены вполнѣ, потому что и послѣ того, да и нынѣ нерѣдко дѣлались и дѣлаются тѣ же упреки, которые, казалось, публикація должна была совершенно устранить. Для большаго убѣжденія въ правильности своего мнѣнія, Комитетъ сносился даже съ Тэккереемъ, предсѣдателемъ лондонскаго литературнаго фонда, и получилъ отъ него отзывъ, вполнѣ подтверждающій мнѣніе о необходимости сохраненія именъ въ тайнѣ.

Такъ закончилась дѣятельность первоначальнаго состава Комитета, неутомимымъ сотрудникомъ котораго былъ членъ

Digitized by Google

Общества А. С. Энгельгардтъ, раздѣлявшій труды секретаря. Согласно примѣчанію къ § 20 устава, четверо изъ двѣнадцати членовъ Комитета должны были выбыть по жребію и, какъ выразился Е. П. Ковалевскій, жребій не пощадилъ на первый разъ: изъ четырехъ дѣятелей онъ исторгнулъ трехъ должностныхъ лицъ: помощника предсѣдателя К. Д. Кавелина, секретаря А. Д. Галахова и казначея А. А. Краевскаго. Четвертый, выбывшій изъ среды Комитета, былъ А. В. Никитенко. На ихъ мѣсто были предложены Комитетомъ слѣдующіе кандидаты: И. Н. Березинъ, Н. В. Калачевъ, П. М. Ковалевскій, А. Н. Майковъ, Н. А. Некрасовъ, князь В. Ѳ. Одоевскій и А. Ѳ. Писемскій, и въ общемъ собраніи 2-го февраля 1861 года изъ нихъ были выбраны въ члены Комитета Н. В. Калачевъ, И. Н. Березинъ и П. М. Ковалевскій.

II.

1861—1862 годы.

Второй годъ жизни Общества начался при вполнѣ благопріятныхъ условіяхъ. При докладѣ Государю Императору Министромъ Народнаго Просвѣщенія извлеченія изъ отчета Общества за первый годъ, Его Императорское Величество изволилъ благосклонно выслушать его и пожелать Обществу дальнѣйшихъ успѣховъ. Число членовъ, съ выбранными въ первый день новаго года, простиралось уже до 511. Несмотря на значительный расходъ (въ 11,450 руб. 15 коп.), къ 2 февраля 1861 года въ кассѣ было 23,723 руб. 29¼ коп., изъ коихъ 22,000 руб. были обращены въ государственные пятипроцентные билеты. Званіе предсѣдателя Общества, по общей единодушной просьбѣ членовъ Комитета, согласился снова принять на себя, бывшій какъ до того, такъ и послѣ, въ полномъ смыслѣ слова, душою общества, Е. П. Ковалевскій, а помощникомъ его

Digitized by Google

былъ выбранъ А. В. Дружининъ, по мысли котораго, какъ мы видѣли, образовалось самое Общество.

Открывая 2 февраля 1861 г. первое годовое общее собраніе, Е. П. Ковалевскій обратился къ членамъ Общества съ рѣчью, обрисовывающею тогдашнее положеніе дѣлъ: «Отчетъ перваго года»—говорилъ онъ—«надѣюсь, убѣдитъ васъ вполнѣ, что Общество образовалось не вслѣдствіе какихъ либо случайностей или временнаго увлеченія, но было вызвано крайнею потребностію, обусловливалось расширившимся кругомъ литераторовъ. Тѣ, которымъ громкая литературная извѣстность даетъ возможность болѣе, чѣмъ безбѣднаго состоянія, не могутъ себѣ представить, въ какомъ положеніи находится меньшая ихъ братія, эти труженики второстепенныхъ и мелкихъ журналовъ, и съ какими усиліями зарабатывается ими скудная плата. Мы видѣли между ними нищету потрясающую. Одинъ изъ нашихъ сочленовъ, которому пришлось посѣтить просившаго о вспомоществованіи, нашелъ его помѣщающимся, съ женою и семилѣтнею дочерью, въ чуланѣ, на лѣстницѣ, гдѣ прежде складывались дрова. За эту квартиру онъ платилъ три рубля. Если прибавить, что наскоро поставленная печь не нагрѣвала чулана и до 7 градусовъ, и что это семейство цѣлый годъ не употребляло мясной пищи, то это еще малѣйшія лишенія, которымъ оно подвергалось. Можетъ быть, нѣкоторые возразятъ: какимъ образомъ человѣкъ развитой, болѣе или менѣе образованный, можетъ у насъ, на Руси, дойти до такого состоянія? Не спѣшите осуждать его; процессъ обнищанія совершается очень естественно и довольно быстро: достаточно заболѣть главѣ семейства, жившаго изо дня въ день. Невозможность работать лишаетъ послѣднихъ средствъ; продается все, что̀ можно продать—мѣбель, самая одежда; потомъ семейство живетъ, нѣсколько времени, въ долгъ; наконецъ, истощается кредитъ, и тогда начинается самое отчаянное положеніе. Протяните этому страдальцу руку помощи во̀-время, дайте возможность оправиться отъ болѣзни, и онъ спасенъ изъ того безвыходнаго

Digitized by Google

положенія, которое, большею частью, низвергаетъ его въ могилу.

«Убѣжденные опытомъ въ пользѣ, скажу болѣе — въ необходимости существованія Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, мы, вмѣстѣ съ этимъ, убѣждены теперь и въ общемъ къ нему сочувствіи. Мы боимся однако сознаться, что легче возбудить сочувствіе, чѣмъ поддерживать его въ одинаковой степени. Это сознаніе пугаетъ насъ. Каково бы было положеніе людей, уже обезпеченныхъ нами въ своемъ безбѣдномъ состояніи, уже увѣренныхъ, что они доживутъ немногіе оставшіеся имъ годы подъ кровомъ Общества, благословляя тѣхъ, кто первый возымѣлъ мысль объ его образованіи — каково было бы положеніе этихъ людей, еслибы они, за недостаткомъ средствъ Общества, очутились вдругъ среди прежней нищеты и всевозможныхъ лишеній! Но будемъ надѣяться, что эти опасенія напрасны, что дѣятели науки и литературы — и къ нимъ то мы особенно обращаемся — что они, съ такимъ постоянствомъ трудящіеся для пользы общественной, съ такимъ самоотверженіемъ стремящіеся къ избранной ими цѣли, и въ этомъ случаѣ покажутъ благородный примѣръ и употребятъ всѣ соединенныя усилія, чтобы поддержать Общество, которое въ первый годъ своего существованія принесло уже такіе благіе плоды».

Подобныя же надежды были высказаны и секретаремъ, въ представленномъ собранію отчетѣ. «Нѣтъ сомнѣнія — объяснялъ онъ — что сочувствіе публики къ цѣли Общества было актомъ твердаго сознанія въ его необходимости и пользѣ, а не горячимъ только порывомъ, зависѣвшимъ отъ вліянія моды и новизны. И нѣтъ причины, почему бы образованные люди могли охладѣть къ тому, что̀ при началѣ было встрѣчено ими съ такимъ радушнымъ участіемъ. Развѣ судьба литераторовъ измѣнилась кореннымъ образомъ къ лучшему? Развѣ литература потеряла свое значеніе? Еще долго положеніе литераторовъ и ихъ семействъ не будетъ достаточно обезпечено, еще долго печаль-

Digitized by Google

нымъ девизомъ ихъ существованія будутъ слова: «работы и хлѣба».

Но, высказывая свои сердечныя желанія, Комитетъ продолжалъ трезво смотрѣть на дѣло. Доказательствомъ этому служитъ сдѣланное въ томъ же собраніи заявленіе, что, озабочиваясь вѣрнымъ обезпеченіемъ назначенныхъ пенсій, какъ предметомъ первой важности и для лицъ, получающихъ пенсіи, и для самого Общества, если оно намѣрено упрочить свое существованіе и заслужить общее довѣріе, Комитетъ положилъ руководствоваться, на будущее время, слѣдующими соображеніями: на покрытіе ежегодной выдачи пятнадцати постоянныхъ пособій, въ размѣрѣ 3,510 руб., употреблять постоянные же доходы, а именно: ежегодно получаемые отъ Государя Императора и Августѣйшей фамиліи 1,700 р., проценты съ капитала въ 22 т. р.—1,100 р. и ежегодные вносы членовъ: П. П. Демидова (500 р.), Я. Я. Фейгина (300 р.) и Н. А. Новосельскаго (150 р.). Затѣмъ, изъ всего прочаго дохода одну часть употреблять для приращенія капитала, обмѣнивая ее на билеты кредитныхъ учрежденій, а другую расходовать на пособія, соразмѣряя количество и размѣръ послѣднихъ съ ея цифрою.

Такая разсчетливость Комитета, какъ увидимъ дальше, не осталась безъ плодотворныхъ результатовъ. Ревизіонная Коммиссія *), выбранная для разсмотрѣнія отчета за первый годъ, не только не возразила противъ такого направленія Комитета, но даже, признавъ, что, какъ при назначеніи пособій, такъ и при опредѣленіи самаго размѣра ихъ, общимъ характеромъ дѣйствій Комитета было чувство строгой справедливости, замѣтила, что одно изъ единовременныхъ пособій (въ 300 р.) могло бы, по даннымъ, бывшимъ въ виду коммиссіи, не быть назначено.

Вообще, отдавая справедливость заботамъ Комитета, ревизіонная коммиссія вполнѣ добросовѣстно исполнила свою за-

*) Коммиссія была составлена изъ В. Г. Бенедиктова, И. И. Панаева, В. П. Безобразова, Б. И. Утина, А. Н. Пыпина и Н. И. Костомарова.

тип. А. С. Суворина.

Digitized by Google

дачу и послужила примѣромъ для послѣдующихъ коммиссій этого рода. Выразивъ желаніе, чтобы для возобновленія пособій нѣкоторымъ лицамъ, въ особенности нуждающимся, Комитетъ, не ожидая новыхъ съ ихъ стороны ходатайствъ, самъ освѣдомлялся объ ихъ положеніи, коммиссія предложила принять на будущее время слѣдующія мѣры: имѣть корреспондентовъ въ большихъ и, если возможно, во всѣхъ губернскихъ городахъ; стараться о бо́льшемъ разнообразіи чтеній и бесѣдъ; вносить въ протоколы засѣданій Комитета всѣ просьбы, на которыя просители получили отказъ, съ объясненіемъ вкратцѣ причинъ; нѣкоторое формальное противорѣчіе въ §§ 20 и 44 устава понимать въ томъ смыслѣ, что новые члены Комитета должны быть баллотируемы лишь послѣ окончательнаго представленія отчета ревизіонной коммиссіи общему собранію *); упростить счетоводство, которое усложнялось чрезъ веденіе счетовъ, какъ казначеемъ, такъ и предсѣдателемъ, и при примѣненіи § 16 устава, по возможности, облегчать для литераторовъ и ученыхъ доступъ въ среду Общества.

Это заключеніе коммиссіи было прочтено въ общемъ собраніи 26-го марта 1861 г., причемъ Комитетъ заявилъ, что нѣкоторыя изъ предположеній коммиссіи приняты имъ къ исполненію **); что же касается разнообразія устроиваемыхъ чте-

*) Замѣчаніе это было вызвано тѣмъ, что первая ревизіонная коммиссія была выбрана 2-го февраля 1861 г., т. е. въ тотъ же день, когда происходили выборы новыхъ членовъ Комитета, и такимъ образомъ коммиссія не имѣла возможности представить свой отчетъ передъ обновленіемъ Комитета, а затѣмъ не могло имѣть примѣненія и правило § 44 устава, по которому, если ревизіонная коммиссія признаетъ дѣйствія Комитета несоотвѣтствующими цѣли Общества, то заявляетъ объ этомъ общему собранію, которое въ такомъ случаѣ можетъ, при избраніи новыхъ членовъ Комитета, не ограничиваться выборомъ оныхъ изъ кандидатовъ, предложенныхъ Комитетомъ.

**) Комитетъ воспользовался замѣчаніемъ о пріисканіи корреспондентовъ въ провинціи при первомъ представившемся случаѣ. 23-го апрѣля, въ виду отъѣзда секретаря П. В. Анненкова въ Симбирскую губернію, ему было поручено устройство агентства въ Симбирскѣ и вообще привлеченіе ученыхъ и литераторовъ приволжскаго края къ дѣйствію и участію въ обществѣ. Возвра-

Digitized by Google

ній и бесѣдъ, то достиженіе этого не столько зависитъ отъ желанія и стараній Комитета, сколько отъ участія и содѣйствія самихъ литераторовъ. Замѣчаніе о противорѣчіи между §§ 20 и 44 устава вполнѣ справедливо; но чтобы не утруждать просьбою о частномъ измѣненіи этихъ параграфовъ, Комитетъ полагалъ возможнымъ, чтобы на будущее время члены ревизіонной коммиссіи были избираемы въ общемъ собраніи, предшествующемъ годовому, и такимъ образомъ, въ этомъ послѣднемъ собраніи могло бы быть прочитано заключеніе коммиссіи. Наконецъ, относительно замѣчанія по § 16, Комитетъ не предвидѣлъ возможности допустить въ образѣ исполненія этого параграфа какое-либо измѣненіе противъ принятаго порядка, какъ въ виду ясности изложенія самого правила, такъ и потому, что, при баллотировкѣ кандидатовъ въ члены Общества, члены Комитета подаютъ голоса закрытыми записками.

Между тѣмъ Комитетъ, въ обновленномъ своемъ составѣ, продолжалъ дѣло. Секретаремъ былъ выбранъ П. М. Ковалевскій, который однако уже 10-го марта отказался отъ этого званія. Тогда на его мѣсто былъ избранъ П. В. Анненковъ, дѣятельнымъ помощникомъ котораго въ теченіи 1861 г. снова былъ А. С. Энгельгардтъ.

Хотя доходы Общества въ новомъ году сократились болѣе, чѣмъ на половину противъ прежняго *), вслѣдствіе ли, какъ было замѣчено, охлажденія того перваго порыва, который публика выказываетъ къ каждому новому дѣлу, или увлеченія ея со-

---

тясь изъ поѣздки, П. В. Анненковъ доложилъ, что агентомъ въ Симбирскѣ соглашается быть М. М. Синцовъ, который и былъ утвержденъ въ этомъ званіи, а вскорѣ послѣ того агентами въ Саратовѣ были признаны Н. А. Мордвиновъ и Е. А. Бѣловъ.

*) Всего поступило лишь 15,209 р. 17 3/4 к.; въ томъ числѣ отъ Государя Императора и членовъ Императорской Фамиліи 1,900 р.; вносовъ членовъ 5,914 р.; процентовъ съ капитала 1,191 р. 35 к.; отъ продажи книгъ общества 71 р. 20 к.; процентовъ съ жалованья, гонорара и пр. 979 р. 3 1/4 к.; разныхъ доходовъ и пожертвованій 1,664 р. 47 к.; съ литературныхъ вечеровъ и проч. 3,488 р. 81 к.

Digitized by Google

чувствія къ положенію, которымъ застигнуто было въ то время воспитывающееся юношество и къ возникавшимъ повсюду воскреснымъ школамъ, по причинѣ ли общей недостаточности денегъ или, быть можетъ — какъ выразился Е. П. Ковалевскій— по неумѣнію Комитета извлекать какъ можно болѣе денегъ изъ публики при тогдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, но это не помѣшало Обществу израсходовать на пособія почти столько же, сколько и въ первый годъ, именно 11,304 р. 34 к. Къ прежнимъ пенсіямъ прибавились двѣ новыя: одна, въ 150 р., родной сестрѣ покойнаго писателя, и другая въ 100 р. проживавшей въ провинціи въ безвѣстности и нищетѣ вдовѣ археолога. Двѣ пенсіонерки умерли, и производившаяся одной изъ нихъ пенсія была перенесена на сына ея, больнаго отъ рожденія и лишеннаго всякой возможности трудиться. Третія пенсіонерка, по случаю умопомѣшательства, была помѣщена въ больницу и, за обезпеченіемъ ея существованія, назначенная ей пенсія была упразднена. Всего же на пенсіи 17 лицамъ въ 1861—1862 г. было израсходовано 3,609 р. 34 к. Впрочемъ Комитетъ тогда же положилъ себѣ за правило приступать къ назначенію пенсіоновъ съ крайнею осторожностію, такъ какъ они, во-первыхъ, представляютъ высшую степень вспомоществованія за литературныя и ученыя заслуги, а вовторыхъ, падаютъ преимущественно на основной капиталъ Общества.

Молодому писателю, находившемуся въ больницѣ въ самомъ бѣдственномъ положеніи, назначено было, впредь до его выздоровленія, по 40 р. въ мѣсяцъ. Пятидесяти лицамъ были выданы единовременныя пособія на сумму 5,705 р. Минимумъ этого рода пособій былъ 25 р., и назначенія эти премущественно выпадали на долю тѣхъ лицъ, которыя нуждались въ первыхъ необходимыхъ пособіяхъ для своего образованія, а также писателей, неимѣвшихъ важныхъ заслугъ, но трудившихся добросовѣстно и застигнутыхъ дороговизною и суровостью зимы. Самую же большую денежную выдачу, именно 1,000 рублей, получило семейство одного извѣстнаго писателя, для воз-

Digitized by Google

вращенія на родину и въ видахъ предоставленія возможности дать приличное воспитаніе двумъ малолѣтнимъ его членамъ. Часть израсходованной Комитетомъ суммы обращена была на пособія 19 вдовамъ и семействамъ литераторовъ и ученыхъ, давно сошедшихъ съ поприща. При назначеніи этихъ пособій Комитетъ, конечно, не могъ основываться на однѣхъ литературныхъ, вообще не очень блестящихъ, заслугахъ лицъ, во имя которыхъ требовалось пособіе, но скорѣе принималъ въ соображеніе обстоятельства, удручавшія семейства полузабытыхъ писателей, изъ которыхъ многіе дѣйствовали въ началѣ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, а нѣкоторые даже около 1812 года. Затѣмъ, писательницѣ, съ именемъ которой читающая публика была давно знакома и которую болѣзнь и литературные труды лишили здоровья, выдано было пособіе въ 350 р. Слѣдующая за нею, по величинѣ, сумма (300 р.) выдана была тоже женщинѣ, супругѣ поэта, пользовавшагося большою извѣстностью, для поддержанія средствъ ея семейства.

Хотя Комитетъ, при назначеніи пособій и при опредѣленіи ихъ размѣровъ, постоянно руководился предварительнымъ изслѣдованіемъ положенія, въ которомъ находился каждый изъ просителей, а затѣмъ обсужденіемъ возможнаго для него пособія, но бывали случаи, когда онъ принужденъ былъ отвѣчать на просьбы предложеніемъ самой незначительной помощи. Случаи эти особенно встрѣчались тогда, когда просители, разстроенные въ дѣлахъ своихъ болѣзнію или удрученные случайною и непредвидѣнною бѣдою, ждали отъ общества, такъ сказать, первой необходимой опоры, для усиленной борьбы съ обстоятельствами и для выхода изъ нихъ. Отказать подобнымъ требованіямъ, ради системы крупныхъ и вполнѣ заслуженныхъ вспомоществованій, значило бы, по убѣжденію Комитета, не понять прямой цѣли Общества, которое назначено поддерживать людей, а не обезпечивать ихъ окончательно, чего оно, конечно, исполнить было бы не въ состояніи. Въ Комитетъ поступали просьбы

Digitized by Google

о доставленіи способовъ къ продолженію курса леченія, просьбы о снабженіи платьемъ и т. п., и онъ старался отвѣчать на всѣ такіе призывы, которые увеличивались со дня на день: знакъ, что люди труда видѣли въ Обществѣ какъ бы законную опеку на черные дни ихъ жизни.

Въ числѣ издержекъ Общества были и два назначенія, по 50 р. каждое, на похороны. Комитетъ заявилъ также желаніе принять на счетъ Общества издержки по погребенію извѣстнаго поэта, скончавшагося въ зданіи Академіи Художествъ, но получилъ увѣдомленіе, «что художники взяли эту честь и обязанность на себя».

Въ томъ же году впервые былъ произведенъ расходъ на воспитаніе: 12 мая было выслано въ Москву А. Н. Аѳанасьеву 100 р., съ тѣмъ, чтобы онъ употребилъ ихъ на приготовленіе сына писателя къ поступленію въ университетъ, а 26 мая положено было вносить въ пансіонъ за трехъ дочерей другаго писателя по 15 р. въ мѣсяцъ, съ іюня по конецъ года.

Говоря о пособіяхъ и лицахъ, которымъ они назначались, нельзя пройти молчаніемъ весьма замѣчательный фактъ: 10 марта Комитетъ выслалъ 300 р. въ единовременное пособіе одному писателю, но онъ возвратилъ эту сумму, объясняя, что полученное имъ мѣсто обезпечиваетъ его содержаніе и не позволяетъ воспользоваться пособіемъ, которое онъ предоставляетъ болѣе нуждающимся собратамъ по литературѣ. Подобный же случай былъ и въ предъидущемъ году: одинъ литераторъ тоже отказался отъ пособія въ 300 р., имѣя въ виду обѣщанное ему мѣсто.

Независимо отъ пособій писателямъ и ихъ семействамъ, силою обстоятельствъ Комитетъ вынужденъ былъ воспользоваться правиломъ § 5 устава и придти на помощь молодымъ людямъ изъ среды учащихся. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ поступили уже просьбы двухъ студентовъ С.-Петербургскаго университета о пособіи. Переславъ эти просьбы «на разсмотрѣніе и опредѣленіе» профессоровъ К. Д. Кавелина, И. Н. Березина и Б. И. Утина, Ко-

Digitized by Google

митетъ положилъ поступать и впредь такимъ же образомъ со всѣми просьбами о вспомоществованіи студентамъ, такъ какъ лучшаго и вѣрнѣйшаго способа для опредѣленія ихъ нравственнаго и матеріальнаго положенія Комитетъ не могъ имѣть, а при многочисленности нуждавшихся авторовъ изъ числа студентовъ и скудости средствъ Общества, самая строгая оцѣнка ихъ требованій была необходима. Затѣмъ, въ октябрѣ, войдя, по собственному почину, въ обсужденіе вопроса о необходимости оказать пособіе многимъ молодымъ людямъ на продолженіе ихъ образованія, Комитетъ назначилъ 500 р. для пособія тѣмъ изъ нихъ, которые, по опредѣленію указаннаго выше профессорскаго комитета, были выбраны, какъ лица, требующія немедленнаго вспомоществованія. Наконецъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, по предложенію предсѣдателя и въ распоряженіе его отпущено было на тотъ же предметъ еще 1,000 р. Комиссія, распредѣлявшая эти деньги, дѣйствовала при участіи самихъ молодыхъ людей, какъ наиболѣе заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, и выдала 1,350 р. Число получившихъ пособія изъ этой суммы трудно опредѣлить теперь, за разбросанностію въ дѣлахъ того времени росписокъ и счетовъ. Изъ хранящагося же въ дѣлѣ списка пособій на 1,150 р. видно, что они были выданы 57 лицамъ, въ размѣрѣ отъ 5 до 60 рублей. Впрочемъ, судя по представленному министру народнаго просвѣщенія отчету за 1861 г., всѣ тѣ молодые люди, на которыхъ было истрачено 1,350 р., считались за одно юридическое лицо.

Были оказаны и такъ называемыя неденежныя пособія. Комитетъ ходатайствовалъ о доставленіи тремъ лицамъ мѣстъ на службѣ и препроводилъ въ редакцію одного журнала, для напечатанія, рукопись литератора.

Не было недостатка и въ отказахъ (всего 46 лицамъ по 48 просьбамъ), и такъ какъ по требованію ревизіонной коммиссіи отказы эти были мотивированы, то мы и приведемъ нѣсколько рѣшеній Комитета объ отклоненіи просьбъ, чтобы можно было судить о направленіи Комитета въ это время и о самомъ ха-

Digitized by Google

рактерѣ ходатайствъ или предложеній. 13 февраля было отказано одному лицу въ пособіи потому, что проситель получилъ уже значительное вспомоществованіе, не заслуживъ никакими новыми литературными трудами права на вторичное пособіе, а другому лицу въ ссудѣ, такъ какъ уставомъ ссуды не разрѣшены (но вмѣстѣ съ тѣмъ этому лицу была выдана просимая имъ сумма «съ правомъ возврата, въ качествѣ пожертвованія»). 24-го февраля отклонено ходатайство одной дамы, такъ какъ труды ея по составленію текста журнала модъ и вырѣзыванію на мѣди и камнѣ картинокъ и узоровъ не принадлежали къ числу тѣхъ, которые, на основаніи устава, даютъ право на пособіе. 18 марта не принято предложеніе одного лица о розыгрышѣ въ лотерею его села, такъ какъ сложныхъ и рискованныхъ спекуляцій Общество принимать на себя не можетъ. 4 августа не выдано пособія первой женѣ одного писателя, потому что она, какъ разведенная жена, не можетъ пользоваться правами мужа. 6-го ноября устранены просьбы трехъ писателей о новой выдачѣ пособій, такъ какъ повтореніе выдачъ равнялось бы назначенію просителямъ пенсіона, и одного лица потому, что стѣсненное положеніе его произошло не вполнѣ отъ той причины, на которую онъ указывалъ, и поправленіе его обстоятельствъ большею частію зависѣло отъ него самого. 28 ноября не дано разрѣшенія одному издателю собирать подписку на его изданіе «во имя неимущихъ студентовъ», потому что Общество не имѣетъ никакого права дозволять подписки на предпріятіе, въ которомъ само не участвуетъ. 17 января отказано сотруднику газеты въ содѣйствіи къ полученію слѣдовавшаго ему гонорара, на томъ основаніи, что Комитетъ не можетъ принять на себя званіе коммиссіонера и адвоката по частнымъ дѣламъ авторовъ между собою. Не было дано движенія и заявленію корреспондента одной газеты о необходимости, для усиленія средствъ Общества, обратиться съ просьбами къ извѣстнымъ капиталистамъ. Наконецъ, принявъ пожертвованные г. Шнеуромъ 1,000 экземпляровъ его брошюры, на оберткѣ

Digitized by Google

которой была помѣщена надпись: «Въ пользу литературнаго фонда», Комитетъ заявилъ въ печатномъ протоколѣ своего засѣданія, что, во избѣжаніе могущихъ быть спекуляцій во имя Общества, оно рѣшилось предварительно объявлять въ газетахъ о тѣхъ книгахъ и брошюрахъ, которымъ расположено дать свое матеріальное или нравственное пособіе; касательно же всѣхъ другихъ, ему посвящаемыхъ, какія бы онѣ печатныя приписки ни носили на себѣ, оно никакой отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Между тѣмъ, какъ ни была почтенна дѣятельность Комитета, про него начали распространяться неблагопріятные слухи и притомъ такого рода, что — по выраженію одного члена Общества — они могли подорвать довѣріе къ передовымъ людямъ времени и разочаровать общество. «Не имѣя духа передать эти голословныя обвиненія» — писалъ этотъ членъ Общества въ февралѣ мѣсяцѣ — «скажу вамъ только: больше и больше гласности въ дѣлахъ Общества и меньше деспотизма, въ которомъ васъ дѣйствительно можно упрекнуть; а онъ вѣчный источникъ недовѣрія».

Упрекъ въ недостаточности гласности въ дѣйствіяхъ Общества былъ высказанъ и въ присланномъ въ Комитетъ, въ концѣ года, заявленіи нѣсколькихъ литераторовъ и членовъ Общества, требовавшихъ публичнаго извѣщенія со стороны Комитета о ходѣ дѣлъ Общества, о мѣрахъ, какія онъ думаетъ принять для усиленія своихъ средствъ и своей дѣятельности. «Такъ какъ Комитетъ» — сказано было въ этомъ заявленіи — «прекратилъ съ нѣкотораго времени печатаніе отчетовъ о своихъ засѣданіяхъ, то многіе изъ членовъ Общества находятся въ совершенномъ невѣдѣніи о ходѣ его дѣлъ; между тѣмъ нѣкоторыя обстоятельства заставляютъ предполагать, что расходы Общества будутъ постоянно увеличиваться». Отвѣчать на этотъ запросъ было положено въ ближайшемъ публичномъ засѣданіи Общества, и въ общемъ собраніи 29 октября, независимо отъ обстоятельнаго отчета секретаря о дѣйствіяхъ Комитета, по предло-

Digitized by Google

женію предсѣдателя были обсужены тѣ мѣры, которыя Комитетъ намѣренъ былъ принять для увеличенія денежныхъ средствъ въ наступавшую зиму.

Въ своемъ отчетѣ секретарь коснулся и язвы, изнурившей и изнуряющей организмъ многихъ благотворительныхъ и иныхъ обществъ, и ядомъ которой роковымъ образомъ заразилось и Общество литературнаго фонда. Язва эта — уклоненіе членовъ Общества отъ платежа ихъ вносовъ. Въ сентябрѣ 1860 г. уже числилось до 90 членовъ, несдѣлавшихъ своихъ первыхъ вносовъ, и хотя тогда же въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано приглашеніе уплатить слѣдовавшія Обществу съ членовъ его суммы, но ровно черезъ годъ послѣ того, обсуждая вопросъ: какія мѣры предпринять, чтобы имѣть возможность удовлетворять всѣхъ лицъ, имѣющихъ право на пособіе отъ Общества, число коихъ ежедневно умножалось, а пожертвованій поступало въ гораздо меньшемъ противъ прежняго количествѣ, не говоря уже о томъ, что многіе изъ членовъ не произвели еще обѣщанныхъ ими вносовъ, Комитетъ вынужденъ былъ вновь сдѣлать публикацію, которою приглашалъ членовъ Общества «къ возможно скорѣйшему исполненію §§ 3 и 4 устава, полагающихъ означенный вносъ денегъ обязанностью члена». Несмотря на то, что, вслѣдствіе этой публикаціи, движеніе запоздалыхъ вносовъ значительно усилилось, въ началѣ 1862 г. изъ числа 580 членовъ*) болѣе 200 не внесли опредѣленнаго ими вклада за прошлый годъ, а 47 вовсе не вносили его со дня основанія Общества. Также точно и обязанность, принятая на себя нѣкоторыми книгопродавцами-членами Общества и нѣкоторыми издателями, вносить извѣстный процентъ съ проданныхъ книгъ и съ подписныхъ суммъ, далеко не дала тѣхъ результатовъ, какихъ можно было ожидать отъ нея. Въ большинствѣ случаевъ она даже вовсе не исполнялась. Самыя общія собранія посѣщались членами мало

*) Въ 1861—62 г. было выбрано 127 новыхъ членовъ.

Digitized by Google

и неохотно. Охлажденіе къ дѣламъ Общества въ особенности замѣчалось въ Петербургѣ: въ то время, какъ Москва и губерніи, по прежнему, присылали свои посильныя пожертвованія, въ Петербургѣ такое участіе обнаруживалось весьма слабо. По мнѣнію ревизіонной коммиссіи *), въ числѣ причинъ такого явленія было особенное обстоятельство, скрывающееся въ самой организаціи Общества. Приходя на помощь затруднительному положенію, часто страшной нуждѣ, Общество не могло не щадить щекотливости лицъ, которыхъ таланты, развитіе и потребности находились въ противорѣчіи съ ихъ матеріальными средствами. Отсюда тайна, въ которую, по необходимости, облечены были дѣйствія Комитета; но отсюда же и огромная его власть, полномочіе, почти безусловное, которыя такъ существенно отличали его отъ распорядительныхъ учрежденій всѣхъ прочихъ Обществъ, и при всеобщемъ стремленіи къ контролю распорядительной власти, преимущественно посредствомъ полной гласности ея дѣйствій, естественно, не могли нравиться большинству публики и не возбуждать ея подозрительности или, по крайней мѣрѣ, равнодушія и холодности. При такомъ настроеніи, публика даже обижалась, когда встрѣчалась съ тайною, которая ей такъ не по̀ сердцу. «Я плачу деньги», такъ разсуждали многіе, «а между тѣмъ мнѣ не позволено даже знать, на что онѣ употребляются». Положеніе выходило крайне трудное. Общество не могло ступить на путь полной гласности, а между тѣмъ въ отсутствіи гласности и скрывалась одна изъ причинъ, сознательно или безсознательно питающихъ равнодушіе и холодность публики и даже членовъ Общества къ дѣятельности Комитета. Рядомъ съ тѣмъ, организація Общества, обусловленная его цѣлью, ставила Комитетъ въ исключительное положеніе, невольно, силою вещей, изолировала его отъ Об-

*) Въ составъ ея, 21 января 1862 г., были выбраны: К. Д. Кавелинъ, Б. И. Утинъ, К. Г. Андреевскій, А. Д. Галаховъ, А. А. Краевскій и А. Н. Островскій.

Digitized by Google

щества и тѣмъ предрасполагала къ разъединенію и разобщенію распорядительной власти отъ общаго собранія и публики. Всѣ эти обстоятельства могли имѣть весьма неблагопріятное вліяніе на дальнѣйшее развитіе Общества и даже компрометировать его существованіе.

Съ цѣлію помочь злу, ревизіонная коммисія предложила устроивать литературныя чтенія, публичныя лекціи, спектакли и т. п. по возможности чаще; но такъ какъ члены Комитета и безъ того приносили значительныя пожертвованія въ пользу Общества и временемъ, и трудами, то, чтобы не обременять ихъ, представлялось полезнымъ поручать устройство концертовъ, чтеній и т. п. особымъ коммисіямъ изъ членовъ Общества, а также дѣлать вызовы на такія предпріятія въ общихъ собраніяхъ или черезъ газеты. Такое участіе членовъ въ дѣлахъ Общества было бы и средствомъ для поддержанія сношеній ихъ съ Комитетомъ. Для возможнаго же обезпеченія исправнаго вноса годовыхъ платежей членами, считалось необходимымъ отъ времени до времени напоминать объ этомъ особыми публикаціями, не называя именъ, съ указаніемъ на § 19 устава, въ силу котораго членъ Общества, два года невнесшій слѣдующихъ съ него денегъ, считается сложившимъ съ себя это званіе. Коммиссія предложила также разослать всѣмъ предложившимъ кандидатовъ въ члены списки предложенныхъ ими лицъ, невнесшихъ годовыхъ платежей, съ просьбою напомнить имъ объ этомъ. Притомъ, такъ какъ многіе не внесли денегъ потому только, что не знали, къ кому и куда обратиться, то означать въ концѣ протоколовъ Комитета или печатать особо, хоть разъ въ мѣсяцъ: кто предсѣдатель и казначей Общества, гдѣ живутъ, и въ какіе дни и часы принимаютъ къ себѣ по дѣламъ Общества. Мѣры эти, безъ сомнѣнія, принесли бы свою пользу, потому что очень многіе не дѣлали вносовъ единственно по разсѣянности, забывчивости и незнанію, къ кому обратиться. Что касается до равнодушныхъ, то число ихъ могло бы значительно уменьшиться, еслибы удалось оживить общія собранія, сбли-

Digitized by Google

зить членовъ Общества съ Комитетомъ и привлечь ихъ къ участію въ дѣлахъ Общества.

Для достиженія этой послѣднейцѣли, по мнѣнію коммиссіи, слѣдовало бы, не ограничиваясь въ общихъ собраніяхъ одною баллотировкою и чтеніемъ выписокъ изъ протоколовъ, возбуждать и вызывать пренія по спорнымъ общимъ вопросамъ, возникающимъ въ Комитетѣ. Когда одинъ или нѣсколько членовъ потребуютъ отъ Комитета объясненій, то представлять ихъ въ общихъ же собраніяхъ, приглашая присутствующихъ выразить и ихъ мысли. Вызывать членовъ Общества, и словесно, и посредствомъ печати, заявлять свое неудовольствіе на сдѣланныя распоряженія, а также помогать Комитету сообщеніемъ своихъ мыслей и предложеній обо всемъ, что̀, по ихъ мнѣнію, могло бы быть полезно для Общества. Всѣ такого рода заявленія обсуждать въ общихъ собраніяхъ, которыя созывать, когда это потребуютъ не менѣе 20 членовъ, и представлять имъ всѣ нужныя свѣдѣнія и объясненія. Всѣ предложенія, отзывы и разсужденія предавать самой широкой гласности, протоколы печатать каждый отдѣльно, чтобы чаще напоминать публикѣ о дѣятельности Общества, приглашать редакторовъ газетъ и журналовъ помѣщать въ своихъ изданіяхъ статьи объ Обществѣ, въ какомъ бы духѣ и направленіи онѣ ни были составлены, и предложить одному изъ членовъ составить подробное и безпристрастное обозрѣніе двухлѣтней дѣятельности Общества.

Коммиссія была убѣждена, что такими и подобными мѣрами вызвалось бы, мало по малу, живое и энергическое содѣйствіе членовъ Общества трудамъ Комитета; чрезъ что дѣятельность послѣдняго значительно бы облегчилась; живыя пренія въ общихъ собраніяхъ возбудили бы любопытство и интересъ членовъ, и общія собранія стали бы оттого живѣе и многочисленнѣе, а интересъ къ дѣламъ Общества далъ бы послѣднему возможность расширить свои матеріальныя средства, упрочить дѣятельность и занять то мѣсто между литераторами и учеными, которое принадлежало ему по праву.

Digitized by Google

Комитетъ Общества, соглашаясь съ замѣчаніемъ коммиссіи, что онъ находится въ уединенномъ положеніи, опираясь единственно на собственныя свои силы, которыя оказывались недостаточными, заявилъ общему собранію, что, для удаленія преградъ, устраняющихъ его отъ Общества и для сближенія ихъ другъ съ другомъ, можно было бы принять предлагаемыя коммиссіею мѣры, если бы только вмѣстѣ съ ними не была снята съ Комитета отвѣтственность и перенесена на Общество, за которое укрылись бы такимъ образомъ многія изъ его распоряженій; упоминаемыхъ же коммиссіею правъ членовъ не нужно было создавать вновь: они существовали съ самаго основанія Общества, несомнѣнно принадлежа каждому члену, и никогда никѣмъ не были оспориваемы. При полномъ, однако, осуществленіи указаній коммиссіи, необходимо было бы условиться въ томъ, что право назначать пособія и отказывать въ нихъ должно оставаться за однимъ Комитетомъ, безъ всякаго раздѣленія этого права съ Обществомъ или съ отдѣльными его членами. Каждое назначеніе денежной выдачи и преимущественно каждый отказъ въ назначеніи, помимо ихъ внутренняго достоинства и степени ихъ справедливости, способны были бы еще возбуждать ропотъ, или неудовольствіе, по поводу надеждъ, или не вполнѣ удовлетворенныхъ, или окончательно обманутыхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы всѣ обманувшіеся въ ожиданіяхъ получили легкій и удобный случай перенести дѣло свое въ общее собраніе и найти тамъ жаркихъ представителей, то роль Комитета совершенно измѣнилась бы. Комитетъ пересталъ бы быть судьею всѣхъ притязаній, выражаемыхъ просителями, которые, наоборотъ, сдѣлались бы судьями и распорядителями Комитета чрезъ посредство Общества. Столь же неудобно было бы ставить Комитетъ въ необходимость соображаться, при распредѣленіи пособій, съ мнѣніями и предпочтеніями литературныхъ круговъ, когда само дѣло требовало полнаго безпристрастія, или заставлять его подчиняться тому оттѣнку большинства, который могъ бы сложиться въ Обществѣ. Въ крайнемъ и

Digitized by Google

лучшемъ случаѣ, Комитетъ, подверженный опасности укора за каждое изъ своихъ назначеній, употреблялъ бы все свое время на опредѣленіе и сохраненіе своего положенія между вліятельными литературными кругами, стараясь выиграть у нихъ ту долю самостоятельности, какая возможна.

Что касается вызова изъ членовъ Общества такого, который пожелалъ бы написать исторію Общества, то созданіе должности исторіографа, по мнѣнію Комитета, было бы безполезно, потому что въ сущности лицо, облеченное ею, должно было бы исполнять прямую работу ревизіонныхъ коммиссій. Если условія короткаго срока, даннаго ревизіи на исполненіе ея обязанностей, не позволяли ей принять на себя этотъ трудъ, то гораздо лучше было бы просить объ учрежденіи третной или полугодовой ревизіонной коммиссіи, которая могла бы отрядить изъ среды своей одного члена для исполненія вышеуказанной задачи. Созданіе же одного самостоятельнаго исторіографа и цензора, въ рукахъ котораго заключалась бы власть творить судъ по своему усмотрѣнію, до такой степени было бы противно духу свободныхъ обществъ, что если бы за такимъ лицомъ находилось и значительное большинство голосовъ при выборѣ, то оно, въ глазахъ многихъ, не пріобрѣло бы отъ этого никакого особеннаго значенія.

Представляя эти соображенія общему собранію, созванному для выслушанія отчета ревизіонной коммиссіи, Комитетъ счелъ своимъ долгомъ войти въ подробное объясненіе по поводу замѣчанія коммиссіи, что въ одномъ случаѣ назначенія пособія въ 300 руб. цифра эта могла бы быть нѣсколько уменьшена. «Вопросъ о величинѣ суммы вспомоществованія» — говорилъ Комитетъ — «есть гораздо болѣе нравственный, чѣмъ матеріальный, и преимущественно зависитъ оттого, на какую сторону обращено было вниманіе при изслѣдованіи правъ на пособіе. Отсюда, каждая выдача можетъ быть поводомъ къ разногласію между опредѣляющимъ ее и его ревизоромъ, потому что и тотъ и другой смотрятъ на предметъ подъ различными углами зрѣ-

Digitized by Google

нія и притомъ въ различныхъ обстоятельствахъ. Первый изъ нихъ неизбѣжно находится подъ вліяніемъ безотлагательнаго требованія жизни, иногда подъ вліяніемъ имени, имѣющаго почетное значеніе въ литературѣ, и всего чаще подъ необходимостію быстраго рѣшенія, неоставляющаго времени на кропотливое изслѣдованіе дѣла. Второй существуетъ въ условіяхъ гораздо болѣе спокойныхъ; онъ приступаетъ къ разбору дѣла уже тогда, когда всѣ живые интересы людей удовлетворены. Съ него снята важная доля отвѣтственности передъ самимъ собою и другими; ему легко приступить къ хладнокровному обсужденію всего того, что рѣшено, такъ сказать, въ пылу и движеніи жизни. При различіи этихъ направленій, они могутъ найти точку своего соприкосновенія только въ единствѣ своихъ цѣлей и въ чувствѣ взаимной довѣренности.

«Съ первыхъ же шаговъ Комитета 1860 г. оказалось возможнымъ строгое исполненіе правила, чтобы пособія выдавались только вполнѣ заслуженнымъ литераторамъ и въ размѣрахъ, какіе потребны для того, чтобы навсегда упрочить благосостояніе ихъ самихъ и ихъ семействъ. Правда, мысль отстранить, по возможности, изъ русскаго общества оскорбительное явленіе, представляемое заслугой, оставленной на бѣдственное существованіе, между тѣмъ какъ всѣ кругомъ пользуются ея матеріальными и нравственными плодами, не была забыта, какъ Комитетомъ 1860 г., такъ и слѣдовавшимъ за нимъ 1861 г. Тому можетъ служить подтвержденіемъ нѣсколько большихъ выдачъ и всѣ вообще пенсіи, изъ которыхъ нѣкоторыя достигаютъ довольно значительныхъ размѣровъ; но преимущественная дѣятельность Комитета обоихъ годовъ увлечена была совсѣмъ въ другую сторону. Съ самого появленія его возникли требованія о помощи, столько же во имя литературныхъ и ученыхъ занятій, сколько и во имя безотлагательной нужды, ненашедшей въ нихъ надежной опоры. Оцѣнивать достоинство и значеніе первыхъ, для того, чтобы по нимъ измѣрять права на пособіе у людей, доведенныхъ, часто, до крайности, пред-

Digitized by Google

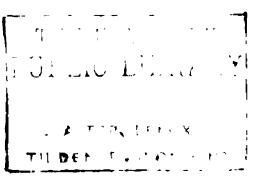

Ег. П. Ковалевскій.

Фототип. Имп. Ак. Худ. В. Штейнъ. Спб. Вознесенскій проспектъ, № 14.

Дозволено цензурою. Спб., 24 октября 1884 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

ставляло, во многихъ случаяхъ, нравственную невозможность, особенно когда дѣло шло о семействахъ, оставленныхъ труженниками, которыхъ вся жизнь была цѣпь лишеній. Одно несомнѣнное присутствіе труда, какую бы цѣнность ни представлялъ онъ самъ по себѣ, сдѣлалось уже главнымъ юридическимъ доводомъ, на основаніи котораго требовались и распредѣлялись пособія. Съ малыми исключеніями, всѣ просьбы о вспомоществованіи имѣли совершенно одинаковый характеръ, отличались одними и тѣми же доводами и даже представляли, въ длинной цѣпи, повтореніе почти однихъ и тѣхъ же несчастій, которымъ можно сдѣлать приблизительный очеркъ въ нѣсколькихъ словахъ: это жизнь, проведенная за умственнымъ трудомъ, слабо оплаченнымъ, и совершенная невозможность промѣнять привычныя занятія на какое-либо другое, болѣе плодотворное дѣло, что̀ и обусловливаетъ безвыходное положеніе лица и семейства. Можно судить двояко объ этомъ явленіи и оправдывать его тѣмъ, что духовное свойство предмета дѣлало оцѣнку его крайне затруднительной, особенно при маломъ развитіи у насъ понятія о стоимости нравственныхъ произведеній вообще; но во всякомъ случаѣ Общество вспомоществованія и Комитетъ его призваны были исправить, по мѣрѣ возможности, ошибку или несправедливость жизни. На этомъ основаніи, въ теченіи двухъ лѣтъ, Комитетъ представлялъ изъ себя нѣчто похожее на особый литературный ломбардъ, куда писатели или ихъ семейства, въ трудныя минуты жизни, предъявляли свое литературное достояніе, съ тою только разницею противъ обыкновенныхъ ломбардовъ, что никакого присвоенія собственности или возврата суммъ тутъ не требовалось, что ни одна дѣйствительная цѣнность, какъ̀ бы мала ни была, не отвергалась, а главное, что пособіе тутъ опредѣлялось только отчасти на основаніи достоинства произведеній, а въ большей мѣрѣ на основаніи той степени нужды, несчастія и бѣдности, какую представлялъ, послѣ тщательной оцѣнки, самъ проситель или его семейство.

тип. А. С. Суворина.

Digitized by Google

«Упомянувъ объ оцѣнкѣ матеріальнаго положенія писателей, необходимо изложить и тѣ правила, которыя также сами собою возникли для Комитета при исполненіи этой, довольно трудной и щекотливой обязанности. Если Комитетъ отстранилъ отъ себя, на сколько было возможно, критическій разборъ и сличеніе произведеній, не находя въ нихъ той степени безспорности для оправданія своихъ назначеній, какую представляетъ очевидная нужда, то при изслѣдованіи степени самой нужды онъ положилъ себѣ за правило удерживаться отъ изысканія причинъ и поводовъ, приведшихъ къ ней лице или семейство. Прежде всего старался онъ удостовѣриться въ несомнѣнномъ присутствіи добросовѣстнаго литературнаго труда въ жизни просителя, а затѣмъ искалъ уже полнаго убѣжденія для себя, что со стороны просителя никогда не было проступковъ противъ обыкновенныхъ правилъ гражданской и политической чести. Оба условія эти служили, такъ сказать, основаніемъ всѣхъ его дальнѣйшихъ распоряженій. Когда можно было получить удовлетворительный отвѣтъ на оба требованія эти, Комитетъ приступалъ къ разбору самихъ домогательствъ просителя и къ удовлетворенію ихъ, вдаваясь только съ крайней осмотрительностію въ опредѣленіе того, на сколько бѣдность, со всѣми ея послѣдствіями, вызвана была оплошностію или промахами самого лица, потому что не чувствовалъ за собою нравственнаго полномочія подвергать чужую жизнь своему произвольному и, можетъ быть, ошибочному суду. Очевидная, признанная крайность положенія заставляла Комитетъ часто позабывать и тѣ упреки, какіе могъ бы онъ основательно сдѣлать лицу, ею удрученному, за неполное употребленіе всѣхъ моральныхъ силъ для устраненія ея.

«Исключая тѣ весьма рѣдкіе случаи, когда Комитетъ приведенъ былъ къ отказу на просьбы, по отсутствію ясныхъ признаковъ или труда, или нравственныхъ основаній въ жизни просителей, все количество отвергнутыхъ имъ прошеній распредѣлялось на два отдѣла. Къ первому изъ нихъ должны быть причислены просьбы, неподходящія подъ уставъ Общества,

Digitized by Google

или несоотвѣтствующія цѣли его учрежденія, а ко второму — и самому бо́льшему, тѣ, которыя свидѣтельствовали, что развитіе нравственныхъ силъ пріостановлено было у просителей надеждой на даровую помощь Общества. Недугъ русской жизни вообще, состоящій въ отсутствіи энергіи и охоты къ самоустройству, повстрѣчался Комитету въ большихъ размѣрахъ. Онъ сказывался не только въ прошеніяхъ тѣхъ бѣдныхъ семействъ, которыя ежегодно возвращались за новымъ пособіемъ, стараясь превратить временную помощь въ постоянную пенсію, не только въ людяхъ, уже пережившихъ года мужества и которымъ, потому, довольно трудно было начать жизнь на новыхъ основаніяхъ, но и въ людяхъ, пользовавшихся лучшимъ возрастомъ для полной и цвѣтущей дѣятельности. За то вездѣ, гдѣ Комитетъ усматривалъ нѣкоторую бодрость духа, нѣкоторыя усилія лица одолѣть препоны къ своему развитію и благосостоянію собственными средствами, онъ старался поддержать такое лице. Многіе обращались къ нему совсѣмъ не за денежными пособіями, а за содѣйствіемъ въ пріисканіи мѣстъ и въ помѣщеніи дѣтей на воспитаніе, считая это, по справедливости, высшей наградой за дѣятельную жизнь. Къ нему обращались также за совѣтами къ облегченію средствъ проявить достоинство и значеніе своихъ занятій и, наконецъ, за согласіемъ принять на себя изданіе многолѣтнихъ трудовъ, остававшихся въ безъизвѣстности, по неимѣнію способовъ къ опубликованію ихъ. Классъ литераторовъ и ученыхъ, съ перваго появленія Комитета, призналъ за нимъ обязанность сдѣлаться посредникомъ между писателями съ одной стороны, администраціей и публикой — съ другой. Онъ усмотрѣлъ въ немъ свое довѣренное лице, поставленное для того, чтобы оцѣнивать по справедливости всѣ законные его интересы и заботиться о правомѣрномъ ихъ удовлетвореніи. Не будучи въ состояніи отвѣчать вполнѣ этому призванію ни посредствомъ общественной кассы, ни по убѣжденію въ своемъ правѣ на представительство такого рода, Комитетъ могъ только въ незначительной степени

Digitized by Google

проявить свою дѣятельность, какъ ходатая за интересы литературнаго сословія, ожидая дальнѣйшаго ея развитія отъ полнаго развитія самихъ матеріальныхъ и нравственныхъ основъ Общества. Еще менѣе возможно было дать какой либо удовлетворительный отвѣтъ на призывъ особеннаго рода. Многіе изъ литераторовъ пришли къ мысли, что на обязанности Комитета лежитъ также и добросовѣстный третейскій судъ при взаимныхъ недоразумѣніяхъ по денежнымъ и личнымъ вопросамъ, какіе могутъ возникнуть между писателями. Мысль эта высказалась просьбами авторовъ къ Комитету о принятіи на себя труда соглашенія съ редакторами нѣкоторыхъ журналовъ по поводу недоплаченнаго или задержаннаго гонорара, жалобами другихъ на самовольное присвоеніе труда и порученіями возстановить попранное право. Легко понять, что, по недостатку полномочія и признаннаго всѣми права, Комитетъ и въ этихъ случаяхъ долженъ былъ ограничиваться тою степенью вліянія, какую соглашалась ему предоставить въ спорѣ отвѣтная сторона.

«Кажется, не было возможности сомнѣваться въ необходимости образовать какія-либо установленія для удовлетворенія означенныхъ двухъ призывовъ. Классъ литераторовъ и ученыхъ не видѣлъ около себя ни одного мѣста, которое бы исключительно занималось его интересами, такъ же точно, какъ, по отсутствію всякаго серьёзнаго суда, онъ лишенъ былъ всѣхъ тѣхъ правъ на защиту своей собственности и своей авторской чести, какими пользуются его собратія въ другихъ странахъ. Комитетъ Общества представляетъ готовый матеріалъ для созданія самостоятельно дѣйствующей агентуры по частнымъ авторскимъ дѣламъ и для образованія мироваго учрежденія, способнаго быть посредникомъ въ отношеніяхъ между писателями. Рано или поздно, Общество было бы призвано серьёзно заняться этими вопросами».

Предсказаніе это отчасти сбылось съ теченіемъ времени, и то, что въ началѣ было высказано только какъ предположеніе, впослѣдствіи осуществилось на самомъ дѣлѣ.

Digitized by Google

17 января 1862 года снова былъ кинутъ, согласно уставу, жребій, кому выходить изъ членовъ Комитета, и снова онъ не далъ пощады: выбылъ Е. П. Ковалевскій. Въ пямять его предсѣдательства и въ знакъ благодарности за оказанныя имъ Обществу услуги, было предположено выставить въ залѣ собраній его портретъ и открыть подписку на учрежденіе пенсіи его имени; но предположеніе это было осуществлено лишь спустя нѣсколько лѣтъ, когда Е. П. Ковалевскаго не было уже въ живыхъ.

Вмѣстѣ съ предсѣдателемъ, оставили Комитетъ П. В. Анненковъ и Е. И. Ламанскій. Кромѣ того, и А. В. Дружининъ отказался, по болѣзни, отъ званія члена Комитета. На ихъ мѣсто въ общемъ собраніи 12 февраля 1862 года были избраны: князь Г. А. Щербатовъ, А. Д. Галаховъ, К. Д. Кавелинъ, В. П. Гаевскій и Н. А. Некрасовъ. Послѣдній былъ выбранъ одними только петербургскими членами, такъ какъ А. В. Дружининъ подалъ просьбу объ увольненіи только наканунѣ собранія и не было времени снестись съ московскими избирателями *). По взаимному соглашенію между членами обновленнаго Комитета, избраны были: князь Щербатовъ предсѣдателемъ, А. П. Заблоцкій помощникомъ предсѣдателя, И. Н. Березинъ казначеемъ и В. П. Гаевскій секретаремъ. По приглашенію Комитета, въ собраніяхъ его продолжалъ присутствовать Е. П. Ковалевскій, и съ 9 мая по 13 сентября, когда собраній этихъ не было, а предсѣдатель и помощникъ его были въ отсутствіи, Ковалевскій завѣдывалъ всѣми дѣлами Общества.

---

*) Въ первые годы, московскимъ членамъ Общества посылались печатные листки съ именами лицъ, предлагавшихся въ члены Комитета, и они возвращали эти листки ко дню годоваго собранія, съ отмѣтками, которому изъ кандидатовъ они дали свои голоса.

Digitized by Google

III.

1862 годъ.

Самымъ крупнымъ событіемъ на третьемъ году жизни Общества было учрежденіе при немъ отдѣленія для пособія бѣднымъ учащимся. Въ концѣ 1861 года нѣсколько молодыхъ людей обратились къ Е. П. Ковалевскому, какъ предсѣдателю Общества, съ просьбою исходатайствовать дозволеніе учредить при Обществѣ особое отдѣленіе, которое, согласуясь въ своихъ дѣйствіяхъ съ уставомъ Общества, имѣло бы спеціальною цѣлью пособіе нуждающимся учащимся. Основаніемъ этому заявленію послужило то соображеніе, что хотя, по своему уставу, Общество и призвано помогать молодымъ людямъ, выказавшимъ несомнѣнную даровитость и призваніе къ ученой или литературной дѣятельности, но неимѣющимъ средствъ къ довершенію своего образованія, однако оно, при многообразныхъ своихъ цѣляхъ, не можетъ обратить своей дѣятельности, даже по самой недостаточности средствъ, на множество лицъ, бѣдственное матеріальное положеніе которыхъ не позволяетъ имъ или начать, или продолжать свое образованіе. Между тѣмъ, благодаря дѣятельности благотворителей, стали накопляться денежныя суммы, коихъ распредѣленіе между нуждающимися учащимися производилось частными лицами и притомъ домашнимъ порядкомъ и какъ-бы секретно.

По доведеніи объ этомъ предложеніи до свѣдѣнія общаго собранія членовъ Общества, оно нашло его заслуживающимъ вниманія и нисколько ненарушающимъ интересы Общества, и возложило на предсѣдателя ходатайство о дополненіи въ этомъ смыслѣ устава.

Ходатайство это имѣло успѣхъ, причемъ, согласно желанію Общества, предсѣдатель и казначей его, въ силу закона, должны были исполнять тѣ же обязанности и въ отдѣленіи для пособія учащимся; прочія же должностныя лица были выбраны изъ чле-

Digitized by Google

новъ отдѣленія, за исключеніемъ лишь помощника предсѣдателя: на эту должность былъ выбранъ Е. П. Ковалевскій, который затѣмъ и былъ дѣйствительнымъ предсѣдателемъ.

Отдѣленіе Общества просуществовало весьма недолго: 29-го апрѣля 1862 г. состоялось первое собраніе его, а 10-го іюня тогоже года оно было закрыто, съ передачею въ Общество его суммъ. Въ этотъ короткій промежутокъ времени оно успѣло собрать 3,231 р., считая въ томъ числѣ 709 р., переданные изъ бывшей студенческой кассы и присланные министромъ народнаго просвѣщенія 1,000 р. На единовременныя пособія 100 лицамъ и на одежду 30 лицамъ, которыя особенно въ ней нуждались, было израсходовано 2,829 р.; остальная сумма (402 р.) была передана въ Общество, которое вскорѣ затѣмъ отпустило ее на пособія молодымъ людямъ.

Число лицъ, подлежавшихъ попеченію отдѣленія, было такъ велико, сравнительно съ средствами, которыми оно могло располагать, что Комитетъ его долженъ былъ выдавать многимъ по 5 р., чтобы избавить ихъ отъ голода. Высшій размѣръ пособій былъ 30 р., и только два раза цифра эта была превзойдена: одному трудноболѣному было выдано 150 р. для поѣздки на кумысное леченіе, и другому 60 р. для выѣзда изъ Петербурга.

Учрежденіе при Обществѣ названнаго отдѣленія имѣло для самого Общества то печальное послѣдствіе, что часть публики, подъ вліяніемъ тогдашнихъ происшествій, отвернулась отъ Общества или стала смотрѣть на него косо, а за публикою недовольство сказалось и въ самихъ членахъ Общества. Нѣкоторые начали оставлять его, хотя и безъ формальнаго заявленія о своемъ нежеланіи принимать въ немъ участіе; одинъ только прислалъ такое заявленіе, да и то вслѣдствіе непринятія предложенія его устроить публичное чтеніе его романа. Въ теченіи цѣлаго года вновь вступили въ число членовъ Общества лишь 33 лица, и къ концу года, недоимка членскихъ вносовъ была такъ велика, что считая только по 10 р. на члена, ея числилось 7,900 р., въ томъ числѣ 875 р. за 55-ю учредителями. Какъ

Digitized by Google

Комитетъ ни старался о взысканіи недоимки, сколько ни напоминалъ о ней и самимъ членамъ чрезъ публикаціи, и предложившимъ ихъ Обществу — ничто не помогало. Оставалось примѣнять правило § 19 устава, по которому членъ Общества, невнесшій два года слѣдующихъ съ него денегъ, считается сложившимъ съ себя званіе члена; но Комитетъ не рѣшился на эту мѣру, руководствуясь примѣромъ другихъ ученыхъ и благотворительныхъ Обществъ, неисключавшихъ изъ своей среды членовъ, неплатившихъ по нѣсколько лѣтъ, такъ какъ нерѣдко бывали случаи единовременныхъ вносовъ за все прежнее время; при точномъ же исполненіи § 19 случаи эти были бы невозможны, «а съ цѣлью и выгодами Общества болѣе было сообразно получать хотя несвоевременный доходъ, нежели жертвовать имъ для педантическаго соблюденія буквы устава».

Несмотря однако на такое равнодушіе членовъ и публики, Комитету удалось собрать 13,072 р. 88¼ к. и, израсходовавъ изъ нихъ 12,269 р. 10 к.*), передать своему преемнику капиталъ въ 28,449 р. 25¼ к. Въ теченіи года было предположено устроить нѣсколько чтеній и спектаклей; но одно изъ чтеній не состоялось, за неразрѣшеніемъ прочесть приготовленную рукопись, а на другомъ (концертѣ-чтеніи) хотя и было выручено 2,206 р. 50 к., но изъ нихъ, согласно желанію распорядителей, 2,000 р. выданы были для раздачи бѣднымъ учащимся. Точно также и 156 р., вырученные отъ концерта, даннаго въ университетѣ, были обращены на тотъ же предметъ. Третье чтеніе дало лишь 34 р., а остальныя три и спектакль 983 р. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду, что устроиваемые въ пользу Общества,

*) Въ томъ числѣ на единовременныя пособія 64 лицамъ (не считая учащихся) 7,993 р.; на продолжительныя пособія 990 р.; на пенсіи 14 лицамъ 3,260 р. и на мелкія издержки 26 р. 10 к. За смертію одного пенсіонера, назначенная ему пенсія была переведена на вдову и дочь его, и вновь назначена пенсія въ 180 р. вдовѣ писателя начала текущаго столѣтія. Независимо отъ денежныхъ пособій, Комитетъ хлопоталъ о пріисканіи мѣста и занятій для двухъ лицъ. 40 просьбъ 35 лицъ были отклонены.

Digitized by Google

безъ вѣдома Комитета, концерты, спектакли и чтенія могутъ давать поводъ къ недоразумѣніямъ, Комитетъ принужденъ былъ обратиться къ попечителю учебнаго округа и оберъ-полицеймейстеру съ просьбою требовать, при разрѣшеніи концертовъ и т. п. въ пользу Общества, согласія Комитета, который и поручалъ бы одному изъ своихъ членовъ участвовать въ ихъ устройствѣ.

Въ тоже время, по поводу возбужденнаго вопроса о необходимости изыскать способы для усиленія средствъ Общества, принято было предложеніе П. М. Ковалевскаго издать сборникъ, составленный изъ трудовъ извѣстнѣйшихъ писателей и ученыхъ, пригласивъ ихъ пожертвовать свои произведенія и предоставить весь сборъ въ пользу Общества. Редакцію сборника принялъ на себя П. М. Ковалевскій; но черезъ три мѣсяца онъ отказался отъ изданія, которое такъ и осталось неосуществленнымъ. Такая же участь постигла и заявленіе князя Церетелева, по предмету устройства лотерей въ пользу Общества.

Исполняя указаніе ревизіонной коммисіи, Комитетъ предложилъ К. В. Божовскому быть агентомъ Общества въ Екатеринославской губерніи и назначилъ агентомъ въ Волынской и Гродненской губерніяхъ А. И. Деческулова. Предложеніе же одного провинціальнаго жителя о снабженіи его полномочіемъ для сбора пожертвованій Комитетъ отклонилъ, такъ какъ разрѣшеніе подобныхъ предложеній могло дать поводъ къ злоупотребленіямъ.

Вообще же роль Комитета, какъ справедливо замѣтила ревизіонная коммиссія, становилась труднѣе по мѣрѣ того, какъ Общество, не представляя той новизны, которую оно имѣло въ первые годы своего существованія, входило въ будничную жизнь своего назначенія. Вообще, чѣмъ менѣе члены Общества принимаютъ живое участіе въ судьбахъ его, тѣмъ тяжеле становятся обязанности его повѣренныхъ, потому что безучастіе это со стороны большинства, уединяя ихъ, легко можетъ бросить на нихъ тѣнь безотвѣтственности и безконтрольности, которыхъ въ дѣйствительности не существуетъ.

Digitized by Google

Коммиссія *), обревизовавъ дѣла Комитета, не ограничилась одними похвалами ему, но замѣтила, что двѣ произведенныя имъ выдачи, въ 300 р. каждая, представлялись слишкомъ значительными, особенно потому, что одна изъ нихъ была сдѣлана во второй разъ, а третья была излишня, такъ какъ воспользовавшійся ею уже неоднократно получалъ пособія. Затѣмъ отказъ одному лицу въ повторительномъ пособіи былъ сдѣланъ, по мнѣнію коммиссіи, безъ достаточныхъ основаній и неравномѣрно съ пособіями, оказанными другимъ, находившимся въ одинаковомъ положеніи. Точно также недостаточно уважительны были причины отказа въ пособіи дочери книгопродавца-издателя. Между временемъ подачи просьбы о вспомоществованіи и представленіемъ членами Комитета собранныхъ ими свѣдѣній о положеніи просителей, замѣченъ былъ черезъ-чуръ долгій промежутокъ, и самыя свѣдѣнія не излагались на письмѣ. Наконецъ, при выдачѣ денегъ на поѣздки для леченія, эти деньги не всегда получали то назначеніе, на которое отпускались.

Коммиссія замѣтила также, что, въ видахъ побужденія членовъ Общества къ уплатѣ ихъ вносовъ, было бы полезно напоминать имъ объ этой обязанности посредствомъ циркулярныхъ писемъ, посылая ихъ съ особымъ разсыльнымъ, снабженнымъ книгою для записки вносовъ. Мѣра эта, оказавшаяся впослѣдствіи весьма практическою, въ то время не была, почему-то, принята Комитетомъ, и лишь спустя нѣсколько лѣтъ, за нее ухватились, какъ за нѣчто новое.

---

*) Коммиссія опять была выбрана въ годовомъ собраніи 2 февраля 1863 г., т. е. въ день, когда производились выборы членовъ Комитета, и могла представить свое заключеніе только 10 марта. Она состояла изъ слѣдующихъ лицъ: Б. И. Утина, И. Р. Андреевскаго, П. П. Пекарскаго, М. Н. Островскаго, П. В. Анненкова, А. Н. Пыпина и В. Г. Бенедиктова.

Digitized by Google

IV.

1863 годъ.

2 февраля 1863 г. выбыли изъ Комитета послѣдніе три члена, входившіе въ первоначальный составъ его: А. П. Заблоцкій, С. С. Дудышкинъ и И. С. Тургеневъ, а также Н. А. Некрасовъ, избранный на одинъ лишь годъ. Взамѣнъ ихъ были выбраны: предсѣдателемъ Е. П. Ковалевскій, помощникомъ его князь Г. А. Щербатовъ, секретаремъ Ѳ. М. Достоевскій и членами Б. И. Утинъ и А. Н. Пыпинъ. Казначей остался прежній, И. Н. Березинъ.

Въ годовомъ собраніи того же числа членъ Общества, В. Д. Скарятинъ, сдѣлалъ предложеніе объ измѣненіи § 20 устава въ томъ смыслѣ, чтобы общее собраніе выбирало членовъ Комитета не изъ предложенныхъ послѣднимъ кандидатовъ, а непосредственно, такъ какъ при сохраненіи въ силѣ § 20 какая-нибудь литературная партія, разъ засѣвшая въ Комитетъ, легко могла бы предлагать въ члены исключительно своихъ сторонниковъ.

Предложеніе это было передано на обсужденіе ревизіонной комиссіи, которая, выслушавъ г. Скарятина, нашла, что имена лицъ, засѣдавшихъ въ Комитетѣ въ теченіи перваго трехлѣтія, служили достаточнымъ опроверженіемъ мнѣнія г. Скарятина, и онъ самъ не въ состояніи былъ бы назвать ту партію, къ которой принадлежалъ Комитетъ по личному своему составу. Точно также журналы Комитета служили доказательствомъ, что и самое назначеніе пособій не совершалось и не могло совершаться въ духѣ партіи. Изъ личныхъ и подробныхъ объясненій съ г. Скарятинымъ комиссія убѣдилась, что болѣе общій мотивъ его предложенія заключается въ томъ, что Комитету принадлежитъ будто бы опека надъ Обществомъ; что такая опека несовмѣстима съ зрѣлымъ возрастомъ и полною свободою членовъ, которые сами, и безъ Комитета, достаточно понимаютъ свои интересы и будутъ знать, кого избирать для управленія дѣлами; что уставъ

Digitized by Google

освящаетъ своего рода пассивный цензъ для членовъ, обязанныхъ избирать кандидатовъ, предложенныхъ Комитетомъ, и что Комитетъ долженъ былъ бы происходить прямо изъ всеобщей подачи голосовъ. По мнѣнію коммиссіи, предложеніе г. Скарятина, еслибы оно было принято Обществомъ, должно было бы имѣть послѣдствіемъ пересмотръ и измѣненіе устава, а ходатайствовать объ этомъ можно было бы только въ томъ случаѣ, еслибы обнаружились какія нибудь практическія неудобства дѣйствующаго устава. Г. Скарятинъ ихъ не указалъ, да и не могъ указать. При дѣйствіи устава и благодаря Комитету, избранному согласно § 20, Общество, основанное безъ всякаго капитала, матеріально до того упрочило свое существованіе, что было въ состояніи выдавать пособій до 12 т. р. въ годъ. Въ виду этихъ результатовъ, предпринимать измѣненіе въ устройствѣ управленія общественными дѣлами, значило бы, изъ желанія устранить мнимую опеку, подвергать всѣмъ случайностямъ пересмотра устава весьма существенные интересы Общества и, можетъ быть, въ результатѣ уже получить дѣйствительную опеку. Кромѣ того, значеніе § 20 устава умѣряется § 44, по которому, при признаніи ревизіонною коммиссіею дѣйствій Комитета несоотвѣтствующими цѣли Общества, члены Комитета могутъ быть выбираемы и не изъ предложенныхъ Комитетомъ кандидатовъ; но чтобы этотъ § 44 получилъ болѣе точное примѣненіе, Обществу необходимо приступать къ баллотированію членовъ Комитета не прежде, а послѣ представленія отчета ревизіонной коммиссіи, что̀ и было заявлено коммиссіею 1861 года. Наконецъ, Общество принимаетъ въ свою среду всѣхъ, кто желаетъ оказать ему посильную помощь, и для такого сочувствія не требуется ни особенныхъ познаній, ни непосредственнаго участія въ литературѣ; но чтобы осуществить цѣль, которая ясна изъ самаго названія Общества, требуются свѣдѣнія о томъ, точно ли такое-то лицо имѣетъ право на пособіе по своимъ литературнымъ или ученымъ заслугамъ. Отсюда слѣдуетъ, что члены Комитета должны имѣть основатель-

Digitized by Google

ныя познанія въ исторіи русской литературы и близкое знакомство съ современнымъ состояніемъ ея. При разнородности состава Общества, нѣтъ никакой возможности, чтобы члены его обязывались знать всѣхъ тѣхъ изъ писателей, которые, кромѣ нравственныхъ качествъ, могли бы удовлетворять всѣмъ требованіямъ, необходимымъ для члена Комитета. Что налагать такую обязанность на членовъ Общества неудобно, лучше всего доказывается избраніемъ, въ общихъ собраніяхъ, ревизіонной коммиссіи. Избраніе это видимо затрудняетъ членовъ; голоса дробятся до того, что членами коммиссіи дѣлаются имѣющіе изъ 40, напримѣръ, голосовъ много что 15 или 17, а большею частью только 7 или 8. Если допустить избраніе въ Комитетъ всѣмъ Обществомъ, то неминуемо должно ожидать такого же явленія, а оно, давая поводъ къ случайностямъ, непремѣнно отзовется вредными послѣдствіями для дѣла. Не должно также забывать, что званіе членовъ Комитета, не давая никакихъ преимуществъ, налагаетъ лишь обязанности, всегда сопряженныя съ потерею времени.

При голосованіи затѣмъ, въ собраніи 10-го марта 1863 г., предложенія г. Скарятина, изъ 29 присутствовавшихъ членовъ только трое подали голоса въ пользу пересмотра устава, и такимъ образомъ предложеніе было отвергнуто.

Выраженная ревизіонною коммиссіею увѣренность, что Общество въ состояніи выдавать пособій до 12,000 р. въ годъ, оказалась ошибочною. Если это и случилось въ 1862 году, то на слѣдующій же годъ у Общества было лишь съ небольшимъ 9,000 р. дохода*). Строго держась правила — не только обезпечивать постоянными доходами постоянныя пособія, но и откладывать, для той же цѣли, ежегодно часть денегъ въ запасной

*) Всего поступило 9,197 р., въ томъ числѣ процентовъ съ капитала 1,385 р. 50 к., отъ Государя Императора и членовъ Августѣйшей Фамиліи 1,900 р.; пожертвованій 2,313 р.; вносовъ членовъ 2,592 р.; отъ спектакля и чтеній 778 р. 50 к. и процентовъ съ жалованья, подписчиковъ и проч. 228 руб.

Digitized by Google

безъ того высказывалось довольно часто и къ проявленію котораго мы смѣло относимъ возникшее въ 1863 г., между московскими писателями, предположеніе учредить въ Москвѣ особый фондъ или отдѣленіе Общества. Предположеніе это, какъ и многія другія, не исполнилось, несмотря на заявленную Комитетомъ Общества полную готовность содѣйствовать скорѣйшему осуществленію этой полезной мысли.

Въ тоже время въ средѣ доброжелателей Общества бродила (да бродитъ и до сихъ поръ) неосуществимая мечта, что основаніемъ Общества должны служить проценты съ труда литературнаго и ученаго. «Пусть» — говоритъ Е. П. Ковалевскій въ рѣчи своей 2 февраля 1864 года — каждый изъ насъ обяжется съ каждой книги, съ каждой статьи, съ каждаго листа вносить извѣстный процентъ въ кассу Общества, но пусть это обязательство будетъ дѣйствительнымъ обязательствомъ; пусть оно сдѣлается насущною потребностью, безъ которой никто не долженъ браться за перо, и если это обязательство будетъ исполнено свято, тогда каждый литераторъ и ученый можетъ съ увѣренностью сказать, что у него есть запасный капиталъ, изъ котораго онъ можетъ черпать, въ случаѣ нужды, какъ изъ собственнаго капитала. Этимъ только путемъ Общество достигнетъ развитія; иначе оно должно ограничиться своимъ тѣснымъ кругомъ». Но дойдетъ ли когда нибудь классъ литературныхъ тружениковъ до сознанія въ необходимости откладывать часть своего заработка, чтобы застраховать если не себя, то свои несчастныя семьи отъ нищеты и голода — мы не знаемъ, а пока Обществу приходилось и приходится разсчитывать на другіе источники доходовъ, чтобы удовлетворить насущныя требованія того же самого класса.

Сохраненіе въ тайнѣ именъ лицъ, получавшихъ пособія, продолжало также возбуждать неудовольствіе. Въ печати предложена была даже такая полумѣра: не называя именъ, перечислять статьи и сочиненія; но ревизіонная коммиссія совершенно справедливо замѣтила, что это было бы чѣмъ-то сред-

Digitized by Google

нимъ между гласностію и умолчаніемъ, и что пособія Общества суть именно пособія, а не награды за совершенные труды; оно не выдаетъ жалованья заслуженнымъ инвалидамъ, и такъ какъ въ литературномъ мірѣ инвалиды могутъ явиться въ самомъ началѣ карьеры, вслѣдствіе разнообразныхъ обстоятельствъ, неудачъ или ошибокъ въ выборѣ призванія, то оказанное вспомоществованіе не даетъ еще права на разоблаченіе всего этого. Правильность такого заключенія какъ нельзя болѣе подтвердилась въ одномъ случаѣ, когда Комитетъ обмолвился, упомянувъ въ печатномъ отчетѣ о спеціальномъ сочиненіи автора, семейство котораго находилось въ тяжкомъ положеніи: авторъ обидѣлся, говоря, что указаніемъ на его сочиненія имя его было разоблачено.

Той же анонимности пособій Общество было обязано еще тѣмъ, что въ публикѣ поперемѣнно раздавались противоположныя обвиненія въ излишнемъ покровительствѣ имъ старымъ репутаціямъ и въ излишнемъ потворствѣ невыказавшимся еще силамъ. По мнѣнію ревизіонной коммиссіи*), анонимность дѣйствій Комитета должна быть возмѣщена болѣе подробнымъ изложеніемъ его дѣйствій и поводовъ, управлявшихъ его рѣшеніями. Это необходимо было для того, чтобы облегчить, въ извѣстной мѣрѣ, безотвѣтственность Комитета; а достичь этого можно было или болѣе подробнымъ изложеніемъ протоколовъ, или указанными еще прежнею коммиссіею записками собирающихъ свѣдѣнія о просителяхъ. Обдуманное изложеніе нравственнаго и матеріальнаго состоянія просителя помогло бы Комитету противустоять требованіямъ о пособіи многихъ лицъ, хотя и дѣйствительно нуждающихся, но которыя, по занятіямъ своимъ легкимъ фѣльетономъ, переводомъ на скорую руку, стихотвореніями на разные случаи и вообще родомъ литературы, направленнымъ къ удовлетворенію минутныхъ и случайныхъ вку-

*) Коммиссію составляли: И. С. Тургеневъ, В. Ѳ. Коршъ, П. В. Анненковъ, Ѳ. Х. Бунге, С. С. Дудышкинъ, М. Н. Островскій и Н. М. Благовѣщенскій.

тип. А. С. Суворина.

Digitized by Google

совъ публики и ежедневной журналистики, никогда, по всѣмъ вѣроятіямъ, изъ нуждающагося положенія и не выйдутъ.

На сколько, впрочемъ, дѣйствія Комитета внушали къ себѣ довѣріе въ лицахъ, которыя знали ихъ близко, можно, независимо отъ удостовѣреній ревизіонныхъ коммиссій, судить уже по тому, что министръ народнаго просвѣщенія не только испросилъ Высочайшее повелѣніе объ отпускѣ въ пользу Общества изъ свободныхъ остатковъ министерства 1,000 руб., но и предложилъ Комитету присылать къ нему предлагаемыя къ напечатанію педагогическія сочиненія, если они окажутся достойными вниманія, и о рекомендаціи ему самихъ авторовъ. Несмотря на эти знаки довѣрія, Комитетъ какъ будто опасался упрековъ, и для большаго огражденія себя отъ нареканій, а также желая, по составу своему, вполнѣ соотвѣтствовать цѣлямъ Общества, просилъ общее собраніе указать тѣ лица, имена которыхъ могли бы быть приняты въ соображеніе при составленіи списка кандидатовъ въ члены Комитета, взамѣнъ выбывавшихъ, по очереди, И. Н. Березина, Н. В. Калачева и П. М. Ковалевскаго. Была ли эта просьба исполнена, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній въ дѣлахъ Общества.

Конецъ четвертаго года ознаменовался тяжелою потерею для Общества: 19-го января 1864 г. не стало основателя Общества, А. В. Дружинина. Въ память его заслугъ общее собраніе, 2-го февраля того же года, опредѣлило: назвать его именемъ старѣйшую изъ производимыхъ Обществомъ пенсій.

V.

1864 — 65 годы.

Прошедшій мирно въ 1863 году вопросъ о выдачѣ ссудъ изъ суммъ Общества, поднялъ затѣмъ цѣлую бурю. 1-го іюня 1864 г. было выдано вновь въ ссуду 1,500 р. тому же самому

Digitized by Google

писателю, который получилъ такую же сумму въ прошломъ году и возвратилъ ее ранѣе срока; ссуда эта была выдана за поручительствомъ брата писателя. 3-го августа другому писателю выдана была безсрочная ссуда въ 75 р. и, наконецъ, 12-го октября отпущено было 1,000 р. подъ вексель третьяго писателя; но при этомъ, въ средѣ Комитета *) произошло разногласіе: меньшинство заявило мнѣніе о невозможности обращать деньги Общества на такого рода пособія; большинство же признало, что ссуды уставомъ Общества не запрещены и вполнѣ соотвѣтствуютъ какъ его цѣли, такъ и неоднократно высказанной потребности въ нихъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, въ видахъ устраненія разногласія на будущее время, Комитетъ нашелъ болѣе удобнымъ передать вопросъ о ссудахъ на разрѣшеніе общаго собранія, созваннаго 25-го октября; но по малочисленности явившихся въ это собраніе членовъ, разрѣшеніе дѣла было отложено до годоваго собранія, которое, по большинству голосовъ, предоставило ревизіонной коммиссіи войти въ подробное обсужденіе дѣла.

Исполняя это порученіе, коммиссія **) нашла, что если держаться строго буквы устава, то, конечно, можно сдѣлать замѣчаніе, что въ немъ нигдѣ о производствѣ ссудъ не упоминается; но въ самомъ понятіи о пособіи должно заключаться представленіе и о всѣхъ многоразличныхъ видахъ его, въ

*) За отказомъ барона (затѣмъ графа) М. А. Корфа, выбраннаго въ предсѣдатели Общества 2-го февраля 1864 г., не только отъ предсѣдательства, но даже и отъ званія члена Комитета, по случаю занятія государственными дѣлами и вслѣдствіе постигшаго его семейнаго горя, предсѣдателемъ вновь согласился быть Е. П. Ковалевскій; секретаремъ былъ избранъ В. П. Гаевскій, казначеемъ Б. И. Утинъ. Членами, сверхъ прежнихъ, состояли: П. П. Пекарскій, Н. А. Некрасовъ, И. С. Тургеневъ и В. Ѳ. Коршъ, а помощникомъ предсѣдателя князь Г. А. Щербатовъ; но онъ ни разу не присутствовалъ въ засѣданіяхъ Комитета и впослѣдствіи выбылъ даже изъ числа членовъ Общества.

**) П. В. Анненковъ, М. Н. Островскій, С. С. Дудышкинъ, Н. Н. Тютчевъ, П. Н. Меньшиковъ и И. А. Гончаровъ. Заключеніе коммиссіи было прочитано и обсуждалось въ общемъ собраніи 17-го апрѣля 1865 г., но мы приводимъ его и рѣшеніе собранія здѣсь, чтобы не разрывать связи изложенія этого дѣла.

Digitized by Google

числѣ которыхъ благотворительная ссуда играетъ важную и существенную роль. Уставу не было надобности перечислять составные элементы пособія, и онъ также точно не упомянулъ о ссудахъ, какъ и о призрѣніи сиротъ, о пристройкѣ къ мѣстамъ тружениковъ и о многомъ другомъ, что, на совершенно правильномъ основаніи, составляетъ предметъ постоянныхъ заботъ Комитета. Съ другой стороны, нельзя оставить безъ вниманія и справедливыхъ опасеній, чтобы ссуда изъ второстепенной роли, какую должна занимать въ общей системѣ вспомоществованія, не обратилась въ главную его часть и не сообщила тѣмъ Обществу характера кредитнаго учрежденія, что было бы извращеніемъ его цѣли и стремленій. Безусловное или даже слишкомъ быстрое развитіе системы ссудъ неизбѣжно привело бы къ необходимости отвѣчать и на такія нужды, какія могутъ повстрѣчаться въ жизни и дѣлахъ всякаго, даже обезпеченнаго и сравнительно богатаго человѣка. Если Комитетъ и можетъ быть поставленъ иногда въ нравственную необходимость предложить, въ видѣ ссуды, значительную часть своихъ средствъ извѣстному литературному дѣятелю, для обезпеченія дальнѣйшей его судьбы, то мѣра эта должна считаться исключеніемъ. Отвѣтственность же за возвратъ выданныхъ въ ссуду суммъ должна падать на членовъ Комитета и не касаться Общества, потому что убѣжденіе въ благонадежности заемщика пріобрѣтается Комитетомъ посредствомъ разсчетовъ и соображеній, въ которыя Общество входить не можетъ. Поступать иначе, значило бы приблизить Общество къ характеру акціонерныхъ компаній, которыя дѣйствительно покрываютъ убытки за свою администрацію, но потому что дѣлятъ и барыши, доставляемые рискомъ тѣхъ же администрацій. Также точно, по характеру Общества, необходимо, чтобы во всякой, даже самой правильной финансовой мѣрѣ заключалась и нравственная сторона, отвѣчающая его главной цѣли, и потому ссуда должна назначаться не иначе, какъ для огражденія и поддержанія интересовъ науки, мысли

Digitized by Google

и искусства, которыхъ заемщикъ служитъ болѣе или менѣе важнымъ представителемъ. Весьма понятно, что при важной обязанности, возлагаемой на членовъ Комитета, сами они уже не могутъ обращаться въ просителей, не могутъ искать той помощи или выгоды, которыя они же призваны опредѣлять. Затѣмъ безсрочныя ссуды, невыходящія изъ разряда обыкновенныхъ пособій, могли бы быть производимы безъ всякой другой отвѣтственности Комитета, кромѣ той, которую онъ несетъ передъ Обществомъ за всѣ свои распоряженія.

Не такъ взглянулъ на дѣло одинъ изъ членовъ ревизіонной коммиссіи. Соглашаясь въ существѣ съ мнѣніемъ коммиссіи, онъ заявилъ, что на ней лежала прямая, хотя и тяжелая обязанность указать откровенно на неправильныя дѣйствія Комитета по вопросу о ссудахъ. Комитетъ превысилъ свою власть, взявъ на себя толкованіе параграфовъ устава, вмѣсто того, чтобы перенести немедленно спорный вопросъ въ экстренное общее собраніе, которому принадлежитъ разрѣшеніе всякаго спорнаго толкованія устава. Вполнѣ вѣря въ прекрасныя намѣренія Комитета, нельзя не пожалѣть, что онъ создалъ вредный прецедентъ произвольнаго присвоенія правъ, ему непринадлежащихъ. Повторенная ссуда въ 1,500 р. тому же лицу должна была тѣмъ болѣе встрѣтить порицаніе, что это лицо было въ тоже время членомъ Комитета.

Заявленіе это возбудило горячія пренія, по окончаніи которыхъ предсѣдатель, считая, что обвиненіе Комитета въ превышеніи власти выражало бы недовѣріе къ нему, предложилъ, на основаніи устава, подвергнуть этотъ вопросъ баллотировкѣ. Хотя членъ ревизіонной коммиссіи, сдѣлавшій заявленіе, и просилъ поставить, вмѣсто того, вопросъ такъ: «превысилъ Комитетъ свою власть, или нѣтъ?» собраніе приняло постановку вопроса въ формѣ, предложенной предсѣдателемъ, т. е. заслуживаетъ ли Комитетъ довѣріе общества, и большинство 21-го голоса противъ двухъ разрѣшило его въ положительномъ смыслѣ.

Digitized by Google

Вмѣстѣ съ тѣмъ, обсудивъ составленный ревизіонною коммиссіею проектъ правилъ о ссудахъ, собраніе постановило, что срочныя ссуды, съ участіемъ формальныхъ обязательствъ, могутъ быть производимы Комитетомъ подъ отвѣтственностью подписавшихъ журналъ, не привлекая къ ней Общество и возмѣщая затѣмъ всѣ могущіе быть убытки. Ссуды этого рода непремѣнно должны быть очищаемы къ годовому собранію общества 2-го февраля *). Для производства ссуды, необезпеченной залогомъ, имущественнымъ или денежнымъ, необходимо присутствіе въ Комитетѣ не менѣе 8 членовъ и приговоръ ихъ долженъ быть постановленъ по большинству голосовъ. Всѣ же безсрочныя ссуды должны производиться обычнымъ порядкомъ, какъ и пособія, и никакихъ особыхъ правилъ не требуютъ. Члены Комитета не имѣютъ права ни на ссуды, ни на пособія во все время состоянія ихъ въ этомъ званіи.

Не одно только обвиненіе въ превышеніи власти пришлось перенести Комитету 1864 г.: въ печати все еще раздавались голоса противъ дѣйствій его, основанныхъ на томъ или другомъ параграфѣ устава. Измѣнить свой образъ дѣйствій Комитетъ, конечно, не могъ, пока уставъ оставался въ своей силѣ. Право требовать пересмотра его принадлежало общему собранію, но оно, по многимъ причинамъ, отказывалось отъ всякой иниціативы въ этомъ дѣлѣ, и затѣмъ нельзя уже было ставить въ вину Комитета то, что было внѣ его власти. Встрѣчались, однако, обвиненія и другаго рода, касавшіяся прямо членовъ Комитета; ихъ обвиняли въ мѣстной, с.-петербургской благотворительности, въ обращеніи средствъ Общества на пособія тѣсному кружку, составившемуся около Комитета, или лицамъ,

*) Впослѣдствіи, за измѣненіемъ правилъ отчетности Комитета въ томъ отношеніи, что отчетный годъ долженъ былъ начинаться и оканчиваться 1-го января, это же число было принято и срокомъ очищенія ссудъ, а съ 1874 г., въ виду невозможности заканчивать счеты въ ожиданіи поступленія ссудъ до послѣдняго дня года, Комитетъ принялъ за правило выдавать ссуды лишь по 15-е декабря.

Digitized by Google

связаннымъ съ этимъ кругомъ. Но и эти тяжкія обвиненія не имѣли никакого основанія: не было такого оттѣнка въ литературныхъ взглядахъ, которые не имѣли бы своихъ представителей въ числѣ получавшихъ отъ Комитета пособія; точно также онъ ни разу и ни для кого не измѣнялъ своему правилу безпристрастной оцѣнки всякихъ прошеній, откуда бы они ни исходили.

Ревизіонная коммиссія также сдѣлала Комитету упрекъ, что изъ дѣлъ его не видно, какія мѣры принимались имъ къ умноженію средствъ Общества, такъ какъ по отчетамъ его значилось лишь, что отъ устроенныхъ спектаклей и чтеній выручено было 778 р. 50 к.; но и этотъ упрекъ не былъ вполнѣ заслуженный, потому что въ дѣлахъ Комитета остались и донынѣ слѣды его предположеній и ходатайствъ, съ одной стороны, объ ознаменованіи литературнымъ и художественнымъ торжествомъ трехсотлѣтняго дня рожденія Шекспира, а съ другой — объ устройствѣ публичныхъ лекцій. Отпраздновать день рожденія великаго писателя въ одномъ изъ театровъ, какъ предполагалъ Комитетъ, не было разрѣшено, а устроенное, взамѣнъ того, чтеніе написанныхъ по этому случаю произведеній и пьесъ Шекспира въ неизданныхъ переводахъ, принесло лишь значительный дефицитъ, пополненный членами Комитета. Точно также, несмотря на то, что за успѣхъ предположенныхъ лекцій ручались какъ имена профессоровъ, такъ и самые выбранные для лекцій предметы, онѣ не могли быть открыты по независѣвшимъ отъ Комитета обстоятельствамъ.

Не взирая на всѣ невзгоды, Комитетъ дѣлалъ свое дѣло, на сколько позволяли и средства Общества, и личный его составъ. Благодаря усердію казначея Б. И. Утина и секретаря В. П. Гаевскаго, дѣлопроизводство и отчетность Общества были доведены до такого порядка, какого оно дотолѣ не знали. Сверхъ прежнихъ пенсій 16 семействамъ, изъ коихъ одна, за смертію одного изъ членовъ семейства, получавшаго ее, была сокращена съ 250 р. до 200 р., назначена была новая въ 120 р. матери

Digitized by Google

извѣстнаго ученаго. Двумъ семействамъ, оставшимся въ крайности послѣ смерти ихъ отцовъ, были назначены продолжительныя пособія, которыя, вмѣстѣ съ пенсіями, и представляли цифру расхода въ 3,710 р. Въ тоже время 42 лицамъ были выданы единовременныя пособія на сумму 2,887 руб. и, съ цѣлью доставленія десяти бѣднымъ и наиболѣе достойнымъ молодымъ людямъ слушать университетскія лекціи, назначено было отпускать ежегодно въ С.-Петербургскій университетъ по 500 р. Капиталъ Общества не только не былъ уменьшенъ, но еще увеличился, достигнувъ ко 2 февраля 1865 г. 31,783 р. 86½ к. Независимо отъ денежныхъ пособій, Комитетъ выказалъ свою благотворительность и иными способами; такъ, онъ просилъ товарища министра юстиціи обратить вниманіе на бѣдственное положеніе писателя, исправлявшаго должность судебнаго слѣдователя; содѣйствовалъ другому писателю въ продажѣ его сочиненія и сносился съ обществомъ дешевыхъ квартиръ о доставленіи помѣщенія бѣдной переводчицѣ. Наконецъ, получивъ записку предсѣдателя Карамзинской библіотеки о содѣйствіи къ ея возстановленію послѣ симбирскаго пожара, Комитетъ напечаталъ эту записку и принялъ на счетъ Общества пересылку жертвуемыхъ книгъ. Подобнымъ же образомъ поступилъ онъ и въ отношеніи библіотеки олонецкой гимназіи. Двадцати двумъ лицамъ пришлось отказать въ удовлетвореніи ихъ ходатайствъ, такъ какъ эти лица или не удовлетворяли требованіямъ устава, или самыя ходатайства ихъ, какъ напр. о напечатаніи рукописи, оказавшейся, по выраженію журнала Комитета, совершенно безсмысленной, не заслуживали вниманія.

Число членовъ Общества въ 1864—65 г. хотя и сократилось, вслѣдствіе смерти двухъ учредителей и трехъ членовъ и отказа трехъ же лицъ отъ званія члена, но вмѣстѣ съ восемнадцатью, вновь выбранными, простиралось до 600 ч. Само собою разумѣется, что цифра эта не была вѣрна, такъ какъ кромѣ извѣстныхъ Комитету случаевъ смерти членовъ Общества, были

Digitized by Google

и такіе, свѣдѣнія о которыхъ не доходили до Комитета. Многіе члены упорно продолжали не платить своихъ вносовъ; но по этому предмету въ мнѣніи Комитета произошелъ переворотъ. Комитетъ нашелъ, что недоимкамъ во вносахъ не слѣдовало придавать особеннаго значенія, а тѣмъ менѣе видѣть въ нихъ дурной симптомъ, угрожающій благосостоянію литературнаго фонда. Причины накопленія ихъ, по мнѣнію Комитета, были одинаковы во всѣхъ Обществахъ: забывчивость, отсутствіе изъ Петербурга, охлажденіе къ дѣлу, собственныя стѣсненныя обстоятельства, и т. п., а въ Обществѣ для пособія литераторамъ и ученымъ прибавлялась еще измѣняющаяся часто степень сочувствія къ литературѣ, слѣдовательно, и къ литераторамъ. Уничтожить эти причины не властны были, по мнѣнію Комитета, никакія мѣры, а потому онъ считалъ безполезнымъ и принимать ихъ.

VI.

1865—66 годы.

Скромно прошелъ шестой годъ жизни Общества. 2-го февраля 1865 г. помощникомъ предсѣдателя, Е. П. Ковалевскаго, былъ избранъ Я. К. Гротъ, секретаремъ С. П. Щепкинъ и казначеемъ В. Г. Бенедиктовъ, а за отказомъ его отъ званія члена Комитета, М. М. Стасюлевичъ*). Начавъ свои дѣйствія съ капиталомъ въ 31,783 р. 86½ к., Комитетъ довелъ его къ концу года до 33,959 р. 37½ к., несмотря на расходы: въ 3,537 р. на пенсіи 16 лицамъ, въ 2,690 р. на единовременныя пособія 31 лицу, въ 500 р. на уплату за слушаніе лекцій студентами

*) Членами Комитета состояли: вновь выбранный П. В. Анненковъ и прежніе: Ѳ. М. Достоевскій, В. Ѳ. Коршъ, Н. А. Некрасовъ, П. П. Пекарскій, А. Н. Пыпинъ, И. С. Тургеневъ и Б. И. Утинъ. Ѳ. М. Достоевскій оставался недолго: въ началѣ года онъ выбылъ.

Digitized by Google

С.-Петербургскаго университета и въ 100 р. на ссуду одному лицу. Самое большое денежное пособіе въ 600 р. было выдано одному извѣстному писателю и объяснялось какъ заслугами его, такъ и его безвыходнымъ положеніемъ, грозившимъ лишить литературу одного изъ замѣчательныхъ ея дѣятелей. Число пенсіонеровъ, за смертію одной пенсіонерки *), сократилось противъ прежняго, равно какъ сократилась и сумма расходовъ на пенсіи, вслѣдствіе того, что по желанію получавшей пенсію въ 600 р., пенсія эта была уменьшена на половину **).

Число случаевъ отклоненія просьбъ (26 просьбъ, 21 лицо) не выходило изъ обыкновеннаго уровня, и самые отказы были вполнѣ основательны. Одинъ изъ нихъ, впрочемъ, произвелъ въ литературной средѣ впечатлѣніе и даже нѣкоторую досаду въ одномъ изъ литературныхъ кружковъ. Въ январѣ 1866 г., представитель этого кружка просилъ пособить умиравшему молодому человѣку, занимавшемуся составленіемъ каррикатуръ для юмористическихъ журналовъ; но Комитетъ затруднился причислить каррикатуриста, по однимъ только надписямъ къ каррикатурамъ, къ числу литераторовъ, имѣющихъ по уставу право на пособіе отъ Общества, и перенесъ дѣло въ общее собраніе, которое тоже не признало каррикатуристовъ имѣющими право на пособія Общества.

Причиною увеличенія суммы капитала было то, между прочимъ, обстоятельство, что Комитету удалось устроить въ теченіи года одинъ спектакль и четыре чтенія, давшихъ въ совокупности 1,159 р.; кромѣ того, поступило пожертвованій на 215 р. 67 к., и отъ спектакля, даннаго въ Дрезденѣ, 266 р. 25 к. Всего же, вмѣстѣ съ пожертвованіями Государя Императора и Императорской Фамиліи и другими доходами, было собрано 9,050 р. 92 к.

---

*) За смертію другой пенсіонерки, производившаяся ей пенсія въ 150 р. была переведена на ея дочь.

**) Сверхъ того, двумъ лицамъ оказаны были неденежныя пособія.

Digitized by Google

Само собою разумѣется, что доходы Общества были бы несравненно значительнѣе, если бы члены Общества правильно уплачивали свои вносы; но изъ 634 членовъ ко 2-му февраля 1866 г. уплатили вносы за $186^{5}/_{6}$ г. только 73 лица. Издатели, книгопродавцы и редакторы журналовъ, за исключеніемъ лишь редакціи «Земледѣльческой Газеты», «Отечественныхъ Записокъ», «Современника» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», тоже забыли свои обѣщанія. Чтобы побудить членовъ исполнять ихъ обязанность, Комитетъ придумалъ печатать въ концѣ своихъ протоколовъ имена внесшихъ годовую плату, разсчитывая тѣмъ самымъ напоминать прочимъ о числящейся за ними недоимкѣ. Однако, ревизіонная коммиссія не удовольствовалась такою мѣрою и предложила озаботиться сборомъ недоимокъ за всѣ шесть лѣтъ существованія Общества, а для приблизительнаго опредѣленія его бюджета, привести въ извѣстность дѣйствительное число лицъ, желающихъ оставаться его членами.

Коммиссія подняла также снова старый вопросъ о необходимости устроить дѣло такъ, чтобы ревизіонная коммиссія избиралась ранѣе годоваго собранія. Въ разрѣшеніе этого вопроса было положено для выборовъ членовъ коммиссіи назначать обыкновенное общее собраніе въ первыхъ числахъ января, а для устраненія неудобства, проистекавшаго изъ того, что выбранной такимъ образомъ коммиссіи все же нельзя было бы приступить къ полному обревизованію дѣйствій Комитета за цѣлый годъ, такъ какъ годъ этотъ оканчивался 1-го февраля, т. е. наканунѣ годоваго собранія, установлено было давать отчетъ о состояніи суммъ и дѣлъ Общества отъ января до января.

VII.

1866 годъ.

По поводу выхода Е. П. Ковалевскаго изъ Комитета, за истеченіемъ 2-го февраля 1866 г. трехлѣтія, на которое онъ

Digitized by Google

января, такъ что 1866 годъ, начавшись для Общества 2-го февраля, состоялъ лишь изъ одиннадцати мѣсяцевъ, съ выключеніемъ января, самаго выгоднаго мѣсяца по сборамъ и пожертвованіямъ.

Расходы Общества, какъ и всегда, преимущественно были обращены на пособія и распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: на пенсіи 12 лицамъ 2,344 р. *); на воспитаніе 4-хъ лицъ 307 р.; въ С.-Петербургскій университетъ 500 р.; на единовременныя пособія 21 лицу 1,290 р. и въ ссуду тремъ лицамъ 1,035 р. Сверхъ того, какъ и въ прежніе годы, Комитетъ ходатайствовалъ о помѣщеніи дѣтей въ учебныя заведенія, разсматривалъ рукописныя сочиненія и способствовалъ ихъ помѣщенію въ періодическихъ изданіяхъ. Просьбъ о такого рода пособіяхъ поступило шесть и изъ нихъ четыре были, по возможности, удовлетворены, а двѣ отклонены. Ходатайствъ о денежномъ пособіи было отклонено 32. Чтобы судить, сколько требовалось терпѣнія при обсужденіи просьбъ, и съ какими личностями приходилось иногда Комитету имѣть дѣло, можно указать на хранящееся въ дѣлахъ Общества письмо одного господина, имѣвшаго претензію называться писателемъ. Получивъ отказъ Комитета въ пособіи, этотъ «писатель» благодарилъ Комитетъ за присылку увѣдомленія объ отказѣ, объясняя, «что оно послужитъ необходимымъ приложеніемъ ко всеподданнѣйшей просьбѣ его о выдачѣ ему, изъ отпускаемыхъ Обществу Кабинетомъ Е. И. В. 1,000 р., суммы, необходимой на изданіе его сочиненій, и яснымъ доказательствомъ причины застоя литературы полезной и ученой».

Незначительность суммы на единовременныя пособія была отчасти разъяснена самимъ Комитетомъ. Въ своемъ отчетѣ за 1866 г. онъ сознался, что онъ не разъ бывалъ вынужденъ урѣзывать, скрѣпя сердце, тѣ жалкія крохи, которыя онъ при-

*) Три пенсіи были прекращены: одна—вслѣдствіе добровольнаго отказа получавшаго ее, а двѣ другія за смертію пенсіонеровъ.

Digitized by Google

суждалъ въ виду ничтожности средствъ Общества. Изъ 643 членовъ въ 1866 году уплатили свои вносы только 82; пожертвованій поступало мало и хотя, съ цѣлью болѣе частаго напоминанія членамъ и публикѣ о существованіи и дѣйствіяхъ Общества, сдѣланы были сношенія съ редакціями наиболѣе распространенныхъ газетъ о помѣщеніи въ этихъ изданіяхъ извлеченій изъ журналовъ Комитета и общихъ собраній, но не всѣми редакціями просьба эта была услышана. Вообще, въ видахъ возбужденія сочувствія къ Обществу въ большинствѣ его членовъ и въ средѣ публики, предстояло сдѣлать многое. Бывшій тогда министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ еще въ началѣ года обратилъ на это вниманіе Комитета, прислав ему свои соображенія по этому предмету. Въ предположеніяхъ этихъ, между прочимъ, указывалось и на необходимость составить отчетъ за все время существованія Общества. Хотя Комитетъ тогда же назначилъ для этого особую коммиссію, но результатовъ ея дѣятельности въ дѣлахъ не осталось, и отчетъ не былъ составленъ. По удостовѣренію секретаря, Комитетъ работалъ также надъ провѣркою и приведеніемъ въ порядокъ списка членовъ, но и эта работа была приведена къ окончанію не ранѣе, какъ въ 1868 году.

VIII.

1867 годъ.

Если 1866 годъ былъ для Общества тяжелъ и печаленъ, то преемникъ его, точно какимъ-то чудомъ, возбудилъ въ Обществѣ какъ бы новую жизнь, поднялъ его силы и далъ имъ такой толчекъ, что не только уже не было помину о дефицитѣ въ бюджетѣ, но съ каждымъ годомъ средства Общества стали рости все болѣе и болѣе, а съ ними вмѣстѣ увеличивались и пособія, какъ въ количествѣ, такъ и въ размѣрѣ. Уже въ началѣ года изъ Кабинета Его Императорскаго Величества поступило, за 1866 и 1867 г., 2,000 р., которые тотчасъ же и были

Digitized by Google

обращены въ процентныя бумаги; члены Императорской Фамиліи и Министерство Народнаго Просвѣщенія прислали свои обычныя ленты на 1,600 р.; пожертвованія, почему-то, вдругъ стали обильнѣе и доставили Обществу болѣе 1,200 р. Сами члены Общества, коихъ вновь выбрано было 31, устрашенные ли отчетными цифрами за 1866 г., внявшіе ли призыву Комитета, или же побуждаемые иными причинами, поспѣшили, хотя опять-таки въ весьма маломъ числѣ (всего 95 лицъ), внести 2,600 р. Четыре публичныя чтенія въ С.-Петербургѣ, участіе въ которыхъ принимали А. Н. Островскій, И. С. Тургеневъ и К. К. Арсеньевъ, и одно въ Харьковѣ, устроенное Д. И. Каченовскимъ, принесли Обществу болѣе 1,500 р. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ процентами съ капитала и другими доходами, въ кассу Общества поступило на приходъ 12,366 р. 24 к., т. е. втрое болѣе, чѣмъ въ прошедшемъ году, и капиталъ общества съ 33,027 руб. къ 1 января 1868 г. достигъ цифры 38,063 р. 31 к.

Несмотря на такое, можно сказать, блистательное положеніе дѣла, Комитетъ *) не былъ доволенъ имъ. «Мы тогда только — говорилось въ отчетѣ Комитета — будемъ вправѣ назвать наше положеніе хорошимъ, когда Общество станетъ увеличивать свой капиталъ, выполнивъ напередъ цѣль, для которой оно учреждено и существуетъ, т. е. дѣйствительно удовлетворивъ нуждамъ просителей. Но можемъ ли мы утѣшать себя мыслью, что эта цѣль достигнута, хотя приблизительно? Съ прискорбіемъ надо сознаться, что нѣтъ. Число тѣхъ, кому мы выдали, сколько имъ дѣйствительно было необходимо, очень и очень не велико. Правда, мы не отказали ни одному изъ просителей, которые заслуживали помощи, но тяжело вспомнить, какъ эта помощь, въ большинствѣ случаевъ, была мала въ сравненіи съ

*) 2 февраля 1867 г. изъ Комитета выбыли: В. Ѳ. Коршъ, Н. А. Некрасовъ и П. П. Пекарскій. Взамѣнъ ихъ были выбраны: Е. П. Ковалевскій, К. К. Арсеньевъ, Б. И. Утинъ и В. И. Ламанскій. Предсѣдателемъ былъ избранъ Е. П. Ковалевскій, помощникомъ предсѣдателя Я. К. Гротъ, казначеемъ М. М. Стасюлевичъ и секретаремъ К. Д. Кавелинъ.

Digitized by Google

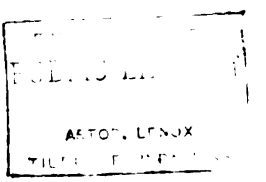

С. С. Дудышкинъ.

Фототип. Имп. Ак. Худ. В. Штейнъ. Спб. Вознесенскій проспектъ, № 14.

Дозволено цензурою. Спб., 24 октября 1884 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

тѣмъ, о чемъ просили, и что слѣдовало дать. Мы нерѣдко умаляли очень скромныя требованія вдвое, иногда даже втрое, отсрочивая, а не отвращая нужду. Порицатели наши ставятъ намъ въ упрекъ такую бережливость, чуть чуть не скупость — точно мы находимъ въ ней какое-то сердечное удовольствіе и не сознаемъ сами, что дѣлаемъ лишь половину, а подчасъ и еще меньшую долю того дѣла, для котораго призваны».

Отвѣтомъ на такое сѣтованіе естественнымъ образомъ является вопросъ: для чего же тогда было стремиться къ накопленію капитала, какъ это дѣлалъ Комитетъ, и отчего бы не обращать всѣ доходы на вспомоществованія, если въ томъ была потребность? На этотъ вопросъ Комитетъ отвѣтилъ въ своемъ отчетѣ. Огромная недоимка на членахъ указала, что если не увеличивать всѣми мѣрами капитала Общества, то постоянные его доходы могутъ истощиться*). Вмѣсто того, чтобы быть главнымъ источникомъ доходовъ, платежи членовъ составляли только небольшую ихъ часть. Волей-неволей приходилось дѣлать вычеты изъ пособій, чтобы заручиться средствами на будущее время.

Другимъ, смущавшимъ Комитетъ явленіемъ было то, что Общество всего менѣе пользовалось сочувствіемъ и поддержкою въ средѣ литераторовъ и ученыхъ. Значительнѣйшая часть средствъ его черпалась внѣ литературныхъ и ученыхъ слоевъ; изъ всѣхъ повременныхъ изданій, выходившихъ тогда въ Россіи, только «Отечественныя Записки» и «С.-Петербургскія Вѣдомости» доставляли ему ежегодные вклады. Изъ многочисленныхъ органовъ московской журналистики, не говоря уже о провинціальныхъ, ни одинъ не принималъ въ дѣятельности Общества ни малѣйшаго участія, и даже не печаталъ извлеченій изъ отчетовъ. Такой образъ дѣйствій былъ бы понятенъ и справедливъ, если бы Общество оказывало помощь однимъ петербург-

*) Та же недоимка дала даже кому-то поводъ замѣтить, что въ Обществѣ литературнаго фонда нѣтъ членовъ, а есть только жертвователи.

ТИП. А. С. СУВОРИНА.

Digitized by Google

скимъ писателямъ, или еслибы въ Москвѣ или въ провинціи существовалъ свой литературный фондъ. Но число пользовавшихся пособіями Общества въ Москвѣ было велико, а большинство пенсіонеровъ фонда было внѣ Петербурга. Если бы московская и провинціальная журналистика и литература, впредь до основанія своего литературнаго фонда, помогали Комитету нравственнымъ участіемъ и матеріальнымъ содѣйствіемъ, ему легче было бы исполнять его обязанности, и общая цѣль, независимая отъ литературныхъ направленій и взглядовъ, достигалась бы полнѣе и лучше. По мнѣнію Комитета, рано или поздно, вся литература и журналистика должны же были придти къ убѣжденію, что на нихъ, прежде и больше всѣхъ, лежитъ обязанность заботиться о своихъ бѣдныхъ, сиротахъ и вдовахъ. Всякая невзгода въ литературномъ и ученомъ мірѣ, всякая перемѣна въ литературныхъ и ученыхъ направленіяхъ, всякое прекращеніе литературнаго или ученаго органа, тяжко отзываются на судьбѣ журнальныхъ дѣятелей, сотрудниковъ и ихъ семействъ. Процвѣтаютъ журналы и газеты — у фонда мало заботъ: онѣ начинаются, какъ только журнальное и газетное дѣло заколеблется или приходитъ въ застой, потому что тогда всѣ, правые и виновные, друзья и враги, ищутъ помощи и поддержки у фонда.

Такъ было и въ 1867 году: болѣе 80 лицъ обратились къ Обществу за пособіемъ. Отклонивъ или оставивъ, по разнымъ причинамъ, безъ послѣдствій прошенія 22 лицъ, Комитетъ выдалъ въ ссуду тремъ 750 р. и въ единовременное пособіе пятидесяти 3,290 р., т. е. болѣе, чѣмъ вдвое противъ предшествовавшаго года. Одному писателю было назначено продолжительное пособіе на два года, по 300 руб. ежегодно; на воспитаніе, сверхъ 500 р., отпущенныхъ въ С.-Петербургскій университетъ и которыми воспользовались 17 студентовъ, было выдано 112 р. Кромѣ того, на похороны трехъ лицъ было израсходовано по 130 р. и на пенсіи 15 лицамъ или семействамъ 2,920 р. Хотя одинъ пенсіонеръ и скончался, но производившаяся ему пенсія

Digitized by Google

въ 120 р. была переведена на другое лицо. Наконецъ, 8 лицамъ были оказаны неденежныя пособія.

По поводу единовременныхъ пособій, въ печати и публикѣ слышались жалобы на то, что размѣръ пособій этого рода былъ иногда слишкомъ малъ. Но чтобы судить правильно о цифрахъ пособій, надобно было, по отзыву Комитета, разсматривать ихъ не порознь, а въ общей ихъ связи. Рядомъ съ мелкими выдачами были и крупныя. Вообще выдавалось по 10, 15, 25, 30 и т. д. до 300 руб. Полное значеніе получали эти цифры, когда принималось въ разсчетъ, по скольку разъ были выданы пособія въ этихъ размѣрахъ. Они распредѣлялись такъ: пособія въ 50 р. были выданы 16 разъ; въ 100 р. 8 разъ; въ 25 р. и въ 75 р. по семи разъ; въ 40 р. 3 раза, а пособія остальныхъ размѣровъ по одному, много по два раза. Отсюда видно было, что самое значительное число пособій, именно, безъ малаго, третья ихъ часть, близко подходило къ средней цифрѣ (65 р. 80 к.). Затѣмъ больше всего было выдано вспомоществованій въ 100, 75 и 25 р.; самыя же мелкія и крупныя цифры составляли рѣдкія исключенія, допущенныя по особеннымъ соображеніямъ и по исключительнымъ обстоятельствамъ просителей.

Нѣкоторые органы печати обвиняли Комитетъ и въ томъ, что онъ будто бы несправедливо отвергалъ или оставлялъ безъ вниманія просьбы писателей, и въ подтвержденіе называли даже имена; но обвиненіе это не было правильно, такъ какъ въ одномъ случаѣ рѣшеніе Комитета было основано на постановленіи общаго собранія, а въ другомъ, дѣйствія Комитета были подробно разсмотрѣны ревизіонною коммиссіею и найдены ею вполнѣ удовлетворительными. Кромѣ того, семействамъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которымъ нельзя было оказать помощи, выданы были пособія, и даже значительныя. «Недовольные распоряженіями Комитета — говорилось въ отчетѣ общему собранію — недостаточно взвѣсили, что отказать гораздо тяжеле, чѣмъ дать. Всякій смотритъ на обязанности Общества съ своей точки зрѣнія, и необходимое отсутствіе полной гласности комитет-

Digitized by Google

скихъ рѣшеній естественно рождаетъ недоразумѣнія, а обвиненія, по необходимости, остаются безъ отвѣта. Что будетъ отвѣчать Комитетъ, когда не можетъ назвать именъ и входить во всѣ личныя, иногда весьма деликатныя подробности?»

IX.

1868 годъ.

Девятый годъ, какъ и восьмой, останутся памятны въ жизни Общества тѣми потерями, которыя оно понесло въ своемъ личномъ составѣ. Въ 1867 году скончался бывшій министръ народнаго просвѣщенія Евграфъ Петровичъ Ковалевскій, имя котораго было связано съ возникновеніемъ и первыми успѣхами литературнаго фонда, а 20 сентября 1868 г. не стало и брата его, почти безсмѣннаго и любимаго предсѣдателя Общества, Егора Петровича Ковалевскаго. Высоко цѣня заслуги его, Общество испросило разрѣшеніе на открытіе публичной подписки для сбора капитала стипендіи или пенсіи имени покойнаго и выставило его портретъ въ залѣ своихъ собраній.

Кромѣ того, и въ 1867, и въ 1868 г., Общество лишилось еще нѣсколькихъ членовъ. Общее же число оставшихся въ живыхъ, вмѣстѣ съ вновь выбранными 63-ми, должно было составить къ концу 1868 года 745; но на самомъ дѣлѣ, съ окончаніемъ предпринятой еще въ 1866 году работы по повѣркѣ списка членовъ, ихъ оказалось лишь 302. Изъ остальныхъ 443-хъ одни оказались умершими, другіе или сложили съ себя званіе членовъ, или не дали отзыва на напоминаніе Комитета*) о вносѣ числившейся на нихъ недоимки, или, наконецъ, неизвѣстно гдѣ находились, и Комитетъ не могъ снестись съ ними.

*) Предсѣдатель Е. П. Ковалевскій, помощникъ А. П. Заблоцкій, секретарь К. Д. Кавелинъ, казначей Н. Н. Тютчевъ, и члены: К. К. Арсеньевъ, В. П. Гаевскій, А. Д. Галаховъ, В. Ѳ. Коршъ, В. И. Ламанскій, А. Н. Пыпинъ, Г. К. Рѣпинскій и Б. И. Утинъ.

Digitized by Google

Хлопоты Комитета по провѣркѣ списка и по разсылкѣ членамъ напоминаній имѣли послѣдствіемъ еще то, что, вмѣсто 95, какъ это было въ 1867 г., число членовъ, уплатившихъ свои вносы, простиралось уже до 251, и самая цифра вносовъ равнялась 9,242 р. Многіе внесли платежи за нѣсколько лѣтъ; другіе, слагая даже съ себя званіе члена Общества, сочли обязанностію сдѣлать въ его пользу приношенія и, наконецъ, нѣкоторые внесли единовременно плату въ 100 р. Въ виду такого результата, Комитетъ принялъ и на будущее время за правило, повѣряя списокъ къ концу каждаго года, не допускать впредь накопленія недоимокъ за многіе годы и примѣнять во всей точности правило устава объ исключеніи изъ списка членовъ не платящихъ болѣе двухъ лѣтъ.

Вообще 1868 годъ былъ особенно благопріятенъ для Общества въ денежномъ отношеніи: доходы Общества достигли, безъ малаго, до 17 т. р., цифры, которой они, исключая 1860 года, никогда еще не достигали. Вслѣдствіе этого, покрывъ расходы, Комитетъ увеличилъ капиталъ Общества до 45,912 р. Главными источниками доходовъ были, какъ и прежде, проценты съ капитала и пожертвованія Государя Императора и Императорской Фамиліи. Въ 1868 г. послѣднія увеличились еще на 200 р., пожалованные Обществу Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ. Устроенный 3 февраля, въ память столѣтней годовщины рожденія И. А. Крылова, литературный вечеръ, спектакли любителей въ Петрозаводскѣ и музыкальный вечеръ въ Оренбургѣ также немало содѣйствовали преуспѣянію кассы Общества.

Усиленіе денежныхъ средствъ дало счастливую возможность помочь большему числу лицъ и болѣе существеннымъ образомъ, причемъ Комитетъ былъ уже внѣ печальной необходимости скупиться выдачею пособій и соразмѣрялъ свои вспомоществованія лишь съ положеніемъ просителей, ихъ нуждою и свойствомъ ходатайствъ. Всего на денежныя пособія въ 1868 г. было употреблено 10,436 р., и ими воспользовались 103 лица.

Digitized by Google

Пенсій, по назначеніямъ прежнихъ лѣтъ, роздано было 14 на сумму 2,920 р. Одна изъ нихъ, въ 200 р., должна была прекратиться еще въ февралѣ мѣсяцѣ, но по ходатайству пенсіонерки продолжена была еще на годъ. Вновь же назначена была пенсія въ 300 р. многочисленному и крайне нуждавшемуся семейству одного покойнаго ученаго. Въ ссуду было выдано только 200 р., т. е. вчетверо меньше, чѣмъ въ 1867 г. и въ шесть слишкомъ разъ менѣе, чѣмъ въ 1866 г. Напротивъ того, пособія на воспитаніе увеличились въ сравненіи съ предшествовавшими годами. По назначенію прежняго времени продолжался отпускъ 500 р. въ С.-Петербургскій университетъ, и деньгами этими воспользовались 16 молодыхъ людей. Сверхъ того, по прежнимъ же назначеніямъ, на воспитаніе двухъ дѣвицъ отпущено было 112 р. и вновь назначено 285 р. на ученіе четырехъ мальчиковъ. Такимъ образомъ въ 1868 г. на воспитаніе 23 лицъ было израсходовано 897 р.

Продолжительныя пособія тоже увеличились: къ 300 руб., назначеннымъ въ 1867 году, одному лицу на два года, прибавилось еще пособіе, на два же года, по 100 руб. въ каждый. Что касается единовременныхъ пособій, то они были выданы 64 лицамъ на сумму 5,764 руб.

Благодаря вниманію Государыни Великой Княгини Елены Павловны, Комитету посчастливилось испросить падчерицѣ покойнаго писателя безплатное воспитаніе въ состоявшемъ подъ попечительствомъ Ея Императорскаго Высочества училищѣ св. Елены; на приготовленіе же брата этой дѣвочки къ гимназіи министръ народнаго просвѣщенія назначилъ въ распоряженіе Общества 200 руб. Комитетъ заботился также о помѣщеніи дѣтей нѣкоторыхъ другихъ писателей въ учебныя заведенія, а больныхъ, состоявшихъ подъ попечительствомъ Общества, въ богадѣльни и больницы. Члены Общества, врачи В. А. Манассеинъ и Т. И. Музыкантовъ, по просьбѣ Комитета, посѣщали больныхъ писателей и пользовали ихъ. Другія пособія этой же категоріи состояли въ ходатайствахъ

Digitized by Google

о назначеніи пенсій въ усиленномъ размѣрѣ, объ опредѣленіи въ службу и т. п. Всего неденежныхъ пособій оказано было въ 12 случаяхъ.

Ходатайства 23 лицъ о пособіяхъ и ссудахъ были отклонены, точно такъ-же, какъ и просьбы 5 лицъ о пособіяхъ на изданіе сочиненій, о рекомендаціи въ качествѣ коммиссіонеровъ по книжной торговлѣ или корреспондентовъ въ журналахъ, объ устройствѣ публичныхъ лекцій, съ обращеніемъ части выручки на изданіе сочиненій, и т. п.

Денежныя средства Общества такъ были значительны въ 1868 году, что даже ревизіонная коммиссія, нерѣдко замѣчавшая Комитету ту или другую, излишнюю по ея мнѣнію, издержку, сама выступила теперь съ предложеніемъ обратить часть денегъ Общества въ расходъ. Находя, что ограниченіе пособій на воспитаніе доставленіемъ оныхъ исключительно въ С.-Петербургскій университетъ, могло быть вызвано одною недостаточностью средствъ Общества, коммиссія предложила, въ случаяхъ, когда средства Общества позволятъ, распространять эти пособія и на другіе университеты, изъ коихъ нѣкоторые, какъ напримѣръ Харьковскій, могутъ нуждаться въ нихъ если не болѣе, то не менѣе С.-Петербургскаго. Вполнѣ сочувствуя этой мысли, Комитетъ положилъ привести ее въ исполненіе при первой же возможности, начавъ съ Харьковскаго университета.

X.

1869 годъ.

Со смертію Е. П. Ковалевскаго, предсѣдателемъ Общества, въ февралѣ 1869 года, былъ избранъ Я. К. Гротъ. Помощникомъ предсѣдателя продолжалъ состоять А. П. Заблоцкій; казначеемъ былъ выбранъ М. М. Стасюлевичъ, секретаремъ Г. К. Рѣпинскій *)

*) За болѣзнію секретаря, обязанности его въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ исполнялъ П. В. Анненковъ.

Digitized by Google

и членами, вмѣсто выбывшихъ, П. В. Анненковъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и М. И. Богдановичъ.

Составленный такимъ образомъ Комитетъ, несмотря на все желаніе выйти изъ тѣсной рамки благотворительной дѣятельности и приступить къ осуществленію указанной въ уставѣ задачи споспѣшествовать изданію въ свѣтъ полезныхъ литературныхъ и ученыхъ трудовъ, не могъ этого исполнить и на десятомъ году со дня основанія Общества, такъ какъ денежныя средства послѣдняго все еще недостаточно были развиты. Получивъ въ теченіи года 13,740 руб., и въ томъ числѣ отъ Государя Наслѣдника Цесаревича и Его Супруги 250 руб., Комитетъ вынужденъ былъ израсходовать на удовлетвореніе главной цѣли учрежденія Общества, т. е. на пособія, 9,517 руб. 78 коп. Сверхъ прежнихъ 14 пенсій, вновь назначена была одна въ 300 руб. престарѣлому и разстроенному въ здоровьѣ писателю. Въ ссуду было выдано двумъ лицамъ 300 руб. Продолжительныя пособія были ассигнованы четыремъ лицамъ, отъ 7 до 25 руб. въ мѣсяцъ; единовременныя же были выданы 67 лицамъ, на сумму 4,669 руб. 65 коп., въ размѣрѣ отъ 25 до 200 руб. Кромѣ того, было отпущено на погребеніе двухъ лицъ 75 руб., а 100 руб., назначенные въ пособіе писательницѣ и недошедшіе по назпаченію за смертію ея за-границею, были употреблены, съ разрѣшенія Комитета, на перевозку тѣла ея въ Россію.

На воспитаніе 18 лицъ было выдано 1,358 руб. 93 коп., считая въ томъ числѣ и отпускъ 500 руб. въ распоряженіе С.-Петербургскаго университета. Хотя же въ 1868 году и предположено было отпустить извѣстную сумму на тотъ же предметъ въ Харьковскій университетъ, но предположеніе это не было приведено въ исполненіе. Въ объясненіи на замѣчаніе по этому предмету ревизіонной коммиссіи, Комитетъ сослался на то, что осуществленіе означеннаго предложенія было первоначально обусловлено развитіемъ средствъ Общества, а средства эти, по мнѣнію Комитета, и въ 1869 году были не настолько значительны, чтобы дать Комитету возможность обязываться

Digitized by Google

ежегоднымъ вносомъ въ Харьковскій или другой университетъ болѣе или менѣе значительной суммы.

Неденежныя пособія, оказанныя Комитетомъ четыремъ лицамъ, заключались въ слѣдующемъ: одно лицо, по ходатайству Комитета, принято было на безплатное призрѣніе въ богадѣльню; дочь писателя была помѣщена на безплатную вакансію приходящей ученицы въ пансіонъ при женской прогимназіи; редакціи одной газеты сообщено было объ уплатѣ гонорара вдовѣ сотрудника редакціи и, наконецъ, приняты были мѣры къ переводу больнаго писателя изъ сухопутнаго госпиталя въ загородную больницу.

Ходатайства 21 лица были отклонены, потому что лица эти не удовлетворяли указаннымъ въ уставѣ условіямъ, или получали пособія изъ другихъ источниковъ, или воспользовались помощью Общества не задолго до подачи новой просьбы, или просили о ссудѣ, въ уплатѣ которой члены Комитета не принимали на себя ручательства. Одному лицу отказано было въ опроверженіи отъ имени Комитета слуховъ о просителѣ, потому что это не входило въ кругъ дѣятельности Общества; другому—въ доставленіи работы, такъ какъ послѣ посылки просьбы въ Комитетъ онъ уже получилъ занятія; третьему въ напечатаніи его сочиненій, и, наконецъ, четвертому въ денежномъ пособіи, такъ какъ нѣмецкіе стихи, представленные имъ въ доказательство права на помощь со стороны Общества, ничего общаго съ русской литературой не имѣли.

Отклонено было также и требованіе мироваго судьи 10-го участка С.-Петербурга, о назначеніи, изъ числа членовъ Общества, экспертовъ для оцѣнки литературныхъ произведеній одного лица, потому съ одной стороны, что цѣль учрежденія Общества прямо и положительно выражена въ уставѣ, причемъ на обязанность Комитета вовсе не возложено входить въ оцѣнку чьихъ-либо трудовъ для какихъ-либо другихъ цѣлей, помимо указанной уставомъ, а съ другой, оттого, что члены Общества находятся внѣ всякой зависимости отъ Комитета.

Digitized by Google

Общественный капиталъ, благодаря системѣ, принятой Комитетомъ по взысканію съ членовъ ежегодныхъ вносовъ, возросъ и въ 1869 году, несмотря на довольно значительный расходъ. Изъ 336 членовъ*) 236 внесли въ кассу Общества 5,807 руб., причемъ за прежніе годы поступило отъ 41-го члена 1,168 руб., и вслѣдствіе этого въ запасной капиталъ можно было обратить болѣе 4,000 руб., такъ что къ 1-му января 1870 г. въ кассѣ Общества было уже 49,925 руб. 20 коп.

Въ видахъ еще большаго увеличенія средствъ, Комитетъ предполагалъ устроить публичныя лекціи и входилъ по этому предмету въ сношенія съ нѣкоторыми лицами; но заботы его не увѣнчались успѣхомъ по причинамъ, устраненіе которыхъ было не въ его власти.

Въ 1869 же году былъ вновь возбужденъ вопросъ объ оживленіи общихъ собраній и о привлеченіи къ нимъ большаго числа членовъ. Сначала предположено было созывать чрезвычайныя собранія 27 декабря и 2 февраля для обсужденія различныхъ вопросовъ и мѣръ по веденію дѣлъ; но вскорѣ эта мѣра была признана неудобною, такъ какъ обыкновенное собраніе 27 декабря, посвященное главнымъ образомъ избранію ревизіонной коммиссіи, а годовое 2 февраля — чтенію отчета и выбору новыхъ членовъ Комитета и должностныхъ лицъ, продолжаются довольно долго, и назначенныя, въ эти же дни, чрезвычайныя собранія были бы слишкомъ утомительны. Поэтому найдено было болѣе правильнымъ открывать такія собранія въ апрѣлѣ и октябрѣ, когда дѣлъ въ обыкновенныхъ собраніяхъ немного и членовъ собирается мало. Впрочемъ, въ 1869 г. Комитетомъ не было встрѣчено никакихъ сомнѣній и вопросовъ по веденію дѣлъ, которые онъ могъ бы предложить на разрѣшеніе общаго собранія, вслѣдствіе чего въ созывѣ чрезвычайнаго собранія не было встрѣчено надобности.

---

*) Въ 1869 г. вновь выбрано было 34 члена. Число платящихъ было менѣе общаго числа членовъ потому, что многіе изъ нихъ сдѣлали пожизненные вносы.

Digitized by Google

XI.

1870 годъ.

Вслѣдствіе замѣчаній ревизіонной коммиссіи, Комитетъ*) поспѣшилъ распорядиться, въ 1870 году, отпускомъ денегъ въ Харьковскій университетъ, въ уплату за слушаніе лекцій бѣдными студентами; но, войдя въ сношеніе по этому предмету съ профессоромъ университета Д. И. Каченовскимъ, Комитетъ долженъ былъ измѣнить свое первоначальное намѣреніе и остановился на мысли высылать ежегодно по 120 руб. не въ уплату за слушаніе лекцій, а въ пособіе двумъ студентамъ юридическаго факультета, такъ какъ, по свидѣтельству Каченовскаго, студенты этого факультета были поставлены въ худшее положеніе, чѣмъ прочіе.

Такое направленіе дѣла дало поводъ ревизіонной коммиссіи предложить объ измѣненіи назначенія и тѣхъ 500 р., которые отпускались въ С.-Петербургскій университетъ. Не отрицая пользы, приносимой уплатою за слушаніе лекцій бѣдными студентами, коммиссія не могла однако не замѣтить, что дѣйствительно бѣдные студенты могутъ, безъ особаго затрудненія, освобождаться отъ платы представленіемъ свидѣтельства о своей бѣдности, почему, быть можетъ, полезнѣе было бы, если не всѣ 500 р., то по крайней мѣрѣ значительную ихъ часть, обращать въ непосредственное пособіе наиболѣе достойнымъ и бѣднымъ студентамъ. Предложеніе это было принято Обществомъ, и въ 1872 году были учреждены четыре стипендіи, въ 125 р. каждая, для студентовъ 1-го курса названнаго университета. За то по другому, весьма существенному вопросу о повтори-

*) Должностныя лица Комитета были тѣже, что и въ прошломъ году; только въ должность казначея, вмѣсто М. М. Стасюлевича, вступилъ Н. Н. Тютчевъ. Вновь поступили членами: В. П. Гаевскій, К. Д. Кавелинъ и П. М. Ковалевскій, вмѣсто выбывшихъ: К. К. Арсеньева, М. И. Богдановича, В. И. Ламанскаго и Б. И. Утина.

Digitized by Google

тельныхъ выдачахъ пособій не послѣдовало соглашенія Комитета съ ревизіонною коммиссіею, и даже въ средѣ самой коммиссіи вопросъ этотъ вызвалъ разногласіе. Большинство голосовъ коммиссіи обратило вниманіе на то, что въ 1870 г. изъ 72 единовременныхъ пособій на 5,536 р., нѣкоторыя были выданы такимъ лицамъ, которыя неоднократно уже пользовались вспомоществованіями отъ Общества, и именно одно лицо получило пособіе въ седьмой разъ, пять въ пятый, четыре въ четвертый, одиннадцать въ третій и четырнадцать во второй разъ. Такимъ образомъ, выдача однимъ и тѣмъ же лицамъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду, единовременныхъ пособій придавала этимъ пособіямъ характеръ вспомоществованій продолжительныхъ.

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе, Комитетъ отозвался, что хотя нѣкоторыя изъ лицъ, получившихъ въ 1870 г. пособія, и пользовались такими же пособіями въ прежніе годы, но обстоятельство это не могло лишать ихъ права на новую помощь, потому что нельзя было ставить имъ въ вину повтореніе такихъ причинъ, которыя вынуждали ихъ обращаться къ Обществу. При томъ же Комитетъ постоянно обращалъ вниманіе на то, чтобы выдаваемыя имъ единовременныя пособія не принимали, чрезъ частое повтореніе ихъ, характера пособій постоянныхъ, какъ бы замѣняющихъ пенсіи.

Еще болѣе подробно развитъ былъ вопросъ о повторительныхъ пособіяхъ въ отдѣльномъ мнѣніи члена ревизіонной коммиссіи К. К. Арсеньева. Неоднократная выдача пособій однимъ и тѣмъ же лицамъ представлялась, по убѣжденію г. Арсеньева, фактомъ не только естественнымъ, но и вполнѣ законнымъ. Множество лицъ, занимающихся только литературой, такъ мало обезпечено въ матеріальномъ отношеніи, что затрудненія, заставляющія ихъ прибѣгать къ помощи Общества, повторяются почти періодически. Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ, помощь, однажды оказанная, не можетъ служить препятствіемъ къ назначенію новаго пособія. Комитетъ

Digitized by Google

принялъ за правило не выдавать одному и тому же лицу двухъ пособій въ теченіи одного и того же года; но и отъ этого правила онъ иногда бывалъ поставленъ въ необходимость отступать, въ виду крайне бѣдственнаго положенія просителя. Съ другой стороны, единовременныя пособія, нѣсколько разъ повторенныя, существенно отличаются не только отъ пенсій, но даже и отъ продолжительныхъ пособій. Назначая пенсію или продолжительное пособіе, Комитетъ связываетъ себя и своихъ преемниковъ, установляетъ правило, безусловно обязательное въ теченіи извѣстнаго срока; назначая же единовременное пособіе, онъ сохраняетъ за собою полную свободу дѣйствій въ будущемъ, и если повторяетъ выдачу пособія, то только потому, что встрѣчаетъ къ тому въ данную минуту достаточное основаніе.

Общее собраніе членовъ Общества, выслушавъ всѣ эти разсужденія, не поддержало мнѣнія ревизіонной коммиссіи, и такимъ образомъ въ правилахъ, которыми руководствовался Комитетъ, не послѣдовало никакой перемѣны.

Независимо отъ указанныхъ пособій, въ 1870 г. было выдано на воспитаніе 34 лицъ 1,741 р., въ продолжительное пособіе тремъ лицамъ 275 р. и въ ссуду одному лицу 125 р. Шестнадцати лицамъ или семействамъ производились пенсіи на 3,460 р., причемъ въ 1870 г. вновь были назначены двѣ пенсіи: одна въ 120 р., а другая въ 240 р., и за смертію пенсіонерки, производившаяся ей пенсія въ 300 р. была переведена на ея дочь. Всего, съ единовременными пособіями, израсходовано было на 112 лицъ или семействъ 11,117 р. Пяти лицамъ была оказана медицинская помощь; два лица, при содѣйствіи Комитета, получили сполна деньги, слѣдовавшія имъ отъ редакцій журналовъ, а объ уплатѣ гонорара третьему было сообщено редакціи газеты. По ходатайству бывшаго преподавателя, были приняты мѣры къ изданію сдѣланнаго имъ перевода историческаго сочиненія. Писателю, оставившему службу, была исходатайствована пенсія въ 600 р., а по просьбѣ другаго, жив-

Digitized by Google

шаго въ провинціи, устроена была продажа его сочиненій въ Петербургѣ, и, наконецъ, сдѣлано было сношеніе о возвращеніи рукописей третьяго писателя, заложенныхъ содержателю гостинницы. Случаевъ отклоненія ходатайствъ за тоже время было 39.

Капиталъ Общества снова увеличился и достигъ уже 52,044 руб., хотя во весь 1870 г. не было устроено ни литературнаго чтенія, ни концерта. Правильное поступленіе членскихъ вносовъ составило, какъ и въ прошломъ году, одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ дохода. Всѣхъ членовъ, вмѣстѣ съ вновь выбранными 48, считалось къ 1 января 1871 г. 363, и изъ нихъ 269 уплатили 5,704 р. 52 к.

XII.

1871 годъ.

Возбужденный въ 1868 году вопросъ объ учрежденіи стипендіи или пенсіи имени покойнаго Е. П. Ковалевскаго, благодаря теплому участію многихъ лицъ въ подпискѣ на нужный для этой цѣли капиталъ, разрѣшился вполнѣ благопріятно въ 1871 году. Въ началѣ этого года въ кассѣ Общества получено было уже 6,680 р. 49 к., собранныхъ не только въ средѣ членовъ Общества, но и отъ постороннихъ лицъ, при посредствѣ губернаторовъ, попечителей учебныхъ округовъ и директоровъ учебныхъ заведеній. Самое крупное пожертвованіе сдѣлано было наслѣдниками покойнаго, передавшими въ капиталъ стипендіи 1,200 р., вырученныхъ за право изданія сочиненій Егора Петровича. Въ теченіи 1871 г. пожертвованій поступило еще около тысячи рублей и самые проценты на собранный капиталъ давали уже болѣе 300 р. дохода, такъ что являлась полная возможность почтить память перваго предсѣдателя Общества достойнымъ образомъ. Созванное 3-го января 1871 г. чрезвычайное общее собраніе, выслушавъ различныя предположенія относительно употребленія собраннаго капитала, отдало преимуще-

Digitized by Google

ство мысли объ учрежденіи стипендіи въ 300 р. въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ воспитывался Е. П. Ковалевскій, и, опредѣливъ главныя начала правилъ о стипендіи, предоставило Комитету *) разработать ихъ въ подробности. Составленный Комитетомъ проектъ былъ разсмотрѣнъ общимъ собраніемъ 2 февраля, и затѣмъ, съ Высочайшаго соизволенія, былъ утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія **).

По неимѣнію въ виду кандидата на стипендію, изъ числа родственниковъ Е. П. Ковалевскаго, выборъ былъ предоставленъ

*) Предсѣдателемъ въ этомъ году былъ Я. К. Гротъ, помощникомъ К. Д. Кавелинъ, секретаремъ П. В. Анненковъ, казначеемъ Н. Н. Тютчевъ, членами: К. К. Арсеньевъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. П. Гаевскій, П. М. Ковалевскій, М. Е. Салтыковъ, А. С. Суворинъ и Б. И. Утинъ.

**) Положеніе о стипендіи Е. П. Ковалевскаго содержитъ въ себѣ слѣдующія правила: 1) Въ память бывшаго предсѣдателя Общества, изъ процентовъ съ пожертвованнаго по подпискѣ капитала, учреждается при Обществѣ стипендія Е. П. Ковалевскаго. 2) Капиталъ этотъ, состоящій въ процентныхъ бумагахъ, остается навсегда неприкосновеннымъ, подъ именемъ капитала Ковалевскаго, и хранится въ кассѣ Общества. Проценты съ этого капитала въ назначенномъ для стипендіи размѣрѣ доставляются ежегодно въ Правленіе Императорскаго Харьковскаго университета, для выдачи стипендіату Ковалевскаго. 3) Выборъ стипендіата предоставляется Комитету Общества по сношенію съ совѣтомъ университета. Право окончательнаго выбора стипендіата принадлежитъ Комитету; если же Комитетъ до исхода мая мѣсяца не предложитъ своего стипендіата, то послѣдній выбирается университетскимъ совѣтомъ, съ согласія Комитета Общества. 4) Въ стипендіаты избирается отличнѣйшій по успѣхамъ и способностямъ, а также по поведенію учащійся недостаточнаго состоянія, безъ различія факультетовъ, состоящій въ россійскомъ подданствѣ. Стипендія назначается преимущественно для студентовъ, начиная съ 2-го курса, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда по особо уважительнымъ причинамъ будетъ признано справедливымъ назначить стипендію студенту 1-го курса. 5) Стипендіату Ковалевскаго, окончившему курсъ со степенью кандидата и объявившему желаніе держать экзаменъ на степень магистра или доктора, сохраняется право пользованія стипендіею еще на одинъ годъ, со времени окончанія курса. Примѣчаніе. Указанный въ настоящемъ § срокъ, при особо уважительныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть продолженъ Комитетомъ Общества еще на одинъ годъ. 6) Если стипендіатъ, по общимъ правиламъ, вслѣдствіе неуспѣшныхъ испытаній, потеряетъ право на стипендію, то на мѣсто его выбирается другой стипендіатъ, на основаніи §§ 3 и 4 настоящаго положенія.

Digitized by Google

совѣту Харьковскаго университета, который, съ согласія Комитета, и назначилъ ее студенту Н. Черняеву.

Что касается учрежденія, по замѣчанію ревизіонной коммиссіи, стипендій для студентовъ другихъ университетовъ, кромѣ С.-Петербургскаго и Харьковскаго, то хотя вопросъ объ этомъ и былъ поднятъ въ Комитетѣ, но сперва разрѣшеніе его было отложено до мая мѣсяца, когда, какъ предполагалось, должны были болѣе выясниться средства Общества, а потомъ, за значительнымъ умноженіемъ расходовъ, онъ болѣе не возобновлялся.

Выше указанъ былъ взглядъ Комитета на посредничество его между писателями или издателями журналовъ и книгъ по встрѣчавшимся между ними спорамъ. Мы видѣли также, что съ теченіемъ времени взглядъ этотъ измѣнился, такъ что Комитетъ нашелъ возможнымъ принимать на себя означенное посредничество. Наконецъ, случаи обращенія къ нему за такого рода содѣйствіемъ стали столь часты, что Комитету пришлось выработать по этому предмету болѣе опредѣлительныя правила, чтобы, съ одной стороны, съ точностью указать границы своего вмѣшательства въ такого рода спорныя дѣла, а съ другой, чтобы опредѣлить интересы какъ обвиняемыхъ, такъ и жалующихся. Составленныя въ этихъ видахъ и утвержденныя общимъ собраніемъ правила заключаются въ слѣдующемъ: 1) Будучи только посредникомъ въ возникающихъ недоразумѣніяхъ между писателями, съ одной стороны, и издателями книгъ или журналовъ, книгопродавцами или редакторами повременныхъ изданій съ другой, и совершенно устраняя отъ себя роль судьи или рѣшителя споровъ, на которую, по своему учрежденію, не имѣетъ никакого права, Комитетъ Общества всякую жалобу на неисполненіе одною изъ указанныхъ выше сторонъ послѣдовавшаго между ними соглашенія, препровождаетъ въ выпискѣ къ тому лицу, на которое жалоба принесена, и ожидаетъ его разъясненій. 2) Получивъ отвѣтъ, Комитетъ сообщаетъ его, въ выпискѣ, просителю, и если получитъ отъ него возраженіе на отвѣтъ, то сообщаетъ его отвѣтчику, для надлежащаго разъясненія дѣла. 3) По

Digitized by Google

спорамъ, неоконченнымъ сторонами миролюбиво въ теченіи мѣсяца со дня посылки послѣдней бумаги, Комитетъ прекращаетъ всякое у себя производство, предоставляя сторонамъ вѣдаться тѣмъ путемъ, какой онѣ найдутъ болѣе удобнымъ. 4) Въ случаѣ неполученія отвѣта на послѣднее сообщеніе, или непрекращенія дѣла миролюбиво, Комитетъ публикуетъ, въ извлеченіяхъ изъ своихъ журналовъ, существо спора, съ означеніемъ полныхъ именъ обѣихъ сторонъ. 5) Распоряженіе это можетъ быть сдѣлано Комитетомъ не иначе, какъ только при условіи, если онъ въ просьбѣ хотя бы одной изъ спорящихъ сторонъ будетъ прямо уполномоченъ на это, или если въ теченіи возникшаго уже дѣла получится заявленіе, хотя бы одной изъ сторонъ, о желаніи ея дать дѣлу именно этотъ ходъ. 6) Споры, оконченные миролюбиво, вовсе не публикуются и упоминаются лишь вкратцѣ въ годовомъ отчетѣ Общества, безъ означенія именъ сторонъ и существа возникшихъ между ними недоразумѣній.

Доходы Общества въ 1871 г. достигли довольно крупной суммы—14,419 р. 83 к. Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Алексѣй Александровичъ пожаловалъ Обществу ежегодно по 100 р.; 271 членъ*) внесли 5,414 р.; пожертвованій поступило 969 р. 55 к. Устроенныя Комитетомъ два литературныя чтенія не дали большаго сбора, но по крайней мѣрѣ не принесли и убытковъ: на нихъ было собрано около 300 р. Получивъ порядочный доходъ, Комитетъ не сталъ уже стѣсняться въ выдачѣ пособій, хотя пособія, по прежнему, выдавались не безъ разбора и съ возможною бережливостью. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда обращавшіяся къ нему лица не имѣли права на покровительство Общества, но дѣйствительно нуждались въ пособіи, Комитетъ оказывалъ имъ помощь путемъ частной благотворительности. Изъ числа прежде назначенныхъ пен-

*) Вновь было выбрано 34 члена; умерло 6; исключено за неплатежъ вносовъ 8. Къ 1 января 1872 г. въ спискѣ значилось 383 члена, и въ томъ числѣ 22 дамы. 88 членовъ числилось уплатившими пожизненные вносы.

ТИП. А. С. СУВОРИНА.

Digitized by Google

сій одна, за смертію пенсіонера, прекратилась, и ходатайство о переводѣ ея на дѣтей покойнаго было отклонено, такъ какъ средства ихъ къ жизни были вполнѣ обезпечены. Другая пенсія, со смертію пенсіонерки, была предоставлена сестрѣ покойной, и вновь была назначена пенсія неизлечимо больному профессору. Всего въ 1871 г. производилось 18 пенсій на 3,700 р., и изъ числа всѣхъ пенсіонеровъ только шестеро принадлежали къ петербургскимъ жителямъ и получали всѣ вмѣстѣ 1,240 р., тогда какъ въ Москвѣ и въ Московской губерніи было 8 пенсіонеровъ на сумму 1,840 р., а остальные четыре проживали въ другихъ губерніяхъ. Цифры эти прямо опровергали обвиненіе, будто бы Комитетъ былъ пристрастенъ къ петербургскимъ писателямъ и ученымъ въ ущербъ провинціальнымъ и московскимъ.

На воспитаніе и ученіе 26 дѣтей и молодыхъ людей въ 1871 г. было ассигновано 1,421 р. 34 к., а на единовременныя пособія 81-му лицу 6,090 р. 50 к., въ размѣрѣ отъ 20 до 300 р. Наконецъ, семи лицамъ было выдано въ ссуду 1,575 р. Въ общей же сложности пособій было оказано 132 лицамъ на 12,886 р. 84 к. *).

Результатомъ дѣятельности Комитета, какъ по выдачѣ пособій, такъ и по оборотамъ съ принадлежавшими Обществу процентными бумагами, было увеличеніе капитала Общества болѣе чѣмъ на 2,000 р., хотя въ дѣйствительности, какъ замѣтила ревизіонная коммиссія, показаніе капитала въ суммѣ 54,347 р. 39 к. едва ли можно было признать точнымъ, такъ какъ процентныя бумаги, въ которыхъ онъ хранился, представляя, по своей нарицательной цѣнѣ, цѣнность въ 53,140 р., были пріобрѣтены только за 46,946 р. Самый способъ принятія процентныхъ бумагъ по номинальной ихъ цѣнѣ, безъ показанія стоимости ихъ при покупкѣ, лишалъ ревизію возможности судить о выгодности произведеннаго въ 1871 г. обмѣна 52 акцій Глав-

*) Неденежныхъ пособій было оказано 16 лицамъ; отклонено же было 87 просьбъ 68 просителей.

Digitized by Google

наго общества желѣзныхъ дорогъ на консолидированныя облигаціи. Вслѣдствіе сего коммиссія, хотя и убѣжденная счетами Комитета, что совершенныя въ этомъ году операціи по обращенію наличныхъ суммъ въ процентныя бумаги были выгодны, не менѣе того нашла, что показаніе въ счетахъ процентныхъ бумагъ по дѣйствительной ихъ стоимости, но съ объясненіемъ ихъ нарицательной цѣны, было бы болѣе точнымъ, и что для избѣжанія какихъ-либо случайностей въ будущемъ, желательно было бы разрѣшить вопросъ: не слѣдуетъ ли точно опредѣлить, въ какихъ именно процентныхъ бумагахъ долженъ состоять капиталъ Общества?

Противъ этого послѣдняго предложенія возразили три члена самой ревизіонной коммиссіи (В. П. Буренинъ, А. Ѳ. Жоховъ и В. Ѳ. Коршъ), объясняя, что опредѣленіе, въ какихъ именно бумагахъ долженъ быть помѣщенъ капиталъ, стѣснило бы, безъ всякой пользы, Комитетъ въ его распоряженіяхъ и лишило бы возможности выгодно помѣщать капиталъ, сообразно временному положенію денежнаго рынка. Общее собраніе не могло бы заранѣе предугадать, какія именно бумаги было бы выгоднѣе пріобрѣтать въ теченіи года; если же предоставить рѣшеніе этого вопроса самому Комитету, то или онъ, въ теченіи извѣстнаго періода времени, обязанъ былъ бы подчиняться своему рѣшенію, и тогда точно также былъ бы стѣсненъ безъ всякой надобности, или же онъ имѣлъ бы право отступать отъ своего рѣшенія, и тогда оно не имѣло бы никакого практическаго значенія.

Съ своей стороны, Комитетъ счелъ долгомъ представить общему собранію подробное объясненіе своихъ дѣйствій. Въ первый отчетный годъ — объяснялъ онъ — 22,000 р. были обращены въ пятипроцентные банковые билеты, которые и были записаны на приходъ въ ихъ нарицательной цѣнѣ, по порядку принятому для счетоводства во всѣхъ учрежденіяхъ. Въ теченіи слѣдующихъ семи лѣтъ нарицательный капиталъ увеличился на 15,050 р., составляя къ 1-му января 1868 г. 37,250 р., въ томъ числѣ 5% билетовъ на 32,000 р. и дру-

Digitized by Google

гихъ процентныхъ бумагъ на 5,250 р. Такъ какъ съ 1860 г. по 1868 г. наша кредитная валюта подвергалась постояннымъ колебаніямъ, то въ началѣ 1868 г. Комитетъ призналъ полезнымъ принять за правило свободныя деньги Общества устроивать въ гарантированныхъ правительствомъ бумагахъ, съ металлическою валютою, чтобы тѣмъ дать капиталу надлежащую устойчивость и обезпечить Обществу возможно высокій процентъ. При этомъ было положено бумаги, выпущенныя на металлическіе рубли или талеры, безразлично считать по отчетности за рубли по ихъ нарицательной цѣнѣ. Первое примѣненіе такого правила состоялось въ апрѣлѣ 1868 г., когда 21 облигація Николаевской желѣзной дороги, нарицательной цѣной на 2,625 р., были пріобрѣтены по курсу 93½ р. за 125 р. Въ томъ же году были куплены еще облигаціи на 4,000 р., по курсу 83 и 85 кред. рубл. за 100 талеровъ, и затѣмъ въ 1869 г. было признано выгоднымъ обмѣнить всѣ 5% билеты, нарицательною цѣною на 32,000 р., на металлическія 5% облигаціи, нарицательною цѣною на 33,600 талеровъ, съ приплатою лишь 161 кред. рубля. Вслѣдствіе этого обмѣна, паденіе курса бумажной валюты не можетъ имѣть невыгоднаго вліянія на доходъ Общества. Въ 1867 г. дохода этого было лишь 1,670 р., а въ 1871 г. уже 3,041 р., т. е. онъ почти удвоился, несмотря на то, что къ нарицательному капиталу въ 37,000 р. прибавилось нарицательно меньше 16,000 р.

Представляя эти объясненія и указавъ съ точностью выгоду обмѣна 52 акцій желѣзныхъ дорогъ, Комитетъ заявилъ, что, по его мнѣнію, въ приходо-расходныхъ книгахъ и въ казначейскихъ отчетахъ процентныя бумаги и впредь должны показываться въ нарицательной цѣнности, какъ это принято во всѣхъ учрежденіяхъ, и что въ виду его всегда находится вѣдомость процентнымъ бумагамъ Общества, съ особой графой, въ которой показана дѣйствительная цѣна, по которой пріобрѣтены эти бумаги. Изъ этой вѣдомости видно, что на покупку бумагъ было употреблено 46,946 р., и такимъ образомъ

Digitized by Google

получавшійся Обществомъ доходъ съ капитала (3,041 р.) составлялъ около 6½ процентовъ.

Общее собраніе, повидимому, убѣдилось доводами Комитета; по крайней мѣрѣ, право Комитета пріобрѣтать тѣ или другія процентныя бумаги и показывать ихъ въ книгахъ и отчетахъ по нарицательной цѣнѣ осталось неоспореннымъ.

XIII.

1872 годъ.

Тринадцатый годъ жизни Общества какъ бы оправдалъ предразсудокъ, связанный съ числомъ 13: Общество лишилось въ этомъ году восьми членовъ, и между ними такихъ, потеря которыхъ для него была особенно чувствительна. 13-го іюня скончался только что выбранный въ казначеи Б. И. Утинъ*), одинъ изъ учредителей Общества, искренно ему преданный и всегда съ горячею любовью относившійся къ нему, какъ въ счастливые, такъ и въ тяжелые дни его существованія. Черезъ мѣсяцъ послѣ того, за Утинымъ послѣдовалъ П. П. Пекарскій, вступившій въ Общество съ перваго же года его образованія и бывшій нѣсколько лѣтъ весьма полезнымъ и трудолюбивымъ членомъ Комитета, а въ концѣ года не стало Д. И. Каченовскаго, дѣятельнаго сотрудника Общества, какъ по сбору пожертвованій, такъ и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда у Комитета встрѣчалась надобность въ его содѣйствіи или совѣтѣ.

Восемь же членовъ выбыло изъ Общества вслѣдствіе неумолимаго примѣненія § 19 устава, котораго такъ опасались Комитеты первыхъ годовъ; но зато вновь были приняты въ со-

*) За смертію Утина, казначеемъ былъ избранъ Н. Н. Тютчевъ. Предсѣдателемъ съ 2-го февраля 1872 г. былъ А. П. Заблоцкій, помощникомъ К. Д. Кавелинъ, секретаремъ Г. К. Рѣпинскій и членами: К. К. Арсеньевъ, В. П. Гаевскій, П. М. Ковалевскій, В. Ѳ. Коршъ, А. Н. Пыпинъ, М. Е. Салтыковъ и А. С. Суворинъ.

Digitized by Google

ставъ Общества два лица, признанные въ прежнее время сложившими съ себя званіе члена по неплатежу вносовъ, а теперь уплатившихъ числившуюся на нихъ недоимку. Одинъ членъ отказался отъ участія въ дѣлахъ Общества. Всего же, вмѣстѣ съ вновь выбранными (41), къ 1-му января 1873 г. въ спискѣ значилось 400 лицъ.

Хотя число уплатившихъ свои вносы, равно какъ и общая цифра этихъ вносовъ были нѣсколько менѣе числа и суммы вносовъ прошлаго года, однако платежи членовъ въ 1872 году составили третью часть всего дохода Общества, простиравшагося до 15,423 р. 30 к. Весьма крупнымъ вкладомъ въ капиталъ Общества, увеличившійся въ 1872 г. на 3,589 р. 11 к. и равнявшійся 57,936 р. 50 к., была выручка отъ концерта, устроеннаго при содѣйствіи г.г. Лавровской, Есиповой, Раабъ, Ауэра и Лешетицкаго: концертъ этотъ далъ чистой прибыли 2,353 р.

Тотъ же тринадцатый годъ ознаменовался еще проявленіемъ сочувствія къ дѣятельности и цѣлямъ Общества въ совершенно особой формѣ, именно въ формѣ завѣщаній, составляемыхъ въ пользу Общества. Сочувствіе это было тѣмъ въ особенности важно, что оно исходило отъ лицъ, даже непринадлежавшихъ къ составу Общества и вовсе ему неизвѣстныхъ. Скончавшійся въ Петербургѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Тимоѳеевъ завѣщалъ Обществу 1,200 р., а проживавшій въ Вологдѣ статскій совѣтникъ Василевскій распорядился передъ смертію, чтобы изъ остававшагося послѣ него капитала 300 р. были отосланы въ кассу Общества, для выдачи процентовъ съ этой суммы въ пособіе нуждающимся писателямъ.

Наконецъ, въ томъ же году, въ газетѣ «Новости» появились двѣ статьи, заключавшія въ себѣ нареканія на дѣйствія Комитета и нѣкоторыхъ изъ его членовъ. Статьи эти были такого рода, что обратили на себя вниманіе ревизіонной коммиссіи, которая признала, что какъ бы ни были голословны и неприличны подобныя журнальныя выходки, и въ какомъ бы періо-

Digitized by Google

дическомъ изданіи онѣ напечатаны ни были, все же онѣ могли поселять въ публикѣ невыгодное мнѣніе объ Обществѣ и вредить его чести и кредиту. Вслѣдствіе того, коммиссія вытребовала изъ Комитета данныя и факты, которые могли бы послужить основаніемъ къ разъясненію означенныхъ нареканій, и, внимательно разсмотрѣвъ подлинные, доставленные Комитетомъ документы, убѣдилась вполнѣ, что названныя статьи наполнены были совершенно невѣрными свѣдѣніями.

Вообще коммиссія засвидѣтельствовала, что она замѣтила въ дѣйствіяхъ Комитета строгую разборчивость при назначеніи пособій *), и если встрѣтила уклоненіе отъ этого характера его дѣятельности, то не болѣе, какъ въ одномъ случаѣ, гдѣ, по ея мнѣнію, Комитетъ принялъ въ основаніе, при назначеніи пособія, мотивъ невполнѣ правильный.

Одного такого намека достаточно было, чтобы вызвать Комитетъ на объясненіе, тѣмъ болѣе нужное, что рѣчь шла объ одномъ изъ принциповъ, которыми Комитетъ руководствовался при опредѣленіи пособій. Дѣло, на которое указала коммиссія, состояло въ томъ, что писательница, мать пятерыхъ дѣтей, обратилась въ Комитетъ съ просьбою о выдачѣ ей 200 р. на уплату долговъ и вообще на необходимые для поддержанія семейства ея расходы. При обсужденіи этой просьбы и собранныхъ по ней свѣдѣній, въ Комитетѣ произошло разногласіе: нѣкоторые члены, находя, что такъ какъ мужъ просительницы получаетъ ежегодно 1,400 р. и, слѣдовательно, матеріальное положеніе ея вовсе не такого рода, чтобы вызывать помощь со стороны Общества, полагали ходатайство ея отклонить; но боль-

*) Въ 1872 г. были оказаны слѣдующія денежныя пособія: а) 18 пенсій на 3,830 р.; б) на воспитаніе и ученіе 17 лицъ 1,252 р. 19 к.; в) въ единовременное пособіе 84-мъ лицамъ 6,685 р.; г) продолжительное пособіе вдовѣ писателя—100 р., и д) въ ссуду двумъ лицамъ 600 р. Всего 121 лицу или семейству было выдано 12,377 р. 19 к. Неденежныхъ вспомоществованій разнаго рода было оказано 17. Семьдесятъ просьбъ 53-хъ просителей были отклонены.

Digitized by Google

шинство членовъ, принявъ во вниманіе свѣдѣнія о положеніи просительницы, признало, что полученіе мужемъ ея 1,400 р. въ годъ не можетъ и не должно лишать ее права на помощь Общества, потому что въ этомъ дѣлѣ шла рѣчь о пособіи ей самой, а не ея мужу, и вслѣдствіе того опредѣлило выдать просительницѣ 100 р.

Такое распоряженіе, по объясненію большинства членовъ Комитета, было вполнѣ согласно съ правилами устава, въ § 5 котораго выражено, что право на пособіе имѣетъ, между прочимъ, тотъ писатель, который стеченіемъ какихъ нибудь обстоятельствъ приведенъ въ стѣсненное положеніе. Просительница же, о которой упомянуто выше, находилась совершенно въ подобномъ положеніи: хотя мужъ ея и получалъ ежемѣсячно болѣе 100 р., но сумма эта, при дороговизнѣ петербургской жизни, вовсе не была такъ значительна, чтобы семейство изъ семи лицъ могло всегда сводить концы съ концами и не дѣлать иногда, по необходимости, нѣкоторыхъ долговъ, а коль скоро у человѣка, и тѣмъ болѣе у матери семейства, есть долги, то положеніе никакъ не можетъ назваться нестѣсненнымъ. Уставъ Общества разрѣшаетъ выдачу пособій даже такимъ лицамъ, которыя сами пользуются пенсіонами отъ правительства (примѣч. къ § 10) и, слѣдовательно, если право на пособіе имѣетъ писатель, получающій содержаніе отъ правительства или изъ инаго источника, то тѣмъ большее право должно принадлежать писателю, лишенному непосредственно такого содержанія.

XIV.

1873 годъ.

Достигнувъ, послѣ многолѣтнихъ попытокъ и усилій, дѣйствительнаго исполненія членами своихъ обязанностей по платежу вносовъ, Общество старалось привлечь тѣхъ же членовъ

Digitized by Google

къ посѣщенію общихъ собраній. Жалобы на малочисленность собраній раздавались едва ли не съ самаго учрежденія Общества. Мы видѣли также, какія мѣры предлагались, чтобы оживить собранія и тѣмъ привлечь въ нихъ членовъ. Ничто, однако, не помогало, пока наконецъ коммиссія, выбранная для обревизованія отчетовъ Комитета за 1872 г., не обратила вниманія на эту, своего рода хроническую, болѣзнь Общества. Высказавъ убѣжденіе, что общія собранія не только не представляли достаточнаго интереса, но даже были лишены и той занимательности, какую представляютъ для своихъ членовъ собранія всякихъ другихъ, не литературныхъ обществъ, коммиссія предложила такія мѣры оживленія собраній, которыя прежде всего указывались наличнымъ составомъ самого Общества — находящимися въ средѣ его литературными силами и общимъ характеромъ этого состава, заинтересованнаго судьбою отечественной литературы. Указывая на эти элементы, коммиссія предложила организовать чтенія въ общихъ собраніяхъ, съ цѣлью придать послѣднимъ научный и литературный интересъ.

Комитетъ сочувственно отнесся къ этому заявленію, и въ общемъ собраніи 28 октября устроилъ первое чтеніе, привлекшее 38 членовъ. Обрадованный такимъ успѣхомъ, Комитетъ заявилъ, что предположенная цѣль — оживить общія собранія — была достигнута. Но ревизіонная коммиссія замѣтила, что чтеніе не повторилось въ собраніи, слѣдовавшемъ за 28 октября; что потому нельзя еще дѣлать заключеній о пользѣ, какую можно ожидать отъ этой мѣры для Общества, и потому выразила желаніе и надежду, что Комитетъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы чтенія происходили въ каждомъ собраніи.

Обѣщая принять мѣры къ исполненію такого желанія, Комитетъ оговорился, что онъ не можетъ взять на себя ручательство въ томъ, что его старанія увѣнчаются успѣхомъ, такъ какъ устройство чтеній преимущественно зависитъ отъ такихъ данныхъ, которыми онъ не всегда можетъ располагать, и потому легко можетъ случиться — какъ это и было — что предпо-

Digitized by Google

ложенія его объ устройствѣ чтенія не оправдаются, по совершенно независящимъ отъ него причинамъ.

Что касается до обычныхъ занятій, и именно до выдачи денежныхъ пособій, то дѣйствія Комитета 1873 года въ этомъ отношеніи совершенно выходили изъ ряда обыковенныхъ, какъ по значительности всей израсходованной на вспомоществованія суммы, такъ и по числу лицъ, на долю которыхъ пришлись эти вспомоществованія. На пособія 149 лицамъ*) въ теченіи года было израсходовано 18,584 руб., т. е. на 6,000 руб. болѣе, чѣмъ въ прошломъ и предпрошломъ годахъ, которые, въ сравненіи съ прежними, представлялись немалозначащими по суммѣ расходовъ. Сверхъ пенсій, производившихся по прежнимъ назначеніямъ, вновь назначены были двѣ, каждая въ 300 руб., такъ что на одни пенсіонныя выдачи въ 1873 году было издержано 4,530 рублей., а вмѣстѣ съ расходами на воспитаніе и ученіе 31 лица почти семь съ половиною тысячъ рублей. Сверхъ того, въ ссуду семи лицамъ было выдано 1,300 руб. и на продолжительныя и единовременныя пособія 91-му лицу 9,846 р. 50 коп., т. е. такая сумма, которая превышала итогъ расходовъ нѣкоторыхъ изъ предшествовавшихъ лѣтъ на пособія всѣхъ видовъ.

Выдержать такую, сравнительно, громадную издержку касса Общества могла только потому, что и доходы ея въ 1873 году были немаловажны и, по своей суммѣ, равнялись суммѣ расходовъ: они простирались до 18,735 руб. 73 коп. Независимо отъ пожертвованій Государя Императора и членовъ Императорской Фамиліи, сократившихся впрочемъ на 200 руб. съ кончиною Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Елены Павловны, а также не считая пособія отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, процентовъ съ капитала и вносовъ 293 членовъ, въ кассу Общества однихъ частныхъ

*) Неденежныхъ пособій было оказано 21 лицу, и въ томъ числѣ 8 по спорнымъ дѣламъ ихъ съ редакціями повременныхъ изданій. Пятьдесятъ девять просьбъ 52-хъ просителей были отклонены.

Digitized by Google

пожертвованій и по духовному завѣщанію капитана Н. Н. Лобанова поступило 1,830 руб. 71 коп. Затѣмъ отъ семейства Б. И. Утина присланъ былъ 5% банковый билетъ въ 1,000 руб., обращенный, по постановленію Комитета, въ неприкосновенный капиталъ, съ присвоеніемъ послѣднему имени покойнаго, и въ заключеніе, отъ устроеннаго 29 марта концерта чистой прибыли получено было болѣе 3,000 руб.

Прямымъ послѣдствіемъ щедрости въ распоряженіяхъ Комитета 1873 года было, съ одной стороны, то, что капиталъ Общества могъ быть увеличенъ лишь на весьма незначительную сумму (135 руб. 78 коп.), а съ другой — ревизіонная коммиссія, какъ бы испуганная величиною расходовъ, подняла вопросъ о томъ: не было ли бы своевременно и полезно, когда дѣятельность Общества получаетъ съ каждымъ годомъ большее и большее развитіе, положить прочное основаніе правильному образованію и постепенному увеличенію неприкосновеннаго литературнаго фонда, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи процентами съ него могли покрываться обязательные расходы Общества, а затѣмъ, какъ излишекъ процентовъ, такъ и поступленія, не подлежащія зачисленію въ неприкосновенный капиталъ, могли быть обращаемы на единовременныя пособія и другіе расходы по постановленіямъ Комитета? Не предрѣшая этого вопроса, въ виду важности его, коммиссія представила его лишь на одобреніе общаго собранія, предлагая возложить на Комитетъ подробное обсужденіе этого дѣла.

Комитетъ 1873 года не только не возсталъ противъ такого предложенія, клонившагося къ ограниченію власти Комитета, но даже заявилъ, что принимаетъ его съ полнымъ сочувствіемъ и сочтетъ своею обязанностію тщательно обсудить означенный вопросъ.

Изъ прочихъ занятій Комитета того же года, обращаютъ на себя вниманіе нижеслѣдующія. Вопервыхъ, по заявленію М. В. Авдѣева о затруднительности устроивать публичныя въ пользу Общества чтенія въ провинціи, Комитетъ входилъ къ министру

Digitized by Google

народнаго просвѣщенія съ представленіемъ о допущеніи облегчительныхъ въ этомъ отношеніи правилъ. По всеподданнѣйшему докладу министра, ходатайство это было удовлетворено, а именно: разрѣшеніе чтеній во всѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ попечителей учебныхъ округовъ, предоставлено губернаторамъ, которые, въ случаѣ надобности, могутъ поручать просмотръ программъ чтеній и самихъ статей директорамъ мѣстныхъ гимназій.

Далѣе, во исполненіе постановленія общаго собранія, Комитетъ обсуждалъ вопросъ объ употребленіи процентовъ съ той части капитала стипендіи Е. П. Ковалевскаго, которая превышала сумму, необходимую на выдачу учрежденной уже стипендіи въ 300 р. Къ концу 1873 г. капиталъ этой стипендіи превышалъ 8,000 р., и процентовъ съ него поступило 458 р. 79 к. Въ виду этого, Комитетъ остановился на мысли образовать вторую стипендію въ 150 р., на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на какихъ была учреждена первая. Предположеніе это было утверждено общимъ собраніемъ 2-го февраля 1874 г.

Наконецъ, выслушавъ заявленіе О. Ѳ. Миллера о бѣдственномъ положеніи нѣкоторыхъ вольнослушателей С.-Петербургскаго университета, Комитетъ призналъ полезнымъ распространить на этихъ вольнослушателей правила о стипендіяхъ Общества, учрежденныхъ для студентовъ того же университета.

XV.

1874 годъ.

Однимъ изъ главнѣйшихъ дѣлъ обновленнаго 2-го февраля 1874 г. въ своемъ составѣ Комитета *) было обсужденіе вопроса объ образованіи неприкосновеннаго капитала Общества.

*) 2-го февраля 1874 г. изъ Комитета выбыли: К. К. Арсеньевъ, Г. Г. Даниловичъ, М. Е. Салтыковъ и А. С. Суворинъ. Взамѣнъ ихъ были выбраны: В. П. Гаевскій, П. А. Ефремовъ, К. Д. Кавелинъ и Н. А. Некрасовъ.

Digitized by Google

Хотя вопросъ этотъ, казалось, былъ уже предрѣшенъ въ прошломъ году, но теперь нѣкоторые члены Комитета рѣшительно возстали противъ обращенія суммъ Общества въ неприкосновенный фондъ, признавая это излишнимъ; другіе же члены не только остались при прежнемъ мнѣніи, но даже трое изъ нихъ заявили требованіе, чтобы въ этотъ фондъ была обращена большая часть денежныхъ средствъ Общества.

Въ такомъ видѣ дѣло поступило на разсмотрѣніе общаго собранія, созваннаго 17-го ноября 1874 г. Собраніе, признавъ, что неприкосновенный капиталъ долженъ быть образованъ, и что расходовать его Комитетъ можетъ не иначе, какъ съ разрѣшенія общихъ собраній членовъ Общества, опредѣлило: образовать его, во1-хъ, изъ суммъ, пожертвованныхъ семействомъ Б. И. Утина и И. Т. Лисенковымъ, а также завѣщанной Василевскимъ; во2-хъ, изъ суммъ, жертвуемыхъ въ пользу Общества подъ условіемъ расходованія только процентовъ съ нихъ, и въ3-хъ, изъ имѣющихъ поступать единовременныхъ, взамѣнъ ежегодныхъ, вносовъ членовъ Общества.

Что касается до обращенія въ тотъ же капиталъ значительной части другихъ, принадлежащихъ Обществу суммъ, то, отклонивъ сдѣланныя по этому предмету предложенія, собраніе поручило Комитету указать, по соглашенію съ ревизіонною коммиссіею, какая именно часть названныхъ суммъ могла бы быть перечислена въ неприкосновенный фондъ. Наконецъ, отвергнувъ и предложеніе объ отчисленіи, съ тою же цѣлію, 10% ежегодныхъ доходовъ Общества, собраніе предоставило Комитету, по взаимному соглашенію съ членами ревизіонной коммиссіи, опредѣлять ежегодно, какая часть изъ свободныхъ остатковъ отъ предыдущаго года можетъ быть отчислена въ упомянутый выше фондъ.

Такъ кончилось дѣло, устройство котораго, какъ мы видѣли, составляло одну изъ заботъ Комитета почти съ основанія Общества.

Въ томъ же общемъ собраніи, 17 ноября 1874 г., были разсмотрѣны правила, составленныя Комитетомъ съ цѣлію уста-

Digitized by Google

новить болѣе твердый порядокъ въ отношеніи, какъ веденія списка членовъ, такъ и исчисленія сдѣланныхъ членами вносовъ *).

Хотя же одинъ изъ присутствовавшихъ въ собраніи и предлагалъ дополнить эти правила постановленіемъ, «что при новомъ избраніи лицъ, отказавшихся въ прежнее время отъ званія члена Общества, въ баллотировочномъ спискѣ противъ именъ этихъ лицъ дѣлается указаніе на то, что они состояли уже членами, но отказались отъ этого званія», однако предложеніе это не было принято.

Между тѣмъ, еще до утвержденія означенныхъ правилъ, непредставлявшихъ, въ сущности, ничего-новаго, и только оформившихъ существовавшій уже въ дѣлахъ Общества порядокъ, принятыми Комитетомъ мѣрами былъ вполнѣ выясненъ наличный составъ Общества. Къ 1 января 1874 г. въ немъ числилось 429 членовъ; въ теченіи года трое изъ нихъ умерли, двое отказались отъ званія члена и одиннадцать были исклю-

*) Утвержденныя общимъ собраніемъ правила заключаютъ въ себѣ слѣдующія постановленія: 1) Въ печатный ежегодно списокъ членовъ вносятся только тѣ лица, которыя были избраны въ теченіи отчетнаго года. 2) Включеніе лицъ въ списокъ, равно какъ и исключеніе изъ него, и означеніе именъ нѣкоторыхъ изъ нихъ звѣздочкою допускается не иначе, какъ по постановленію Комитета. 3) Завѣдующій веденіемъ списка сообщаетъ его, передъ напечатаніемъ, секретарю и казначею, для провѣрки съ имѣющимися у нихъ свѣдѣніями. 4) Лица, исключенныя изъ списка, по неплатежу причитавшихся съ нихъ вносовъ, вносятся вновь въ списокъ по уплатѣ числившейся на нихъ недоимки и новому выбору не подлежатъ. 5) Лица, отказавшіяся отъ званія членовъ Общества, допускаются Комитетомъ къ новому избранію не иначе, какъ по наведеніи въ дѣлахъ справки о причинахъ ихъ отказа, и предложенія объ ихъ избраніи подлежатъ закрытой баллотировкѣ членовъ Комитета. 6) Лица, исключенныя изъ списка по неплатежу слѣдовавшихъ съ нихъ вносовъ и пожелавшія вновь вступить въ члены безъ уплаты недоимки за прежнее время, подлежатъ избранію на общемъ основаніи. 7) Вносы членовъ, выбранныхъ въ первой половинѣ года, засчитываются со 2-го февраля того года, въ который плательщикъ былъ выбранъ; вносы же членовъ, выбранныхъ во второй половинѣ года, засчитываются со 2-го февраля слѣдующаго за выборомъ такихъ членовъ года.

Digitized by Google

чены изъ списка по неплатежу ими вносовъ болѣе, чѣмъ за два года. Такимъ образомъ, изъ состава Общества выбыло 16 лицъ, но за то вновь было избрано 67 и внесены въ списокъ трое, уплатившіе числившуюся за ними недоимку во вносахъ, такъ что къ концу года въ спискѣ значилось уже 483 члена. Не смотря на такое приращеніе числа членовъ, Комитетъ высказалъ въ общемъ собраніи мысль о необходимости озаботиться привлеченіемъ въ составъ Общества возможно большаго числа лицъ, сочувствующихъ его дѣятельности и безпомощному положенію многихъ писателей и ихъ семействъ. По мнѣнію Комитета, помочь въ этомъ дѣлѣ могли бы сами члены Общества. Распространяя между своими знакомыми свѣдѣнія объ Обществѣ, о его дѣйствіяхъ и о цѣляхъ, къ которымъ оно стремится, они могли бы привлекать въ среду Общества все бо̀льшее и бо̀льшее число лицъ, и доставляя, такимъ образомъ, Обществу бо̀льшіе источники доходовъ, они не только дали бы ему возможность увеличить размѣры выдаваемыхъ пособій и чаще являться на помощь нуждающимся, но и устранили бы нерѣдко дѣлаемые упреки въ томъ, что будто бы и по уставу, и на самомъ дѣлѣ дѣятельность членовъ Общества представляется чисто пассивною.

При этомъ, во избѣжаніе какихъ бы то ни было недоразумѣній, Комитетъ счелъ долгомъ указать, что на основаніи § 2 устава членами Общества могутъ быть не только литераторы и ученые, но и другія лица, сочувствующія отечественной литературѣ и просвѣщенію, и что самыя предложенія объ избраніи желающихъ вступить въ члены, согласно § 16 устава, должны быть обращаемы въ Комитетъ, съ точнымъ означеніемъ имени, о̀тчества, фамиліи, мѣста жительства и званія предлагаемаго лица.

Поводомъ къ такому заявленію послужило то обстоятельство, что хотя отъ устроенныхъ въ началѣ года литературнаго чтенія и концерта и было выручено 3,605 р. 40 к., которые и послужили не только значительнымъ, но и крайне необходимымъ, какъ оказалось впослѣдствіи, подспорьемъ для Общества, но раз-

Digitized by Google

считывать на подобные случайные доходы въ будущемъ времени не представлялось возможности, и потому Обществу необходимо было пріискать способы къ постоянному увеличенію его средствъ. Побужденія, руководимыя Комитетомъ въ этомъ случаѣ нашли себѣ полное оправданіе въ концѣ года, когда опредѣлились съ бо̀льшею точностью цифры, какъ числа просьбъ о пособіи, такъ и суммы расходовъ. Независимо отъ назначенныхъ въ прежніе годы 21 пенсій и 17 пособій на воспитаніе и ученіе, Комитетъ вынужденъ былъ вновь назначить пенсію въ 300 р. одному тяжко больному писателю, выдать пособіе на воспитаніе 22 лицъ или семействъ, выдавать въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ содержаніе женѣ находившагося въ больницѣ писателя, оказать 86 лицамъ или семействамъ единовременныя пособія и, наконецъ, ссудить 14 лицъ довольно крупною, въ общей сложности, суммою. На все это потребовалось не менѣе 20,955 р. *). Кромѣ того, хотя въ прежнее время расходы по пересылкѣ пособій и пенсій иногороднымъ принимались казначеями Общества на свой собственный счетъ, но въ виду увеличенія пересылки, въ 1874 году признано было болѣе правильнымъ относить эти расходы на счетъ Общества. Точно также поступлено было и въ отношеніи расходовъ потребныхъ на вознагражденіе лица, собирающаго членскіе вносы. Въ предыдущіе годы расходы эти оплачивались членами Комитета, но теперь явилось сознаніе, что нѣтъ никакой причины заставлять членовъ Комитета тратить ихъ собственныя деньги на нужды Общества.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ издержками по храненію суммъ Общества, весь расходъ 1874 года достигъ немаловажной цифры 21,416 руб. 66 коп., въ приходѣ же за то же время было 21,918 р. 90 коп.; слѣдовательно, если бы концертъ и чтеніе не доставили значительнаго сбора, то Обществу пришлось бы тронуть

*) На пенсіи 5,507 р. (въ томъ числѣ выслано впередъ на 1875 годъ 577 р.); на воспитаніе 3,548 р. 50 к. (считая въ томъ числѣ расходы по назначенію 1873 года 92 р. 50 к. и на 1875 г. 200 р.), на единовременныя и продолжительныя пособія 8,389 р. 50 к. и на ссуды 3,510 р.

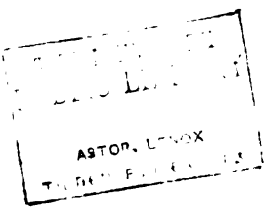
Digitized by Google

Фототип. Имп. Ак. Худ. В. Штейнъ. Спб. Вознесенскій проспектъ, № 14.

Дозволено цензурою. Спб., 24 октября 1884 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

свой капиталъ или значительно сократить число и размѣры своихъ пособій. Вообще нельзя не замѣтить, что если одними постоянными доходами, простиравшимися въ 1874 году до 12,396 руб. 86 коп.*), и обезпечиваются постоянные же расходы на пенсіи и воспитаніе (въ 1874 году 7,055 руб. 50 коп.), то на единовременныя пособія, поглощающія обыкновенно значительную часть прихода и уменьшить которыя можно только къ явному ущербу временно нуждающихся писателей или семействъ ихъ, остается весьма немного. Поэтому-то Комитету нельзя было бы не заботиться о возможно большемъ усиленіи наличныхъ силъ Общества, чтобы оно, будучи вполнѣ независимымъ отъ всякой случайности, могло удовлетворять предъявляемыя къ нему требованія своими собственными средствами. Задача эта, конечно, не легкая, тѣмъ болѣе, что для сохраненія достоинства Общества, нельзя допускать въ среду его каждаго встрѣчнаго, безъ всякаго разбора, лишь бы изъявлялось согласіе вносить въ кассу Общества извѣстную сумму денегъ. Съ другой же стороны, привлекая все бо́льшее и бо́льшее число лицъ, желающихъ поступить въ члены Общества, Комитетъ принимаетъ на себя бо́льшіе и бо́льшіе труды по правильному веденію списка членовъ и по наблюденію за бездоимочнымъ поступленіемъ ихъ вносовъ. Труды эти значительно облегчались бы, если бы члены Общества сами помогали Комитету въ достиженіи предположенной цѣли, но, къ сожалѣнію, пятнадцатилѣтній опытъ убѣждаетъ, что разсчитывать на содѣйствіе членовъ, хотя бы лишь въ томъ, что́ касается непосредственно ихъ самихъ, рѣшительно невозможно. Для примѣра можно сослаться на то, что въ 1874 году, въ виду посылки напоминаній объ уплатѣ членскихъ вносовъ и разсылки отчетовъ, Комитетъ приглашалъ, чрезъ газеты, членовъ Общества сообщать

*) Отъ Государя Императора и членовъ Императорской Фамиліи 2,050 р., отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1,000 р., процентовъ съ капитала 3,539 р. 86 к. и членскихъ вносовъ (въ 1874 г. отъ 304 членовъ) 5,807 р.

тип. А. С. СУВОРИНА.

Digitized by Google

ему о послѣдовавшихъ измѣненіяхъ въ ихъ адресахъ; но на это приглашеніе откликнулся только одинъ членъ, да и то бывшій въ общемъ собраніи, въ которомъ было прочтено такое же приглашеніе, и Комитету вновь пришлось розыскивать нѣкоторыхъ членовъ, чтобы не давать повода накопляться трудно уплачиваемымъ недоимкамъ.

Выше указаны были стремленія Комитета, если не къ прекращенію, то, по крайней мѣрѣ, къ ослабленію вреднаго вліянія на ходъ дѣла безучастнаго отношенія членовъ Общества къ исполненію тѣхъ немногихъ обязанностей, которыя лежатъ на нихъ по ихъ званію и, между прочимъ, по посѣщенію общихъ собраній. Придуманная мѣра—устройство чтеній въ дни этихъ собраній—привела, до нѣкоторой степени, къ желаемымъ результатамъ: число присутствовавшихъ въ собраніяхъ 1874 г. было несравненно значительнѣе, чѣмъ въ прошлые годы (6 января—26, 2 февраля—42, 21 апрѣля—51 и 17 ноября—45); но все же, если сравнить это число съ числомъ всѣхъ членовъ Общества, хотя бы только живущихъ въ С.-Петербургѣ, остается пожелать еще весьма многаго и возложить надежды лишь на то, что, быть можетъ, съ теченіемъ времени, чувство долга будетъ болѣе развито въ нашей средѣ.

Увеличеніе числа случаевъ проявленія благотворительной дѣятельности Общества вызвало, съ тѣмъ вмѣстѣ, и расширеніе круга лицъ, прибѣгавшихъ къ нему за помощью. Въ 1874 году поступило болѣе 280 просьбъ о пособіяхъ, какъ денежныхъ, такъ и невещественныхъ; но изъ нихъ удовлетворить оказалось возможнымъ только около двухъ третей, а прочія Комитетъ вынужденъ былъ отклонить, какъ не соотвѣтствовавшія существующимъ въ Обществѣ правиламъ.

Наконецъ, на пятнадцатомъ году своего существованія, Обществу пришлось выслушать тотъ же упрекъ, который не разъ дѣлался ему и въ прежнее время. Въ одномъ литературномъ органѣ, не смотря на явное сочувствіе къ дѣятельности Общества, между прочимъ, указано было на присущій будто бы ему

Digitized by Google

недостатокъ, заключающійся въ сомкнутости состава Комитета въ одномъ и томъ же личномъ персоналѣ, переходящемъ изъ года въ годъ и производящемъ на неучаствующихъ въ составѣ Комитета членовъ впечатлѣніе незнакомаго и чуждаго каждому изъ нихъ Общества. Упрекъ этотъ, никогда неимѣвшій серьезнаго основанія, — такъ какъ и прежде Комитетъ ежегодно обновлялся новыми силами, — потерялъ всякое значеніе въ послѣдніе годы, когда, какъ бы въ предвидѣніи его, Комитетъ старался привлекать въ свою среду лицъ, неучаствовавшихъ еще въ его занятіяхъ.

Григорій Рѣпинскій.

XVI.

1875 годъ.

1875 годъ былъ особенно богатъ опытами, приведшими къ нѣкоторымъ измѣненіямъ въ установленныхъ обычаяхъ Общества. Такъ, съ самаго начала этого года, Комитету пришлось убѣдиться, какъ чутко обязанъ онъ слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что дѣлается въ литературныхъ и общественныхъ сферахъ, и заботиться, чтобы дѣйствія его, хотя бы сами по себѣ вполнѣ правильныя и разумныя, въ то же время не расходились съ общественнымъ настроеніемъ данной минуты. Въ литературныхъ же сферахъ происходило въ то время слѣдующее: это былъ какъ разъ моментъ, въ который «С.-Петербургскія Вѣдомости» переходили отъ старой редакціи В. Ѳ. Корша къ новой редакціи Ѳ. П. Баймакова. Публика, привыкшая къ старой редакціи, въ теченіи многихъ лѣтъ успѣвшей снискать ея расположеніе и популярность, съ недовольствомъ смотрѣла на эту перемѣну. Въ литературѣ шла оживленная и горячая полемика. Въ то же время, въ честь В. Ѳ. Корша и его сотрудниковъ, былъ устроенъ литературный обѣдъ, на которомъ положено было начало собиранія неприкосновеннаго капитала имени В. Ѳ. Корша (объ этомъ капиталѣ будетъ рѣчь ниже). Какъ разъ въ

785424

Digitized by Google

это же время В. Ѳ. Коршъ, отбывши свое трехлѣтіе, выходилъ изъ числа членовъ Комитета, и надо же было случиться такому совпаденію, чтобы въ числѣ кандидатовъ для замѣщенія открывающихся вакансій, между прочимъ, былъ назначенъ Ѳ. П. Баймаковъ, при чемъ имя его было поставлено первымъ въ спискѣ кандидатовъ. Комитетъ 1874 года, конечно, имѣлъ свои основанія въ выборѣ Ѳ. П. Баймакова въ члены Комитета: Ѳ. П. Баймаковъ, владѣлецъ извѣстной банкирской конторы, славился, какъ опытный и солидный финансовый дѣлецъ, и могъ быть весьма полезенъ Обществу своими практическими указаніями. Изъ письма его, сохранившагося въ бумагахъ Общества, видно, что ему заранѣе уже предназначалась должность казначея Общества. Но подобныя соображенія, при всей ихъ практической дальновидности, совершенно расходились съ общественнымъ настроеніемъ, и выборъ г. Баймакова въ кандидаты возбудилъ всеобщее неудовольствіе, незамедлившее проникнуть и на столбцы газетъ. Такъ, напримѣръ, въ № 6 «Биржевыхъ Вѣдомостей», при описаніи общаго собранія 5 января, встрѣчается, между прочимъ, слѣдующее язвительное замѣчаніе:

«Въ спискѣ кандидатовъ первымъ стояло имя г. Баймакова, а въ концѣ списка значилось одно изъ громкихъ и наиболѣе уважаемыхъ литературныхъ именъ. Намъ неизвѣстно, чѣмъ руководствовались при составленіи этого списка: просто ли алфавитнымъ порядкомъ или имущественнымъ цензомъ. Только одно ясно, что литературныя заслуги не принимались въ разсчетъ. Хотя г. Баймаковъ, какъ литераторъ, вовсе неизвѣстенъ ни литературѣ, ни русскому обществу, хотя произведенія пера его ограничивались до сихъ поръ лишь объявленіями отъ его конторы, печатавшимися отъ времени до времени на послѣднихъ страницахъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», но тѣмъ не менѣе, можно надѣяться, что онъ будетъ почтенъ избраніемъ въ члены Комитета въ виду тѣхъ заслугъ, какія онъ начинаетъ оказывать, и еще болѣе, какія онъ окажетъ русской литературѣ въ близкомъ будущемъ».

Digitized by Google

Конечно, подъ вліяніемъ этого общественнаго настроенія, г. Баймаковъ 28 января 1875 г., послалъ письмо на имя В. П. Гаевскаго, въ которомъ онъ просилъ исключить его изъ списка кандидатовъ въ члены Комитета, въ виду громадныхъ занятій, поглощающихъ все его свободное время, и безконечныхъ треволненій, доставляемыхъ ему издательствомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

Въ свою очередь, подъ внѣшнимъ давленіемъ возникъ около этого времени вопросъ о ссудо-сберегательной кассѣ. Давно уже въ литературныхъ сферахъ многіе толковали о томъ, что главный недостатокъ Общества заключается въ его исключительно филантропически-покровительственномъ характерѣ. Для того, говорили, чтобы получить не только пособіе, но и ссуду, писатель принужденъ бываетъ обращаться съ трогательными просьбами, съ изложеніемъ настоятельной потребности, затѣмъ ожидать унизительнаго посѣщенія члена Комитета, являющагося для удостовѣренія въ нуждѣ просителя, и т. д. При такихъ условіяхъ, въ Общество обращаются лишь въ случаяхъ крайней нужды, или же его осаждаютъ люди, давно потерявшіе всякое самолюбіе и у которыхъ хожденіе по благотворительнымъ учрежденіямъ и попрошайничество вошли въ ежедневный обычай жизни. Между тѣмъ, масса писателей, живущихъ честнымъ трудомъ, и непривыкшихъ ни къ какимъ даровымъ подачкамъ, повидимому, люди вполнѣ обезпеченные въ общемъ итогѣ своего заработка, тѣмъ не менѣе очень часто нуждаются въ какихъ нибудь 30, 40 рубляхъ, чтобы перебиться до полученія гонорара или жалованья. Понятно, что подобнаго рода труженики мысли—а ихъ большинство: изъ нихъ, можно сказать, состоитъ вся русская литература—стоятъ совершенно внѣ круга дѣятельности Общества; они предпочитаютъ обращаться въ любую гласную кассу ссудъ, гдѣ они каждый разъ, безъ всякихъ затрудненій могутъ получить требуемую ссуду, чѣмъ подвергаться всѣмъ тѣмъ мытарствамъ, съ какими соединено полученіе ссуды отъ Общества, да рисковать еще по-

Digitized by Google

лучить отказъ, особенно въ случаѣ, если приходится не въ первый разъ обращаться за ссудою.

Подъ вліяніемъ всѣхъ подобныхъ сѣтованій и возникла мысль объ учрежденіи при Обществѣ ссудо-сберегательной кассы, которая, представляя собою особенный видъ самопомощи, доставила бы возможность литераторамъ обращаться въ Общество не въ однихъ только случаяхъ крайней нищеты. Мысль эта была выражена въ журналѣ ревизіонной коммиссіи, читанномъ на общемъ собраніи, 2 февраля 1875 г., въ слѣдующихъ словахъ:

«Выдача въ 1874 году 14-ти лицамъ ссудъ на сумму 3,510 р., едва-ли имѣющая себѣ примѣръ въ какомъ-либо изъ предшествовавшихъ лѣтъ дѣятельности литературнаго фонда, побудила коммиссію войти въ разборъ и обсужденіе причинъ такого явленія и подумать о нормальности или несвойственности его существованія. При этомъ коммиссія пришла къ такому заключенію, что постоянно вступающія въ Комитетъ просьбы о выдачѣ ссудъ ясно доказываютъ потребность въ этомъ видѣ пособія, не менѣе, какъ и въдругихъ видахъ. Но, при необходимости представлять всякій разъ для полученія ссуды поручительство, трудно ожидать, чтобы этотъ видъ довольно важнаго для нуждающихся пособія могъ часто практиковаться, если не будутъ приняты къ тому какія-либо особыя мѣры. Въ массѣ лицъ, обращающихся къ Обществу за пособіемъ, встрѣчается немало и такихъ, которыя ищутъ у него не только постоянныхъ денежныхъ средствъ для своего существованія, но часто лишь временной поддержки ихъ труду и занятіямъ, а также такихъ, которыя изъ нѣкотораго самолюбія или сознанія собственнаго достоинства, предпочли бы имѣть право на ссуду необходимости получить удовлетвореніе, пользоваться хотя и снисходительнымъ, но для личнаго достоинства тягостнымъ пособіемъ. Съ другой стороны, такъ какъ выдача ссудъ обусловливается ручательствомъ, то въ бо́льшей части случаевъ это ручательство выпадаетъ на долю членовъ Комитета и возлагаетъ на поручи-

Digitized by Google

телей всю тягость отвѣтственности. Изъ дѣлъ Комитета видно, что это обстоятельство нерѣдко вынуждало Комитетъ удовлетворять просьбы о ссудахъ равномѣрными безвозвратными пособіями.

«Вслѣдствіе этого, коммиссія находитъ неудобнымъ оставлять существующій нынѣ порядокъ производства ссудъ безъ предварительнаго тщательнаго его обсужденія, тѣмъ болѣе, что при первомъ взглядѣ на дѣло, представляется и средство къ выходу изъ этого положенія.

«Не касаясь образа и направленія нынѣшнихъ дѣйствій Общества, казалось бы цѣлесообразнымъ для нуждающихся литераторовъ и ученыхъ образовать при Обществѣ, въ видѣ особаго учрежденія, ссудо-сберегательную кассу.

Не предрѣшая основаній, на которыхъ можетъ быть учреждена подобная касса, коммиссія предлагаетъ:

а) что ссудой изъ кассы могутъ пользоваться только участники въ составленіи ея, обезпеченные взаимнымъ поручительствомъ и суммою своего вклада, за опредѣленный процентъ, по разсчету изъ 6 на 100 въ годъ;

б) впредь до составленія, посредствомъ складчины, достаточнаго для оборотовъ капитала, должна быть выдѣлена изъ литературнаго фонда заимообразно сумма, необходимая для годоваго оборота кассы;

в) до возврата займа литературному фонду, завѣдываніе кассой должно принадлежать его Комитету, и

г) затѣмъ должно быть предоставлено рѣшенію участниковъ установить, кто будетъ завѣдывать кассою: сами ли участники или Комитетъ.

«По этимъ соображеніямъ, коммиссія имѣетъ честь предложить общему собранію передать этотъ вопросъ для разработки или Комитету, съ предоставленіемъ ему права приглашать къ обсужденію вопроса членовъ Общества, спеціально знакомыхъ съ дѣломъ, или прямо назначить для того особую коммиссію изъ такихъ членовъ, и просить ее внести предположеніе свое чрезъ Комитетъ на рѣшеніе общаго собранія».

Digitized by Google

Общее собраніе, 2 февраля 1875 года, согласно этому заявленію ревизіонной коммиссіи, предоставило вновь избранному Комитету *) разобрать проектъ правилъ учрежденія при Обществѣ ссудо-сберегательной кассы съ тѣмъ, чтобы, ранѣе внесенія этого проекта на обсужденіе общаго собранія, онъ былъ напечатанъ въ періодическихъ изданіяхъ.

Согласно этому постановленію общаго собранія, Комитетъ въ своемъ засѣданіи, 17 февраля 1875 г., рѣшилъ обратиться къ членамъ Общества: Е. И. Ламанскому, М. Н. Островскому и Н. Ѳ. Фанъ-деръ-Флиту, прося ихъ заняться совмѣстнымъ составленіемъ проекта.

Первыми и самыми главными заботами Комитета въ 1875 году было приведеніе въ порядокъ суммъ Общества, согласно съ новыми постановленіями общихъ собраній 17 ноября 1874 г. и 2 февраля 1875 г., о неприкосновенномъ капиталѣ, а также изысканіе средствъ для возвышенія доходовъ Общества. Такъ, въ продолженіи года была произведена выборка изъ приходо-расходныхъ книгъ единовременныхъ членскихъ вносовъ и особыхъ пожертвованій, подлежащихъ къ обращенію въ неприкосновенный капиталъ Общества, и затѣмъ въ этотъ же капиталъ были обращаемы единовременные членскіе вносы и спеціальныя пожертвованія 1875 г., вслѣдствіе чего къ 1 января 1876 года неприкосновенный капиталъ Общества составлялъ 15,472 р., а съ особыми спеціальными пожертвованіями, по которымъ должны расходоваться только полученные проценты,— 19,848 р. 67 к.

Въ видахъ же изысканія средствъ для возвышенія доходовъ Общества, Комитетъ предпринялъ нижеслѣдующую финансовую мѣру. Въ засѣданіи, 17 апрѣля 1875 года, казначей г. Гайде-

*) Въ 1875 году Комитетъ состоялъ изъ предсѣдателя В. П. Гаевскаго, помощника предсѣдателя Н. А. Некрасова, секретаря П. А. Ефремова, казначея П. А. Гайдебурова, и членовъ: К. Н. Бестужева-Рюмина, В. И. Вешнякова, К. Д. Кавелина, А. А. Краевскаго, О. Ѳ. Миллера, М. Е. Салтыкова, М. М. Стасюлевича и Н. С. Таганцева.

Digitized by Google

буровъ представилъ о томъ, что капиталы Общества находятся въ слишкомъ разнообразныхъ процентныхъ бумагахъ и что не мѣшало бы замѣнить ихъ болѣе однообразными и выгодными, что, затѣмъ, такъ какъ государственный банкъ уменьшилъ платежи по текущимъ счетамъ до 2%, слѣдовало бы перенести текущій счетъ Общества въ одинъ изъ частныхъ банковъ. Вслѣдствіе этого представленія, Комитетъ въ томъ же засѣданіи избралъ особенную коммиссію изъ членовъ Комитета В. П. Гаевскаго, П. А. Гайдебурова, П. А. Ефремова и членовъ Общества: Е. И. Ламанскаго и П. А. Слѣпушкина, для обсужденія и исполненія этой операціи. Коммиссія эта признала нужнымъ продать металлическія бумаги Общества и стипендіи, составлявшія по номинальной стоимости 61,760 руб., за которыя и было получено 65,927 р. 20 к. Взамѣнъ этого были пріобрѣтены закладные листы Херсонскаго земельнаго банка въ 34,500 р. за 30,661 р. 81 к. и закладные листы Харьковскаго банка въ 30,900 р. за 29,237 р. 71 к., а всего куплено было процентныхъ бумагъ номинальной стоимости въ 65,400 р. за 59,889 р. 58 к., такъ что отъ продажи прежнихъ и покупки новыхъ процентныхъ бумагъ капиталъ Общества увеличился на 7,781 р. 30 к., и капиталъ стипендіи на 1,887 руб. 2 к., а всего на 9,668 р. 32 к. Точно также, часть оставшихся свободными суммъ Общества была обращена въ подобныя же бумаги, именно куплено Херсонскихъ закладныхъ листовъ въ 1,200 р. за 1,065 р. Что же касается до текущаго счета и стипендій, то они были перенесены изъ государственнаго банка въ С.-Петербургское отдѣленіе Варшавскаго коммерческаго банка.

Ревизіонная коммиссія 1876 года*)—отнеслась критически къ этой финансовой мѣрѣ Комитета. По ея мнѣнію, Комитетъ, дѣйствуя въ видахъ одного возможно выгоднѣйшаго помѣщенія

*) Ревизіонная коммиссія въ этомъ году состояла изъ слѣдующихъ членовъ: К. К. Арсеньева, Э. К. Ватсона, Н. В. Кидошенкова, Г. К. Рѣпинскаго, А. С. Суворина, Н. Н. Тютчева и Е. И. Утина.

Digitized by Google

капитала, не позаботился вмѣстѣ съ тѣмъ о другой сторонѣ дѣла: именно о прочности и вѣрности помѣщенія, которыя не могутъ быть признаны окончательно устойчивыми, если принять въ соображеніе, что въ числѣ рекомендованныхъ коммиссіи бумагъ, хотя и не пріобрѣтены, но были указаны и бумаги одного городскаго кредитнаго общества, достоинство коихъ въ настоящее время значительно умаляется при гласномъ заявленіи, въ нашихъ періодическихъ журналахъ послѣдняго времени, о положеніи дѣлъ того города.

Произошло же это, по мнѣнію ревизіонной коммиссіи, оттого, что не была принята во вниманіе исторія постепеннаго образованія капитала сперва всего фонда, а потомъ спеціальнаго капитала стипендіи Е. П. Ковалевскаго и выдѣленія изъ фонда неприкосновеннаго капитала, вслѣдствіе чего вопросъ о большей доходности вновь пріобрѣтенныхъ бумагъ не представляется разъяснившимся, ибо отчужденныя бумаги, хотя давали и меньшій доходъ противъ бумагъ вновь пріобрѣтенныхъ, но въ металлическихъ рубляхъ, и притомъ не видно, съ какого именно дѣйствительно затраченнаго на покупку прежнихъ бумагъ капитала. Сравненіе же отношенія между прежнею и настоящею доходностью въ дѣлахъ и журналахъ Комитета не приводится, тогда какъ вопросъ о выгодности только и можетъ быть разрѣшенъ, когда будетъ видно, сколько получится дохода съ дѣйствительнаго капитала, а не съ капитальной цѣны процентныхъ бумагъ, неимѣющей, въ этомъ случаѣ, никакого значенія.

Все это, по мнѣнію коммиссіи, истекаетъ отъ неудовлетворительности организаціи счетоводства по суммамъ Общества, которое, при первоначальной несложности дѣлъ его, могло ограничиться однимъ кассовымъ счетомъ безъ введенія бухгалтерскихъ счетовъ. Но при полномъ признаніи пользы введенія бухгалтерскихъ счетовъ, коммиссія, принимая во вниманіе изъ года въ годъ усложняющіяся занятія Комитета по кассѣ Общества, не можетъ рѣшиться рекомендовать введенія особой бухгалтеріи съ сопровождающими ее вспомогательными книгами и

Digitized by Google

разсчетами, а полагаетъ, что для постояннаго содержанія полныхъ свѣдѣній о суммахъ будетъ достаточно ограничиться на первое время, въ видѣ опыта, тѣмъ, чтобы предложить Комитету:

а) По отношенію къ установленію порядка счетоводства, при которомъ можно было бы имѣть постоянныя свѣдѣнія о родѣ и видѣ поступленія суммъ Общества, условій ихъ, а также помѣщенія ихъ въ процентныхъ бумагахъ, пріема и расхода и о спеціальности назначенія нѣкоторыхъ изъ нихъ, принять такую мѣру, которая бы достигла своей цѣли, незначительно увеличивая труды Комитета по казначейской части, и б) По предмету обращенія и содержанія суммъ и капиталовъ Общества въ % бумагахъ составить изложеніе всѣхъ касающихся до этого предмета данныхъ и внести съ своимъ заключеніемъ въ ближайшее общее собраніе, для полученія отъ него разрѣшенія вопроса: какому направленію нужно слѣдовать Комитету въ этомъ дѣлѣ?

Соглашаясь съ мнѣніемъ ревизіонной коммиссіи относительно необходимости измѣненія счетоводства, Комитетъ въ то же время возражалъ ревизіонной коммиссіи, что, остановившись на закладныхъ листахъ земельныхъ банковъ, какъ наиболѣе солидныхъ и выгодныхъ для Общества бумагахъ, Комитетъ ограничилъ свой выборъ лишь двумя банками, Херсонскимъ и Харьковскимъ, поставивъ притомъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы изъ числа билетовъ послѣдняго банка были пріобрѣтены только краткосрочные. Дѣлая такой выборъ, Комитетъ руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что Херсонскій земскій банкъ есть единственное этого рода учрежденіе, основанное не на акціонерномъ началѣ, а на круговой порукѣ; краткосрочные же (18-тилѣтніе) билеты Харьковскаго банка обезпечиваются городскими имуществами, то есть такими, которыя допускаютъ менѣе ошибокъ въ оцѣнкѣ при залогахъ въ банкъ. Этому послѣднему обстоятельству Комитетъ придавалъ столь важное значеніе, что не отступилъ отъ поставленнаго имъ условія даже въ виду бо̀льшей биржевой стоимости краткосрочныхъ

Digitized by Google

листовъ сравнительно съ долгосрочными и неудобства пріобрѣтенія на значительную сумму мелкихъ 100 рублевыхъ билетовъ за отсутствіемъ на биржѣ крупныхъ.

Что же касается выгодности произведенной операціи, то изъ казначейскихъ дѣлъ за 1858 и послѣдующіе годы видно, что проданные нынѣ процентныя бумаги, составлявшія по нарицательной стоимости 53,900 металлическихъ рублей, были пріобрѣтены за 47,736 р. кредитныхъ. Посредствомъ продажи бумагъ эти 47,736 р. превратились въ 56,950 р. 50 к., то есть если даже не принимать въ разсчетъ нарицательной стоимости вновь пріобрѣтенныхъ бумагъ, все-таки окажется, что капиталъ увеличился на 9,214 р. 50 к. Но пріобрѣтенныя не для спекулятивныхъ цѣлей новыя бумаги могутъ оставаться неприкосновенными въ портфелѣ Общества до выхода въ тиражъ; поэтому есть основаніе принимать въ разсчетъ и нарицательную ихъ стоимость, и тогда окажется, что прежній капиталъ Общества увеличился на 14,000 р.

Соотвѣтственно увеличенію капитальной суммы Общества увеличилась и ея доходность: такъ въ 1874 г. процентовъ съ 47,736 кр. р., или 53,900 металлическихъ, было получено 2,776 р. 38 к. кред.; въ 1875 же году съ того же капитала, обращеннаго въ закладные листы (на пріобрѣтеніе которыхъ употреблено 51,169 р. 20 к.), было получено 3,204 р. и, кромѣ того, съ остатка въ 5,781 р. 30 к., находившагося пока на текущемъ счету, считая по 4½ проц., 260 р., а всего 3,464 р. Слѣдовательно, доходность капитала Общества, сравнительно съ 1874 годомъ, увеличилась на 688 р. Значеніе этой прибавки особенно наглядным представлялось въ примѣненіи къ капиталу Е. П. Ковалевскаго, изъ котораго производится ежегодно выдача двухъ стипендій на сумму 450 р. Въ 1874 г. процентовъ было получено всего 438 р. 48 к., и такимъ образомъ оказался дефицитъ, который современемъ, съ улучшеніемъ курса, сдѣлался бы еще значительнѣе. Въ 1875 же году, съ обмѣномъ металлическихъ бумагъ на закладные листы, доходъ съ капи-

Digitized by Google

тала Ковалевскаго составилъ 547 р. 50 к., слѣдовательно, превышая доходъ 1874 г. на 109 р., съ избыткомъ покрылъ обязательные расходы этого капитала.

Кромѣ этой операціи, во всякомъ случаѣ выгодной, увеличенію капиталовъ Общества, въ 1875 году, много способствовали частныя, экстраординарныя пожертвованія, которыми особенно былъ богатъ этотъ годъ. Такъ мы уже говорили выше о неприкосновенномъ капиталѣ В. Ѳ. Корша. Капиталъ этотъ, составленный нѣкоторыми изъ литераторовъ и редакцій журналовъ въ количествѣ 1,909 р.*), поступилъ въ мартѣ 1875 года въ кассу Общества съ спеціальною цѣлію выдачи процентовъ въ пособіе одному изъ студентовъ С.-Петербургскаго университета. Комитетъ, имѣя въ виду, что съ 1872 г. ежегодно выдавалось 4 студентамъ по 125 р. въ годъ каждому, предположилъ оставить внесенную сумму до приращенія процентами въ такой мѣрѣ, чтобы получалось ихъ тоже по 125 р. въ годъ, послѣ чего и начать производство пятой, одинаковой съ прежними выдачи. Вслѣдствіе этого, на счетъ пожертвованной суммы куплено было 6 процентныхъ закладныхъ листовъ Харьковскаго земельнаго банка въ 2,000 р. за 1,860 р., и къ концу года имѣлось уже этого капитала съ процентами 2,076 р. 67 к., такъ что съ 1876 года, послѣ покупки 5% бумагъ въ 100 р., могла начаться выдача пособія.

25 сентября 1875 года Россія потерпѣла горестную утрату одного изъ своихъ любимыхъ поэтовъ въ лицѣ гр. А. К. Толстаго; Общество же пособія бѣднымъ литераторамъ лишилось въ немъ одного изъ своихъ членовъ-учредителей. Утрата эта

*) Вносы поступили отъ редакцій «Недѣли» 250 р., «Вѣстника Европы 110 р., «Биржевыхъ Вѣдомостей» и «Новостей» по 100 р., «Русской Старины» 50 р., отъ Н. А. Некрасова 800 р., В. Н. Мѣдникова 200 р. Э. К. Ватсона и Е. И. Рогозина по 50 р. А. А. Боровиковскаго, Е. Ѳ. Корша, О. Ѳ. Миллера, А. В. Языкова и Б. А. П. по 25 р., г. Думашевскаго, К. Д. Кавелина, Л. А. Полонскаго и А. Н. Пыпина по 10 р., Н. Бѣлюбскаго 6 р. и бывшихъ подписчиковъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 28 руб.

Digitized by Google

имѣла своимъ результатомъ слѣдующаго рода нотаріальное завѣщаніе, отъ 19 ноября 1875 г., вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника графини С. А. Толстой:

«Графиня Толстая завѣщаетъ всѣ безъ исключенія сочиненія графа А. К. Толстаго, изданныя и неизданныя, всю его переписку и бумаги, всѣ права на изданіе и постановку въ театрахъ его произведеній и поспектакльную плату въ собственность Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, съ тѣмъ, чтобы изданіе и постановка на сцены произведеній графа А. К. Толстаго предпринимались Обществомъ съ согласія племянницы завѣщательницы, жены камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества, статскаго совѣтника С. П. Хитрово, которой завѣщательница, графиня Толстая, предоставляетъ въ пожизненное пользованіе половину чистаго дохода отъ изданій и поспектакльной платы. Если письма, рукописи и бумаги мужа завѣщательницы, графа А. К. Толстаго, останутся по смерти завѣщательницы неразобранными, то разборъ ихъ завѣщательница проситъ произвести, по возможности, безотлагательно помянутую племянницу свою С. П. Хитрово, жену дѣйствительнаго статскаго совѣтника, баронессу Е. Ф. Розенъ, титулярнаго совѣтника Н. М. Жемчужникова, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, барона Г. О. Розенъ, совмѣстно или отдѣльно, но съ тѣмъ, чтобы при разборѣ бумагъ присутствовало не менѣе двухъ изъ названныхъ лицъ. Все, что сими лицами признано будетъ подлежащимъ напечатанію въ ближайшее или болѣе отдаленное время, немедленно передается въ собственность названному выше Обществу; всѣ же остальныя бумаги, по усмотрѣнію производившихъ разборъ бумагъ, должны быть или уничтожены, или переданы помянутой племянницѣ завѣщательницы, или же гр. П. Н. Перовскому».

Комитетъ постановилъ, въ своемъ засѣданіи 24 ноября 1875 года, благодарить графиню Софью Андреевну Толстую, и копію съ завѣщанія хранить съ денежными документами Общества.

Digitized by Google

В. П. Гаевскій въ этомъ году пожертвовалъ въ пользу Общества 5 акцій, по 25 р. (всего 125 р.), «Общества для улучшенія въ С.-Петербургѣ помѣщеній рабочаго и нуждающагося населенія». Пожертвованіе это имѣетъ то особенное значеніе, что, кромѣ 4%, приносимыхъ капиталомъ, оно даетъ право Обществу, какъ владѣльцу 5 акцій, рекомендовать жильца на квартиру въ домѣ Общества улучшенія помѣщеній съ отопленіемъ и водою за плату отъ 5 до 16 р. въ мѣсяцъ.

М. М. Стасюлевичъ пожертвовалъ въ этотъ годъ 200 р.

Наконецъ Д. Л. Михаловскій пожертвовалъ Обществу собраніе своихъ стихотвореній, изданіе которыхъ, по просьбѣ Комитета, принялъ Н. В. Гербель на свой счетъ, съ возвратомъ его издержекъ отъ продажи первыхъ экземпляровъ.

Въ апрѣлѣ, ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ этого года были устроены въ пользу Общества три литературные вечера, на которыхъ участвовали чтеніемъ своихъ статей и стихотвореній, а также драмы гр. А. К. Толстаго, повѣсти И. С. Тургенева и стихотворенія Н. А. Некрасова: П. И. Вейнбергъ, А. Н. Майковъ, А. Н. Плещеевъ, А. А. Потѣхинъ и А. С. Суворинъ. Въ устройствѣ же этихъ вечеровъ содѣйствовали Комитету В. П. Гаевскій, Г. К. Рѣпинскій, Е. К. Гайдебурова и В. И. Аристовъ. Вечера дали чистаго дохода 1,301 р. 65 к., именно: вечеръ 1 апрѣля — 735 р. 67 к., 27 ноября — 319 р. и 23 декабря 247 р., и хотя ежегодный концертъ въ пользу Общества не могъ состояться по болѣзни троихъ участниковъ (Е. А. Лавровской, М. В. Терминской и К. Ю. Давыдова), онъ все-таки принесъ 257 р., пожертвованныхъ въ пользу Общества лицами, взявшими билеты.

При всѣхъ этихъ условіяхъ, капиталъ Общества значительно возросъ въ 1875 году: въ то время, какъ въ началѣ его наличность кассы простиралась до 58,426 р. 47 к., въ концѣ — она возросла до 67,282 р. 50 к. Считая же произведенный въ 1875 году расходъ 1876 года (767 р.) и 1874 (63 р. 15 к.), превышеніе составляетъ 9,686 р. 18 к.

Digitized by Google

Такое возрастаніе кассы Общества зависѣло не отъ одного увеличенія доходовъ Общества, но и отъ большей экономіи въ расходахъ. Такъ, въ 1875 году разныхъ пособій было выдано на 17,511 р. 68 к., т. е. на 3,444 р. менѣе, чѣмъ въ 1874 году (на пенсіи 22 лицамъ — 5,190 р., на воспитаніе 28 лицъ 2,816 р. 68 к., на единовременныя и продолжительныя пособія 58 лицамъ 5,915 р., безсрочныхъ ссудъ 4 лицамъ 640 р. и на срочныя ссуды 7 лицамъ 2,950 р.). Но было бы ошибочно, вслѣдствіе такой разницы въ цифрѣ, обвинять Общество въ томъ, что въ 1875 году оно было скупѣе въ выдачахъ, чѣмъ въ предшествовавшіе годы. Начать съ того, что число отклоненныхъ просьбъ въ 1875 году было менѣе, чѣмъ въ 1874 (въ послѣднемъ было отклонена 91 просьба 77 просителей, а въ 1875—80 просьбъ 74 просителей). Затѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что главная цифра разницы падаетъ на пособія единовременныя (въ 1874 г.—8,389 р. 50 к., а въ 1875 г.—5,915 р.), т. е. такія, которыя всегда были причиною наибольшихъ жалобъ и нареканій на Общество, такъ какъ этого рода пособія наименѣе удовлетворяютъ цѣли Общества—приносить дѣйствительную помощь нуждающимся труженикамъ мысли, а не минутное лишь облегченіе въ нищетѣ. Вообще въ этомъ году, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, неоднократно высказывавшагося въ литературѣ, во многихъ дѣйствіяхъ Общества замѣтно было стремленіе, съ одной стороны, съуживать, по возможности, кругъ дѣятельности, ограничиваясь оказываніемъ помощи труженикамъ, наиболѣе достойнымъ по своимъ литературнымъ заслугамъ, за то, съ другой стороны, увеличивать самый размѣръ пособій и придавать имъ такимъ образомъ большую цѣлесообразность, сообразно § 6 устава. Такъ въ засѣданіи Комитета, 13 октября, въ виду назначенія разомъ трехъ пенсій вдовамъ умершихъ въ этомъ году писателей, было даже опредѣлено: «единовременныя пособія, по возможности, ограничить устраненіемъ отъ нихъ случайныхъ дѣятелей въ литературѣ, основывающихъ свои обращенія къ Обще-

Digitized by Google

ству на ничтожныхъ трудахъ или мелкихъ замѣткахъ, неимѣющихъ вовсе литературнаго значенія». Этимъ постановленіемъ Комитета объясняется, что въ то время, какъ въ 1874 году въ ссуду было выдано 3,510 р. 14 лицамъ, въ 1875 г. почти такая сумма, именно 2,950, лишь 7-ми. Въ томъ числѣ одна изъ ссудъ 1875 года была такихъ почтенныхъ размѣровъ, что возбудила даже сенсацію въ Комитетѣ и затѣмъ въ ревизіонной коммиссіи. Это именно была ссуда въ 1,500 р., разрѣшенная въ засѣданіи Комитета 17 февраля редактору «Петербургскаго Листка» покойному М. М. Стопановскому *). Находясь въ крайне болѣзненномъ состояніи, разбитый параличемъ и лишившись всякой возможности трудами снискивать пропитаніе, М. М. Стопановскій обратился въ литературный фондъ, прося вышеозначенную ссуду на срокъ по 15 декабря и представивъ пять поручителей въ уплатѣ ссуды. Ссуда была разрѣшена, но въ слѣдующемъ засѣданіи, 3 марта, К. Д. Кавелинъ подалъ особенное мнѣніе по поводу этой ссуды, въ которомъ выразилъ слѣдующія возраженія противъ постановленія Комитета:

1) Размѣръ ссуды чрезмѣрно великъ и далеко превышаетъ суммы, обыкновенно присуждаемыя Комитетомъ въ ссуду. Если бы шла рѣчь о пособіи одному изъ нашихъ первоклассныхъ писателей, то на подобное изъятіе можно было бы согласиться; но г. Стопановскій не принадлежитъ къ числу ихъ.

2) По слухамъ извѣстно, что г. Стопановскій дѣлаетъ заемъ для покупки «Петербургскаго Листка». Если бы этотъ слухъ подтвердился, то г. Стопановскому, по моему мнѣнію, вовсе не слѣдовало бы выдавать ссуды, хотя бы и въ значительно уменьшенномъ размѣрѣ. Общество литературнаго фонда не имѣетъ средствъ оказывать пособія на изданіе ученыхъ и литератур-

*) Хотя § 29 устава и воспрещаетъ публиковать имена получавшихъ пособія, но, вопервыхъ, онъ касается оффиціальныхъ отчетовъ, а вовторыхъ личностей живыхъ; я же пишу историческій очеркъ и пользуюсь поэтому неотъемлемымъ правомъ исторіи раскрывать псевдонимы и анонимы людей, сошедшихъ съ поприща жизни.

ТИП. А. С. СУВОРИНА.

Digitized by Google

ныхъ произведеній, на что уполномочено своимъ уставомъ, и постоянно отказывало и отказываетъ по всѣмъ такого рода просьбамъ. Какимъ же образомъ находитъ оно вдругъ средства для выдачи ссуды на пріобрѣтеніе періодическаго изданія, къ чему, надо замѣтить, уставъ его вовсе не уполномочиваетъ? Я не вхожу въ оцѣнку личности редакторовъ и направленія различныхъ органовъ періодической печати, но стою на томъ, что съ назначеніемъ и цѣлью Общества литературнаго фонда не согласно поддерживать ссудами ту или другую редакцію, ту или другую газету. Касса литературнаго фонда есть вспомогательное и ссудное учрежденіе только для литераторовъ и ученыхъ, а не для періодическихъ литературныхъ предпріятій. Выйдя разъ изъ этой своей роли, Общество вступитъ на весьма скользкій и опасный путь, и вмѣсто того, чтобы стоять внѣ всякихъ литературныхъ партій, волей-неволей очутится сторонникомъ того или другаго направленія, той или другой газеты. Но, допустивъ даже, что оно останется совершенно безпристрастнымъ (а только полное безпристрастіе и составляетъ его силу и даетъ ему авторитетъ), нельзя не предвидѣть, что репутаціи Общества существенно повредитъ въ глазахъ литераторовъ, печати и публики одинъ слухъ, что оно даетъ свои средства на пріобрѣтеніе и поддержку извѣстныхъ періодическихъ изданій въ лицѣ извѣстныхъ редакторовъ».

Комитетъ, съ своей стороны, возразилъ своему сочлену, «что размѣръ пособій по уставу не ограниченъ и поставленъ въ мѣньшую зависимость отъ извѣстности писателя, нежели отъ его нуждъ, ибо статья 6-я ничего не упоминаетъ о литературныхъ достоинствахъ просителей; что необходимость ссуды именно въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она была испрашиваема, ясно выразилась въ самомъ ручательствѣ пяти лицъ, принявшихъ на себя значительную денежную отвѣтственность; что все пособіе, оказываемое въ данномъ случаѣ Комитетомъ, сводится только къ утратѣ 90 р. процентовъ, которые, впрочемъ, по всей вѣроятности, будутъ возмѣщены просителемъ; что основывать свои

Digitized by Google

постановленія на слухахъ, притомъ лишенныхъ всякаго вѣроятія (здѣсь подразумѣвается покупка «Петербургскаго Листка»), Комитетъ не можетъ и не долженъ».

Ревизіонная коммиссія, при обсужденіи этого спора, приняла сторону г. Кавелина, и главнымъ образомъ обвиняла Комитетъ въ томъ, что онъ, вопреки § 11 устава, «не имѣлъ въ виду и не собиралъ никакихъ свѣдѣній о положеніи просителя и не принялъ мѣръ къ повѣркѣ слуха, указаннаго въ особомъ мнѣніи одного изъ членовъ Комитета. Ручательство пяти лицъ, относясь, только къ исправному возвращенію ссуды, не заключало въ себѣ удостовѣренія, что ссуда дѣйствительно нужна просителю, и притомъ именно въ испрашиваемомъ размѣрѣ. Между тѣмъ, въ такомъ размѣрѣ ссуда была выдана Комитетомъ одинъ только разъ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ нашихъ писателей, во вниманіе къ особымъ обстоятельствамъ*), а для превышенія обычной ихъ нормы, не представлялось въ данномъ случаѣ достаточнаго основанія. Повтореніе и неизбѣжное затѣмъ умноженіе такихъ выдачъ легко могло бы имѣть послѣдствіемъ значительное ограниченіе числа и размѣра пособій, оказываемыхъ Комитетомъ, вслѣдствіе уменьшенія процентовъ на капиталъ Общества, тѣмъ болѣе, что, назначая 1,500 р. въ ссуду писателю третестепенному, ничѣмъ незамѣчательному, Комитетъ не могъ бы отказывать въ выдачѣ суммъ гораздо бо́льшихъ лицамъ, имѣющимъ несравненно бо́льшее право на поддержку Общества»...

Комитетъ въ своемъ объясненіи оперся на § 6 устава. «Руководствуясь, говоритъ онъ: правиломъ, изложеннымъ въ томъ же §, «что лучше меньшему числу лицъ оказать достаточное пособіе, чѣмъ многимъ, но безъ удовлетворительныхъ результатовъ», Комитетъ въ минувшемъ году назначалъ пособія въ

*) Здѣсь подразумѣвается срочная ссуда, постановленная Ѳ. М. Достоевскому въ томъ-же размѣрѣ 1,500 р. въ засѣданіи Комитета 23 іюня 1863 г. и выданная ему подъ залогъ авторскаго права на всѣ его сочиненія.

Digitized by Google

бо̀льшихъ противъ прежнихъ лѣтъ размѣрахъ (напримѣръ, одному лицу 600 р., а другому 500 р.) и по возможности воздерживался отъ мелкихъ выдачъ, недостигающихъ цѣли. Собраніе предварительныхъ свѣдѣній, отсутствіе которыхъ замѣчено коммиссіею, представлялось въ настоящемъ случаѣ излишнимъ, такъ какъ проситель лично извѣстенъ почти всѣмъ членамъ Комитета, изъ которыхъ одинъ даже подписался поручителемъ. Бѣдственное положеніе этого лица, вслѣдствіе тяжкой болѣзни и другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не только вполнѣ подтверждалось, но дошло до такой степени, что Комитетъ, въ концѣ минувшаго года, долженъ былъ назначить ему пособіе и просилъ о помѣщеніи въ клинику, въ которой больной находится и по настоящее время».

Общее собраніе 2 февраля 1876 г., по выслушаніи отчета ревизіонной коммиссіи и объясненій Комитета, опредѣлило: одобрить образъ дѣйствій Комитета по выдачѣ срочныхъ ссудъ, такъ какъ изъ объясненій его видно, что, предварительно выдачъ, собираются свѣдѣнія о положеніи и нуждахъ просителя, и выдачи соразмѣряются съ литературными заслугами, почему и не представляется надобности и даже возможности въ ограниченіи высшаго размѣра выдачъ.

Кромѣ этого спора, дѣло о ссудѣ Стопановскому имѣло еще одно послѣдствіе, именно: нѣкоторое измѣненіе въ порядкѣ, практиковавшемся при выдачѣ срочныхъ ссудъ. До того времени поручители расписывались, обыкновенно, не обозначая, кто изъ нихъ въ какой суммѣ ручается, и само собою подразумѣвалось, что въ случаѣ неуплаты должникомъ, долгъ раскладывается на всѣхъ поручителей равномѣрно. Между тѣмъ, когда Стопановскій оказался несостоятельнымъ въ уплатѣ долга, одинъ изъ поручителей заявилъ, что не считаетъ себя обязаннымъ платить упадающую на его долю сумму, такъ какъ онъ подписался послѣднимъ, и слѣдовательно отвѣчаетъ только въ случаѣ несостоятельности, какъ самаго должника, такъ и всѣхъ остальныхъ поручителей. Хотя впослѣдствіи сумма, причитавшаяся на долю

Digitized by Google

этого поручителя и была имъ уплачена, но для предупрежденія на будущее время подобныхъ недоразумѣній, было постановлено, чтобы, при ручательствѣ нѣсколькихъ лицъ за одного должника, каждое изъ нихъ означало съ точностью, въ какой именно суммѣ оно принимаетъ на себя отвѣтственность, и обязывалось при томъ уплатить эту сумму немедленно по истеченіи срока, въ случаѣ неисправности должника.

Кромѣ этой крупной выдачи, Комитетъ, въ засѣданіи своемъ 12 октября, назначилъ три пенсіи вдовамъ двухъ умершихъ въ этотъ годъ писателей и одного ученаго — въ размѣрѣ 150 р., 180 р. и 250 р.

Нелишнимъ будетъ помянуть еще объ одномъ дѣлѣ, надѣлавшемъ шуму въ концѣ 1875 года. Именно въ засѣданіи Комитета 22 декабря была читана просьба сотрудника одного изъ прекратившихся около 10 лѣтъ тому назадъ журналовъ; въ просьбѣ этой проситель, заявляя, что, по прекращеніи журнала, издатель, обѣщавъ по собственному его добровольному соглашенію выдать ему 1,000 рублей, выдалъ только 166 р. 66²/₃ коп., просилъ Комитетъ ходатайствовать передъ издателемъ о выдачѣ ему остальной обѣщанной суммы. Издатель, бывшій въ то время членомъ Комитета, далъ словесный отзывъ въ томъ же засѣданіи на эту просьбу—неизвѣстно какой, такъ какъ отзывъ этотъ въ журналѣ прописанъ не былъ, и Комитетъ постановилъ отказать просителю въ дальнѣйшемъ ходатайствѣ на томъ основаніи, что претензія просителя касается частныхъ отношеній его къ редактору, а не извѣстныхъ литературныхъ разсчетовъ сотрудниковъ съ редакціями, неудовлетворившими ихъ гонораромъ за статьи или постоянныя работы, или же удержавшими доставленныя рукописи, въ чемъ только и служитъ Комитетъ посредникомъ, на основаніи правилъ, утвержденныхъ общимъ собраніемъ 2-го февраля 1872 года.

Ревизіонная комиссія, съ своей стороны, оспорила это опредѣленіе Комитета, найдя, что обѣщаніе редактора прекратившагося изданія не можетъ быть отнесено къ частнымъ отношеніямъ

Digitized by Google

Первые два пункта приняты были общимъ собраніемъ единогласно, безъ преній. По прочтеніи третьяго пункта, возникъ прежде всего вопросъ о томъ, можно ли вообще допустить выдачу Обществомъ ссудъ подъ проценты. Вопросъ этотъ, послѣ происходившихъ преній, разрѣшенъ былъ утвердительно большинствомъ 29 голосовъ противъ 6. Затѣмъ были возбуждены два вопроса: 1) размѣръ процентовъ долженъ ли быть постоянный, заранѣе опредѣленный, или назначаемый для каждой отдѣльной ссуды, не свыше извѣстнаго предѣла, по соглашенію между Комитетомъ и лицомъ получающимъ ссуду? и 2) какъ высокъ можетъ быть размѣръ процента? Большинство голосовъ высказалось за установленіе разъ навсегда опредѣленнаго процента, а именно $^1/_2$% въ мѣсяцъ. Вслѣдствіе сего, послѣднія слова 3-го пункта: «не свыше 6%» опредѣлено замѣнить словами: «по $^1/_2$% въ мѣсяцъ».

Четвертый пунктъ былъ принятъ съ исключеніемъ словъ «редакцій» и «редакторъ», и съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ силу, въ видѣ опыта, лишь въ теченіи 1877 года, по истеченіи котораго вопросъ о продолженіи дѣйствія его въ томъ или другомъ измѣненномъ или дополненномъ видѣ, долженъ быть внесенъ Комитетомъ на разрѣшеніе общаго собранія.

Движеніе же по вопросу о ссудо-сберегательной кассѣ было предоставлено будущему, 1877 году.

Развитіе капиталовъ Общества въ 1876 году, какъ мы уже сказали выше, не представляетъ особенно блестящихъ успѣховъ: въ то время, какъ въ началѣ года наличность кассы съ капиталомъ Е. П. Ковалевскаго состояла въ 77,153 р. 22 к., къ концу года она возросла до 78,375 р. 85 к., т. е. увеличилась лишь на 1,222 р. 63 к. Эта малая успѣшность въ развитіи капиталовъ, сравнительно съ 1875 годомъ, зависѣла отъ многихъ причинъ, которыя парализовали даже то благопріятное обстоятельство, что экстраординарныя пожертвованія въ 1876 году превысили таковыя же 1875 года: въ то время, какъ въ 1875 году, принимая даже въ разсчетъ капиталъ Корша, они простирались до

Digitized by Google

А. П. Заблоцкій-Десятовскій.

Фототип. Имп. Ак. Худ. В. Штейнъ. Спб. Вознесенскій проспектъ, № 14.

Дозволено цензурою. Спб., 24 октября 1884 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

2,663 р. 45 к., въ 1876 году ихъ было на сумму 2,782 р. 95 к.

Самыми крупными пожертвованіями въ этомъ году были: пожертвованіе В. П. Гаевскаго 1,157 р. Затѣмъ А. А. Краевскій, Н. Н. Тютчевъ и А. Н. Тютчева пожертвовали по 5 акцій Общества для улучшенія помѣщенія рабочаго населенія. Въ концѣ же года, врачъ Серг. Як. Чернышевъ завѣщалъ въ пользу Общества 1,000 р. съ тѣмъ, чтобы только проценты съ этой суммы расходовались Комитетомъ (деньги эти были присоединены къ неприкосновенному капиталу Общества подъ именемъ капитала С. Я. Чернышева*).

---

*) Комитетъ, весьма естественно, заинтересовался личностью жертвователя. Родственникъ С. Я. Чернышева, г. Н. Н. Златовратскій, сообщилъ о немъ свѣдѣнія, которыя были прочитаны въ общемъ собраніи 2 февраля 1877 г. Изъ свѣдѣній этихъ видно, что С. Я. Чернышевъ, умершій въ январѣ 1876 г. въ Петербургѣ, отъ чахотки, на 41-мъ году, врачъ Новгородскаго военнаго госпиталя, родился въ г. Вязникахъ (Владимірской губ.); отецъ его былъ соборный священникъ въ этомъ городѣ. Съ раннихъ поръ онъ былъ отданъ во Владимірскую семинарію, и къ концу 50-хъ годовъ, когда ему минулъ 21 годъ, былъ уже на богословскихъ курсахъ и былъ «посвященъ въ стихарь». Но, за годъ до окончанія курса, онъ усиленно началъ готовиться къ университетскому экзамену. Черезъ годъ онъ поступилъ въ Московскій университетъ. По окончаніи курса, обязанный заслуживать казенную стипендію, Чернышевъ былъ прикомандированъ полковымъ врачемъ сначала въ Архангельскъ, потомъ въ Финляндію, медленно двигаясь изъ одного маленькаго мѣстечка въ другое. Довольствуясь честнымъ исполненіемъ обязанностей исключительно врача при солдатахъ, съ тѣмъ ограниченнымъ окладомъ жалованья, который за это слѣдовало, онъ избѣгалъ побочной практики, частію отговариваясь тѣмъ, что не хочетъ лишить товарищей заработка, частію въ силу брезгливости къ тѣмъ способамъ, какими добывается практика. Одинокій, онъ сократилъ свои расходы до возможнаго minimum'а, ограничилъ свои потребности до аскетизма. Единственно только этимъ путемъ онъ и могъ сохранить кое-какіе остатки отъ ограниченнаго оклада, часть котораго постоянно употреблялъ на поддержку близкихъ лицъ. Этимъ же безусловно честнымъ путемъ, съумѣлъ онъ сохранить тѣ невеликіе остатки отъ трудовыхъ грошей, которые завѣщалъ онъ частію въ пользу нуждающихся родныхъ, частію въ пользу благотворительныхъ обществъ; такъ, кромѣ 1,000 рублей, пожертвованныхъ имъ въ литературный фондъ, 450 р. были внесены душеприказчикомъ его въ пользу Общества пособія недостаточнымъ слушательницамъ женскихъ врачебныхъ курсовъ.

ТИП. А. С. СУВОРИНА.

Digitized by Google

Самый главный ущербъ въ доходѣ 1876 года составляли членскіе вносы: въ то время, какъ въ 1875 году отъ 373 членовъ было получено 6,292 р., въ 1876 году было собрано лишь отъ 274 членовъ — 4,671 р. На это обстоятельство обратила вниманіе и ревизіонная коммиссія этого года *). Въ журналѣ своемъ, она вычислила, что за вычетомъ 120 членовъ, прежде уже сдѣлавшихъ пожизненные вносы, изъ числящихся по списку членовъ Общества, 193 человѣка, т. е. на 135 больше, чѣмъ въ предшествовавшемъ году, или болѣе 30% всего числа членовъ, не сдѣлали до 1 января 1877 года членскихъ вносовъ за 1876 годъ. Коммиссія убѣдилась, что Комитетомъ въ истекшемъ году были приняты всѣ зависѣвшія отъ него мѣры для болѣе успѣшнаго поступленія членскихъ вносовъ, и что столь неаккуратное поступленіе ихъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поставлено въ вину Комитету. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она сочла своею обязанностью обратить на это обстоятельство особое вниманіе общаго собранія. Членскіе вносы, наравнѣ съ пожертвованіями членовъ Августѣйшей Фамиліи, съ суммой, получаемой ежегодно отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и съ процентами отъ капитала Общества принадлежатъ къ числу главныхъ основныхъ статей доходовъ, такъ какъ единовременныя пожертвованія, сборы съ концертовъ, чтеній и проч. являются статьями дохода весьма колеблющагося свойства. Комитетъ не можетъ прибѣгать къ болѣе энергическимъ мѣрамъ для полученія членскихъ вносовъ, чѣмъ тѣ, которыя практикуются въ настоящее время. Но было бы въ высшей степени желательно, чтобы сами члены Общества выказывали большую аккуратность въ производствѣ своихъ членскихъ вносовъ, и чтобы на будущее время въ отчетахъ казначея не встрѣчалось указаній на то, что болѣе 30% наличныхъ членовъ Общества не сдѣлали членскихъ вносовъ.

*) Ревизіонная коммиссія въ 1876 году состояла изъ слѣдующихъ членовъ: П. Д. Боборыкина, Э. К. Ватсона, Ѳ. Ѳ. Воропонова, В. Ѳ. Корша, Л. А. Полонскаго, М. М. Стасюлевича и Н. Н. Тютчева.

Digitized by Google

Не менѣе чувствительный ущербъ нанесло кассѣ полное отсутствіе какихъ либо концертовъ или литературныхъ чтеній въ этомъ году. Въ то время, какъ въ 1875 г., эта статья дохода доставила 1,558 р. 67 к., въ 1876 году получено было лишь 545 р. 85 к. отъ г. Д. И. Менделѣева, который пожертвовалъ Обществу половину сбора своихъ публичныхъ чтеній.

Впрочемъ, въ общей сложности, доходъ 1876 года оказался ниже дохода 1875 года всего лишь на 300 р., такъ какъ единовременныя пожертвованія и проценты съ капитала (3,178 р. 51 к.) уравновѣсили вышеозначенные ущербы по прочимъ статьямъ. Зато расходъ 1876 года (15,651 р.) превысилъ расходъ предыдущаго года почти на тысячу рублей. При этомъ особенную разницу представляетъ расходъ на пенсіи (27 лицамъ—6,153 р. 33 к.) по случаю назначенія 5 новыхъ пенсій въ 1875 году и въ началѣ 1876 года. Единовременныхъ и продолжительныхъ пособій (71 лицу на 6,625 р.) было роздано тоже въ 1876 году нѣсколько болѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ году; зато на воспитаніе (25 лицамъ 2,555 р.) было израсходовано на 260 р. менѣе; это объясняется тѣмъ, что нѣсколько лицъ, воспитывавшихся на счетъ суммъ литературнаго фонда, окончили свое образованіе.

Самымъ крупнымъ эпизодомъ въ жизни Общества въ этомъ году является вопросъ о Щаповѣ, поднятый литературою по случаю смерти этого дѣятеля по русской исторіи, и причинившій Обществу немало заботъ, тревогъ и обычныхъ со стороны прессы нареканій.

Началось дѣло съ того, что въ № 79 (19 мая 1876 г.) «Новаго Времени» появилась слѣдующая замѣтка:

«Въ какомъ положеніи былъ покойный Щаповъ — видно изъ слѣдующаго: Въ 12 № «Сибири», въ числѣ объявленій, напечатано:

«Право на изданіе сочиненій А. П. Щапова передано имъ при жизни своему кредитору за незначительный долгъ 825 р. Наслѣдники покойнаго или желающіе могутъ произвести вы-

Digitized by Google

купъ этого права. Спросить чиновника въ контрольной палатѣ Лаврова».

«Далѣе слѣдуетъ: За отъѣздомъ продаются по сходнымъ цѣнамъ: мебель, зеркала, шкафы. Спросить въ контрольной палатѣ того же чиновника Лаврова.

«Итакъ сочиненія извѣстнаго профессора продаются, скупленныя по сходной цѣнѣ, наравнѣ съ мебелью и шкафами. Все это характеризуетъ, въ какомъ положеніи былъ ученый, какъ и какая участь постигла его замѣчательные труды для Россіи. Выкупитъ ли кто у таинственнаго чиновника контрольной палаты эти сочиненія?

«Намъ кажется, что литературный фондъ обязанъ немедленно, безъ всякихъ проволочекъ, снестись съ г. Лавровымъ по телеграфу и выкупить сочиненія Щапова. Это будетъ прекрасное употребленіе денегъ, за которое общее собраніе членовъ фонда можетъ только благодарить Комитетъ. Если фондъ этого не сдѣлаетъ, если онъ скажетъ, что это не его дѣло, мы позволимъ себѣ обратиться къ редакторамъ повременныхъ изданій и хоть въ складчину выкупить сочиненія Щапова и, такимъ образомъ, изъять изданіе ихъ изъ рукъ антрепренеровъ. Просимъ Комитетъ литературнаго фонда сообщить намъ, будетъ ли что нибудь имъ сдѣлано, или нѣтъ».

Замѣтка эта была доложена Комитету въ засѣданіи его 20 мая 1876 г., и Комитетъ сдѣлалъ слѣдующее постановленіе:

«На основаніи § 1 устава Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, Общество имѣетъ цѣлью вспомоществовать нуждающимся, осиротѣвшимъ семействамъ литераторовъ и самимъ литераторамъ и ученымъ, которые по преклонности лѣтъ или по какимъ либо другимъ обстоятельствамъ находятся въ невозможности содержать себя собственными трудами. При дальнѣйшемъ развитіи своихъ средствъ, Общество, кромѣ главной, вышеуказанной цѣли, способствуетъ изданію въ свѣтъ полезныхъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ, которые

Digitized by Google

не могутъ быть изданы самими авторами и переводчиками по недостатку средствъ. На основаніи пункта § 5, право на пособіе отъ Общества имѣетъ, между прочимъ, авторъ полезнаго ученаго или литературнаго произведенія, который желалъ бы издать его въ свѣтъ, но не имѣетъ къ тому средствъ. Изъ сопоставленія этихъ статей устава видно, что содѣйствіе Общества къ изданію въ свѣтъ ученаго или литературнаго труда есть только одна изъ формъ помощи, оказываемой Обществомъ нуждающимся литераторамъ и ученымъ, и что, слѣдовательно, содѣйствіе это возможно лишь подъ условіемъ принесенія пользы именно самому писателю или его семейству. Къ тому же заключенію приводитъ и общій характеръ дѣятельности Общества литературнаго фонда, призваннаго исключительно къ тому, чтобы помогать литераторамъ и ученымъ, а не къ тому, чтобы помимо этой цѣли заботиться объ изданіи въ свѣтъ литературныхъ или ученыхъ сочиненій. Покойный А. П. Щаповъ не оставилъ ни жены, ни дѣтей, попеченіе объ участи которыхъ лежало бы на обязанности Общества литературнаго фонда. Поэтому Комитетъ, несмотря на все уваженіе свое къ дѣятельности покойнаго А. П. Щапова и на желаніе, чтобы полное собраніе его сочиненій было издано въ свѣтъ какъ можно скорѣе и какъ можно лучше, не считаетъ себя вправѣ взять на себя этотъ трудъ, а слѣдовательно и входить въ переговоры о пріобрѣтеніи права на изданіе сочиненій А. П. Щапова».

Вслѣдъ затѣмъ, вопросъ о Щаповѣ еще болѣе усложнился литературной полемикой по поводу получаемаго имъ изъ литературнаго фонда пособія. Такъ въ № 90 «Новаго Времени», 31 мая 1876 г., появилось письмо г. П. Суворова, въ которомъ онъ, говоря объ отношеніяхъ Щапова къ вышеупомянутому чиновнику, г. Лаврову, между прочимъ пишетъ:

«А. П. Щаповъ, со смерти своей жены жилъ постоянно одинъ, существуя лишь при помощи «Сибирскаго отдѣла географическаго общества» и небольшаго интеллигентнаго иркутскаго кружка. Литературный фондъ, высылавшій когда-то Аѳа-

Digitized by Google

насью Прокофьевичу по 300 р. въ годъ пособія, въ послѣднее время прекратилъ высылку этого пособія».

Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ № 5 «Отечественныхъ Записокъ» того-же года, во «Внутреннемъ обозрѣніи», было напечатано слѣдующее:

«Нужда, наконецъ, такъ заѣла Щаповыхъ, что имъ совсѣмъ нечѣмъ было пропитываться. Отъ Щапова получено было слезное письмо о помощи. Все, что говорилось въ письмѣ, немедленно было сообщено въ извлеченіи Комитету литературнаго фонда, и онъ, надо отдать ему справедливость, немедленно разрѣшилъ отпускать ежегодно Щапову 300 р. до тѣхъ поръ, пока онъ поправится. Кажется, немного? Несмотря на это, ревизіонная коммиссія, обозрѣвавшая отчетность Комитета, сочла нужнымъ сдѣлать ему мудрое замѣчаніе: зачѣмъ, дескать, Комитетъ, не имѣвъ ничего въ виду, кромѣ какого-то неосновательнаго заявленія частнаго лица, не собравши надлежащихъ справокъ офиціальнымъ путемъ о нуждахъ Щапова, легкомысленно поспѣшилъ отпустить такую громадную сумму — 300 р. въ годъ?»

Обѣ эти литературныя замѣтки были доложены Комитету въ засѣданіи 3 іюля, и Комитетъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе:

Въ виду фактическихъ ошибокъ, заключающихся въ письмѣ г. Суворова и въ статьѣ «Отечеств. Записокъ», Комитетъ призналъ необходимымъ, для возстановленія истины, довести до всеобщаго свѣдѣнія: 1) что до 1876 г. А. П. Щапову не было назначаемо Комитетомъ постояннаго, разъ навсегда опредѣленнаго пособія, а были выдаваемы въ разное время разныя суммы, по мѣрѣ того, какъ до Комитета доходили свѣдѣнія о необходимости оказать Щапову матеріальную поддержку. Такимъ образомъ, Щаповъ получилъ въ 1863 г. — 225 р., въ 64 г. — 150 руб., въ 67 г. — 50 р., въ 71 г. — 183 р. 50 к. (включая стоимость купленныхъ по его просьбѣ и отправленныхъ ему книгъ), въ 72 г. — 200 р., въ 73 г. — 300 р., въ 74 г. — 300 р.; 2) что слѣдовательно о прекращеніи высылки Щапову пособія не мо-

Digitized by Google

жетъ быть и рѣчи; 3) что въ 1875 г. Щапову было отказано въ ссудѣ за непредставленіемъ поручительства, безъ котораго, на основаніи утвержденныхъ общимъ собраніемъ правилъ, Комитетъ не вправѣ выдавать срочныя ссуды; 4) что 4 января 1876 г. Щапову была назначена пожизненная, а не только до его выздоровленія, пенсія въ 300 р., производство которой прекращено лишь за его смертью, и 5) что ревизіонная коммиссія не только не возражала, но и не могла возразить противъ этого постановленія Комитета, такъ какъ она повѣряла дѣйствія Комитета лишь по 1 января 1876 г. Возраженія, сдѣланныя ею, касались, какъ видно изъ доклада ея, напечатаннаго въ газетахъ, пенсіи въ 180 р., назначенной въ 1875 г. дочери умершаго ученаго».

Несмотря на это заявленіе, хроникеръ «Отечественныхъ Записокъ», во «Внутреннемъ обозрѣніи» № 7-го, вновь повторилъ свое обвиненіе, настаивая на томъ, что въ 1873 году Комитетомъ было постановлено выдавать Щапову ежегодно по 300 р., пока онъ оправится, и что именно къ этому постановленію Комитета относилось замѣчаніе, сдѣланное ревизіонною коммиссіею по поводу назначенія Комитетомъ 6 января 1874 года пенсіи въ 300 руб.

На этотъ разъ Комитетъ, не дѣлая никакихъ заявленій и опроверженій, ограничился лишь справкою въ дѣлахъ Общества, по которой оказалось: 1) что въ 1870 г. 18 сентября постановлено было выдать А. П. Щапову пособіе въ 300 р., безъ всякой дальнѣйшей оговорки, а въ 1874 г. 21 октября выдать ему 300 руб., оставляя за нимъ право на полученіе пособія и въ будущемъ году. Цифра пособія, на которое за Щаповымъ, такимъ образомъ, признано было право, не была назначена, и выдача поставлена въ зависимость отъ состоянія здоровья Щапова; 2) что въ слѣдующемъ 1875 году, пособія Щапову не было выдано, такъ какъ ни онъ самъ, никто другой за него не просилъ, и 3) что замѣчаніе, сдѣланное ревизіонною коммиссіею по поводу отчета за 1874 г., относилось къ пенсіи, назначенной

Digitized by Google

другому лицу, да и не могло относиться къ Щапову, такъ какъ ему въ 1874 г. не было назначено пенсіи, а было только выдано пособіе, и при томъ не 6 января, а 21 октября».

Между тѣмъ, какъ этою справкою вполнѣ исчерпался вопросъ о пособіяхъ Щапову, въ концѣ года вновь выплылъ вопросъ объ изданіи его сочиненій. Въ засѣданіи 4 октября Комитету доложено было письмо сотрудника газеты «Сибирь» г. Николаева, который сообщалъ Обществу, что въ Сибири проживаетъ сестра А. П. Щапова, П. Мальцева, крестьянка, которой братъ помогалъ при своей жизни; лишившись же его, она находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Мы видѣли выше, что Комитетъ постановленіе свое о сочиненіяхъ Щапова мотивировалъ главнымъ образомъ тѣмъ, что Щаповъ не оставилъ послѣ себя близкихъ родныхъ, судьба которыхъ вмѣстѣ съ ихъ правомъ литературной собственности лежала бы на попеченіи Общества. Теперь же вдругъ у Щапова оказалась родная сестра, прямая его наслѣдница и женщина крайне нуждающаяся. Вслѣдствіе этого новаго обстоятельства, Комитетъ сдѣлалъ слѣдующее постановленіе, въ томъ же засѣданіи 4 октября:

«Просить редактора газеты «Сибирь», г. В. И. Вагина, собрать свѣдѣнія о положеніи Мальцевой, уполномочивъ его, если она дѣйствительно находится въ крайней бѣдности, выдать ей въ пособіе 50 р. Вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманіе, что Комитетъ отклонилъ отъ себя изданіе сочиненій Щапова лишь за неимѣніемъ въ виду близкихъ родственниковъ его, а между тѣмъ въ настоящее время оказывается, что такіе родственники у Щапова были и пользовались его помощью, Комитетъ призналъ необходимымъ, на случай, если бы осуществилась заявляемая многими лицами мысль объ открытіи подписки на изданіе сочиненій Щапова и о сосредоточеніи въ Комитетѣ могущихъ поступать на этотъ предметъ пожертвованій, имѣть въ виду слѣдующія свѣдѣнія: 1) остались ли послѣ Щапова, кромѣ Мальцевой, другіе наслѣдники, гдѣ они живутъ и въ какомъ находятся положеніи; 2) кому изъ нихъ Щаповъ по-

Digitized by Google

могалъ при жизни; 3) предполагаютъ ли они утвердиться въ правахъ наслѣдства послѣ Щапова, и 4) въ чемъ именно заключаются условія Щапова съ Лавровымъ и требованія послѣдняго относительно выкупа у него права на изданіе сочиненій Щапова. О доставленіи этихъ свѣдѣній Комитетъ постановилъ просить равномѣрно В. И. Вагина».

Отвѣта отъ г. В. И. Вагина до конца года получено не было, и на этомъ остановилось дѣло о сочиненіяхъ Щапова *). Ревизіонная коммиссія признала всѣ вышеозначенныя распоряженія Комитета правильными, и лишь одинъ изъ членовъ ея, П. Д. Боборыкинъ, остался по этому предмету при нижеслѣдующемъ особомъ мнѣніи:

«По вопросу о дѣйствіяхъ Комитета относительно пособій, выдававшихся А. П. Щапову, я согласенъ съ заключеніями остальныхъ членовъ ревизіонной коммиссіи лишь въ той его долѣ, которая касается формальной стороны дѣла. Вообще же я нахожу, что образъ дѣйствій Комитета показываетъ, что онъ ограничивался одними пассивными дѣйствіями, а вовсе не входилъ, какъ бы слѣдовало, въ тяжелую участь покойнаго Щапова, и помогалъ ему только тогда, когда былъ къ тому побуждаемъ просьбами и напоминаніями, и не нашелъ нужнымъ назначить Щапову пожизненную пенсію, разъ убѣдившись, что онъ былъ поставленъ въ самыя невыгодныя условія литературнаго заработка, а въ такихъ обстоятельствахъ Щаповъ былъ уже болѣе десяти лѣтъ. Дѣлая такое замѣчаніе, я полагаю, что оно касается прямо идеи Общества для пособ. нужд. литер. и ученыхъ, Комитетъ котораго обязанъ проявлять свою заботливость о нуждахъ литераторовъ и ученыхъ не пассивно, а въ дѣятельной и сочувственной иниціативѣ».

*) Въ концѣ февраля 1878 г. были получены свѣдѣнія о наслѣдникахъ Щапова, братѣ Григоріи и племянницѣ, дочери другаго брата Степана; вмѣстѣ съ тѣмъ о бѣдственномъ положеніи Мальцевой и о соглашеніи Лаврова уступить за 900 р. право на изданіе сочиненій Щапова. Комитетъ утвердилъ, въ засѣданіи 28 февраля, выдачу Мальцевой 50 р. и выразилъ благодарность г. Вагину за сообщенныя имъ свѣдѣнія.

Digitized by Google

Комитетъ, въ своемъ объясненіи, оставилъ безъ возраженій это особое мнѣніе г. Боборыкина, такъ какъ оно не касалось дѣятельности его за истекшій 1876 г., въ настоящемъ его составѣ.

XVIII.

1877 годъ.

1877 годъ замѣчателенъ единственно тѣмъ, что въ немъ вопросъ о ссудо-сберегательной кассѣ получилъ окончательное разрѣшеніе. Въ видахъ этого разрѣшенія было открыто чрезчайное собраніе 2-го января 1877 года, на которомъ предсѣдатель заявилъ, что обсужденію будутъ подлежать главныя основанія проекта, который будетъ напечатанъ въ возможно-скорѣйшемъ времени какъ въ газетахъ и журналахъ, такъ и отдѣльной брошюрой, и тогда предложенъ на окончательное разрѣшеніе общаго собранія, особо для того созваннаго. Затѣмъ, составитель проекта, Н. Ѳ. Фанъ-деръ-Флитъ, изложилъ главныя основанія проекта. О нѣкоторыхъ изъ нихъ происходили пренія, результатомъ которыхъ было внесеніе въ проектъ устава новаго правила объ образѣ дѣйствій правленія и совѣта кассы въ случаѣ уменьшенія паеваго ея капитала на одну четверть, а также уменьшеніе предположенной въ проектѣ высшей мѣры отвѣтственности и кредитоспособности членовъ кассы. Въ заключеніи общее собраніе, по предложенію предсѣдателя, выразило благодарность какъ Н. Ѳ. Фанъ-деръ-Флиту, такъ и Е. В. Ламанскому, М. Н. Островскому и Н. П. Шуйскому, принимавшимъ участіе въ составленіи и обсужденіи проекта устава ссудо-сберегательной кассы.

Затѣмъ, вслѣдствіе объявленія въ газетахъ о новомъ чрезвычайномъ собраніи, назначенномъ на 5 мая, Комитетъ*) по-

*) Комитетъ въ 1877 году состоялъ: изъ предсѣдателя Гр. В. Рѣпинскаго, помощника предсѣдателя М. Е. Салтыкова, секретаря Э. К. Ватсона, казначея П. Ал. Гайдебурова, и членовъ К. Н. Арсеньева, В. Ѳ. Корша, Н. Ив.

Digitized by Google

лучилъ слѣдующее заявленіе отъ члена Общества Гр. Зах. Елисѣева:

«Сегодня 3 мая въ газетахъ напечатано слѣдующее извѣщеніе»: члены Общеста для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ приглашаются въ общее собраніе, назначенное въ четвергъ 5 мая для выслушанія отчетовъ и для обсужденія проекта устава ссудо-сберегательной кассы».

«Какъ членъ Общества литературнаго фонда, я считаю долгомъ заявить Комитету этого Общества для обсужденія, и въ случаѣ несогласія его на мое заявленіе, для предъявленія назначенному въ четвергъ общему собранію, что по моему мнѣнію, нѣтъ никакой надобности проектъ устава ссудо-сберегательной кассы для литераторовъ представлять на обсужденіе общаго собранія Общества литературнаго фонда, или если у Комитета литературнаго фонда есть какія-нибудь особыя соображенія, по которымъ онъ находитъ нужнымъ это сдѣлать, то это слѣдуетъ дѣлать не прежде, какъ по предварительномъ разсмотрѣніи проекта устава собраніемъ литераторовъ.

«Предлагаемая ссудо-сберегательная касса назначается исключительно для литераторовъ. Ни одинъ членъ Общества литературнаго фонда, если онъ самъ не литераторъ, не имѣетъ права ни быть членомъ этой кассы, ни получать изъ нея ссуды. А разъ нелитераторы не будутъ участвовать въ ссудо-сберегательной кассѣ, имъ и въ обсужденіи этой кассы, какъ чужомъ для нихъ дѣлѣ, участвовать нѣтъ никакого резона, ни даже повода. И никакой существенной пользы отъ обсужденія ими проекта устава ожидать нельзя. Ибо не будучи литераторами, они не знаютъ ни положенія, ни нуждъ, ни вообще быта литературнаго персонала, а слѣдовательно не могутъ имѣть никакого понятія о томъ, какъ лучше уставъ кассы приспособить къ потребностямъ литературнаго фонда.

Костомарова, А. А. Краевскаго, В. Ав. Манассеина, Л. Ал. Полонскаго, Ал. Ник. Пыпина и Н. Ст. Таганцева.

Digitized by Google

«А такъ какъ въ Обществѣ литературнаго фонда членами состоятъ по преимуществу нелитераторы, и такъ какъ даже незначительная часть литераторовъ, въ немъ участвующихъ, принадлежитъ къ верхнимъ слоямъ литературы и имѣетъ самое темное представленіе о среднихъ и низшихъ слояхъ ея, которые между тѣмъ и будутъ болѣе всѣхъ нуждаться въ пособіи проектируемой кассы, то очевидно, что Общество литературнаго фонда не имѣетъ никакой компетентности въ обсужденіи устава ссудо-сберегательной кассы для литераторовъ.

«Правильный порядокъ для обсужденія устава ссудо-сберегательной кассы для литераторовъ былъ бы, по моему мнѣнію, слѣдующій:

1) Комитетъ Общества литературнаго фонда обращается къ редакторамъ всѣхъ журналовъ и газетъ большой и малой прессы и проситъ ихъ прислать ему списокъ всѣхъ участвующихъ въ каждомъ изъ сихъ изданій литераторовъ.

2) Получивъ эти списки, Комитетъ приглашаетъ всѣхъ означенныхъ въ спискахъ литераторовъ, въ извѣстный день, въ общее собраніе, которому черезъ своего предсѣдателя передаетъ на обсужденіе составленный проектъ устава ссудо-сберегательной кассы, назначая достаточный срокъ для этого обсужденія.

3) Собраніе литераторовъ, или въ своемъ полномъ составѣ въ теченіи нѣсколькихъ засѣданій, или посредствомъ имъ самимъ образованныхъ изъ среды себя коммиссій — какъ оно найдетъ для себя удобнѣе — разсматриваетъ предложенный ему проектъ устава, измѣняетъ, дополняетъ, вообще вырабатываетъ пригодный для себя уставъ; затѣмъ препровождаетъ его въ Комитетъ литературнаго фонда, избирая, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ среды себя нѣсколько уполномоченныхъ, которые, сообща съ коммиссіею, назначенною отъ литературнаго фонда, разсматриваютъ этотъ выработанный уставъ и исправляютъ, въ чемъ окажется нужнымъ, по замѣчаніямъ послѣдней.

4) Впрочемъ, въ выработанномъ собраніемъ литераторовъ проектѣ устава, коммиссія отъ литературнаго фонда можетъ имѣть

Digitized by Google

право на измѣненіе только тѣхъ положеній проекта, которыя будутъ стоять въ противорѣчіи съ требованіями закона или съ достоинствомъ, интересами, цѣлями Общества литературнаго фонда.

5) Разрѣшеніе несогласій, еслибы таковыя возникли между уполномоченными отъ собранія литераторовъ и коммиссіею отъ литературнаго фонда — могло бы быть предоставлено общему совокупному собранію литераторовъ и литературнаго фонда.

6) Въ случаѣ если уполномоченные отъ собранія литераторовъ и коммиссія отъ Комитета литературнаго фонда во всемъ согласятся относительно выработаннаго собраніемъ литераторовъ устава — уставъ, по просьбѣ этого собранія, Комитетомъ литературнаго фонда представляется прямо на утвержденіе подлежащаго начальства».

Но чрезвычайное собраніе не состоялось 5 мая, по весьма незначительному числу членовъ (около 10 чл.), явившихся на это собраніе. Вслѣдствіе этого, заявленіе г. Елисѣева было доложено Комитету въ засѣданіи его 5 мая, и Комитетъ постановилъ: «разослать проектъ устава по редакціямъ періодическихъ изданій, прося ихъ доставить къ августу мѣсяцу свои соображенія и соображенія участвующихъ у нихъ сотрудниковъ по поводу устройства ссудо-сберегательной кассы для литераторовъ». Но къ чрезвычайному собранію 1 октября 1876 г. было представлено всего на все три замѣчанія на проектъ устава ссудо-сберегательной кассы: отъ редакціи журнала «Гражданинъ» и отъ сотрудника этого журнала, г. Биберштейна, а также отъ сотрудника «Голоса», г. Новицкаго. Въ собраніи 1 октября, послѣ довольно продолжительныхъ преній о томъ, слѣдуетъ ли приступать въ настоящемъ засѣданіи къ разсмотрѣнію проекта устава, предсѣдателемъ былъ поставленъ на баллотировку вопросъ: желаетъ ли собраніе приступить къ обсужденію проекта устава? По утвердительномъ рѣшеніи этого вопроса, собраніе приступило къ обсужденію проекта устава въ общемъ и въ частностяхъ, причемъ нѣкоторыя изъ представленныхъ замѣчаній

Digitized by Google

были признаны общимъ собраніемъ уважительными. Въ заключеніе, собраніе поручило Комитету, согласно съ этими замѣчаніями, измѣнить нѣкоторыя статьи проекта устава и затѣмъ представить его на утвержденіе правительства.

Что касается до состоянія кассы Общества, то 1877 годъ былъ еще менѣе благопріятенъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ 1876. Наличность кассы въ теченіи года не только не возросла, но уменьшилась: къ 1 января 1877 года въ кассѣ было 78,375 р. 85 к., а къ 1 января 1878 года осталось 76,940 р. 35 к., несмотря на то, что доходы Общества въ 1877 г. были на 341 р. 78 к. болѣе доходовъ 1876 года.—Наиболѣе богатъ былъ этотъ годъ годовыми членскими вносами, которые возросли, сравнительно съ 1876 г., болѣе, чѣмъ на 2,000 р. (въ 1876 г. 4,671 р., а въ 1877 г. 6,770 р.), благодаря вышеприведенному замѣчанію ревизіонной коммиссіи прошлаго года и энергическимъ мѣрамъ, принятымъ Комитетомъ и приводимымъ въ исполненіе подъ главнымъ наблюденіемъ предсѣдателя Общества. Сборъ съ чтеній, по случаю несостоявшихся двухъ спектаклей и двухъ публичныхъ лекцій, былъ еще болѣе скуденъ, чѣмъ въ прошломъ году: именно лишь двѣ лекціи проф. М. Х. Академіи, Ив. Ром. Тарханова, читанныя имъ 20 и 27 ноября, доставили въ пользу Общества чистаго сбора 345 р. Обычнаго пожертвованія отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1,000 рублей въ этомъ году почему то не воспослѣдовало. Единовременныя же пожертвованія простирались бы въ 1877 году всего лишь на 434 р. 93 к., если бы А. А. Краевскій не оказалъ Обществу весьма существенную услугу своимъ крупнымъ пожертвованіемъ въ 2,000 р. съ тѣмъ, чтобы эти деньги были включены въ разрядъ неприкосновенныхъ суммъ Общества и чтобы на нихъ были куплены облигаціи одного изъ земельныхъ банковъ.

Сверхъ того, содержательница частной женской гимназіи, М. П. Спѣшнева, изъявила готовность принять безплатно приходящими въ ея заведеніе дочь одной писательницы и еще четырехъ воспитанницъ по рекомендаціи Комитета.

Digitized by Google

Обращаетъ на себя также вниманіе, по вопросу о пожертвованіяхъ, эпизодъ сношеній Комитета съ И. Т. Лисенковымъ въ началѣ этого года. И. Т. Лисенковъ еще въ 1874 году представилъ въ Комитетъ Общества «Программу къ улучшенію увеличенія фонда Общества». Программа эта заключалась въ предложеніи издать книгу — Лѣтопись, въ которой помѣщены были бы портреты жертвователей, покровителей и членовъ Общества, съ біографіями тѣхъ лицъ, пожертвованія которыхъ возростутъ до капитала, приносящаго 500 р. %, или которые внесутъ единовременно 10,000 р. «Имена всѣхъ этихъ жертвователей должны сдѣлаться безсмертными и помѣщаться въ ежегодныхъ отчетахъ на вѣчныя времена». «За симъ, прибавляетъ г. Лисенковъ, остается только объявить программу въ газетахъ, и желающіе гурьбой пойдутъ въ храмъ безсмертія». Предложеніе это, по журналу 16 декабря 1874 г., было принято къ свѣдѣнію.

Въ концѣ 1876 г., г. Лисенковъ вновь обратился съ письмомъ къ предсѣдателю Комитета, упоминая въ немъ о своемъ проектѣ, и говоря, что проектъ этотъ «могъ-бы получить милліонъ отъ Штиглица, который онъ передалъ въ Академію и мгновеніе того времени потерялось».

Письмо это со справкою было доложено Комитету въ засѣданіи 14 февраля 1877 года и Комитетъ постановилъ: «по трудности исполненія проекта г. Лисенкова въ настоящее время, предложеніе его отклонить».

Въ апрѣлѣ того же года г. Лисенковъ вновь обратился въ Комитетъ съ длиннымъ письмомъ, въ которомъ, прилагая именной билетъ государственнаго банка въ 5,000 р. съ купонами, заявлялъ, что, по случаю столѣтняго юбилея, наступающаго 12 декабря 1877 г., памяти царствованія Александра I, онъ жертвуетъ этотъ билетъ въ Общество съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого билета ежегодно издавался сборникъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Петербургская литературная звѣзда сѣверныхъ цвѣтовъ русской литературы, въ прозѣ и стихахъ

Digitized by Google

съ картинками или портретами, чертежами, съ приложеніями и планами на 1878 годъ, на заглавномъ листѣ съ рисункомъ звѣзды надъ Петербургомъ времени трудовъ литераторовъ. Годъ первый. С.-Петербургъ. Съ портретами Александра I и Александра II, императора царствующаго». Затѣмъ, г. Лисенковъ излагаетъ подробную программу изданія, причемъ входитъ даже въ такія подробности, что «на масляницѣ ежегодно участниковъ, авторовъ помѣщаемыхъ статей, а равно покровителей просвѣщенія и журналистовъ приглашать на обѣдъ; за каждый кувертъ по три рубля съ полубутылкою шампанскаго». Не были забыты и книгопродавцы, которымъ И. Т. Лисенковъ совѣтовалъ предложить покупать не менѣе 5 экземпляровъ съ уступкою по 1 р. 60 к. за экземпляръ. Въ заключеніи-же письма, г. Лисенковъ проситъ, въ случаѣ закрытія Общества, передать жертвуемый имъ капиталъ «на такихъ же условіяхъ въ университетъ, проценты и доходы отъ продажи книги въ пользу даровитыхъ недостаточныхъ студентовъ въ ихъ пользу и поощреніе обѣдомъ, какъ сказано въ началѣ».

Письмо это было доложено Комитету въ засѣданіи 11 апрѣля 1877 года, и Комитетъ постановилъ, «изъявивъ И. Т. Лисенкову благодарность Общества, увѣдомить его, что Комитетъ можетъ принять его пожертвованіе только на слѣдующихъ условіяхъ: 1) жертвуемый капиталъ долженъ быть помѣщенъ въ государственныя процентныя бумаги на предъявителя; 2) жертвуемый капиталъ остается навсегда неприкосновеннымъ, подъ именемъ капитала И. Т. Лисенкова; 3) на проценты съ этого капитала, Комитетъ Общества издаетъ въ тѣ сроки, подъ тѣмъ заглавіемъ и такого содержанія, какія признаетъ болѣе удобными, особый сборникъ, съ означеніемъ на оборотѣ заглавнаго его листа, что онъ изданъ иждивеніемъ И. Т. Лисенкова; 4) всѣ выручаемыя отъ продажи сборника суммы поступаютъ въ непосредственное распоряженіе Общества и расходуются на нужды Общества; 5) въ случаѣ закрытія Общества, означенный капиталъ передается въ С.-Петер-

Digitized by Google

бургскій университетъ съ тѣмъ, чтобы на проценты съ него были издаваемы университетомъ особые сборники, согласно § 3 настоящихъ условій, а выручаемыя отъ продажи этихъ сборниковъ суммы обращались на выдачу пособій бѣднѣйшимъ и достойнѣйшимъ студентамъ».

Въ отвѣтъ на это постановленіе Комитета, И. Т. Лисенковъ обратился съ новымъ письмомъ къ предсѣдателю Комитета, въ которомъ настаивалъ и на заглавіи, и на обѣдахъ, и на уступкѣ книгопродавцамъ. Тогда Комитетъ, въ засѣданіи 5 мая, постановилъ просить А. А. Краевскаго составить проектъ условій пожертвованія и предложить его И. Т. Лисенкову.

А. А. Краевскій вошелъ въ личныя объясненія съ И. Т. Лисенковымъ, и затѣмъ, въ засѣданіи Комитета 6 іюня 1877 года, заявилъ, что Лисенковъ затрудняется принять условія Комитета. Тогда Комитетъ единогласно постановилъ: «въ виду неудобоисполнимости предлагаемыхъ Лисенковымъ условій пожертвованія и несогласія его на условія, предложенныя ему отъ имени Комитета А. А. Краевскимъ, съ сожалѣніемъ отклонить предложеніе Лисенкова о пожертвованіи 5,000 р. для изданія сборника въ пользу Общества».

Въ то время, какъ приходъ кассы въ 1877 году былъ лишь на 300 р. болѣе прихода 1876 года, безвозвратные же расходы превышали 1876 годъ почти на полторы тысячи (въ 1876 году 15,561 р., а въ 1877—16,992 р. 45 к.). При этомъ лишь на однѣ пенсіи расходъ въ 1877 г. былъ на 133 р. 33 к. меньше, чѣмъ въ 1876 году, по случаю смерти одного пенсіонера; расходы же по всѣмъ другимъ статьямъ значительно превышали суммы 1876 года; такъ, на воспитаніе въ 1876 году было издержано 2,555 р., а въ 1877 году—3,416 р. 45 к.; единовременныхъ пособій (вмѣстѣ съ продолжительными)—въ 1876 году 62 лицамъ 6,625 р., въ 1877 году — 7,636 р. Но особенно значительное увеличеніе расхода представляли срочныя ссуды: въ 1876 году выдано было только 10 лицамъ 2,103 р., въ 1877—23 лицамъ 6,552. На это обиліе ссудъ обратила вниманіе ревизіон-

ТИП. А. С. СУВОРИНА.

Digitized by Google

ная коммиссія этого года*): «Сумма эта, пишетъ она въ своемъ отчетѣ, почти вдвое болѣе розданной въ ссуду въ 1874 году, о которой тогдашняя ревизіонная коммиссія замѣтила, что она «едва ли имѣетъ себѣ примѣръ въ какомъ-либо изъ предшествовавшихъ лѣтъ дѣятельности литературнаго фонда». Нельзя отрицать, что, при извѣстныхъ условіяхъ, срочныя ссуды представляютъ наиболѣе цѣлесообразный способъ пособія; несомнѣнно также, что при выдачѣ срочныхъ ссудъ подъ проценты и при надлежащемъ ихъ обезпеченіи, этотъ видъ пособія представляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наибольшія выгоды для кассы Общества. Поэтому и нельзя, и нежелательно ограничивать число и размѣръ срочныхъ ссудъ. Совсѣмъ тѣмъ нельзя также не признать, согласно съ мнѣніемъ коммиссіи 1874 года, что срочныя ссуды составляютъ одинъ изъ видовъ пособій, выдаваемыхъ Обществомъ, и, вслѣдствіе того, могутъ быть присуждаемы лишь на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и другія пособія, а именно по удостовѣреніи въ дѣйствительной ихъ необходимости, по приведеніи въ извѣстность предмета, на который онѣ испрашиваются, и притомъ въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ литературнымъ и ученымъ заслугамъ просителя». Комитетъ, по мнѣнію ревизіонной коммиссіи, не соблюдалъ этихъ правилъ, и послѣдствіемъ этого было, что лица мало извѣстныя получали срочныя ссуды одного размѣра съ писателями, пользующимися бо́льшею и вполнѣ заслуженною извѣстностью. Кромѣ того, изъ дѣлъ Комитета видно, что тремя лицами и ихъ поручителями не были возвращены въ срокъ 650 р.**). Это указываетъ на недостаточное, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обезпеченіе выдаваемыхъ срочныхъ ссудъ. На основаніи этихъ соображеній, ревизіонная коммиссія предложила Комитету при своихъ дѣйствіяхъ

*) Ревизіонная коммиссія 1877 года состояла изъ слѣдующихъ членовъ: К. Д. Кавелина, В. Д. Спасовича, М. М. Стасюлевича, В. И. Вешнякова, Ѳ. Ѳ. Воропонова, Н. В. Гербеля и Е. В. Корша.

**) Комитетъ объяснилъ на это замѣчаніе ревизіонной коммиссіи, что 650 р. уже внесены членами Комитета; но такъ какъ они были уплачены по заключенію казначейскихъ книгъ за 1877 г., то и записаны на приходъ 1878 года.

Digitized by Google

и распоряженіяхъ имѣть въ виду слѣдующее: 1) присуждая срочныя ссуды, по возможности, принимать въ соображеніе предметъ, на который онѣ испрашиваются, и литературныя или ученыя заслуги просителей; 2) обращать особенное вниманіе на благонадежность ручательствъ, представляемыхъ къ обезпеченію срочныхъ ссудъ, и 3) всячески заботиться о возможномъ увеличеніи неприкосновеннаго капитала Общества».

Результатомъ перевѣса расхода надъ доходомъ было то, что, въ засѣданіи Комитета 1 августа, казначей заявилъ, что въ кассѣ фонда имѣются наличными деньгами лишь 79 р. 91 к., и ему было разрѣшено расходовать временно на текущія выдачи Общества 531 р. 99 к., состоявшіе въ неприкосновенномъ капиталѣ, съ тѣмъ, чтобы, при первой возможности, а къ концу года безусловно, израсходованныя деньги были возвращены въ неприкосновенный капиталъ. Въ слѣдующемъ же засѣданіи, 22 августа, казначей вновь заявилъ, что въ кассѣ Общества осталось всего 217 р. 80 к., и просилъ разрѣшенія заложить принадлежащія Обществу бумаги на сумму до 3,000 р. Тогда К. К. Арсеньевъ и А. А. Краевскій изъявили готовность ссудить Общество заимообразно безъ процентовъ по 1,000 рублей каждый по 31 декабря настоящаго года. Предложеніе это было съ благодарностью принято Комитетомъ. Тѣмъ не менѣе, въ засѣданіи 17 октября, казначей вновь заявилъ о скудости кассы и о необходимости заложить принадлежащія Обществу процентныя бумаги на сумму до 3,000 р., что̀ и совершилъ, съ разрѣшенія Комитета, 19 октября, заложивъ въ Государственномъ банкѣ шесть билетовъ Херсонскаго земельнаго банка на 4,500 р. номинальной стоимости за 2,925 р., срокомъ по 19 января. Въ концѣ концовъ, для уплаты вышеозначеннаго долга гг. К. Арсеньеву и А. Краевскому Комитетъ принужденъ былъ продать билетовъ по нарицательной стоимости на 2,100 р. за 1,941 р. 37 к.

Ревизіонная коммиссія замѣтила на это, что «хотя съ 1874 г. лишь часть процентныхъ бумагъ, принадлежащихъ

Digitized by Google

Обществу, признана была неприкосновеннымъ капиталомъ, тѣмъ не менѣе, расходованіе процентныхъ бумагъ, неотчисленныхъ въ неприкосновенный капиталъ, на текущіе расходы Общества нежелательно по многимъ соображеніямъ. Не говоря о томъ, что, при значительныхъ колебаніяхъ курса, Общество можетъ понести убытки при вынужденной продажѣ и по слѣдующей за тѣмъ покупкѣ процентныхъ бумагъ, ревизіонная коммиссія полагаетъ, что постоянное, хотя бы и медленное приращеніе капиталовъ Общеетва, въ виду возможнаго сокращенія его доходовъ, напримѣръ, ежегоднаго отпуска выдававшихся ему пособій, уменьшенія числа членовъ, и т. п., стоставляетъ настоятельную потребность и есть одинъ изъ наиболѣе надежныхъ способовъ обезпеченія и расширенія его полезной дѣятельности».

XIX.

1878 годъ.

Если 1876 и 1877 годы были весьма неблагопріятны для дѣлъ Общества, то 1878 годъ представляется положительно бѣдственнымъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ критическихъ моментовъ, переживаемыхъ тѣми или другими учрежденіями, въ которые безъ всякихъ катастрофъ или крупныхъ невзгодъ и неудачъ — всѣ дѣла приходятъ въ крайній упадокъ, и Обществу начинаетъ угрожать печальное разложеніе, если только не послѣдуетъ быстрое возрожденіе.

Самое начало этого года имѣло траурный характеръ. Такъ, на обычномъ годовомъ общемъ собраніи 2 февраля 1878 года, было заявлено о смерти въ минувшемъ году 14 членовъ общества, въ томъ числѣ Н. А. Некрасова, въ лицѣ котораго Общество, раздѣляя печальную утрату всей Россіи, лишилось одного изъ своихъ членовъ-учредителей, приносившихъ немалую пользу Обществу. Въ продолженіи семи лѣтъ (въ 1862, съ 1864 по 1866 гг. и съ 1874 по 1876 гг.) онъ исправлялъ

Digitized by Google

должность члена Комитета, а въ 1875, сверхъ того, былъ помощникомъ предсѣдателя. Упоминая о заслугахъ его передъ Обществомъ, предсѣдатель предложилъ членамъ общаго собранія, въ знакъ сочувствія къ покойному и уваженія къ его памяти, встать съ своихъ мѣстъ, что̀ и было исполнено. Затѣмъ, въ общемъ собраніи 31 декабря 1878 г., было заявлено о смерти одного изъ старѣйшихъ ветерановъ русской литературы, А. Н. Струговщикова, бывшаго членомъ Общества съ февраля 1862 г., и Н. Н. Тютчева, бывшаго членомъ Общества почти съ самаго его основанія (съ февраля 1860 г.).

Какихъ либо организаціонныхъ работъ въ этомъ году совсѣмъ не было, если не считать чрезвычайнаго собранія 2 февраля 1878 г., созваннаго для обсужденія вопроса о продленіи срока дѣйствія § 4 утвержденныхъ, 12 декабря 1876 г. общимъ собраніемъ, правилъ о выдачѣ ссудъ подъ ручательство издателей повременныхъ изданій. Собраніе постановило: дѣйствія § 4 названныхъ правилъ продолжить на 1878 года.

Наличность кассы къ концу этого печальнаго года представила еще болѣе сильный дефицитъ, чѣмъ въ прошломъ году. Въ то время, какъ къ 1 января 1878 г. касса заключала въ себѣ 76,940 р. 35 к., къ 1 января 1879 г. въ ней осталось лишь 74,669 р. 69 к.; слѣдовательно, она уменьшилась на 2,270 р. 66 к. Дѣйствительные доходы Общества, сравнительно съ 1877 г., уменьшились на 3,170 р. 11 к. (въ 1877 г.—16,266 р. 60 к., а въ 1878 г. 13,096 р. 49 к.). Почти всѣ отдѣльныя статьи доходовъ въ этомъ году уменьшились, кромѣ пожертвованія отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, которое въ 1878 г. вновь воспослѣдовало въ размѣрѣ 1,000 р., и пожизненныхъ членскихъ вносовъ, увеличившихся на 250 р. Особенно же чувствительное пониженіе представляютъ годовые членскіе вносы: въ то время, какъ въ 1877 г. отъ 576 членовъ поступило въ кассу 6,770 р., въ 1878 г. 585 членами было уплочено лишь 4,987 р. Единовременныя пожертвованія представляютъ скромную цифру 390 р. 62 к. Изъ нихъ наиболѣе крупнымъ пожертвованіемъ яв-

Digitized by Google

ляются 168 р. 67 к., уплоченныя П. П. Гаевскимъ за поставленную фабрикою бумагу для напечатанія въ пользу Общества стихотвореній Д. Л. Михаловскаго.

Понятно, что при такомъ скудномъ доходѣ и въ 1878 г., подобно предшествовавшему, Комитетъ *) принужденъ былъ прибѣгать къ залогу бумагъ Общества. Такъ, казначей Общества донесъ Комитету, въ засѣданіи 11 сентября, что въ кассѣ наличными деньгами всего 957 р. 80 к., а въ теченіи сентября срочныхъ платежей предстоитъ на 1,053 р., доходовъ въ теченіи ближайшаго времени никакихъ не предвидится, и онъ просилъ Комитетъ разрѣшить ему заложить принадлежащіе Обществу билеты на сумму 1,200 р., что̀ и было ему разрѣшено. Въ ноябрѣ-же наличная касса вновь истощилась, и въ засѣданіи 20 ноября вновь было разрѣшено казначею заложить бумагъ Общества на 2,000 р.

Но печальнѣе всего то, что скудость доходовъ отразилась въ 1878 году и на уменьшеніи расходовъ. По всѣмъ почти статьямъ обычныхъ расходовъ мы видимъ одинъ и тотъ же упадокъ дѣлъ Общества: такъ на единовременныя пособія въ 1877 г. было истрачено 6,816 р., въ 1878 г. — 4,520 р. т. е. на 2,296 р. менѣе; на продолжительныя пособія въ 1877 г. — 820 р., въ 1878 г. — 675 р., на воспитаніе — въ 1877 г. вмѣстѣ съ капиталомъ Ковалевскаго 3,973 р. 95 к., въ 1878 г. — 3,448 р. 50 к.; на пенсіи въ 1877 г. 5,940 р., въ 1878 г. 5,840 р.; въ срочныя ссуды въ 1877 г. было выдано 6,517 р., въ 1878 г. 2,875 р.; всего же въ 1877 г. было истрачено 19,454 р. 71 к., а въ 1878 г. 16,859 р. 88 к.

Ревизіонная коммиссія этого года **) не опустила, конечно, изъ виду подобнаго упадка всѣхъ дѣлъ Общества. «Изъ соображе-

*) Комитетъ состоялъ въ этомъ году изъ предсѣдателя Г. К. Рѣпинскаго, помощника предсѣдателя В. П. Гаевскаго, секретаря Н. К. Михайловскаго, казначея Э. К. Ватсона, и слѣдующихъ членовъ: К. К. Арсеньева, А. Д. Градовскаго, Е. П. Карновича, В. Ѳ. Корша, Н. И. Костомарова, В. А. Манассеина, Л. А. Полонскаго и А. Н. Пыпина.

**) Ревизіонная коммиссія состояла изъ слѣдующихъ членовъ: Ѳ. Ѳ. Во-

Digitized by Google

нія всѣхъ изложенныхъ данныхъ, пишетъ она въ своемъ журналѣ: вытекаютъ довольно неблагопріятные выводы объ общемъ положеніи дѣлъ Общества въ послѣднее время. Средства Общества уменьшаются прогрессивно: въ теченіи 1877 г. они уменьшились на 1,435 р. 50 к., а въ отчетномъ году на 2,270 р. 66 к. Выдача пособій, какъ единовременныхъ, такъ и продолжительныхъ и на воспитаніе, сокращается; слѣдовательно, уменьшается размѣръ благотворнаго вліянія Общества на нуждающихся въ его помощи литераторовъ и ученыхъ. Если обстоятельства Общества не улучшатся въ ближайшемъ будущемъ, то не только сдѣлается невозможнымъ желательное расширеніе его дѣятельности, но Обществу будетъ не по силамъ даже поддержаніе нынѣшняго размѣра пособій нуждающимся. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ сожалѣнія, что потребности въ пособіяхъ Общества не уменьшаются, а постоянно возрастаютъ».

Кромѣ всѣхъ другихъ причинъ упадка дѣлъ Общества въ 1878 г., одною изъ главныхъ, безъ сомнѣнія, были политическія событія того времени: только что пережитая нами война отвлекала все вниманіе интеллигентной публики и заставляла ее забывать о частныхъ интересахъ бѣднаго литературнаго кружка. Даже въ мирныя занятія членовъ Комитета Общества вторгалось эхо отдаленной брани, въ видѣ предложеній, совершенно несвойственныхъ кругу дѣятельности Общества. Такъ, въ 1877 г., одно лицо обратилось вдругъ въ Комитетъ съ предложеніемъ объ изданіи въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ сборника «Братская помощь»; другое лицо предложило пожертвовать Обществу, для отправленія въ «Красный Крестъ» и въ лазареты, оставшіеся нераспроданными экземпляры его сочиненія. Понятно, что и въ 1878 г. на замѣчаніе ревизіонной коммиссіи объ отсутствіи въ этомъ году публичныхъ чтеній и о томъ, что два предположенія объ устройствѣ музыкально-ли-

---

ропонова, П. А. Гайдебурова, Г. К. Градовскаго, К. Д. Кавелина, А. А. Краевскаго, П. Н. Меньшикова и М. М. Стасюлевича.

Digitized by Google

тературнаго вечера или чтенія въ пользу кассы Общества не осуществились, причемъ, отложенное до осени чтеніе не состоялось по необъясненнымъ въ журналахъ Комитета причинамъ. Предсѣдатель Общества, въ общемъ собраніи 2 февраля 1879 г., объяснилъ, что чтеніе это (проф. Брандта), отложенное до осени, не могло затѣмъ состояться въ виду сосредоточенія вниманія публики на политическихъ событіяхъ и, вслѣдствіе этого, малой вѣроятности успѣха чтенія.

Не оставила безъ вниманія ревизіонная коммиссія и полное отсутствіе организаціонныхъ работъ въ этомъ году. Такъ, между прочимъ, она замѣтила, что въ отчетѣ секретаря ничего не упоминается о положеніи дѣла объ устройствѣ при Обществѣ ссудосберегательной кассы для литераторовъ, между тѣмъ, какъ свѣдѣніе это должно бы составлять одну изъ существенныхъ статей отчета. Комитетъ объяснилъ на это замѣчаніе ревизіонной коммиссіи, что упомянутыхъ свѣдѣній нѣтъ не только въ отчетѣ секретаря, но и въ подлинныхъ журналахъ и документахъ, потому что проектъ въ 1877 г. переданъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, а о дальнѣйшей судьбѣ его Комитетъ не имѣетъ свѣдѣній.

Въ заключеніе ревизіонная коммиссія предложила:

1) Пригласить членовъ Общества къ аккуратному внесу ихъ годовыхъ платежей и недоимокъ за прежнее время и къ возможному отстраненію расходовъ изъ суммъ Общества на сборъ платежей;

2) публиковать журналы Комитета послѣ каждаго его засѣданія, а вѣдомости о движеніи суммъ — ежемѣсячно;

3) для бо́льшаго ознакомленія публики съ дѣятельностью Общества и въ виду привлеченія въ Общество новыхъ членовъ, просить Комитетъ принять слѣдующія мѣры: а) снестись съ издателями неофиціальныхъ провинціальныхъ періодическихъ изданій относительно печатанія въ этихъ изданіяхъ обычныхъ публикацій о дѣятельности и средствахъ Общества; б) входить въ сношеніе съ живущими въ провинціи и извѣстными Коми-

Digitized by Google

тету близкими къ литературѣ и наукѣ лицами, приглашая ихъ, независимо отъ принятія на себя званія члена Общества, оказывать Обществу содѣйствіе въ привлеченіи новыхъ членовъ, въ сборѣ членскихъ вносовъ, а также исполненіемъ порученій Комитета въ мѣстахъ ихъ жительства; в) отпечатать уставъ Общества въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ, какъ для снабженія ими членовъ Общества, такъ и для возможнаго распространенія въ публикѣ;

4) къ членамъ, неплатившимъ вносовъ въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ, обратиться еще одинъ разъ съ печатнымъ или письменнымъ приглашеніемъ къ уплатѣ, а потомъ неоткликнувшихся на этотъ призывъ считать сложившими съ себя званіе члена;

5) просить Комитетъ не упускать изъ виду пользы устройства публичныхъ чтеній, литературныхъ и т. п. вечеровъ;

6) принять за правило обозначать въ годовыхъ и мѣсячныхъ вѣдомостяхъ долги Общества по залогу бумагъ и долги Обществу лицъ, получившихъ срочныя ссуды.

Комитетъ вполнѣ согласился со всѣми этими предложеніями ревизіонной коммиссіи и изъявилъ готовность заняться изысканіемъ способовъ къ приведенію ихъ въ исполненіе, и сдѣлалъ лишь одно возраженіе, что въ виду краткости, а иногда малозначительности журналовъ, Комитетъ полагалъ бы публиковать ихъ не послѣ каждаго засѣданія, а ежемѣсячно.

XX.

1879 годъ.

Приступая къ 1878 году, мы назвали его критическимъ и замѣтили, что послѣ этого года въ будущемъ ожидало Общество, если не возрожденіе съ новыми силами, то печальное разложеніе. По счастью, 1879 годъ былъ именно годомъ возрожденія, вполнѣ возстановившимъ силы Общества, истощенныя

Digitized by Google

предыдущими тяжелыми годами. Этотъ отрадный фактъ констатировала и ревизіонная коммиссія этого года*). «Прошлогодняя коммиссія, читаемъ мы въ началѣ ея журнала: представляя свои замѣчанія о состояніи средствъ Общества за прошлый годъ, пришла къ неутѣшительнымъ выводамъ: уменьшались и членскіе вносы, и единовременныя пожертвованія, не состоялись ни чтенія, ни концерты. Обозрѣвая дѣла Общества за 1879 годъ, мы, къ счастію, можемъ сказать, что грустныя предположенія не оправдались, матеріальныя средства Общества возросли, благодаря заботамъ членовъ Комитета и особенно его предсѣдателя, В. П. Гаевскаго, въ размѣрахъ, превышающихъ всякія ожиданія».

И дѣйствительно, возрастаніе капиталовъ Общества въ 1879 году превысило даже прибыльный 1875 годъ. Въ то время, какъ къ 1 января 1879 года въ кассѣ Общества было 74,669 р. 69 коп., къ 1 января 1880 года наличность кассы возросла до 85,575 р. 90 к., т. е. на 10,906 руб. 21 к. Дѣйствительный же доходъ Общества, включая срочныя ссуды, простирался до 32,674 р. 62 к., т. е. былъ на 14,946 р. 18 к. болѣе дохода 1878 года.

По отдѣльнымъ же статьямъ наибольшую часть дохода принесли единовременныя пожертвованія — именно 9,824 р. 91 к. Самымъ крупнымъ пожертвованіемъ являются, завѣщанныя инженеръ-генералъ-маіоромъ Н. П. Мартыновымъ, 6,152 р. 7 к. Затѣмъ пенсіонерка Общества, дочь профессора Московскаго университета Д. Н. Дубенскаго, получавшая дружининскую пенсію, скончавшаяся въ этомъ году, завѣщала Обществу

*) 1879 году Комитетъ состоялъ изъ предсѣдателя В. П. Гаевскаго, помощника предсѣд. А. А. Краевскаго, секретаря Н. К. Михайловскаго, казначея Э. К. Ватсона, и членовъ: А. Н. Бекетова, Ѳ. Ѳ. Воропонова, П. А. Гайдебурова, А. Д. Градовскаго, Е. П. Карновича, В. Ѳ. Корша, В. А. Манассеина и Л. Н. Полонскаго. Ревизіонная же коммиссія состояла изъ слѣдующихъ членовъ: Н. С. Таганцева, А. А. Потѣхина, О. Ѳ. Миллера, К. М. Станюковича, Г. К. Градовскаго и М. Е. Салтыкова.

Digitized by Google

1,000 р.; оба эти пожертвованія были зачислены въ неприкосновенный капиталъ, подъ именами капиталовъ жертвователей. Затѣмъ изъ болѣе крупныхъ пожертвованій замѣчательны: И. С. Бліоха 500 р. и И. Р. Тарханова 260 р. Изъ пожертвованій неденежныхъ на первомъ планѣ стоитъ предложеніе П. К. Мартьянова, предоставившаго въ распоряженіе Комитета часть своего дома на Малой Охтѣ, съ тѣмъ, чтобы помѣщеніе это безплатно отводилось нуждающимся литераторамъ и ученымъ, или ихъ семьямъ. Сверхъ помѣщенія, г. Мартьяновъ предложилъ отъ себя отопленіе и прислугу.

С. С. Поляковъ предоставилъ двѣ стипендіи въ учрежденныхъ имъ желѣзнодорожномъ и горнозаводскомъ училищахъ. Княгиня Оболенская предоставила въ распоряженіе Комитета три безплатныя вакансіи въ своей женской гимназіи.

Чтенія и спектакли, въ свою очередь, въ этотъ годъ дали не малую сумму: 7,490 р. 34 к. Наибольшій сборъ былъ съ двухъ литературныхъ вечеровъ (9 и 16 марта)—именно 4,856 р. 74 к., благодаря участію И. С. Тургенева, Ѳ. М. Достоевскаго, М. Е. Салтыкова, А. Н. Плещеева, Я. П. Полонскаго и М. Г. Савиной. Затѣмъ спектакль въ Павловскѣ (24 іюня), гдѣ шла «Гроза» съ участіемъ Г. Н. Ѳедотовой, доставилъ чистаго сбора 1,062 р. 50 к. Литературное утро, устроенное при содѣйствіи гг. М. В. Ватсонъ, Ж. А. Полонской и А. В. Топорова и при участіи М. Е. Салтыкова, Д. В. Григоровича, А. И. Пальма, П. И. Вейнберга и А. Н. Плещеева—дало 1,104 р. 30 к. Кромѣ этихъ крупныхъ сборовъ—Екатеринославское общество любителей музыки устроило въ пользу литературнаго фонда вечеръ, давшій чистой выручки 72 р. 90 к. Н. В. Альбертини устроилъ въ Ревелѣ, 20 мая, литературно-музыкальный вечеръ, давшій 150 р. Г. К. Градовскій доставилъ 68 р. 57 к. съ спектакля въ пользу литературнаго фонда, 29 іюля, въ Любани. П. И. Вейнбергъ устроилъ литературно-музыкальный вечеръ въ Мерекюлѣ, 31 іюля, отъ котораго очистилось 248 р. 50 к.

Digitized by Google

Наконецъ и членскіе вносы, въ количествѣ 5,567 р., почти на 600 рублей превышали вносы прошлаго года. Это увеличеніе членскихъ вносовъ зависѣло главнымъ образомъ оттого, что въ теченіи 1879 года вновь избрано было 103 члена. Чтобъ оцѣнить эту цифру, нужно взять въ разсчетъ, что въ 1879 г. было избрано 41, въ 73 — 45, въ 74 — 67, въ 75 — 81, въ 76 — 54, въ 77 — 24, въ 78 — 43 новые члена. Такимъ образомъ, приростъ личнаго состава Общества въ 1879 году далеко превысилъ цифры новыхъ членовъ за предыдущіе годы. Въ результатѣ, къ 1 января 1880 года, числилось въ спискѣ 675 лицъ, т. е. на 90 болѣе, чѣмъ въ прошломъ году.

Въ силу всего вышеизложеннаго, Комитетъ, въ секретарскомъ отчетѣ за этотъ годъ, имѣлъ полное основаніе замѣтить, что «усилія Комитета не встрѣтили равнодушія въ средѣ лицъ, интересующихся положеніемъ нуждающихся литераторовъ и ученыхъ. Возрастающее сочувствіе къ цѣлямъ нашего Общества составляетъ самый выдающійся фактъ въ жизни литературнаго фонда за истекшій годъ. Оно выразилось въ очень разнообразныхъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, еще небывалыхъ до сихъ поръ формахъ и размѣрахъ».

Въ то время, какъ доходы Общества за 1879 годъ представляютъ такое небывалое увеличеніе, расходы — наоборотъ, являются въ этомъ году менѣе, чѣмъ за два предыдущіе года. Въ то время, какъ въ 1878 году дѣйствительные расходы вмѣстѣ съ срочными ссудами простирались на 19,734 р. 88 к., въ 1878 году ихъ было 18,263 р. 99 к., т. е. на 1,470 р. 89 к. менѣе. Подобное обстоятельство, на первый взглядъ, могло набросить нѣкоторую тѣнь на дѣятельность Комитета и возбудить мнѣніе, что Комитетъ жертвовалъ заботамъ къ увеличенію средствъ Общества другими не менѣе важными интересами своей дѣятельности. Поэтому ревизіонная коммиссія того года съ особеннымъ вниманіемъ остановилась на случаяхъ отказовъ въ пособіи и на ихъ причинахъ. По тщательномъ изслѣдованіи оказалось, что въ 1879 году было отказано въ денежномъ по-

Digitized by Google

собіи всего 49 лицамъ: изъ нихъ 19 по неимѣнію никакихъ правъ на пособіе, а 25 за неоднократными выдачами въ предшествующіе годы или даже въ прошлый годъ. При этомъ нужно замѣтить, что права значительнаго числа и этихъ лицъ были весьма невелики: бо̀льшею частью это были дѣти и даже внуки писателей, литературныя заслуги которыхъ, въ свою очередь, представляются весьма незначительными; другую категорію составляли писатели, относительно которыхъ Комитетъ, къ сожалѣнію, убѣдился изъ прежней своей практики, что пособіе имъ оказывается совершенно безполезнымъ, благодаря ихъ образу жизни. Изъ отказовъ инаго рода можно указать только на отказъ въ безсрочной ссудѣ 250 р. одному изъ писателей, пользующемуся заслуженною литературною репутаціею. Отказъ этотъ Комитетъ объяснилъ тѣмъ, что это было въ февралѣ 1879 года, когда еще не были выкуплены заложенныя въ предшествовавшіе годы бумаги Общества на номинальную сумму 5,200 р., когда наличность кассы едва давала возможность удовлетворять обязательные расходы, и не имѣлся еще въ виду тотъ, къ счастію, вскорѣ случившійся благопріятный поворотъ въ матеріальномъ положеніи Общества. Затѣмъ, одному ученому въ концѣ года, было отказано, въ виду значительности просимой ссуды — 2,500 р. и далеко не бѣдственнаго положенія просящаго.

Организаціонныя работы Общества сосредоточивались въ этомъ году въ чрезвычайномъ общемъ собраніи, бывшемъ 30 декабря. Незадолго предъ тѣмъ, именно 24 ноября 1879 г., было получено на имя предсѣдателя Общества слѣдующее отношеніе министра народнаго просвѣщенія гр. Д. Толстаго:

«М. Г. Викторъ Павловичъ. Бывшій предсѣдатель Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, въ представленіи отъ 13 декабря 1877 г. за № 338, вошелъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ объ учрежденіи при названномъ Обществѣ ссудо-сберегательной кассы, на основаніи представленнаго имъ проекта устава.

Digitized by Google

«По разсмотрѣніи сего проекта оказывается: 1) что въ члены означенной кассы могутъ быть принимаемы не только члены помянутаго Общества, но и всѣ вообще лица обоего пола, занимающіяся литературными и учеными трудами (§ 2); 2) что независимо отъ паевъ членовъ, размѣръ коихъ не ограничивается, и отъ вкладовъ, принимаемыхъ отъ членовъ, оборотный капиталъ кассы предполагается составить посредствомъ займовъ, заключаемыхъ у постороннихъ лицъ и учрежденій (§§ 14, 15, 27 и 32), и 3) что ссуды членамъ кассы имѣется въ виду выдавать подъ поручительство, подъ залогъ процентныхъ бумагъ и подъ напечатанныя изданія (§ 36).

«Вслѣдствіе сего имѣю честь увѣдомить В. Пр., что, такъ какъ цѣль учрежденія при Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ ссудо-сберегательной кассы можетъ состоять, конечно, лишь въ доставленіи возможности лицамъ, пользующимся содѣйствіемъ сего Общества, получать на необременительныхъ условіяхъ незначительныя денежныя ссуды для удовлетворенія непредвидѣнныхъ потребностей домашняго хозяйства, а равно выгодно помѣщать свои сбереженія, между тѣмъ утвержденіе представленнаго проекта въ настоящемъ его видѣ дало бы возможность образовать почти открытое кредитное установленіе, ибо число лицъ, занимающихся литературными или учеными трудами, можетъ оказаться весьма значительнымъ, то въ проектѣ семъ необходимо было бы сдѣлать нижеслѣдующія измѣненія:

1) ограничить число членовъ кассы, примѣрно 300; за симъ, если впослѣдствіи возникло бы ходатайство о дозволеніи увеличить составъ членовъ, то это могло бы быть допущено, если по дѣятельности кассы выяснится, что оная не уклонялась отъ первоначальнаго своего назначенія;

2) исключить изъ проекта предположеніе о выдачѣ ссудъ подъ процентныя бумаги, потому что подъ эти собственно обезпеченія всякій могъ бы всегда получить ссуду и помимо кассы;

3) выдачу ссудъ подъ печатныя изданія, кои нельзя не

Digitized by Google

признать обезпеченіемъ весьма сомнительнаго достоинства, допустить лишь при томъ условіи, чтобы сказанныя изданія были принимаемы въ залогъ не иначе, какъ по оцѣнкѣ правленія Общества для пособія нуждающимся литераторамъ, и чтобы Общество сіе принимало на себя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, обязательство пополнить потерю, которую могла бы понести касса по ссудѣ, обезпеченной печатнымъ изданіемъ.

«Кромѣ того, въ § 47 проекта слѣдуетъ исключить слова: «лишеніе всѣхъ правъ состоянія, и сказать, что «ссуда можетъ быть сложена общимъ собраніемъ въ случаѣ смерти, неизлечимой болѣзни или другихъ причинъ, лишающихъ возможности работать должника», а также добавить § объ отвѣтственности членовъ совѣта въ томъ смыслѣ, что члены совѣта отвѣтствуютъ за убытки, причиненные кассѣ ихъ дѣйствіями», § 33 дополнить указаніемъ, что займы разрѣшаются совѣтомъ въ такомъ только случаѣ, если въ засѣданіи его будутъ присутствовать не менѣе пяти членовъ.

«По исправленіи возвращаемаго при семъ проекта устава названной кассы, на основаніи изложенныхъ выше замѣчаній, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство войти съ представленіемъ въ министерство по настоящему предмету».

Замѣчанія министра народнаго просвѣщенія, представленныя вышеозначенному чрезвычайному собранію 30 декабря, были разсмотрѣны и единогласны приняты членами собранія.

Кромѣ того, Е. П. Карновичъ представилъ тому же общему собранію свою записку о мѣрахъ для пріисканія занятій переводчикамъ и переводчицамъ, слѣдующаго содержанія:

«Независимо отъ денежныхъ выдачъ, Общество наше старается оказывать пособіе нуждающимся ученымъ и литераторамъ, а также и ихъ семействамъ еще и другими способами: доставленіемъ мѣстъ, опредѣленіемъ дѣтей въ учебныя заведенія и даже не отказываетъ въ своемъ нравственномъ содѣйствіи къ полученію незаплоченнаго литературнаго гонорара. При такой разнообразной дѣятельности Общества, оказывается, од-

Digitized by Google

нако, со стороны его полное безучастіе по доставленію такого рода пособій, которыя должны бы были всего ближе подходить къ его благотворительной дѣятельности, а именно: оно не заботится о доставленіи нуждающимся литераторамъ соотвѣтствующихъ занятій, которыя могли бы, въ иныхъ случаяхъ, не только замѣнить денежное пособіе, но даже несравненно вѣрнѣе обезпечивать нуждающихся въ немъ лицъ.

«Участіе Общества по доставленіи собственно литературныхъ занятій было бы, конечно, чрезвычайно затруднительно, такъ какъ при этомъ пришлось бы сообразоваться не только со способностями просителя къ литературному труду, но и съ его направленіемъ для того, чтобы предложить его услуги той или другой редакціи. Такимъ образомъ, здѣсь возникали бы безпрестанно весьма щекотливыя и, можно даже сказать, совершенно неумѣстныя обсужденія.

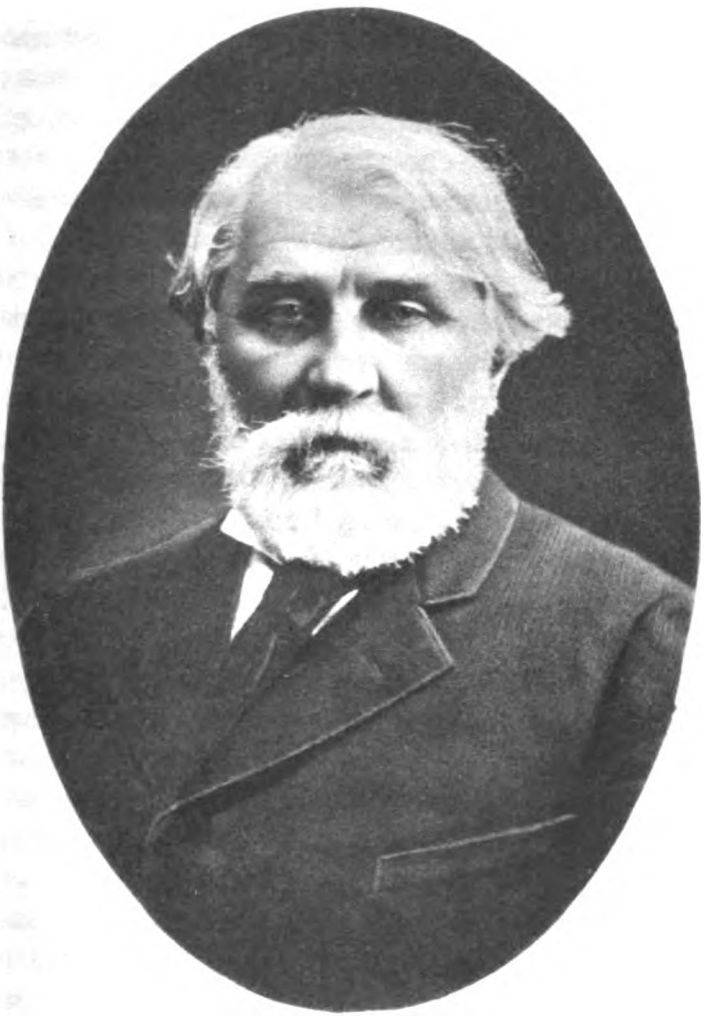
«Но наряду съ этими занятіями, существуетъ еще особый, самостоятельный родъ работы, входящій въ кругъ литературнаго труда — переводы, доставляющіе преимущественно заработокъ для лицъ женскаго пола. При доставленіи Комитетомъ этихъ занятій, не встрѣтится тѣхъ затрудненій, которыми, между прочимъ, обусловливается пріисканіе просителямъ литературныхъ занятій въ редакціяхъ и журналахъ и на которыя было указано выше.

«Между тѣмъ лица, обращающіяся въ Комитетъ съ просьбами о доставленіи имъ занятій переводами, получали обыкновенно до сихъ поръ общій для всѣхъ ихъ отказъ — «по неимѣнію въ виду Комитета таковой работы». Слѣдовательно, для возможнаго удовлетворенія подобныхъ просьбъ, нужно устроить такъ, чтобы прежде всего таковыя работы постоянно имѣлись въ виду Комитета.

«Для достиженія этого, можно, какъ кажется, остановиться на слѣдующихъ предложеніяхъ:

1) посредствомъ печати обратиться отъ имени Комитета съ просьбою къ редакторамъ газетъ и журналовъ, извѣстнымъ

Digitized by Google

Фототип. Имп. Ак. Худ. В. Штейнъ. Спб. Вознесенскій проспектъ, № 14.

Дозволено цензурою. Спб., 24 октября 1884 г.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

Digitized by Google

книгопродавцамъ, издателямъ переводныхъ сочиненій и вообще къ публикѣ о присылкѣ въ Комитетъ заявленій о встрѣчаемой кѣмъ-либо надобности въ переводной работѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, завести въ Комитетѣ поименный списокъ тѣхъ, которые обращаются къ нему съ просьбами о доставленіи имъ занятій переводами;

2) въ заявленіяхъ, присылаемыхъ въ Комитетъ, слѣдовало бы означать, съ какого языка требуется переводъ и нуженъ ли переводчикъ или переводчица для перевода книгъ беллетристическаго, историческаго или научнаго содержанія, и въ послѣднемъ случаѣ, по какой именно отрасли. Въ просьбахъ-же о доставленіи переводной работы — означать, съ какого языка или какого рода переводами желаетъ или предпочитаетъ заниматься проситель;

3) имѣя одновременно въ виду, какъ заявленія объ открывающейся переводной работѣ, такъ и просьбы о доставленіи ея, Комитетъ немедленно сообщаетъ просителямъ адресы редакцій, книгопродавцевъ, издателей и частныхъ лицъ, нуждающихся въ переводчикѣ или переводчицѣ. При этомъ, онъ снабжаетъ просителей открытымъ рекомендательнымъ письмомъ въ томъ случаѣ, когда ему извѣстны предшествовавшія занятія этихъ лицъ, приводя въ ихъ пользу въ этихъ письмахъ тѣ обстоятельства, которыя, по мнѣнію Комитета, могутъ, до извѣстной степени, служить удостовѣреніемъ въ удовлетворительномъ исполненіи предстоящей работы;

4) Комитетъ отстраняетъ отъ себя всякія соглашенія между лицами, обращающимися къ нему съ заявленіями объ указаніи переводчиковъ, и этими послѣдними; но въ случаѣ, если въ заявленіяхъ или просьбахъ будутъ включены какія-либо условія, то онъ сообщаетъ ихъ въ выпискѣ и той, и другой сторонѣ».

Выслушавъ эту записку г. Карновича, общее собраніе приняло это предложеніе единогласно и постановило напечатать его, вмѣстѣ съ отчетомъ объ общемъ собраніи.

ТИП. А. С. СУВОРИНА.

Digitized by Google

XXI.

1880 годъ.

Какъ ни былъ благопріятенъ 1879 годъ, но въ интеллигентной публикѣ, которая теперь, успокоившись отъ важныхъ тревогъ, снова обратила вниманіе свое на литературныя сферы, продолжало еще сохраняться убѣжденіе о томъ, что дѣла Общества не въ блестящемъ положеніи; въ этомъ убѣждалъ публику и отчетъ за 1878 годъ, который пока одинъ только былъ передъ ея глазами, такъ какъ отчетъ за 1879 годъ не былъ еще отпечатанъ. Понятно, что и пресса, каждый разъ, когда заговаривала о литературномъ фондѣ, впадала въ минорный тонъ. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ передовая статья, появившаяся въ № 3 Русскаго Курьера, 4 января 1880 г. Сдѣлавши выписку изъ отчета 1878 года относительно того, что если обстоятельства не улучшатся въ ближайшемъ будущемъ, то не только сдѣлается невозможнымъ ближайшее расширеніе дѣятельности Общества, но будетъ не по силамъ поддержаніе нынѣшняго размѣра пособій нуждающимся, газета продолжаетъ:

«Вотъ въ какомъ положеніи послѣ девятнадцатилѣтняго существованія приходится стоять Обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Фактъ нашей общественной жизни, надъ которымъ стоитъ задуматься!

«Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ представляетъ единственное учрежденіе, къ которому можетъ обратиться за помощью русскій литераторъ или ученый, если онъ, занимаясь исключительно литературой или наукой, не состоитъ въ то же время на службѣ у государства, земства, желѣзнодорожной, или другой какой-либо компаніи, или частныхъ лицъ: тамъ можно разсчитывать на пенсію, единовременное пособіе, на воспитаніе дѣтей на казенный счетъ. Но литератору, какъ таковому только, разсчитывать ни на что

Digitized by Google

подобное нечего, ибо его служба обществу лишена всякаго личнаго характера: онъ не служитъ мѣстамъ или лицамъ и, весьма естественно, не можетъ ждать отъ нихъ какой-либо награды за усердіе, ни участія въ случаѣ нужды, постигшей его и его семью. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ именно и учреждено для того, чтобы восполнить этотъ недостатокъ. Такимъ образомъ, Общество, о которомъ идетъ рѣчь, является единственнымъ мѣстомъ, откуда можетъ исходить помощь представителю русской независимой печати, если съ нимъ случится какая-нибудь бѣда, которая такъ легко предполагаема въ положеніи всякаго человѣка личнаго труда. Это обстоятельство придаетъ Обществу высокое значеніе, и состояніе его дѣлъ послѣ двадцатипяти-лѣтняго почти существованія не можетъ не считаться нѣкоторымъ укоромъ нашей русской жизни.

«То, что̀ можетъ быть обозначено общимъ названіемъ печать, играетъ уже и въ современномъ русскомъ обществѣ весьма существенную роль. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ формъ гражданской жизни значеніе это будетъ все возрастать. Члены этого культурнаго русскаго общества, отъ Петербурга и Москвы до самыхъ глухихъ провинціальныхъ закоулковъ, читаютъ журналы и газеты. Но имъ, этимъ членамъ русскаго культурнаго общества, повидимому, и въ голову не приходитъ, что читаемое ими на страницахъ журналовъ и на столбцахъ газетныхъ листовъ должно было прежде, чѣмъ быть отпечатаннымъ, кѣмъ-то задумано, продумано и написано, что прежде чѣмъ наступилъ чередъ механической работѣ скоропечатной машины или типографскаго станка, работала чья-то живая человѣческая голова и нерѣдко въ связи съ живымъ же впечатлительнымъ, отзывчивымъ сердцемъ, твердымъ убѣжденіемъ и искреннимъ желаніемъ принести посильную пользу своему народу.

«Что такое, по всей справедливости, естественное представленіе не возникаетъ въ коллективной головѣ русской культурной публики — даютъ полное право заключать вполнѣ достовѣрныя данныя, имѣющіяся въ денежномъ отчетѣ Общества».

Digitized by Google

Приведя, затѣмъ, рядъ статей дохода за 1878 годъ, авторъ продолжаетъ: «Какъ ни присматривайся къ этому ряду статей, опредѣляющихъ поступленія, изъ которыхъ составляются средства Общества, нѣтъ никакой возможности открыть хотя бы даже самые незначительные признаки «публики», представителей того «русскаго культурнаго общества», умственнымъ интересамъ котораго именно и служитъ дѣятельность литераторовъ и ученыхъ.

«Желательно ли такое безучастіе читающей «публики» къ судьбамъ Общества и въ будущемъ? Думаемъ нѣтъ...

«Будемъ надѣяться, говоритъ авторъ въ заключеніи: «что въ будущемъ отчетѣ Общества мы не встрѣтимъ грустнаго предположенія, что Обществу не только сдѣлается невозможнымъ желательное расширеніе его дѣятельности, но будетъ не по силамъ даже поддержаніе нынѣшняго размѣра пособій нуждающимся. И не встрѣтимъ именно потому, что въ достиженіи цѣлей Общества приметъ участіе русская читающая публика, въ интересахъ которой и работаютъ литераторы и ученые, между которыми много необезпеченныхъ людей, для которыхъ и по общественному положенію, и по роду труда такъ вѣроятна возможность тяжелой, безвыходной нужды».

Редакція «Русскаго Курьера», съ своей стороны, прибавила, что она «сочтетъ для себя пріятною обязанностью сообщать свѣдѣнія, касающіяся Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ» всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя, особенно изъ провинціи, выразятъ ей желаніе познакомиться съ дѣятельностью Общества и со способами оказать ему матеріальное содѣйствіе».

Статья эта была доложена Комитету въ засѣданіи 14 января 1880 г., причемъ было послано предсѣдателемъ въ редакцію «Русскаго Курьера» 20 экземпляровъ устава Общества и 3 экземпляра отчета за 1878 годъ.

Съ напечатаніемъ же отчета за 1880 годъ какъ публика, такъ и пресса, могли убѣдиться, что Общество воспрянуло съ

Digitized by Google

новыми силами и сочувствіе къ нему интеллигенціи начало рости не по днямъ, а по часамъ.

1880 годъ ознаменовался въ исторіи Общества тѣмъ живымъ и горячимъ участіемъ, какое принимало оно во всероссійскомъ торжествѣ, по случаю открытія памятника Пушкина въ Москвѣ. Объ участіи этомъ было предложено предсѣдателемъ Комитета *) общему собранію 27 апрѣля 1880 г., а общее собраніе, принявъ предложеніе, предоставило Комитету обсудить форму участія. И вотъ, въ засѣданіи Комитета того же 27 апрѣля, было рѣшено отправить въ Москву на открытіе памятника депутацію отъ Общества изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя В. П. Гаевскаго, помощника предсѣдателя А. А. Краевскаго, и членовъ: И. С. Тургенева, Д. В. Григоровича и А. А. Потѣхина.

Въ слѣдующемъ засѣданіи Комитета, 14 мая, предсѣдатель сдѣлалъ предложеніе, чтобы, по случаю открытія въ Москвѣ памятника Пушкину, образовать въ Обществѣ особый неприкосновенный капиталъ имени Пушкина, преимущественно для выдачи изъ процентовъ съ онаго, согласно § 1 устава Общества, пособій на изданіе замѣчательныхъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ, которые не могутъ быть изданы авторами по недостатку средствъ.

Комитетъ съ глубокимъ сочувствіемъ отозвался на это предложеніе, а наличные члены его выразили тотчасъ же желаніе участвовать, по мѣрѣ своихъ средствъ, въ составленіи «Пушкинскаго» неприкосновеннаго капитала на предложенномъ основаніи. Въ заключеніе Комитетъ постановилъ: просить

*) Комитетъ въ этомъ году состоялъ изъ предсѣдателя В. П. Гаевскаго, помощника предсѣдателя А. А. Краевскаго, секретаря Н. К. Михайловскаго, казначея Ѳ. Ѳ. Воропонова, и членовъ: А. Н. Бекетова, П. А. Гайдебурова, А. Д. Градовскаго, Д. В. Григоровича, Е. П. Карновича, А. А. Потѣхина, М. Е. Салтыкова и И. С. Тургенева. Членами же ревизіонной комиссіи были: Г. К. Градовскій, К. Д. Кавелинъ, Н. В. Кидошенковъ, В. А. Манассеинъ, А. М. Скабичевскій, Н. С. Таганцевъ и Н. П. Шелгуновъ.

Digitized by Google

редакціи газетъ содѣйствовать подпискѣ на означенный капиталъ, а къ обсужденію правилъ его употребленія приступить впослѣдствіи.

Затѣмъ предсѣдатель, составивъ проектъ адреса по случаю предстоящаго торжества, разослалъ этотъ проектъ членамъ Комитета на предварительное разсмотрѣніе и исправленіе. Въ слѣдующемъ же засѣданіи, 21 мая, адресъ былъ передѣланъ по замѣчаніямъ всѣхъ присутствовавшихъ членовъ Комитета и, по перепискѣ, подписанъ ими въ томъ-же засѣданіи. Вотъ его текстъ:

«Открытіе памятника Пушкину соединило всю мыслящую Россію въ общественномъ чествованіи имени великаго поэта. Наибольшее участіе въ этомъ народномъ торжествѣ принадлежитъ, конечно, литературѣ, однимъ изъ коллективныхъ представителей которой является Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Чтобы ознаменовать это народное торжество чѣмъ-либо достойнымъ памяти Пушкина, Общество основало особый неприкосновенный капиталъ для выдачи пособій преимущественно на изданіе замѣчательныхъ сочиненій, которыя не могутъ быть напечатаны авторами по недостатку средствъ, и наименовало этотъ капиталъ Пушкинскимъ.

«Заявляя объ этомъ, Общество выражаетъ надежду, что настоящій праздникъ, будучи торжествомъ не только памяти чествуемаго поэта, но и всей русской литературы, послужитъ къ укрѣпленію связи между литературой и обществомъ, составляющей залогъ ихъ совмѣстнаго развитія».

Не ограничиваясь однимъ адресомъ, предсѣдатель, въ засѣданіи 25 іюля, въ видахъ скорѣйшаго образованія неприкосновеннаго пушкинскаго капитала, предложилъ устроить въ октябрѣ, въ пользу литературнаго фонда, «Пушкинскую выставку» въ помѣщеніи Общества поощренія художниковъ; причемъ заявилъ, что уже имѣетъ въ виду, между прочимъ, полную коллекцію портретовъ Пушкина, принадлежащую П. А. Ефремову,

Digitized by Google

который изъявилъ согласіе участвовать въ устройствѣ выставки по части портретовъ и автографовъ.

Комитетъ, одобривъ мысль объ устройствѣ выставки, постановилъ напечатать о ней въ газетахъ объявленіе отъ Комитета съ приглашеніемъ доставлять предметы на выставку и просить В. П. Гаевскаго, Д. В. Григоровича и П. А. Ефремова принять на себя ея устройство.

Нужно ли и говорить о томъ, что устройство пушкинской выставки—дѣло еще небывалое въ Россіи—встрѣтило всеобщее сочувствіе и въ прессѣ, и въ массѣ общества? Около 60 человѣкъ отозвались на газетныя объявленія, взывавшія о содѣйствіи и прислали принадлежавшіе имъ различные предметы для выставки, какъ-то вещи, принадлежавшія покойному поэту, портреты, автографы, различныя изданія его сочиненій, переводы его твореній на иностранные языки и пр. и пр. Наибольшее содѣйствіе выставкѣ, по количеству присланныхъ предметовъ, оказали, кромѣ устроителей ея, П. А. Ефремова и В. П. Гаевскаго, слѣдующія лица: Т. Б. Сѣмечкина, Л. Н. Павлищевъ, князь П. П. Вяземскій, А. П. Арапова, гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, Я. К. Гротъ и многіе др. Многія вещи были взяты изъ Имп. Публ. библіотеки и изъ музея Александровскаго лицея. Кромѣ того, на выставкѣ продавались автографы, рисунки, картины, бюсты, статуетки, фотографическіе снимки портретовъ Пушкина (такъ напр., извѣстный фотографъ С. Л. Левицкій пожертвовалъ для продажи 100 фотографическихъ экземпляровъ неизданнаго портрета Пушкина), нѣсколько сочиненій о немъ и изданія Исакова, какъ всѣхъ сочиненій Пушкина, такъ и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его произведеній. Руководителемъ на выставкѣ служилъ каталогъ, изданный Обществомъ. Выставка открылась 19 октября и продолжалась по 8 января, причемъ было продано 5,601 билетъ и около 2,000 каталоговъ. Всего чистаго дохода принесла она 1,416 р. 53 к.

Кромѣ выставки, пользуясь увлеченіемъ публики памятью великаго поэта, Комитетъ устроилъ два чтенія его сочиненій.

Digitized by Google

Первое чтеніе было въ день открытія выставки, 19 октября, въ залѣ Городскаго кредитнаго общества, съ участіемъ М. Г. Савиной, П. И. Вейнберга, гр. А. А. Голенищева-Кутузова, И. Ѳ. Горбунова, Д. В. Григоровича, Я. К. Грота, Ѳ. М. Достоевскаго, А. Н. Плещеева и А. А. Потѣхина. Второе чтеніе состоялось 26 октября, въ томъ же залѣ, при участіи гр. А. А. Голенищева-Кутузова, К. К. Случевскаго, Д. В. Григоровича, П. И. Вейнберга, Я. П. Полонскаго, А. А. Потѣхина, Ѳ. М. Достоевскаго, М. Г. Савиной, Ѳ. Ѳ. фонъ-Минстера, Я. К. Грота и И. Ѳ. Горбунова. Оба вечера дали чистаго барыша 3,129 р. 75 к., которые и были причислены къ пушкинскому капиталу. Всего же пушкинскаго капитала, со всѣми пожертвованіями въ его пользу, образовалось къ концу года 5,523 р. 75 к.

Вообще этотъ годъ былъ богатъ чтеніями. Такъ, еще раньше пушкинскаго торжества, Комитетъ устроилъ литературное чтеніе 30 марта, воспользовавшись пребываніемъ И. С. Тургенева въ Петербургѣ. Кромѣ Тургенева, въ чтеніи принимали участіе П. И. Вейнбергъ, Д. В. Григоровичъ, А. И. Пальмъ и Я. П. Полонскій. Имя И. С. Тургенева привлекло массу народа на чтеніе. Больной, слабымъ голосомъ прочелъ И. С. Тургеневъ очеркъ изъ записокъ охотника «Малиновая вода», и снискалъ обычныя овацiи. Чтеніе это доставило литературному фонду чистаго барыша 1,518 р. 76 к.

Лѣтомъ 10 іюля П. И. Вейнбергъ устроилъ чтеніе въ Мерекюлѣ, доставившее чистаго барыша 302 р.

21 ноября было устроено вновь Комитетомъ литературное чтеніе въ залѣ Благороднаго собранія, при участіи гр. А. А. Голенищева-Кутузова, И. Ѳ. Горбунова, Д. В. Григоровича, Ѳ. М. Достоевскаго, А. Н. Плещеева, Я. П. Полонскаго, А. А. Потѣхина, К. К. Случевскаго и Ѳ. Ѳ. фонъ-Минстера; причемъ чистой прибыли было выручено 852 р. 62 к. Наконецъ, 28 декабря вновь было устроено чтеніе въ томъ-же Благородномъ собранiи, доставившее Обществу 124 р. 85 к.

Digitized by Google

Но какъ ни много было чтеній въ 1880 г., и хотя они доставили немалую сумму 7,344 р. 75 к., во всякомъ случаѣ сумма эта на 145 р. 59 к. меньше, вырученной съ чтеній 1879 года. Тѣмъ не менѣе, она составляетъ самую крупную часть доходовъ 1880 года.

Второю, послѣ нея, слѣдуетъ сумма въ 4,212 р., 25 к., образовавшаяся единовременными пожертвованіями (на 5,612 р. 36 к. менѣе прошлаго года). Самыми крупными пожертвованіями въ этомъ году являются: В. П. Гаевскаго 1,000 р., А. А. Краевскаго 1,025 р. и В. В. Верещагина 1,000 р.

Годовые членскіе вносы, въ суммѣ 4,242 р., представили дефицитъ въ 1,325 р. сравнительно съ прошлымъ годомъ, хотя новыхъ членовъ было избрано 81 и 1 января числилось 746 членовъ.

Весь же доходъ Общества въ 1880 г. простирался на 22,480 р. 9 к., т. е. на 8,416 р. 28 к. менѣе прошлаго года. Что же касается наличности кассы, то она увеличилась на 6,588 р. 54 к., такъ какъ съ начала года касса состояла изъ 85,575 р. 90 к., а въ концѣ года простиралась до 93,762 р. 44 к.

Что же касается расходовъ, то они, простираясь до 16,406 р. 32 к., лишь на 490 р. 23 к. болѣе расходовъ 1879 года, причемъ послѣ пенсій (5,703 р.) самымъ крупнымъ расходомъ были единовременныя пособія въ размѣрѣ 4,730 р. (на 1,717 р. 50 к. болѣе прошлаго года); зато безсрочныя ссуды, въ размѣрѣ 1,025 р., на 1,240 р. были менѣе прошлогднихъ. Затѣмъ, было выдано на продолжительныя пособія 960 р., на воспитаніе 3,889 р. и 99 р. были истрачены на секретарскіе и казначейскіе расходы.

На первый взглядъ можетъ показаться, что доходы Общества значительно уменьшились сравнительно съ прошлымъ годомъ; но при этомъ нужно обратить вниманіе на то, что быстрое увеличеніе капиталовъ 1879 г. зависѣло отъ такихъ экстренныхъ поступленій, какъ пожертвованіе по завѣщанію

Digitized by Google

Мартынова и Дубенской. Отклоните эти случайныя жертвы, и вы увидите, что дѣла Общества шли въ 1880 году нисколько не хуже, чѣмъ въ предыдущемъ, и только одни членскія вносы — эта Ахилесова пята Общества впродолженіи всѣхъ 25 лѣтъ — составили чувствительный дефицитъ въ доходахъ.

XXII

1881 годъ.

1881 годъ, этотъ годъ ужаса и траура, былъ и для Общества годомъ вполнѣ неблагопріятнымъ, и еще разъ доказалъ какъ нельзя болѣе убѣдительно, какъ сильно отражаются на дѣлахъ Общества разнаго рода общественныя невзгоды и тревоги. Процвѣтаніе литературного фонда непремѣнно требуетъ мирнаго и спокойнаго настроенія Общества, во время котораго читающая публика, ничѣмъ неотвлекаемая отъ вопросовъ науки и литературы, начинаетъ принимать живое участіе въ судьбѣ тружениковъ мысли и готова бываетъ благодушно дѣлиться своими избытками, какъ-бы въ отплату за тѣ умственныя и эстетическія наслажденія, какія даруетъ ей пресса. Въ 1881 же году ей было не до того.

И поэтому, мы видимъ, что въ то время, какъ 1 января 1881 года въ кассѣ было 92,637 р. 44 к., къ 1 января 1882 г. осталось лишь 90,122 р. 81 к.; слѣдовательно, касса уменьшилась на 2,514 р. 63 к. Дѣйствительный доходъ простирался лишь до 18,446 р. 50 к., будучи 7,001 р. 59 к. менѣе прошлогодняго дохода. Наибольшую сумму доходовъ, вслѣдъ за процентами съ капиталовъ Общества (4,848 руб. 48 к.), составляли членскіе вносы, въ размѣрѣ 4,017 р., а все-таки они были на 225 руб. менѣе прошлогднихъ (правда, что и избрано было новыхъ членовъ въ 1881 году всего 21 человѣкъ). Если же пожизненные членскіе вносы составили крупную сумму въ 1,200 руб. (на 800 руб. болѣе прошлаго года), то это благодаря новому члену,

Digitized by Google

г. Базилевскому, доставившему пожизненый вносъ въ размѣрѣ 1,000 рублей. Единовременныя пожертвованія въ этомъ году составили скромную сумму 1,332 р. Изъ нихъ самымъ крупнымъ пожертвованіемъ были 500 р., пожертвованныя И. И. Глазуновымъ въ видѣ облигаціи Городскаго Кредитнаго Общества. Кромѣ того, Комитетъ*), въ засѣданіи 2 февраля 1881 года, имѣя въ виду, что наилучшимъ способомъ увѣковѣчить память Ѳ. М. Достоевскаго было бы собрать въ честь его особый капиталъ для выдачи пособій на воспитаніе дѣтей нуждающихся литераторовъ и ученыхъ, постановилъ объявить въ газетахъ объ открытіи подписки съ этою цѣлію. Подписка эта дала въ этомъ году всего 496 р. Литературныя чтенія и спектакли дали скромную цифру 1,529 руб. 20 к. До нихъ ли было въ этомъ траурномъ году! Въ засѣданіи 2 февраля Д. В. Григоровичъ проектировалъ устроить литературное чтеніе въ пользу капитала имени Достоевскаго; хлопоты по этому предпріятію были переданы имъ впослѣдствіи, за болѣзнію, О. Ѳ. Миллеру. Послѣдній же, по случаю глубокаго траура, наложеннаго послѣ кончины Государя Императора Александра II, могъ устроить чтеніе лишь въ апрѣлѣ, и чистаго дохода отъ чтенія, устроеннаго въ сезонѣ, весьма неблагопріятномъ для этого рода предпріятія, дало всего 314 р., которые и были причислены къ капиталу имени Достоевскаго.

Затѣмъ, 21 августа былъ устроенъ г. Вейнбергомъ спектакль въ Ораніенбаумскомъ театрѣ, при участіи г-жъ Левкѣевой и Стрѣльской и гг. Арди, Варламова, Давыдова, Нильскаго и Сазонова, давшій чистаго дохода 621 руб. 60 коп. Около

---

*) Въ теченіи 1881 года Комитетъ состоялъ: изъ предсѣдателя А. Н. Бекетова, помощника предсѣдателя А. А. Краевскаго, казначея Ѳ. Ѳ. Воропонова, секретаря В. А. Манассеина и членовъ Д. И. Васильчикова, П. А. Гайдебурова, Д. В. Григоровича, К. Д. Кавелина, А. А. Потѣхина, М. Е. Салтыкова, Н. С. Таганцева и И. С. Тургенева. Ревизіонная же коммиссія состояла изъ слѣдующихъ членовъ: Э. К. Ватсона, А. Д. Градовскаго, Г. К. Градовскаго, В. Ѳ. Корша, В. И. Модестова, Д. Л. Мордовцева и М. И. Семевскаго.

Digitized by Google

того же времени былъ устроенъ, по просьбѣ гг. Краевскаго и Григоровича, спектакль въ Аркадіи г. Лентовскимъ и далъ чистаго сбора 595 р. 10 к. Наконецъ, въ началѣ года присланы было г. Эртелемъ 130 р., собранные имъ отъ музыкально-литературнаго вечера, устроеннаго имъ въ городѣ Усмани.

Кромѣ того, въ теченіи года были слѣдующія два неденежныя пожертвованія: 1) братъ покойнаго писателя Добролюбова пожертвовалъ Обществу, въ видѣ завѣщанія, свое право на сочиненія своего брата, и 2)М. И. Спѣшнева, сверхъ тѣхъ безплатныхъ вакансій въ ея частной гимназіи, которыя уже прежде были предоставлены ею въ распоряженіе Комитета, предложила послѣднему еще двѣ вакансіи имени покойнаго Ѳ. М. Достоевскаго.

Между тѣмъ, какъ сумма доходовъ почти по всѣмъ статьямъ уменьшилась въ 1881 году, сумма расходовъ, напротивъ того, простиралась до 21,487 р. 63 к., т. е. на 2,586 р. 11 к. болѣе предыдущаго года. Единовременныя пособія, въ размѣрѣ 5,715 р., возросли, безъ малаго, на 1,000 р., пенсіи, въ размѣрѣ 6,507 р., возросли на 804 руб., продолжительныя пособія — въ размѣрѣ 1,220 р., на 260 руб. Что же касается ссудъ, то хотя сумма срочныхъ ссудъ (1,970 руб.) уменьшилась на 225 руб., зато сумма безсрочныхъ ссудъ (2,035 р.) возросла на 1,010 р.

Указывая на возрастаніе всѣхъ этихъ расходовъ, ревизіонная коммиссія сдѣлала слѣдующее замѣчаніе: «Фактъ этотъ ясно указываетъ на то, что потребность въ услугахъ Общества расширяется. Но къ сожалѣнію, Комитетъ могъ удовлетворить ее (и то далеко невполнѣ, какъ видно изъ многочисленныхъ отказовъ въ разнаго рода пособіяхъ, мотивированныхъ недостаточностью денежныхъ средствъ) лишь на счетъ сбереженій прежнихъ лѣтъ, а не изъ текущихъ доходовъ, для чего пришлось продать въ прошломъ году принадлежащія Обществу процентныя бумаги на сумму 2,500 руб.».

Подъ впечатлѣніемъ этого дефицита, неизбѣжно отражавшагося на всѣхъ дѣлахъ Общества и возбудившаго въ литера-

Digitized by Google

турныхъ сферахъ тотъ ропотъ и нареканія, какимъ всегда Общество подвергалось въ минуты своихъ невзгодъ, общія собранія, во второй половинѣ этого года, отличались крайне тревожнымъ, и, можно даже сказать, бурнымъ характеромъ. Возникли вопросы о полномъ преобразованіи Общества, едва ли не во всѣхъ его существенныхъ основахъ. Иниціаторомъ всей этой бури, потрясшей зданіе Общества, является одинъ изъ его членовъ, Г. К. Градовскій.

Началось дѣло съ того, что въ осеннемъ общемъ собраніи, 25 октября, Г. К. Градовскій сдѣлалъ слѣдующее заявленіе членамъ собранія (мы печатаемъ его въ сокращенномъ видѣ вслѣдствіе обширности его, извлекая одну сущность):

«Всѣ мы знаемъ, какъ велико въ настоящее время число нуждающихся литературныхъ тружениковъ. Всѣ редакціи могутъ засвидѣтельствовать, какъ усилилось теперь предложеніе литературнаго труда, и какъ мало средствъ для его удовлетворенія. Несмотря на дороговизну жизни, гонораръ понижается и наклоненъ къ еще бо́льшему пониженію. Издатели не знаютъ, что́ дѣлать отъ избытка статей. Между тѣмъ, мы видимъ, что дѣятельность нашего Общества сокращается, не стоитъ на уровнѣ даже прежнихъ, болѣе благопріятныхъ для литературнаго труда, годовъ. Будучи одинадцать лѣтъ членомъ Общества, я очень хорошо знаю, что это явленіе никому не покажется удивительнымъ. Съ нашимъ Обществомъ всегда случается такая странная оказія: чѣмъ больше въ немъ нужды, чѣмъ больше запроса на его дѣятельность, тѣмъ болѣе скромною являлась его помощь, тѣмъ меньше его приходъ, тѣмъ болѣе возрастало число отказовъ, тѣмъ умѣреннѣе пособія. Скажутъ, что это весьма понятно: наше Общество слишкомъ близко къ литературѣ, чтобы не раздѣлять ея судебъ. Но я усматриваю въ этомъ совершенно другое. Систематическое повтореніе этого, такъ сказать, замиранія Общества, когда требуется наибольшее напряженіе его дѣятельности, служитъ несомнѣннымъ признакомъ, что въ дѣятельности этой существуетъ органическій недостатокъ. Наше Обще-

Digitized by Google

ство поставило себѣ задачею помогать литературнымъ и ученымъ труженикамъ въ случаѣ ихъ затруднительнаго матеріальнаго положенія, устранять недоразумѣнія въ отношеніяхъ ихъ съ издателями, облегчать пріисканіе занятій, даже помогать въ изданіи сочиненій, въ воспитаніи дѣтей и т. п. Изъ этого ясно, что не одними матеріальными подачками, не одними болѣе или менѣе скромными денежными пособіями должна выражаться дѣятельность Общества. Все, что̀ содѣйствуетъ улучшенію условій литературнаго труда, все это прямо подходитъ къ задачамъ Общества. Ни для кого не секретъ, что въ настоящее время издательское дѣло, положеніе сотрудниковъ, отношенія ихъ съ редакціями, все основано на монополіи, все направлено къ невыгодѣ литературнаго труда. И наше Общество остается хладнокровнымъ зрителемъ всего этого. Оно не только не пытается развить свою дѣятельность, но не исполняетъ даже всѣхъ задачъ, находящихся въ его уставѣ, ограничиваясь ролью самыхъ банальныхъ благотворительныхъ Обществъ

«Мнѣ возразятъ на трудность задачи, на внѣшнія условія. Но съ этими-то трудностями и необходимо побороться въ предѣлахъ закона и возможности. Если этому мѣшаетъ уставъ, необходимо пересмотрѣть и расширить его рамки. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что у насъ существуютъ общества, которыя заботятся объ улучшеніи матеріальнаго труда, объ улучшеніи отношеній рабочихъ къ хозяевамъ, объ изданіи благопріятныхъ этимъ цѣлямъ законовъ, а мы не рѣшаемся хотя бы на нравственное предстательство за литературу и литературныхъ тружениковъ? Да таковы ли въ самомъ дѣлѣ тѣ внѣшнія условія, на которыя мы ссылаемся, чтобы оправдать свою бездѣятельность? Внѣшнія условія мѣнялись къ лучшему и худшему, а мы все не выходили изъ тѣхъ рамокъ дѣятельности, несостоятельность которыхъ сказывается именно въ минуту наибольшей нужды въ услугахъ Общества. Вотъ и теперь, когда мы притихли и замерли, нашлись люди, которые учредили «Пушкинскій кружокъ». Нѣкоторые полагаютъ, что это эксплуа-

Digitized by Google

тація великаго имени; но спрашивается, что же смотрѣли и дѣлали тѣ, которые могли бы достойнымъ образомъ воспользоваться и этою мыслію, и этимъ именемъ? Сидя сложа руки и не пытаясь достигнуть лучшаго, можно прійти только къ разложенію.

«Во всякомъ случаѣ, я полагаю, вы согласитесь, Мм. Гг., что положеніе нашего Общества не можетъ назваться нормальнымъ, и что дѣятельность его желательно оживить. Обсужденіе этого предмета не можетъ повредить цѣлямъ Общества, для чего и слѣдуетъ назначить чрезвычайное общее собраніе».

Рѣчь эта возбудила оживленныя пренія между г. Градовскимъ съ одной стороны, и гг. Богдановичемъ, Вейнбергомъ, Воропоновымъ, Гаевскимъ, Гайдебуровымъ, Манассеинымъ, Михайловскимъ и Потѣхинымъ — съ другой. И въ результатѣ этихъ преній единогласно было рѣшено: просить Г. К. Градовскаго внести прочитанную имъ записку въ Комитетъ, дополнивъ ее точно формулированными положеніями относительно предполагаемыхъ имъ измѣненій.

Не ограничиваясь этимъ заявленіемъ въ общемъ собраніи, Г. К. Градовскій напечаталъ фельетонъ въ № 300 «Московскаго Телеграфа», въ пятницу 30 октября, и въ фельетонѣ этомъ выразилъ тѣ же мысли еще въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ. Одновременно съ этимъ, онъ подалъ объяснительную записку въ Комитетъ, въ которой повторилъ вкратцѣ, съ различными варіантами и разъясненіями, то же самое, что говорилъ въ общемъ собраніи. При запискѣ были приложены предложенія о созывѣ чрезвычайнаго общаго собранія для обсужденія способовъ къ улучшенію и развитію дѣятельности Общества. Вотъ эти предложенія:

1) Взамѣнъ учрежденія ссудо-сберегательной кассы (на первоначальное образованіе которой предполагалось назначить 5,000 р.), Общество отчисляетъ изъ своего расходнаго капитала или собираетъ 5,000 р., исключительно для производства ссудъ литераторамъ и ученымъ, съ цѣлію избавленія ихъ отъ

Digitized by Google

ростовщиковъ и закладныхъ кассъ. Проектъ правилъ для выдачи этихъ ссудъ прилагается.

2) Въ видахъ развитія пенсіоннаго фонда, составить проектъ учрежденія при Обществѣ эмиритальной кассы и нынѣ же пригласить всѣ редакціи отчислять для этой цѣли извѣстный процентъ отъ гонорара, получаемаго ихъ сотрудниками, и ежемѣсячно доставлять его въ кассу Общества, въ неприкосновенный фондъ.

3) Имѣть постоянную особую коммиссію для изданія сочиній (согласно §§ 3 и 5 устава) и оказывать, по мѣрѣ возможности, матеріальное содѣйствіе періодическимъ изданіямъ, предпринимаемымъ на кооперативныхъ началахъ.

4) Оказывать нравственное содѣйствіе и посредничество литераторамъ и ученымъ, въ ихъ сношеніяхъ съ цензурнымъ вѣдомствомъ, и въ случахъ недоразумѣній между авторами и сотрудниками съ одной стороны, и издателями и редакціями съ другой—а также ходатайствовать, въ случаѣ надобности, передъ правительствомъ о дополненіи или измѣненіи законовъ, относящихся къ литературной собственности, литературному труду и печати.

5) Входить въ сношенія съ другими литературными и учеными обществами или учрежденіями, какъ въ Россіи, такъ и за-границею, когда это окажется необходимымъ для достиженія цѣлей Общества.

6) О всѣхъ заявленіяхъ членовъ Общества, въ случаѣ ихъ желанія, Комитетъ доводитъ до свѣдѣнія Общества, въ ближайшее очередное общее собраніе. Комитетъ обязанъ созвать чрезвычайное общее собраніе, въ случаѣ, если требованіе о томъ подписано не менѣе какъ 10 членами Общества. Цѣль созыва собранія должна быть обозначена въ этомъ требованіи и согласна съ задачами Общества. Недоразумѣнія по этому предмету между Комитетомъ и членами разрѣшаются въ ближайшемъ очередномъ собраніи.

Digitized by Google

7) Поручить Комитету обсудить, какія изъ принятыхъ предложеній могутъ немедленно быть введены въ дѣйствіе, и для какихъ потребуется измѣненіе устава. Заключеніе по этому предмету и самый проектъ необходимыхъ измѣненій устава представить на утвержденіе чрезвычайнаго общаго собранія. Для облегченія и ускоренія этого труда, если Комитетъ признаетъ необходимымъ, избрать въ помощь ему нѣсколько человѣкъ.

При этихъ предложеніяхъ былъ приложенъ проектъ правилъ для выдачи ссудъ, отличавшихся отъ установленныхъ уже и практикующихся Обществомъ тѣмъ, что размѣръ ссуды опредѣленъ въ 300 р. на 6 мѣсяцевъ, и лишь въ особо уважительныхъ случаяхъ, вродѣ поѣздки за-границу, допускается выдавать по 500 р. на годъ; поручители допускаются изъ числа ученыхъ, литераторовъ или журналистовъ вообще, хотя бы они и не были членами Общества, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что лицо можетъ быть поручителемъ не болѣе, какъ по двумъ ссудамъ, и если само оно не должно Обществу; ссуда выплачивается помѣсячно. Неуплатившіе ссуды, какъ сами, такъ и ихъ поручители (въ случаѣ неуплаты послѣднихъ), лишаются права на новыя ссуды; неуплаченная ссуда скидывается со счетовъ, и ни къ какимъ способамъ взысканія ссудъ съ неисправныхъ заемщиковъ Комитетъ не прибѣгаетъ.

Независимо отъ подачи въ Комитетъ всѣхъ этихъ бумагъ Г. К. Градовскій, 21 ноября 1881 г., созвалъ частное собраніе литераторовъ и журналистовъ изъ слѣдующихъ лицъ: членовъ общества — Э. К. Ватсонъ, М. В. Ватсонъ, А. И. Введенскаго, С. А. Венгерова, П. А. Гильтебрандта, М. Л. Песковскаго, А. И. Поповицкаго, Н. В. Шелгунова, и нечленовъ: В. В. Качановскаго, П. А. Нагель, Б. П. Онгирскаго, Е. К. Раппъ, Л. В. Слонимскаго и Я. В. Эвальда. Собраніе это, по выслушаніи проекта г. Градовскаго, приняло его съ нѣкоторыми измѣненіями, и, избравъ затѣмъ Г. К. Градовскаго, Э. К. Ватсона и А. И. Поповицкаго, поручило имъ внести въ предстоящее чрезвычайное общее собраніе членовъ литератур-

ТИП. А. С. СУВОРИНА. 12

Digitized by Google

наго фонда, чрезъ Комитетъ, установленныя частнымъ собраніемъ предложенія.

Между тѣмъ, Комитетъ, получивъ записку и предложеніе г. Градовскаго, поручилъ А. А. Потѣхину разсмотрѣть ихъ и составить по поводу ихъ докладную записку. Записка эта читалась въ засѣданіи 7 декабря 1881 г. Вотъ ея содержаніе:

1) Ссуды и теперь выдаются за поручительствомъ и изъ 6% годовыхъ, но съ тѣмъ отличіемъ отъ проекта, что для этихъ ссудъ не отчисляется особаго капитала изъ суммъ Общества, и что Комитетъ, отвѣтствуя за возвратъ ссудъ, считаетъ себя вправѣ принимать поручительство только тѣхъ лицъ, которыя считаетъ вполнѣ благонадежными. Отчисленіе особаго капитала, по мнѣнію г. Градовскаго, въ 5,000 р., съ предоставленіемъ каждому ученому, литератору и журналисту права занимать 300 р., а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и болѣе, подъ гарантіей только одного лишенія права на ссуду для просрочившаго уплату и съ однимъ послѣдствіемъ въ случаѣ неуплаты, а именно: списанія долга со счетовъ, безъ сомнѣнія, не можетъ обезпечить успѣхъ и развитіе этой мѣры, такъ какъ и теперь, какъ показываетъ опытъ, значительная часть ссудъ оплачивается ежегодно поручителями, а иногда и членами Комитета. Капиталъ можетъ истощиться послѣ 15, 16 выдачъ, такъ что семнадцатому придется отказывать за неимѣніемъ денегъ и до накопленія ихъ въ кассѣ, а можетъ быть и совсѣмъ прекратить выдачи, за невозвращеніемъ ссудъ и снесеніемъ ихъ со счетовъ, или же наконецъ пополнять ссудную кассу изъ капиталовъ Общества, т. е. обратить ссуды въ пособія и притомъ безъ всякихъ гарантій, установленныхъ для ихъ раздачи.

«Г. Градовскій предлагаетъ также образовать этотъ основной капиталъ особымъ сборомъ; но Комитетъ думаетъ, что врядъ ли кто рѣшится жертвовать или дѣлать вносы на такое непрочное и ничѣмъ негарантированное предпріятіе, а затѣмъ, и въ этомъ случаѣ, всѣ вышеуказанныя опасенія сохраняются въ полной мѣрѣ.

Digitized by Google

2) Учрежденіе эмеритальной кассы для литераторовъ и ученыхъ было бы, конечно, желательно, но врядъ-ли начало ея можетъ быть положено тѣмъ путемъ, какъ предлагаетъ г. Градовскій, а именно: чрезъ приглашеніе всѣхъ редакцій отчислять изъ авторскаго гонорара извѣстный процентъ, и ежемѣсячно доставлять его въ кассу Общества въ неприкосновенный капиталъ. Вопервыхъ, такого вычета производить нельзя безъ согласія литераторовъ и редакцій. Положимъ, первые согласятся на нихъ ради своихъ личныхъ выгодъ; но какъ обязать редакціи служить чужому дѣлу, какъ повѣрять ихъ въ случаѣ споровъ, возникшихъ изъ словесныхъ соглашеній, какимъ образомъ производить взысканіе невнесенныхъ денегъ? Наконецъ, еслибы все это и могло быть регламентировано, то дѣло представляется настолько сложнымъ и малоисполнимымъ, при разрозненности и отсутствіи корпоративнаго единства литературныхъ силъ, что Комитетъ не имѣетъ ни средствъ, ни возможности осуществить это предпріятіе.

3) Коммиссію избрать легко; но для того, чтобы она могла достигнуть какой-нибудь цѣли, нужны денежныя средства, которыхъ у Общества нѣтъ въ такихъ размѣрахъ, чтобы, за исполненіемъ прямой и главной своей обязанности: оказывать пособіе дѣйствительное въ данную минуту нуждающимся, сверхъ того, давать еще матеріальное содѣйствіе предпринимателямъ періодическихъ изданій на кооперативныхъ началахъ. Такая широкая, щедрая дѣятельность Общества врядъ ли была бы возможна и при болѣе значительныхъ средствахъ, и при меньшемъ количествѣ недоимокъ въ членскихъ вносахъ. Комитетъ, притомъ, полагаетъ, что §§ 3 и 5 устава, на которые г. Градовскій ссылается, не даютъ ни основанія, ни права оказывать денежное содѣйствіе періодическимъ изданіямъ, ибо хотя § 3 и допускаетъ изданіе литературныхъ и ученыхъ трудовъ, но какъ средство для полученія несомнѣннаго дохода, а не въ видѣ рискованнаго предпріятія, какимъ всегда является всякое періодическое изданіе, а § 5 опредѣляется только право автора про-

Digitized by Google

сить пособія на изданіе полезнаго ученаго или литературнаго произведенія, причемъ, по духу устава и по буквальному смыслу его, право это можетъ быть удовлетворено только тогда, если въ распоряженіи Общества остаются денежныя средства, за выдачею пособій вдовамъ и сиротамъ и затѣмъ заслуженнымъ литераторамъ и ученымъ, по преклонности лѣтъ, слабости здоровья или по другимъ причинамъ, приведеннымъ въ стѣснительное положеніе.

4) Нравственное посредничество между авторами и редакціями Комитетъ постоянно принималъ на себя и никогда отъ него не отказывался, если о немъ просили; точно также, Комитетъ не отказалъ бы въ возможномъ содѣйствіи и посредничествѣ между авторами и цензурою въ тѣхъ случаяхъ, когда бы къ нему обратились и онъ призналъ бы съ своей стороны вполнѣ удобнымъ и возможнымъ свое посредничество; хотя безъ сомнѣнія, въ большинствѣ случаевъ, это повело бы только къ обремененію Комитета новыми обязанностями и хлопотами, безъ дальнѣйшихъ желаемыхъ результатовъ. Но на ходатайство предъ правительствомъ о дополненіи и измѣненіи законовъ, относящихся къ литературной собственности, литературному труду и печати, Комитетъ не считаетъ ни себя, ни Общество уполномоченными ни нравственно, ни по уставу, да и не надѣется, чтобы право это было ему предоставлено при пересмотрѣ и расширеніи устава, хотя, конечно, принялъ бы его съ величайшимъ удовольствіемъ.

5) Комитетъ и въ настоящее время никогда не затруднялся входить въ сношенія съ другими литературными и учеными обществами, когда считалъ это необходимымъ.

«Параграфы же 6 и 7 предложеній г. Градовскаго, Комитетъ предоставляетъ обсужденію общаго собранія».

По выслушанію этой записки, Комитетъ вполнѣ одобрилъ ее, прося лишь Н. С. Таганцева дополнить ее нѣкоторыми замѣчаніями, которыя были высказаны во время преній по этому поводу, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поручилъ секретарю собрать циф-

Digitized by Google

ровыя данныя о дѣятельности Комитета за послѣднія пять лѣтъ.

Мы не имѣемъ возможности привести здѣсь всѣ тѣ столбцы цифръ, какія представлены секретаремъ въ исполненіе этого порученія, и ограничимся лишь итогами и средними цифрами, нелишенными интереса:

Такъ, оказывается, что въ 5 лѣтъ (съ 1876 по 1881) единовременныхъ пособій было роздано на сумму 31,141 р. 355 лицамъ, причемъ среднимъ числомъ получали по 71 лицу въ годъ; средняя же сумма выдачъ—87 р. 72 к., причемъ наибольшее число лицъ—102 человѣка, получили по 50 р., 87 человѣкъ получили по 100 р., 35 человѣкъ по 75 р., 33 человѣка по 25 р., 20 человѣкъ по 200 р.; остальныя же выдачи не превышали числа 10 человѣкъ; 3 лицамъ было выдано по 500 р.

Срочныя ссуды, на сумму 16,738 р., были выданы 64 лицамъ, среднимъ числомъ по 12,8 лицамъ въ годъ, по 261 р. 52 к. Наибольшее число лицъ—19, получили по 300 р. 8—получили по 200 р., 7—по 100 р., 6—по 500 р., 6—по 150 р., и 2 человѣка по 600 р.

Пенсіи выдавались: въ 1876 г. 26 лицамъ 6,153 р. 33 к., въ 1877 г. 26 л. 5,940 р., въ 1878 г. 27 л. 5,840 р., въ 1879 г. 27 л. 6,140 р. и въ 1880 г. 26 л. 5,703 р.

Продолжительныхъ пособій (maximum 480 р. minimum 40 р.) было выдано 12 лицамъ 2,780 р., по 231 р. 66 к. среднимъ числомъ.

На воспитаніе дѣтей было выдано: 113 семьямъ 13,180 р.; среднія цифры: 22,6 семей, по 116 р. 64 к. въ годъ.

На леченіе больныхъ: 5 лицамъ 555 р.

На похороны 10 лицъ 440 р.

Число студентовъ, получившихъ стипендіи, по 7 каждый годъ.

Всѣ эти бумаги, какъ предложенія г. Градовскаго, такъ и возраженія на нихъ Комитета, вмѣстѣ съ цифровыми данными серекатаря, были представлены чрезвычайному общему собранію, состоявшемуся 20 декабря 1881 года. Послѣ дол-

Digitized by Google

гихъ и оживленныхъ преній, общее собраніе, состоявшее изъ 25 членовъ, большинствомъ 21 голоса, выразилось противъ измѣненія устава Общества. Что касается учрежденія отдѣльнаго общества на основахъ самопомощи, то собраніе постановило предложить Комитету обсудить этотъ вопросъ въ одномъ изъ своихъ засѣданій и представить свои заключенія къ слѣдующему общему собранію.

Комитетъ приступилъ къ исполненію этого порученія въ засѣданіи своемъ 25 января 1882 года, и, тщательно обсудивъ во всѣхъ подробностяхъ мысль объ учрежденіи литературнаго общества на основахъ самопомощи, всѣ члены Комитета приняли единогласно къ тому заключенію, что учрежденіе подобнаго общества было бы вполнѣ желательно и полезно, но что ходатайство о разрѣшеніи его должно идти отъ лицъ, которыя заявятъ желаніе въ немъ участвовать, а не отъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, которое и по своимъ цѣлямъ, указаннымъ въ уставѣ, и по способу дѣйствій, и, наконецъ, по составу членовъ, имѣетъ совсѣмъ иной характеръ.

Въ чрезвычайномъ собраніи 2 февраля, по поводу этого постановленія Комитета, возникли новыя горячія пренія, въ которыхъ принимали участіе: К. К. Арсеньевъ, П. А. Гайдебуровъ, В. П. Гаевскій, Г. К. Градовскій, К. Д. Кавелинъ, В. Ѳ. Коршъ, Е. И. Рагозинъ и Н. С. Таганцевъ. Въ заключеніи этихъ преній предсѣдатель поставилъ на баллотировку вопросъ: раздѣляетъ ли Общество мнѣніе Комитета, или же желаетъ, чтобы иниціатива учрежденія предложеннаго общества на основаніи самопомощи была принята на себя Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ? Весьма незначительнымъ числомъ голосовъ, 16 противъ 14, принято было мнѣніе Комитета.

Недовольствуясь всѣми этими преніями на трехъ общихъ собраніяхъ, г. Градовскій, въ качествѣ члена ревизіонной коммиссіи, подалъ свое особое мнѣніе, на которомъ мы не будемъ останавливаться, такъ какъ и въ этомъ особомъ

Digitized by Google

мнѣніи онъ повторилъ все тѣ же свои вышеприведенные взгляды, которые развивалъ въ общемъ собраніи 25 октября.

Въ заключеніи нужно еще замѣтить, что 1881 годъ ознаменовался смертію предсѣдателя Общества, кн. А. И. Васильчикова, бывшаго членомъ Общества съ 1870 года. Правда, что еще въ началѣ года, по случаю болѣзни, онъ принужденъ былъ отказаться отъ званія предсѣдателя, и былъ замѣненъ А. Н. Бекетовымъ, но это обстоятельство, вмѣстѣ съ отказомъ отъ званія члена Комитета за болѣзнію другаго лица, и постояннымъ отсутствіемъ третьяго члена, проживавшаго за-границею, обратило на себя вниманіе ревизіонной коммиссіи, которая выразила мнѣніе, что было бы полезно, чтобы Комитетъ исполнялъ постановленіе общаго собранія 1879 года о томъ, чтобы при предложеніи кандидатовъ для пополненія своего состава, выборъ его останавливался на такихъ лицахъ, которыя, по своимъ обстоятельствамъ, могутъ удѣлять дѣламъ Общества больше труда и вообще личнаго участія. Независимо оттого, коммиссія считала бы полезнымъ избирать на будущее время двухъ кандидатовъ, въ видѣ запасныхъ членовъ, для пополненія ими, въ случаѣ надобности, состава Комитета до новыхъ выборовъ; причемъ избраніе это, непротивурѣчащее уставу Общества, было бы производимо такимъ порядкомъ, чтобы два лица, получившія наибольшее число избирательныхъ голосовъ, вслѣдъ за первыми четырьмя избранными членами, считались кандидатами на замѣщеніе выбывающихъ въ теченіи года членовъ, впредь до новыхъ выборовъ.

Изъ дѣлъ Общества не видно, чтобы предложеніе это обсуждалось и было утверждено общимъ собраніемъ.

XXIII.

1882 годъ.

Не болѣе благопріятенъ былъ для дѣлъ Общества и 1882 г. Въ наличности кассы и въ этотъ годъ встрѣчается, хотя и не-

Digitized by Google

большой, но все-таки дефицитъ: 1 января 1881 года въ кассѣ состояло 90,122 р. 81 к., къ 1 же января 1882 года осталось 89,675 р. 46; слѣдовательно, касса уменьшилась на 480 р. 35 к. Дѣйствительные доходы Общества простирались въ этомъ году на 15,678 р. 54 к., и, въ свою очередь, уменьшились на 307 р. 96 к. противъ 1881 года. Уменьшеніе это, хотя и небольшое, тѣмъ неменѣе замѣтно по всѣмъ почти статьямъ доходовъ. Такъ, единовременныя пожертвованія въ этомъ году простирались всего на 276 р. (т. е. на 1,056 р. менѣе прошлаго года), причемъ самымъ крупнымъ пожертвованіемъ было, по завѣщанію отъ имени М. И. Богдановича, въ 150 р. Годовые членскіе вносы упали до 3,187 р., т. е. на 830 р., сравнительно съ предыдущимъ годомъ. Процентныя бумаги принесли 4,660 р. 50 к., т. е. на 88 р. 48 к. менѣе; возврата безсрочныхъ ссудъ въ этомъ году совсѣмъ не было. При такихъ условіяхъ, дефицитъ доходовъ въ этомъ году могъ быть гораздо значительнѣе, если бы не выручили спектакли и чтенія, доставившіе въ этомъ году 4,480 р. 94 к., т. е. на 2,944 р. 99 к. болѣе предыдущаго года.

Уже въ прошломъ году, при содѣйствіи П. И. Вейнберга, Д. В. Григоровича и А. А. Потѣхина, было приступлено къ хлопотамъ объ устройствѣ двухъ спектаклей въ Маріинскомъ театрѣ. Хлопоты эти увѣнчались успѣхомъ, и два спектакля, устроенные въ теченіи января, дали чистой прибыли около 2,700 р. Затѣмъ А. А. Краевскій устроилъ 30 іюня спектакль въ Павловскѣ, давшій чистаго дохода 887 р. 22 к. Во вторникъ 14 декабря, при содѣйствіи М. М. Петровскаго, В. В. Карминской, Н. А. Потѣхина и И. Е. Соловьева, былъ устроенъ С.-Петербургскимъ музыкально-драматическимъ кружкомъ любительскій спектакль, давшій чистаго сбора 479 р. Наконецъ, болѣе 300 р. дали три лекціи С. П. Глазенапа въ Соляномъ городкѣ и литературное чтеніе въ Благородномъ собраніи.

Изъ неденежныхъ пожертвованій обращаютъ на себя вниманіе 2 безплатныя вакансіи, предоставленныя въ распоряже-

Digitized by Google

ніе фонда А. Ѳ. Прибыльскимъ, для мальчиковъ 8 — 13 лѣтъ, въ его приготовительномъ пансіонѣ.

Уменьшеніе доходовъ отразилось въ этотъ годъ и на уменьшеніи расходовъ: именно израсходовано было въ 1882 году 16,406 р. 22 к., т. е. на 3,540 р. 12 к. менѣе. Это уменьшеніе расходовъ простирается по всѣмъ статьямъ; особенно же сильное пониженіе представляютъ единовременныя пособія, составлявшія 5,280 р., т. е. на 2,470 р. менѣе противъ 1881 г. Продолжительныя пособія представляютъ скромную цифру 640 р., уменьшившись на 580 р. Пособія на воспитаніе — 3,464 р. 50 к., въ свою очередь уменьшились на 265 р. 50 к. Но въ то время, какъ всѣ статьи доходовъ уменьшились, однѣ срочныя ссуды были выданы въ размѣрѣ 4,448 р., т. е. болѣе чѣмъ вдвое противъ 1881 г. Въ этомъ поразительномъ увеличеніи суммы выдачи срочныхъ ссудъ при уменьшеніи всѣхъ прочихъ расходовъ нельзя не видѣть вліянія дебатовъ прошлаго года, подъ впечатлѣніемъ которыхъ въ литературныхъ сферахъ все болѣе и болѣе утверждался взглядъ на Общество, не какъ на благотворительное учрежденіе, а какъ на своего рода ссудную кассу, вслѣдствіе чего число просителей срочныхъ ссудъ значительно возросло, и Комитетъ *), подъ давленіемъ просьбъ, неизбѣжно долженъ былъ удвоить сумму выдачъ, несмотря даже на то, что часто уменьшалъ цифру просимой выдачи, а 7 лицамъ и совсѣмъ отказалъ въ ссудѣ. Эта усиленная выдача срочныхъ ссудъ вызвала продажу процентныхъ бумагъ на 1,700 р. и заемъ въ суммѣ 1,439 р. 71 к.

Не избѣгло и въ этотъ годъ Общество отъ обычныхъ нареканій въ прессѣ. На этотъ разъ поводомъ къ нареканіямъ

*) Комитетъ въ этомъ году состоялъ: изъ предсѣдателя Н. С. Таганцева, помощника предсѣдателя К. Д. Кавелина, казначея А. Д. Градовскаго, секретаря Н. В. Шелгунова и членовъ: В. П. Гаевскаго, Д. В. Григоровича, В. Ѳ. Корша, В. А. Манассеина, Н. К. Михайловскаго, Л. А. Полонскаго, А. А. Потѣхина и И. С. Тургенева. Ревизіонная же комиссія состояла изъ слѣдующихъ членовъ: Ѳ. Ѳ. Воропонова, А. Н. Веселовскаго, П. А. Гайдебурова, В. И. Модестова, А. А. Краевскаго, М. И. Семевскаго и Г. К. Градовскаго.

Digitized by Google

послужила смерть Л. К. Панютина, который въ 1878 году былъ разбитъ параличемъ, лишился вслѣдствіе этого всѣхъ средствъ существованія и, въ продолженіи четырехъ лѣтъ своего медленнаго умиранія, былъ положительно на рукахъ фонда, который его и кормилъ, и лечилъ, и въ заключеніи всего выдалъ на похороны его 75 рублей. Тѣмъ не менѣе, въ прессѣ раздались обычныя причитанія о жестокосердіи Комитета. Въ виду всѣхъ этихъ упрековъ ревизіонная коммиссія сочла необходимымъ обратить особенное вниманіе на дѣятельность Комитета относительно Л. К. Панютина и, по разсмотрѣніи относящихся къ этому дѣлу документовъ, удостовѣрилась въ нижеслѣдующемъ: означенный литераторъ уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ пользовался постояннымъ пособіемъ Комитета, по 240 р. въ годъ, и получилъ также около 2,000 р. единовременныхъ пособій. Независимо отъ этихъ пособій, членъ Комитета, профессоръ В. А. Манассеинъ навѣщалъ его, по порученію Комитета, въ Обуховской больницѣ, и по просьбѣ г. Манассеина, одинъ изъ врачей послѣдней принялъ на себя попеченіе объ упомянутомъ литераторѣ и контроль надъ правильнымъ употребленіемъ отпускаемыхъ для него Комитетомъ денегъ. Когда Л. К. Панютинъ умеръ, погребеніе его также было оплачено Обществомъ; сверхъ того, Комитетъ началъ хлопотать о предоставленіи мѣста вдовѣ умершаго. Въ виду всего этого, ревизіонная коммиссія сочла необходимымъ заявить, что по отношенію къ Л. К. Панютину нѣтъ ни малѣйшаго повода дѣлать Комитету какіе бы то ни было упреки. Принимая во вниманіе средства, Комитета и число лицъ, на коихъ распространяется его попечительность нельзя не заключить, что въ данномъ случаѣ Комитетъ выполнилъ все, что могъ выполнить.

Что же касается срочныхъ ссудъ, то коммиссія обратила вниманіе на то обтоятельство, что ссуды эти иногда выдаются такимъ лицамъ, которыя берутъ ихъ почти ежегодно; возвратъ этихъ ссудъ какъ бы представляетъ кратковременное помѣщеніе ссудныхъ денегъ заемщиками въ кассу Общества съ тѣмъ,

Digitized by Google

чтобы вскорѣ взять ихъ обратно. Такой порядокъ, по мнѣнію ревизіонной коммиссіи, едва ли можетъ быть признанъ правильнымъ. Комитетъ, въ своей объяснительной запискѣ возразилъ на это, что заключеніе ревизіонной коммиссіи невполнѣ точно, такъ какъ за послѣдніе годы былъ только одинъ случай такого неоднократнаго полученія ссуды, но каждый годъ таковая выдача объяснялась особенными обстоятельствами, въ которыхъ находился проситель, аккуратностью его платежей и, наконецъ, надежностью поручителей.

1882 годъ омрачился смертью двухъ членовъ учредителей: А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, П. Е. Басистова, и смертью одного изъ старѣйшихъ членовъ (съ 1859 года)— М. К. Богдановича. Въ лицѣ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго Общество потеряло одного изъ полезнѣйшихъ своихъ основателей, который въ продолженіи девяти лѣтъ оказывалъ Обществу большія услуги въ качествѣ члена Комитета въ 1860 и 1861 годы, помощника предсѣдателя въ 1862 году и затѣмъ съ 1868 по 1870 г., и наконецъ, предсѣдателя съ 1872 — 1874 г. Память его была почтена рѣчью А. Д. Галахова, произнесенною имъ въ общемъ собраніи 16 апрѣля.

XXIV.

1883 годъ.

1883 годъ представляется во всѣхъ отношеніяхъ благопріятнѣе двухъ предыдущихъ годовъ. Наличность кассы въ этотъ годъ, бывшая къ январю въ размѣрѣ 87,497 р. 17 к., къ концу года простиралась до 90,476 р. 77 к.; слѣдовательно, возвысилась на 2,979 р. 60 к. Дѣйствительные доходы Общества представляли собою 19,759 р. 90 к., т. е. на 4,081 р. 36 коп. болѣе предыдущаго года. Это увеличеніе доходовъ произошло почти по всѣмъ отдѣльнымъ статьямъ. Такъ, единовременныя пожертвованія, въ размѣрѣ 3,961 р. 30 к., превышаютъ предыдущій

Digitized by Google

годъ на 3,685 р. 30 к. Самымъ крупнымъ пожертвованіемъ представляется пожертвованіе г. Стояновскаго. Устроивъ спектакль въ память столѣтія дня рожденія В. А. Жуковскаго, г. Стояновскій предоставилъ собранные съ него 3,100 р. 80 к. въ пользу Общества, для образованія капитала Жуковскаго. Одновременно съ этимъ, гг. Бергъ и Нечаевъ, устроившіе съ тою же цѣлію вечеръ въ Вильнѣ, представили Обществу 161 р.

А. С. Суворинъ и сотрудникъ «Новаго Времени» г. Прокофьевъ пожертвовали Обществу по 180 р., полученные ими отъ коронаціонной коммиссіи въ Москвѣ. Сверхъ того, А. С. Суворинъ обязался вносить по 900 р. въ годъ въ Комитетъ для передачи этихъ денегъ семьѣ умершаго литератора.

Въ капиталъ И. С. Тургенева пожертвовано 148 р., изъ которыхъ 100 р. отъ славянскаго общества «Бесѣда» и 48 р. отъ студентовъ Новороссійскаго университета.

Изъ неденежныхъ пожертвованій обращаетъ на себя вниманіе предложеніе М. И. Семевскаго, который принялъ на себя труды по приведенію въ порядокъ архива Комитета, предложилъ взять на свое иждивеніе переплетъ всѣхъ журналовъ и приложеній къ нимъ съ 1859 по 1884 годы, и, сверхъ того, взялся составить, ко дню предстоящаго юбилея двадцатипятилѣтія Общества, подробный систематическій указатель дѣятельности Комитета, со времени основанія Общества по 1884 годъ.

Литературныя чтенія и спектакли дали въ этотъ годъ сумму въ 4,324 р. 68 к. Изъ нихъ самую крупную долю составили деньги, вырученныя съ литературнаго вечера въ память И. С. Тургенева.

Раздѣляя со всею Россіею печаль по случаю кончины одного изъ первыхъ современныхъ беллетристовъ, Общество, сверхъ того, въ лицѣ И. С. Тургенева лишилось одного изъ старѣйшихъ своихъ членовъ-учредителей, принесшаго немаловажную пользу Обществу своимъ содѣйствіемъ въ его дѣятельности. Кромѣ того, что въ продолженіи 9 лѣтъ онъ числился членомъ Комитета (1860—1862, 1874—1865 и 1880 по 1882),

Digitized by Google

болѣе всего пользы Обществу онъ принесъ своимъ участіемъ въ литературныхъ чтеніяхъ. Каждое такое участіе, особенно въ послѣдніе годы его жизни, привлекало на чтенія огромную толпу его почитателей и давало самые крупные сборы.

Тотъ горячій порывъ, который овладѣлъ всѣмъ русскимъ интеллигентнымъ обществомъ, поспѣшившимъ воздать должный почетъ праху почившаго художника, такъ много лѣтъ волновавшаго сердца и просвѣтлявшаго умы своихъ соотечественниковъ, не замедлилъ сообщиться и членамъ Комитета *) литературнаго фонда, которые поспѣшили стать во главѣ этого порыва и приняли на себя иниціативу въ возданіи долга, достойнаго имени И. С. Тургенева. И результатомъ этой иниціативы были похороны, подобныхъ которымъ еще не видала Россія и которыя не забудутся исторіей.

Организація этихъ похоронъ совершилась въ засѣданіи Комитета 2 сентября 1883 г., въ которомъ предсѣдатель заявилъ, что, въ виду смерти И. С. Тургенева и предстоящей перевозки его тѣла изъ Парижа въ Петербургъ, Комитету необходимо обсудить вопросъ объ участіи, какъ въ церемоніи погребенія, такъ и въ организаціи похоронъ; а такъ какъ С.-Петербургская городская дума, съ своей стороны, тоже обсуждала этотъ вопросъ, то онъ, предсѣдатель, пригласилъ къ настоящему засѣданію городскаго голову И. И. Глазунова, состоящаго вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ Общества, а также и другихъ членовъ, а именно: А. А. Герке, Д. В. Григоровича, А. А. Потѣхина, В. Д. Спасовича и А. В. Топорова, для совмѣстнаго обсужденія этого вопроса.

Комитетъ рѣшилъ для организаціи похоронъ избрать коммиссію изъ членовъ Комитета В. П. Гаевскаго, Н. С. Таганцева,

*) Комитетъ въ этомъ году состоялъ: изъ предсѣдателя Н. С. Таганцева, помощника предсѣдателя А. А. Краевскаго, казначея Ѳ. Ѳ. Воропонова, секретаря П. А. Гайдебурова, и членовъ: В. П. Гаевскаго, К. Д. Кавелина, В. Ѳ. Корша, В. А. Манассеина, Н. К. Михайловскаго, Л. А. Полонскаго и М. И. Семевскаго. Ревизіонная же коммиссія состояла изъ слѣдующихъ членовъ: Н. В. Альбертини, Э. К. Ватсона, Е. П. Карновича, Д. Л. Мордовцева, К. К. Случевскаго, М. М. Стасюлевича и Н. В. Шелгунова.

Digitized by Google

пригласивъ въ нее также: И. И. Глазунова, Д. В. Григоровича, В. Д. Спасовича и М. М. Стасюлевича.

Въ томъ-же засѣданіи Комитета, В. П. Гаевскій предложилъ: 1) заказать къ похоронамъ И. С. Тургенева вѣнокъ отъ Комитета литературнаго фонда и 2) образовать при фондѣ капиталъ имени И. С. Тургенева, для чего приступить нынѣ же къ собранію и изданію въ свѣтъ переписки покойнаго, а также устроить съ тою же цѣлію литературный вечеръ, по возможности въ непродолжительномъ времени послѣ похоронъ.

По этому предложенію Комитетъ рѣшилъ: 1) заказать вѣнокъ на частныя средства членовъ Комитета; 2) принять предложеніе объ изданіи переписки И. С. Тургенева, поручивъ завѣдываніе этимъ дѣломъ В. П. Гаевскому; 3) устройство литературнаго вечера поручить П. А. Гайдебурову, и 4) сборъ съ вечера и отъ продажи, имѣющаго выйти въ свѣтъ изданія писемъ И. С. Тургенева обратить въ неприкосновенный капиталъ его имени.

Наконецъ, въ томъ же засѣданіи было рѣшено поручить Д. В. Григоровичу отслужить въ 20-й день со смерти И. С. Тургенева панихиду въ Казанскомъ соборѣ, что̀ и было исполнено въ назначенный день.

Литературный вечеръ въ память И. С. Тургенева состоялся 28 сентября и далъ чистаго сбора 2,630 р. 35 к. Въ этомъ числѣ 236 р. 70 к. было выручено отъ продажи программъ, «Отрывковъ изъ воспоминаній Тургенева», пожертвованныхъ А. В. Топоровымъ, и съ фотографическихъ снимковъ съ умершаго И. С. Тургенева, пожертвованныхъ г. Левицкимъ. Правленіе Кредитнаго общества предоставило залу для вечера безплатно, вслѣдствіе чего оказалось возможнымъ ограничить расходы по устройству вечера всего до 105 р. 35 к. Непосредственное участіе въ вечерѣ приняли: П. В. Анненковъ, П. И. Вейнбергъ, Д. В. Григоровичъ, В. Н. Давыдовъ, К. Д. Кавелинъ, А. Н. Плещеевъ, Я. П. Полонскій, А. А. Потѣхинъ, М. Г. Савина и М. М. Стасюлевичъ. Въ устройствѣ же вечера, кромѣ главнаго распорядителя П. А. Гайдебурова, принимали участіе главный секретарь и за-

Digitized by Google

вѣдующій залой Кредитнаго общества — П. П. Гурьевъ, О. А. Бертенсонъ, Е. А. Плещеева и Э. К. Ватсонъ.

Комитетъ, въ засѣданіи 4 октября, рѣшилъ, изъ собранныхъ съ вечера денегъ, образовать неприкосновенный капиталъ имени И. С. Тургенева, обративъ въ него около 1,000 р. процентныхъ бумагъ изъ расходныхъ суммъ Общества, а на остальную сумму купить билетъ восточнаго займа.

Около того же времени, г-жа Віардо пожертвовала Обществу гипсовыя формы лица и руки И. С. Тургенева. Съ этихъ формъ были тотчасъ же заказаны гипсовые снимки и къ концу года сданы въ магазины для продажи.

Наконецъ, въ засѣданіи Комитета 7 ноября, была избрана коммиссія для постановки памятника на могилѣ И. С. Тургенева изъ слѣдующихъ лицъ: В. П. Гаевскаго, Д. В. Григоровича, А. А. Краевскаго, М. М. Стасюлевича и Н. С. Таганцева, и въ эту коммиссію были препровождены 1,031 р. 30 к., пожертвованныя въ теченіи года разными лицами на устройство могильнаго памятника Н. С. Тургеневу.

По поводу всѣхъ этихъ хлопотъ Комитета о похоронахъ И. С. Тургенева, ревизіонная коммиссія замѣтила, что «хотя въ уставѣ Общества и ничего не говорится о подобнаго рода дѣятельности Комитета, но, съ другой стороны, практика Общества ежегодно, съ самаго основанія его, свидѣтельствуетъ объ участіи Комитета въ погребеніи скончавшихся литераторовъ. Въ данномъ случаѣ, понятно, не могло быть и рѣчи о матеріальномъ участіи Комитета въ похоронахъ покойнаго И. С. Тургенева, и поэтому ревизіонная коммиссія находитъ вполнѣ основательнымъ и заслуживающимъ полнѣйшей признательности общаго собранія нѣсколько распространительное толкованіе, приданное въ настоящемъ случаѣ Комитетомъ, входящимъ, по прямому смыслу устава, въ кругъ его дѣятельности заботамъ о погребеніи скончавшихся литераторовъ. Этой разумно-истолкованной и цѣлесообразной иниціативѣ Комитета въ означенной печальной церемоніи, безъ сомнѣнія, въ значи-

Digitized by Google

тельной мѣрѣ слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что похороны покойнаго великаго писателя—бывшаго, между прочимъ, однимъ изъ членовъ-учредителей литературнаго фонда и состоявшаго нѣсколькихъ лѣтъ членомъ его Комитета—совершились, можно сказать, съ невиданною въ лѣтописяхъ русской литературы торжественностью».

Кромѣ тургеневскаго вечера, въ этомъ году были устроены: въ Павловскѣ, при содѣйствіи Н. Ѳ. Сазонова, спектакль, отъ котораго получено 1,267 р. 8 к., и въ Мерекюлѣ, при содѣйствіи П. И. Вейнберга, празднество, съ котораго въ пользу Общества поступило 425 р.

Число членовъ въ этомъ году осталось почти то же, потому что выбрано въ теченіи года было всего 7 человѣкъ, а умерло 3 члена, и хотя сумма годовыхъ членскихъ вносовъ нѣсколько возвысилась, на 285 р. противъ предыдущаго года, представляя 3,472 р., тѣмъ не менѣе все-таки эта статья дохода осталась въ прежнемъ печальномъ положеніи, если взять во вниманіе, что въ теченіи 1883 года членскіе вносы были сдѣланы только 149 лицами, тогда какъ членовъ Общества числилось 781. По исключеніи изъ послѣдней цифры лицъ, сдѣлавшихъ пожизненные вносы, окажется, что членскихъ вносовъ не поступило почти отъ 400 лицъ, т. е. болѣе чѣмъ отъ половины общаго числа членовъ. А между тѣмъ, если бы вносы производились аккуратно всѣми членами Общества, то статья этого дохода, считая только по 10 р. съ каждаго члена, составила бы около 7 тысячъ; между тѣмъ, какъ оказывается, въ настоящее время въ недоимкѣ имѣется весьма почтенная цифра — около 4 т. р.

Указывая на эту скудость членскихъ вносовъ и на колебанія подверженныхъ случайности всѣхъ прочихъ статей дохода, ревизіонная коммиссія замѣчаетъ по этому поводу, что «все это должно неминуемо вліять на рѣшенія Комитета, связывая его вслѣдствіе неопредѣленности тѣхъ средствъ, которыми онъ можетъ располагать. Слѣдовало бы, во вниманіе къ невоз-

Digitized by Google

можности придать этой статьѣ доходовъ хотя бы нѣкоторую устойчивость, озаботиться о другихъ, болѣе устойчивыхъ, а если нужно—даже создать ихъ. Не могъ ли бы предстоящій 25-лѣтній юбилей Общества служить поводомъ для образованія одной или двухъ новыхъ статей дохода? Такъ напр., изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи редакцій періодическихъ изданій только двѣ являются непосредственными помощницами фонда ежегоднымъ, опредѣленнымъ процентнымъ вносомъ съ валоваго своего дохода (другія, правда, содѣйствуютъ Обществу косвенно, безплатнымъ помѣщеніемъ его отчетовъ и объявленій). Быть можетъ, предстоящій юбилей Общества могъ бы послужить поводомъ къ приглашенію редакцій къ посильной, постоянной денежной помощи Обществу. Кромѣ того, ревизіонная коммиссія желала бы представить на соображеніе Комитета: не могъ ли бы служить названный юбилей поводомъ къ изданію сборника, вродѣ издававшихся въ свое время сборниковъ «Складчина» и «Братская Помочь», изъ которыхъ первый доставилъ весьма значительный доходъ?»

Настоящій сборникъ является, такимъ образомъ, осуществленіемъ вышеозначеннаго предложенія ревизіонной коммиссіи.

Что̀ касается расходовъ этого года, то они значительно превышаютъ расходы 1882 года: въ то время, какъ въ 1882 году было израсходовано 16,406 р. 22 к., въ 1883 году—19,114 р. 79 к., слѣдовательно на 2,608 р. 57 к. болѣе.

Наибольшую долю расходовъ этого года представляютъ единовременныя пособія и безсрочныя ссуды, которыя въ общей суммѣ (единовременныхъ пособій 6,805 руб. и безсрочныхъ ссудъ—1,810 р.) составляютъ сумму въ 8,615 р., т. е. на 3,335 руб. болѣе 1882 года. Правда, подобное значительное увеличеніе этой статьи расходовъ зависитъ отчасти отъ одного крупнаго расхода въ 1,000 р., которые были посланы лѣтомъ умиравшему за границей В. Ѳ. Коршу.

По странной случайности, начавши лѣтопись оставленіемъ В. Ѳ. Коршемъ того виднаго и почтеннаго поста въ

тип. А. С. Суворина.

Digitized by Google

русской журналистикѣ, какой занималъ онъ много лѣтъ въ качествѣ редактора «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (потомъ онъ предпринималъ и новыя изданія, но всѣ они не удавались), мнѣ приходится оканчивать ее оставленіемъ имъ своего земнаго поприща. Въ лицѣ В. Ѳ. Корша, Общество потеряло, другаго въ этотъ годъ, своего члена-учредителя, неперестававшаго, почти до самой смерти, служить Обществу своими посильными трудами, такъ какѣ онъ и умеръ, состоя въ званіи члена Комитета; всего же въ этомъ званіи онъ состоялъ 14 лѣтъ—съ 1864—66 гг., съ 1868—70 гг., съ 1872—74 гг. съ 1877—79 и, наконецъ, два послѣдніе года.

Что касается пенсій, то хотя число ихъ уменьшилось, такъ какъ, изъ выдававшихся по назначеніямъ прежнихъ лѣтъ, въ теченіи 1883 года пять прекращены за смертію пенсіонеровъ; но вслѣдствіе того, что въ прошломъ году были назначены новыя три пенсіи: вдовѣ съ дочерью писателя 300 р. и престарѣлой матери умершаго писателя—300 р. въ годъ, а въ теченіи 1884 года назначены еще двѣ пенсіи: вдовѣ извѣстнаго журналиста 300 р. и писательницѣ, содержащей литературными трудами себя и всю семью свою 180 р., и сверхъ того нѣкоторыя пенсіи были увеличены—то сумма выдаваемыхъ пенсій дошла до 7,257 р., т. е. на 764 р. болѣе 1882 года.

Между тѣмъ, срочныя ссуды представляютъ въ этомъ году значительное пониженіе, а именно: было выдано всего 650 р., на 3,798 р. менѣе, чѣмъ въ 1882 году. Это произошло отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, здѣсь вліяло постановленіе Комитета 4 апрѣля 1883 г. о томъ, чтобы на будущее время не допускать соединенія въ лицѣ члена Комитета частнаго поручительства по ссудамъ, такъ какъ, по правиламъ о ссудахъ, члены Комитета, отвѣчая за исправность возвращенія срочныхъ ссудъ, разрѣшенныхъ ими къ выдачѣ, и безъ того уже играютъ роль поручителей. Вслѣдствіе этого постановленія, лишившаго просителей возможности находить поручителей съ такою легкостью, какъ это было прежде, когда за неимѣніемъ поручителей на сто-

Digitized by Google

ронѣ, обращались обыкновенно къ стоявшимъ на виду членамъ Комитета, число просителей сразу значительно уменьшилось: такъ, въ 1884 году оказалось всего 6 просителей, изъ которыхъ ссуды получили всего только двое: одинъ въ 500 р., другой — въ 150 р. Вовторыхъ, Комитетъ нѣсколько разъ, вмѣсто просимыхъ срочныхъ ссудъ, выдавалъ безсрочныя, вслѣдствіе чего сумма безсрочныхъ ссудъ и возросла до вышепоказаннаго значительнаго размѣра — 1,810 р.

Ревизіонная коммиссія замѣтила на это слѣдующее:

«При разсмотрѣніи журналовъ Комитета, ревизіонная коммиссія нашла, что въ практикѣ Комитета было нѣсколько случаевъ, когда лицамъ, просившимъ о срочныхъ ссудахъ, отказывали въ выдачѣ такихъ ссудъ за недостаточностью поручительства или по другимъ причинамъ, и взамѣнъ того выдавали ссуды безсрочныя. Такъ, въ одномъ засѣданіи 24-го апрѣля, было два такихъ случая. Одному литератору выдана безсрочная ссуда въ 200 р., послѣ того, какъ ему только-что дважды было отказано въ срочной ссудѣ на ту же сумму. По такому же способу была выдана безсрочная ссуда въ 250 р. другому литератору, которому было отказано въ срочной ссудѣ 4-го апрѣля. Третій литераторъ просилъ въ ссуду 700 р., но разрѣшеніе его просьбы было отложено, ибо, по правиламъ о ссудахъ, требуется присутствіе по меньшей мѣрѣ шести членовъ, тогда какъ въ означенномъ засѣданіи ихъ было только 5. По вторичной просьбѣ того-же литератора опять послѣдовалъ отказъ, на основаніи тѣхъ-же мотивовъ. Наконецъ, въ слѣдовавшемъ за тѣмъ засѣданіи, предсѣдатель сообщилъ, что выдалъ означенному лицу, въ видѣ безсрочной ссуды, 100 руб., и Комитетъ утвердилъ эту выдачу, но первой просьбы опять таки не разрѣшилъ, ибо присутствовало всего 4 члена. Всѣ эти случаи отказа въ ссудахъ срочныхъ, съ замѣной ихъ отчасти ссудами безсрочными, ясно указываютъ на нѣкоторую неудовлетворительность практикуемыхъ въ этомъ отношеніи правилъ. Вопервыхъ, тотъ фактъ, что просьбы о срочныхъ

Digitized by Google

ссудахъ остаются неразрѣшенными въ теченіи трехъ засѣданій, т. е. мѣсяца по полутора или по два, ясно указываетъ на то, что или существующее теперь правило о необходимости присутствія въ Комитетѣ для разрѣшенія вопросовъ о ссудахъ не менѣе шести членовъ неудобно, или же обязательно, чтобы каждый разъ присутствовало не менѣе шести членовъ, что, однако, противорѣчитъ § 32 устава Общества. Вовторыхъ, не оспоривая основательности вышеприведенныхъ выдачъ безсрочныхъ ссудъ, вмѣсто просимыхъ ссудъ срочныхъ, ревизіонная коммиссія считаетъ нужнымъ обратить вниманіе на необходимость регулированія безсрочныхъ ссудъ, съ тѣмъ, чтобы онѣ не являлись средствомъ къ выдачѣ денегъ и тогда, когда Комитетъ не признаетъ возможнымъ ни принять ручательствъ, ни самому взять на себя отвѣтственность за возвращеніе денегъ. А потому слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, постановить, что безсрочныя ссуды должны выдаваться на общемъ основаніи съ пособіями, а именно, принимая въ соображеніе все, что предписывается въ такомъ случаѣ по уставу Общества. Въ вышеприведенныхъ первыхъ двухъ случаяхъ или слѣдовало выдать 200 и 250 р. при первой же просьбѣ о срочной ссудѣ, или не выдавать и при вторичной просьбѣ о срочной ссудѣ, не собравъ предварительно тѣхъ справокъ, которыя собираются при выдачѣ простыхъ пособій».

Сумма пособій на воспитаніе, въ размѣрѣ 2,857 р., въ свою очередь уменьшилась противъ 1882 года на 607 р., что слѣдуетъ приписать ходатайствамъ Комитета о безплатномъ помѣщеніи дѣтей и сиротъ литераторовъ и ученыхъ въ различныя учебныя заведенія.

Въ заключеніи своей объяснительной записки, Комитетъ, предложивъ общему собранію выразить признательность ревизіонной коммиссіи за тщательную и всестороннюю повѣрку дѣлъ Общества, обратилъ особенное вниманіе на сдѣланное ею предложеніе относительно увеличенія постоянныхъ доходовъ Общества. Оскудѣніе литературнаго заработка, благодаря отчасти прекра-

Digitized by Google

щенію въ послѣдніе годы нѣкоторыхъ крупныхъ органовъ печати, ставитъ помощь литературнаго фонда все болѣе и болѣе на шаткую почву, такъ какъ недостаточная помощь очень часто можетъ равняться полному въ ней отказу.

Этими словами Комитета, получившими въ настоящую минуту еще большее значеніе, чѣмъ они имѣли 2 февраля сего года, когда они были произнесены въ общемъ собраніи, мы можемъ завершить нашу лѣтопись.

Мы не намѣрены, въ заключеніе, ни распространяться въ какихъ-либо панегирикахъ и восхваленіяхъ успѣховъ Общества, ни прибѣгать къ какимъ либо оправдательнымъ объясненіямъ; ограничимся лишь тѣмъ, что заставимъ говорить за себя цифры. Цифры же свидѣтельствуютъ о томъ неоспоримомъ и несомнѣнномъ фактѣ, что, начавши свое существованіе безъ малѣйшаго капитала съ нѣсколькими частными пожертвованіями, Общество въ теченіи 25 лѣтъ своей дѣятельности, несмотря на всѣ невзгоды, застои и дефициты, какія оно претерпѣло въ нѣкоторые тяжелые годы, все-таки достигло того, что владѣетъ капиталомъ свыше 90,000 р., и тратитъ ежегодно въ пользу нуждающихся литераторовъ и ученыхъ отъ 15 до 20 тысячъ. Можно ли назвать эти успѣхи большими или, напротивъ, удивляться ихъ медленности и ничтожности — объ этомъ предоставляемъ судить каждому по своему усмотрѣнію. Конечно, можно и должно пожелать Обществу, чтобы оно вполнѣ крѣпко стало на свои ноги; а это, конечно, осуществится лишь тогда, когда оно будетъ владѣть капиталомъ тысячъ въ 200 или 300 р., для того, чтобы тратить тѣже 15 тысячъ ежегодно изъ процентовъ съ своего капитала, а на такія случайныя статьи дохода, какъ единовременныя пожертвованія или спектакли, смотрѣть лишь какъ на подспорье для своей дѣятельности; но осуществится ли когда-либо эта мечта и осуществима ли она вообще при всѣхъ условіяхъ нашей жизни, это пока-

Digitized by Google

жетъ будущее. Не заглядывая далеко впередъ и не задаваясь никакими piis desideriis, мы будемъ пока довольствоваться и тѣми успѣхами, какіе пріобрѣло Общество въ теченіи 25 лѣтъ, и въ заключеніе нашей лѣтописи считаемъ долгомъ напомнить читателямъ о главныхъ виновникахъ этихъ успѣховъ въ лицѣ членовъ Комитета, имена которыхъ мы и приводимъ здѣсь съ обозначеніемъ, сколько лѣтъ каждое лицо подвизалось въ должности члена Комитета:

1) П. В. Анненковъ (8 л.), 2) К. К. Арсеньевъ (9 л.), 3) А. Н. Бекетовъ (3 г.), 4) И. Н. Березинъ (3 г.), 5) К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (6 л.), 6) М. И. Богдановичъ (1 г.), 7) кн. А. И. Васильчиковъ (1 г.), 8) Э. К. Ватсонъ (3 г.), 9) В. И. Вешняковъ (3 г.), 10) Ѳ. Ѳ. Воропоновъ (4 г.), 11) В. П. Гаевскій (17 л.), 12) П. А. Гайдебуровъ (7 л.), 13) А. Д. Галаховъ (7 л.), 14) А. Д. Градовскій (5 л.), 15) Д. В. Григоровичъ (3 г.), 16) Я. К. Гротъ (6 л.), 17) Г. Г. Даниловичъ (1 г.), 18) Ѳ. М. Достоевскій (3 г.), 19) А. В. Дружининъ (2 г.), 20) С. С. Дудышкинъ (4 г.), 21) П. А. Ефремовъ (3 г.), 22) А. П. Заблоцкій-Десятовскій (9 л.), 23) К. Д. Кавелинъ (16 л.), 24) Н. В. Калачевъ (3 г.), 25) Е. П. Карновичъ (3 г.), 26) Е. П. Ковалевскій (7 л.), 27) П. М. Ковалевскій (6 л.), 28) В. Ѳ. Коршъ (14 л.), 29) Н. И. Костомаровъ (3 г.), А. А. Краевскій (8 л.), 31) П. Л. Лавровъ (3 г.), 32) В. И. Ламанскій (3 г.), Е. И. Ламанскій (2 г.), 34) В. А. Манассеинъ (6 л.), 35) О. Ѳ. Миллеръ (3 г.), 36) Н. К. Михайловскій (5 л.), 37) Н. А. Некрасовъ (7 л.), 38) А. В. Никитенко (1 г.), 39) П. П. Пекарскій (3 г.), 40) Л. А. Полонскій (4 г.), 41) А. А. Потѣхинъ (3 г.), 42) А. Н. Пыпинъ (12 л.), 43) Г. К. Рѣпинскій (9 л.), 44) М. Е. Салтыковъ (9 л.), 45) М. И. Семевскій (1 г.), М. М. Стасюлевичъ (9 л.), 47) А. С. Суворинъ (3 г.), 48) Н. С. Таганцевъ (6 л.), 49) И. С. Тургеневъ (8 л.), 50) Н. Н. Тютчевъ (6 л.), 51) Б. И. Утинъ (8 л.), 52) Н. Г. Чернышевскій (2 г.), 53) Н. В. Шелгуновъ (1 г.), 54) С. П. Щепкинъ (3 г.), 55) кн. Г. Л. Щербатовъ (3 г.).

Digitized by Google

Изъ числа этихъ 55 членовъ Комитета предсѣдателями Общества были слѣдующія лица:

1) А. Н. Бекетовъ (1 г.), 2) В. П. Гаевскій (4 г.), 3) Я. К. Гротъ (4 г.), 4) А. П. Заблоцкій-Десятовскій (3 г.), 5) Е. П. Ковалевскій (7 л.), 6) Г. К. Рѣпинскій (2 г.), 7) Н. С. Таганцевъ (2 г.), 8) кн. Г. А. Щербатовъ (1 г.).

Помощниками предсѣдателей:

1) П. В. Анненковъ (1 г.), 2) В. П. Гаевскій (2 г.), 3) Я. К. Гротъ (2 г.), 4) А. В. Дружининъ (1 г.), 5) А. П. Заблоцкій-Десятовскій (4 г.), 6) К. Д. Кавелинъ (5 л.), 7) А. А. Краевскій (4 г.), 8) Н. А. Некрасовъ (1 г.), 9) М. Е. Салтыковъ (1 г.), 10) М. М. Стасюлевичъ (1 г.), 11) кн. Г. А. Щербатовъ (2 г.).

Казначеями:

1) И. Н. Березинъ (2 г.), 2) Э. К. Ватсонъ (2 г.), 3) В. И. Вешняковъ (1 г.), 4) Ѳ. Ѳ. Воропоновъ (3 г.), 5) П. А. Гайдебуровъ (3 г.), 6) А. Д. Градовскій (1 г.), 7) П. А. Ефремовъ (1 г.), 8) А. А. Краевскій (1 г.), 9) П. Л. Лавровъ (1 г.), 10) М. М. Стасюлевичъ (4 г.), 11) Н. Н. Тютчевъ (3 г.), 12) Б. И. Утинъ (2 г.).

Секретарями:

1) П. В. Анненковъ (1 г.), 2) К. К. Арсеньевъ (1 г.), 3) Э. К. Ватсонъ (1 г.), 4) В. П. Гаевскій (3 г.), 5) П. А. Гайдебуровъ (1 г.), 6) А. Д. Галаховъ (1 г.), 7) П. А. Ефремовъ (1 г.), 8) К. Д. Кавелинъ (3 г.), 9) П. М. Ковалевскій (1 г.), 10) В. А. Манассеинъ (1 г.), 11) Н. К. Михайловскій (3 г.), 12) Г. К. Рѣпинскій (5 л.), 13) Н. В. Шелгуновъ (1 г.), 14) С. П. Щепкинъ (1 г.).

А. Скабичевскій.

Digitized by Google

МАТЬ.

По прихоти судьбы неправедно-суровой,
Нежданно, тяжкій крестъ досталось ей нести.
Она не дрогнула подъ этой ношей новой,
Сходя на трудный путь съ обычнаго пути.

Упорна мужествомъ, безсмѣнно, годъ отъ года,
За дорогую жизнь борьбу ведетъ она,
И твердо вѣруетъ, что самая природа
Могуществу любви покорствовать должна!

Никто ея ночей томительныхъ не знаетъ,
Ея безмолвныхъ мукъ не вѣдаетъ никто,
Порой улыбкою лице ея сіяетъ,
А сердце жгучими слезами облито!..

Гнетущей мыслію волнуема тревожно,
Она отвергнула забвеніе, покой,
Всѣ жертвы ей легки, всѣ жертвы ей возможны,
Хотя бы гибелью грозили ей самой...

Она за жизнь свою, за всѣ земныя блага
Не сброситъ своего терноваго вѣнца,
Ей могутъ измѣнить и силы, и отвага,
Но для ея любви нѣтъ мѣры, нѣтъ конца!

А. Подолинскій.

Кламаръ, Сите Леньe
1884 г.

тип. а. вишнев.

Digitized by Google

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ К. Н. БАТЮШКОВА*).

I.

Элегія.

Я чувствую, мой даръ въ поэзіи погасъ,
И Муза пламенникъ небесный потушила.
Печальна опытность открыла
Пустыню новую для глазъ.
Туда влечетъ меня осиротѣлый геній,
Въ поля безплодныя, въ непроходимы сѣни,
Гдѣ счастья нѣтъ слѣдовъ,

*) Въ бумагахъ Василія Андреевича Жуковскаго, разобранныхъ его сыномъ Павломъ Васильевичемъ, нашлось нѣсколько стихотвореній Константина Николаевича Батюшкова, до сихъ поръ неизвѣстныхъ въ печати. П. В. Жуковскій передалъ ихъ въ распоряженіе Помпея Николаевича Батюшкова, предпринявшаго изданіе сочиненій своего брата-поэта. Извлеченныя изъ этого источника „Подражанія древнихъ“ уже были напечатаны въ газетѣ „Русь“ [1863 г., № 28]. Изъ того же источника заимствованы и два слѣдующія стихотворенія, которыя П. Н. Батюшковъ передалъ для помѣщенія въ Сборникъ, издаваемый „Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“.

Первое изъ этихъ стихотвореній представляетъ первоначальную редакцію пьесы *Воспоминанія*, находящейся во всѣхъ изданіяхъ сочиненій К. Н. Батюшкова, но редакцію интересную преимущественно тѣмъ, что она содержитъ въ себѣ окончаніе пьесы. Окончаніе это, начиная со

тип. А. ЯНШИ.

Digitized by Google

Ни тайныхъ радостей, неизъяснимыхъ сновъ,
Любимцамъ Фебовымъ отъ юности извѣстныхъ,
Ни дружбы, ни любви, ни пѣсней Музъ прелестныхъ,
Которыя всегда душевну скорбь мою,
Какъ лотусъ, силою волшебной врачевали *).
Нѣтъ, нѣтъ, себя не узнаю
Подъ новымъ бременемъ печали!
Какъ странникъ, брошенный изъ нѣдра ярыхъ волнъ
На берегъ дикій и кремнистый,
Встаетъ и съ ужасомъ разбитый видитъ челнъ,
Валы ревущіе и молніи змѣисты,
Объявшія кругомъ свинцовый небосклонъ,
Рукою трепетной онъ мраки вопрошаетъ,
Ногой скользитъ надъ пропастями онъ,
И вѣтеръ буйный развѣваетъ
Моленій гласъ его, рыданія и стонъ;
На краѣ гибели такъ я зову въ спасенье
Тебя, послѣдній сердца другъ,
Опора сладкая, надежда, утѣшенье
Средь вѣчныхъ скорбей и недугъ,
Хранитель, ангелъ мой, оставленный мнѣ Богомъ!
Твой образъ я таилъ въ душѣ моей залогомъ
Всего прекраснаго и благости Творца;
Я съ именемъ твоимъ летѣлъ подъ знамя брани
Искать иль гибели, иль славнаго вѣнца;

стиха 59-го, до сихъ поръ не было въ печати, а между тѣмъ оно существеннымъ образомъ дополняетъ смыслъ всего стихотворенія; опущеніе этихъ заключительныхъ стиховъ въ прежнихъ изданіяхъ объясняется чисто личными причинами: *Элегія* содержитъ съ себѣ исторію несчастной любви поэта.

Что касается второго стихотворенія, оно до нынѣ было совершенно неизвѣстно; на принадлежность его К. Н. Батюшкову, если не съ полною достовѣрностью, то съ весьма большою вѣроятностью, указываютъ, какъ его содержаніе [отчасти сходное съ содержаніемъ предшествующей пьесы], такъ и то, что оно сохранено было Жуковскимъ между бумагами его друга и притомъ переписанное рукой Ал. Ник. Батюшковой, любимой сестры поэта.

*) Лотусъ—растеніе. Смотри „Одиссею“.

Digitized by Google

Въ минуты страшныя чистѣйши сердца дани
Тебѣ я приносилъ на Марсовыхъ поляхъ;
И въ мирѣ, и въ войнѣ, во всѣхъ земныхъ краяхъ
Твой образъ слѣдовалъ съ любовію за мною,
Съ печальнымъ странникомъ онъ неразлученъ сталъ.
Какъ часто въ тишинѣ, весь занятый тобою,
Въ лѣсахъ, гдѣ Живузи *) гордится надъ рѣкою,
И Сейна по цвѣтамъ льетъ сребряный кристаллъ,
Какъ часто средь толпы и шумной, и безпечной,
Въ столицѣ роскоши, среди прелестныхъ женъ
Я пѣнье забывалъ волшебное сиренъ
И мыслилъ о тебѣ лишь въ горести сердечной!
Я имя милое твердилъ
Въ прохладныхъ рощахъ Альбіона
И эхо называть прекрасную училъ
Въ цвѣтущихъ пажитяхъ Ричмона **).
Мѣста прелестныя и въ дикости своей,
О камни Швеціи, пустыни Скандинавовъ,
Обитель древняя и доблестей, и нравовъ,
Ты слышала обѣтъ и гласъ любви моей,
Ты часто странника задумчивость питала,
Когда румяная денница отражала
И дальнія скалы гранитныхъ береговъ,
И села пахарей, и кущи рыбаковъ;
Сквозь тонки, утренни туманы
На зеркальныхъ водахъ пустынной Троллетаны ***)!..
Исполненный всегда единственно тобой,
Съ какою радостью ступилъ на брегъ отчизны!
„Здѣсь будетъ“ —я сказалъ— „душѣ моей покой,

---

*) *Живузи*, замокъ близь Парижа.

**) *Ричмонъ*, прекрасный городокъ въ окрестностяхъ Лондона, напротивъ жилища Попе; путешественники никогда не забудутъ террасы и плѣнительныхъ видовъ Ричмона.

***) *Троллетана* — водопадъ близь Готтенбурга на западномъ берегу Швеціи.

Digitized by Google

„Конецъ трудамъ, конецъ и страннической жизни!“
Ахъ! какъ обманутъ я въ мечтаніи моемъ!
Какъ снова счастье мнѣ коварно измѣнило
Въ любви и дружествѣ... во всемъ,
Что́ сердцу сладко льстило,
Что было тайною надеждою всегда!
Есть странствіямъ конецъ — печалямъ никогда!
Въ твоемъ присутствіи страданія и муки
Я сердцемъ новыя позналъ:
Онѣ ужаснѣе разлуки,
Всего ужаснѣе; я видѣлъ, я читалъ
Въ твоемъ молчаніи, въ прерывномъ разговорѣ,
Въ твоемъ уныломъ взорѣ,
Въ сей тайной горести потупленныхъ очей,
Въ улыбкѣ и въ самой веселости твоей
Слѣды сердечнаго терзанья...

Нѣтъ, нѣтъ! Мнѣ бремя жизнь! Что въ ней безъ упованья?
Украсить жребій твой
Любви и дружества прочнѣйшими цвѣтами,
Всѣмъ жертвовать тебѣ, гордиться лишь тобой,
Блаженствомъ дней твоихъ и милыми очами,
Признательность твою и счастье находить
Въ рѣчахъ, въ улыбкѣ, въ каждомъ взорѣ,
Міръ, славу, суеты протекшія и горе,
Все, все у ногъ твоихъ, какъ тяжкій сонъ, забыть!..
Что въ жизни безъ тебя? Что въ ней безъ упованья,
Безъ дружбы, безъ любви — безъ идоловъ моихъ?
И Муза, сѣтуя безъ нихъ,
Свѣтильникъ гаситъ дарованья.

Digitized by Google

II.

Къ младенчеству-ль душа прискорбная летитъ,
Считаю-ль радости минувшаго?.. Какъ мало!
Нѣтъ, счастье къ бытію меня не пріучало!
Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ.
Едва въ душѣ своей для дружбы я созрѣлъ,
И что-же? Предо мной увядшаго могила!
Душа, не воспылавъ, свой пламень угасила!
Любовь... Но я въ любви нашелъ одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья,
И невозвратное надеждъ уничтоженье!
Изсякшія души наполню-ль пустоту?
Какое счастіе мнѣ въ будущемъ извѣстно?
Грядущее для насъ протекшимъ лишь прелестно!

Мой другъ, о нѣжный другъ! Когда намъ не дано
Въ семъ мірѣ жить для тѣхъ, кѣмъ жизнь для насъ священна
Кѣмъ добродѣтель намъ и слава драгоцѣнна —
Почто-жь, увы! почто судьбой запрещено
За счастье ихъ отдать намъ жизнь сію безплодну
Почто — дерзну-ль спросить? — отнялъ у насъ Творецъ
Имъ жертвовать собой свободу превосходну?
Съ какимъ-бы торжествомъ я встрѣтилъ мой конецъ,
Когда-бъ всѣхъ благъ земныхъ, всей жизни приношеньемъ
Я могъ (о сладкій сонъ!) той счастье искупить,
Съ кѣмъ жребій не судилъ мнѣ жизнь мою дѣлить!
Когда-бъ стократными и скорбью, и мученьемъ
За каждый мигъ ея блаженства я платилъ,
Тогда-бъ, мой другъ, я рай въ семъ мірѣ находилъ
И дня, какъ дара, ждалъ, къ страданью пробуждаясь,
Тогда надеждою отрадною питаясь,
Что каждый жизни мигъ погибшія моей
Есть жертва тайная для блага милыхъ дней,
Я-бъ смерти звать не смѣлъ, страшился бы могилы!

Digitized by Google

О незабвенная, другъ милый, вѣчно милый!
Почто, повергнувшись въ слезахъ къ твоимъ ногамъ,
Почто, лобзая ихъ горящими устами,
Отъ сердца не могу воскликнуть къ небесамъ:
Все въ жертву за нее, вся жизнь моя предъ вами!
Почто и небеса не могутъ внять мольбамъ?
О безразсуднаго напрасное моленье!
Гдѣ тотъ, кому дано святое наслажденье
За милыхъ слезы лить, страдать и погибать?
Ахъ, если-бъ мы могли въ сей области изгнанья
Столь восхитительно презрѣнну жизнь кончать—
Кто-бъ небо оскорбилъ безумiемъ роптанья?

К. Батюшковъ.

Digitized by Google

ВЪ АЛЬБОМЪ А. С. ДОРГОМЫЖСКОМУ.

На людской сторонѣ,
На жиломъ берегу,
Грустно мнѣ, тошно мнѣ
И сказать не могу.

Убѣжалъ бы я прочь
Подъ дремучую тѣнь,
Гдѣ въ зеленую ночь
Потонулъ яркій день.

Тамъ деревья сплелись
Изумруднымъ шатромъ,
Тамъ цвѣты разрослись
Благовоннымъ ковромъ.

Отъ житейскихъ тревогъ
Я бы тамъ отдохнулъ,
На цвѣты бы прилегъ
И безпечно заснулъ.

Кн. Вяземскій.

ТИП. А. БЕНКЕ.

Digitized by Google

РЫБАКЪ.

(Изъ Гете).

Въ прибоѣ волнъ былъ ревъ и громъ;
Но молча, недвижимъ
Рыбакъ, слѣдя за поплавкомъ,
Былъ занятъ только имъ.
Какъ вдругъ примчалася волна,
Отхлынула — и вотъ,
Явясь къ нему съ морскаго дна,
Красавица поетъ:
Зачѣмъ, скажи, моихъ дѣтей
Ты хитростью людской
Манишь сюда со дна морей,
Въ смертельный этотъ зной?
Когда бы зналъ ты, какъ у насъ
Привольно тамъ на днѣ,
Оставивъ землю, ты тотчасъ
Сошелъ бы самъ ко мнѣ.
Ты видишь солнце въ небесахъ
И мѣсяцъ золотой;
Но погляди, въ морскихъ волнахъ
Двойною красотой
Горитъ глубокій небосклонъ
И влажно-голубой,
Зоветъ туда, гдѣ отраженъ
Трепещетъ образъ твой.
Въ прибоѣ волнъ и ревъ, и громъ;
Но такъ полна душа
Тоской, блаженствомъ и огнемъ;
Она-жъ такъ хороша,
Такъ сладокъ звукъ ея рѣчей,
Такъ манитъ въ глубь туда,
Что въ синей безднѣ вмѣстѣ съ ней
Исчезъ онъ навсегда.

Кн. Д. Цертелевъ.

ТИП. А. БЕНКЕ.

Digitized by Google

ГРАФИНЯ ДОНАТО.

Начало поэмы.

I.

Былъ свѣтлый, лѣтній день, когда съ охоты знойной
Въ свой замокъ, вдоль рѣки широкой и спокойной,
Графиня ѣхала. Сверкалъ зеленый лугъ
Заманчиво... но ей все надоѣло вдругъ—
Все: рѣзкій звукъ роговъ въ излучинахъ долины.
И сокола полетъ, и цапли жалкій стонъ,
Стальныхъ бубенчиковъ нетерпѣливый звонъ,
И лѣсомъ вѣковымъ покрытыя вершины,
И солнца смѣлый блескъ, и шелестъ вѣтерка...
Могучій сѣрый конь походкой горделивой
Подъ нею выступалъ, подбрасывая гривой,
И умной головой помахивалъ слегка...
Графиня ѣхала, не поднимая взора—
Подъ золотомъ парчи не шевельнется шпора,
Скатилась на сѣдло усталая рука.

ТИП. А. БЕНКЕ

Digitized by Google

II.

Читатель! мы теперь въ Италіи съ тобой,
Въ то время славное, когда владыки Рима
Готовили вѣнецъ творцу Ерусалима,
Вѣнецъ, похищенный завистливой судьбой;
Когда, въ виду дворцовъ высокихъ и надменныхъ,
Въ виду озеръ и рѣкъ, прозрачно голубыхъ,
Подъ безконечный плескъ фонтановъ отдаленныхъ,
Въ садахъ таинственныхъ, и темныхъ, и нѣмыхъ,
Гуляли женщины веселыми роями —
И тихо слушали, склонившись головами,
Разсказы о дѣлахъ и чудесахъ былыхъ...
Когда замолкли вдругъ военныя тревоги —
И міра древняго плѣнительные боги
Являлись радостно на вдохновенный зовъ
Влюбленныхъ юношей и пламенныхъ пѣвцовъ.

III.

Графиня ѣхала... Вдали, полузакрытый
Густою зеленью и солнечнымъ лучомъ,
Какъ будто золотомъ расплавленнымъ облитый,
Встаетъ ея дворецъ. За ней на ворономъ
Тяжеломъ жеребцѣ — покрытаго плащомъ
Мужчину видимъ мы. Чета собакъ проворныхъ
Тѣснится къ лошади. Среди рабовъ покорныхъ
Идетъ сокольничій суровый и сѣдой;
Но птицы рѣзвыя напрасно бьютъ крылами...
Красивый, стройный пажъ поспѣшными шагами
Бѣжитъ у стремени графини молодой.
Подъ шапкой бархатной, надвинутой на брови,
Его глаза блестятъ; колышутся слегка
На шеѣ локоны; румянцемъ юной крови
На солнцѣ, весело, горитъ его щека.

Digitized by Google

IV.

Графиня ѣхала... А въ замкѣ подъ окномъ
Стоялъ ея супругъ, и прислонясь лицомъ
Къ холодному стеклу, глядѣлъ на лугъ широкій.
И былъ то человѣкъ упорный и глубокій;
Слывя задумчивымъ, все наблюдалъ кругомъ,
Не требуя любви, ни отъ кого совѣта
И помощи не ждалъ, чуждался лишнихъ словъ;
Но свѣтлый взоръ его, исполненный привѣта,
Умѣлъ обманывать, умѣлъ ласкать враговъ.
И былъ онъ окруженъ послушными слугами,—
Друзей удерживалъ обильными дарами,
И гнѣвнаго лица его не зналъ никто.
Донато не спѣшилъ и въ мести... но за то
Во тьмѣ его души созрѣвшія рѣшенья
Напрасно никогда не ждали исполненья...

И. Тургеневъ.

Digitized by Google

ФИЛИППО СТРОДЗИ.

Въ отчизнѣ Данта, древней, знаменитой,
Въ тотъ самый вѣкъ, когда монахъ нѣмецкій
Противу папы смѣло возставалъ—
Жилъ честный гражданинъ, Филиппо Стродзи.
Онъ былъ богатъ и знатенъ; торговалъ
Со всей Европой, засѣдалъ въ судахъ,
И велъ за дѣло правое войну
Съ сосѣдами: не разъ ему ввѣряла
Свою судьбу Тосканская столица.
И былъ онъ справедливъ, и простъ, и кротокъ;
Не соблазнялъ, но покорялъ умомъ
Противниковъ... и зависти враждебной,
Тревожной злобы, низкаго коварства,
Не вѣдалъ прямодушный человѣкъ.
Въ немъ древній римлянинъ воскресъ; во всѣхъ
Его дѣлахъ, и въ поступи, во взорахъ,
Въ обдуманной медлительности рѣчи
Дышало благородное сознанье—
Сознанье государственнаго мужа.
Не позволялъ онъ называть себя
Почетными названьями; льстецамъ
Онъ говорилъ: „Меня зовутъ Филиппомъ—
„Я сынъ купца". Любовью безпредѣльной
Любилъ онъ родину, любилъ свободу,
И вѣрный строгой мудрости Зенона,
Ни смерти не боялся, ни безумно
Не радовался жизни, но безчестно.
Но въ рабствѣ жить не могъ и не хотѣлъ.

Digitized by Google

И вотъ когда семейство Медичисовъ,
Людей честолюбивыхъ, пышныхъ, умныхъ,
Уже давно любимое народомъ
(Со времени великаго Козьмы),
Достигло власти наконецъ; когда
Самъ императоръ — Пятый Карлъ, родную
Дочь отдалъ Александру Медичису, —
И сильный силой царственнаго тестя
Законы нагло началъ попирать
Безумный Александръ — возсталъ Филиппъ,
И съ жалобой не дерзкой, но достойной
Свободнаго народа, къ вѣнценосцу
Прибѣгъ. Но Карлъ остался непреклоннымъ —
Цари другъ другу всѣ сродни. Тогда
Филиппо Стродзи, видя, что народъ
Молчитъ и терпитъ, — и страшась привычки
Разврата рабства — худшаго разврата, —
Рукою Лоренцина — погубилъ
Надменнаго владыку. Но минула
Та славная, великая пора,
Когда цвѣли свободные народы
Въ Италіи, божественной странѣ,
И не пугались мысли безначалья,
Какъ дѣти малолѣтныя... Напрасно
Освободилъ Филиппъ родную землю —
Явился новый, грозный притѣснитель,
Другой Козьма. Филиппъ собралъ дружину,
Друзей нашелъ и преданныхъ, и смѣлыхъ —
Но полководцемъ не былъ онъ искуснымъ...
Надѣялся на правоту, на доблесть,
И вѣрилъ обѣщаньямъ и словамъ,
Не какъ ребенокъ легковѣрный — нѣтъ!
Какъ человѣкъ, быть можетъ, слишкомъ честный...
Его разбили, взяли въ плѣнъ. Октавій
Разбилъ же Брута нѣкогда. Какъ муху
Паукъ — медлительно терзалъ Филиппа
Лукавый побѣдитель. Вотъ однажды
Сидѣлъ несчастный послѣ тяжкой пытки
Передъ окномъ и радовался втайнѣ:

Digitized by Google

Онъ выдержалъ неслыханныя муки,
И никого не выдалъ палачамъ.
Сквозь черную рѣшетку падалъ ровный
Широкій лучъ на блѣдное лицо,
На рубище кровавое, на раны
Страдальца. Слышался вдали безпечный
Веселый говоръ празднаго народа...
Въ окошко мухи быстро залетали,
И съ вышины томительно далекой
Прозрачной, свѣтлой вѣяло весной.
Съ усильемъ поднялъ голову Филиппо:
И вспомнилъ онъ любимую жену,
Дѣтей-сиротокъ—собственное дѣтство...
И молодость, и первыя желанья,
И первыя полезныя дѣла,
И всю простую, праведную жизнь
Свою тогда припомнилъ онъ. И вотъ
Куда попалъ онъ наконецъ! Надеждамъ
Напраснымъ онъ не предавался... Казнь,
Мучительная казнь его ждала... Сомнѣнье
Невыразимо-горькое внезапно
Наполнило возвышенную душу
Филиппа; сердце въ немъ отяжелѣло,
И выступили слезы на глаза.
Молиться захотѣлъ онъ, возмутилось
Въ немъ чувство справедливости... безмолвно
Израненныя, скованныя руки
Онъ поднялъ, показалъ ихъ молча небу,
И безъ негодованья, съ безконечной
Печалью, произнесъ онъ: гдѣ же правда?
И ропотомъ угрюмымъ отозвался
Филиппу низкій сводъ его тюрьмы...
Но долго-бы пришлось еще терзаться
Филиппу, еслибъ старый, честный сторожъ,
Достойный понимать его величье,
Однажды, послѣ выхода судьи,
Не положилъ-бы молча на порогѣ
Кинжала... Понялъ сторожа Филиппъ,—
И также молча, медленнымъ поклономъ

Digitized by Google

Благодарилъ заботливаго друга.
Но прежде чѣмъ себѣ нанесъ онъ рану
Смертельную, на каменной стѣнѣ
Кинжаломъ стихъ латинской эпопеи
Онъ начерталъ: „Когда нибудь возстанетъ
„Изъ праха нашего желанный мститель!“
Послѣдняя, напрасная надежда!
Филипповъ сынъ погибъ въ землѣ чужой —
На службѣ короля чужаго; внукъ
Филиппа заживо былъ кинутъ въ море, —
И родъ его пресѣкся, Медичисы
Владѣли долго родиной Филиппа,
Охотно покорялись имъ потомки
Филипповыхъ сограждан и друзей...

О, наша матерь — вѣчная земля!
Ты поглощаешь также равнодушно
И потъ, и слезы, кровь дѣтей твоихъ,
Пролитую за праведное дѣло,
Какъ утреннія капельки росы!
И ты, живой, подвижный, звучный воздухъ,
Ты также переносишь равнодушно
Послѣдній вздохъ, послѣднія молитвы,
Послѣднія предсмертныя проклятья.
Какъ пѣсенку пастушки молодой...
А ты, неблагодарная толпа,
Ты забываешь такъ-же беззаботно
Людей, погибшихъ честно за тебя,
Какъ позабудутъ и твои потомки
Твои нѣмыя, тяжкія страданья,
Твои нетерпѣливыя волненья
И всѣ побѣды громкія твои!
Блаженъ-же тотъ, кому судьба смѣется!
Блаженъ, кто счастливъ, силенъ и неправъ!!!

Дверь отворилась... и вошелъ Козьма...

И. Тургеневъ.

Digitized by Google

ДЕКАБРИСТЫ.*)

РОМАНЪ.

ГЛАВА I.

Это было недавно, въ царствованіе Александра II, въ наше время,—время цивилизаціи, прогресса, *вопросовъ*, возрожденія Россіи, и т. д. и т. д.; въ то время, когда побѣдоносное русское войско возвращалось изъ сданнаго непріятелю Севастополя, когда вся Россія торжествовала уничтоженіе черноморскаго флота, и бѣлокаменная Москва встрѣчала и поздравляла съ этимъ счастливымъ событіемъ остатки экипажей этого

*) Печатаемыя здѣсь три главы романа подъ заглавіемъ «Декабристы» были написаны еще прежде чѣмъ авторъ принялся за «Войну и Миръ». Въ то время онъ задумывалъ романъ, котораго главными дѣйствующими лицами должны были быть декабристы, но не написалъ его, потому что, стараясь возсоздать время декабристовъ, онъ невольно переходилъ мыслью къ предъидущему времени, къ прошлому своихъ героевъ. Постепенно передъ авторомъ раскрывались все глубже и глубже источники тѣхъ явленій, которыя онъ задумывалъ описать: семья, воспитаніе, общественныя условія и пр. избранныхъ имъ лицъ; наконецъ онъ остановился на времени войнъ съ Наполеономъ, которое и изобразилъ въ «Войнѣ и Мирѣ». Въ концѣ этого романа видны уже признаки того возбужденія, которое отразилось въ событіяхъ 14-го декабря 1825 года. Впослѣдствіи авторъ вновь принимался за «Декабристовъ», и написалъ два другія, печатаемыя теперь, начала (въ концѣ статьи).

Таково происхожденіе предлагаемыхъ отрывковъ романа, которому, повидимому, не суждено быть написаннымъ. Авторъ никогда не предполагалъ ихъ печатать, но, уступая нашей просьбѣ, предоставилъ ихъ для издаваемаго нами сборника. *Ред.*

3-го октября 1884 г.

Тип. Р. Голике.

Digitized by Google

флота, подносила имъ добрую русскую чарку водки, и по доброму русскому обычаю хлѣбъ-соль, и кланялась въ ноги. Это было въ то время, когда Россія, въ лицѣ дальновидныхъ дѣвственницъ-политиковъ, оплакивала разрушеніе мечтаній о молебнѣ въ софійскомъ соборѣ и чувствительнѣйшую для отечества потерю двухъ великихъ людей, погибшихъ во время войны (одного, увлекшагося желаніемъ какъ можно скорѣе отслужить молебенъ въ упомянутомъ соборѣ, и павшаго въ поляхъ Валахіи, но за то и оставившаго въ тѣхъ же поляхъ два эскадрона гусаръ, и другого, неоцѣненнаго человѣка, раздававшаго чай, чужія деньги и простыни раненымъ, и не кравшаго ни того, ни другого); въ то время, когда со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, въ Россіи, какъ грибы, выростали великіе люди—полководцы, администраторы, экономисты, писатели, ораторы и просто великіе люди, безъ особаго призванія и цѣли. Въ то время, когда на юбилеѣ московскаго актера, упроченное тостомъ, явилось общественное мнѣніе, начавшее карать всѣхъ преступниковъ; когда грозныя коммиссіи изъ Петербурга поскакали на югъ, ловить, обличать и казнить комиссаріатскихъ злодѣевъ; когда во всѣхъ городахъ задава́ли съ рѣчами обѣды севастопольскимъ героямъ, и имъ же, съ оторванными руками и ногами, подавали трынки, встрѣчая ихъ на мостахъ и дорогахъ; въ то время, когда ораторскіе таланты такъ быстро развились въ народѣ, что одинъ цѣловальникъ вездѣ и при всякомъ случаѣ писалъ и печаталъ, и наизусть сказывалъ на обѣдахъ рѣчи, столь сильныя, что блюстители порядка должны были вообще принять укротительныя мѣры противъ краснорѣчія цѣловальника; когда въ самомъ аглицкомъ клубѣ отвели особую комнату для обсужденія общественныхъ дѣлъ; когда появились журналы, подъ самыми разнообразными знаменами — журналы, развивающіе европейскія начала на европейской почвѣ, но съ русскимъ міросозерцаніемъ, и журналы исключительно на русской почвѣ, развивающіе русскія начала, однако съ европейскимъ міросозерцаніемъ; когда появилось вдругъ столько журналовъ,

Digitized by Google

что, казалось, всѣ названія были исчерпаны: и «Вѣстникъ», и «Слово», и «Бесѣда», и «Наблюдатель», и «Звѣзда», и «Орелъ» и много другихъ, и несмотря на то, все являлись еще новыя и новыя названія; въ то время, когда появились плеяды писателей, мыслителей, доказывавшихъ, что наука бываетъ народна и не бываетъ народна и бываетъ не народная и т. д., и плеяды писателей, художниковъ, описывающихъ рощу и восходъ солнца, и грозу и любовь русской дѣвицы, и лѣнь одного чиновника, и дурное поведеніе многихъ чиновниковъ; въ то время, когда со всѣхъ сторонъ появились *вопросы* (какъ называли въ 56 году всѣ тѣ стеченія обстоятельствъ, въ которыхъ никто не могъ добиться толку), явились вопросы кадетскихъ корпусовъ, университетовъ, цензуры, изустнаго судопроизводства, финансовый, банковый, полицейскій, эманципаціонный и много другихъ: всѣ старались отыскивать еще новые вопросы, всѣ пытались разрѣшать ихъ; писали, читали, говорили проекты, все хотѣли исправить, уничтожить, перемѣнить, и всѣ россіяне, какъ одинъ человѣкъ, находились въ неописанномъ восторгѣ. Состояніе, два раза повторившееся для Россіи въ XIX столѣтіи: въ первый разъ, когда въ 12 году мы отшлепали Наполеона I, и во второй разъ, когда въ 56 году насъ отшлепалъ Наполеонъ III. Великое, незабвенное время возрожденія русскаго народа! Какъ тотъ французъ, который говорилъ, что тотъ не жилъ вовсе, кто не жилъ въ великую французскую революцію, такъ и я смѣю сказать, что кто не жилъ въ 56 году въ Россіи, тотъ не знаетъ, что такое жизнь. Пишущій эти строки не только жилъ въ это время, но былъ однимъ изъ дѣятелей того времени. Мало того, что онъ самъ нѣсколько недѣль сидѣлъ въ одномъ изъ блиндажей Севастополя, онъ написалъ о крымской войнѣ сочиненіе, пріобрѣтшее ему великую славу, въ которомъ онъ ясно и подробно изобразилъ какъ стрѣляли солдаты съ бастіоновъ изъ ружей, какъ перевязывали на перевязочномъ пунктѣ перевязками, и хоронили на кладбищѣ въ землю. Совершивъ эти подвиги, пишущій эти строки прибылъ въ центръ госу-

Digitized by Google

дарства, въ ракетное заведеніе, гдѣ и пожалъ лавры своихъ подвиговъ. Онъ видѣлъ восторгъ обѣихъ столицъ и всего народа, и на себѣ испыталъ, какъ Россія умѣетъ вознаграждать истинныя заслуги. Сильные міра сего искали его знакомства, жали ему руки, предлагали ему обѣды, настоятельно приглашали его къ себѣ, и для того, чтобъ узнать отъ него подробности войны, разсказывали ему свои чувствованія. Поэтому пишущій эти строки можетъ оцѣнить то великое, незабвенное время. Но не въ томъ дѣло.

Въ это самое время два возка и сани стояли у подъѣзда лучшей московской гостинницы. Молодой человѣкъ вбѣжалъ въ двери узнать о квартирѣ. Старикъ сидѣлъ въ возкѣ съ двумя дамами, и говорилъ о томъ, каковъ былъ кузнецкій мостъ при французѣ. Это было продолженіе разговора, начавшагося при въѣздѣ въ Москву, и теперь старикъ съ бѣлой бородой, въ распахнутой шубѣ, спокойно продолжалъ свою бесѣду въ возкѣ, такъ какъ будто онъ намѣревался ночевать въ немъ. Жена и дочь слушали, но поглядывали на дверь не безъ нетерпѣнія. Молодой человѣкъ вышелъ изъ двери съ швейцаромъ и нумернымъ.

— Ну, что, Сергѣй? спросила мать, выставляя на свѣтъ фонаря свое изнуренное лицо. Потому ли, что это была его привычка, или для того, чтобы швейцаръ не принялъ его по полушубку за лакея, Сергѣй отвѣтилъ по-французски, что есть комнаты, и отворилъ дверцы. Старикъ взглянулъ на мгновенье на сына, и снова обратился въ темную глубь возка, какъ будто остальное до него не касалось.

— Театра еще не было.

— Пьеръ! сказала жена, подбирая салопъ, но онъ продолжалъ:

— Madame Шальме была на Тверской...

Въ глубинѣ возка раздался молодой, звонкій смѣхъ:

— Папа, выходи—ты такъ заговорился.

Старикъ какъ будто теперь только хватился, что они пріѣхали, и оглянулся.

— Выходи же.

Digitized by Google

Онъ надвинулъ шапку, и покорно полѣзъ изъ двери. Швейцаръ принялъ его подъ руку, но убѣдившись, что старикъ еще очень хорошо ходитъ, онъ тотчасъ же предложилъ свои услуги дамѣ. Наталья Николаевна, жена, и по собольему салопу, и по тому, какъ долго вылѣзала, и по тому, какъ тяжело легла ему на руку, и по тому, какъ прямо, не оглядываясь, опершись на руку сына, пошла на крыльцо, показалась ему очень значительною. Барышню, отъ дѣвушекъ, которыя повылѣзли изъ другаго возка, онъ даже не отличилъ; такъ же, какъ и онѣ, она несла узелокъ и трубку, и шла сзади. Только по смѣху и тому, что она назвала старика отцомъ, онъ узналъ ее.

— Не туда, папа, направо, сказала она, останавливая его за рукавъ тулупа.—Направо.

И на лѣстницѣ изъ-за стука шаговъ, дверей и тяжелаго дыханія пожилой дамы, раздался тотъ же смѣхъ, который слышался въ возкѣ, который когда кто слышалъ, непремѣнно думалъ: вотъ славно смѣется, завидно даже.

Сынъ, Сергѣй, занимался устройствомъ всѣхъ матеріальныхъ условій въ дорогѣ, и занимался этимъ, хотя и безъ знанія, но съ свойственной 25 годамъ энергіей и самоудовлетворяющей дѣятельностью. Разъ двадцать по крайней мѣрѣ и, кажется, безъ особенно важныхъ причинъ, онъ въ одномъ пальто сбѣжалъ внизъ къ санямъ и вбѣжалъ опять наверхъ, подрагивая отъ холода, и черезъ двѣ и три ступеньки шагая своими молодыми, длинными ногами. Наталья Николаевна просила его не простудиться, но онъ увѣрялъ, что ничего, и все отдавалъ приказанія, хлопалъ дверьми, ходилъ, и когда, казалось, ужь дѣло стояло за одними слугами и мужиками, онъ нѣсколько разъ обошелъ всѣ комнаты, выходя изъ гостиной въ одну дверь и входя въ другую, и все отыскивалъ, что бы еще сдѣлать.

— Что жь, папа, поѣдешь въ баню? Узнать? спросилъ онъ.

Папа находился въ задумчивости и, казалось, вовсе не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, гдѣ онъ находился. Онъ не

Digitized by Google

скоро отвѣтилъ. Онъ слышалъ слова и не понималъ. Вдругъ онъ понялъ.

— Да, да, да, узнай пожалуйста, у каменнаго моста.

Глава семейства торопливымъ, взволнованнымъ шагомъ обошелъ комнаты, и сѣлъ на кресло.

— Ну, теперь надо рѣшить что дѣлать, устроиваться, сказалъ онъ. —Помогайте, дѣти, живо! молодцами! таскайте, устанавливайте, а завтра пошлемъ записочку и Сережу къ сестрѣ Марьѣ Ивановнѣ, къ Никитинымъ, или сами поѣдемъ. Такъ, Наташа? А теперь устроиваться.

— Завтра воскресенье; надѣюсь, прежде всего ты поѣдешь къ обѣднѣ, Pierre? сказала жена, на колѣняхъ стоя передъ сундукомъ и отпирая его.

— И то воскресенье! Непремѣнно всѣ поѣдемъ въ успенскій соборъ. Этимъ начнется наше возвращеніе. Боже мой! когда я вспомню тотъ день, когда я въ послѣдній разъ былъ въ успенскомъ соборѣ... помнишь, Наташа? Но не въ томъ дѣло.

И глава семейства быстро всталъ съ кресла, на которое только что сѣлъ.

— А теперь надо устроиваться.

И онъ, ничего не дѣлая, ходилъ изъ одной комнаты въ другую.

— Что жь, будемъ чай пить? или устала, хочешь отдохнуть?

— Да, да, отвѣчала жена, доставая что-то изъ сундука: — вѣдь ты хотѣлъ въ баню.

— Да... въ мое время были у каменнаго моста. Сережа, поди же узнай, есть ли еще бани у каменнаго моста. Вотъ эту комнату займу я съ Сережей. Сережа! хорошо тебѣ тутъ будетъ?

Но Сережа пошелъ узнать о баняхъ.

— Нѣтъ, все не хорошо, продолжалъ онъ,—у тебя не будетъ хода прямо въ гостиную. Какъ ты думаешь, Наташа?

— Ты успокойся, Pierre, все это устроится, отвѣчала Наташа изъ другой комнаты, въ которую мужики вносили вещи.

Digitized by Google

Но Pierre находился подъ вліяніемъ восторженнаго состоянія, произведеннаго пріѣздомъ на мѣсто.

— Ты смотри, Сережины вещи не смѣшай, вотъ его лыжи бросили въ гостиной... и онъ самъ поднялъ ихъ, и особенно осторожно, какъ будто отъ этого зависѣлъ весь будущій порядокъ помѣщенія, поставилъ ихъ къ притолкѣ и прижалъ къ ней.

Но лыжи не приклеились, и только что Pierre отошелъ отъ нихъ, съ грохотомъ упали поперекъ двери. Наталья Николаевна поморщилась и вздрогнула, но, увидавъ причину паденія, сказала:

— Соня, подними, мой другъ.

— Подними, мой другъ, повторилъ мужъ,—а я пойду къ хозяину; иначе не устроитесь; надо съ нимъ обо всемъ переговорить.

— Лучше за нимъ послать, Pierre. Зачѣмъ ты безпокоишься?

Pierre согласился.

— Соня, позови этого... какъ бишь? М-г Cavalier, пожалуйста; скажи, что мы хотимъ обо всемъ переговорить.

— Шевалье, папа, сказала Соня, и приготовилась идти.

Наталья Николаевна, которая тихимъ голосомъ приказывала и тихими шагами ходила изъ комнаты въ комнату то съ ящикомъ, то съ трубкой, то съ подушкой, незамѣтно разставляла изъ горы поклажи все на свое мѣсто, успѣла, проходя мимо Сони, шепнуть:

— Не ходи сама, пошли человѣка.

Покуда человѣкъ ходилъ за хозяиномъ, Pierre употребилъ свой досугъ на то, чтобы, подъ предлогомъ содѣйствія своей супругѣ, смять ей какую-то одежду, и на то, чтобы спотыкнуться на опорожненный ящикъ. Удержавшись рукой за стѣну, декабристъ съ улыбкой оглянулся. Жена, казалось, была такъ занята, что не замѣтила; но Соня глядѣла на него такими смѣющимися глазами, что, казалось, ожидала позволенія посмѣяться. Онъ охотно далъ ей это позволеніе, разсмѣявшись самъ такимъ добродушнымъ смѣхомъ, что всѣ

Digitized by Google

бывшіе въ комнатѣ, отъ жены до дѣвушки и мужика, разсмѣялись. Этотъ смѣхъ еще болѣе воодушевилъ старца; онъ нашелъ, что диванъ въ комнатѣ жены и дочери стоитъ для нихъ неудобно, несмотря на то, что онѣ утверждали противное, прося его успокоиться. Въ то самое время какъ онъ собственноручно пытался съ мужикомъ перетащить эту мебель, вошелъ въ комнату хозяинъ-французъ.

— Вы меня спрашивали, сказалъ хозяинъ строго, и въ доказательство своего—ежели не презрѣнія, то равнодушія, досталъ медленно свой платокъ, медленно развернулъ и медленно высморкался.

— Да, мой любезный другъ, сказалъ Петръ Ивановичъ, наступая на него:—вотъ видите ли, мы сами не знаемъ, сколько здѣсь пробудемъ, я и жена моя... и Петръ Иванычъ, имѣвшій слабость въ каждомъ человѣкѣ видѣть ближняго, началъ разсказывать свои обстоятельства и планы.

Г-нъ Chevalier не раздѣлялъ такого взгляда на людей и не интересовался свѣдѣніями, сообщенными Петромъ Иванычемъ; но хорошій французскій языкъ, которымъ говорилъ Петръ Иванычъ (французскій языкъ, какъ извѣстно, есть нѣчто въ родѣ чина въ Россіи), и барскіе пріемы заставили его повысить нѣсколько мнѣніе о новопріѣзжихъ.

— Чѣмъ могу я служить вамъ? спросилъ онъ.

Вопросъ этотъ не затруднилъ Петра Иваныча. Онъ выразилъ желаніе имѣть комнаты, чай, самоваръ, ужинъ, обѣдъ, пищу для прислуги, однимъ словомъ, тѣ вещи, для которыхъ и существуютъ гостинницы, и когда г-нъ Chevalier, удивленный невинностью старичка, полагавшаго, должно быть, что онъ находится въ Трухменской степи, или полагавшаго, что всѣ эти вещи ему будутъ отпускаться даромъ, объявилъ, что все это можно имѣть, Петръ Иванычъ пришелъ въ восторженное состояніе.

— Вотъ это прекрасно! очень хорошо! Такъ мы и устроимъ. Ну, такъ пожалуйста...

Но ему стало совѣстно все говорить о себѣ, и онъ сталъ разспрашивать г-на Chevalier о его семействѣ и дѣлахъ. Сер-

Digitized by Google

гѣй Петровичъ, вернувшись въ комнату, казалось, не одобрялъ обращенія своего батюшки; онъ замѣчалъ неудовольствіе хозяина, и напомнилъ о банѣ. Но Петръ Иванычъ былъ заинтересованъ вопросомъ о томъ, какъ могла французская гостинница идти въ Москвѣ въ 56 году, и какъ проводила свое время m-me Chevalier. Наконецъ самъ хозяинъ поклонился и спросилъ—не прикажутъ ли чего?

— Будемъ пить чай, Наташа? Да? Такъ чаю, пожалуйста, а мы еще поговоримъ съ вами, мой любезный monsieur. Какой славный человѣкъ!

— А въ баню, папа?

— Ахъ да, такъ не надобно чаю.

Такъ что единственный результатъ бесѣды съ новопріѣзжимъ былъ отнятъ у хозяина. За то Петръ Иванычъ былъ теперь гордъ и счастливъ своимъ устройствомъ. Ямщики, пришедшіе просить на водку, разстроили его было тѣмъ, что у Сережи не было мелочи, и Петръ Иванычъ хотѣлъ было опять посылать за хозяиномъ, но счастливая мысль, что не ему одному надо быть веселымъ этотъ вечеръ, вывела его изъ затрудненія. Онъ взялъ двѣ трехрублевыхъ бумажки, и вжавъ въ руку одному ямщику одну бумажку, сказалъ: «вотъ вамъ» (Петръ Иванычъ имѣлъ привычку говорить «*вы*» всѣмъ безъ исключенія, кромѣ членовъ своего семейства); «а вотъ вамъ, сказалъ онъ, передавая другому ямщику бумажку изъ ладони въ ладонь, въ родѣ того, какъ это дѣлаютъ платя докторамъ за визиты.

Послѣ обдѣлки всѣхъ этихъ дѣлъ, его повезли въ баню.

Соня какъ сидѣла на диванѣ,—подставила руку подъ голову и засмѣялась.—«Ахъ, какъ хорошо, мама! Ахъ, какъ хорошо!» Потомъ она положила ноги на диванъ, повытянулась, поправилась, и такъ и заснула крѣпкимъ, неслышнымъ сномъ здоровой 18-ти лѣтней дѣвушки, послѣ $1^1/_2$ мѣсяцевъ дороги. Наталья Николаевна, все еще разбиравшаяся въ своей спальнѣ, услыхала, вѣрно, своимъ материнскимъ ухомъ, что Соня не шевелится, и вышла взглянуть. Она взяла подушку, и поднявъ своей большой, бѣлой рукой раскраснѣвшуюся,

Digitized by Google

спутанную голову дѣвушки, положила ее на подушку. Соня глубоко, глубоко вздохнула, повела плечами, и положила свою голову на подушку, не сказавъ mercі, какъ будто это само собой такъ сдѣлалось.

— Не на ту, не на ту, Гавриловна, Катя, тотчасъ же заговорила Наталья Николаевна, обращаясь къ дѣвушкамъ, стелившимъ постель, и одной рукой, какъ будто мимоходомъ оправляя взбившіеся волосы дочери. Не останавливаясь и не торопясь, Наталья Николаевна убиралась, и къ пріѣзду мужа и сына все было готово: сундуковъ ужь не было въ комнатахъ; въ спальнѣ Пьера все было такъ же, какъ было десятки лѣтъ въ Иркутскѣ: халатъ, трубка, табакерка, вода съ сахаромъ, Евангеліе, которое онъ читалъ на ночь, и даже образокъ прилипъ какъ-то надъ кроватью на пышныхъ обояхъ комнатъ Шевалье, который не употреблялъ этого украшенія, но которое явилось въ этотъ вечеръ во всѣхъ комнатахъ 3-го отдѣленія гостинницы.

Наталья Николаевна, убравшись, оправила свои, несмотря на дорогу, чистые воротнички и рукавчики, причесалась, и сѣла противъ стола. Ея прекрасные, черные глаза устремились куда-то далеко; она смотрѣла и отдыхала. Она, казалось, отдыхала не отъ одного раскладыванья, не отъ одной дороги, не отъ однихъ тяжелыхъ годовъ, она отдыхала, казалось, отъ цѣлой жизни, и та даль, въ которую она смотрѣла, на которой представлялись ей живыя, любимыя лица, и была тотъ отдыхъ, котораго она желала. Былъ ли это подвигъ любви, который она совершила для своего мужа, та ли любовь, которую она пережила къ дѣтямъ, когда они были малы, была ли это тяжелая потеря или это была особенность ея характера, только всякій, взглянувъ на эту женщину, долженъ былъ понять, что отъ нея ждать нечего, что она уже давно когда-то положила всю себя въ жизнь, и что ничего отъ нея не осталось. Осталось достойное уваженія что-то прекрасное и грустное, какъ воспоминаніе, какъ лунный свѣтъ.

Нельзя было себѣ представить ее иначе, какъ окружен-

ТИП. Р. ГОЛИКЕ.

Digitized by Google

ную почтеніемъ и всѣми удобствами жизни. Чтобъ она когда-нибудь была голодна и ѣла бы жадно, или чтобы на ней было грязное бѣлье, или чтобы она спотыкнулась, или забыла бы высморкаться—этого не могло съ ней случиться. Это было физически невозможно. Отчего это такъ было—не знаю, но всякое ея движеніе было величавость, грація, милость для всѣхъ тѣхъ, которые могли пользоваться ея видомъ... Sie pflegen und weben himmlische Rosen ins irdische Leben. Она знала этотъ стихъ и любила его, но не руководилась имъ. Вся натура ея была выраженіемъ этой мысли, вся жизнь ея была однимъ этимъ безсознательнымъ вплетаніемъ невидимыхъ розъ въ жизнь всѣхъ людей, съ которыми она встрѣчалась. Она поѣхала за мужемъ въ Сибирь только потому, что она его любила; она не думала о томъ, что она можетъ сдѣлать для него, и невольно дѣлала все: стелила ему постель, укладывала его вещи, готовила обѣдъ и чай, а главное, была всегда тамъ, гдѣ онъ былъ, и больше счастія ни одна женщина не могла бы дать своему мужу.

Въ гостиной кипѣлъ самоваръ на кругломъ столѣ. Передъ нимъ сидѣла Наталья Николаевна. Соня морщилась и улыбалась подъ рукой матери, щекотавшей ее, когда отецъ и сынъ съ сморщенными оконечностями пальцевъ и лоснящимися щеками и лбами (у отца особенно блестѣла лысина), съ распушившимися бѣлыми и черными волосами и сіяющими лицами вошли въ комнату.

— Свѣтлѣе стало, какъ вы вошли, сказала Наталья Николаевна.—Батюшки, какъ бѣлъ!

Она говорила это десятки лѣтъ каждую субботу, и каждую субботу Пьеръ испытывалъ при этомъ застѣнчивость и удовольствіе. Они сѣли за столъ, запахло чаемъ, трубкой, заговорили голоса родителей, дѣтей и слугъ, которые въ той же комнатѣ получили свои чашки. Вспоминали смѣшное, случившееся дорогой, восхищались прической Сони, смѣялись. Географически всѣ они были перенесены за 5,000 верстъ въ совсѣмъ другую, чуждую среду, но нравственно, они этотъ вечеръ еще были дома, тѣми же самыми, какими сдѣлала ихъ особенная,

Digitized by Google

долгая, уединенная, семейная жизнь. Того ужь не будетъ завтра.

Петръ Иванычъ подсѣлъ къ самовару и закурилъ свою трубку. Онъ не веселъ былъ.

— Ну, вотъ мы и пріѣхали, сказалъ онъ,—и я радъ, что мы нынче никого не увидимъ; этотъ вечеръ еще послѣдній проведемъ въ семействѣ... и онъ запилъ эти слова большимъ глоткомъ чаю.

— Отчего же послѣдній, Пьеръ?

— Отчего? Оттого что орлята выучились летать, имъ самимъ нужно вить свои гнѣзда, и отсюда они полетятъ каждый въ свою сторону...

— Вотъ пустяки, сказала Соня, принимая у него стаканъ и улыбаясь, какъ она всему улыбалась:—старое гнѣздо отлично.

— Старое гнѣздо—печальное гнѣздо; старикъ не умѣлъ свить его—онъ попалъ въ клѣтку, въ клѣткѣ вывелъ дѣтей, и выпустили его тогда, какъ ужь крылья его плохо носить стали. Нѣтъ, орлятамъ надо свить себѣ гнѣздо выше, счастливѣе, ближе къ солнцу; затѣмъ они его дѣти, чтобъ примѣръ послужилъ имъ; а старый, пока не ослѣпнетъ, будетъ глядѣть, а ослѣпнетъ, будетъ слушать... Налей рому, еще, еще... довольно.

— Посмотримъ, кто кого оставитъ, отвѣчала Соня, бѣгло взглянувъ на мать, какъ будто ей совѣстно было говорить при ней:—посмотримъ, кто кого оставитъ, продолжала она.— За себя я не боюсь и за Сережу тоже! (Сережа ходилъ по комнатѣ, и размышлялъ о томъ, какъ ему завтра заказать платье—самому пойти или послать за портнымъ; его не интересовалъ разговоръ Сони съ отцомъ)... Соня засмѣялась.

— Что ты? Что? спросилъ отецъ.

— Ты моложе насъ, папа. Гораздо, право, сказала она и опять засмѣялась.

— Каково! сказалъ старикъ, и строгія морщины его сложились въ нѣжную и вмѣстѣ презрительную улыбку.

Наталья Николаевна наклонилась изъ-за самовара, который мѣшалъ ей видѣть мужа.

Digitized by Google

— Правда Сонина: тебѣ все еще 16 лѣтъ, Пьеръ. Сережа моложе чувствами, но душой ты моложе его. Что онъ сдѣлаетъ, я могу предвидѣть, но ты еще можешь удивить меня.

Сознавался ли онъ въ справедливости этого замѣчанія, или, польщенный имъ, онъ не зналъ, что отвѣчать, старикъ молча курилъ, запивалъ чаемъ, и только блестѣлъ глазами. Сережа же, съ свойственнымъ эгоизмомъ молодости, теперь только заинтересованный тѣмъ, что сказали объ немъ, вступилъ въ разговоръ и подтвердилъ то, что онъ дѣйствительно старъ, что пріѣздъ въ Москву и новая жизнь, которая открывается передъ нимъ, нисколько не радуетъ его, что онъ спокойно обдумываетъ и предусматриваетъ будущее.

— Все-таки послѣдній вечеръ, повторилъ Петръ Иванычъ.—Завтра ужь того не будетъ... и онъ еще подлилъ себѣ рому. И долго онъ еще сидѣлъ за чайнымъ столомъ съ такимъ видомъ, какъ будто многое ему хотѣлось сказать, да некому было слушать. Онъ подвинулъ-было къ себѣ ромъ, но дочь потихоньку унесла бутылку.

ГЛАВА II.

Когда г-нъ Шевалье, ходившій наверхъ устроивать гостей, вернувшись къ себѣ сообщилъ замѣчанія насчетъ новопріѣзжихъ своей подругѣ жизни, въ кружевахъ и шелковомъ платьѣ сидѣвшей по парижскому манеру за конторкой, въ той же комнатѣ сидѣло нѣсколько привычныхъ посѣтителей заведенія. Сережа, бывшій внизу, замѣтилъ эту комнату и ея посѣтителей. Вы, вѣрно, тоже замѣтили ее, ежели бывали въ Москвѣ.

Ежели вы скромный мужчина, не знающій Москвы, опоздали на званый обѣдъ, ошиблись разсчетомъ, что гостеприимные москвичи васъ позовутъ обѣдать и васъ не позвали, или просто хотите пообѣдать въ лучшей гостинницѣ, вы входите въ лакейскую. Три или четыре лакея вскакиваютъ, одинъ

Digitized by Google

изъ нихъ снимаетъ съ васъ шубу и поздравляетъ съ новымъ годомъ, съ масляницей, съ пріѣздомъ, или просто замѣчаетъ, что давно вы не бывали, хоть вы и никогда не бывали въ этомъ заведеніи. Вы входите и первый бросается вамъ въ глаза накрытый столъ, уставленный, какъ вамъ въ первую минуту кажется, безчисленнымъ количествомъ аппетитныхъ яствъ. Но это только оптическій обманъ, ибо на этомъ столѣ большую часть мѣста занимаютъ въ перьяхъ фазаны, морскіе раки—невареные, коробочки съ духами, помадой и стклянки съ косметиками и конфектами. Только съ краюшка, поискавъ хорошенько, вы найдете водку и кусокъ хлѣба съ масломъ и рыбкой, подъ проволочнымъ колпакомъ отъ мухъ, совершенно безполезнымъ въ Москвѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ, но за то точно такимъ же, какіе употребляются въ Парижѣ. Далѣе, за столомъ вы видите впереди себя комнату, въ которой за конторкой сидитъ француженка, весьма противной наружности, но въ чистѣйшихъ рукавчикахъ и въ прелестнѣйшемъ модномъ платьѣ. Подлѣ француженки вамъ представится разстегнутый офицеръ, закусывающій водку, статскій, читающій газету и чьи-нибудь военныя или статскія ноги, лежащія на бархатномъ стулѣ, и послышатся французскій говоръ и болѣе или менѣе искренній, громкій хохотъ. Ежели вамъ захочется знать, что дѣлается въ этой комнатѣ, то я бы совѣтовалъ не входить въ нее, а только заглянуть, какъ будто проходя мимо, чтобы взять тартинку. Иначе вамъ не поздоровится отъ вопросительнаго молчанія и взглядовъ, которые устремятъ на васъ привычные обитатели комнаты, и вѣроятно вы, поджавши хвостъ, поспѣшите къ одному изъ столовъ въ большую залу или зимній садъ. Въ этомъ вамъ никто не помѣшаетъ. Эти столы для всѣхъ, и тамъ въ одиночествѣ можете называть Дея гарсономъ и заказывать трюфелей сколько вамъ угодно. Комната же съ француженкой существуетъ для избранной, *золотой* московской молодежи, и попасть въ число избранныхъ не такъ легко, какъ вамъ кажется.

Г-нъ Шевалье, возвратившись въ эту комнату, сказалъ супругѣ, что господинъ изъ Сибири скученъ, но за то сынъ

Digitized by Google

и дочь такіе молодцы, какихъ только въ Сибири можно выкормить.

— Вы бы посмотрѣли на дочь, что это за розанчикъ!

— О! онъ любитъ свѣженькихъ женщинъ, этотъ старикъ, сказалъ одинъ изъ гостей, курившій сигару.

(Разговоръ, разумѣется, происходилъ на французскомъ языкѣ, но я передаю его по русски, что и постоянно буду дѣлать впродолженіи этой исторіи).

— О! очень люблю! отвѣчалъ г-нъ Шевалье.—Женщины—моя страсть. Вы не вѣрите?

— Слышите, m-me Chevalier, закричалъ толстый казацкій офицеръ, который много былъ долженъ въ заведеньи, и любилъ бесѣдовать съ хозяиномъ.

— Да вотъ онъ раздѣляетъ мой вкусъ, сказалъ Chevalier, потрепавъ толстяка по эполетѣ.

— И точно хороша эта сибирячка?

Chevalier сложилъ свои пальцы и поцѣловалъ ихъ.

Вслѣдъ за тѣмъ между посѣтителями разговоръ сдѣлался конфиденціальный и очень веселый. Дѣло шло о толстякѣ: онъ улыбаясь слушалъ то, что про него разсказывали.

— Можно ли имѣть такіе превратные вкусы? закричалъ одинъ сквозь смѣхъ.—M-lle Clarisse! вы знаете, Струговъ изъ женщинъ лучше всего любитъ куриныя ляжки.

Хотя и не понимая соли этого замѣчанія, m-lle Clarisse залилась изъ-за конторки смѣхомъ, настолько серебристымъ, на сколько позволяли ей дурные зубы и преклонныя лѣта. — Сибирская барышня навела его на такія мысли? и всѣ еще больше расхохотались. Самъ m-r Chevalier помиралъ со смѣху, приговаривая: «Ce vieux coquin», и трепя по головѣ и плечамъ казацкаго офицера.

— Да кто они, эти сибиряки: заводчики или купцы? спросилъ одинъ изъ господъ во время затиханія смѣха.

— Никитъ! спрашивайтъ у господа, которые пріѣхалъ, подорожній, сказалъ m-r Chevalier. «Мы, Александръ, Самодержесъ...» началъ было читать г-нъ Chevalier принесенную

Digitized by Google

подорожную, но казацкій офицеръ вырвалъ у него бумагу, и лицо его вдругъ выразило удивленіе.

— Ну, угадайте, кто это? сказалъ онъ,—и всѣ вы хоть по слухамъ знаете.

— Ну, какъ же угадать, покажи. Ну, Абдель Кадеръ, ха, ха, ха... Ну, Каліостро... Ну, Петръ III... ха, ха, ха, ха.

— Ну, прочти же.

Казацкій офицеръ развернулъ бумагу, прочелъ «бывшій Князь Петръ Ивановичъ» и одну изъ тѣхъ русскихъ фамилій, которую всякій знаетъ, и всякій произноситъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ и удовольствіемъ, ежели говоритъ о лицѣ носящемъ эту фамилію, какъ о лицѣ близкомъ или знакомомъ. Мы будемъ называть его Лабазовымъ. Казацкій офицеръ смутно помнилъ, что этотъ Петръ Лабазовъ былъ чѣмъ-то знаменитымъ въ 25-мъ году, и что онъ былъ сосланъ въ каторжную работу, — но чѣмъ онъ былъ знаменитъ, онъ не зналъ хорошенько. Другіе же никто и этого не знали и отвѣтили: «А! да, извѣстный» точно такъ же, какъ бы они сказали: «какже, извѣстный!» про Шекспира, который написалъ «Энеиду». Больше же они узнали его потому, что толстякъ объяснилъ имъ, что онъ братъ князя Ивана, дядя Чикиныхъ, графини Прукъ, ну, извѣстный...

— Вѣдь онъ долженъ быть очень богатъ, коли онъ братъ князя Ивана, замѣтилъ одинъ изъ молодыхъ.—Ежели ему возвратили состояніе. Нѣкоторымъ возвратили.

— Сколько ихъ наѣхало теперь, этихъ сосланныхъ! замѣтилъ другой,—право, ихъ меньше, кажется, было сослано, чѣмъ вернулось. Да, Жикинскій, раскажи-ка эту исторію за 18-е число, обратился онъ къ офицеру стрѣлковаго полка, слывшему за мастера разсказывать.

— Ну, разскажи же.

— Вопервыхъ, это истинная правда, и случилось здѣсь у Шевалье, въ большой залѣ. Приходятъ человѣка три декабристовъ обѣдать. Сидятъ у одного стола, ѣдятъ, пьютъ, разговариваютъ. Только напротивъ ихъ усѣлся господинъ почтенной наружности, такихъ же лѣтъ, и все прислуши-

Digitized by Google

вается, какъ они про Сибирь что-нибудь скажутъ. Только онъ что-то спросилъ, слово за слово, разговорились, оказывается, что онъ тоже изъ Сибири.

— «И Нерчинскъ знаете?

— «Какже, я жилъ тамъ.

— «И Татьяну Ивановну знаете?

— «Какъ же не знать!

— «Позвольте спросить, вы тоже сосланы были?

— «Да, имѣлъ несчастіе пострадать; а вы?

— «Мы всѣ сосланные 14-го Декабря. Странно, что мы васъ не знаемъ, ежели вы тоже за 14-е. Позвольте узнать вашу фамилію?

— «Федоровъ.

— «Тоже за 14?

— «Нѣтъ, я за 18-е.

— «Какъ за 18-е?

— «За 18-е Сентября, за золотые часы. Былъ оклеветанъ будто укралъ, и пострадалъ невинно».

Всѣ покатились со смѣха, исключая разсказчика, который, съ пресерьезнымъ лицомъ оглядывая въ лоскъ положенныхъ слушателей, божился, что это была истинная исторія.

Скоро послѣ разсказа одинъ изъ золотыхъ молодыхъ людей всталъ и поѣхалъ въ клубъ. Пройдясь по заламъ, установленнымъ столами съ старичками играющими въ ералашъ, повернувшись въ инфернальной, гдѣ ужь знаменитый «Пучинъ» началъ свою партію противъ «компаніи», постоявъ нѣсколько времени и у одного изъ биллiардовъ, около котораго, хватаясь за бортъ, сѣменилъ важный старичекъ и елеле попадалъ въ свой шаръ, и заглянувъ въ библіотеку, гдѣ какой-то генералъ степенно читалъ черезъ очки, далеко держа отъ себя газету, и записанный юноша, стараясь не шумѣть, пересматривалъ подъ-рядъ всѣ журналы, золотой молодой человѣкъ подсѣлъ на диванъ въ биллiардной къ играющимъ въ табельку, такимъ же, какъ онъ, позолоченнымъ молодымъ людямъ. Былъ обѣденный день и было много господъ, всегда посѣщающихъ клубъ. Въ числѣ ихъ былъ Иванъ Ва-

Digitized by Google

виловичъ Пахтинъ. Это былъ мужчина лѣтъ 40,, средняго роста, бѣлый, полный, съ широкими плечами и тазомъ, съ голой головой и глянцовитымъ, счастливымъ, выбритымъ лицомъ. Онъ не игралъ въ табельку, но такъ подсѣлъ къ князю Д., съ которымъ онъ былъ на ты, и не отказался отъ стакана шампанскаго, которое ему предложили. Онъ такъ хорошо помѣстился послѣ обѣда, незамѣтно распустивъ сзади гульфикъ, что, казалось бы, вѣкъ просидѣлъ такъ, покуривая сигару, запивая шампанское, и чувствуя близкое присутствіе князей и графовъ, министерскихъ дѣтей. Извѣстіе о пріѣздѣ Лабазовыхъ нарушило его спокойствіе.

— Куда ты, Пахтинъ? сказалъ министерскій сынъ, замѣтивъ между игрой, что Пахтинъ привсталъ, одернулъ жилетъ, и большимъ глоткомъ допилъ шампанское.

— Сѣверниковъ просилъ, сказалъ Пахтинъ, чувствуя какое-то безпокойство въ ногахъ,—что же, поѣдешь?...

«Анастасья, Анастасья, отворяй-ка ворота». Это была извѣстная, въ ходу цыганская пѣсня.

— Можетъ быть. А ты?

— Куда мнѣ, женатому старику...

— Ну!..

Пахтинъ, улыбаясь, пошелъ въ стеклянную залу къ Сѣверникову. Онъ любилъ, чтобъ послѣднее слово, имъ сказанное, было шуточка. И теперь такъ вышло.

— Что, какъ здоровье графини? спросилъ онъ, подходя къ Сѣверникову, который вовсе не звалъ его, но которому, по нѣкоторымъ соображеніямъ Пахтина, нужнѣе всѣхъ было узнать о пріѣздѣ Лабазовыхъ. Сѣверниковъ былъ немножко замѣшанъ въ 14-хъ числахъ и пріятель со всѣми декабристами. Здоровье графини было гораздо лучше, и Пахтинъ былъ очень радъ этому.

— А вы не знаете, Лабазовъ пріѣхалъ нынче, у Шевалье остановился.

— Что вы говорите! Вѣдь мы старые пріятели. Какъ я радъ! Какъ я радъ! Постарѣлъ, я думаю, бѣдняга? Его жена писала моей женѣ...

Digitized by Google

Но Сѣверниковъ не досказалъ, что она писала, потому что его партнеры, разыгрывавшіе безкозырную, сдѣлали что-то не такъ. Говоря съ Иваномъ Павловичемъ, онъ все косился на нихъ, но теперь вдругъ бросился всѣмъ туловищемъ на столъ, и стуча по немъ руками, доказалъ, что надо было играть съ семерки. Иванъ Павловичъ всталъ и, подойдя къ другому столу, сообщилъ между разговоромъ другому почтенному человѣку свою новость, опять всталъ и у третьяго стола сдѣлалъ то же. Почтенные люди всѣ были очень, очень рады возвращенію Лабазова, такъ что, опять вернувшись въ билліардную, Иванъ Павловичъ, сначала сомнѣвавшійся, нужно или нѣтъ радоваться возвращенію Лабазова, уже болѣе не употреблялъ введенія о балѣ, статьѣ «Вѣстника», здоровьѣ и погодѣ, а прямо приступалъ ко всѣмъ съ восторженнымъ объявленіемъ о благополучномъ возвращеніи знаменитаго декабриста.

Старичекъ, все еще тщетно пытавшійся ткнуть кіемъ въ своего бѣлаго шара, долженъ былъ, по мнѣнію Пахтина, быть очень обрадованъ извѣстіемъ. Онъ подошелъ къ нему. «Хорошо поигрываете, ваше высокопревосходительство?» сказалъ онъ въ то время, какъ старичекъ сунулъ свой кій въ красный жилетъ маркера, означая этимъ желаніе помѣлить.

«Ваше высокопревосходительство» было сказано совсѣмъ не такъ, какъ вы думаете, изъ подобострастія (нѣтъ, это не мода въ 56-мъ году). Иванъ Павловичъ называлъ просто по имени и отчеству этого старичка, а это было сказано частью какъ шутка надъ тѣми, кто такъ говоритъ, частью, чтобы дать знать, что мы знаемъ съ кѣмъ говоримъ, и все-таки рѣзвимся, немножко и взаправду; вообще это было очень тонко.

— Сейчасъ узналъ—Петръ Лабазовъ пріѣхалъ. Прямо изъ Сибири пріѣхалъ, со всѣмъ семействомъ... эти слова произнесъ Пахтинъ въ то самое время, какъ старичекъ опять промахнулся въ своего шара, такое ему несчастье было.

— Ежели онъ пріѣхалъ такимъ же взбалмошнымъ, какимъ поѣхалъ, такъ нечему радоваться, угрюмо сказалъ старичекъ, раздраженный своей непонятной неудачей.

Digitized by Google

Этотъ отзывъ смутилъ Иванъ Павловича, онъ опять не зналъ, слѣдовало ли или нѣтъ радоваться пріѣзду Лабазова, и чтобы окончательно разрѣшить свои сомнѣнія, онъ направилъ шаги свои въ комнату, гдѣ собирались умные люди разговаривать и знали значеніе и цѣну всякой вещи, и все знали, однимъ словомъ. Иванъ Павловичъ былъ въ тѣхъ же пріятныхъ отношеніяхъ съ посѣтителями умной комнаты, какъ и съ золоченой молодежью и сановитыми особами. Правда, у него не было своего особаго мѣста въ умной комнатѣ, но никто не удивился, когда онъ вошелъ и сѣлъ на диванъ. Рѣчь шла о томъ, въ какомъ году и по какому случаю произошла ссора между двумя русскими журналистами. Выждавъ минуту молчанья, Иванъ Павловичъ сообщилъ свою новость не такъ, какъ радость, не такъ, какъ незначущее событіе, а такъ, какъ будто къ разговору. Но тотчасъ, по тому какъ «умные» (я употребляю «умные», какъ прозваніе посѣтителей «умной» комнаты) приняли его новость и стали обсуждать ее, тотчасъ Иванъ Павловичъ понялъ, что сюда-то именно и слѣдовала эта новость, и здѣсь только она получитъ такую обработку, что можно будетъ везти ее дальше и savoir à quoi s'en tenir.

— Только Лабазова недоставало, сказалъ одинъ изъ «умныхъ»,—теперь изъ живыхъ декабристовъ всѣ вернулись въ Россію.

— Онъ былъ «одинъ изъ стаи славныхъ»... сказалъ Пахтинъ еще выпытывающимъ тономъ, готовый на то, чтобы эту цитату сдѣлать шуточной и серьезной.

— Какже, Лабазовъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей того времени, началъ «умный».—Въ 1819 году онъ былъ прапорщикомъ Семеновскаго полка, и былъ посланъ за границу съ депешами къ герцогу З. Потомъ онъ вернулся, и въ 24-мъ году былъ принятъ въ первую масонскую ложу. Всѣ тогдашніе масоны собирались у Д. и у него. Вѣдь онъ очень богатъ былъ. Князь Ж., Федоръ Д., Иванъ П., это были его ближайшіе друзья. И тутъ дядя его князь Висаріонъ, чтобы удалить молодого человѣка отъ этого общества, перевезъ его въ Москву.

Digitized by Google

— Извините, Николай Степановичъ, перебилъ другой «умный»,—мнѣ кажется, что это было въ 23-мъ году, потому что Висаріонъ Лабазовъ назначенъ былъ командиромъ 3-го корпуса въ 24-мъ году, и былъ въ Варшавѣ. Онъ приглашалъ его къ себѣ въ адъютанты, и послѣ отказа ужь перевелъ его. Впрочемъ извините, я васъ перебилъ.

— Ахъ, нѣтъ, сдѣлайте одолженіе.

— Нѣтъ, пожалуйста.

— Нѣтъ, сдѣлайте одолженіе, вы должны это знать лучше меня, и притомъ память ваша и знанія достаточно доказаны здѣсь.

— Въ Москвѣ онъ противъ желанія дяди вышелъ въ отставку, продолжалъ тотъ, чья память и знанія были доказаны,—и тамъ вкругъ него образовалось второе общество, котораго онъ былъ родоначальникомъ и сердцемъ, ежели можно такъ выразиться. Онъ былъ богатъ, хорошъ собой, уменъ, образованъ; любезенъ, говорятъ, былъ удивительно. Мнѣ еще тетка говаривала, что она не знавала человѣка обворожительнѣе его. И тутъ-то онъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до бунта, женился на Кринской.

— Дочь Николая Кринскаго, тотъ, что при Бородино—ну, извѣстный, перебилъ кто-то.

— Ну, да. Ея-то огромное состояніе у него осталось теперь, а его собственное, родовое перешло меньшому брату князю Ивану, который теперь оберъ-гофъ-кафермейстеръ (онъ назвалъ что-то въ этомъ родѣ) и былъ министромъ.

— Лучше всего его поступокъ съ братомъ, продолжалъ разсказчикъ.—Когда его взяли, то одно, что онъ успѣлъ уничтожить, это—письма и бумаги брата.

— Развѣ братъ былъ замѣшанъ?

Разсказчикъ не отвѣтилъ: даже сжалъ губы, и мигнулъ значительно.

— Потомъ на всѣхъ допросахъ Петръ Лабазовъ постоянно отпирался во всемъ, что касалось брата, и за это пострадалъ больше другихъ. Но что лучше всего, что князь Иванъ получилъ все имѣнье, и ни одного гроша не послалъ брату.

Digitized by Google

— Говорили, что Петръ Лабазовъ самъ отказался? замѣтилъ одинъ изъ слушателей.

— Да, но отказался только потому, что князь Иванъ передъ коронаціей писалъ ему, и извинялся, что ежели бы не онъ взялъ, то имѣнье конфисковали бы, а что у него дѣти и долги, и что теперь онъ не въ состояніи возвратить ничего. Петръ Лабазовъ отвѣчалъ двумя строками: «Ни я, ни наслѣдники мои не имѣемъ и не хотимъ имѣть никакихъ правъ на закономъ вамъ присвоенное имѣнье». И больше ничего. Каково? И князь Иванъ проглотилъ, и съ восторгомъ заперъ этотъ документъ съ векселями въ шкатулку и никому не показывалъ.

Одна изъ особенностей умной комнаты состояла въ томъ, что посѣтители ея знали, когда хотѣли знать, все, что дѣлалось на свѣтѣ, какъ бы тайно оно ни происходило.

— Впрочемъ это вопросъ, сказалъ новый собесѣдникъ, — справедливо ли было отнять отъ дѣтей князя Ивана состояніе, при которомъ они выросли и были воспитаны, и на которое полагали, что имѣли право.

Разговоръ такимъ образомъ былъ перенесенъ въ отвлеченную сферу, не интересовавшую Пахтина. Онъ почувствовалъ необходимость свѣжимъ людямъ сообщить новость, всталъ и, медленно заговаривая направо и налѣво, пошелъ по заламъ. Одинъ изъ его сослуживцевъ остановилъ его, чтобы сообщить новость о пріѣздѣ Лабазовыхъ.

— Кто же этого не знаетъ! отвѣчалъ Иванъ Павловичъ, спокойно улыбаясь, и направился къ выходу. Новость уже совершила свой кругъ и опять возвращалась къ нему.

Въ клубѣ было больше нечего дѣлать, онъ отправился на вечеръ. Это былъ не званый вечеръ, а салонъ, въ которомъ принимали каждый день. Было человѣкъ 8 дамъ и одинъ старый полковникъ, и всѣмъ было ужасно скучно. Уже одна твердая походка и улыбающееся лицо Пахтина развеселили дамъ и дѣвицъ. Новость же была тѣмъ болѣе кстати, что въ салонѣ была старая графиня Фуксъ съ дочерью. Когда Пахтинъ разсказалъ почти слово въ слово все, что онъ слы-

Digitized by Google

шалъ въ «умной» комнатѣ, m-me Фуксъ, покачивая головой и удивляясь своей старости, стала вспоминать, какъ она выѣзжала вмѣстѣ съ Наташей Кринской, теперешней Лабазовой.

— Ея замужество очень романическая исторія, и все это было на моихъ глазахъ. Наташа была почти обручена съ Мятлинымъ, который послѣ былъ убитъ на дуэли съ Дебра. Только въ это время пріѣзжаетъ въ Москву князь Петръ, влюбляется въ нее и дѣлаетъ предложеніе. Только отецъ, которому очень хотѣлось Мятлина, и вообще Лабазова боялись какъ масона, отецъ отказалъ. Только молодой человѣкъ продолжаетъ ее видѣть на балахъ, вездѣ, сдружается съ Мятлинымъ, проситъ его отказаться. Мятлинъ соглашается, онъ ее уговариваетъ бѣжать. Она тоже соглашается, но послѣднее раскаяніе (разговоръ происходилъ по-французски), она идетъ къ отцу, и говоритъ, что все готово къ бѣгству, и что она могла его оставить, но надѣется на его великодушіе. И въ самомъ дѣлѣ отецъ простилъ ее, всѣ за нее просили, и далъ согласіе. Вотъ такъ и сдѣлалась эта свадьба, и веселая была свадьба. Кто изъ насъ думалъ, что черезъ годъ она поѣдетъ за нимъ въ Сибирь! Она единственная дочь, самая богатая, самая красивая тогдашняго времени. Императоръ Александръ всегда замѣчалъ ее на балахъ, сколько разъ танцовалъ съ ней. У графини Г. былъ bal costumé, какъ теперь помню, и она была неаполитанкой, удивительно хороша! Онъ всегда, пріѣзжая въ Москву, спрашивалъ: «que fait la belle «Napolitaine?» И вдругъ эта женщина въ такомъ положеніи (она дорогой родила) ни минуты не задумалась, ничего не приготовила, не собрала вещи, и какъ была, когда его взяли, такъ и поѣхала за нимъ за 5,000 верстъ.

— О! Удивительная женщина! сказала хозяйка.

— И онъ, и она, это рѣдкіе люди были, сказала еще другая дама.—Мнѣ говорили, не знаю, правда ли, что въ Сибири вездѣ, гдѣ они работали въ рудникахъ, или какъ это называется, такъ эти колодники, которые съ ними были, исправлялись отъ нихъ.

— Да она никогда не работала въ рудникахъ, поправилъ Пахтинъ.

Digitized by Google

Что значилъ 56 годъ! Три года тому назадъ никто не думалъ о Лабазовыхъ, и ежели вспоминалъ о нихъ, то съ тѣмъ безотчетнымъ чувствомъ страха, съ которымъ говорятъ о новоумершихъ, теперь же какъ живо вспоминались всѣ прежнія отношенія, всѣ прекрасныя качества, и каждая изъ дамъ уже придумывала планъ, какъ бы получить монополію Лабазовыхъ, и ими угащивать другихъ гостей.

— Сынъ и дочь пріѣхали съ ними, сказалъ Пахтинъ.

— Ежели только они такъ же хороши, какъ была мать, сказала графиня Фуксъ,—впрочемъ и отецъ былъ очень, очень хорошъ.

— Какъ они могли воспитать тамъ своихъ дѣтей? сказала хозяйка дома.

— Говорятъ, прекрасно. Говорятъ, молодой человѣкъ такъ хорошъ, любезенъ, образованъ, какъ будто выросъ въ Парижѣ.

— Я предсказываю большой успѣхъ молодой особѣ, сказала одна некрасивая дѣвица.—Всѣ эти сибирскія дамы имѣютъ что-то очень пріятно-тривіальное, но которое очень нравится.

— Да, да, сказала другая дѣвица.

— Вотъ еще богатая невѣста прибавилась, сказала третья дѣвица.

Старый полковникъ нѣмецкаго происхожденія, три года тому назадъ пріѣхавшій въ Москву, чтобы жениться на богатой, рѣшилъ, чтобъ какъ можно скорѣе, пока молодежь еще не знаетъ, представиться и сдѣлать предложеніе. Дѣвицы и дамы почти то же самое думали насчетъ сибирскаго молодого человѣка. «Должно быть, это-то и есть мой суженый,—подумала дѣвица, тщетно выѣзжающая уже восьмой годъ.—Должно быть, къ лучшему было, что тотъ глупый кавалергардъ такъ и не сдѣлалъ мнѣ предложенія. Я бы, вѣрно, была несчастлива». «Ну! опять пожелтѣютъ всѣ отъ злости, когда еще этотъ въ меня влюбится», подумала молодая и красивая дама.

Говорятъ о провинціализмѣ маленькихъ городовъ—нѣтъ хуже провинціализма высшаго общества. Тамъ нѣтъ новыхъ

Digitized by Google

лицъ, но общество готово принять всякія новыя лица, ежели бы они явились; здѣсь же рѣдко, рѣдко, какъ теперь Лабазовы, признаны принадлежащими къ кругу и приняты, и сенсація, производимая этими новыми лицами, сильнѣе, чѣмъ въ уѣздномъ городѣ.

ГЛАВА III.

— Москва-то, Москва-то, матушка бѣлокаменная, сказалъ Петръ Иванычъ, протирая утромъ глаза, и прислушиваясь къ звону колоколовъ, стоявшему надъ Газетнымъ переулкомъ.

Ничто такъ живо не воскрешаетъ прошедшаго, какъ звуки, и эти колокольные, московскіе звуки, соединенные съ видомъ бѣлой стѣны изъ окна и стукомъ колесъ, такъ живо напомнили ему не только ту Москву, которую онъ зналъ 35 лѣтъ тому назадъ, но и ту Москву съ Кремлемъ, теремами, Иванами и т. д., которую онъ носилъ въ своемъ сердцѣ, что онъ почувствовалъ дѣтскую радость того, что онъ русскій и что онъ въ Москвѣ.

Явился бухарскій халатъ, распахнутый на широкой груди въ ситцевой рубашкѣ, трубка съ янтаремъ, лакей съ тихими пріемами, чай, запахъ табаку, громкій, порывистый мужской голосъ послышался въ комнатахъ Шевалье, утренніе поцѣлуи раздались, и голоса дочери и сына, и декабристъ былъ такъ же дома, какъ въ Иркутскѣ и какъ бы онъ былъ въ Нью-Іоркѣ и Парижѣ. Какъ бы мнѣ ни хотѣлось представить моимъ читателямъ декабрьскаго героя выше всѣхъ слабостей, ради истины долженъ признаться, что Петръ Иванычъ особенно тщательно брился, чесался и смотрѣлся въ зеркало. Платьемъ, которое было сшито не слишкомъ хорошо въ Сибири, онъ былъ недоволенъ, и раза два то разстегнулъ, то застегнулъ сюртучекъ. Наталья же Николаевна вошла въ гостиную, шумя чернымъ муаровымъ платьемъ

Digitized by Google

съ такими рукавчиками и лентами на чепцѣ, что хотя все это было не по самой послѣдней модѣ, но такъ придумано, что не только не было ridicule, но, напротивъ, distingué. На это у дамъ есть особенное, шестое чувство и проницательность, ни съ чѣмъ не сравнимая. Соня тоже была такъ пристроена, что хотя все было на два года сзади моды, но ни въ чемъ упрекнуть нельзя было. На матери темно и просто, на дочери свѣтло и весело. Сережа только проснулся и они одни поѣхали къ обѣдни. Отецъ съ матерью сѣли сзади, дочь сѣла напротивъ, Василій сѣлъ на козла, и извозчичья карета повезла ихъ въ Кремль. Когда они вышли, дамы оправили платья и Петръ Иванычъ взялъ подъ руку свою Наталью Николаевну и, закинувъ голову назадъ, пошелъ къ дверямъ церкви. Многіе, и купцы, и офицеры, и всякій народъ, не могли узнать, что это за люди. Кто это—давно, давно загорѣлый и не отошедшій старичекъ съ крупными, прямыми, рабочими морщинами, особеннаго склада, такого склада, какого не бываютъ морщины, пріобрѣтенныя въ англійскомъ клубѣ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами и бородой, съ добрымъ и гордымъ взглядомъ и энергическими движеніями? Кто эта высокая дама съ значительной поступью и усталыми, померкшими, большими и прекрасными глазами? Кто эта дѣвушка свѣжая, стройная, сильная и не модная, и не робкая? Купцы не купцы, нѣмцы не нѣмцы,—господа? тоже такихъ не бываетъ, а важные люди. Такъ думали тѣ, которые видѣли ихъ въ церкви, и почему-то скорѣе и охотнѣе давали имъ дорогу и мѣсто, чѣмъ мужчинамъ въ густыхъ эполетахъ. Петръ Иванычъ держалъ себя такъ же величаво, какъ и при входѣ, и молился спокойно, сдержанно, не забываясь. Наталья Николаевна плавно становилась на колѣни, вынимала платокъ и много плакала во время иже-херувимской. Соня какъ будто дѣлала надъ собой усиліе, чтобы молиться. Не шло къ ней моленіе, но она не оглядывалась и крестилась прилежно.

Помните ли вы это радостное чувство дѣтства, когда въ ваши именины васъ принарядили, повезли къ обѣднѣ, и вы,

ТИП. Р. ГОЛИКЕ.

Digitized by Google

возвратившись съ праздникомъ на платьѣ, на лицѣ и въ душѣ, нашли дома гостей и игрушки? Вы знаете, что нынче нѣтъ классовъ, что большіе даже празднуютъ, что нынче для цѣлаго дома день исключенія и удовольствій; вы знаете, что вы одни причиной этого торжества, и то что бы вы ни сдѣлали—вамъ простятъ, и вамъ странно, что люди на улицахъ не празднуютъ такъ же какъ ваши домашніе, и звуки слышнѣе, и цвѣта ярче,—однимъ словомъ, именинное чувство. Такого рода чувство испыталъ Петръ Иванычъ, возвратившись изъ церкви.

Вчерашнія хлопоты Пахтина не пропали даромъ: вмѣсто игрушекъ Петръ Иванычъ нашелъ дома уже нѣсколько визитныхъ карточекъ значительныхъ москвичей, считавшихъ въ 56-мъ году своей непремѣнной обязанностью оказать всевозможное вниманіе знаменитому изгнаннику, котораго они не хотѣли бы видѣть ни за что на свѣтѣ 3 года тому назадъ. Въ глазахъ Шевалье, швейцара и людей гостинницы, появленіе каретъ, спрашивавшихъ Петра Иваныча, въ одно утро удесятерило ихъ уваженіе и услужливость. Все это были именинные подарки для Петра Иваныча. Какъ ни испытанъ жизнью, какъ ни уменъ человѣкъ, выраженіе уваженія отъ людей уважаемыхъ большимъ числомъ людей—всегда пріятны. Петру Иванычу было весело на душѣ, когда Шевалье, изгибаясь, предлагалъ перемѣнить отдѣленіе, и просилъ приказывать все, что было угодно, и увѣрялъ, что онъ за счастіе почитаетъ посѣщеніе Петра Иваныча, и когда онъ, пересматривая карточки и опять бросая ихъ въ вазу, называлъ имена графа С., князя Д. и т. д. Наталья Николаевна сказала, что она никого не принимаетъ и сейчасъ поѣдетъ къ Марьѣ Ивановнѣ, на что Петръ Иванычъ согласился, хотя ему хотѣлось бы поговорить со многими изъ пріѣзжавшихъ. Только одинъ изъ визитовъ успѣлъ проскочить до запрета. Это былъ Пахтинъ. Ежели бы спросить этого человѣка, для чего онъ съ Пречистенки пріѣхалъ въ Газетный переулокъ, то онъ никакого бы не могъ дать предлога исключая того, что онъ любитъ все новое и занимательное, и потому пріѣхалъ

Digitized by Google

посмотрѣть на Петра Иваныча, какъ на рѣдкость. Казалось бы, надо заробѣть, съ такимъ единственнымъ резономъ пріѣзжая къ незнакомому человѣку. Оказалось напротивъ. Петръ Иванычъ и его сынъ, и Софья Петровна смутились. Наталья Николаевна была слишкомъ grande dame, чтобъ отъ чего бы ни было—смущаться. Утомленный взглядъ ея прекрасныхъ, черныхъ глазъ спокойно спустился на Пахтина. Пахтинъ же былъ свѣжъ, самодоволенъ и весело любезенъ, какъ всегда. Онъ былъ другъ Марьи Ивановны. — А! сказала Наталья Николаевна.—Не другъ,—лѣта наши... но она всегда была добра ко мнѣ.

Пахтинъ былъ давнишній поклонникъ Петра Иваныча, онъ зналъ его товарищей. Онъ надѣялся, что можетъ быть полезенъ пріѣзжимъ, онъ вчера бы еще явился, но не успѣлъ и проситъ извинить его, и онъ сѣлъ и говорилъ долго.

— Да, скажу вамъ, много я нашелъ перемѣнъ въ Россіи съ тѣхъ поръ, сказалъ Петръ Иванычъ, отвѣчая на вопросъ.

Какъ только Петръ Иванычъ сталъ говорить, надо было видѣть съ какимъ почтительнымъ вниманіемъ Пахтинъ получалъ каждое слово, вылетавшее изъ устъ значительнаго старца, и какъ за каждой фразой, иногда словомъ, Пахтинъ кивкомъ, улыбкой или движеніемъ глазъ давалъ чувствовать, что онъ получилъ и принялъ достопамятную для него фразу или слово. Усталый взглядъ одобрилъ этотъ маневръ. Сергѣй Петровичъ, казалось, боялся, что рѣчь батюшки не будетъ значительна, соотвѣтственно вниманію слушателя. Софья Петровна, напротивъ, улыбнулась той незамѣтной, самодовольной улыбкой, которой улыбаются люди, подмѣтившіе смѣшную сторону человѣка. Ей показалось, что отъ этого нечего ждать, что это «шюшка», такъ они съ братомъ называли извѣстный сортъ людей. Петръ Иванычъ объяснилъ, что онъ, въ своемъ путешествіи, замѣтилъ огромныя перемѣны, которыя радовали его. Нѣтъ сравненія какъ народъ — крестьянинъ — сталъ выше, стало больше сознанія достоинства въ нихъ, говорилъ онъ, какъ-бы протвержая старыя фразы. «А я долженъ сказать, что народъ болѣе всего меня зани-

Digitized by Google

маетъ и занималъ. Я того мнѣнія, что сила Россіи не въ насъ, а въ народѣ», и т. д. Петръ Иванычъ развилъ съ свойственнымъ ему жаромъ свои болѣе или менѣе оригинальныя мысли насчетъ многихъ, важныхъ предметовъ.

Намъ придется еще слышать ихъ въ болѣе полномъ видѣ. Пахтинъ таялъ отъ наслажденія и былъ совершенно согласенъ со всѣмъ.—Вамъ непремѣнно надо познакомиться съ Аксатовыми; вы позволите мнѣ ихъ представить вамъ, князь? Вы знаете, ему разрѣшили теперь его изданіе,—говорятъ, завтра выйдетъ первый нумеръ. Я читалъ также его удивительную статью о послѣдовательности теоріи науки въ абстрактности, чрезвычайно интересно. Еще тамъ статья — исторія Сербіи въ XI вѣкѣ и этого знаменитаго воеводы Карбавонца, тоже очень интересно. Вообще огромный шагъ.

— А! такъ, сказалъ Петръ Иванычъ. Но его видимо не занимали всѣ эти извѣстія, онъ даже не зналъ именъ и заслугъ тѣхъ людей, которыхъ, какъ всѣмъ извѣстныхъ, называлъ Пахтинъ. Наталья Николаевна, не отрицая необходимости знанія всѣхъ этихъ людей и условій, въ оправданіе мужа замѣтила, что Pierre поздно очень получалъ журналы. Но онъ слишкомъ много читаетъ.

— Папа, мы поѣдемъ къ тетѣ? сказала Соня входя.

— Поѣдемъ, но надо позавтракать. Не хотите ли чего нибудь?

Пахтинъ, разумѣется, отказался, но Петръ Иванычъ съ свойственнымъ вообще русскому, и особенно ему, гостепріимствомъ настоялъ на томъ, чтобы Пахтинъ поѣлъ и выпилъ. Самъ же онъ выпилъ рюмку водки и стаканъ бордо. Пахтинъ замѣтилъ, что когда онъ наливалъ вино, Наталья Николаевна отвернулась нечаянно отъ стакана, а сынъ посмотрѣлъ особенно на руки отца. Послѣ вина Петръ Иванычъ на вопросы Пахтина о томъ, какое его мнѣніе о новой литературѣ, о новомъ направленіи, о войнѣ, о мирѣ (Пахтинъ умѣлъ самые разнородные предметы соединить въ одинъ безтолковый, но гладкій разговоръ), на эти вопросы Петръ Иванычъ сразу отвѣтилъ одною, общею profession de foi, и вино ли, или предметъ разговора, но онъ такъ разгорячился,

Digitized by Google

что слезы выступили у него на глазахъ, и что Пахтинъ пришелъ въ восторгъ и тоже прослезился и не стѣсняясь выразилъ свое убѣжденіе, что Петръ Иванычъ теперь впереди всѣхъ передовыхъ людей, и долженъ стать главой всѣхъ партій. Глаза Петра Иваныча разгорѣлись, онъ вѣрилъ тому, что ему говорилъ Пахтинъ, и онъ долго бы еще говорилъ, ежели бы Софья Петровна не поинтриговала у Натальи Николаевны, чтобы она надѣла мантилью и не пришла бы сама поднять Петра Иваныча. Онъ налилъ было себѣ остальное вино, но Софья Петровна выпила его.

— Что жь ты это?

— Я не пила еще, papa, pardon.

Онъ улыбнулся.

— Ну, поѣдемъ къ Марьѣ Ивановнѣ. Вы насъ извините, m-r Пахтинъ... и Петръ Иванычъ вышелъ, неся высоко голову. Въ сѣняхъ встрѣтился еще генералъ, пріѣхавшій съ визитомъ къ старому знакомому. Они 35 лѣтъ не видались. Генералъ былъ уже безъ зубовъ и плѣшивый.

— А ты какъ еще свѣжъ, сказалъ онъ.—Видно, Сибирь лучше Петербурга. Это твои, представь меня. Какой молодецъ сынъ-то. Такъ завтра обѣдать?

— Да, да, непремѣнно.

На крыльцѣ встрѣтился знаменитый Чихаевъ, тоже старый знакомый.

— Какъ же вы узнали, что я пріѣхалъ?

— Стыдно бы было Москвѣ, ежели бы она не знала, стыдно, что у заставы васъ не встрѣтили. Гдѣ вы обѣдаете? должно быть, у сестры Марьи Ивановны. Ну, и прекрасно, я тоже пріѣду.

Петръ Иванычъ всегда имѣлъ видъ человѣка гордаго для тѣхъ, кто не могъ разобрать сквозь эту внѣшность выраженіе несказанной доброты и впечатлительности; теперь же даже Наталья Николаевна любовалась его непривычной величавостью, и Софья Петровна улыбалась глазами, поглядывая на него. Они пріѣхали къ Марьѣ Ивановнѣ. Марья Ивановна была крестная мать Петра Иваныча и старше его 10 годами, она была старая дѣва.

Digitized by Google

Исторію ея, почему она не вышла замужъ и какъ она жила свою молодость, я разскажу когда-нибудь послѣ. Она жила въ Москвѣ 40 лѣтъ безвыѣздно. Не было у ней ни большаго ума, ни большаго богатства, и связями она не дорожила, напротивъ, и не было человѣка, который бы не уважалъ ея. Она была такъ увѣрена, что всѣ должны уважать ее, что всѣ ее уважали. Бывали изъ университета молодые либералы, которые не признавали за ней власти, но эти господа фрондировали только въ ея отсутствіи. Стоило ей войти въ гостиную своей царской поступью, заговорить своей спокойной рѣчью, улыбнуться своей ласковой улыбкой, и они были покорены. Общество ея было—всѣ. Она смотрѣла на Москву и обращалась съ ней какъ съ своими домашними. Бывали у ней друзья больше изъ молодежи и мужчинъ умныхъ; женщинъ она не любила. Были у ней тоже и приживалки, и приживальщики, которыхъ вмѣстѣ съ венгеркой и генералами въ одно общее презрѣніе почему-то вмѣстѣ включила наша литература, но Марья Ивановна считала, что проигравшемуся Скопину и прогнанной мужемъ Бѣшевой лучше жить у нея, чѣмъ въ нищетѣ, и держала ихъ. Но два сильныя чувства въ теперешней жизни Марьи Ивановны—были ея два брата. Петръ Иванычъ былъ ея идоломъ. Князь Иванъ былъ ея ненависть. Она не знала, что Петръ Иванычъ пріѣхалъ, была у обѣдни, и теперь только отпила кофе. Московскій Викарій, Бѣшева и Скопинъ сидѣли около стола. Марья Ивановна разсказывала имъ про молодаго графа В. сына П. З., который вернулся изъ Севастополя, и въ котораго она была влюблена. (У ней безпрерывно бывали пассіи). Нынче онъ долженъ былъ обѣдать у нея. Викарій всталъ и раскланялся. Марья Ивановна не удерживала его, она была вольнодумка въ этомъ отношеніи: она была набожна, но не любила монаховъ, смѣялась надъ барынями, бѣгающими за монахами, и говаривала смѣло, что по ея мнѣнію монахи такіе же люди, какъ мы грѣшные, и что можно спастись въ міру лучше, чѣмъ въ монастырѣ.

— Не велите никого принимать, мой другъ, сказала она,—

Digitized by Google

я Пьеру напишу; не понимаю, что онъ не ѣдетъ. Вѣрно, Наталья Николаевна больна.

Марья Ивановна была того убѣжденія, что Наталья Николаевна не любила и была врагомъ ея. Она не могла простить ей того, что не она, сестра, отдала ему свое имѣнье и поѣхала съ нимъ въ Сибирь, а Наталья Николаевна, и что братъ рѣшительно отказалъ ей въ этомъ, когда она собиралась ѣхать. Послѣ 35 лѣтъ, она начинала вѣрить иногда брату, что Наталья Николаевна лучшая жена въ мірѣ и его ангелъ-хранитель была, но она завидовала, и ей все казалось, что она дурная женщина.

Она встала, прошлась по залѣ и хотѣла идти въ кабинетъ, какъ дверь отворилась и сморщенное, сѣденькое лицо Бѣшевой, выражавшее радостный ужасъ, выставилось въ двери.

— Марья Ивановна, приготовьтесь, сказала она.

— Письмо?

— Нѣтъ, больше...

Но не успѣла она сказать, какъ въ передней послышался громкій мужской голосъ:

— Да гдѣ она? Поди ты, Наташа.

— Онъ! проговорила Марья Ивановна, и большими, твердыми шагами пошла къ брату. Она встрѣтила ихъ какъ будто со вчерашняго дня съ ними видѣлась.

— Когда ты пріѣхалъ? Гдѣ остановились? Въ чемъ же вы, въ каретѣ? вотъ какіе вопросы дѣлала Марья Ивановна, проходя съ ними въ гостиную и не слушая отвѣтовъ, и глядя большими глазами то на одного, то на другаго.

Бѣшева удивилась этому спокойствію, равнодушію даже, и не одобряла его. Они всѣ улыбались, разговоръ замолкъ, Марья Ивановна молча, серьезно смотрѣла на брата.

— Какъ вы? сказалъ Петръ Иванычъ, взявъ ее за руку и улыбаясь.

Петръ Иванычъ говорилъ «вы», а она говорила ему «ты». Марья Ивановна еще разъ взглянула на сѣдую бороду, на плѣшивую голову, на зубы, на морщины, на глаза, на загорѣлое лицо и все это узнала.

Digitized by Google

— Вотъ моя Соня.

Но она не оглянулась.

— Какой ты дур... голосъ ея оборвался, она схватила своими бѣлыми, большими руками плѣшивую голову,—какой ты дуракъ... она хотѣла сказать, «что не приготовилъ меня», но плечи и грудь задрожали, старческое лицо покривилось и она зарыдала, все прижимая къ груди плѣшивую голову и повторяя: «какой ты ду...ракъ, что меня не приготовилъ». Петръ Иванычъ не казался себѣ уже такимъ великимъ человѣкомъ, не казался такъ важенъ, какъ у крыльца Шевалье. Задомъ онъ сидѣлъ на креслѣ, но голова его была въ рукахъ сестры, носъ прижимался къ ея корсету, и въ носу щекотало, волосы были спутаны и слезы были въ глазахъ. Но ему было хорошо. Когда прошелъ этотъ порывъ радостныхъ слезъ, Марья Ивановна поняла, повѣрила тому, что случилось, и стала оглядывать всѣхъ. Но еще нѣсколько разъ во время дня, какъ только она вспомнитъ какой онъ былъ, какая она была тогда и какіе теперь, и все живо такъ встанетъ передъ воображеніемъ: тогдашнія несчастія и тогдашнія радости, и тогдашнія любови,—на нее находило, и она опять вставала и повторяла: «какой ты дуракъ, Петруша, дуракъ какой, что меня не приготовилъ!»

— Зачѣмъ вы не ко мнѣ прямо пріѣхали, я бы васъ помѣстила, говорила Марья Ивановна.—По крайней мѣрѣ, вы обѣдаете. Тебѣ не скучно будетъ у меня, Сергѣй, у меня обѣдаетъ молодой севастополецъ, молодецъ. А Николая Михайловича сына ты не знаешь? Онъ писатель, что-то хорошее тамъ написалъ. Я не читала, но хвалятъ, и онъ милый малый, я и его позову. Чихаевъ хотѣлъ тоже пріѣхать. Ну, этотъ болтунъ, я его не люблю. Онъ уже былъ у тебя? А Никиту видѣлъ? Ну, да это все вздоръ. Что ты намѣренъ дѣлать? Что вы, ваше здоровье, Наташа? Куда этого молодца, эту красавицу?

Но разговоръ все не клеился.

Передъ обѣдомъ Наталья Николаевна съ дѣтьми поѣхали къ старой теткѣ, братъ съ сестрой остались вдвоемъ, и онъ сталъ разсказывать свои планы.

Digitized by Google

— Соня большая, ее надо вывозить; стало быть, мы будетъ жить въ Москвѣ, сказала Марья Ивановна.

— Ни за что!

— Сережѣ надо служить.

— Ни за что.

— Все такой же сумасшедшій.

Но она все такъ же любила сумасшедшаго.

— Надо сидѣть здѣсь, потомъ ѣхать въ деревню, и дѣтямъ показать все.

— Мое правило не вмѣшиваться въ семейныя дѣла, говорила Марья Ивановна, успокоившись отъ волненія,—и не давать совѣтовъ. Молодому человѣку надо служить, это я всегда думала, и думаю. А теперь больше, чѣмъ когда-нибудь. Ты не знаешь, что такое теперь, Петруша, эта молодежь. Я ихъ всѣхъ знаю, вонъ князя Дмитрія сынъ совсѣмъ пропалъ. Да и сами виноваты. Я вѣдь никого не боюсь, я старуха. А нехорошо... и она начала говорить про правительство. Она была недовольна имъ за излишнюю свободу, которая давалась всему.—«Одно хорошее сдѣлали, что васъ выпустили. Это хорошо».

Петруша сталъ было защищать, но съ Марьей Ивановной было не то, что съ Пахтинымъ; ему было не сговорить. Она разгорячилась.

— Ну, что защищать! Тебѣ ли защищать? Ты все такой же, я вижу, безумный.

Петръ Иванычъ замолчалъ съ улыбочкой, показывавшей, что онъ не сдается, но что спорить съ Марьей Ивановной онъ не хочетъ.

— Ты улыбаешься. Это мы знаемъ. Ты со мной, съ бабой, спорить не хочешь, сказала она весело и ласково, и такъ тонко, умно глядя на брата, какъ нельзя было ожидать отъ ея старческаго, съ крупными чертами, лица.—Да не соспоришь, дружокъ. Вѣдь, 7-й десятокъ доживаю. Тоже не дурой прожила, кое-что видѣла и поняла. Книжекъ вашихъ не читала, да и читать не буду. Въ книжкахъ вздоръ!

Digitized by Google

— Ну, какъ вамъ мои ребята нравятся? Сережа? сказалъ Петръ Иванычъ съ той же улыбкой.

— Ну, ну! грозясь на него, отвѣтила сестра.—На дѣтей-то не переводи, объ этомъ поговоримъ. А я тебѣ вотъ что хотѣла сказать. Ты вѣдь безумный, такъ и остался, я по глазамъ вижу. Теперь тебя на рукахъ носить станутъ. Такая мода. Вы теперь всѣ въ модѣ. Да, да, я по глазамъ вижу, что ты такой же безумный, какъ и былъ, прибавила она, отвѣчая на его улыбку.—Удаляйся ты, Христомъ Богомъ тебя прошу, отъ всѣхъ этихъ либераловъ нонѣшнихъ. Богъ ихъ знаетъ, что они тамъ ворочаются. Только все это хорошо не кончится. А правительство наше теперь молчитъ, а потомъ придется показать ноготки, попомни мое слово. Я боюсь, чтобъ ты опять не замѣшался. Брось это, все пустяки. У тебя дѣти.

— Видно, вы не знаете теперь меня, Марья Ивановна, сказалъ братъ.

— Ну, хорошо, хорошо, ужь тамъ видно будетъ—я ли тебя не знаю, или ты самъ себя не знаешь. Только я сказала, что у меня на душѣ было; послушаешь меня, хорошо. Вотъ теперь и о Сережѣ поговоримъ. Какой онъ у тебя? «Онъ мнѣ не очень понравился», хотѣла было сказать она, но сказала только:—Онъ на мать похожъ, двѣ капли воды. Вотъ Соня твоя, такъ мнѣ очень понравилась, очень... милое такое, что-то, открытое. Милая. Гдѣ она, Сонюшка? Да, я и забыла.

— Да какъ вамъ сказать? Соня-то будетъ хорошая жена и хорошая мать, но Сережа мой уменъ, очень уменъ, этого никто не отниметъ. Учился прекрасно—немножко лѣнивъ. Къ естественнымъ наукамъ онъ большую охоту имѣлъ. Мы были счастливы, у насъ былъ славный, славный учитель. Ему здѣсь хочется въ университетъ, послушать лекціи естественныхъ наукъ, химіи...

Марья Ивановна почти не слушала, какъ только братъ началъ объ естественныхъ наукахъ. Ей какъ будто вдругъ грустно стало. Въ особенности, когда дѣло дошло до химіи.

Digitized by Google

Она глубоко вздохнула и отвѣчала прямо на тотъ рядъ мыслей, которыя вызвали въ ней естественныя науки...

— Кабы ты зналъ, какъ мнѣ ихъ жалко, Петруша, сказала она съ искренней и тихой, покорной печалью.—Такъ жалко, такъ жалко. Цѣлая жизнь впереди. Чего еще они не натерпятся!

— Что же, надо надѣяться, что они проживутъ счастливѣе нашего.

— Дай Богъ, дай Богъ! Да жить-то тяжело, Петруша. Ты меня послушай въ одномъ, мой голубчикъ. Не мудри ты! Какой ты дуракъ, Петруша, ахъ, какой ты дуракъ! Однако мнѣ надо распорядиться. Народу-то я назвала, а чѣмъ я ихъ кормить буду?

Она всхлипнула, отвернулась и позвонила.

— Позвать Тараса.

— Все у васъ старикъ? спросилъ братъ.

— Все онъ; да что же, вѣдь онъ мальчишка въ сравненіи со мной.

Тарасъ былъ гнѣвенъ и чистъ, но взялся все дѣлать.

Скоро, пышащіе холодомъ и счастьемъ вошли, шумя платьями, Наталья Николаевна и Соня. Сережа остался за покупками.

— Дайте мнѣ на нее посмотрѣть.

Марья Ивановна руками взяла ее за лицо. Наталья Николаевна разсказывала.

Digitized by Google

ВАРІАНТЫ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ.

I.

Спорное дѣло «о завладѣніи пензенской губерніи, красно-слободскаго уѣзда, помѣщикомъ отставнымъ гвардіи поручикомъ Иваномъ Апыхтинымъ 4,000 десятинъ земли у сосѣднихъ казенныхъ крестьянъ села Излегощи» было въ первой инстанціи, уѣздномъ судѣ, по ходатайству выборнаго отъ крестьянъ Ивана Миронова, рѣшено въ пользу крестьянъ, и огромная дача земли, частью подъ лѣсомъ, частью же подъ пашнями, расчищенными крѣпостными Апыхтина, поступила въ 1815 году во владѣніе крестьянъ, и крестьяне въ 1816 году посѣяли эту землю и сняли съ нея урожай. Выигрышъ этого неправильнаго дѣла крестьянами удивилъ всѣхъ сосѣдей и даже самихъ крестьянъ. Этотъ успѣхъ крестьянъ объяснялся только тѣмъ, что Иванъ Петровичъ Апыхтинъ, человѣкъ самый кроткій, смирный и не охотникъ судиться, увѣренный въ этомъ дѣлѣ въ своей правотѣ, не принялъ никакихъ мѣръ противъ дѣйствій крестьянъ. Иванъ же Мироновъ, повѣренный крестьянъ, сухой, горбоносый грамотный мужикъ, бывшій и головою, и ходившій сборщикомъ податей, собравъ съ мужиковъ по 50 копѣекъ съ души, умно распредѣлилъ эти деньги подарками и ловко велъ все дѣло. Но тотчасъ послѣ рѣшенія уѣзднаго суда, Апыхтинъ, увидавъ опасность, далъ довѣренность ловкому дѣльцу вольноотпущенному Ильѣ Митрофанову, который подалъ въ Палату апелляцію на рѣшеніе уѣзднаго суда. Илья Митрофановъ такъ ловко велъ дѣло, что, несмотря на всѣ происки повѣреннаго крестьянъ Ивана Миронова, несмотря на значительные денежные подарки, розданные имъ членамъ палаты, дѣло въ губерніи было перерѣшено въ пользу помѣщика, и земля вновь должна была

Digitized by Google

отойти отъ крестьянъ, о чемъ повѣренному ихъ и было объявлено. Повѣренный Иванъ Мироновъ объявилъ на сходкѣ крестьянамъ, что губернскіе господа потянули руку помѣщика и дѣло «все спутали», такъ что землю опять хотятъ отобрать; но что дѣло помѣщика не выгоритъ, потому что у него ужь прошеніе въ сенатъ написано и есть такой человѣчекъ, который обѣщалъ вѣрно въ сенатѣ все дѣло исправить и что тогда ужь землю навсегда закрѣпятъ за мужиками; только бы они теперь собрали еще по рублю съ души. Крестьяне рѣшили деньги собрать и опять поручить все дѣло Ивану Миронову. Собравъ деньги, Мироновъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Когда въ 1817 году на страстной — она приходилась поздно—пришло время пахать, излегощинскіе мужики на сходкѣ стали толковать: пахать ли имъ въ нынѣшнемъ году спорную землю и, несмотря на то, что къ нимъ постомъ еще пріѣзжалъ отъ Апыхтина прикащикъ съ приказомъ не пахать земли и сходиться съ нимъ по согласію объ посѣянной ржи въ бывшей спорной землѣ, а теперь апыхтинской, мужики, именно потому что у нихъ было посѣяно на спорной землѣ озимое и что Апыхтинъ, не желая ихъ обидѣть, хотѣлъ о немъ полюбовно съ ними сходиться, рѣшили спорную землю пахать и захватывать прежде всякой другой земли.

Въ самый тотъ день какъ мужики выѣхали пахать на берестовскую дачу, въ чистый четвергъ, Иванъ Петровичъ Апыхтинъ, говѣвшій на страстной недѣлѣ, причащался и поѣхалъ рано утромъ въ церковь села Излегощи, куда онъ былъ прихожанинъ, и тамъ, ничего не зная объ этомъ, дружелюбно бесѣдовалъ съ старостой церковнымъ. Иванъ Петровичъ исповѣдался съ вечера и дома слушалъ всенощную; поутру самъ прочелъ правила, и въ 8 часовъ выѣхалъ изъ дому. Къ обѣднѣ его ждали. Стоя въ алтарѣ, гдѣ онъ обыкновенно стаивалъ, Иванъ Петровичъ болѣе размышлялъ, чѣмъ молился, и былъ за то недоволенъ собою. Онъ, какъ и многіе люди того времени, да и всѣхъ временъ, чувствовалъ себя въ неясности относительно вѣры. Ему было уже за 50

Digitized by Google

лѣтъ, онъ никогда не пропускалъ исполненія обрядовъ, посѣщалъ церковь и говѣлъ разъ въ году; онъ, говоря съ своей единственной дочерью, наставлялъ ее въ правилахъ вѣры; но, если бы его спросили, точно ли онъ вѣритъ, онъ бы не зналъ что̀ отвѣтить. И въ особенности нынче онъ чувствовалъ себя размягченнымъ и, стоя въ алтарѣ, вмѣсто того чтобы молиться, думалъ о томъ, какъ странно все устроено на свѣтѣ: вотъ онъ уже почти старикъ, говѣетъ, можетъ быть, сороковой разъ въ жизни, и вотъ онъ знаетъ, что всѣ и домашніе его, и всѣ въ церкви смотрятъ на него какъ на образецъ, берутъ примѣръ съ него и онъ чувствуетъ себя обязаннымъ показывать этотъ примѣръ въ отношеніи религіи, а онъ самъ ничего не знаетъ, и вотъ, вотъ ему ужь умирать прійдется, а, хоть убей его, онъ не знаетъ, правда ли то въ чемъ онъ другимъ показываетъ примѣръ. И странно ему и то было, какъ всѣ считаютъ – онъ это видѣлъ — что старые люди тверды и знаютъ что̀ нужно и что̀ не нужно (такъ онъ всегда думалъ о старикахъ), а вотъ онъ старъ и рѣшительно не знаетъ и такъ же легкомысленъ, какъ онъ былъ двадцати лѣтъ; но только прежде онъ не скрывалъ, а теперь скрываетъ это. Какъ въ дѣтствѣ ему приходило въ голову во время службы запѣть пѣтухомъ, такъ и теперь ему такія же глупости забѣгаютъ въ голову, а онъ, старикъ, степенно склоняется, прикасаясь старыми косточками руки къ плитамъ пола, и отецъ Василій видимо робѣетъ служить при немъ и возбуждаемъ къ усердію его усердіемъ. «А если бы они знали, какія глупости у меня въ головѣ бродятъ? Но грѣхъ, грѣхъ; надо молиться», сказалъ онъ себѣ, когда началась служба, и, вслушиваясь въ смыслъ эктеніи, сталъ молиться. И дѣйствительно, скоро онъ перенесся чувствомъ въ молитву, и сталъ вспоминать свои грѣхи и все въ чемъ онъ каялся.

Благовидный старикъ, ровно шагая вывернутыми лаптями, плѣшивый, съ густыми сѣдыми волосами, въ шубѣ съ новой бѣлой заплаткой на половинѣ спины, войдя въ алтарь, поклонился ему низко, встряхнулъ волосами и пошелъ за

Digitized by Google

алтарь ставить свѣчи. Это былъ церковный староста Иванъ Ѳедотовъ, одинъ изъ лучшихъ мужиковъ села Излегощи. Иванъ Петровичъ зналъ его. Видъ этого строгаго, твердаго лица навелъ Ивана Петровича на новый ходъ мыслей. Это былъ одинъ изъ тѣхъ мужиковъ, которые хотѣли отнять у него землю и одинъ изъ лучшихъ, богатыхъ, семейныхъ хозяевъ, которымъ нужна была земля, которые умѣли съ ней управиться и было чѣмъ. Его строгій видъ, его степенный поклонъ, его равномѣрная походка, аккуратность его одежды—онучи точно чулки облипали его ноги и оборочки симетрично скрещивались какъ на одной, такъ и на другой ногѣ—весь его видъ какъ будто выражалъ укоръ, враждебность за землю.

«Да, вотъ я просилъ прощенья у жены, у Мани (дочери), у няни, у Володи камердинера, а вотъ у кого надо бы просить прощенья и простить», подумалъ Иванъ Петровичъ и рѣшилъ попросить прощенья у Ивана Ѳедотова послѣ заутрени.

Такъ онъ и сдѣлалъ.

Въ церкви было мало народа. Народъ весь по обычаю отговѣлъ на первой и на четвертой недѣлѣ. Теперь же было только человѣкъ сорокъ мужиковъ и бабъ, не успѣвшихъ отговѣть раньше, нѣсколько старушекъ мужицкихъ, причетниковъ и дворовыхъ апыхтинскихъ и богатыхъ сосѣдей Чернышевыхъ. Была тутъ старушка, родственница Чернышевыхъ, жившая у нихъ, и дьяконица вдова, сына которой Чернышевы, по своей добротѣ, воспитали и вывели въ люди, и который служилъ теперь чиновникомъ въ Сенатѣ. Между заутреней и обѣдней народу въ церкви оставалось еще меньше. Мужики и бабы вышли наружу. Оставались двѣ салопницы, сидя въ уголку бесѣдовавшія между собою и поглядывавшія на Ивана Петровича съ видимымъ желаніемъ поздороваться съ нимъ и поговорить, и два лакея: его лакей въ ливреѣ и чернышевскій, пріѣхавшій съ старушкой. Эти оба тоже о чемъ-то оживленно шептались въ то время, какъ Иванъ Петровичъ выходилъ изъ алтаря и, тотчасъ же увидавъ его, замолкли. Еще была женщина въ высокой кичкѣ съ бисер-

Digitized by Google

ными наличниками и бѣлой шубѣ, въ которой она, прикрывая кричавшаго больнаго ребенка, старалась успокоить его; и еще сгорбленная старушка, тоже въ кичкѣ, но съ шерстяными наличниками и бѣлымъ платкомъ, завязаннымъ по старушечьи, и въ сѣромъ чупрунѣ съ пѣтушками на спинѣ, которая, стоя на колѣняхъ по срединѣ церкви и обращаясь къ старому образу между рѣшетчатыхъ оконъ, на которомъ висѣло съ красными концами новое полотенце, молилась такъ усердно, торжественно и страстно, что нельзя было не обратить на нее вниманія. Не подходя еще къ старостѣ, который, стоя у шкапчика, переминалъ остатки свѣчъ въ комокъ воска, Иванъ Петровичъ остановился посмотрѣть на эту молящуюся старушку. Старуха молилась очень хорошо. Она стояла на колѣняхъ такъ прямо, какъ только можно было стоять прямо по направленію къ образу, всѣ члены ея были математически симетричны, ноги сзади упирались носками лаптей въ каменный полъ подъ однимъ и тѣмъ же угломъ, тѣло было загнуто назадъ насколько позволялъ горбъ спины, руки совершенно правильно сложены подъ животомъ, голова закинута назадъ и лицо съ выраженіемъ стыдливой жалостливости, сморщенное, съ тусклымъ взглядомъ, прямо обращено къ иконѣ съ полотенцемъ. Постоявъ неподвижно въ такомъ положеніи минуту или меньше, но какое-то твердо опредѣленное время, она тяжело вздыхала и отнимала правую руку, съ размахомъ заносила ее выше кички, дотрогивалась сложенными перстами до темени и такъ же широко клала крестъ на животъ и на плечи и, размахиваясь назадъ, опускала голову на правильно положенныя на землю руки и опять поднималась, и опять дѣлала то же.

«Вотъ молится», подумалъ, глядя на нее, Иванъ Петровичъ, — «не такъ, какъ мы грѣшные; вотъ вѣра, хоть я и знаю, что она молится на свой образокъ, или на свое полотенце, или свой уборъ на образѣ, какъ и всѣ они. Но хорошо. Ну, что жь?» сказалъ онъ самъ себѣ, — «у каждаго своя вѣра: она молится на образокъ, а я вотъ считаю нужнымъ попросить прощенья у мужика».

Digitized by Google

И онъ направился къ старостѣ, невольно оглядывая церковь, чтобы знать кто увидитъ его предполагаемый поступокъ, въ одно и то же время нравившійся ему, и стыдившій его. Ему непріятно было, что старушки-салопницы, какъ онъ называлъ ихъ, увидятъ, но болѣе всего непріятно было, что увидитъ Мишка, его лакей; въ присутствіи Мишки — онъ зналъ его бойкій, сметливый умъ — онъ даже чувствовалъ, что не въ силахъ будетъ подойти къ Ивану Ѳедотову. И онъ поманилъ къ себѣ пальцемъ Мишку.

— Что прикажете?

— Поди, пожалуйста, братъ, принеси мнѣ коврикъ изъ коляски, а то сыро ногамъ.

— Слушаю-съ.

И когда Мишка ушелъ, Иванъ Петровичъ тотчасъ же подошелъ къ Ивану Ѳедотову. Иванъ Ѳедотовъ заробѣлъ, какъ точно виноватый, при приближеніи барина. Робость и торопливость движеній составляли странное противорѣчіе съ его строгимъ лицомъ и кудрявыми стальными волосами и бородой.

— Свѣчу прикажете десяти-копѣечную? заговорилъ онъ, поднимая конторку и вскидывая только изрѣдка своими большими, прекрасными глазами на барина.

— Нѣтъ, мнѣ не свѣча, Иванъ. А я прошу тебя простить меня ради Христа, если я чѣмъ обидѣлъ. Простите ради Христа, повторилъ Иванъ Петровичъ и низко поклонился.

Иванъ Ѳедотовъ совсѣмъ заробѣлъ, заторопился, но наконецъ понялъ, и усмѣхнулся нѣжно. «Богъ проститъ», сказалъ онъ. «Обиды, кажется, отъ тебя не видали. Богъ проститъ, обиды не видали», поспѣшно повторилъ онъ.

— Все-таки...

— Богъ проститъ, Иванъ Петровичъ. Такъ десяти-копѣечныхъ двѣ!

— Да, двѣ.

— Вотъ ангелъ, точно что ангелъ. У мужика подлаго, и то прощенія проситъ. О, Господи! право, ангелы, заговорила дьяконица въ черномъ старомъ капотѣ и черномъ платкѣ.—И точно, что мы понимать должны.

тип. р. голике.

Digitized by Google

— А, Парамоновна! обратился къ ней Иванъ Петровичъ.— Что? ты говѣешь тоже? Прости тоже Христа ради.

— Богъ проститъ, батюшка, ангелъ ты мой, благодѣтель ты мой милостивый; дай ручку поцѣловать.

— Ну, полно, полно; ты знаешь, я не люблю... сказалъ Иванъ Петровичъ улыбаясь, и пошелъ въ алтарь.

Обѣдня, какъ и обыкновенно служилась въ излегощинскомъ приходѣ, отошла скоро, тѣмъ болѣе, что причастниковъ было мало. Въ то время какъ послѣ «Отче нашъ» царскія двери закрылись, Иванъ Петровичъ выглянулъ въ сѣверныя двери, чтобы кликнуть Мишкѣ снять шубу. Увидавъ его движеніе, священникъ сердито мигнулъ дьякону, дьяконъ выбѣжалъ, почти вызывая лакея Михаила. Иванъ Петровичъ былъ въ довольно хорошемъ расположеніи духа, но эти услужливость и выраженіе неуваженія отъ священника, служившаго обѣдню, опять разстроили его; тонкія, изогнутыя, бритыя губы его изогнулись еще больше и добрые глаза засвѣтились насмѣшкой: «Точно я генералъ его», подумалъ онъ и тотчасъ же вспомнились ему слова нѣмца-гувернера, котораго онъ разъ привелъ съ собою въ алтарь смотрѣть русскую службу; какъ этотъ нѣмецъ насмѣшилъ его и разсердилъ жену, сказавъ: Der Pop war ganz böse dass ich ihm alles nachgesehen hatte. Вспомнилось и то, какъ молодой турокъ отвѣчалъ, что Бога нѣтъ, потому что онъ съѣлъ послѣдній кусокъ. «А я причащаюсь», подумалъ онъ и, нахмурившись, положилъ поклонъ. И снявъ медвѣжью шубу, въ одномъ синемъ фракѣ съ свѣтлыми пуговицами и бѣломъ высокомъ галстухѣ, и жилетѣ, и узкихъ панталонахъ, въ сапогахъ безъ каблуковъ съ острыми носками, пошелъ своей тихой, скромной и легкой походкой прикладываться къ мѣстнымъ образамъ. И опять и тутъ онъ встрѣчалъ ту же угодливость другихъ причастниковъ, уступавшихъ ему мѣста.

«Какъ будто говорятъ: après vous s'il en reste», думалъ онъ, бокомъ дѣлая земные поклоны съ тою же неловкостью, которая происходила оттого, что надо было найти ту середину,

Digitized by Google

при которой не было бы неуваженья и не было бы ханжества. Наконецъ, двери отворились. Онъ прочелъ за священникомъ молитву, повторяя «яко разбойника», ему завѣсили галстухъ воздухомъ, и онъ принялъ причастіе и теплоту въ древнемъ ковшичкѣ, положивъ новые двугривенные на древнія тарелочки; отслушалъ послѣднія молитвы, приложился къ кресту и, надѣвъ шубу, пошелъ изъ церкви, принимая поздравленія и испытывая пріятное чувство окончанія. Выходя изъ церкви, онъ опять столкнулся съ Иваномъ Ѳедотовымъ.

— Спасибо, спасибо, отвѣчалъ онъ на поздравленіе. — Что-жь, скоро пахать?

— Ребята поѣхали, поѣхали ребята, отвѣчалъ Иванъ Ѳедотовъ, еще болѣе чѣмъ обыкновенно заробѣвши. Онъ предполагалъ, что Иванъ Петровичъ зналъ, куда поѣхали пахать излегощинскіе. — Пожалуй, сыро. Сыро, пожалуй. Время еще раннее. Раннее время.

Иванъ Петровичъ зашелъ къ памятнику отца и матери, поклонился и подсаженный сѣлъ въ коляску шестерикомъ съ форейторомъ.

«Ну, слава Богу», сказалъ онъ себѣ, покачиваясь на мягкихъ круглыхъ рессорахъ и глядя на весеннее небо съ расходившимися облаками, на обнаженную землю и бѣлыя пятна нестаявшаго снѣга и на туго закрученный хвостъ пристяжной, и вдыхая весенній свѣжій воздухъ, особенно пріятный послѣ воздуха церкви.

«Слава Богу, что причастился, и слава Богу, что можно табачку понюхать». И онъ досталъ табакерку и долго держалъ табакъ въ щепоти, улыбаясь, и этой рукой, не распуская щепоть, приподнималъ шапку въ отвѣтъ на низкіе поклоны встрѣчавшагося народа, въ особенности бабъ, мывшихъ столы и лавки передъ дверьми, въ то время какъ коляска большой рысью крупнаго шестерика шлюпала и погромыхивала по грязи улицы села Излегощи.

Иванъ Петровичъ продержалъ щепоть съ табакомъ, предвкушая удовольствіе нюханья, не только вдоль всего села, но и до выѣзда до дурнаго моста подъ горой, на который

Digitized by Google

видимо не безъ заботы спускалъ кучеръ; онъ подобралъ вожжи, усѣлся лучше и крикнулъ форейтору держать на ледокъ. Когда объѣхали мостъ мимо, логомъ и выѣхали изъ проломившагося льда и грязи, Иванъ Петровичъ, глядя на двухъ чибисовъ, поднявшихся въ логу, понюхалъ и, почувствовавъ свѣжесть, надѣлъ перчатку, закутался, утопилъ подбородокъ въ высокій галстухъ и сказалъ себѣ почти вслухъ «славно», что онъ тайно отъ всѣхъ самъ себѣ говорилъ, когда ему было хорошо.

Въ ночь выпалъ снѣжокъ, и когда Иванъ Петровичъ ѣхалъ еще въ церковь, снѣгъ не сошелъ, но былъ мягокъ; теперь же, хотя солнца все не было, снѣгъ ужь весь съѣло сыростью, и по большой дорогѣ, по которой надо было ѣхать три версты до поворота въ Чираковъ, только по прошлогодней травкѣ, параллельно росшей по проѣзженнымъ колеямъ, бѣлѣлся снѣжокъ; по черной же дорогѣ лошади шлепали по липкой грязи. Но добрымъ, своего завода, кормленнымъ крупнымъ лошадямъ ни по чемъ было влачить коляску, и она точно сама катилась и по травкѣ, гдѣ оставляла черные слѣды, и по грязи, нисколько не задерживаясь. Иванъ Петровичъ пріятно думалъ; онъ думалъ о домѣ, о женѣ и дочери. «Маша встрѣтитъ на крыльцѣ и съ восторгомъ. Она будетъ видѣть во мнѣ такую святость. Странная, милая дѣвочка; только очень ужь она все къ сердцу принимаетъ. И роль важности и знанія всего, что дѣлается на этомъ свѣтѣ, которую я долженъ играть передъ нею, ужь очень становится для меня серьезна и смѣшна. Если бы она знала, что я ея боюсь! подумалъ онъ. Ну, Като (жена) нынче, вѣрно, будетъ въ духѣ, нарочно будетъ въ духѣ и день будетъ хорошій. Не такъ какъ на прошлой недѣлѣ изъ-за прошкинскихъ бабъ. Удивительное существо! И какъ я боюсь ея... Ну, что жь дѣлать, она сама не рада». И онъ вспомнилъ знаменитый анекдотъ о теленкѣ: какъ помѣщикъ, поссорившись съ женою, сѣлъ у окна и увидалъ скачущаго теленка:—женилъ бы тебя! сказалъ помѣщикъ, и опять улыбнулся, по своей привычкѣ разрѣшая всякое затрудненіе,

Digitized by Google

недоразумѣніе шуткою, большею частью относившеюся къ нему самому.

На третьей верстѣ у часовни форейторъ взялъ влѣво на проселокъ, и кучеръ крикнулъ на него за то, что такъ круто поворотилъ, что коренныхъ толкнуло дышломъ; и коляска покатилась почти всю дорогу подъ гору. Не доѣзжая дома, форейторъ оглянулся на кучера и что-то указалъ; кучеръ оглянулся на лакея и указалъ. И всѣ они поглядывали въ одну сторону.

— Что вы смотрите? спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Гуси, сказалъ Михайло.

— Гдѣ?

Какъ ни щурился, онъ ничего не видѣлъ.

— Да вотъ они. Вонъ лѣсъ, а тамъ тучка, такъ въ промежку извольте смотрѣть.

Иванъ Петровичъ ничего не видѣлъ.

— Да ужь пора. Нынче, какъ бишь... недѣлю не доѣздятъ до Благовѣщенія.

— Такъ точно.

— Ну, пошелъ!

У лужка Мишка слѣзъ съ запятокъ и ощупалъ дорогу, опять влѣзъ и коляска благополучно въѣхала на плотину пруда въ саду, поднялась по аллеѣ, проѣхала погребъ, прачешную, съ которой капала вода, и ловко подкатила и стала у крыльца. Со двора только что отъѣзжала бричка Чернышевыхъ. Изъ дома тотчасъ же выскочили люди: мрачный старикъ Данилычъ съ бакенбардами, Николай, братъ Михайлы и мальчикъ Павлушка, а за ними дѣвочка съ черными большими глазами и красными, голыми выше локтя, руками и такою же голою шеей.

— Марья Ивановна, Марья Ивановна! Куда вы? Вотъ мамаша обезпокоятся. Успѣете... говорилъ сзади голосъ толстой Катерины.

Но дѣвочка не слушала ея; какъ ожидалъ отецъ, она схватила его за руку и, глядя на него особеннымъ взглядомъ:

Digitized by Google

— Ну, что, причастился, папенька? точно со страхомъ спросила она.

— Причастился. Ты точно боялась, что я такой грѣшникъ, что мнѣ не дадутъ причастія.

Дѣвочка видимо огорчилась шуткой отца въ такую торжественную минуту. Она вздохнула и, идя за нимъ, держала его руку и цѣловала.

— Кто это пріѣхалъ?

— Это молодой Чернышевъ. Онъ въ гостиной.

— Маменька встала? Что она?

— Маменькѣ нынче лучше. Она сидитъ внизу.

Въ проходной комнатѣ Ивана Петровича встрѣтили няня Евпраксея, прикащикъ Андрей Ивановичъ и землемѣръ, жившій, чтобы отвести землю. Всѣ поздравляли Ивана Петровича. Въ гостиной сидѣла Луиза Карловна Тругони, десять лѣтъ другъ дома, гувернантка-эмигрантка, и молодой человѣкъ, 16 лѣтъ, Чернышевъ, съ гувернеромъ-французомъ.

II.

2-го августа 1817 года въ 6-мъ департаментѣ правительствующаго сената было рѣшено спорное дѣло о землѣ между экономическими крестьянами села Излегощи и Чернышевымъ въ пользу крестьянъ и противъ Чернышева. Рѣшеніе это было неожиданнымъ и важнымъ несчастнымъ событіемъ для Чернышева. Дѣло это тянулось уже пять лѣтъ. Затѣянное повѣреннымъ богатаго трехъ-тысячнаго села Излегощи, оно было выиграно въ уѣздномъ судѣ крестьянами, но когда, по совѣту купленнаго у князя Салтыкова дворового человѣка, ходатая по дѣламъ Ильи Митрофанова, кн. Чернышевъ взялся за это дѣло въ губерніи, онъ его выигралъ и, сверхъ того, излегощинскіе крестьяне были наказаны тѣмъ, что шесть человѣкъ изъ нихъ, нагрубившихъ землемѣру, были посажены въ острогъ. Послѣ того князь Чернышевъ, по свойственной ему добродушной и веселой безпечности, совершенно успокоился, тѣмъ болѣе, что онъ твердо зналъ, что онъ ни-

Digitized by Google

какой земли у крестьянъ не «завлаживалъ», какъ было сказано въ прошеніи крестьянъ. Если была завлажена земля, то его отцомъ, а съ тѣхъ поръ прошло болѣе 40 лѣтъ. Онъ зналъ, что крестьяне села Излегощи и безъ этой земли живутъ хорошо, не нуждаются въ ней и съ нимъ живутъ хорошими сосѣдями, и не могъ понять, изъ чего они на него взбѣсились. Зналъ, что онъ никого не обижалъ и не хотѣлъ обижать, со всѣми всегда жилъ въ любви и только того и желалъ, и потому не вѣрилъ, чтобы его хотѣли обидѣть; онъ ненавидѣлъ сутяжничество и потому не хлопоталъ въ сенатѣ, несмотря на совѣты и увѣщанія своего дѣльца Ильи Митрофанова; пропустивъ срокъ апелляціи, онъ проигралъ дѣло въ сенатѣ, и такъ проигралъ его, что ему предстояло раззореніе. Отъ него, по указу сената, не только отрѣзывалось пять тысячъ десятинъ земли, но за неправильное владѣніе этой землею взыскивалось 107 тысячъ въ пользу крестьянъ. У князя Чернышева было восемь тысячъ душъ, но всѣ имѣнія были заложены, много было долговъ, и это рѣшеніе сената раззоряло его со всѣмъ его большимъ семействомъ. У него были сынъ и пять дочерей. Онъ хватился когда уже поздно было хлопотать въ сенатѣ. По словамъ Ильи Митрофанова, было одно спасенье—подать прошеніе на Высочайшее имя и перевести дѣло въ государственной совѣтъ. Для этого нужно было лично просить кого-нибудь изъ министровъ и изъ членовъ совѣта, и даже, еще бы лучше, самого Государя. Сообразивъ все это, князь Григорій Ивановичъ поднялся осенью 1817 года изъ своего любимаго Студенца, гдѣ онъ жилъ безвыѣздно, со всѣмъ семействомъ въ Москву. Онъ ѣхалъ въ Москву, а не въ Петербургъ, потому что въ этотъ годъ осенью Государь со всѣмъ дворомъ, со всѣми высшими сановниками и съ частью гвардіи, въ которой служилъ и сынъ Григорія Ивановича, долженъ былъ прибыть въ Москву для закладки храма Спасителя въ память избавленія Россіи отъ нашествія французовъ.

Еще въ августѣ, тотчасъ же по полученіи ужаснаго извѣстія о рѣшеніи сената, кн. Григорій Ивановичъ собрался въ

Digitized by Google

Москву. Впередъ былъ посланъ дворецкій для приготовленія собственнаго дома на Арбатѣ, посланъ былъ обозъ съ мебелью, людьми, лошадьми, экипажами и провизіей. Въ сентябрѣ князь со всѣмъ семействомъ на своихъ лошадяхъ въ семи экипажахъ пріѣхалъ въ Москву и поселился въ своемъ домѣ. Родные, знакомые, пріѣзжіе изъ губерніи и изъ Петербурга стали собираться въ Москву въ сентябрѣ; самая жизнь московская съ ея увеселеніями, пріѣздъ сына, выѣзды дочерей и успѣхъ старшей дочери Александры, одной блондинки изъ всѣхъ черныхъ Чернышевыхъ, такъ заняли и развлекли князя, что онъ, несмотря на то, что проживалъ здѣсь, Москвѣ, то что можетъ быть только и останется ему, когда онъ заплатитъ все, что онъ забывалъ о дѣлѣ и тяготился и скучалъ, когда Илья Митрофановъ говорилъ о дѣлѣ, и ничего еще не предпринялъ для успѣха своего дѣла. Иванъ Миронычъ Баушкинъ, главный повѣренный мужиковъ, съ такимъ рвеніемъ ведшій въ сенатѣ дѣло противъ князя, знавшій всѣ ходы и подходы къ секретарямъ и столоначальникамъ, и такъ искусно распредѣлившій въ Петербургѣ собранные съ мужиковъ десять тысячъ рублей въ видѣ подарковъ, теперь тоже прекратилъ свою дѣятельность, и вернулся въ село, гдѣ на собранныя деньги въ свое награжденіе и на оставшіяся отъ подарковъ купилъ рощу у сосѣдняго помѣщика и устроилъ въ ней избу-контору. Дѣло теперь въ высшей инстанціи было кончено и должно было идти само собою.

Изъ всѣхъ замѣшанныхъ въ это дѣло не могли его забыть только тѣ шесть мужиковъ, которые сидѣли седьмой мѣсяцъ въ острогѣ, и ихъ оставшіяся безъ домохозяевъ семьи. Но дѣлать было нечего, они сидѣли въ краснослободскомъ острогѣ, а семьи ихъ старались управляться безъ нихъ. Просить некого было. И самъ Иванъ Миронычъ говорилъ, что за это дѣло онъ взяться не можетъ, что это дѣло не мірское и не гражданское, а уголовное. Мужики сидѣли и никто не хлопоталъ о нихъ. Одна семья Михаила Герасимова, именно: его старуха Тихоновна не могла примириться съ мыслью, что ея золото, старикъ Герасимычъ, сидитъ съ бритой го-

Digitized by Google

ловой въ острогѣ. Тихоновна не могла оставаться спокойною. Она просила Мироныча хлопотать; Миронычъ отказалъ ей. Тогда она рѣшила сама идти Богу молиться за старика. Она годъ тому назадъ уже обѣщалась идти къ угоднику и все за недосугомъ и за нежеланіемъ поручить молодымъ невѣсткамъ хозяйство, откладывала до другого года. Теперь, когда случилась бѣда и Герасимыча посадили въ острогъ, ей вспомнилось обѣщанное; она махнула рукой на хозяйство и вмѣстѣ съ дьяконицею ихъ села собралась на богомолье. Сперва онѣ зашли въ уѣздъ къ старику, гдѣ онъ сидѣлъ въ острогѣ, снесла ему рубахи, и оттуда черезъ губернскій городъ онѣ пошли къ Москвѣ. Дорогой Тихоновна разсказала свое горе, и дьяконица посовѣтовала ей просить Царя, который, какъ слышно, будетъ въ Пензѣ, разсказывая ей, какіе были случаи помилованія. Пріѣдя въ Пензу, странницы узнали, что въ Пензу уже пріѣхалъ—но не Царь, а царскій братъ, Великій Князь Николай Павловичъ. По выходѣ изъ собора въ Пензѣ, Тихоновна протѣснилась впередъ, пала на колѣни и стала просить за хозяина; Великій Князь былъ удивленъ, губернаторъ разсердился, и старуху взяли въ часть; черезъ день ее выпустили и Тихоновна пошла дальше къ Троицѣ. У Троицы Тихоновна отговѣла и исповѣдывалась у отца Паисія. На духу она разсказала ему свое горе и каялась въ томъ, что подавала прошеніе царскому брату. Отецъ Паисій сказалъ ей, что грѣха тутъ нѣтъ и что въ правомъ дѣлѣ и Царя не грѣхъ просить, и отпустилъ ее. И въ Хотьковѣ она была у блаженной и блаженная велѣла ей просить самого Царя. Тихоновна на обратномъ пути вмѣстѣ съ дьяконицей зашла въ Москву къ угодникамъ. Тутъ она узнала, что Царь въ Москвѣ и Тихоновна подумала, что, видно, такъ Богъ велитъ просить Царя. Надо было только написать прошеніе.

Въ Моеквѣ странницы пристали на постояломъ дворѣ. Онѣ попросились ночевать; ихъ пустили. Послѣ ужина дьяконица легла на печи, а Тихоновна, положивъ подъ голову котомку, легла на лавкѣ и заснула. Наутро еще до свѣта Ти-

Digitized by Google

ховна встала, разбудила дьяконицу, и только дворникъ окликнулъ ее, когда она выходила на дворъ.

— Рано поднялась, баушка, оговорилъ онъ ее.

— Пока дойдемъ, кормилецъ, и заутреня, отвѣчала Тихоновна.

— Съ Богомъ, баушка.

— Спаси Христосъ, сказала Тихоновна, и странницы пошли къ Кремлю.

Отстоявъ заутреню и обѣдню, и приложившись къ святынямъ, старухи, съ трудомъ отыскивая дорогу, пришли къ двору Чернышевыхъ. Дьяконица сказала, что старушка барыня крѣпко наказывала ей побывать и всѣхъ странныхъ принимаетъ. Тамъ и человѣчка найдемъ насчетъ прошенія, сказала дьяконица. И странницы пошли плутать по улицамъ, разспрашивая дорогу. Дьяконица была разъ, да забыла. Раза два чутъ не раздавили ихъ, кричали на нихъ, бранили ихъ; разъ полицейскій взялъ дьяконицу за плечи и толкнулъ, запрещая имъ идти по той улицѣ, по которой онѣ шли и направляя ихъ въ лѣсъ переулковъ. Тихоновна не знала, что ихъ согнали съ Воздвиженки именно потому, что по этой улицѣ долженъ былъ ѣхать тотъ самый Царь, о которомъ она не переставая думала, и которому намѣревалась написать и подать прошеніе.

Дьяконица, какъ всегда, шла тяжело и жалостно; Тихоновна, какъ обыкновенно, легко и бодро шагами молодой женщины. У самыхъ воротъ странницы остановились. Дьяконица не узнавала двора: стояла новая изба, которой не было прежде; но оглядѣвъ колодецъ съ насосомъ въ углу двора, дьяконица признала дворъ.

Собаки залаяли и бросились на старухъ съ палками.

— Ничего, тетки, не тронутъ. У, вы, подлыя! крикнулъ дворникъ на собакъ, замахиваясь метлою. — Вишь, сами деревенскія, а на деревенскихъ зарятся. Сюда обходи. Завязнешь. Не даетъ Богъ морозу.

Но дьяконица, заробѣвшая отъ собакъ, жалостно приго-

Digitized by Google

варивая, присѣла у воротъ на лавочку и просила дворника проводить. Тихоновна привычно поклонилась дворнику и, опершись на клюку, разставивъ туго обтянутыя онучами ноги, остановилась подлѣ нея, какъ всегда, спокойно глядя передъ собою и ожидая подходившаго къ нимъ дворника.

— Вамъ кого? спросилъ дворникъ.

— Али не узналъ, кормилецъ? Егоромъ звать, никакъ? сказала дьяконица. — Отъ угодниковъ, да вотъ зашли къ сіятельной.

— Излегощинскія, сказалъ дворникъ. — Стараго дьякона будете? Какже. Ничего, ничего. Идите въ избу. У насъ принимаютъ, никому отказа нѣтъ. А эта чья же будетъ?

Онъ указалъ на Тихоновну.

— Излегощинская же Герасимова, была Ѳадѣева; знаешь, я чай? сказала Тихоновна. — Тоже излегощинская.

— Какже! Да что, сказывали, вашего въ острогъ, что ли, посадили?

Тихоновна ничего не отвѣтила, только вздохнула и подкинула сильнымъ движеніемъ на спину котомку и шубу.

Дьяконица разспросила, дома ли старая барыня и, узнавъ, что дома, просила доложить ей. Потомъ спросила про сына, который вышелъ въ чиновники и служилъ, по милости князя, въ Петербургѣ. Дворникъ ничего не умѣлъ ей отвѣтить и направилъ ихъ въ избу людскую по мосткамъ, шедшимъ черезъ дворъ. Старухи вошли въ избу, полную народомъ: женщинами, дѣтьми, старыми и молодыми дворовыми, и помолились на передній уголъ. Дьяконицу тотчасъ же узнали прачка и горничная старой барыни и тотчасъ же обступили ее съ разспросами; сняли съ нея котомку и усадили за столъ, предлагая ей закусить. Тихоновна между тѣмъ, перекрестившись на образа и поздоровавшись со всѣми, стояла у двери, ожидая привѣта. У самой двери, у перваго окна сидѣлъ старикъ и шилъ сапоги.

— Садись, бабушка; что стоишь. Садись вотъ тутъ, котомку-то сними, сказалъ онъ.

— И такъ не повернешься, куда садиться-то. Проводи ее въ черную избу, отозвалась какая-то женщина.

Digitized by Google

— Вотъ такъ мадамъ отъ Шальме, сказалъ молодой лакей, указывая на пѣтушковъ на спинѣ зипуна Тихоновны,— и чулочки-то, и башмачки.

Онъ показывалъ на ея онучи и лапти — обновки для Москвы.

— Тебѣ бы, Параша, такія-то.

— А въ черную, такъ въ черную. Пойдемъ, я тебя провожу.

И старикъ, воткнувъ шило, всталъ; но увидавъ дѣвчонку, крикнулъ ей, чтобы она провела старушку въ черную избу.

Тихоновна не только не обратила вниманія на то, что говорили вокругъ нея и про нее, но не видѣла и не слыхала. Она, съ тѣхъ поръ какъ вышла изъ дому, была проникнута чувствомъ необходимости потрудиться для Бога и другимъ чувствомъ, она сама не знала когда западшимъ ей въ душу, необходимости подать прошеніе. Уходя изъ чистой избы людской, она подошла къ дьяконицѣ и сказала, кланяясь:

— Объ дѣлѣ-то о моемъ, матушка Парамоновна, ты не забудь, ради Христа. Спроси, нѣтъ ли человѣчка.

— А это чего старухѣ надо?

— Да вотъ обида есть, прошеніе ей люди присовѣтовали Царю подать.

— Прямо къ Царю ее и весть, сказалъ шутникъ лакей.

— Э, дура, вотъ дура-то неотесанная, сказалъ старикъ-сапожникъ.—Вотъ возьму тебя колодкой отучу, не погляжу на твой фракъ, узнаешь, какъ на старыхъ людей зубоскалить.

Лакей началъ браниться, но старикъ, не слушая его, увелъ Тихоновну въ черную.

Тихоновна рада была, что ее выгнали изъ приспѣшной и свели въ черную, кучерскую. Въ приспѣшной все было слишкомъ чисто и народъ все былъ чистый, и Тихоновнѣ было не по себѣ. Въ черной кучерской было похоже на крестьянскую избу и Тихоновнѣ было вольнѣе. Черная была еловая, восьми-аршинная, темная изба, съ большой печью, нарами и полатями и затоптаннымъ грязью, намощеннымъ новымъ поломъ. Въ избѣ въ то время, какъ вошла въ нее Тихоновна, была кухарка, бѣлая, румяная, жирная дворовая женщина, съ засученными рукавами ситцеваго платья, съ

Digitized by Google

трудомъ передвигавшая ухватомъ горшокъ въ печи; потомъ молодой малый—кучеръ, учившійся на балалайкѣ, и старикъ съ небритой, мягкой бѣлой бородой, сидѣвшій на нарахъ съ босыми ногами и, держа мотокъ шолку въ губахъ, шившій что-то тонкое и хорошее, и лохматый черный молодой человѣкъ, въ рубашкѣ и синихъ штанахъ, съ грубымъ лицомъ, который, жуя хлѣбъ, сидѣлъ на лавкѣ у печи, облокотивъ голову на обѣ, утвержденныя на колѣняхъ, руки.

Босая Настька, съ блестящими глазками, вбѣжала своими легкими, босыми ногами впередъ старухи, оторвала влипшую отъ пара дверь и пропищала своимъ тонкимъ голоскомъ:

— Тетушка Марина! Симонычъ вотъ старушку прислалъ, велитъ накормить. Онѣ съ нашей стороны, съ Парамоновной ходили къ угодникамъ. Парамоновну чаемъ поятъ, Власьевна за ней посылала...

Словоохотливая дѣвочка еще долго бы не остановилась говорить; слова такъ и лились у нея и, видно, ей весело было слушать свой голосъ. Но запотѣвшая у печи Марина, не успѣвая все своротить зацѣпившійся за подъ горшокъ со щами, сердито крикнула на нее:

— Ну тебя совсѣмъ, будетъ болтать; какую еще старуху кормить? тутъ своихъ не накормишь. Прострѣли тебя! крикнула она на горшокъ, который чуть не упалъ, сдвинувшись съ мѣста, за которое зацѣпился.

Но, успокоившись теперь насчетъ горшка, она оглянулась и, увидавъ благовидную Тихоновну съ ея котомкой и въ правильномъ деревенскомъ нарядѣ, кладущую кресты и низко кланявшуюся на передній уголъ, тотчасъ же устыдилась своихъ словъ и, какъ бы опомнившись отъ замучившихъ ее хлопотъ, хватилась за грудь, гдѣ ниже ключицы пуговки застегивали ея платье и повѣрила, застегнуто ли оно, и хватилась за голову и подтянула сзади узелъ платка, покрывавшаго ея намасленную голову и остановилась, упершись на ухватъ, дожидаясь привѣтствія благовидной старухи. Поклонившись послѣдній разъ низко Богу, Тихоновна обернулась и поклонилась на три стороны.

Digitized by Google

— Богъ помочь, здравствуйте, сказала она.

— Милости просимъ, тетенька! сказалъ портной.

— Спасибо, бабушка, снимай котомку. Вотъ сюда-то, вотъ, сказала стряпуха, указывая на лавку, гдѣ сидѣлъ лохматый человѣкъ,—Посторонись, что ли. Какъ застылъ, право.

Лохматый, еще сердитѣе нахмурившись, приподнялся и подвинулся и, продолжая жевать, не спускалъ глазъ съ старухи. Молодой кучеръ поклонился и, переставъ играть, сталъ подвинчивать струны своей балалайки, глядя то на старуху, то на портнаго, не зная какъ обратиться съ старухой: уважительно, какъ ему казалось надо, потому что старуха была въ томъ самомъ нарядѣ, въ какомъ ходили его бабушка и мать дома (онъ былъ форейторъ, взятый изъ мужиковъ), или подтрунивая, какъ ему хотѣлось и казалось сообразно съ его теперешнимъ положеніемъ, синей поддевкой и сапогами. Портной поджалъ одинъ глазъ и, казалось, улыбался, подтянувъ шолкъ во рту на одну сторону, и тоже смотрѣлъ. Марина взялась ставить другой горшокъ, но и занятая дѣломъ оглядывала старуху, какъ она бодро и ловко снимала котомку и, стараясь никого не зацѣпить, укладывала ее подъ лавку. Настька подбѣжала къ ней и помогла ей: вынула изъ-подъ лавки сапоги, мѣшавшіе котомкѣ.

— Дядюшка Панкратъ, обратилась она къ угрюмому человѣку,—я сюда сапоги. Ничего?

— А чортъ ихъ дери; хоть въ печь брось, сказалъ угрюмый человѣкъ, бросая ихъ въ другой уголъ.

— Вотъ умница, Настька, сказалъ портной,—дорожнаго человѣка упокоить надо такъ-то.

— Спаси Христосъ, дѣушка. Такъ ладно, сказала Тихоновна.—Тебя только, миленькій, потревожили, обратилась она къ Панкрату.

— Ничего, сказалъ Панкратъ.

Тихоновна сѣла на лавку, снявъ зипунъ и бережно сложивъ его, и начала разуваться. Прежде она развязала оборочки, ею же самою нарочно для богомолья гладко ссученныя; потомъ размотала бережно поярковыя бѣлыя онучи и

Digitized by Google

бережно размявъ, сложила на котомку. Когда она разувала другую уже ногу, у неловкой Марины опять зацѣпился горшокъ и выплеснулся, и опять она стала бранить кого-то, цѣпляя ухватомъ.

— Видно, выгорѣлъ подъ-то, дѣушка, надо бы подмазать, сказала Тихоновна.

— Когда тутъ мазать! Нетолченая труба; двое хлѣбовъ въ день ставишь, одни вынимай, а другіе затѣвай.

По случаю жалобы Марины на хлѣбы и на выгорѣвшій подъ, портной заступился за порядки чернышевскаго дома, и разсказалъ, что пріѣхали вдругъ въ Москву, что всю избу построили въ три недѣли и печь склали, и что дворни до сотни человѣкъ, всѣхъ кормить надо.

— Извѣстное дѣло, хлопоты, заведенье большое, подтвердила Тихоновна.

— Откуда Богъ несетъ, бабушка? обратился портной.

И тотчасъ же Тихоновна, продолжая разуваться, разсказала откуда она и куда ходила, и какъ идетъ домой. Про прошеніе же она ничего не сказала. Разговоръ не прерывался. Портной узналъ все про старуху, а старуха все про неловкую красивую Марину, что ея мужъ солдатъ, а она взята въ кухарки; что самъ портной шьетъ кафтаны выѣзднымъ кучерамъ, что дѣвчонка на побѣгушкахъ у ключницы, сирота, а что мохнатый, угрюмый Панкратъ въ прислугахъ у прикащика Ивана Васильевича. Панкратъ вышелъ изъ избы, хлопнувъ дверью; портной разсказалъ, что онъ и такъ грубый мужикъ, а нынче вовсе грубъ потому, что вчера онъ разбилъ у прикащика штучки на окошкахъ, и его нынче сѣчь хотятъ на конюшнѣ. Вотъ пріѣдетъ Иванъ Васильевичъ и поведутъ сѣчь. Кучеренокъ былъ изъ деревенскихъ взятъ въ фолеторы, да выросъ, и теперь только ему и дѣла, что убирать лошадей, да на балалайкѣ отмахивать. Да не мастеръ....

Графъ Л. Толстой.

Digitized by Google

СЪ КѢМЪ СПОРИТЬ?

Споръ съ человѣкомъ умнѣе тебя: онъ тебя побѣдитъ.—Но изъ самаго твоего пораженія ты можешь извлечь пользу для себя.

Споръ съ человѣкомъ ума равнаго: за кѣмъ бы ни осталась побѣда—ты по крайней мѣрѣ испытаешь удовольствіе борьбы.

Споръ съ человѣкомъ ума слабѣйшаго; споръ не изъ желанія побѣды;—но ты можешь быть ему полезнымъ.

Споръ даже съ глупцомъ! Ни славы, ни выгоды ты не добудешь... Но отчего иногда не позабавиться!

Не спорь только съ Владиміромъ Стасовымъ!

И. Тургеневъ.

Іюнь 1878 г.

Сообщено, по нашей просьбѣ, М. М. Стасюлевичемъ, съ объясненіемъ обстоятельствъ, при которыхъ эта шутка И. С. Тургенева была получена изъ Буживаля, въ октябрѣ 1882 г. Редакторъ «Вѣстника Европы» нашелъ, что одно изъ «Стихотвореній въ прозѣ», напечатанныхъ въ журналѣ (декабрь, 1882), легко могло быть истолковано, какъ личный намекъ, и сообщилъ свое опасеніе ихъ автору. Тургеневъ, отрицая то, заключаетъ свое письмо отъ 14 (26) октября такимъ образомъ:

«Въ доказательство, что я не дѣлаю намековъ, а говорю прямо, прилагаю одно стихотвореньеце, не для печати, разумѣется, а чтобы сорвать съ васъ улыбку»,—и затѣмъ непосредственно слѣдуетъ текстъ самой шутки.

В. В. Стасовъ, съ согласія котораго печатается «стихотвореньеце», обѣщаетъ когда нибудь разсказать, въ своихъ воспоминаніяхъ о знакомствѣ съ покойнымъ, и тотъ случай, который, очевидно, пришелъ на память Тургеневу, горячо поспорившему съ нимъ по какому-то чисто-художественному вопросу. *Ред.*

ТИП. Р. ГОЛИКЕ.

Digitized by Google

Лучъ свѣта въ педагогическихъ потемкахъ.

За тридцать почти лѣтъ передовой человѣкъ своего времени, хирургъ по профессіи, произнесъ смѣлый, рѣзкій и справедливый приговоръ надъ современнымъ ему русскимъ обществомъ, назвавъ его полуязыческимъ, какъ по его воспитательнымъ принципамъ, такъ и по цѣлямъ, какихъ оно держалось въ жизни. Оказывалось, что воспитательныя требованія этого общества противорѣчили идеаламъ христіански просвѣщеннаго общества и законамъ человѣческой природы. Отсюда ясно было, что и родители, естественные воспитатели дѣтей, и спеціалисты педагоги, обязанные выяснять идею воспитанія и направлять его къ разумнымъ цѣлямъ, ходили во тьмѣ. О нихъ можно было сказать: не вѣдятъ, что творятъ. Но невѣдѣніе не есть еще преступленіе. Нашелся просвѣщенный человѣкъ, проникнутый любовью къ пострадавшей своей родинѣ и къ подраставшему юному поколѣнію, которому нужно было исправить ошибки своихъ отцовъ. Онъ сказалъ невѣдущимъ правдивое слово, безъ обиды, безъ укора и вразумилъ многихъ изъ нихъ: они согласились съ нимъ и признали правду. Этотъ передовой человѣкъ былъ извѣстный хирургъ Н. И. Пироговъ. Онъ стремился выяснить идею воспитанія, доказывая, что русское воспитаніе на самой шаткой почвѣ, что съ тѣми идеалами, какихъ оно держалось, не можетъ воспитаться ни человѣкъ въ лучшемъ значеніи этого слова, ни гражданинъ, какъ честный

Тип. А. И. Траншель.

Digitized by Google

слуга своего отечества, что, наконецъ, сами педагоги стояли не на научной почвѣ, которая прежде всего требуетъ знанія общихъ законовъ органическаго развитія и въ частности законовъ физическаго и духовнаго развитія человѣка. Какъ скоро это сознаніе вошло въ область русской педагогіи, то отзываться невѣдѣніемъ законовъ, если не со стороны родителей, то со стороны педагоговъ стало непозволительнымъ, какъ это всегда было не позволительно въ гражданской жизни. Заслуга Пирогова и тѣхъ изъ русскихъ современныхъ ему педагоговъ, офиціальныхъ и неофиціальныхъ, которые вняли его голосу, въ этомъ именно и состоитъ, что теперь извиняться невѣдѣніемъ науки во всѣхъ школьно-воспитательныхъ вопросахъ сдѣлалось не только не дозволительнымъ, но и преступнымъ. Пусть ихъ личная дѣятельность была непродолжительна; но плоды отъ нея остались и никакимъ червемъ источены быть не могутъ. Теперь кто спеціально принимается за школьное дѣло, казалось бы, обязанъ слѣдить за наукою о воспитаніи и сообразоваться съ ея требованіями; но если кто знать ея не хочетъ, тому ужъ нѣтъ оправданія. Къ сожалѣнію невѣдущіе люди со званіемъ педагоговъ въ немаломъ числѣ попадаются и въ наше время и берутся рѣшать педагогическіе вопросы на основаніи однихъ своихъ личныхъ опытовъ или личныхъ измышленій, не имѣющихъ ничего общаго съ наукою о воспитаніи. Но личные опыты, не свѣденные съ общими выводами науки, не имѣютъ никакого значенія, а въ дѣлѣ воспитанія они скорѣе могутъ деморализировать личности, чѣмъ приносить помощь ихъ правильному развитію. Всѣ воспитательныя традиціи, не только не оправдываемыя, но и осужденныя наукою, поддерживаются личными опытами, изъ которыхъ неумѣло и невѣжественно дѣлаются обобщенія на перекоръ научнымъ даннымъ. Если не мало является подобныхъ дѣятелей въ той воспитательной сферѣ, гдѣ требуются только спеціалисты, которые должны бы безъ глумленія относиться къ наукѣ, пользуясь весьма осторожно своими личными опытами, то понятно, что въ сферѣ русскаго *семейнаго* воспитанія въ большинствѣ нечего и требовать чего нибудь

Digitized by Google

выдержаннаго по принципу. Туда еще совсѣмъ не проникъ лучъ научнаго свѣта, даже въ семьи, которыя причисляютъ себя къ образованному обществу. Тамъ по большей части, руководствуются или вѣковыми традиціями о воспитательной силѣ розги и плетки, или собственными чувствами и впечатлѣніями, которыя зависятъ отъ расположенія духа и мѣняются по нѣскольку разъ въ день, или слѣпою вѣрою въ воспитательное искусство иностранокъ, которыя въ большинствѣ такъ же невѣжественны, какъ и сами родители, но воображаютъ себя опытными воспитательницами и самоувѣренно уродуютъ дѣтей нравственно, а иногда и физически. Въ эту кромѣшную тьму могли бы проводить лучи свѣта педагоги-спеціалисты, вооруженные авторитетомъ науки, но для этого нужно, чтобы они сами изучали человѣческую природу и понимали законы ея развитія. При такомъ условіи имъ было бы не трудно опредѣлить направленіе и наклонности дѣтей, поступающихъ изъ семьи въ школу подъ ихъ руководство, и затѣмъ указать на ошибки въ семейномъ воспитаніи противъ естественныхъ законовъ дѣтскаго развитія. Выяснивъ такимъ образомъ личность ребенка въ данный моментъ, воспитатель могъ бы опредѣлить и воспитательныя мѣры, которыми можно хоть отчасти смягчить вредное дѣйствіе неразумнаго домашняго воспитанія.

Вообще надо замѣтить, что наши школьные педагоги почти совсѣмъ не занимались вопросами этого рода, обращая все свое вниманіе лишь на классное обученіе по даннымъ программамъ. Въ этой односторонности заключается главная ихъ ошибка; она мѣшаетъ имъ привести школу въ тѣсную связь съ семьею, и черезъ школу благотворно дѣйствовать на семейное воспитаніе. Причина тому заключается въ ихъ собственномъ одностороннемъ образованіи. Въ огромномъ большинствѣ они не изучали природы, почти совсѣмъ не знакомы научно съ законами органической жизни, и потому не въ состояніи съ этой стороны наблюдать надъ развитіемъ дѣтской природы и изъ своихъ наблюденій дѣлать самостоятельные выводы. Къ сожалѣнію, не всѣ изъ нихъ сознаютъ этотъ недо-

Digitized by Google

статокъ и не замѣчаютъ, что всѣ ихъ усилія въ исключительно-преподавательной сферѣ увѣнчивались бы значительно большимъ успѣхомъ, если бы они могли освободиться отъ своихъ односторонних взглядовъ на школьное обученіе.

Благодаря всему этому, и въ нашей педагогической литературѣ уже за много лѣтъ не являлись рѣшенія крупныхъ педагогическихъ вопросовъ, на основаніи научныхъ данныхъ, которыя бы просвѣтляли взгляды на общее воспитаніе въ обоихъ его періодахъ—семейномъ и школьномъ. Только въ послѣднее время явилась замѣчательная попытка, которая должна привлечь вниманіе всѣхъ занимающихся воспитаніемъ дѣтей, не исключая и отцовъ и матерей; ихъ даже въ особенности. И опять не изъ среды присяжныхъ педагоговъ выходитъ этотъ трудъ, а снова ученый анатомъ вступаетъ въ нашу педагогическую сферу, освѣщая ее свѣтомъ науки и указывая, какимъ мракомъ окружено все наше домашнее воспитаніе, благодаря невѣдѣнію, безпринципности и безхарактерности воспитателей. Этотъ трудъ принадлежитъ профессору Лесгафту Подъ названіемъ „школьные типы“ онъ издалъ свои наблюденія [1]) надъ дѣтьми, вступающими въ школьный возрастъ со всѣми тѣми наклонностями и стремленіями, которыя составляютъ характерныя черты личности и которыя вызываются семейнымъ воспитаніемъ. Эти наблюденія сами по себѣ въ высшей степени интересны и поучительны для каждаго педагога, но интересъ ихъ еще увеличивается соединеніемъ ихъ съ научными данными, которыя дали профессору поводъ назвать его трудъ „антропологическимъ этюдомъ“.

Онъ изложенъ такъ просто, читается такъ легко, касается предмета столь близкаго и знакомаго всѣмъ, что нѣтъ надобности популяризировать его какими либо объясненіями и коментаріями. Необходимо только твердить всѣмъ, занимающимся воспитаніемъ: „читайте, читайте, если хотите добра вашимъ дѣтямъ“. Какъ въ зеркалѣ, отражается въ этюдѣ г. Лесгафта

[1]) Сначала они были напечатаны въ журналѣ „Русское богатство“ въ первыхъ нумер. за 1884; потомъ въ отдѣльной брошюрѣ.

Digitized by Google

всѣ слѣдствія нашего семейнаго воспитанія, слѣдствія неизбѣжныя, потому что по естественнымъ законамъ они должны вытекать изъ существующихъ фактовъ, какъ изъ своихъ причинъ, потому что было бы чудо, еслибы вмѣсто нихъ явилось что нибудь другое. А такіе факты, которые производятъ самыя печальныя слѣдствія, повторяются у всѣхъ передъ глазами какъ въ поступкахъ родителей, такъ и въ обстановкѣ дѣтской жизни, и огромное большинство не придаетъ имъ никакого значенія, а на нѣкоторые изъ нихъ даже смотрятъ какъ на хорошія воспитательныя средства, и никто не винитъ себя, если дѣти еще въ раннемъ незрѣломъ возрастѣ оказываются не такими, какими бы они должны быть Обыкновенно же все сваливаютъ на природу ребенка, съ которою будто бы ничего не подѣлаешь, такъ какъ она не поддастся никакимъ воспитательнымъ мѣрамъ. Но всѣ эти господа мало понимаютъ, что такое „природа“ и, дѣйствуя вопреки естественнымъ законамъ природы, портятъ ее, искалѣчиваютъ тотъ общій типъ, который создается неиспорченною природою, и на нее же сваливаютъ свои вины, слѣдствія своего невѣжества или легкомыслія. Убѣдить такихъ господъ, что силамъ природы въ ихъ развитіи можно давать разное направленіе, что принимая безотвѣтственно тѣ или другія внѣшнія вліянія, она дастъ и плоды не одинаковые, нисколько не противорѣча общимъ законамъ развитія, убѣдить во всемъ этомъ, значитъ внести лучъ свѣта въ семейное воспитаніе. И мнѣ кажется, что Антропологическій этюдъ профессора Лесгафта можетъ послужить этому дѣлу. Можно только посовѣтовать читателямъ не довольствоваться бѣглымъ чтеніемъ, которое очень возможно при легкости изложенія, а вникать въ связь фактовъ съ научными данными, которыми пользуется профессоръ.

Самъ авторъ смотритъ на свой антропологическій этюдъ, какъ на „основаніе для выясненія метода наблюденій за ребенкомъ и установленія причинной связи замѣчаемыхъ у него явленій“. Только на основаніе выясненія этой причинной связи, говоритъ онъ, возможно перейти съ почвы произвола на почву собиранія научныхъ истинъ и основанныхъ на нихъ объек-

Digitized by Google

тивныхъ дѣйствій. Гдѣ искать причинную связь явленій, замѣчаемыхъ у ребенка, указало автору разумное изученіе анатоміи т. е. выясненіе основной идеи постройки человѣческаго организма и его отправленія. Оно неопровержимо убѣдило его, что при дѣйствіи извѣстныхъ причинъ въ дѣтскомъ организмѣ и его отправленіяхъ являются неизбѣжно и опредѣленныя послѣдствія, которыя составятъ основы характера ребенка... „Ребенокъ родится на свѣтъ съ опредѣленнымъ темпераментомъ, говоритъ г. Лесгафтъ, зависящимъ отъ постройки его сосудистой системы съ его центральными органами, и индивидуальность его должна устанавливаться въ семьѣ до школьнаго періода развитіемъ мозговыхъ сознательныхъ центровъ. Въ школѣ же онъ долженъ гармонически развивать всѣ свои способности и научиться управлять собой, причемъ устанавливается его характеръ, развивающійся изъ отношеній волевыхъ отправленій къ чувствованіямъ, зависящимъ отъ проявленія дѣятельности какъ двигательныхъ аппаратовъ, такъ и органовъ растительной жизни...“ Понятно, что съ такимъ взглядомъ профессоръ не могъ отнестись сочувственно къ той педагогіи, которою до сихъ поръ руководствовались наши воспитатели. Въ ней онъ находитъ много шаблоннаго, ненаучнаго, произвольнаго. „Существующую въ настоящее время педагогику“, замѣчаетъ онъ, „можно опредѣлить такимъ образомъ, что это есть предметъ, преподаваемый исключительно въ послѣднихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній и дающій матерьялъ для зубренія къ различнымъ установленнымъ тамъ репетиціямъ и экзаменамъ. Подъ вліяніемъ личныхъ воззрѣній и чувствованій производятся часто самые непозволительные опыты, результаты которыхъ, къ сожалѣнію, остаются обыкновенно неизвѣстными и теряютъ поэтому даже то отрицательное значеніе, которое могли бы имѣть.“

Стремясь утвердить педагогію на основахъ вполнѣ научныхъ, выведенныхъ изъ условій развитія человѣческаго организма, а съ этимъ вмѣстѣ опредѣлить и главныя задачи школы согласно съ этими основами — научить ребенка вла-

Digitized by Google

дѣть и управлять собою, а также развить его характеръ, авторъ находитъ уже совершенно празднымъ споръ о томъ, какое образованіе лучше? „Лучше то, отвѣчаетъ онъ, которое больше развиваетъ разсужденіе, которое ведетъ къ истинѣ. Совершенно не пригоденъ въ школѣ методъ образованія, вліяющій исключительно на развитіе только одного разсудка или органа сложныхъ рефлексовъ съ обширною памятью и неумѣньемъ самостоятельно примѣнять собранныя знанія. Преимущество, которое мы даемъ тѣмъ или другимъ предметамъ при школьномъ образованіи, обыкновенно основано не на знакомствѣ съ значеніемъ избираемыхъ предметовъ, а на заранѣе составленной табели предметовъ, значеніе которыхъ даже защищаютъ заучеными словами и рѣчами и ссылкою на многіе авторитеты, а не спокойной и обстоятельной провѣркою этого значенія. Въ послѣднемъ случаѣ навѣрное бы оказалось, что какъ древніе языки, такъ и естественныя науки и математика могутъ имѣть несомнѣнное образовательное значеніе, и что всѣ они, при извѣстномъ способѣ ихъ примѣненія, забьютъ ребенка и ни въ какомъ случаѣ не будутъ содѣйствовать умственному его развитію. Развѣ не все равно, будетъ ли ребенокъ заучивать совершенно чуждые ему звуки, формы и правила ихъ примѣненія, или же названія всевозможныхъ животныхъ, растеній, или ископаемыхъ, ихъ части и отдѣлы, или массу различныхъ математическихъ дѣйствій и формулъ, если при этомъ онъ никогда спокойно не задумывается и не будетъ разсуждать надъ значеніемъ всѣхъ этихъ звуковъ, формъ и формулъ и т. д., ибо только послѣднимъ путемъ онъ разовьетъ у себя тѣ необходимыя ему человѣческія способности, изъ за которыхъ онъ явился въ школу. Но кромѣ того педагоги упускаютъ изъ виду еще одно очень важное условіе, несоблюденіе котораго указываетъ на ихъ полное незнакомство съ природою ребенка и съ взаимною связью всѣхъ его отправленій... Для вполнѣ сознательнаго умственнаго акта необходима болѣе продолжительная и настойчивая умственная работа, требующая, конечно, также продолжительнаго времени. Каждый занимаю-

Digitized by Google

щійся умственною работою изъ собственнаго опыта знаетъ, какъ сильно утомляетъ серьезный однообразный умственный трудъ, и что подобныя продолжительныя занятія возможны только либо послѣ долгаго и настойчиваго упражненія, либо при частомъ измѣненіи качества труда, и наконецъ при смѣнѣ умственнаго труда физическимъ. При томъ же мало образовать умнаго и понимающаго человѣка, необходимо еще, чтобы онъ могъ настойчиво и энергично проявлять свои волевыя функціи и былъ бы въ состояніи твердо держаться выработанныхъ истинъ и принциповъ. Слѣдовательно не утомлять ребенка не посильнымъ умственнымъ трудомъ и помочь ему выработать изъ себя стойкаго, неуклоннаго и энергичнаго борца за свои идеи, за истину — вотъ очень существенныя требованія, которыя однакожъ обыкновенно совершенно упускаются изъ виду педагогами и, можетъ быть, даже именно вслѣдствіе того, что они недостаточно изучаютъ природу ребенка."

Нельзя не замѣтить, что въ этомъ взглядѣ на школьное воспитаніе г. Лесгафтъ сходится со взглядами Пирогова, который развивалъ свой идеалъ именно на этой почвѣ. Но то, что у Пирогова высказывалось какъ желаніе или, лучше сказать, мечтаніе, у г. Лесгафта опредѣленно ставится въ связи со средствами осуществленія. Мы уже не можемъ предложить ему вопросъ, какимъ путемъ стремиться къ достиженію этого высокаго идеала, онъ указываетъ намъ на этотъ путь, выходя изъ научныхъ опредѣленій, и слѣдственно уже далекій отъ области мечтаній.

Съ большимъ сочувствіемъ относится г. Лесгафтъ къ воспитанію и образованію юношества въ классической Греціи, и ставитъ ихъ въ образецъ новымъ народамъ; но при этомъ замѣчаетъ, что слѣдовало бы взять только идею образованія у древнихъ во всѣхъ ея проявленіяхъ, а не откалывать отъ него кусокъ, форму, которую мы заимствовали для нашихъ школъ. «Программой послѣднихъ, прибавляетъ онъ, можно развить только разсудочные, а не разумные центры, да и тѣ мы отчасти ослабляемъ неимовѣрнымъ однообразнымъ трудомъ

Digitized by Google

организма, вслѣдствіе пониженій общаго обмѣна элементовъ. Что же касается до развитіи стойкости и энергіи, а также умѣнья владѣть собою, то это вопросы, которые оставлены совершенно въ сторонѣ; къ физическому развитію вообще относятся даже съ презрѣніемъ, предполагая, что такимъ грубымъ дѣломъ могутъ заниматься только одни акробаты и отставные служивые. Все это зависитъ отъ узкихъ воззрѣній и односторонности педагоговъ и отъ ихъ незнанія природы ребенка.»

Сходится г. Лесгафтъ съ Пироговымъ и въ требованіяхъ сообразоваться какъ можно болѣе съ индивидуальностью учениковъ, съ ихъ внутреннимъ бытомъ, для того чтобы передаваемая имъ наука имѣла для нихъ образовательную силу. Но г. Лесгафтъ даетъ при этомъ наставникамъ возможность вѣрнѣе и скорѣе знакомиться съ личностью учениковъ въ школьной массѣ, раздѣляя ихъ на типы и разсматривая, въ какомъ видѣ ребенокъ является въ школу и какая связь существуетъ между его прежнею семейною жизнію и тѣмъ типомъ, къ которому его можно отнести при появленіи въ школѣ. Этотъ трудъ свидѣтельствуетъ о громадномъ запасѣ наблюденій надъ дѣтьми въ ихъ семейной и школьной жизни и о рѣдкой способности наблюдать, группировать наблюденія и выводить типическія черты для общей характеристики. Авторъ рисуетъ самые характерные типы, какіе являются въ нашей школѣ, развившись подъ вліяніемъ семейнаго воспитанія: типъ лицемѣрный, честолюбивый, добродушный и забитый. Послѣдній подраздѣляется на типъ забитый—злостный, забитый мягкій и угнетенный. Въ лицемѣрномъ типѣ онъ видитъ осуществленіе идеи лжи со всѣми ея видоизмѣненіями, въ честолюбивомъ—осуществленіе идеи первенства или величія, въ добродушномъ—идеи правды, и во всѣхъ остальныхъ типахъ—идеи гнета. Слѣдя за образованіемъ всѣхъ этихъ типовъ, авторъ, конечно, долженъ былъ коснуться той семейной обстановки, въ которой вырабатываются характеристическія ихъ черты, стараясь при этомъ выяснить, на основаніи какихъ законовъ природа ребенка перерабатываетъ тѣ или

Digitized by Google

другія получаемыя внѣшнія впечатлѣнія. Все это такъ правдиво и такъ знакомо каждому изъ насъ, что получаетъ особенный интересъ, освѣщенное научнымъ анализомъ. При чтеніи разныхъ описаній картинъ и сценъ семейной жизни, такъ и хочется подсказать автору множество другихъ однородныхъ примѣровъ, которые подтверждаютъ его выводы, указать на много знакомыхъ дѣтскихъ личностей, которыя подходятъ подъ тотъ или другой типъ и которыя развивались подъ вліяніемъ именно тѣхъ-же самыхъ семейныхъ впечатлѣній.

Изъ всѣхъ типовъ, представленныхъ авторомъ, желательнымъ, конечно, является типъ добродушный; но онъ-то всего рѣже, и попадается въ школьной массѣ; изъ этого нужно заключить что въ русскихъ семьяхъ рѣже всего развиваются тѣ условія, при которыхъ образуются дѣти этого типа. А эти условія по наблюденіямъ г. Лесгафта—„тихая, спокойная и въ особенности деревенская жизнь съ самаго рожденія на свѣтъ; любящая добрая мать или другое близкое ребенку лицо, отсутствіе всякой похвалы и внѣшности, дѣйствующей (сильно) на чувствованіе, а также отсутствіе какихъ-либо мѣръ наказанія или преслѣдованія ребенка. Ребенокъ, напротивъ того, пользуется полною свободою; ко всѣмъ его нуждамъ и требованіямъ относятся со вниманіемъ и удовлетворяютъ ихъ, насколько это возможно и насколько позволяютъ обстоятельства; въ противномъ случаѣ всегда выясняютъ причину отказа. Ребенокъ никогда не подвергается никакимъ произвольнымъ дѣйствіямъ или насиліямъ,—онъ всегда узнаетъ причину тѣхъ требованій, которыя ему ставятъ. Все это дѣлается не по искуственному шаблону, а благодаря добрымъ и простымъ отношеніямъ къ ребенку, благодаря тому, что живутъ жизнью ребенка и изъ участія къ нему невольно выясняютъ всѣ причины своихъ дѣйствій. Необходимыя для того, отъ окружающихъ его, сдержанность и привычка останавливаться надъ явленіями и ихъ обсужденіемъ содѣйствуютъ также спокойному выясненію появляющихся у ребенка вопросовъ и сомнѣній. Ему ничего не навязываютъ, не вбиваютъ, а только возможно просто выясняютъ и отвѣчаютъ на его же вопросы; а въ случаѣ незнанія

Digitized by Google

или неумѣнія объяснить—прямо сознаются въ этомъ, не отдѣлываясь отъ ребенка непонятными для того фразами и не прогоняя его безъ разсужденія... Къ числу необходимыхъ условій при воспитаніи ребенка добродушнаго типа должно быть отсутствіе всякихъ искусственныхъ мѣръ, служащихъ для развлеченія ребенка, какъ напр. торжественные обѣды, пиршества, балы, театры и т. п. Игры и занятія онъ самъ себѣ отыскиваетъ—доставляйте только ему для этого все необходимое. Въ случаѣ его собственныхъ заявленій, ему помогаютъ при устройствѣ его занятій и развлеченій. Занятія постепенно увеличиваются соотвѣтственно требованіямъ и понятіямъ ребенка, но никогда его не забрасываютъ непосильнымъ трудомъ и не навязываютъ занятій, несоотвѣтствующихъ степени его развитія: до школьнаго періода ему предоставляется свободный выборъ ихъ, причемъ всегда съ участіемъ относятся ко всѣмъ его требованіямъ и заявленіямъ. Здѣсь также нѣтъ еще школьной системы—толковое, простое и правдивое отношеніе близкаго человѣка, всегда готоваго помочь и указать необходимое, способствуетъ повидимому главнымъ образомъ дальнѣйшему развитію ребенка добродушнаго типа".

Почему такъ важны и необходимы всѣ эти условія для развитія ребенка добродушнаго типа, г. Лесгафтъ выясняетъ на основаніи законовъ развитія человѣческаго организма, которыхъ повторять здѣсь мы не будемъ. Мы привели эти условія съ цѣлью показать, что одной родительской любви слишкомъ еще мало для того, чтобы направить воспитаніе къ желанному типу, хотя она въ то же время и необходима. Въ нашихъ семьяхъ, преимущественно въ среднемъ классѣ, обыкновенно воспитаніе страдаетъ отъ чрезмѣрной родительской любви, съ которою не умѣютъ справляться по безхарактерности, отличающей многихъ русскихъ образованныхъ людей нашего времени: она, конечно, есть также слѣдствіе ошибочнаго воспитанія этого поколѣнія. Одна любовь—воспитатель слѣпой и чаще всего не достигаетъ тѣхъ цѣлей, какія ею намѣчаются. Въ нашихъ семьяхъ любовь по большей части воспитываетъ дѣтей типа честолюбиваго, или лицемѣрнаго, или забитаго-мягкаго, ко-

Digitized by Google

торые никакъ не могутъ быть гордостью и утѣшеніемъ родителей, а въ зрѣломъ возрастѣ украшеніемъ общества. То блестящее воспитаніе, какое многіе достаточные родители изъ любви къ дѣтямъ стремятся дать имъ, не дѣлаетъ изъ нихъ блестящихъ людей, способныхъ вносить въ общую жизнь благо, а напротивъ производитъ крайнихъ эгоистовъ, или людей, не умѣющихъ справляться съ своими чувствами, или апатичныхъ, и неспособныхъ къ какой либо дѣятельности, требующей нѣкоторой настойчивости, не говоря уже о людяхъ съ твердымъ убѣжденіемъ, стоящихъ непоколебимо на выработанныхъ принципахъ жизни. Но анализируя эту любовь и сравнивая ее съ тою, какая воспитываетъ дѣтей добродушнаго типа, мы не назовемъ и то и другое чувство тожественными: къ первому примѣшивается въ значительной долѣ эгоизмъ въ разныхъ видахъ, тогда какъ второе отличается полнымъ безкорыстіемъ. Обыкновенно отцы и матери воображаютъ, что они любятъ своихъ дѣтей безкорыстно, но на самомъ дѣлѣ это рѣдко бываетъ. Если вы наряжаете своихъ дѣтей, какъ куколокъ, съ цѣлью ими любоваться или вызывать восторгъ отъ посторонних людей, если вы доставляете имъ удовольствія, несоотвѣтственныя ихъ возрасту, вводите ихъ въ кругъ веселящихся взрослыхъ людей, если вы ищите случая, гдѣ бы ваши дѣти могли отличиться передъ другими, или услаждаетесь похвалами, расточаемыми имъ въ ихъ присутствіи, то ваша любовь не безкорыстная: вы не замѣчаете, что здѣсь работаетъ ваше тщеславіе, которое воспитываетъ честолюбцевъ, людей поверхностныхъ, неспособныхъ ни на какія движенія безъ разсчета на личныя выгоды. Если вы пріучаете вашихъ дѣтей выпрашивать у васъ ласками то, что доставляетъ имъ удовольствіе или что слѣдуетъ имъ по праву; если вы пользуетесь каждымъ случаемъ, чтобы повторять имъ мораль въ общихъ фразахъ, а сами на каждомъ шагу противорѣчите себѣ, допуская въ своихъ поступкахъ обманъ, несправедливость и подобн.; если вы безразсудно взыскательны къ нимъ за каждый ихъ проступокъ, который не согласуется съ вашимъ понятіемъ объ умникѣ; если вы не допускаете въ нихъ никакихъ разсужденій и объясненій въ

Digitized by Google

свою защиту; если вы хотите, чтобы васъ уважали ваши дѣти только на томъ основаніи, что вы ихъ отецъ или мать, то ваша любовь и здѣсь не можетъ назваться безкорыстною: ею управляетъ вашъ эгоизмъ; вы думаете только о томъ, чтобы къ числу вашихъ выгодъ или удовольствій присоединить и удовольствіе отъ дѣтскихъ ласкъ или отъ сознанія, что выполняете (хоть бы только и внѣшнимъ образомъ) родительскій долгъ; вы не допускаете къ себѣ дѣтей на такую близость, которая можетъ угрожать вашему спокойствію, цѣнимому вами болѣе всего; вы не даете вашимъ дѣтямъ добра, а одолжаете ихъ съ разсчетомъ, что впослѣдствіи они вамъ заплатятъ за него, можетъ быть, съ лихвою, и уже заранѣе твердите имъ о благодарности. А между тѣмъ такая ваша любовь воспитываетъ вамъ холодныхъ лицемѣровъ, которые будутъ цѣнить не только ваше, но и всякое чувство, насколько это будетъ имъ выгодно. Наконецъ, если ваша любовная забота о ребенкѣ связываетъ каждый его шагъ, если вы предупреждаете всякую самостоятельную его дѣятельность, если вы за него и думаете, и все дѣлаете, исполняя въ то же время и всѣ его желанія, если для васъ имѣетъ особенную цѣнность внѣшняя обрядность, которая ставится въ число нравственныхъ правилъ и по которой прежде всего вами оцѣнивается человѣкъ; если вы стараетесь оправдывать вашего ребенка даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ проявляетъ неправду, обманъ и другіе пороки, то ваша любовь далеко не безкорыстна: вы менѣе всего думаете о будущемъ, для котораго должны воспитывать ребенка; вы живете только настоящими минутами и, не сѣя, хотите тотчасъ-же вкушать вкусные плоды; вы боитесь и труда и огорченій для ребенка, потому что это вамъ самимъ крайне непріятно. Со стороны можетъ показаться, что вы живете только для своихъ дѣтей, да вамъ и самимъ это такъ кажется, но на самомъ дѣлѣ вы живете только для себя самихъ, а свою родительскую любовь употребляете, какъ средство для наслажденія жизнью. Ваша любовь забиваетъ силы ребенка, и его можно подвести только подъ тотъ типъ, который г. Лесгафтъ

Digitized by Google

называетъ типомъ забитымъ мягкимъ, „матушкинымъ сынкомъ", не годнымъ ни на какое дѣло.

Безкорыстная любовь можетъ явиться только тогда, когда въ любимомъ ребенкѣ видятъ прежде всего человѣка, рожденнаго не для чьей либо потѣхи, а для самаго себя, для собственнаго счастія, для возможно полнаго выраженія идеи человѣческой жизни, человѣка, которому принадлежитъ будущее, но который въ настоящемъ требуетъ помощи, чтобы подняться, твердо стать на ноги и устроить свою судьбу согласно съ своимъ человѣческимъ назначеніемъ. Безкорыстная любовь и имѣетъ въ виду только будущее, потому что въ немъ должно будетъ вполнѣ проявить свои человѣческія силы это слабое, пока еще неопытное существо, но со всѣми задатками тѣхъ силъ. Безкорыстная любовь не можетъ дѣйствовать слѣпо, безъ разсужденій, безъ критики, потому что ей нужно приготовить человѣка для жизни, слѣд. ничего не измять, не испортить, не подавить въ его человѣческомъ образѣ. Она только питается надеждою, съ которою лишь и соединяются ея умѣренныя похвалы для ободренія любимаго ребенка. Она хорошо понимаетъ смыслъ римской пословицы: „non puer, spes laudatur" (хвалится не мальчикъ, а надежда), и потому разборчива въ своихъ похвалахъ. Все остальное уже устраивается и складывается само собою: является и спокойная, правильная жизнь, и дружелюбныя бесѣды, и не безцѣльныя разсужденія, вызывается и любовь къ людямъ; не оказывается и нужды во взысканіяхъ, или какомъ нибудь гнетѣ, а тѣмъ болѣе въ сильныхъ наказаніяхъ. Послушаніе ребенка здѣсь является вслѣдствіе его увѣренности, что все, что запрещается, въ самомъ дѣлѣ не хорошо и можетъ принести ему вредъ; но за то и запрещенія дѣлаются не по капризу и не безпричинно. Идея правды и неправды, добра и зла вырабатываются у него изъ правильныхъ человѣчныхъ отношеній къ нему, и его нравственность получаетъ твердыя основы безъ частыхъ повтореній отвлеченной морали.

Безкорыстная любовь не требуетъ и того, что бы ей были пожертвованы всѣ другіе интересы жизни, чтобы все время было

Digitized by Google

отдано дѣтямъ; такая узкость скорѣе послужила бы ей во вредъ, незамѣтно внесла бы въ жизнь эгоизмъ, отдалила бы отъ людей, внесла бы равнодушіе къ общественнымъ идеаламъ, что все не будетъ свидѣтельствовать о высокомъ нравственномъ развитіи, которое должно входить въ идеалъ воспитателя.

Къ сожалѣнію такой любовью отличаются не многіе родители; къ ней ихъ не приготовило собственное ихъ воспитаніе; ей мѣшаютъ невыясненныя ихъ понятія о жизни, о человѣкѣ; ее подавляетъ неумѣнье владѣть своими чувствами и подчинять ихъ разумной волѣ. Отъ всего этого и дѣтей добродушнаго типа сравнительно не много можно встрѣтить въ нашихъ школахъ; тогда какъ дѣти другихъ типовъ являются отвсюда: изъ достаточныхъ образованныхъ семей — чаще всего типы лицемѣрные, честолюбивые, и мягко-забитые, а иногда и забитые злостно, преимущественно изъ рукъ иностранцевъ-гувернеровъ и гувернантовъ, въ особенности англичанокъ, которымъ родители безконтрольно ввѣряютъ воспитаніе своихъ дѣтей; изъ семей разбогатѣвшихъ необразованныхъ купцовъ являются дѣти, подходящіе къ типу злостно-забитому или лицемѣрному; изъ хорошихъ нравственныхъ, но недостаточныхъ семей—дѣти типа угнетеннаго. Это преобладаніе одного типа въ томъ или другомъ классѣ или сословіи ясно свидѣтельствуетъ, какое вліяніе имѣютъ обстановка и всѣ условія домашней жизни на развитіе дѣтскаго организма, а съ этимъ вмѣстѣ и на психическія проявленія жизни ребенка.

Говоря о добродушномъ типѣ, г. Лесгафтъ тонко подмѣтилъ, какой недостатокъ иногда является у дѣтей этого типа, выходящихъ изъ русскихъ семей: недостатокъ настойчивости въ дѣйствіяхъ, мягкость и уступчивость нрава, а иногда просто неподвижность и даже лѣнь, отчего лица такого типа часто недостаточно противодѣйствуютъ злу. „А впрочемъ, при этомъ прибавляетъ г. Лесгафтъ, это замѣчается преимущественно у взрослыхъ и въ томъ случаѣ, если при этомъ страдаютъ одни личные ихъ интересы; въ противномъ случаѣ, разъ убѣдившись во вредѣ, приносимомъ другому лицу или обществу, они сбрасываютъ съ себя свою лѣнь и являются энергичными и силь-

Digitized by Google

ными борцами за правду. Во всякомъ случаѣ однако лѣнь ихъ болѣе физическая, чѣмъ умственная; послѣдняя при извѣстныхъ условіяхъ можетъ выразиться преобладаніемъ фантазіи — постройкою всевозможныхъ несбыточныхъ проектовъ и воздушныхъ замковъ, но все же мысль его будетъ постоянно работать. До бездѣйствія, до этой праздной жизни въ области фантазій человѣка добродушнаго типа чаще всего доводятъ его прямота и честность, не позволяющія ему уживаться съ ложью, нахальствомъ, насиліемъ и съ этой дѣловитостью, единственной цѣлью которой, какъ будто въ силу круговой поруки, стало „урвать кусокъ“, а также съ однообразною или механическою дѣятельностью. Онъ не въ состояніи мириться съ ними, онъ оставляетъ тогда свою дѣятельность, хотя бы личное его положеніе было однимъ изъ выгодныхъ, и легко дѣлается лишнимъ человѣкомъ, который безъ матеріальныхъ средствъ строитъ планы, проекты и утоляетъ расходившуюся фантазію употребленіемъ наркотическихъ средствъ.“

Конечно все это много зависитъ отъ условій общественной жизни, которыя должны измѣниться къ лучшему отъ развитія образованія въ массѣ. Г. Лесгафтъ возлагаетъ надежды на школу, которая должна дать ребенку добродушнаго типа больше энергіи и настойчивости въ борьбѣ съ препятствіями, развивая конечно въ то же время болѣе и болѣе его свойства. При этомъ разумѣется такая школа, гдѣ обращается вниманіе на индивидуальность ребенка; во всякой же другой школѣ дѣти этого типа скорѣе чѣмъ другіе портятся къ удивленію своихъ родителей и всѣхъ знающихъ ихъ въ семейной ихъ жизни. „Ребенокъ добродушнаго типа, говорилъ г. Лесгафтъ, всего нагляднѣе и убѣдительнѣе показываетъ намъ, какъ легко совершенно разстроить его жизнь неумѣлымъ обращеніемъ и требованіями. Онъ привыкъ самъ распоряжаться своимъ временемъ и всѣми своими дѣйствіями, медленно и спокойно заниматься дѣломъ. Онъ наконецъ исполнялъ все только справедливыя и необходимыя требованія, основательность которыхъ ему всегда выясняли. Можетъ ли ребенокъ послѣ этого вдругъ войти въ жесткія рамки шаблона, выработаннаго въ другой землѣ, для

Digitized by Google

другаго типа, живущаго при совершенно другихъ условіяхъ? Можетъ ли онъ вдругъ, безъ всякаго разсужденія, зазубривать всевозможныя знанія только потому, что они требуются по той табели, которая составлена по знакомству со всѣми этими предметами, а не на основаніи пониманія умственнаго склада ребенка и условій, необходимыхъ для развитія человѣческихъ качествъ и достоинствъ послѣдняго? Понятно, что все это положительно невозможно, и всегда, и вездѣ неминуемо приведетъ только къ извращенію ребенка и къ искорененію лучшихъ его качествъ. Въ такомъ случаѣ мы учимъ ребенка только для того, чтобы запрудить умственные центры знаніями, извергаемыми имъ въ различныхъ случаяхъ, иногда впопадъ, а иногда и нѣтъ; или же только для того, чтобы онъ выдерживалъ экзамены и никогда не былъ въ состояніи понимать себя и своего ближняго и цѣнить человѣка во всѣхъ его проявленіяхъ... Ребенокъ добродушнаго типа можетъ явиться въ такомъ безобразномъ видѣ, что его даже исключаютъ оттуда, опасаясь его вреднаго вліянія на товарищей. Въ сущности ребенокъ здѣсь не причемъ—онъ привыкъ разсуждать, привыкъ къ мягкому, справедливому и прямому обращенію, а методисты вдругъ начинаютъ вколачивать его въ свой шаблонъ, къ которому онъ никакъ не подходитъ, и изъ мягкаго, добраго, разсуждающаго и правдиваго ребенка выходитъ отчаянный человѣкъ, готовый на самыя крайнія дѣйствія и выходки. Здѣсь являются послѣдствія нами же созданныхъ причинъ—они должны быть и неминуемо явятся... Въ школѣ, въ которой не учатъ ребенка разсуждать, и ничего не дѣлаютъ для развитія характера молодаго человѣка, добродушный типъ въ лучшемъ случаѣ, при мягкомъ съ нимъ обращеніи, будетъ выполнять главныя требованія и нѣсколько разовьетъ память. Онъ могъ бы быть вполнѣ самостоятельнымъ и даже плодотворнымъ дѣятелемъ; но часто бросаетъ свою дѣятельность, потому что духъ замираетъ, жить нельзя, обвиняя всегда себя во всѣхъ своихъ неудачахъ. Чѣмъ меньше школа повліяетъ на такого ребенка, тѣмъ легче онъ является мечтателемъ или въ видѣ типа, такъ мастерски представленнаго въ „Обломовѣ“—этого лишняго человѣка чистой

Тип. А. И. Траншель.

Digitized by Google

души, плохо ужившагося съ тою средою, въ которой ему приходилось вращаться, и страдавшаго отсутствіемъ настойчивости и энергіи. Наконецъ въ худшихъ случаяхъ, при преслѣдованіяхъ и наказаніяхъ, образуется злостный, отчаянный человѣкъ, но все же съ доброю и правдивою душою, у котораго даже послѣ страшнаго злодѣянія простымъ, мягкимъ и справедливымъ словомъ можно вызвать слезы и самое искреннее признаніе..."

Кто изъ прошедшихъ школу стараго времени не припомнитъ изъ своихъ товарищей такихъ сорванцовъ, съ которыми начальство не знало, что дѣлать, и которые поступали въ школу добродушными мальчиками? Родители ихъ обыкновенно винили товарищество: будто-бы оно испортило ихъ сына, а на самомъ дѣлѣ порчѣ способствовала вся система школьнаго воспитанія, чего не сознавалъ никто изъ воспитателей. И много прекрасныхъ силъ, благодаря школѣ, получило дурное направленіе. Но тогда въ нашей школьной педагогіи были совершенныя потемки. Многіе, конечно, скажутъ, что въ послѣднее двадцатипятилѣтіе эти потемки значительно прояснились, и отношеніе школы къ ученикамъ стало совершенно другое. Съ этимъ, пожалуй, согласились-бы и мы, еслибы не факты послѣдняго времени, въ которыхъ выразилось сознаніе несостоятельности нашей школьной педагогіи. Вдругъ явился вопросъ о возобновленіи въ школахъ тѣлесныхъ наказаній, которыя въ старое время считались главнымъ воспитательнымъ средствомъ, но въ болѣе новое время были осуждены, оставлены и, наконецъ, казались забытыми. Надо было заключить, что наши педагоги нашли возможность дѣйствовать на учениковъ нравственными средствами и воспитывать людей вполнѣ по-человѣчески, навсегда отказавшись отъ тѣхъ варварскихъ орудій, которыя дрессируютъ рабовъ и скотовъ. Но вдругъ оказалось, что этихъ нравственныхъ средствъ нѣтъ, что безъ тѣлеснаго наказанія воспитаніе является несостоятельнымъ, что нужно снова взяться за пучки розогъ и воскресить доброе старое время, когда всякій отставной маіоръ или даже плѣнный барабанщикъ наполеоновской арміи, вооруженный

Digitized by Google

такими пучками, могъ быть исправнымъ школьнымъ воспитателемъ. И кто могъ подумать, что вопросъ о розгахъ можетъ сдѣлаться у насъ серьезнымъ вопросомъ даже на педагогическихъ совѣтахъ, послѣ того какъ тамъ рѣшалось много дѣйствительно серьезныхъ вопросовъ, которые должны-бы выяснить идею нравственнаго воспитанія человѣка? И что-же? оказалось возможнымъ не только поднять этотъ вопросъ, но и собрать достаточно голосовъ въ пользу вбиванія нравственности въ ученическія души спасительными пучками. И стояли за эти средства не какіе-нибудь новички или диллетанты, а повидимому, педагоги опытные, по крайней мѣрѣ они умѣли прослыть за опытныхъ, и въ доказательствахъ своихъ ссылались на факты, какъ будто убѣдительные, указывая на людей почтенныхъ, которыхъ въ дѣтствѣ сѣкли безъ церемоніи, и которые сдѣлались даже хорошими чиновниками; иные даже ставили въ примѣръ самихъ себя; да и почтенные люди не отказывались подтверждать ихъ указанія собственнымъ свидѣтельствомъ. И все это въ совокупности дѣйствовало на людей колеблющихся въ произнесеніи рѣшительнаго отвѣта на вопросъ „сѣчь или не сѣчь дѣтей“, и они подавали свой утвердительный голосъ. Въ виду этого, какъ-же воображать, что мы далеко ушли отъ тѣхъ потемокъ, въ которыхъ насъ самихъ воспитывали.

Чтобы представить, какъ красивы были школы, гдѣ розгѣ придавалось воспитательное значеніе, я обращаюсь къ своимъ воспоминаніямъ. Въ тридцатыхъ годахъ одною изъ лучшихъ школъ въ Петербургѣ считалось нѣмецкое Аннинское училище. Низшіе классы тамъ были переполнены учениками: большинство, конечно, были изъ нѣмецкихъ семей, русскихъ сравнительно было не много. Кромѣ многихъ легкихъ наказаній за лѣность и шалости, тамъ пользовались и другими болѣе чувствительными — обыкновеннымъ сѣченіемъ, карцеромъ и сѣченіемъ по ладонямъ, или какъ тогда называли „по руками“. Къ двумъ первымъ прибѣгали очень рѣдко, за то послѣднее было почти въ ежедневномъ ходу. Рѣдкій день проходилъ, чтобы изъ того или другаго класса въ дверяхъ

Digitized by Google

корридора не слышался голосъ кого либо изъ педагоговъ: Schuldiener, Ruthen! Тотчасъ-же являлся въ классъ шульдинеръ (сторожъ) съ двумя пучками розогъ подъ мышкою и здѣсь находилъ нѣсколько мальчиковъ, стоявшихъ передъ кафедрою учителя, съ которыми ему предстояло имѣть дѣло. Прочіе ученики молча сидѣли на своихъ мѣстахъ въ ожиданіи привычнаго зрѣлища. Молчаніе нарушалось всхлипываніемъ какого либо новичка, попавшаго въ число виновныхъ и еще не привыкшаго къ нѣмецкому способу воспитанія. Педагогъ спокойно называетъ по имени того, кто долженъ былъ первый выступить на арену и стать лицомъ къ лицу передъ ликторомъ, который въ правой рукѣ держалъ на готовѣ пукъ длинныхъ прутьевъ. Названный выступалъ впередъ, иной съ плачемъ и съ просьбою о помилованіи, другой молча, насупившись, третій съ какой-то отчаянной отвагой съ видимымъ намѣреніемъ показать себя храбрецомъ передъ товарищами. Затѣмъ начиналось вытягиваніе рукъ, одной за другою, передъ шульдинеромъ, который съ размаха мѣтко хлесталъ по ладонямъ: иной подставлялъ ихъ быстро подъ удары, желая скорѣе отдѣлаться отъ этой противной сцены и глотая слезы отъ жгучей боли; другой, напротивъ, замедлялъ свои движенія, съ плачемъ потирая о бедра ладонь, обозженную концами гибкихъ прутьевъ и не рѣшаясь выставить впередъ для той-же операціи другую ладонь. Тогда уже требовалось понужденіе со стороны педагога, отъ усмотрѣнія котораго зависѣло число ударовъ, доходившее иногда до двадцати. Обыкновенно послѣ шести-осьми ударовъ ладони и пальцы наливались кровью, вспухали и послѣ долго горѣли и дрожали, когда приходилось писать. Въ теченіе учебнаго года очень немногіе спасались отъ участія въ этихъ представленіяхъ, которыя зависѣли отъ расположенія духа каждаго преподавателя или начальства. Впрочемъ не всѣ изъ преподавателей любили пользоваться услугами шульдинера; болѣе свирѣпые приносили съ собою пучокъ розогъ и расправлялись сами, не сходя даже съ высокой кафедры, а подзывая къ ней провинившагося. Иногда, впрочемъ, они употребляли и другой способъ. Замѣ-

Digitized by Google

тивъ зазѣвавшагося или замечтавшагося мальчика, они сами тихонько подкрадывались къ его мѣсту и уже корнями пучка начинали отсчитывать удары по спинѣ виноватаго, который вздрагивалъ отъ такого сюрприза и, подавляемый неожиданнымъ сильнымъ впечатлѣніемъ, даже не издавалъ крика. Мудрые педагоги, конечно, воображали, что такими средствами они воспитываютъ дѣтей, разсчитывая на добрые плоды. На самомъ-же дѣлѣ являлись другія слѣдствія, которыхъ они не замѣчали. Ученики, наказываемые за лѣность, не исправлялись, потому что большинство изъ нихъ были не исправны въ своихъ урокахъ не отъ лѣности, а отъ неумѣнья учиться, отъ безсилія приготовить заданное, отъ малаго развитія, словомъ отъ всего того, чего нельзя уничтожить никакимъ наказаніемъ: такихъ учениковъ только забивали и дѣлали неспособными къ умственному труду. Принимая наказанія и не сознавая въ себѣ той вины, за которую наказывались, внутренно оправдывая себя словомъ „не могу“, они не могли развивать въ себѣ яснаго понятія правды, что и выражали въ своихъ грубыхъ поступкахъ въ отношеніи къ своимъ товарищамъ. Тѣ же, которыхъ наказывали за шалости и за нарушеніе дисциплины, также нисколько не исправлялись: они дѣлались только осторожнѣе и находчивѣе, а, главное, стремились пріобрѣсти себѣ уваженіе всего класса тѣмъ, что молча безъ слезъ выносили боль во время сѣченія, подставляя руки подъ розги и не прося прощенія. Классъ дѣйствительно уважалъ такихъ, называлъ молодцами, и свободно подчинялся ихъ авторитету: вотъ какіе идеалы усваиваются въ средѣ дѣтей, воспитуемыхъ на розгахъ; можно-ли было тутъ ожидать какого-либо хорошаго нравственнаго развитія; у дѣтей не было никакой нравственной связи со школою, на преподавателей смотрѣли, какъ на мучителей; они умѣли внушать къ себѣ сильный страхъ, но не внушали ни любви, ни уваженія. Грубые нравы особенно выказывались въ средѣ „сиротъ“ т. е. дѣтей, которыя жили въ церковномъ домѣ и воспитывались на счетъ прихода. Съ ними обыкновенно не церемонились и подвергали ихъ всевозможнымъ наказаніямъ; за то и являлись тамъ образ-

Digitized by Google

цовые экземпляры дикарей, воспитанниковъ розги. Изъ всего этого можно вывести, какую нравственную роль тамъ играло это орудіе воспитанія.

Теперь воспоминаніе переноситъ меня въ другую школу, уже казенную, которая также считалась лучшею, и въ самомъ дѣлѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ была лучше многихъ другихъ. На мое несчастье въ первый-же день я попалъ на сцену, которая со всѣми подробностями глубоко врѣзалась въ моей памяти. Тамъ сѣченіе по ладонямъ считалось варварскимъ, а употреблялось по преданію обыкновенное сѣченіе. Но классъ, въ смыслѣ учебной комнаты, не осквернялся подобнымъ дѣйствіемъ; для этого назначалась особая комната; классъ-же въ смыслѣ учениковъ не избавлялся отъ зрѣлища въ видахъ педагогическихъ. Инспекторъ, охотникъ до расправы въ этомъ родѣ, воспользовался случаемъ, когда оказалось нужнымъ безотлагательно высѣчь одного провинившагося ученика, присоединилъ къ нему нѣсколько другихъ, которые были у него на примѣтѣ за прежнія вины, и устроилъ зрѣлище для того класса, въ который попалъ я. Насъ повели попарно въ спеціальную комнату, гдѣ было уже все приготовлено. Главный виновникъ неудовольствія начальства оказался тщедушный и скромный мальчикъ, который при видѣ орудій казни рыдалъ, просилъ прощенія, но напрасно... Вина его состояла въ томъ, что, любя предаваться мечтаніямъ, онъ пописывалъ стишки и, мечтая уже о славѣ поэта, вздумалъ предложить ихъ редактору какого-то журнала для напечатанія. Тотъ выбралъ нѣкоторыя наиболѣе удачныя и напечаталъ ихъ не только съ подписью имени автора, но и съ припискою „ученикъ такого-то училища". Эта-та приписка и привела въ ужасъ начальство заведенія, несмотря на самое невинное содержаніе стихотвореній. Но въ тридцатыхъ годахъ поэзія не очень жаловалась въ официальныхъ сферахъ, и заведенію не представлялось особенной чести прослыть парнасомъ. Бѣдный поэтъ былъ привлеченъ къ жестокой отвѣтственности, а чтобъ другимъ было не повадно подражать ему, то въ свидѣтели кары былъ выставленъ весь классъ, который наглядно долженъ былъ убѣ-

Digitized by Google

диться, каковы плоды вкушаются отъ поэзіи. Въ товарищи поэту были выбраны двое силачей, которые, встрѣтившись въ корридорѣ, схватились другъ съ другомъ, чтобы вымѣрить свои силы и убѣдиться, кто изъ нихъ сильнѣе, и одинъ бездарный мальчикъ, котораго принимали за лѣнтяя. Понятно, что добровольно никто изъ нихъ не могъ отдать себя въ распоряженіе четырехъ солдатъ, изъ которыхъ двое назначались для того, чтобы держать преступника за голову и за ноги, и двое для исполненія казни, съ той и другой стороны скамейки. Омерзительно было видѣть, какъ по распоряженію начальства накидывались на слабаго ребенка четыре дюжіе солдата и, несмотря на его сопротивленіе, приводили его въ такое положеніе, какое имъ было нужно. Это насиліе приводило въ дрожь впечатлительныхъ свидѣтелей. Я не буду описывать всѣхъ прочихъ подробностей зрѣлища, устроеннаго для одиннадцати или двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ. Гадко, отвратительно было все это. Трудно выразить то гнетущее чувство, какимъ затрепетало сердце каждаго изъ насъ: тутъ было и чувство собственнаго безсилія, и негодованіе за насиліе надъ личностью, и какое-то омерзеніе къ тѣмъ, кто устраивалъ такія сцены, не говоря уже о состраданіи къ истязуемымъ. И долго потомъ не могло изгладиться это впечатлѣніе, и даже явилось какое-то странное чувство: каждая встрѣча съ пострадавшимъ товарищемъ производила въ васъ какое-то содраганіе, какъ встрѣча съ опозореннымъ человѣкомъ, непріятное чувство, отъ котораго не скоро можно было отдѣлаться.

За то подобныя насилія и приносили плоды, какихъ, конечно, не ожидали чадолюбивые воспитатели. Мальчики ожесточались; наиболѣе сильные и смѣлые сговаривались не дешево отдавать себя на истязанія, иные носили въ карманахъ орудія защиты, и можно сказать навѣрное, что они употребили-бы его въ дѣло, если-бы дошла очередь до нихъ. Въ лѣтописи училища значится фактъ самозащиты ожесточеннаго ученика, которому грозили позорнымъ наказаніемъ. Два сильные его удара сшибли съ ногъ инспектора и нагнали ужасъ

Digitized by Google

на всѣхъ присутствующихъ въ числѣ болѣе двухсотъ человѣкъ. Это дѣло было замято; ограничились только удаленіемъ виноватаго изъ заведенія.

Послѣ этого неужели можетъ быть желательнымъ возвратъ къ тому старому времени, когда мирная повидимому жизнь школы нарушалась взрывами, которые такъ безобразно выказывали дѣйствительныя нравственныя отношенія между воспитателями и воспитанниками. И неужели могутъ быть убѣдительны указанія на нѣкоторыя личности, которыя благодаря розгамъ сдѣлались почтенными людьми? Если въ этомъ вопросѣ нужны еще доказательства, то ужъ обратимся къ лучшему отвѣтчику на всѣ наши житейскіе вопросы—къ исторіи. Она вѣрно не представитъ намъ ни одной страницы, гдѣ бы рисовалось нравственное совершенствованіе того или другаго поколѣнія, воспитаннаго на розгахъ. Но въ настоящемъ случаѣ трудъ г. Лесгафта и помимо исторіи, на основаніи законовъ развитія человѣческаго организма, произноситъ приговоръ надъ всякимъ тѣлеснымъ наказаніемъ при воспитаніи, убѣждая, какое зло узаконилось невѣжественнымъ обществомъ въ обращеніи съ дѣтьми и какой вредъ причиняется организму ребенка всякими угнетающими вліяніями на психическую его дѣятельность.

„Указанія же на то, замѣчаетъ г. Лесгафтъ, что многихъ наказывали тѣлесно, а они между тѣмъ выросли и сдѣлались замѣчательными людьми, не имѣютъ смысла, ибо, для уясненія причинной связи, необходимо знать всѣ нравственныя условія, при которыхъ ребенокъ жилъ и выросъ; а кромѣ того, замѣчательныя качества человѣка могутъ быть очень односторонни и не всегда разумны“.

Послѣ выводовъ г. Лесгафта, съ которыми познакомиться обязательно для каждаго педагога, полагаю, что вопросъ о тѣлесномъ наказаніи долженъ быть упраздненъ и въ педагогической практикѣ, и наша школа должна наконецъ стать на ту нравственную высоту, на какой ей слѣдуетъ стоять, не смотря даже на заявленіе г. Лесгафта, что ему „приходилось имѣть дѣло съ представителями учебныхъ заведеній, которые

Digitized by Google

и знать ничего не хотѣли о научныхъ выводахъ и изслѣдованіяхъ и ко всему научному относились съ ироническою насмѣшкою: по ихъ мнѣнію экономъ — лучшій гигіенистъ и санитаръ". Пускай такіе господа прикрываютъ ироніей свое невѣжество, но у нихъ не остается никакихъ разумныхъ оправданій въ свою защиту. Зато на каждомъ шагу они обнаруживаютъ факты, которые свидѣтельствуютъ, что они взялись не за свое дѣло.

Трудъ г. Лесгафта еще не конченъ. Какъ продолженіе „Школьныхъ типовъ" онъ обѣщаетъ представить разборъ нормальнаго т. е. идеальнаго типа, постоянно оставаясь на почвѣ антропологіи; при этомъ онъ начнетъ съ новорожденнаго ребенка и прослѣдитъ его до школьнаго возраста, выясняя значеніе тѣхъ явленій, которыя у него встрѣчаются, а также условія, необходимыя для нормальнаго психическаго и физическаго его развитія. Это будетъ уже цѣлая наука о первоначальномъ воспитаніи. Тогда и самые „Школьные типы" получатъ еще большій интересъ и значеніе для каждаго, занимающагося воспитаніемъ дѣтей; тогда конечно и научная критика съ новыми наблюденіями и фактами не замедлитъ явиться для бо̀льшаго разъясненія тѣхъ вопросовъ, которые впервые такъ широко и талантливо раскрываетъ намъ почтенный профессоръ.

В. Стоюнинъ.

Digitized by Google

ВЪ ГЕРЦОГСКОМЪ СКЛЕПѢ ВЪ ВЕЙМАРѢ.

Былъ вечеръ свѣжъ и мглой объятъ.
Я долго въ Веймарѣ ходилъ;
Я черепъ гипсовый купилъ,
Который съ Шиллера былъ снятъ
Съ натуры, въ день, когда поэтъ
Былъ вырытъ изъ земли, отпѣтъ
Какъ бы вторично и снесенъ
Толпой народа въ склепъ большой.
Тамъ подъ дубовою листвой
Былъ Гёте раньше схороненъ;
И рядомъ положили ихъ
Въ гробахъ тяжелыхъ, дорогихъ,
Кругомъ все герцоги! въ стѣнахъ
Кресты! въ огняхъ лампадъ
Сіяютъ надписи подъ рядъ,
Гласятъ о смерти, о судьбахъ
Загробныхъ... Вечеръ теменъ сталъ;
Я между двухъ гробовъ стоялъ.

***

Я къ нимъ пришелъ не для того,
Чтобъ въ склепѣ воздуха дохнуть,
И не сюда лежалъ мой путь,—
Но для вопроса одного:
Гиганты чувства и ума,
Что говоритъ вамъ смерть сама

тип. А. Бенке

Digitized by Google

О томъ, на сколько правы вы,
Всю жизнь гонявшись за мечтой,
За грезой вымысла пустой,
За сномъ своей же головы?
Жизнь — трудъ! полна работъ и требъ,
Поэтъ — онъ даромъ ѣстъ свой хлѣбъ...
Смотрите: ластясь къ берегамъ
Сонливый Ильмъ не тотъ, что былъ,
Онъ обмелѣлъ загрязъ, заплылъ;
Жизнь по инымъ идетъ путямъ,
И рѣчка вялая несетъ
Струи усталыхъ, мутныхъ водъ!
Смотрите: вонъ поверхъ дубовъ
Казарма длинная видна,
Какъ призракъ въ зелени блѣдна;
А вмѣсто грезъ и важныхъ сновъ
И укрывавшихся наядъ,
Здѣсь—гогенцоллернскій солдатъ!
Съ сосѣднихъ фабрикъ въ часъ ночной
Въ старинный герцогскій пріютъ
Гулять поденщики идутъ;
Съ едва разогнутой спиной,
Наполнивъ всякій пылью грудь,
Имъ нужно воздуха дохнуть.
Чего, скажите имъ искать
Въ безплотныхъ сферахъ вашихъ грезъ,
Въ Эгмонтахъ, у Маркизовъ Позъ?
Не лучше ль было вамъ молчать
И не манить, не лгать мечтой
Надъ раздраженною нуждой?
Когда не имъ—тогда удѣлъ
Поэта для другихъ людей
Быть пѣсней жизни, блесткой въ ней?
Огонь великій въ васъ горѣлъ,
Какъ лишній факелъ на пирахъ
Всѣхъ сытыхъ, счастливыхъ въ судьбахъ!
Изображенье вами зла,
Борьбы блуждающихъ страстей
Всечастно гибнущихъ людей,

Digitized by Google

Внушаютъ имъ: что жизнь свѣтла,
Что для голодныхъ, не для нихъ,
Весь гнойный трепетъ язвъ людскихъ,
Для нихъ—вся прелесть бытія,
Имъ жизни блескъ, имъ счастья цвѣтъ,
Для нихъ актеръ, для нихъ поэтъ.....

* *
*

Такъ вопрошалъ два гроба я....
Безмолвный склепъ былъ глухъ и нѣмъ.
Ночь воцарилась между тѣмъ.
Я вышелъ. Въ полной тишинѣ
Туманъ окрестность обложилъ;
Ночь залегла среди могилъ.
А мѣстность незнакома мнѣ;
Куда идти? къ семьѣ своей,
Бряцая связкою ключей,
Ушелъ привратникъ. Тихій звукъ
Его шаговъ вдоль плитъ замолкъ...
Гдѣ путь мой? не возьму я въ толкъ?
Тьма, обложившая вокругъ
Могилы, и въ меня вошла.
Поблекли мысли... отцвѣла
Душа какъ будто бы... взглянулъ:
Кругомъ ни зги! исчезъ, поблекъ
И мой вопросъ.... а тьмы потокъ
Меня какъ будто бы тянулъ
Куда-то прочь, въ ничто, долой,
Безстрастно, заодно съ землей....

* *
*

Вдругъ—пѣсня! кто-то шелъ и пѣлъ.
Я слушалъ... Ощутилъ тепла
Приливъ на сердцѣ! пѣсня шла
Рисуясь! очеркъ словъ горѣлъ
По мраку, четкій, золотой:
Какъ спятъ вершины въ тьмѣ ночной,
Какъ тишь лежитъ среди полей,
Какъ, переждавъ свой срокъ земной,
И я засну, войду въ покой...

Digitized by Google

Я слушалъ пѣсню!.. къ пѣснѣ! къ ней!
Туда, туда, тамъ жизнь свѣтла,
Тамъ люди есть, не всюду мгла!
Туда идти, еще я живъ...
Да, гдѣ-нибудь, поверхъ долинъ
Горитъ закатъ въ огняхъ вершинъ!
Въ любви и счастьи міръ красивъ,
И только тутъ, во тьмѣ, я слѣпъ!
Не всюду смерть, не всюду склепъ,
Не всюду мертвенная мгла,
И эта мощь могилъ какъ тутъ!
Живутъ же гдѣ-нибудь, живутъ...
И я пошелъ, и пѣсня шла,
И ярко тлѣя въ тьмѣ ночной,
Вела, несясь передо мной...

***

И понялъ я: къ чему поэтъ
На безконечной толчеѣ
Людей, въ ихъ странномъ бытіѣ,—
Я въ холодъ ночи былъ согрѣтъ
И, какъ на звѣзды мореходъ,
На звуки пѣсни шелъ впередъ.

К. Случевскій.

Digitized by Google

Семья въ провинціи.

О положеніи семьи въ крестьянской средѣ въ печати появлялось немало рѣчей. И почти во всемъ, что говорилось, это положеніе рисуется больше чѣмъ въ непривлекательномъ видѣ. Отрицать правду такихъ рѣчей невозможно, потому что жизнь у всѣхъ передъ глазами. И неотразимо свидѣтельствуютъ повсюдныя явленія жизни о всецѣломъ отсутствіи въ нашей православной средѣ того нравственнаго элемента, который можетъ служить единственно-прочной, ничѣмъ незамѣнимой, основой семейнаго объединенія. А отсюда, эта рознь—между мужемъ и женой, выражающаяся, сплошь и рядомъ, съ одной стороны—невыносимымъ давленіемъ мужьями женъ, съ другой—попытками вырваться такъ или иначе, нерѣдко путемъ преступленія, изъ подъ этого давленія; между отцами и дѣтьми, изъ которыхъ послѣдніе до тѣхъ только поръ выносятъ отцовскую науку, всю ограничивающуюся неустанными побоями, пока сами не возмужаютъ, послѣ чего расплачиваются съ отцами тою-же наукой, или бѣгутъ отъ нихъ, особенно при извѣстныхъ посягательствахъ отцовъ на молодыхъ женъ своихъ сыновей; между родными братьями, которые если при жизни отцовъ еще иногда уживаются вмѣстѣ, благодаря энергичнымъ вразумленіямъ отцовъ при посредствѣ волостныхъ правленій, то вслѣдъ же за смертью ихъ спѣшатъ дѣлиться, даже съ полнымъ сознаніемъ, что съ раздѣломъ сами себя обрекаютъ на

Digitized by Google

безвыходную нищету.—Такъ, некрасиво положеніи семьи въ нашей православной крестьянской средѣ; тѣмъ болѣе, что имъ-то, между прочимъ, и обусловливается повсюдный упадокъ экономическаго быта этой среды. И что всего печальнѣе, — чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше ухудшается это положеніе, по тому простому закону жизни, что прогрессъ къ лучшему или худшему въ ней неизбѣженъ, если во время не явится сила, способная остановить и направить иначе гибельное теченіе жизни. А гдѣ же и въ чемъ у насъ эта сила? Кто и гдѣ заботился и заботится у насъ—не въ пустозвонныхъ фразахъ, а въ самой дѣйствительности, о развитіи и укрѣпленіи началъ нравственныхъ въ средѣ православнаго люда?.. Правда, тамъ и здѣсь, самъ этотъ людъ изобрѣтаетъ способы выполнить то, чего не получаетъ отъ своихъ призванныхъ руководителей, да и получать не можетъ, потому что не даютъ того, чего сами не имѣютъ. И избираемые имъ способы оказываются вполнѣ цѣлесообразными: семья среди такого люда всегда крѣпко сплочена—не внѣшними насиліями, не чуждыми охранами, а единственно силой нравственнаго единенія, безъ всякихъ торжественныхъ обязательствъ; а отсюда и экономическій бытъ среди таковыхъ представляется какъ нельзя болѣе удовлетворительнымъ. Но, по какимъ-то непонятнымъ и трудно объяснимымъ соображеніямъ, употребляется немало усилій, чтобы именно эти-то усилія къ нравственному подъему въ народной средѣ если не совсѣмъ подавить, то, по крайней мѣрѣ, задержать.

Лучше-ли положеніе семьи среди гражданства нашихъ провинціальныхъ городовъ?.. Если гдѣ-либо и представляется нѣсколько лучшимъ, то развѣ съ одной только внѣшней стороны, а никакъ не своей внутренней крѣпостью. И здѣсь тоже всецѣлое отсутствіе нравственно объединяющей силы, какъ среди крестьянства. А при этомъ никакая человѣческая конгрегація, даже закономъ природы связанная, какъ семейная, прочно держаться не можетъ.

И еще въ былое, даже не очень отдаленное, время положеніе семьи среди гражданства, вообще, можно было назвать

Digitized by Google

довольно удовлетворительнымъ. Заботливо сохранялись старыя преданія о домовитости, въ силу которыхъ брачные союзы заключались возможно раньше, прежде чѣмъ будущій глава семьи окунется въ грязь нравственной распущенности; заключеніе этихъ союзовъ совершалось разумнѣе, — не съ торгу, послѣ продолжительныхъ переторжекъ, брались невѣсты, а избирались подходящія—поумственнымъ силамъ, по представительности физической и, главнѣе всего, по не укоризненно-честному поведенію. Вслѣдствіе этого, дѣвица или замужняя жена, позволившія себѣ прегрѣшеніе извѣстнаго рода, были исключеніемъ чрезвычайно рѣдкимъ, настолько рѣдкимъ, что старые и малые указывали на таковыхъ, какъ на нѣкое всѣми презираемое диво. Кромѣ того, каждый пожелавшій жениться, не иначе могъ найти себѣ „подходящую“ невѣсту, какъ на дѣлѣ доказавши свою способность личнымъ трудомъ содержать свою семью. Въ свою очередь невѣста, знавшая, что ей предстоитъ быть хозяйкой дома, во всемъ значеніи слова, т. е. и распорядительницей, и работницей,—всѣмъ, что требуется отъ домовитой хозяйки, готовилась къ этому неустаннымъ трудомъ, заранѣе практикуясь во всемъ подъ руководствомъ матери, или такъ называвшихся „мастерицъ“, по части, напр., шитья и т. п. Правда, почти всѣ онѣ были безграмотныя; но такъ какъ онѣ въ дѣтствѣ не были пріучены къ праздношатательству, къ безполезному убиванію времени на занятія, чуждыя семьѣ, къ сустѣ внѣсемейныхъ наслажденій жизнью, то и безграмотность нисколько не мѣшала имъ родить и воспитывать здоровыхъ дѣтей, нести на своихъ плечахъ все бремя домашняго хозяйства, тогда какъ ихъ мужья, тѣмъ или другимъ способомъ, работали надъ пріобрѣтеніемъ жизненныхъ ресурсовъ для семьи. Случалось, тотъ или другой домохозяинъ собьется съ толку, но семья оттого не падала окончательно: ее поддерживала и выручала привычная къ труду хозяйка. Грубость отношеній мужа къ женѣ была явленіемъ обычнымъ; но примѣра не бывало, чтобы изъ-за нея, если она доходила и до жестокости, хозяйка бросала свой домъ и семью и убѣгала куда нибудь отъ нихъ;—выносилось все съ большей или мень-

Digitized by Google

шей терпѣливостью, въ силу все тѣхъ же старыхъ преданій о ничѣмъ не смываемымъ позорѣ для хозяйки, бросившей свой домъ и своихъ дѣтей. Вслѣдствіе всего этого семья среди гражданства держалась прочно. Благодаря этому и семейное благосостояніе въ провинціальныхъ городахъ не разваливалось быстро и непоправимо.

Поворотъ къ худшему начался въ два послѣднія десятилѣтія. Можетъ показаться страннымъ, пожалуй, даже совсѣмъ невѣроятнымъ,—этотъ поворотъ обусловливался тѣмъ самымъ, отъ чего, казалось, должно было ожидать всякихъ благъ для семьи,—стремленіемъ къ образованію. Но иначе и быть не могло. Тѣ изъ провинціальнаго гражданства, которые, такъ сказать, задавали тонъ своимъ обществамъ, въ разумѣніи образованія не пошли дальше того, какъ разумѣлось оно барствомъ: внѣшній лоскъ, блескъ, умѣнье болтать помѣсью французскаго съ нижегородскимъ, отзванивать на роялѣ, вытанцовывать кадрили, одѣваться съ шикомъ и т. п.,—больше этого ничего не требовалось гражданствомъ для дѣтей своихъ. О развитіи умственныхъ и нравственныхъ силъ младшихъ поколѣній ни тѣмъ, ни другимъ образователямъ своихъ дѣтей и на мысль не приходило. И что всего замѣчательнѣе, гражданство возревновало подражать барству лишь по отношенію къ женскому элементу. Въ семьяхъ наиболѣе состоятельныхъ гражданъ появляются гувернантки, нанимаемыя извѣстнымъ купеческимъ способомъ,—кто-бы и откуда-бы онѣ ни были, лишь подешевле, да не требовательныя по отношенію къ условіямъ домашняго существованія, каковыя и принялись за обработку дѣвочекъ и подготовку будущихъ хозяекъ въ семьяхъ. Что-жъ до мальчиковъ, то признано совершенно лишнимъ—знакомить съ чѣмъ либо большимъ приходскаго, или какого нибудь тамъ городскаго училища, съ дальнѣйшимъ развитіемъ въ лавкѣ, въ лабазѣ, за стойкой въ трактирѣ, или на полной свободѣ—практиковаться, гдѣ и въ чемъ угодно. Что должно было выйти изъ такой мудрой образовательной системы?.. — То самое, что и имѣется на лицо. Гувернантки, если гдѣ и попадали способныя и разумѣющія свое дѣло, не могли не понимать всей без-

Тип. А. И. Траншель. 20

Digitized by Google

смыслицы своей работы и относиться къ ней серьезно. Болтать по французски,—но съ кѣмъ и гдѣ?.. съ своими женихами, съ ихъ отцами, матерями и всѣми родичами, въ семьи которыхъ вступятъ вырабатываемыя ими,—съ этимъ полуграмотнымъ, а, зачастую, и совсѣмъ безграмотнымъ людомъ?..—А помимо болтовни, къ чему, въ жизни, могло бы послужить знаніе, даже дѣйствительное знаніе, французскаго, какъ и всякаго другаго, языка?... Иное дѣло, знаніе своего родного языка, по крайней мѣрѣ до умѣнья правильно и толково написать записку, письмо и т. п.; но именно этого и не требовалось родителями дѣвочекъ. И ограничивались, какъ и по настоящій день ограничиваются гувернантки, тѣмъ, что заставляли своихъ воспитанницъ отзубривать французскія фразы, безъ всякаго разумѣнія самаго языка; пріучали ихъ колотить по клавишамъ, безъ ознакомленія съ самыми основными элементами музыки, да, чтобы хоть чѣмъ нибудь наполнить пустоту своего образовательнаго дѣла, пріохочивали ихъ къ чтенію. Не къ чтенію чего либо серьезнаго, по крайней мѣрѣ лучшихъ русскихъ писателей, надъ которыми стоило бы подумать, а той оригинальной и особенно переводной дребедени, которая такимъ растлѣвающимъ образомъ дѣйствуетъ на юныхъ читателей.

Результатъ такого soi disant образованія понять не трудно. Всецѣлое отсутствіе чего либо пригоднаго для жизни, отвращеніе ко всякому серьезному занятію, ко всяческому физическому труду и, въ довершеніе, необъятныя претензіи на всеобщіе почетъ и поклоненіе въ силу того, что онѣ уже не какія нибудь, въ родѣ ихъ матерей и бабушекъ, а—образованныя,—таковъ наличный итогъ стремленій гражданства къ образованію своихъ младшихъ поколѣній; итогъ, которому едва-ли суждено когда либо измѣниться, потому что хоть гражданство и вкушаетъ уже не совсѣмъ сладкіе плоды своей образовательной системы, но замѣнить ее чѣмъ либо лучшимъ не въ состояніи,—частію, по неразумѣнію сущности образовательнаго дѣла, а главнымъ образомъ, потому что съ барствомъ то ему все хочется сравняться.

И въ то время, когда такъ мудро подготовляются къ жизни

Digitized by Google

невѣсты этой среды, ихъ женихи въ лавкахъ и лабазахъ, подъ руководствомъ приказчиковъ и кулаковъ-прислужниковъ, или на всей свободѣ, подъ рукодствомъ чиновнаго и вообще „благороднаго“ пролетаріата, каковымъ кишитъ провинція, практикуются въ способахъ „прожигать жизнь“. Что жъ иное?. Не потребность же знанія и не подготовка къ нему выносится изъ провинціальныхъ учебныхъ заведеній, какъ бы они тамъ ни назывались — все равно, а абсолютная пустота, какъ умственная, такъ и нравственная; не влеченіе къ какимъ либо серьезнымъ занятіямъ и вообще къ честному труду вырабатывается и можетъ вырабатываться въ этой атмосферѣ самодурства и ничѣмъ не сдерживаемаго кулачества, которою они дышатъ съ самаго ранняго дѣтства, а стремленіе къ разнузданности, во всю ширь животныхъ инстинктовъ. А для удовлетворенія разнузданныхъ стремленій тутъ и средства всегда имѣются избыточныя при посредствѣ приказчиковъ и лабазниковъ, а случается и заглядыванья въ отцовскіе сундуки и шкатулки. Вотъ почему чада состоятельнаго гражданства съ самыхъ раннихъ лѣтъ затягиваются въ пьянство, картежничество и развратъ; а что, послѣ такой подготовки, они могутъ внести и вносятъ въ свои собственныя семьи, угадать не мудрено. Конечно, не вездѣ и не всѣ отцы предоставляютъ своимъ чадамъ такую свободу развивать свои дурные инстинкты; есть, что и учатъ своихъ чадъ за какія либо особенно непотребныя дѣянія ихъ; но какую пользу можетъ принести извѣстный въ этой средѣ способъ ученья, какъ бы безпощаденъ онъ ни былъ?.. Ровно никакой; заставляетъ только такъ учимыхъ быть сдержаннѣе, пока они на глазахъ отцовъ, но затѣмъ съ избыткомъ вознаграждать себя за эту сдержанность при первой возможности разгуляться на всей волѣ гдѣ нибудь вдали отъ отцовскихъ глазъ. Кому изъ путешествовавшихъ гдѣ либо въ провинціи, на пароходахъ или по желѣзнымъ дорогамъ,—не случалось наталкиваться на очень еще молодыхъ людей, несомнѣнно изъ весьма состоятельныхъ семей, предающихся самому широкому и буйному пьянственному разгулу, или картежничающихъ до ошалѣнія?.. Это и есть чада провинціальныхъ капи-

Digitized by Google

талистовъ, вырвавшихся на волю. А около таковыхъ всегда увиваются пролетаріи изъ чиновныхъ и „благородныхъ“.

За состоятельнымъ гражданствомъ къ тому же въ провинціальныхъ городахъ потянулась и вся масса гражданства. Учить дѣтей, не только мальчиковъ, но и дѣвочекъ, сдѣлалось сознанной потребностью, которой уже нельзя было не удовлетворять. И что могло быть лучше и желательнѣе этихъ стремленій къ образованію младшихъ поколѣній? — Изъ поколѣнія въ поколѣніе въ средѣ этого гражданства, особенно въ женской его половинѣ, развивалась любовь къ неустанному и непремѣнно честному труду. Развитіемъ умственныхъ силъ сдѣлать этотъ трудъ болѣе и болѣе производительнымъ; правильнымъ развитіемъ силъ нравственныхъ закрѣпить его честное направленіе и подготовить возможность того объединенія силъ, при каковомъ только и можетъ создаваться прочное благосостояніе обществъ,—и значило удовлетворить разумно и цѣлесообразно сознанную потребность. Но по какой то злой иронiи судьбы у насъ не сознанныя потребности удовлетворяются, а все только измышляются способы сдерживать всякое движеніе жизни впередъ. Это самое особенно наглядно и выразилось въ дѣлѣ образованія младшихъ поколѣній въ городахъ. О томъ, во что для мальчиковъ превратилось это дѣло съ пресловутыми городскими училищами, мы уже и говорить не станемъ,— достаточно говорено въ печати. Развѣ только прибавимъ, что болѣе вѣрной системы для умственнаго отуплѣнія и закрѣпленія нравственной безсознательности учащихся придумать уже невозможно. А что сдѣлано для правильнаго развитія дѣвочекъ?.. Сдѣлано все возможное, чтобы отучить ихъ отъ усидчивыхъ домашнихъ работъ и набить ихъ той пустотой, которая всегда такъ неудобно разрѣшается въ жизни, особенно по отношенію къ женскому элементу.

Ученье дѣвочекъ только грамотности признано наконецъ городскими обществами недостаточнымъ. Таково оно дѣйствительно и было. Даже сколько нибудь толковой грамотности дѣвочки не могли выучиваться у этихъ самодѣльныхъ учительницъ, большинство которыхъ, кромѣ того, далеко не отлича-

Digitized by Google

лось и нравственнымъ направленіемъ. Начались хлопоты объ открытіи училищъ двухклассныхъ, трехклассныхъ и даже прогимназій въ городахъ, что, скорѣе или медленнѣе, и осуществлялось. Сочинены программы для этихъ учебныхъ заведеній; сочинены, правда, не тѣми, у которыхъ жизнь съ ея насущными требованіями передъ глазами, а тѣми кабинетными мудрецами, вся педагогическая мудрость которыхъ ограничивается рвеніемъ пересаживать съ чуждой почвы на всероссійскую образовательныя системы; но благо было положено начало, — практика могла восполнить недостающее и измѣнить ни къ чему неприложимое и ни для чего непригодное въ жизни. Но вотъ тутъ и встрѣтилось преткновеніе для всѣхъ тѣхъ изъ среды общества, которые уже по самому началу видѣли что изъ всѣхъ этихъ хлопотъ никакого добра для дѣвочекъ не выйдетъ и выйти не можетъ.

Преткновеніе создано тѣмъ, что общества отстранены отъ всякаго участія въ избраніи какъ завѣдующихъ этими учебными заведеніями, такъ и всего учащаго люда. Въ роли тѣхъ и другихъ появились личности не только къ педагогической дѣятельности, какъ слѣдуетъ, неподготовленныя, но и съ стремленіями ничего общаго съ педагогикой неимѣющими, и еще съ претензіями,—безъ знанія дѣла все-таки всѣмъ вертѣть по своему собственному произволу. Эти насланныя образовательницы, ничѣмъ лично кромѣ получаемаго жалованья въ дѣлѣ не заинтересованныя, повели его точь-въ-точь такъ, какъ обычно ведутъ дѣло всѣ тѣ наемники, для которыхъ важно не самое дѣло, а плата за него. Кое что на выставку и для показа, и ничего въ сущности,—рѣшеніемъ этой задачи и задались всѣ эти образовательницы. И до того ничего, что отъ учащихся и даже кончившихъ курсъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣвочекъ ни одной здравой мысли, ни одного разумнаго слова по части научнаго знанія хоть чего нибудь, вы никогда не услышите. Но зато, сколько вамъ угодно, можете наслушаться пустѣйшей трескотни по части сплетень, щегольства, гулянокъ— какъ необходимаго условія для правильнаго развитія дѣтей, свободы и самостоятельности для женщины вообще и т. п.

Digitized by Google

Т. е. эти дѣвочки въ своеобразной и, конечно, упрощенной формѣ передаютъ все то, что восприняли въ своемъ учебномъ заведеніи. И во вкусѣ же ихъ, дѣвочекъ, оказалась эта не хитрая наука: въ самое раннее утро онѣ уже бѣгутъ въ классъ и, не смотря ни на какую дурную погоду, толкутся у воротъ заведенія часа по два и больше, пока начальствующая личность соблаговолитъ возстать отъ сна и прикажетъ впускать ихъ. И понятно, почему. Все же легче болтаться на улицѣ или выслушивать безсодержательную болтовню въ классѣ, чѣмъ дома торчать, не вставая, за рукодѣльемъ, или помогать въ хозяйствѣ матери, причемъ и безъ затрещинъ съ колотушками рѣдко дѣло обходится. Но слишкомъ не во вкусѣ оказалась эта наука матерямъ учащихся:—„совсѣмъ отвольничались, отъ всякаго дѣла отстали, только и помышляютъ, что объ гулянкахъ да объ нарядахъ; куда онѣ будутъ годны?!..“ — вотъ что неизмѣнно слышится отъ всѣхъ матерей, возревновавшихъ объ образованіи своихъ дѣвицъ. А съ возрастаніемъ ихъ до невѣстъ, само собой разумѣется, развивается и данное имъ дурное направленіе, а теперь уже до такой степени, что дѣлаются возможными дѣянія, о каковыхъ въ былое время безъ ужаса и помышлять не могли дѣвицы изъ сколько нибудь порядочныхъ семей. Въ обществахъ это безобразіе, подъ прикрытіемъ образованія, видится и сознается, и они протестуютъ противъ этихъ порядковъ, гдѣ и какъ умѣютъ;—что пользы?.. Преткновеніе покоится на законной основѣ... Только того и добиваются въ нѣкоторыхъ обществахъ, что одну безполезную личность замѣняютъ другою—худшей, случается, съ очень двусмысленной репутаціей. Правда, реакція въ матеряхъ противъ этого нелѣпаго образованія началась,—есть уже такія, и чѣмъ дальше тѣмъ все больше такихъ, что, довольствуясь одною грамотностью, ни за что не соглашаются отпускать своихъ дочерей въ реченныя учебныя заведенія; но задатки для дурнаго направленія будущихъ матерей семействъ уже положены: а что и того хуже, довѣріе къ пользѣ образованія ихъ надолго, если не навсегда, подорвано.

И вотъ тѣ элементы, изъ которыхъ, въ послѣднія десяти-

Digitized by Google

лѣтія, слагаются семьи въ провинціальныхъ городахъ. И слагаются еще, необходимо прибавить, не въ силу чего либо, въ родѣ взаимнаго влеченія имѣющихъ всупить въ брачный союзъ, а путемъ обычной торговой сдѣлки. Требуется жениху невѣста, и ее ищутъ; но ищутъ не невѣсту—собственно, а гдѣ дадутъ больше за невѣстой,—въ своемъ ли, въ чужомъ-ли городѣ, въ деревнѣ, гдѣ бы то ни было. У состоятельныхъ, разумѣется, торговля идетъ изъ-за тысячъ, у прочаго гражданства изъ-за десятковъ, даже просто изъ за рублей и полтинъ. Торговля со всѣми возможными переторжками съ одной невѣстой не сладилась, слѣдуютъ поиски другихъ, съ той же самой процедурой торговъ и переторжекъ. О томъ, что называется нравственнымъ единѣніемъ на основѣ любви этихъ производителей новыхъ поколѣній, ни единой мысли нѣтъ ни въ тѣхъ, что ведутъ эту торговлю, ни въ объемахъ ихъ кулацкихъ операцій. Наконецъ сдѣлка такъ или иначе сладилась и брачный союзъ закрѣпляется съ извѣстными церемоніями. Но нужно ли быть пророкомъ, чтобы предсказать его результаты?.. Съ одной стороны, у чадъ состоятельныхъ гражданъ достаточно развившаяся и окрѣпшая разнузданность при абсолютной умственной пустотѣ; съ другой, таковая-же пустота и всецѣлая неподготовленность къ разумно-семейной жизни, но подбитыя необъятными претензіями на жизнь блеска, роскоши, всевозможныхъ развлеченій, въ силу своего воображаемаго образованія: каково должно быть положеніе этой семьи? И вся непривлекательность его обнаруживается слишкомъ скоро. Претензіямъ противопоставляется хорошо извѣстное самодурство разбогатѣвшихъ кулаковъ, старшихъ въ семьѣ; подчиняться ему—не въ обычаѣ научившихся болтать французскія, никѣмъ кругомъ не понимаемыя, фразы. Начинается разладъ, умирить который долженъ бы конечно молодой мужъ; но, личнымъ опытомъ изучившій одинъ способъ умиренія—побои, и, за свою неотесанность, презираемый женой, онъ только и можетъ, что подливать масло къ огню. Кончается дѣло тѣмъ, что—или жена начинаетъ бѣгать отъ мужа и изъ своей новой семьи, или ихъ „отдѣляютъ“, т. е. выгоняютъ изъ дома. Въ послѣднемъ слу-

Digitized by Google

чаѣ, на всей свободѣ, мужъ окончательно погружается въ кутежъ и картежничество, пока находятся средства для того; жена также затягивается въ неустанную разработку зеленаго поля, гдѣ бы то ни пришлось; до того, что не знаемъ, найдется ли городъ, въ которомъ молодыя гражданки, изъ такъ называемыхъ—образованныхъ, не бились бы по цѣлымъ суткамъ кряду за этимъ пріятнымъ занятіемъ. Чтожъ иное?.. серьезныя занятія?.. но на подкладкѣ оригинальной и переводной грязи, которою онѣ до тла пропитались въ періодъ своего дѣвичества, серьезныя занятія не мыслимы. Хозяйство? дѣти?.. но не къ этому скучно-надоѣдливому выбору готовились онѣ подъ руководствомъ своихъ гувернантокъ, а къ жизни шумныхъ развлеченій и возможныхъ наслажденій, къ каковымъ, въ концѣ концовъ, и кидаются тѣ изъ нихъ, для которыхъ находятся охотники удовлетворять, понятно, за извѣстную цѣну, эти стремленія. Нѣтъ нужды говорить,—процвѣтаетъ или гибнетъ, при такомъ направленіи, семья. И еще удивляются,—отчего это у насъ, въ послѣдніе годы, въ провинціальныхъ городахъ почти совсѣмъ исчезли состоятельныя семьи!.. Еще бы не исчезнуть при образовательной системѣ, какъ будто намѣренно придуманной для подготовки никуда негодныхъ младшихъ поколѣній обоего пола.

Что̀ среди состоятельнаго, тоже самое и среди всего прочаго провинціальнаго гражданства. Не вынося изъ своихъ учебныхъ заведеній ничего существенно полезнаго для жизни, не усвоивая въ нихъ себѣ привычки къ честному и настойчивому труду, молодежь обоего пола въ свою брачную жизнь не вноситъ ничего, чѣмъ обезпечивалось бы семейное благосостояніе. Вноситъ, напротивъ, навыки противодѣйствующіе этому благосостоянію. Неосмысленное и безцѣльное времяубиванье въ годы ученья не можетъ не развивать привычки къ таковому же времяубиванію и на всю послѣдующую жизнь. А отсюда, женатую молодежь—мужескаго пола всегда можно встрѣтить въ трактирахъ и шинкахъ, и слишкомъ рѣдко за какой либо полезной работой; женскаго — не особенно часто можно видѣть за какимъ либо инымъ занятіемъ, кромѣ разве-

Digitized by Google

денія сплетень и перемалыванья пустѣйшей пустоты. Былая домовитость хозяекъ и неусыпная заботливость о дѣтяхъ дѣлаются уже преданіемъ. Ремесленность, — главный способъ существованія мѣщанства, переходитъ въ руки тѣхъ крестьянъ, которые, не находя возможности поддерживать свое сельское хозяйство, переселяются въ города и принимаются за всѣ возможныя ремесла, какими только могутъ обезпечить свое существованіе. При чемъ же, поэтому, остаются молодыя семьи гражданства? Привычка растрачивать попусту время, разумѣется, хлѣба не даетъ, а развиваетъ всѣ тѣ худшіе инстинкты, какіе только есть въ природѣ человѣка. Отсюда, чтобы не подохнуть съ голоду, пускается въ ходъ всевозможная темная промышленность — отъ мошенничества всякаго рода, гдѣ только пришлось, особенно по кабакамъ и трактирамъ, на пароходныхъ пристаняхъ и желѣзнодорожныхъ станціяхъ, до воровства и до открытыхъ грабежей, чѣмъ уже и прославилась немалая часть провинціальныхъ городовъ. И вотъ онъ, тотъ страшный пролетаріатъ, который неизбѣжно ведетъ къ преступленіямъ всякаго рода. Это уже не просто нищета, изъ которой, при тѣхъ или другихъ благопріятныхъ условіяхъ, еще можетъ быть выходъ, а то окончательное паденіе нравственно-разумнаго существа, при которомъ нѣтъ и желанія выхода на путь честнаго труда, а остается одинъ инстинктъ животнаго — не подохнуть съ голоду. Таково положеніе молодаго гражданства въ провинціальныхъ городахъ.—Не всего еще гражданства, правда; тамъ и здѣсь мелькаютъ счастливыя исключенія; но и эти исключенія затягиваются въ общую массу, вслѣдствіе общаго упадка семейнаго начала въ городахъ. Гдѣ разрушено это начало, тамъ уже не общество изъ существъ нравственно-разумныхъ, а стадо звѣрей, кромѣ хищничества неразумѣющихъ другихъ способовъ существованія.

Таково положеніе семьи среди нашего гражданства. Печальное положеніе, тѣмъ болѣе, что среди нескончаемой печатной трескотни объ упадкѣ семейнаго начала въ нашемъ обществѣ, и намека нѣтъ на то,—откуда въ дѣйствительности идетъ этотъ упадокъ. Ищутъ причины его въ какихъ-то внѣш-

Digitized by Google

нихъ вліяніяхъ и ухищряются противодѣйствовать ему мѣрами, какъ будто намѣренно придуманными для того, чтобы затормозить умственно-нравственное развитіе младшихъ поколѣній. А именно только въ этомъ развитіи, на основѣ правильно развиваемыхъ религіозныхъ убѣжденій, и заключается весь секретъ прочнаго устройства семьи, а чрезъ нее и общества. Но—религіозныхъ убѣжденій, каковыя возможны лишь при безусловной свободѣ мысли и совѣсти, и, притомъ, правильно развиваемыхъ, можетъ совершаться это развитіе.

Веллюстинъ.

Digitized by Google

СЪ КУРЬЕРСКИМЪ ПОѢЗДОМЪ.

I.

„Ну какъ мы встрѣтимся?“ невольно думалъ онъ,
По снѣгу рыхлому къ вокзалу подъѣзжая.
„Ужь я не юноша и вовсе не влюбленъ...
„Зачѣмъ же я дрожу? Ужели страсть былая
„Опять, какъ ураганъ, ворвется въ грудь мою,
„Иль только разожгли меня воспоминанья?“
И опустился онъ на мерзлую скамью,
Исполненъ жгучаго, нѣмаго ожиданья.
Давно, давно, еще студентомъ молодымъ
Онъ съ нею встрѣтился въ глуши деревни дальной.
О томъ, какъ онъ любилъ, и какъ онъ былъ любимъ—
Любовью первою, глубокой, идеальной,—
Какъ планы смѣлые чертила съ нимъ она,
Идеѣ и любви всѣмъ жертвовать умѣя—
Про то никто не зналъ, а знала лишь одна
Высокихъ тополей тѣнистая аллея.
Пришлось разстаться имъ, прошелъ несносный годъ,
Онъ курсъ уже кончалъ, и новой лучшей доли
Была близка пора,—и вдругъ онъ узнаетъ,
Что замужемъ она, и вышла противъ воли.
Чуть не сошелъ съ ума, едва не умеръ онъ,
Давалъ нелѣпые, безумные обѣты;
Потомъ оправился, съ судьбою примиренъ,
Писалъ ей изрѣдка и получалъ отвѣты;

ТИП. А. БЕНКЕ

Digitized by Google

Потомъ въ тупой борьбѣ съ лишеньями, съ нуждой
Прошли безцвѣтные, томительные годы.
Онъ привыкалъ къ цѣпямъ, и образъ дорогой
Лишь изрѣдка блестѣлъ лучемъ былой свободы,
Потомъ блѣднѣлъ, блѣднѣлъ, потомъ совсѣмъ погасъ...
И вотъ, какъ одержалъ надъ сердцемъ онъ побѣду,
Какъ въ тинѣ жизненной по горло онъ погрязъ,
Вдругъ вѣсть нежданная: „мужъ умеръ, и я ѣду!“
„Ну какъ мы встрѣтимся?“ А поѣздъ опоздалъ...
Какъ ожиданіе бываетъ нестерпимо!
Толпою пестрою наполнился вокзалъ,
Гурьба артельщиковъ прошла, болтая, мимо,
А поѣзда все нѣтъ: пора бъ ему придти...
Вотъ раздался свистокъ, дымъ по дорогѣ взвился...
И тяжело дыша, какъ бы уставъ въ пути,
Желанный паровозъ предъ нимъ остановился.

II.

„Ну какъ мы встрѣтимся?“ Такъ думала она,
Пока на всѣхъ парахъ курьерскій поѣздъ мчался.
Ужь зимній день глядѣлъ изъ тусклаго окна,
Но убаюканный вагонъ не просыпался.
Старалась и она заснуть въ ночной тиши,
Но сонъ, упрямый сонъ бѣжалъ все время мимо.
Со дна глубокаго взволнованной души
Воспоминанія рвались неудержимо.
Курьерскимъ поѣздомъ, спѣша, Богъ вѣсть куда,
Промчалась жизнь ея безъ смысла и безъ цѣли.
Когда-то — въ лучшіе, далекіе года —
И въ ней горѣлъ огонь, и въ ней мечты кипѣли!
Но въ обществѣ тупомъ, средь чуждыхъ ей натуръ
Тотъ огонекъ задутъ безжалостной рукою:
Покойный мужъ ея былъ грубый самодуръ,
Онъ каждый сердца звукъ встрѣчалъ насмѣшкой злою.
Былъ человѣкъ одинъ: тотъ понялъ, тотъ любилъ...
А чѣмъ она ему отвѣтила? Обманомъ...

Digitized by Google

Что жь дѣлать? Для борьбы ей не хватило силъ,
Да и могла-ль она бороться съ цѣлымъ станомъ?
И вотъ увидѣться имъ снова суждено...
Какъ встрѣтятся они? Онъ находилъ когда-то
Ее красавицей, но это такъ давно...
Измѣнятъ хоть кого утрата за утратой!
А впрочемъ... не блестя, какъ прежде, красотой,
Черты остались тѣ жь, и то же выраженье..
И стало весело ей вдругъ при мысли той.
Все оживилося въ ея воображеньѣ!
Сидѣвшій близь нея и спавшій пассажиръ
Качался такъ смѣшно съ осанкой генерала,
Что глядя на него и на его мундиръ,
Богъ знаетъ, почему, она захохотала.
Но вотъ проснулись всѣ,—теперь ужь не заснуть..
Кондукторъ отобралъ съ достоинствомъ билеты,
Вотъ фабрики пошли, свистокъ,—и конченъ путь.
Объятья, возгласы, знакомые привѣты...
Но гдѣ же, гдѣ же онъ? Не видно за толпой,
Но онъ конечно здѣсь... О Боже! неужели
Тотъ, что глядитъ сюда, вотъ этотъ пожилой
Съ очками синими и въ мѣховой шинели?

III.

И встрѣтились они, и поняли безъ словъ,
Пока слова текли обычной чередою,
Что бремя прожитыхъ безсмысленно годовъ
Межъ ними бездною лежало роковою!
О никогда еще потраченные дни
Среди чужихъ людей, въ тоскѣ уединенья
Съ такою ясностью не вспомнили они,
Какъ въ это краткое и горькое мгновенье!
Не даромъ злая жизнь ихъ гнула до земли,
Забрасывая ихъ слоями грязи, пыли...
Заботы на лицѣ морщинами легли,
И думы серебромъ ихъ головы покрыли!

Digitized by Google

И поняли они, что жалки ихъ мечты,
Что подъ туманами осенняго ненастья
Они — поблекшіе и поздніе цвѣты —
Не возродятся вновь для солнца и для счастья!
И вотъ рука въ рукѣ и взоры опустивъ,
Они стоятъ въ толпѣ, боясь прервать молчанье...
И въ глубь минувшаго, въ сердечный ихъ архивъ
Уже уходитъ прочь еще воспоминанье!
Ему припомнилась та мерзлая скамья,
Гдѣ ждалъ онъ поѣзда съ волненіемъ томящимъ,
Она же думала, тревогу затая:
„Какъ было хорошо, когда въ вагонѣ я
Смѣялась отъ души надъ пассажиромъ спящимъ.“

А. Апухтинъ.

Digitized by Google

Философія и наука въ Европѣ и у насъ *)

М. Г. и М. Г.!

То, что я буду имѣть честь представить на ваше обсужденіе, есть нѣсколько мыслей о роли и значеніи философіи и науки на европейской почвѣ и у насъ. Позволяя себѣ обратить ваше вниманіе на этотъ предметъ, повидимому весьма отвлеченный и сухой, я очень далекъ отъ мысли утомлять васъ проведеніемъ невозможной параллели между несуществующей русской философіей и когда-то живыми, а теперь поблекшими европейскими доктринами. Передо мною носится другая задача, глубоко занимательная и современная.

Какъ бы ни были прискорбны многія явленія русской жизни въ наше время, оно имѣетъ одну знаменательную характеристическую черту, за которую ему простится многое: вездѣ, на всѣхъ путяхъ, самоувѣреная и самодовольная рутина постоянно, хотя и медленно уступаетъ передъ проблесками своеобразной мысли, которая все чаще и чаще пытается выразиться въ образѣ, словѣ, дѣлѣ. Взгляните на всѣ стороны нашей современности,—на искусство, знаніе, на самое практическую жизнь,—всюду вы встрѣтитесь съ попытками выбиться изъ готовой колеи на какую то новую дорогу. Эти опыты, правда, пока рѣдко бы-

*) Читано въ Общемъ Собраніи членовъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ 17 ноября 1874 г.

Digitized by Google

ваютъ удачны; слишкомъ часто они отзываются еще то фразой, то натяжкой, то даже гримасой; но не надо забывать, что насъ давитъ всею своею тяжестью авторитетъ великихъ европейскихъ образцевъ, на которыхъ мы воспитывались почти цѣлыхъ два вѣка; а главное, мы еще не выучились думать и работать сосредоточенно, мы боремся противъ рутины какъ-то инстинктивно, безсознательно, урывками, ощупью, случайно. Наши слабыя зачинанія организуются въ стройное дѣло лишь съ той минуты, когда намъ совершенно уяснится, что̀ мы такое теперь и чѣмъ должны быть, а такое сознаніе можетъ быть результатомъ лишь критической мысли и работы, которая теперь у насъ только начинается.

Работа эта не легка и совершить ее не подъ силу одному человѣку, а развѣ одному или двумъ поколѣніямъ мыслящихъ людей. Но у насъ она необходима и настоятельна, теперь можетъ быть больше, чѣмъ когда нибудь, и потому каждый, мнѣ кажется, обязанъ нести на судъ другихъ все, что имъ передумано. Только прикладывая песчинку къ песчинкѣ мы можемъ ускорить критическое выясненіе нашихъ задачъ и нашихъ воззрѣній.

Глубоко сознавая эту обязанность, я рѣшаюсь, отложивъ въ сторону авторское самолюбіе и щепетильность, предстать передъ вами съ нѣсколькими бѣглыми замѣтками, въ сыромъ видѣ, какъ онѣ пришли мнѣ на умъ, въ надеждѣ, что и другіе сдѣлаютъ тоже самое, и изъ такого грубаго матерьяла сложится со временемъ стройное зданіе самостоятельной русской критики и русской науки.

I

Будущій историкъ, изслѣдуя наше время, не безъ изумленія спроситъ: чѣмъ объяснить быстрыя смѣны различныхъ направленій, точнѣе сказать настроеній, которыя мы, русскіе, пережили въ такое короткое время? Кто помнитъ, что̀ у насъ думалось и писалось лѣтъ тридцать тому назадъ, тому невольно кажется, будто съ тѣхъ поръ прошелъ добрый вѣкъ—такъ,

Digitized by Google

все измѣнилось въ нашихъ мысляхъ и нашей литературѣ. За какихъ нибудь двадцать, двадцать пять лѣтъ нельзя было писать ни о какомъ, даже самомъ обыкновенномъ, житейскомъ предметѣ, не предпославъ философскаго вступленія, довольно отвлеченнаго и туманнаго свойства. Общечеловѣческія соображенія, въ которыхъ нерѣдко здравый смыслъ только предполагался или подразумѣвался, проторгались рѣшительно всюду, даже въ разборы книгъ о поваренномъ искусствѣ. А теперь? Теперь философія совершенно забыта. О ней никто не думаетъ; поминаютъ ее вскользъ, развѣ для того только, чтобъ потѣшиться надъ забавными простаками, которые могли заниматься такимъ вздоромъ. Говорить серьозно о философіи теперь почти также смѣшно, какъ носить напудренный парикъ. Современники и свидѣтели прежнихъ нашихъ безконечныхъ философскихъ споровъ, сотрудники и усердные читатели журналовъ того времени, переполненныхъ философскими умозрѣніями, не могутъ не чувствовать себя теперь перенесенными въ какой то другой, чуждый имъ міръ.

Удивительная перемѣна! Въ послѣднее время вышло въ свѣтъ не мало замѣчательныхъ книгъ по части философіи въ русскомъ переводѣ. Лѣтъ двадцать тому назадъ появленіе ихъ у насъ было бы цѣлымъ событіемъ; журналы, задолго впередъ, возвѣстили бы о ихъ выходѣ и посвѣтили бы имъ обширныя статьи въ отдѣлѣ критики; объ этихъ книгахъ и по ихъ поводу завязались бы безконечные споры на словахъ и въ печати; всякій, кто и не читаетъ журналовъ, счелъ бы своею обязанностію, кстати и некстати, заявить, что этѣ книги ему извѣстны, что онъ имѣетъ о нихъ свое мнѣніе; имена ихъ переводчиковъ и издателей произносились бы всѣми съ сочувствіемъ или злобой, смотря по взгляду и литературной партіи, но во всякомъ случаѣ не было бы закоулка, гдѣ бы о нихъ не говорили люди, хотя бы только претендующіе на названіе образованныхъ. А теперь? Теперь эти почтенные труды едва кому извѣстны; они прошли почти незамѣченными и украшаютъ собою не кабинеты ученыхъ литераторовъ, журналистовъ и любителей, а кладовыя издателей, которые горюютъ, зачѣмъ такъ непроизводительно употребили свои деньги.

Тип. А. И. Траншель. 21

Digitized by Google

Отъ чего такая странная перемѣна и что она означаетъ: упадокъ ли у насъ науки и литературы, или движеніе впередъ, бо̀льшую зрѣлость мысли и знанія?

Намъ кажется, ни того ни другаго. По правдѣ сказать, и самая-то перемѣна больше на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Все обстоитъ у насъ по старому, какъ ведется многіе и многіе десятки лѣтъ. Философія никогда не была у насъ предметомъ серьознаго интереса. Живая въ ней потребность есть плодъ богатой умственной и нравственной жизни, которая у насъ пока еще впереди и представляетъ лишь чаемое будущее. Въ Греціи философія явилась на смѣну религіознымъ вѣрованіямъ, развившимся изъ первобытнаго обожанія силъ и явленій природы. Когда древніе греки вышли изъ возраста, которому такія вѣрованія свойственны, философія стала для нихъ необходимостью, жизненнымъ дѣломъ; она дала отвѣтъ на вопросы, которые неизбѣжно представляются возмужавшему человѣку и народу и которыхъ юношескія представленія не разрѣшали. У новыхъ европейскихъ народовъ философія шла долгое время рука объ руку съ религіей. Христіанство разсѣяло сомнѣнія древняго міра, и потому философія была сперва только отголоскомъ вѣры, служила ей и вторила. Но когда католическая церковь пропиталась язычествомъ и, утративъ христіанскій духъ, налегла тяжкимъ бременемъ на мысль, совѣсть и бытъ европейскихъ народовъ, явился протестъ противъ обманчиваго подобія вѣры; авторитетъ католичества былъ отвергнутъ и на смѣну ему явился протестантизмъ, опиравшійся, въ борьбѣ съ унаслѣдованной вѣрой, на науку и знаніе. Философія сдѣлалась тогда такимъ же орудіемъ протестанства, какъ прежде была орудіемъ католичества. Такъ въ западной Европѣ философія не расходилась съ религіей. Она выросла на почвѣ вѣры, вскормлена борьбою за религіозные вопросы, переплеталась въ тысячи сочетаніяхъ съ вѣроученіемъ и видоизмѣнялась вмѣстѣ съ движеніемъ религіозныхъ вѣрованій. Оттого философія вошла въ плоть и кровь новыхъ европейскихъ народовъ, была у нихъ жизненнымъ дѣломъ; а когда религіозный интересъ охладѣлъ, философія оказалась

Digitized by Google

единственною преемницею богатаго наслѣдства, завѣщаннаго многовѣковымъ религіознымъ развитіемъ. На нее и перенесены были всѣ ожиданія и надежды, которыя, въ средніе вѣка, возлагались на религію.

Находимъ ли въ нашемъ прошедшемъ что нибудь подобное? Вся наша дѣятельность и силы были поглощены исключительно выработкой однихъ непосредственныхъ внѣшнихъ условій государственнаго и народнаго существованія. Столѣтія прошли въ этихъ заботахъ, въ борьбѣ за бытіе, въ развитіи первыхъ зачатковъ гражданственности и языка. При такихъ условіяхъ, вѣра и церковь посвятили себя у насъ тѣмъ же трудамъ, стоявшимъ на первой очереди, и стали нашимъ народнымъ знаменемъ, выраженіемъ нашего государственнаго единства, а раскрытіе внутренней стороны христіанства было, по необходимости, предоставлено будущимъ, менѣе удрученнымъ поколѣніямъ. На западѣ борьба церкви съ государствомъ и католичества съ протестантизмомъ заставляли людей додумываться до высшихъ началъ, которыя могли бы разрѣшить эту борьбу; у насъ церковь никогда не выдѣлялась изъ народной и государственной жизни, не представляла обособленной, гнетущей силы, слѣдовательно не было никакого внѣшняго повода къ богословскимъ спорамъ и развитію философіи. Откуда же ей было родиться на такой почвѣ? Съ чего бы могла она стать здѣсь насущною потребностью, живымъ дѣломъ? Ничего такого никогда и не бывало. Философія завезена къ намъ изъ Европы, вмѣстѣ съ другими заграничными новизнами, и имѣла въ Россіи одну съ ними судьбу. Выводы изъ нея, насколько они были практически пригодны, пошли въ дѣло, которое предстояло дѣлать, а сущность философскихъ ученій, ихъ научная, теоретическая сторона, въ которой выражалась самая суть жизни европейскихъ народовъ, стала предметомъ празднаго дилетантизма и быстро-смѣняющейся моды. Что въ Европѣ было отголоскомъ и результатомъ внутренняго развитія, то у насъ вырождалось, умалялось, утрачивало значеніе, въ виду нашихъ не хитрыхъ потребностей, или обращалось въ предметъ досужаго любопытства для боль-

Digitized by Google

шинства такъ называемыхъ образованныхъ людей, изчезавшихъ, какъ пылинки, въ огромной массѣ,—много-много что усвоивалось отдѣльными единицами, которыя горячо, съ убѣжденіемъ, примыкали къ европейской жизни. Этимъ все и ограничивалось. Наша почва не представляла условій для акклиматизаціи чужеземнаго растенія европейской философіи, и она глохла у насъ, не пустивъ корней. Что происходило въ покроѣ нашего платья, въ обстановкѣ нашей ежедневной жизни, то дѣлалось и съ нашими философскими взглядами: они были такимъ же рабскимъ отголоскомъ европейскихъ ученій, въ ихъ хронологической послѣдовательности, но безъ той внутренней связи и внутренняго процесса, который въ Европѣ ихъ постепенно создавалъ, вытѣсняя старыя ученія и ставя на ихъ мѣсто новыя. Такъ велось у насъ сто лѣтъ тому назадъ, такъ идетъ и теперь. Мы удивляемся, что въ какихъ нибудь двадцать лѣтъ изчезли и слѣды того философскаго увлеченія, которое замѣчалось у насъ прежде во всѣхъ образованныхъ кружкахъ и, казалось, предвѣщало у насъ философіи прочную и свѣтлую будущность. Но не тоже ли было и прежде? Развѣ не также занимали въ свое время умы нашихъ образованныхъ слоевъ Гоббсъ, Пуффендорфъ, Вольфъ, Локкъ, Лейбницъ, Руссо, Вольтеръ, Французскіе Энциклопедисты, Кантъ, Шеллингъ, какъ впослѣдствіи Гегель и Шопенгауеръ, а теперь А. Контъ и новѣйшая англійская школа? Да и что же иное наше теперешнее пренебреженіе къ философіи, какъ не отголосокъ того же пренебреженія къ ней въ Западной Европѣ? Отношеніе между европейскимъ философскимъ движеніемъ и нашими смѣняющимися настроеніями остается все тоже, какимъ было сто лѣтъ тому назадъ. Въ Европѣ, за секуляризаціей цѣлаго быта, послѣдовала и секуляризація философіи. Насталъ критическій періодъ, глубоко потрясшій самыя основанія европейской жизни и подкопавшій подъ корень стародавнія воззрѣнія. Онъ продолжается и до сихъ поръ. Каковъ бы ни былъ его исходъ, каждый актъ великой драмы европейской жизни есть результатъ прошлаго, каждая крайность страстной мысли въ разгарѣ борьбы есть

Digitized by Google

выводъ изъ цѣлаго ряда бытовыхъ и научныхъ данныхъ. Прошлое, пережитое, отвергнутое, живетъ еще въ настоящемъ, предполагается въ новыхъ созданіяхъ европейской мысли, объясняетъ и оттѣняетъ ее. Кантъ продолжается въ Фейербахѣ, какъ Локкъ въ Бёклѣ. У насъ нѣтъ и не можетъ быть этого преемства философскихъ воззрѣній; мы беремъ каждое ученіе особнякомъ, принимаемъ или отбрасываемъ его по впечатлѣніямъ, ищемъ въ немъ догматической истины, а не отвѣта на поставленные предъидущимъ вопросы, и потому также скоро съ нимъ разстаемся, какъ его приняли. На нашу жизнь эти случайныя перепрыжки отъ системы къ системѣ, отъ воззрѣнія къ воззрѣнію не имѣютъ рѣшительно никакого вліянія и ничего собою не выражаютъ. Сегодня идетъ полоса позитивизма, вчера шла полоса идеализма; какъ знать, завтра, можетъ быть, пойдетъ полоса спиритизма, или чего нибудь подобнаго.

II.

Эти факты естественно наводятъ на такую мысль: нельзя ли намъ вовсе обойтись безъ философіи, благо никто о ней у насъ теперь и не помышляетъ? Къ философіи, въпослѣднее время, сильно охладѣли и въ Европѣ. Если она была необходимымъ спутникомъ тамошняго развитія, которому мы такъ чужды, то съ какой стати намъ подымать старыя дрожжи? Что намъ въ этой философіи, натворившей столько бѣдъ, расплодившей столько заблужденій, и однако все таки не приведшей ни къ какимъ положительнымъ результатамъ? Точныя науки—другое дѣло: чему онѣ учили тысячу лѣтъ тому назадъ, то остается истиной и теперь. Новыя въ нихъ открытія не упраздняютъ сдѣланнаго прежде; знанія накопляются и запасъ ихъ все увеличивается и увеличивается. А философія? Она до сихъ поръ не выработала ни одного положительнаго, твердаго результата и, вертясь какъ бѣлка въ колесѣ, на самомъ дѣлѣ не двигается съ мѣста. Должны же когда нибудь люди понять тщету и безплодность усилій открыть какую нибудь непреложную истину путемъ философіи; и по

Digitized by Google

чему же не быть намъ счастливымъ народомъ, которому суждено разстаться, разъ навсегда, съ этимъ заблужденіемъ,— тѣмъ болѣе, что въ насъ нѣтъ и никакихъ задатковъ для развитія этой призрачной науки?

На первую половину этихъ полу-сомнѣній и полу-вопросовъ отвѣчать не трудно. Родъ человѣческій, отъ созданія міра, задавался философскими вопросами, и, не смотря на тщету рѣшеній, періодически возвращался и возвращается къ къ нимъ снова. Если безумно искать того, чего нельзя найти, то такое безуміе есть, во всякомъ случаѣ, родовое, принадлежность человѣческой расы и мы, составляя часть ея, по всей вѣроятности, пойдемъ одною дорогой съ другими племенами. Философія вездѣ и всегда сопровождала умственную жизнь и была ея показателемъ. Какъ только сложится у насъ такая жизнь, неизбѣжно явятся и философскіе взгляды. А что касается безуспѣшности попытокъ добиться чего нибудь положительнаго философскимъ путемъ, то противъ этого предразсудка можно сказать многое. Не слишкомъ ли мы требовательны и нетерпѣливы? Что послѣднее слово философіи не сказано,—это не подлежитъ сомнѣнію; но изъ за того, что оно не выговорено, не упускаемъ ли мы изъ виду частныхъ, очень прочныхъ результатовъ, которые ею добыты? Дознанная неудовлетворительность прежнихъ философскихъ системъ не есть ли уже, сама по себѣ, важный, хотя пока, правда, только отрицательный выводъ? Трудно отвергать, что, признавъ множество взглядовъ не ведущими къ разрѣшенію задачи, мы, тѣмъ самымъ, точнѣе чѣмъ прежде очерчиваемъ предѣлы вопроса и его рѣшенія, а это конечно есть важный результатъ; значитъ, мы на столько приблизились къ рѣшенію, или, если хотите, на столько удалились отъ ошибочнаго рѣшенія; нѣсколько шансовъ на пути заблужденій меньше, — стало быть, нѣсколько шаговъ на пути къ истинѣ выиграно.

Но этого мало. Каждое философское ученіе, отвергая другія, приходитъ къ тому посредствомъ изслѣдованій, которыя и побуждаютъ уклониться отъ прежняго рѣшенія и предложитъ новое. Положимъ, оно тоже ошибочно; но частныя из-

Digitized by Google

слѣдованія, которыя къ нему привели, нерѣдко имѣютъ свою безотносительную цѣну и подвигаютъ дѣло впередъ. Какъ часто случается встрѣтить въ ученіи давно отвергнутомъ отдѣльныя замѣчанія и мысли, поставленія и разрѣшенія частныхъ вопросовъ, которыя остаются безспорными и которыми послѣдующія ученія пользуются для другихъ заключеній. Эти замѣтки, мысли, изслѣдованія составляютъ прочный капиталъ философіи, переходящій по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію; онъ постепенно все растетъ и увеличивается. Нетерпѣливо желая видѣть послѣдній результатъ долговѣчной работы, мы смотримъ свысока на это накопленіе частныхъ трудовъ и думаемъ, что если все не сдѣлано, то не сдѣлано ничего; однако именно этотъ запасъ опытности и дѣлаетъ для насъ невозможнымъ возвратъ къ старымъ, отвергнутымъ системамъ, повтореніе задовъ, что было бы непремѣнно, еслибъ накопленный матеріалъ не обусловливалъ нашей мысли и не направлялъ ее неизбѣжно-обязательно на новые пути. Этотъ ходъ безспорно длиненъ и утомителенъ; но не надо забывать' и это всякій знаетъ, что чѣмъ сложнѣе задача, тѣмъ труднѣе ея рѣшеніе. Понятно, что задачи философіи, самыя сложныя и трудныя изъ всѣхъ, должны требовать для своего рѣшенія и больше времени, и больше усилій. Пока всѣ сколько-нибудь важные частные вопросы, которыхъ разрѣшеніе предполагаетъ философія, не будутъ совершенно выяснены, до тѣхъ поръ она по необходимости будетъ перепадать изъ ошибки въошибку, изъ заблужденія въ заблужденіе; но кругъ ихъ, какъ сказано, будетъ все тѣснѣй и тѣснѣй, пока наконецъ мысли не останется другаго исхода, кромѣ истины, возможной и доступной для человѣка.

А если это такъ, то способность народа къ философіи, характеръ участія въ ея развитіи и самое значеніе такого участія,—все это должно представиться совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ мы привыкли думать. Мы воображаемъ, что народъ по натурѣ способенъ или не способенъ къ философіи, и фаталистически объясняемъ, почему у однихъ есть философскія ученія, а удругихъ нѣтъ,—точно у каждаго изъ нихъ на-роду

Digitized by Google

написано имѣть или не имѣть философіи. Мы думаемъ, что ужъ если нѣтъ и не бывало безусловно истинной философской системы, то не стоитъ имѣть никакой; въ связи съ этимъ взглядомъ намъ представляется, что философія —плодъ кабинетной работы, высижена упорнымъ головнымъ трудомъ и потому стоитъ внимательно прочесть книжки, гдѣ напечатаны философскія ученія, чтобъ отлично усвоить ихъ себѣ и потомъ примѣнять ихъ результаты въ любой странѣ и у любаго народа. Но на повѣрку выходитъ, что всѣ эти и подобныя имъ представленія о философіи въ дѣйствительности совсѣмъ не оправдываются. Философія, какъ всякая другая наука, вырабатывается исподоволь, постепеннымъ накопленіемъ частныхъ изслѣдованій. Какъ ни одна наука, касающаяся съ какой бы то ни было стороны человѣка или природы, не сказала еще своего послѣдняго слова, не смотря на тысячелѣтнія усилія, такъ и философія; потому-то историческая обстановка философскаго движенія и развитія играетъ въ ней такую большую роль. При изученіи философскихъ доктринъ также важно объяснить, при какихъ обстоятельствахъ и условіяхъ онѣ сложились, какъ и то, чему онѣ учатъ; недостатокъ окончательныхъ выводовъ науки, имѣющихъ догматическое достоинство и важность, выдвигаютъ на первый планъ историческую сторону и весь интересъ сосредоточивается, главнымъ образомъ, на томъ, какъ, по какому поводу и при какихъ данныхъ опредѣлилась философская доктрина. Но тутъ-то и оказывается, что понять ее гораздо труднѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Если философскія воззрѣнія, имѣвшія въ свое время огромное вліяніе на людей и цѣлую эпоху, впослѣдствіи утратили свое значеніе и оказались недостаточными, то сила ихъ дѣйствія очевидно зависѣла не отъ одной степени ихъ истинности, но и отъ того настроенія и расположенія умовъ, которое дѣлало людей особенно склонными принимать извѣстныя воззрѣнія и имъ сочувствовать; а такое настроеніе и расположеніе, въ свою очередь, зависятъ отъ извѣстныхъ обстоятельствъ и обстановки. Человѣку и народу необходимы особенныя, могучія побужденія, чтобъ вызвать ихъ къ дѣятель-

Digitized by Google

ности, тѣмъ болѣе къ философскимъ взглядамъ. Нужны глубокія противорѣчія въ жизни, большой внутренній разладъ и страданія, столкновенія сильныхъ страстей, чтобъ заставить людей подняться умомъ до высшихъ вопросовъ философіи и попытаться найти имъ рѣшеніе. Въ кабинетѣ мысль только обработывается, получаетъ научную форму и обдѣлку, но зарождается она всегда посреди борьбы и страданій; она, можно сказать, вымучивается у эпохъ и народовъ. Оттого такъ разнообразны философскія системы, такъ запечатлѣны онѣ мѣстнымъ колоритомъ и современными условіями. Можно выучить наизустъ философскія ученія и повторять ихъ слова, не принимая ихъ къ сердцу и не соединяя съ ними того глубокаго жизненнаго смысла, какой они имѣютъ въ устахъ людей и народовъ, которые ихъ создали. Такое наружное воспринятіе доктрины и остается холоднымъ, безъ всякаго вліянія на жизнь, и замѣняется очень легко другимъ, такимъ же безучастнымъ и вялымъ. Философское ученіе, вылившееся изъ глубины души у однихъ, у другихъ обращается, при такихъ условіяхъ, въ предметъ пустаго любопытства или моды, и служитъ не для разрѣшенія жизненныхъ вопросовъ, не для удовлетворенія требованій ума, а какъ средство для болѣе или менѣе пріятнаго и остроумнаго разговора, который даетъ желанный случай блеснуть дешевымъ знаніемъ и умѣньемъ фехтовать на словахъ.

Такимъ образомъ, нельзя утверждать, что тотъ или другой народъ способенъ или неспособенъ къ философіи. Всѣ къ ней способны; только отсутствіе поводовъ и побужденій задуматься надъ философскими задачами объясняетъ отсутствіе серьознаго къ ней интереса, какое замѣчается, напримѣръ, у насъ; а съ другой стороны, дѣйствительная, жизненная постановка философскихъ вопросовъ у каждаго народа такъ своеобразна, такъ обусловлена его историческими особенностями и обстоятельствами, что философскія воззрѣнія можно, не искажая истины, считать такими же національными явленіями, какъ произведенія изящной литературы или искусства. Нашъ обычный пріемъ — собирать въ одно философскія ученія всего міра и обозрѣвать

Digitized by Google

ихъ по извѣстной системѣ, прирѣзывая и прикраивая ихъ по усмотрѣнію, есть вѣрный способъ сдѣлать невозможнымъ правильный взглядъ на развитіе философіи, потому что философскія доктрины не могутъ быть схематизированы такимъ образомъ, безъ утраты существеннаго своего смысла. Онѣ возникаютъ при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ, по самымъ разнообразнымъ поводамъ, и вслѣдствіе того такъ различны, что трудно подвести ихъ даже подъ общія группы, а вытянуть въ послѣдовательный рядъ, какъ мы дѣлаемъ, совсѣмъ невозможно. Что мы, русскіе, до сихъ поръ не имѣли философіи и очень мало о ней заботимся, хотя когда-то много о ней толковали, доказываетъ только, что насъ еще ничто не заставляло глубоко задуматься; а когда разъ такая необходимость явится, будутъ и у насъ философскія ученія и сильно отзовутся въ умахъ и сердцахъ, потому что, вмѣсто болѣе или менѣе остроумнаго повторенія того, что думали другіе, они займутся разрѣшеніемъ нашихъ настоятельныхъ, насущныхъ вопросовъ и слѣд. будутъ отвѣтомъ на живыя народныя потребности.

III.

Пойдемъ теперь далѣе, и спросимъ: въ какихъ нашихъ вопросахъ могутъ заключаться задатки для развитія философіи и у насъ?

Очень трудно отвѣчать на этотъ вопросъ. При рѣшеніи всѣхъ нашихъ несложныхъ задачъ, мы до сихъ поръ такъ добродушно и наивно руководимся сметкой, практическимъ навыкомъ, много-много что справкой въ иностранныхъ книгахъ, что можно смѣло сказать, такихъ задачъ пока нѣтъ вовсе. Да и поводовъ къ нимъ нѣтъ, повидимому, никакихъ. Насъ не давятъ преданія отжившаго и чуждаго намъ міра; церковь, подобная католической, только по имени христіанская, на самомъ-же дѣлѣ языческая, насъ не угнетаетъ; одинъ народъ не сидитъ у насъ на плечахъ у другаго, городъ не пригнетаетъ села, феодалъ — вассала; нѣтъ безконечной дробности обычаевъ, преданій и правъ, которая представляла-бы чрез-

Digitized by Google

вычайныя преграды государственному и народному единству. Правда, мы не разъ кряхтѣли и изнемогали подъ тяжестью ноши, которая на насъ взваливалась разными внутренними и внѣшними невзгодами; но нашъ умъ и совѣсть не возмущались глубокими сомнѣніями, не разрывались внутренними противорѣчіями, которыя только и вызываютъ думу, — эту почву философіи, эту живую точку отправленія философскихъ воззрѣній.

Есть однако и у насъ одинъ вопросъ, которому, кажется, суждено, рано или поздно, стать родоначальникомъ и источникомъ самостоятельнаго и народнаго философскаго мышленія. Такой вопросъ — наша нравственная личная несостоятельность и негодность, о которыя сокрушаются у насъ всякія благія начинанія, откуда-бы они ни шли. Едва-ли можно указать въ цѣлой исторіи другой примѣръ подобнаго личнаго нравственнаго ничтожества, при такомъ величавомъ государственномъ развитіи. Для насъ, современниковъ, оно пока еще заслонено переходомъ, который мы совершаемъ въ новый періодъ историческаго существованія, перестройкой нашего внутренняго быта и связанными съ тѣмъ заботами... Но когда уляжется эта временная суетливость и возбужденіе, когда новые пути обозначатся яснѣе и мы опять станемъ лицомъ къ лицу съ самими собою въ ежедневной будничной жизни, вездѣ и всегда однообразной и прозаической,—намъ придется серьезно и мучительно задуматься надъ нашей полной современной нравственной негодностью, при которой никакой правильный ежедневный бытъ, хотя-бы самый неприхотливый, невозможенъ и не мыслимъ.

Одной изъ характеристическихъ особенностей нашего историческаго развитія былъ и до сихъ поръ есть — чрезвычайно слабое, едва замѣтное участіе въ немъ личнаго дѣйствія, воли-энергіи человѣка. Не будь нѣсколькихъ дѣятелей, да очень немногихъ, затерянныхъ въ массѣ мыслящихъ людей, можно было-бы подумать, что не исторія народа развивается, а совершается стихійный, безличный процессъ. Въ Западной Европѣ переходы изъ одной фазы историческаго разви-

Digitized by Google

тія въ другую обозначались усиленнымъ движеніемъ умовъ, разгаромъ страстей, борьбой партій, нерѣдко разрѣшавшейся междоусобіями или войнами. Въ страстныхъ порывахъ уносилось отжитое и зарождалось новое; бури расчищали дорогу торжественному ходу исторіи. Ничего подобнаго у насъ не происходило. Когда по ходу вещей наступала пора смѣнить обвѣтшалыя формы, замѣчалось, что сложившіяся долгимъ временемъ привычки ослабѣвали и расшатывались; но изъ-подъ нихъ не прорывались ни бѣшеныя страсти, ни непомѣрныя притязанія гордой мысли; вмѣсто того, сквозь трещины осѣдающаго зданія проступали плѣсень и гнилость и ихъ усиленіе служило предвѣстіемъ, что будетъ перемѣна, что она близится. Наконецъ, она дѣйствительно наступала: государство призывало микроскопическое меньшинство къ преобразованію и при его сочувствіи и дѣятельномъ участіи проводило реформу, которая совершалась обыкновенно молча. Послѣ того, гнилость и плѣсень на время еще продолжались, и даже какъ будто усиливались, а затѣмъ понемногу изчезали, впредь до приближенія новаго перелома въ государственной жизни.

Обѣ формулы историческаго развитія, въ Европѣ и у насъ, имѣютъ свои выгоды и свои неудобства, до которыхъ мы здѣсь не коснемся; но дѣло въ томъ, что глубокое ихъ различіе объясняется различною, здѣсь и тамъ, ролью лица. Въ Европѣ исторія совершалась при дѣятельномъ его участіи; лицо внесло тамъ въ ходъ ея свои взгляды, убѣжденія, страсти и произволъ. Этотъ дѣятель,—человѣческая личность, — такъ ярко выступаетъ тамъ въ историческомъ движеніи, что съ перваго взгляда можно подумать, будто онъ одинъ творитъ исторію и нѣтъ другихъ движущихъ ея пружинъ. У насъ наоборотъ: лицо такъ стушевано, такъ блѣдно, такимъ является пассивнымъ носителемъ исторіи, что можно подумать, будто сами элементы, сочетаясь между собою, безъ посредства лицъ, по присущимъ имъ законамъ, необходимо и неизбѣжно, какъ природа, выводятъ однѣ за другими различныя фазы историческаго движенія. Большинство людей, не участвуя дѣятельно въ этомъ стихійномъ процессѣ, подчиняются ему какъ судьбѣ, не отзы-

Digitized by Google

ваясь на него ни мыслью, ни сердцемъ. Въ этомъ, между прочимъ, причина необыкновенной трудности разгадать смыслъ разныхъ событій русской исторіи, имѣвшихъ, повидимому, большое вліяніе на ходъ дѣлъ; объ этихъ событіяхъ часто нѣтъ другихъ свѣдѣній, кромѣ лаконической строчки въ лѣтописи или современномъ актѣ; мысль тогдашнихъ людей не освѣтила для насъ значенія факта, его причинъ и послѣдствій; она остановилась на немъ, какъ будто для того только, чтобъ безучастно и пассивно занести его въ сухой перечень событій.

Отсюда,—противуположныя задачи внутренняго развитія въ Европѣ и у насъ. Тамъ надо было выдвинуть впередъ тѣ общія основанія, на которыхъ зиждется общественный строй и которыя безпрестанно оттѣснялись чрезмѣрно-выдающимися притязаніями отдѣльныхъ личностей и созданныхъ ими добровольныхъ товариществъ и союзовъ. У насъ, наоборотъ, главныя направленія внутренней исторіи выражаютъ потребность вызвать къ дѣятельности и жизни личность, ввести ее тоже въ общую экономію развитія.

Въ послѣдніе десять-пятнадцать лѣтъ сдѣлано у насъ, въ этомъ направленіи, несравненно болѣе, чѣмъ когда либо прежде. Но способны-ли мы, современники одной изъ знаменательнѣйшихъ эпохъ русской жизни, наполнить живымъ содержаніемъ новыя формы общественности? Составимъ инвентарь тѣхъ личныхъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ, которыми мы располагаемъ для обновленія нашей гражданственности. Какая поразительная и прискорбная бѣдность! Слова заступаютъ у насъ мѣсто мыслей и убѣжденій, снаровка и наружный тактъ, — рѣшенія воли и характеръ, надерганныя изъ печатнаго фразы — продуманное знаніе. Инстинкты, капризы, случайныя обстоятельства и обстановка опредѣляютъ наши дѣйствія, въ которыхъ оттого нѣтъ ни плана, ни послѣдовательности, ни выдержки. Мы лишены почти всякаго умственнаго и нравственнаго содержанія и потому нѣтъ у насъ ни идеаловъ жизни, ни твердой воли, ни живыхъ интересовъ къ чему-бы то ни было. Все скользитъ по насъ, вы-

Digitized by Google

зывая иногда взрывы; но они не имѣютъ значенія и проходятъ безъ послѣдствій, потому что имъ не на что опереться въ пустотѣ, царящей внутри насъ. Насъ нельзя назвать ни хорошими, ни дурными людьми: мы не подлежимъ нравственному вмѣненію. Отъ внутренней пустоты и безсодержательности, скука томитъ насъ, и мы несемъ ее всюду—въ семью, въ пріятельскую бесѣду и общество; отъ скуки мы съ жаромъ бросаемся на все, въ надеждѣ развлечься, и не можемъ ни на чемъ остановиться и успокоиться, по неспособности сосредоточиться на чемъ-бы то ни было. Отъ той-же умственной и нравственной безсодержательности, мы не способны удержать своихъ мыслей и чувствъ на извѣстной высотѣ и тотчасъ-же перепадаемъ изъ мечты въ грязь и пошлость. Мы самые ненадежные люди, но не преднамѣренно, а по легкомыслію и вѣтренности. Никакихъ благъ, даже матеріальныхъ, мы не умѣемъ цѣнить, потому что ничто не западаетъ глубоко въ нашу душу.

Руки опускаются, когда подумаешь о нашей умственной и нравственой нищетѣ, особливо въ виду громаднаго дѣла обновленія, надъ которымъ намъ приходится работать, и на которое нужно много силъ, много труда и умѣнья. Внутри насъ нѣтъ сдержки, нѣтъ узла и центра, къ которому сходились-бы впечатлѣнія, въ которомъ-бы они сосредоточивались, переработывались, группировались, и изъ котораго, въ новомъ видѣ, дѣйствовали-бы на внѣшнюю нашу жизнь, дѣятельность, общество. Не то — европеецъ, даже самый посредственный. Каковы бы ни были его нравственныя качества и умственныя свойства, какъ-бы высоко или низко онъ ни стоялъ на общественной лѣстницѣ, онъ всегда хорошо знаетъ, къ чему, зачѣмъ и какъ идетъ; намѣреніе, цѣли и средства у него обдуманы и соображены, у насъ — рѣдко, почти никогда. Не трудно себѣ представить, какіе изъ насъ могутъ выйти дѣятели въ домашнемъ и частномъ быту, или въ томъ кругѣ общественной жизни, который намъ принадлежитъ,—какъ мы въ нихъ устроимся, и какъ они устроятся, благодаря нашему участію! Факты на лицо. Мы сами громко, во всеуслышаніе,

Digitized by Google

заявляемъ, что нашъ частный и общественный бытъ ниже посредственности. Но вмѣсто того, чтобъ обратиться на самихъ себя, мы ищемъ объясненія нашихъ золъ въ разныхъ внѣшнихъ, побочныхъ обстоятельствахъ, и, пребывая упорно въ иллюзіяхъ, убаюкиваемъ себя тѣмъ, что насъ впослѣдствіи улучшитъ внѣшняя обстановка, для которой мы пока сами не годимся, и которая, пока мы таковы, не можетъ ни явиться, ни держаться. Въ этомъ заколдованномъ кругу мы безнадежно вертимся, не видя себѣ ни откуда ни свѣта, ни помощи.

Все это, положимъ, и такъ, скажутъ иные, но какое-же оно имѣетъ отношеніе къ философіи? Насъ исправитъ и воспитаетъ церковь, школа, законъ, когда они дѣятельно и серьезно возьмутся за дѣло.

Совершенно справедливо. Евангельская проповѣдь и ученіе, у насъ какъ и вездѣ, очеловѣчатъ простыя сердца народныхъ массъ; законъ, какъ внѣшняя охрана, какъ помѣха вредному для другихъ людей и общества произволу всѣхъ и каждаго, выдрессируетъ большинство къ правильной гражданской и общественной жизни. Но школа? Тутъ ужъ вопросъ становится труднѣе. Какъ и къ чему воспитывать, — развѣ можно рѣшить этотъ вопросъ, не уяснивъ себѣ напередъ человѣческой природы и къ чему слѣдуетъ вести человѣка? Вѣдь въ воспитаніе входятъ не одни педагогическіе пріемы, но и ясное пониманіе общей системы приготовленія человѣка къ жизни. Къ тому-же проповѣдь, воспитаніе, законодательство и управленіе производятся людьми, и ихъ взгляды даютъ имъ то или другое направленіе. Сумма идей и убѣжденій, вращающихся въ образованныхъ слояхъ, служитъ камертономъ общественной жизни и всѣмъ ея отправленіямъ, а идеи и убѣжденія неразрывно и тѣсно связаны съ тѣмъ или другимъ разрѣшеніемъ высшихъ вопросовъ, т. е. именно съ философіей. Каковы господствующіе философскіе взгляды, таково будетъ и настроеніе образованныхъ слоевъ общества. Такимъ образомъ, всѣ пути ведутъ къ философіи; мы отъ нея никакъ отдѣлаться не можемъ и волей-неволей безпрестанно къ ней возвращаемся, часто сами того не подозрѣвая.

Digitized by Google

Вотъ съ какой стороны, какъ мы думаемъ, дѣйствительный, серьезный интересъ къ философіи долженъ со временемъ зародиться и у насъ и стать когда-нибудь тоже жизненнымъ дѣломъ. Научное сибаритство и дилетантизмъ должны будутъ уступить мѣсто глубокому изученію, когда мы наконецъ поймемъ, что отъ того или другаго рѣшенія философскихъ задачъ зависитъ то или другое направленіе нашей практической жизни и дѣятельности. Не у насъ однихъ такъ. Вездѣ, гдѣ философія развивалась, она, какъ уже замѣчено, коренилась въ житейскихъ потребностяхъ людей и выносилась въ книгу, на трибуну и кафедру изъ глубочайшихъ и сокровеннѣйшихъ нѣдръ народной жизни. Наша собственная вина, если мы этого не видимъ, или не понимаемъ.

Но когда мы наконецъ убѣдимся, что коренное наше зло есть наша умственная и нравственная негодность, и начнемъ задумываться надъ тѣмъ, какъ-бы ее устранить, или хоть ослабить, намъ придется гораздо серьезнѣе, чѣмъ теперь, вглядываться въ прежнія и новыя философскія ученія, познакомиться съ ними въ той обстановкѣ, условіяхъ и съ тѣми предпосылками, которыя ихъ вызвали. Какъ слѣдуетъ понимать господствующія въ наше время философскія направленія, какой ихъ дѣйствительный смыслъ, въ чемъ ихъ сильныя и слабыя стороны,—вотъ вопросы, разрѣшеніемъ которыхъ мы должны будемъ начать непривычный намъ трудъ философскаго мышленія. Такой трудъ, руководимый и направляемый нашими насущными потребностями, нашими основными задачами, долженъ, какъ я убѣжденъ, привести насъ прежде всего къ выработкѣ новыхъ научныхъ основаній этики или ученія о нравственности, которое, въ теперешнемъ своемъ видѣ, не выдерживаетъ критики, не соотвѣтствуетъ нынѣшнему состоянію наукъ и потому находится въ полномъ пренебреженіи и упадкѣ.

Этимъ я заключаю свои замѣтки. Болѣе подробное ихъ развитіе выходитъ изъ рамки публичнаго чтенія, и составляетъ уже предметъ научнаго изслѣдованія.

К. Кавелинъ.

Digitized by Google

ПОСЛѢ СУДЕБНАГО ПРИГОВОРА.

(ПРОЛОГЪ ДРАМЫ).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Хатынская Лариса Васильевна, жена губернатора, лѣтъ 35-ти.
Алчеева Сара Васильевна, ея младшая сестра, вдова.
Шифманъ Яковъ Борисычъ, ея домашній врачъ, молодой человѣкъ.
Графъ Столыгинъ Алексѣй Кирилычъ, отставной маіоръ.
Маркъ Остапычъ, чиновникъ консисторіи, управляетъ дѣлами Алчеевой.
Ѳеня, его племянница, въ горничныхъ у Алчеевой.

Дѣйствіе въ губернскомъ городѣ.

Гостиная въ домѣ Алчеевой. Въ глубинѣ входная дверь, налѣво — къ хозяйкѣ, направо — маленькая, маскированная шкафомъ. Драпри съ дверей и оконъ сняты; мебель и бронза въ чехлахъ. Все разстановлено кое-какъ, сдвинуто въ томъ безпорядкѣ, какой бываетъ въ домѣ, занятомъ на короткое время и передъ отъѣздомъ.

СЦЕНА I.

Ѳеня и Шифманъ.

Шифманъ *(входя)*. Дѣвушка Ѳедосья, добрый день! Сара Васильевна еще не выходила?

Ѳеня. Нѣтъ еще. Все утро укладывались къ вояжу.

Шифманъ. И никто тутъ не былъ?

Ѳеня. Никого не было. Дяденька Маркъ Остапычъ приносили деньги изъ банка, а гостей никого, — окромя, что письмо получили отъ графа Столыгина.

Шифманъ. Ага! Ну и что-же? рапортуйте.

Типогр. Товарищ. М. О. Вольфъ.

Digitized by Google

Ѳеня Желаютъ проститься. А мы на словахъ отвѣтили: очень извиняемся: заняты, молъ, сборами къ вояжу; а коль угодно, пожалуйте прямо на вокзалъ.

Шифманъ *(заботливо)*. Эхъ... и то напрасно! Лучше-бы наотрѣзъ отказать. Ну, впрочемъ, ничего... Вы, Ѳеничка, пальто и шляпку получили?

Ѳеня *(протянувъ ему руку)*. Мерси-съ. Очень мило и даже какъ-будто ужь черезчуръ нарядно для вояжа.

Шифманъ. Нельзя, вѣдь за-границей будете; тамъ народъ все чистый. Русское неряшество надо дома оставить. Только вы, дѣвушка Ѳедосья, не возмечтайте: тутъ чего-нибудь этакого ни-ни! Хоть вы и вкусненькая штучка, однако... зачѣмъ шалить? Я человѣкъ серьезный. Дѣло простое: вашъ дяденька за грошъ повѣсится, а барыня не догадалась, вотъ я ихъ поправилъ. Послѣ сочтемся. Пустяки!

Ѳеня. Всетаки, мерси вамъ. Съ большимъ вкусомъ. А вы изготовились къ вояжу? Барыня сказываетъ: съ нами ѣдете.

Шифманъ. А вотъ еще не знаю какъ... Да у меня какіе сборы! Пледъ да ручной чемоданчикъ — и куда угодно, хоть въ Америку. Но мнѣ еще необходимо перетолковать съ Сарой Васильевной.

Ѳеня. Ужели еще не столковались? Слава Богу, послѣ суда цѣлый мѣсяцъ изо дня въ день при насъ дежурите. Выстукивали, выслушивали... Ха-ха-ха! Или все это только по докторской наукѣ вашей было, а не по другой какой... *(Смѣется прямо ему въ лицо)*.

Шифманъ Вы, дѣвушка Ѳедосья, очень милая особа, но *(стукнувъ ее въ лобъ)* тутъ у васъ слишкомъ много прыти. Слушайте.

Ѳеня. Ну, слушаю.

Шифманъ. Вамъ понравилось слово «вояжъ», — и прекрасно! Твердите его, сколько душѣ угодно. А вотъ другое словечко «судъ» — нехорошее словечко, — совсѣмъ выбросьте изъ вашего словаря.

Ѳеня. Это почему?

Шифманъ. Никакого суда надъ нами не было, мы чисты и правы...

Digitized by Google

Ѳеня. Понятно, что вины на васъ не было, одна лишь непріятность ..

Шифманъ. И баста! Значитъ, про судъ и разглашать не слѣдуетъ. А второе: если хотите со мной вести дружбу, то не умничайте, не забѣгайте впередъ, а слушайте обоими ушами и исполняйте, какъ сказано.

Ѳеня. Кажется, и то стараюсь вточности, по моей приверженности къ благодѣтельницѣ, а не только-что изъ антереса.

Шифманъ. Ладно. душенька, ладно. Старайтесь! *(Помолчавъ).* Что она сегодня въ какомъ настроеніи,—не дуритъ?

Ѳеня. Даже въ очень прекрасномъ были расположеніи духа; все про вояжъ со мной разсуждали, покамѣстъ вотъ эта графская записка не пришла. Тутъ какъ швырнетъ ее, да какъ захохочетъ.. Знаете, какой у нея смѣхъ: губы однѣ смѣются, а глаза стоятъ ровно тебя живую съѣсть хотятъ, ей Богу! Отъ этого ейнаго смѣха инда жутко: не могу привыкнуть.

Шифманъ. Да, да, знаю... этотъ смѣхъ... знаю... а слезъ не было?

Ѳеня. Не было сегодня. Однако, съ четверть часа потомъ сидѣла, ровно каменная нинфа, не шевельнется. Хоть въ фотографіи снимай. *(Звонокъ изъ комнаты Алчеевой).* Ой, никакъ зоветъ! *(Поспѣшно уходитъ).*

Шифманъ *(вслѣдъ ей).* Скажите, что я здѣсь.

СЦЕНА II.

Шифманъ *одинъ*, *потомъ* **Алчеева.**

Шифманъ. *(одинъ).* Чортъ побери всѣ эти старыя путы! Обрубить ихъ—и конецъ. Довольно было всякой нервятины... *(Въ раздумьи садится).* Усадить-бы ее въ вагонъ и запереть вплоть до Эйдкунена... И что они пристаютъ къ ней? Вчера этотъ дурацкій прощальный обѣдъ съ тостами, спичами и

Digitized by Google

всякими безобразіями... Безпутники! Точно ея вдовство отпраздновать хотѣли... Гм-да, скандалъ—Молохъ нашихъ дней. Сегодня вотъ опять этотъ прогорѣлый графчикъ... Чего ему нужно? Благодарности за услугу... то-есть, за вранье на судѣ, за благородное лжесвидѣтельство?.. или героя сыграть хочется?.. Гмъ, нѣтъ, онъ не такъ глупъ... Вотъ и поди—выгораживай паціентку, устраняй всѣ скверныя вліянія на ея психію... изловчайся!.. самая подходящая работа для ученаго врача... Ха-ха! Вонъ даже дѣвушка Ѳедосья трунитъ надъ моей наукой... Ахъ-ахъ-ахъ! Чего подѣлаешь,—практика! Голодать ужасно надоѣло... *(Вынимаетъ бумажникъ и записываетъ карандашомъ).* Получено триста... да двѣсти... еще взято сто... и того... Надо еще четыреста, — уровнять цыфру. Н-да! а потомъ особый счетъ пойдетъ, по условію... *(Хлопнувъ по бумажнику, кладетъ его въ карманъ).* Плоды науки!.. *(Входитъ Алчеева. Она въ черномъ очень простенькомъ дорожномъ платьѣ. Серги и аграфъ съ крупными брилліантами. Въ рукѣ шагреневый мѣшочекъ. Волосы нечесаны, сбиты въ безпорядкѣ. Бѣлдна, движенія рѣзки).*

Алчеева *(говоритъ въ дверь).* Отправьте большіе сундуки сейчасъ-же на вокзалъ съ Ефимомъ, а Митя пусть несетъ письмо и отдастъ графу въ руки. Отвѣта не надо. Ба, докторъ, наконецъ-то... *(протягиваетъ ему руку).* Наконецъ-то мы улетучиваемся. Паспорты визированы?

Шифманъ. Извольте получить. *(Передаетъ паспорты).* Вотъ вамъ, а вотъ Ѳеничкинъ.

Алчеева. А вамъ?

Шифманъ *(улыбаясь).* Развѣ безъ меня нельзя?

Алчеева. Можно... *(Небрежно разсматриваетъ паспорты).* Вы находите, что я могу обойтись не только безъ врача, но и безъ опеки, безъ друзей... *(Къ нему).* Что?

Шифманъ. Быть вашимъ опекуномъ — слишкомъ хлопотливо, а другомъ... *(пожимаетъ плечами).* Я просто наемникъ.

Алчеева. Вы врете на себя, Яковъ Борисычъ. За однѣ деньги, безъ симпатіи ко мнѣ или хоть къ моему несчастью, вы не взялись-бы няньчиться съ больной и безтолковой барыней, отдать ей года два вашей жизни. Вы свободны, мо-

Digitized by Google

лоды, жить вамъ хочется для себя, а вознагражденіе.. Право-же, оно не такъ велико. *(Садится).*

Шифманъ. Я бѣднякъ, и родня на шеѣ. Но не въ томъ дѣло. *(Садится возлѣ нея).* У врача нѣтъ ни симпатій, ни антипатій: онъ обязанъ помочь всякому больному—и врагу, и другу,—и святому, и грѣшнику... Да позвольте, неужели вы послѣ такого невѣжливаго урока въ жизни, все еще хотите вѣрить въ какія-то симпатіи, нѣжности, и такъ далѣе? Ужь это слишкомъ того... по-женски!..

Алчеева. О, нѣтъ, нѣтъ! *(Указывая на горло).* Вотъ какъ сыта... Довольно! Мнѣ нуженъ покой, самый простой, коровій покой,—здоровый кормъ, хорошій сонъ, пестрота впечатлѣній, чтобы все скользило, не затрогивало, и мимо! Правда, что женщины очень глупый народъ: онѣ вѣчно чего-то ждутъ, желаютъ, ищутъ; я почти не женщина: я потеряла способность желать. Это очень печально, докторъ, но оно такъ! Пора поквитаться съ старымъ.

Шифманъ. Вотъ именно этого-то я и не замѣчаю: старое еще имѣетъ надъ вами большую власть.

Алчеева. Ха-ха-ха! Это вы все на счетъ вчерашняго обѣда... Какой вздоръ! Поймите, нельзя-же мнѣ оттолкнуть людей, которые отнеслись ко мнѣ такъ сочувственно... Нельзя-же гнать всѣхъ вонъ.

Шифманъ. Непремѣнно слѣдуетъ гнать всѣхъ вонъ.

Алчеева *(глядитъ на него пристально).* Вы думаете?.. А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, вчерашній обѣдъ, большущая нелѣпость, ха-ха-ха! Наши чопорные лицемѣры закричатъ: безстыдство, дерзость!.. Ха ха! а это просто глупо... *(Изъ веселаго тона мгновенно переходитъ въ суровый, мрачный).* Мнѣ хотѣлось увидѣть, убѣдиться, что все прошло, что я не какая-то новая m-me Лафаржъ, не арестантка, что снова имѣю право быть въ обществѣ, какъ и всѣ... Въ честь мою банкетъ затѣять могла только глупость моихъ поклонниковъ, это я понимала, но каюсь, мнѣ хотѣлось, чтобъ эта глупость непремѣнно случилась, чтобъ я видѣла ее своими глазами, чтобъ слышала своими ушами эти спичи, тосты, чтобъ въ головѣ шумѣло то шампанское, ко-

Digitized by Google

торое въ честь меня лилось рѣкой... Ха-ха-ха! Это забавно, докторъ!.. И вотъ этого мнѣ смертельно хотѣлось!

Шифманъ. Сара Васильевна, пощадите! Не вы-ли сію минуту сказали, что потеряли способность *желать*, и вдругъ *захотѣлось*, и чего-же? Покутить въ толпѣ губернскихъ шелопаевъ... Гдѣ же логика?!

Алчеева. Ахъ, подите вы съ вашей логикой! Ничего вы не понимаете... Ну, пожалуй, браните бабій капризъ; я вѣдь безтолкова. *(Шифманъ хочетъ что-то сказать, она останавливаетъ его нетерпѣливо).* Ну, хорошо, хорошо! Знаю! Больше не буду... Вѣдь сегодня ужь бѣгу отсюда, кончено! Ахъ, вотъ кстати! похвалите меня, докторъ, сейчасъ послала жосткій отказъ человѣку, который умолялъ дозволить явиться сюда хоть на минуту, сказать только «прощайте». Сперва чуть не согласилась, а потомъ отрѣзала ему крылья...

Шифманъ. Столыгину.

Алчеева *(изумляясь)*. Почемъ вы знаете?

Шифманъ. Я все знаю, и одобряю вашъ поступокъ.

Алчеева. Значитъ, иногда и я умница. Очень рада... Ну-съ, однако займемся нашими дѣлами. *(Беретъ со стола паспорты)*. Паспорты въ порядкѣ...

СЦЕНА III.

Тѣ же и Ѳеня.

Ѳеня. Сара Васильевна, тамъ губернаторша съ черной лѣстницы пришли.

Алчеева. Кто? Сестра! Вотъ странность!.. Съ чернаго хода... Проси сюда...

Ѳеня. Онѣ сказали, коли есть кто посторонній, то не взойдутъ... Я промолчала *(указываетъ на доктора)* про нихъ. Какъ прикажете?

Алчеева. Ничего не понимаю! Докторъ, я васъ увольняю..

Шифманъ *(взглянувъ на часы)*. Теперь часъ, поѣздъ идетъ

Digitized by Google

въ шесть. Успѣемъ-ли... Намъ еще надо поговорить... или отложить до завтра...

Алчеева. Нѣтъ, нѣтъ, ѣдемъ сегодня, а вы подождите *(указываетъ на замаскированную дверь)* хоть тамъ. Черезъ нѣсколько минутъ я къ услугамъ вашимъ. Съ сестрицей намъ долго бесѣдовать не придется. *(Шифманъ, взявъ шляпу, скрывается).* Проси сюда. *(Феня уходитъ).* Что это значитъ? Сестра и ея чопорный старичокъ вчера еще не кланялись, не хотѣли узнавать меня... и вдругъ!.. любопытно..

СЦЕНА IV.

Алчеева и Хатынская *(входитъ, осматриваясь кругомъ и отбрасывая вуалетку).*

Алчеева. Не безпокойтесь, madame la générale, у меня нѣтъ никого. *(Указываетъ на диванъ).* Что прикажете? *(Объ садятся).*

Хатынская *(затрудняясь).* Я пришла, какъ видишь, украдкой; не знаю, пріятно-ли тебѣ... Матвѣй Матвѣичъ не долженъ знать, что я была здѣсь... Но я не въ силахъ одолѣть сердечной потребности, видѣть тебя хоть на минуту, проститься съ тобой... Сестра... Сарочка!.. *(кидается къ ней на шею).* Для меня ты все та же, что и прежде.

Алчеева *(поддается ей пассивно).* Нѣтъ, я ужь не та.. совсѣмъ не та...

Хатынская. Не говори такъ печально... Не гляди на меня такъ недовѣрчиво... Сарочка! Ты всегда была моей любимицей... Ты все искупила страданіемъ. Твой грѣхъ,—грѣхъ каждой изъ насъ... *(Сара дѣлаетъ движеніе къ ней).* Не возражай: несчастное замужество, рабство при горячей жаждѣ любви и свободы, — вотъ твой грѣхъ; ахъ, это грѣхъ многихъ и, можетъ быть, лучшихъ женщинъ... Но я убѣждена, что ты чиста душой, что ты чужда всѣхъ ужасовъ этой гнусной трагедіи. *(Содрогаясь).* Вѣдь это чудовищно!.. И слава Богу, те-

Digitized by Google

перь снято съ тебя это ужасное подозрѣніе, снято торжественно, судомъ, и ты опять наша, ты опять моя чудесная Сарочка. *(Горячо цѣлуетъ ее).*

Алчеева *(отдаляетъ ее немного, держа за плечи и всматриваясь въ ея глаза).* И ты вѣришь? Ты твердо убѣждена, что я... *(Отрицательно качаетъ головой).*

Хатынская. Какъ въ самой себѣ! Да кто-же въ этомъ не убѣжденъ? Ты вышла блистательно, моя бѣдная мученица... Теперь всѣ честные люди за тебя.

Алчеева *(вдумываясь въ слова).* Всѣ... всѣ честные люди... И ты... *(Вздохнувъ).* Какъ добра ты, сестрица! *(Жметъ ей крѣпко руки).* Ну, а вѣдь прежде, до этого всѣ сомнѣвались, не правда-ли? Всѣ отшатнулись, считали кандидаткой на каторгу... И ты вѣдь тоже, добрая сестра... Помнишь, какъ ты велѣла лакеямъ не пускать меня на порогъ твоего дома, какъ въ твоемъ салонѣ собиралось противъ меня цѣлое ополченіе... Вѣдь это все было, не такъ-ли?

Хатынская. Ахъ, ange chérie, это преувеличено.. Очень преувеличено! Пойми, что наше положеніе въ обществѣ обязывало... на насъ смотрятъ... нельзя же намъ! И что таить: мой Матвѣй Матвѣичъ страшный пуристъ, онъ и до сей минуты, не смотря ни на что, относится какъ-то дико, точно боится... Ужь я не мало твержу ему... mais hélas, что дѣлать! Закоснѣлъ онъ въ своемъ ретроградствѣ, очень отсталъ, и вообще, между нами, устарѣлъ, то-есть à la lettre, устарѣлъ... *(Горестно вздыхаетъ).* Его даже отъ службы увольняютъ: вѣроятно, и тамъ видятъ, что устарѣлъ...

Алчеева *(съ участіемъ).* Въ самомъ дѣлѣ? Ахъ, какое для васъ несчастіе! Чѣмъ-же вы жить будете? Вѣдь имѣньеце давно продано...

Хатынская. Дадутъ ничтожную пенсію, какъ обыкновенно... А тутъ еще Матвѣй Матвѣичъ плохъ здоровьемъ, ему надо на воды, каждое лѣто на воды... Ахъ, ужь и не знаю, какъ я съ нимъ няньчиться буду!.. Да, незавидна и моя участь! Ты сегодня ѣдешь?

Алчеева. Въ шесть часовъ.

Digitized by Google

Хатынская. А куда именно?

Алчеева. Куда-нибудь подальше. Здѣсь мнѣ самой тошно... Сперва за границу, поживу годъ, пока тутъ все уляжется, забудется. Потомъ въ Крымъ, на Кавказъ... подальше, даже хочу имя перемѣнить. Вѣдь процессъ напечатанъ во всѣхъ газетахъ. Что за радость быть мишенью злословія и любопытства, — назовусь моей прежней отцовской фамиліей... Вѣдь можно?

Хатынская. Еще-бы! И очень умно. Наконецъ-то, и ты, моя Сарочка, берешься за благоразуміе! Да, душечка, женщинѣ надо-надо быть осторожной, выучиться хитрить, лукавить, и тогда все съ рукъ сойдетъ. Твое несчастье, можетъ быть, именно въ томъ, что ты вела свои дѣла какъ-то такъ зря, спустя рукава, не умѣла концы хоронить... *(Шутливо).* Сознайся, что такъ?..

Алчеева *(задумчиво).* Не умѣла... *(Оживленно).* А что, если умѣла?

Хатынская. О чемъ ты хочешь сказать?

Алчеева *(съ иронiей).* О томъ, что умѣла концы прятать, кажется, ясно? Иначе мы съ вами, madame la générale, не сидѣли-бы вотъ тутъ и не ворковали-бы такъ невинно... Ха-ха-ха! *(Нервно хохочетъ).*

Хатынская *(съ испугомъ).* Сарочка, что съ тобой!.. Въ умѣ ли ты!

Алчеева. Ага, струсила, моя осторожная сестрица! Ха ха-ха! Ну, пошутила. Не бойся: на меня вѣдь иногда находятъ припадки какой-то сумасшедшей шутливости... *(Печально).* Дурачусь!

Хатынская. Полно, родная! Твои нервы не въ порядкѣ, надо серьезно лѣчиться. *(Смотритъ на часы).* Ой, мнѣ пора. Ну, простимся здѣсь, мой ангелъ. Ты не потребуешь, конечно, чтобъ я пріѣхала провожать тебя на вокзалъ, то есть, мнѣ-то все равно, но мой Матвѣй Матвѣичъ...

Алчеева *(замахавъ руками).* Нѣтъ, нѣтъ, не потребую, Богъ съ тобой... Зачѣмъ?

Хатынская. И такъ... *(Встаютъ).* Ахъ, забыла сказать

Digitized by Google

тебѣ объ одномъ маленькомъ дѣльцѣ. Минуту вниманія *(Снова садятся)*. Въ постигшемъ тебя несчастьи, ты, Сарочка, счастлива тѣмъ, что хоть матеріально обеспечена. Покойный твой мужъ, при всей его чорствости и алчности къ деньгамъ, какъ видно, давно ужъ позаботился о тебѣ: говорятъ, духовную нашли случайно, ты не знала и не подозрѣвала, что все онъ оставилъ тебѣ. Это правда?

Алчеева. Правда. Но вѣдь у него и нѣтъ никакой родни, нѣтъ законныхъ наслѣдниковъ, а еслибъ они были, то не думаю, чтобъ это такъ вышло, да я и сама не захотѣла бы никого обидѣть.

Хатынская. О, ты святая душа. Вотъ видишь-ли... буду говорить прямо... Обращусь прямо къ твоему сердцу... Еслибъ ты дала намъ, то-есть мнѣ и мужу, подъ вексель десять тысячъ, ты выручила-бы насъ изъ большаго затрудненія .. Знаешь, по случаю отставки Матвѣй Матвѣича, мы просто голову теряемъ: долги, счеты по магазинамъ — вѣдь всѣ пристанутъ, подай... И знаешь, какъ-бы это подѣйствовало на моего старика! Примирило бы съ тобой окончательно... Ты лобикъ нахмурила?.. Извини, ma chère, конечно, это съ моей стороны немного странно...

Алчеева *(серьезно)*. Ни чуть не странно. *(Подумавъ долго)*. Деньги я тебѣ дамъ.

Хатынская. Ахъ, ты прелесть моя!.. Такъ я вексель пришлю отъ меня и мужа.

Алчеева. Ничего этого не надо. При мнѣ наличныхъ денегъ столько нѣтъ,—все банкирскіе переводы,—а велю моему Остапычу привезти тебѣ эти деньги завтра-же и, пожалуйста, больше никакихъ разговоровъ...

Хатынская *(Въ восхищеніи)*. Ты меня воскресила, моя Сарочка! Oh mercі, mercі. *(Цѣлуетъ ее)*. Et bien, bon voyage, душечка,—дай еще обнять и благословить тебя... Будь здорова, ты такъ молода, такъ хороша, вѣрь, тебя еще ждетъ въ жизни большое счастье... вѣрь! Иначе, гдѣ была-бы справедливость судьбы...

Алчеева. Полно, Лариса, не счастье людямъ нужно, а

Digitized by Google

душевный покой... *(Обнимаются. Хатынская плачетъ. Алчеева холодна и угрюма).* Ты опять по черной лѣстницѣ? Я провожу тебя.

Хатынская *(съ эмбазомъ).* И такого-то ангела злые люди хотѣли подвести подъ какую-то варварскую уголовную статью! Bah... Horrible!.. *(Обнявшись уходятъ).*

СЦЕНА V.

Шифманъ, *потомъ* **Алчеева.**

Шифманъ *(пріотворивъ дверь и видя, что въ комнатѣ нѣтъ никого, выходитъ, садится и, подумавъ съ минуту, начинаетъ тихо смѣяться).* Вотъ на чемъ строится все на свѣтѣ, и любовь, и уваженіе, и весь шутовской маскарадъ житейскихъ отношеній! Что-жъ? All right, какъ говорятъ Американцы.

Алчеева *(взойдя останавливается, вперяетъ въ лицо Шифмана испытующій взглядъ).* А вы... подслушали?

Шифманъ. Непремѣнно подслушалъ.

Алчеева. Да вѣдь, говорятъ, это нечестно.

Шифманъ. Не знаю.

Алчеева. Какой цинизмъ! Даже противно *(Отворачивается).*

Шифманъ. Въ природѣ и въ человѣкѣ нѣтъ ничего циничнаго. Противенъ только обманъ, ложь, а я не хочу лгать и обманывать; потому что это... не стоитъ труда. Даже ваша почтенная сестрица васъ не обманула: она совершенно откровенно высказалась вся, поступила, по моему, честно.

Алчеева. Разумѣется. И я такъ рада, что могла сдѣлать ей пріятное. Вы, пожалуй, отвергаете наслажденіе дѣлать добро людямъ, кто-бы они не были, безъ расчета, безъ справокъ... глумитесь?...

Шифманъ. Нѣтъ, не отвергаю: это самый пріятный видъ эгоизма... особливо, у кого денегъ много.

Алчеева *(топнувъ ногой).* О, замолчите! Въ эту минуту я такъ довольна, такъ весела, что прощаю вамъ ваши боль-

Digitized by Google

ничные софизмы. Ну, къ дѣлу. Полно дурачиться. О чемъ вамъ нужно говорить со мной? *(Садится).*

Шифманъ. Не угодно-ли вамъ прежде всего прочесть вотъ это *(подаетъ ей свернутый листъ бумаги).*

Алчеева. Что такое? *(Взглянувъ въ бумагу).* Ахъ, да, наше условіе,—контрактъ. Вы очень акуратны. Все по пунктамъ.

Шифманъ. Жиды въ дѣлахъ любятъ точность, и васъ хочу я немножко пріучить къ точности.

Алчеева. То-есть, сдѣлать немножко жидовкой. Это по малой мѣрѣ остроумно.

Шифманъ. Ознакомьтесь съ содержаніемъ этой бумажки. Мнѣ пріятнѣе, если вы теперь скажете, что я слишкомъ дорого цѣню свои услуги, нежели потомъ станете бранить, что подалъ жидовскій счетъ.

Алчеева. Хорошо-съ. *(Серьезно просматриваетъ контрактъ).* Вы хотите получать по тысячѣ франковъ въ мѣсяцъ и всѣ издержки, т. е. мѣсто въ вагонѣ 1-го класса, номеръ въ гостиницѣ, обѣды, завтраки, манже и буаръ—все на мой счетъ. Постойте, тутъ пропущенъ утренній кофей; эта недомолвка ужь въ мою пользу. Докторъ! да вы слишкомъ милостивы...

Шифманъ. Вамъ угодно шутить?

Алчеева. Нѣтъ. Серьезно. И вы больше ничего не потребуете?

Шифманъ. Чего-же еще?

Алчеева. Мало-ли... Ну, хоть любви вашей паціентки...

Шифманъ *(оскорбленнымъ тономъ).* Нѣтъ-съ, этого не потребую.

Алчеева. Что-жь, я вамъ не нравлюсь, скажите. Какъ женщина не нравлюсь?

Шифманъ *(встаетъ, съ глубокимъ поклономъ).* Не нравитесь.

Алчеева. Благодарю за откровенность. Это значительно облегчаетъ мою задачу. *(Задумывается).*

Шифманъ. И упрощаетъ наши отношенія. Однако, осмѣлюсь спросить:—какую вашу задачу?

Алчеева. Э, почемъ я знаю!... а когда узнаю, скажу.

Digitized by Google

А вы, какъ прямой, грубый человѣкъ, дайте сейчасъ клятвенное слово, что поможете мнѣ вашимъ умомъ, знаніемъ силой воли... Воля у васъ должна быть желѣзная, а у меня она—*(комкаетъ платокъ и бросаетъ на полъ)*. Вотъ!

Шифманъ. Такъ и слѣдуетъ. Сила воли — совсѣмъ не дамское дѣло. Извольте-съ. *(Насмѣшливо)*. Обѣщаюсь и клянусь, когда потребуется прійти на помощь вашей слабой волѣ, сдѣлать это также просто *(поднимаетъ платокъ и подаетъ ей)* какъ поднять этотъ платокъ.

Алчеева. Браво! Ну, а если заломастесь, такъ и я также просто разрываю контрактъ. Можете искать съ меня судомъ ваши убытки.

Шифманъ. О, этого никогда не будетъ! Во первыхъ, въ судъ я не пойду изъ уваженія къ себѣ, а во вторыхъ, совершенно увѣренъ, что угожу вамъ, о, и какъ еще увѣренъ!

Алчеева. Ужасно увѣрены? Ха-ха!

Шифманъ. Ничего нѣтъ легче: черезъ самое короткое время вы не захотите ничего такого, чего-бы я заранѣе не зналъ и не одобрилъ.

Алчеева *(смѣется)*. Хвастунишка! Да ужь не спиритъ ли вы?

Шифманъ. Д-да, можетъ быть... У меня дядя былъ знаменитый профессоръ бѣлой магіи, попросту — фокусникъ. Нажилъ большія деньги, проигралъ ихъ въ карты—и умеръ нищимъ въ Бердичевѣ. Видите, какая у меня необыкновенная родня. Можетъ быть, по закону наслѣдственности, и на мою долю перепало кое-что отъ магіи дяди,—и, пожалуй, относительно васъ я окажусь сильнѣйшимъ медіумомъ...

Алчеева. Ха-ха-ха! Съ вами превесело. Я люблю, когда вы меня злите, но вѣдь это вредно, слишкомъ бьетъ по нервамъ; больше люблю, когда смѣшите... смѣхъ—лѣкарство. Во всякомъ случаѣ, мы съ вами уживемся. Ну-съ, теперь что-же?

Шифманъ. Теперь подпишемъ условіе.

Алчеева. Послѣ. Видите, что нѣтъ на сценѣ пера и чернильницы. А вотъ что,—вамъ, конечно, нужны деньги?

Digitized by Google

Шифманъ. Конечно! Безъ денегъ нѣтъ человѣка, нѣтъ личности, а есть какая-то фикція.

Алчеева. А я не хочу, чтобъ вы были фикція... Вотъ вамъ пять сотенныхъ. *(Вынимаетъ изъ сакъ-вояжа деньги и отдаетъ ему).* Потомъ будете получать франками, талерами, флоринами.

Шифманъ. Мнѣ все равно, хоть и бумажками по курсу, только не фальшивыми.

Алчеева. Охъ, какой вы практикъ!

Шифманъ. Да вѣдь и вы, надѣюсь, не совсѣмъ идеалистка. Адьё, черезъ часъ явлюсь, пообѣдаемъ— и въ путь дорогу! *(Пожавъ ей руку, уходитъ).*

СЦЕНА VI.

Алчеева *одна, потомъ* **Остапычъ.**

Алчеева *(проводивъ его глазами).* Оригиналъ! Такихъ я не встрѣчала... Съ нимъ какъ-то свободно... Да, самые удобные люди тѣ, которые кромѣ уплаты по счету, ничего не требуютъ: съ ними не надо ломать себя... *(Подходитъ къ своей двери).* Маркъ Остапычъ, что скажете? Войдите сюда.

Остапычъ. *(Входитъ, говоритъ грубо, и сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ).* А вы-жъ мене требовали, Хвенька прибѣгала.

Алчеева. Да-да-да! Вотъ что... изъ денегъ, которыя я оставила вамъ на перестройку дома, возьмите 10 тысячъ, и завтра же отвезите моей сестрѣ, Ларисѣ Васильевнѣ.

Остапычъ. Ея превосходительству, а не самому ему?

Алчеева. Ей, въ руки. И возьмите простую расписочку въ полученіи.

Остапычъ. Добре! А вже строиться не будемъ?

Алчеева. Будемъ, только послѣ, когда соберутся доходы.

Остапычъ. Такъ. *(Помолчавъ).* Эхъ, грошенята попридержать-бы треба. Покойникъ на сей предметъ былъ человѣкъ строгій—у, строгій! вся губернія ему одолжалась, больше

Digitized by Google

все по закладнымъ любилъ,—и процентъ взималъ снисходительный, такъ що дыхать помѣщику еще возможно. А мы теперь плоховато повели себя... *(Махнувъ рукой).* Э!. .

Алчеева. Да что вы, старче праведный, помѣшались, что по сту разъ на день все одно и тоже твердите? Процентщицей быть я не могу,—на мой вѣкъ хватитъ.

Остапычъ. То-то и оно, що никто своего вику не пыталъ. И зачѣмъ вамъ процентщицей?—я бы все это могъ оборудовать превосходно.

Алчеева. Ну-ну, довольно! О чемъ тамъ еще Ѳенина мать проситъ?

Остапычъ. Да стара́ просить, чтобъ какимъ манеромъ обеспечить ее на это время, якобы вы обѣщали...

Алчеева. Правда, обѣщала. Выдавайте старухѣ ежемѣсячно Ѳенино жалованье, а дочери я буду давать особо.

Остапычъ. Э, набалуется-жь Хвенька по разнымъ заграницамъ! Уже и теперь бисова дивка ловка на всѣ штукенціи. .

Алчеева. Что такое?

Остапычъ. А какже-жь, съ образованными кавалерами шашни строитъ.

Алчеева. Остапычъ, неправда! Стыдитесь, вѣдь она вамъ родная племянница. . Ужь и то въ черномъ тѣлѣ дѣвочку держали, и если-бы не я...

Остапычъ. Это точно—племянница, до чужой я бъ и не совался. А спросите, кто ей бурнусъ да модную шляпку подарилъ?

Алчеева *(смѣясь).* Что такое? Кто?

Остапычъ. А вашъ докторъ,—вотъ кто, эге!

Алчеева. Ха-ха-ха! Романъ моей горничной! *(Строго).* Однако эти дрязги и сплетни я знать не хочу, Остапычъ. До свиданья! *(Ложится на диванъ).* Потрудитесь послать сюда Ѳеню; чтобъ подушку принесла, я отдохну пока. До свиданья на вокзалѣ!

Остапычъ *(отвѣшиваетъ низкій поклонъ и выходя ворчитъ про себя)* Дрязги, сплетни!.. все сплетни!—Сама вонъ мѣста не

находитъ, всѣ ночи мечется по комнатамъ, видно въ опочивальнѣ-то покойника страшно: не спится?.. Что сіе обозначаетъ?.. Сплетни!.. Э-эхъ! *(Уходитъ).*

СЦЕНА VII.

Алчеева *одна, потомъ* **Ѳеня.**

Алчеева. Какой это злорадный старичишка Остапычъ! Очень нужно разсказывать!... *(Входитъ Ѳеня съ подушкой и взбивши кладетъ подъ голову Алчеевой, которая глядитъ ей въ лицо и смѣется).*

Ѳеня. Чего это вы?

Алчеева. Нравится вамъ нашъ докторъ, Ѳеничка?

Ѳеня. И, что это вы, барыня!.. Пустяки какіе!

Алчеева. Отчего-жь пустяки?

Ѳеня. Развѣ онъ мнѣ подъ-пару?

Алчеева. Кого любишь, тотъ всегда подъ-пару.

Ѳеня. Вотъ ужь никогда! Польщусь я! *(Фыркаетъ).* Некрещенный... Обидно даже! Тамъ ко мнѣ мать пришла. *(Уходитъ).*

СЦЕНА VIII.

Алчеева *одна, потомъ* **Столыгинъ.**

Алчеева. Некрещенный, ха-ха ха! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, что онъ такое? Интересный типикъ, или ловкій актеръ? Корчитъ нигилиста и волочится за горничной... Э, да мнѣ что за дѣло! Пусть ихъ! Все живое хочетъ жить, наслаждаться, любить... *(Помолчавъ).* Сестра сказала: «тебя ждетъ большое счастье»... Всегда такъ говорятъ изъ вѣжливости къ умирающему; но вѣдь я еще не умираю, только въ душѣ слишкомъ много тьмы и холода... Ужь не вылѣчитъ-ли Яковъ Борисычъ?.. Вотъ смѣшная-то штука выйдетъ!.. А что-жь? Отъ серьезнаго до смѣшнаго меньше шага... *(Ворочаясь безпокойно на диванѣ).* Вотъ глупости-то въ голову лѣзутъ... какая я полоумная!..

Digitized by Google

(Зѣваетъ). Спи, Сарочка, спи!.. *(Въ средней двери появляется Столыгинъ въ казачьей формѣ).* Кто тамъ? Митя, это вы? Отдали записку графу?

Столыгинъ. Записку мнѣ отдали исправно.

Алчеева *(вскакиваетъ.* Ахъ!

Столыгинъ. Не смотря на ваше строгое запрещеніе, я всетаки пришелъ.

Алчеева *(растерянно).* Извините, я сейчасъ... *(Направляется къ своей двери).* Ѳеня, гдѣ ты?..

Столыгинъ *(загораживаетъ ей дорогу.* De grâce, madame... выслушайте меня, это очень важно для васъ. Я не уйду, пока не исполню моего долга... Не бойтесь, я хоть и неудачный сынъ высокопочтеннаго родителя, однако слишкомъ хорошо воспитанъ: умѣю говорить съ дамой, какъ старинный французскій дворянинъ. Вы подъ охраной моей чести...

Алчеева. Графъ, но какъ-же вы рѣшились?.. Это насильное вторженіе...

Столыгинъ. А видите ли, вообще въ свѣтѣ всякіе лакеи покупаются за деньги, а ваши доместики даже дешевле другихъ. поэтому я вошелъ безъ насилія и крупныхъ издержекъ. Угодно вамъ меня выслушать?

Алчеева. Садитесь. *(Садятся, она на диванъ, онъ на стулъ, далеко отъ нея. Молчаніе. Алчеева стараясь быть равнодушной).* Что значитъ эта ваша форма? Я-бы не узнала васъ. Изъ отставки опять на службу?

Столыгинъ. Только вчера надѣлъ. Очень изящно и удобно, не правда-ли?

Алчеева. Да, красиво. Куда-же вы?

Столыгинъ. На край свѣта: ѣду въ Ахалъ-теке, къ Скобелеву. Это исправительная мѣра, удачно придуманная родителемъ, недовольнымъ моимъ поведеніемъ вообще, а въ частности—оскорбленнымъ тѣмъ пассажемъ, что графъ Столыгинъ фигурировалъ въ уголовномъ процессѣ... Слава Богу, пока въ качествѣ благороднаго свидѣтеля...

Алчеева *(искренно).* Неужели?!.. О, какъ-же я виновата передъ вами, Алексѣй Кирилычъ!.. Простите меня... Что это

Digitized by Google

за горькая судьба: всѣмъ я приношу только горе да несчастія!.. И вамъ теперь вотъ... въ отплату за ваше благородство навлекла гнѣвъ отца....

Столыгинъ. Се сонъ де пустяки. Не огорчайтесь вы, а я ни мало: мнѣ все равно гдѣ таскать мое грѣшное тѣло, или гдѣ перестать его таскать... Вѣдь и тамъ найдутся милые предметы, а ужь «дежурная бутылка» навѣрно будетъ у меня всякій день.

Алчеева. Не знаю, чѣмъ искупить мою мою вину передъ вами.

Столыгинъ. И не надо. Искупать — совсѣмъ пусто дѣло.

Алчеева. Что-же вамъ угодно? Я на все готова, приказывайте.

Столыгинъ. Мнѣ прежде всего угодно закурить папиросу. Pardon, madame. *(Закуриваетъ)*. А теперь будемъ разговаривать...

Алчеева. Ради Бога, графъ, только не трогать того, что давно было... Я васъ тогда не знала, не понимала...

Столыгинъ. Да и теперь не понимаете. Вы вотъ боитесь, что я затяну плачевную канитель о своей прежней, давно отвергнутой любви... Хо! какъ это поэтично сказано! Но совсѣмъ не то... Я любилъ васъ, очень любилъ, однако не до того, чтобы пустить себѣ пулю въ лобъ, или укокошить топоромъ ту несчастную голову, которая по праву могла мѣшать моей любви... Вообще, я до крови не охотникъ и даже врагъ всякихъ самыхъ усовершенствованныхъ скотобоенъ: тамъ всегда очень скверно пахнетъ .. Да-съ, я любилъ васъ такъ-же, какъ любилъ десятки хорошенькихъ женщинъ, пожалуй, даже чуть-чуть горячѣе; но нашелся человѣкъ, который полюбилъ васъ до самой бѣшеной гадости... Вы дали ему предпочтеніе — справедливо! Онъ всетаки добрый малый и отличный товарищъ. Я стушевался передъ хорошимъ товарищемъ, а вы... вы, конечно, были съ нимъ счастливы вплоть до финальнаго пятаго акта.

Алчеева. Умоляю васъ, именемъ Бога умоляю, оставь-

Digitized by Google

те это... Ужели я мало перенесла мукъ... Пожалѣйте меня!

Столыгинъ. Искренно жалѣю васъ... Но вѣдь ужь надо дойти до конца: раздразнить женщину — самое пустое и постыдное дѣло... Итакъ, не знаю, были-ль вы счастливы, а онъ, мой счастивый соперникъ, къ сожалѣнію, оказался не такъ брезгливъ, какъ я на счетъ скотобойни, и главное, страсть потушила въ немъ послѣднюю копѣечную свѣчку разсудка, которымъ онъ и всегда-то былъ одаренъ довольно скудно... Катастрофа извѣстна. Вы теперь, конечно, разстроены, разбиты, но вы, вольная птичка, поѣдете на воды, тамъ хорошія условія жизни, новыя мѣста, новыя встрѣчи — и вы, милая барыня, выздоровѣете, зацвѣтете, какъ самая рѣдкая центифолія... А, не правда-ли?..

Алчеева. Нѣтъ, Алексѣй Кирилычъ, не разцвѣсть уже мнѣ... Богъ видитъ, что я ищу только покоя... Благодаря всему, между прочимъ, вашему великодушію, я оправдана. Чего-бы, кажется больше! Но чувствую, какъ этого мало!.. Я хочу найти судъ въ самой себѣ и приговоръ въ собственной совѣсти, не знаю: найду-ли... Согласитесь однако, что съ такой трудной душевной задачей люди не разцвѣтаютъ...

Столыгинъ. Вѣрно! Вы — женщина съ хорошимъ сердцемъ... Теперь дайте-же вашу ручку *(бросаетъ папиросу, подходитъ къ ней и береть ее за обѣ руки.)* Задача передъ вами — и какъ она легка!... Вспомните о томъ, кто теперь сидитъ въ грязной тюрьмѣ, у кого цѣлый хаосъ въ головѣ, ни искры надежды въ душѣ; впереди походъ по этапу и много лѣтъ каторги. Я каждый день бываю у него..... Голубушка, поѣдемъ вмѣстѣ, поѣдемъ сію же минуту... Да? *(цѣлуетъ ея руки).* Да?....

Алчеева *(въ испугѣ отнимая руки).* Зачѣмъ?

Столыгинъ. Зачѣмъ! Я не такой юный идеалистъ, который сказалъ-бы вамъ: для того, чтобъ хоть на мигъ утѣшить несчастнаго... нѣтъ, Сара Васильевна! Пойдемте затѣмъ, чтобъ порѣшить, какъ сдѣлать для него сноснымъ каторжный острогъ, чтобъ онъ въ Сибири выросъ и окрѣпъ духомъ, сталъ-бы примиреннымъ человѣкомъ, а для этого нужно ему видѣть

Digitized by Google

подлѣ себя своего ангела-хранителя, и когда кандалы спадутъ, на-ново зажить лучшею жизнью.

Алчеева. Да... да... Я ужь объ этомъ думала: у него будутъ средства къ жизни.

Столыгинъ. Фу-ты, чортъ побери! Должно быть, я непроходимо глупъ, когда расчувствуюсь и заговорю возвышеннымъ штилемъ!.. Не то-съ, не то! Денегъ онъ отъ женщины не возьметъ; за что-жь вы его унижаете! Ему нужна вы... вся вы, вся вотъ такая какъ есть... Скажу прямо: вмѣсто того, чтобъ трепать себя по модньмъ курзаламъ, вы должны ѣхать туда, гдѣ ужь бывали встарину благороднѣйшія женщины, передъ которыми благоговѣли и друзья, и враги... Вотъ что вамъ слѣдуетъ сдѣлать...

Алчеева. *(Молчитъ, ломая руки).* Алексѣй Кирилычъ...

Столыгинъ. Мнѣ кажется, это такъ естественно, если только вы не ждете и не требуете ничего отъ жизни, и йщете своего внутренняго суда. Вѣдь, чортъ возьми, наконецъ, любили-же вы его, погибшаго человѣка?..

Алчеева *(отрывисто).* Нѣтъ!.. Не требуйте невозможнаго... Я... ну, да, когда-то любила его, пока онъ не сталъ угнетать моей воли... Пока онъ не задушилъ во мнѣ всего, чѣмъ люди живы... Смотрите, куда онъ толкулъ меня... Нѣтъ, нѣтъ, я не любила: я боялась его, какъ рабыня... И теперь еще во мнѣ работаетъ неодолимый страхъ... Нѣтъ, я его не любила...

Столыгинъ *(опустивъ голову).* Excusez moi, madame,—значитъ, побезпокоилъ васъ и себя совершенно напрасно...

Алчеева. Графъ, вы не можете понять моего душевнаго состоянія въ эту мучительную минуту. Вы должны презирать меня, ненавидѣть, — все, что хотите, — но я не поѣду!.. даже на короткое свиданье, не поѣду... Не могу, это выше силъ моихъ...

Столыгинъ. Да, на короткое совсѣмъ не стоитъ, пустое дѣло... Впрочемъ, вы правы. Ха! лучше ѣхать на веселый обѣдъ съ ничтожными фатишками. Оно проще и понятнѣй! Ха-ха! Женщины вообще слабонервны: иная блуд-

Digitized by Google

лива какъ кошка, а труслива, какъ заяцъ. Je vous fais mes compliments, madame...

Алчеева *(вспыхнувъ и надменно)*. Я выше мелочныхъ обидъ и не даю никому отчета въ моемъ поведеніи .. Знайте, графъ, что я въ себѣ ничего не маскирую и никогда не лгу...

Столыгинъ *(съ иронією)*. О, никогда!.. даже передъ судомъ!..

Алчеева *(шопотомъ)*. Вы могли-бы объ этомъ умолчать... Знайте еще, графъ, что для любви старой или новой, все равно, въ этомъ разбитомъ сардцѣ мѣста нѣтъ... Это вы увидите или отъ кого-нибудь услышите. Затѣмъ, прощайте. Пусть каждый идетъ своей дорогой...

Столыгинъ *(долго смотритъ въ ея глаза)*. Прощайте... Ха-ха! Хотѣлъ-бы сказать: «до свиданья». *(Гнѣвно схвативъ ея руку)*. Но коли на то пошло, знай-же и ты, хорошенькій дьяволъ, если я увижу, узнаю, что все это комедія, все ложь, я отравлю тебѣ самую сладкую минуту жизни... Берегись! За симъ имѣю честь кланяться. *(Быстро уходитъ)*.

СЦЕНА IX.

Алчеева *одна, потомъ* **Феня**, *позже* **Шифманъ** *(Алчеева падаетъ на диванъ въ истерическихъ рыданіяхъ, на шумъ вбѣгаетъ Феня)*.

Феня. Барыня!.. Ай, батюшки, страхъ какой!.. И какъ на грѣхъ, доктора тутъ нѣтъ... что я съ ней стану дѣлать!.. Барыня, голубушка, миленькая, очнитесь!..

Шифманъ *(входитъ изъ боковой двери)*. Что за чортъ! Кто парадную дверь заперъ? Звонилъ, стучалъ, кругомъ долженъ былъ обойти. Гдѣ Сара Вас... Ба! *(Подходитъ къ Алчеевой, беретъ за пульсъ)*. Ого! *(Шопотомъ къ Фенѣ)*. Кто тутъ былъ?

Феня. Сейчасъ умереть, никого не было... На парадной Митя состоять долженъ, чай, ужь вернулся отъ графа... Ой, смерть! Вотъ несчастье-то передъ самымъ вояжемъ!

Шифманъ. Тише, ничего, жива и все пройдетъ. При-

Digitized by Google

несите капли, что у нея на столикѣ... *(Женя уйдетъ).* Ага! здѣсь непремѣнно кто-нибудь былъ. *(Осматривается).* Вонъ и слѣдъ: окурокъ папироски. *(Женя возвращается, подаетъ капли и ложечку).* Вы давно не входили сюда?

Женя. Недавно-же! Она только-что смѣялась, шутила со мной...

Алчеева *(въ забытьи).* Никого... никого сюда не пускайте!.. Я у себя, какъ смѣютъ!.. Они вырвутъ мнѣ... *(хватается за сердце).* Вырвутъ вотъ это... Кровь... Опять кровь... не хочу я... *(Тономъ плачущаго ребенка).* Бѣдная, что я имъ сдѣлала? За что-же меня живую въ гробъ?.. *(Тихо плачетъ).*

Шифманъ. Я здѣсь, съ вами, чего бояться!.. Плачьте, плачьте, это лучше... *(Даетъ ей капли).* Проглотите, скоро пройдетъ, а отъѣздъ отложимъ на завтра.

Алчеева *(оттолкнувъ ложечку).* Вы съ ума сошли! Я здорова; въ шесть непремѣнно ѣдемъ...

Шифманъ. Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Ѣдемъ... *(Въ сторону).* Только-бы довести до Эйдкунена!

(Занавѣсъ падаетъ).

А. Пальмъ.

Digitized by Google

ВЕЧЕРЪ.

(Посвящ. С. Я. Надсону).

Горятъ и блещутъ, съ вышины
Зарей разсыпанныя, розы
На блѣдной зелени березы,
На темномъ бархатѣ сосны.
По красной глинѣ съ тощимъ мохомъ
Бреду я скользкою тропой;
Струится вечеръ надо мной
Благоуханнымъ, теплымъ вздохомъ.
Поникнувъ дремлютъ тростники;
Сверкаетъ пѣнистой пучиной,
Разбито въ дребезги плотиной,
Стекло прозрачное рѣки.
Колосья зрѣющаго хлѣба
Глядятъ съ обрыва на меня;
Тамъ колья ветхаго плетня
Чернѣютъ на лазури неба...
Ужь пламень меркнущаго дня
Блѣднѣй, торжественнѣй и тише;
Онъ подымается все выше,
Онъ охватилъ своимъ огнемъ
Въ деревнѣ бѣдной надъ холмомъ
Двѣ, три соломенныя крыши

Digitized by Google

И стадо желтое утятъ,
И лужу въ колеяхъ дороги,
И темно-бронзовыя ноги
Толпы играющихъ ребятъ...
И передъ смертью кроткій взглядъ,
О день, кидаешь ты съ любовью
На безпредѣльныя поля,
И мнится чей-то знойной кровью
Облиты небо и земля...
Погибшій день, ты былъ ничтоженъ
И пустъ, и мелочно-тревоженъ;
За что-жь на тихій твой конецъ
Самой природою возложенъ
Такой блистательный вѣнецъ?

Д. Мережковскій.

Сиверская. 1884 г.

Digitized by Google

РАЗВАЛИНЫ.

То былъ зловѣщій сонъ: по дебрямъ и лѣсамъ,
Казалось, я блуждалъ, не находя дороги;
Поляли надъ головой, нахмурены и строги,
Гряды свинцовыхъ тучъ по блѣднымъ небесамъ...
И вѣтеръ завывалъ, гуляя на просторѣ,
И воронъ каркая кружился надо мной;
И нелюдимый боръ, какъ сумрачное море,
Таинственно гудѣлъ въ пустынѣ вѣковой...
И вотъ, когда я шелъ кустарникомъ дремучимъ,
Во мракѣ увидалъ я груды кирпичей;
Покрыты были мхомъ расщелины камней,
И плиты поросли репейникомъ колючимъ.
По шаткимъ ступенямъ спустился я къ рѣкѣ,
Гдѣ арки отъ мостовъ и темныя громады
Низверженныхъ бойницъ чернѣли вдалекѣ.
Клубящійся туманъ окуталъ амфилады
Разрушенныхъ дворцовъ, и волны, и лѣса;
И палевой зари желтѣла полоса
Межъ дремлющихъ столбовъ гранитной колоннады;
И разстилалъ заливъ безжизненную даль
Едва мерцавшую, какъ матовая сталь.
То правда или нѣтъ, но мнилось, что когда-то
Бродилъ я много разъ по этимъ берегамъ:
И сердце дрогнуло, предчувствіемъ объято...

Digitized by Google

О нѣтъ, не можетъ быть, не вѣрю я очамъ!
Въ столицѣ молодой все пышно и богато,
Тамъ жизнь и суета, а здѣсь лишь дикій боръ,
Вѣнчая мертвый прахъ покинутыхъ развалинъ,
Уходитъ безъ конца въ невѣдомый просторъ;
И шумъ его вѣтвей торжественно-печаленъ
Доносится ко мнѣ, какъ грозный приговоръ:
— Тебя я побѣдилъ, отверженное племя!
Довольно вамъ грозить желѣзомъ и огнемъ,
О жалкіе рабы! мое настало время,
И снова мой наметъ раскинулъ я кругомъ.
Мои кудрявыя, зеленыя дружины
Я приступомъ повелъ съ полунощныхъ пустынь
На величавый рядъ незыблемыхъ твердынь,
И вотъ въ пыли лежатъ ихъ жалкія руины...
Вашъ городъ царственной, надменной головой
Мечталъ въ былые дни подняться до зенита,
И вотъ я наступилъ гигантскою пятой
На трупъ чудовища изъ вѣчнаго гранита!—
Но шопоту деревъ я крикомъ отвѣчалъ:
— О нѣтъ, неистребимъ нашъ свѣтлый идеалъ!
Надѣяться и ждать, любить и ненавидѣть,
И кровью истекать въ мучительной борьбѣ,
Чтобъ зданіе вѣковъ въ развалинахъ увидѣть,
О нѣтъ, могучій лѣсъ, не вѣрю я тебѣ!
Нѣтъ! смѣло проложу я путь къ желанной цѣли!—
А сосны мрачныя по прежнему шумѣли,
И мнѣ насмѣшливо кивали головой,
И я бѣжать хотѣлъ съ безумною тоской,
Но лѣсъ меня хваталъ колючими вѣтвями,
Какъ будто длинными, костлявыми руками;
И рвался я впередъ и, ужасомъ объятъ,
Проснулся наконецъ... Съ какимъ порывомъ жаднымъ

Digitized by Google

Я бросился къ окну, какъ былъ я дѣтски радъ,
Какъ стало для меня все милымъ и отраднымъ:
И утра блѣднаго сырая полутьма,
И вѣчный гулъ толпы надъ улицей широкой,
И трубъ протяжный вой на фабрикѣ далекой,
И тяжкій громъ колесъ, и мокрые дома...
Пусть небо надо мной безжизненно и мутно...
Я тѣхъ, кого вчера презрѣніемъ клеймилъ,
Изъ глубины души теперь благословилъ!
О, какъ поближе къ нимъ казалось мнѣ уютно,
Какъ просто и тепло я вновь ихъ полюбилъ!

Д. Мережковскій.

Августъ 1884 г.

Digitized by Google

*
* *

Съ колыбели мы, какъ дѣти,
Вплоть до смертнаго одра,
Ждемъ любви, свободы, славы,
Счастья, правды и добра;
Но въ любви мы пьемъ отраву,
Но свободу—продаемъ,
Клеветой марая славу,
Мы добро вѣнчаемъ зломъ,
Счастьемъ вѣчно недовольны,
Правдой вѣчно смущены,
Въ тишину мы просимъ бури,
Въ бурю—просимъ тишины...

Я. П. Полонскій.

Digitized by Google

ИНКОГНИТНЫМЪ МАНЕРОМЪ.

(СЦЕНКА).

Вечеръ. Къ подъѣзду N-скаго дѣтскаго пріюта подъѣхала четыремѣстная карета. Изъ кареты вышелъ пожилой бородачъ въ мѣховомъ пальто и въ форменной треуголкѣ и крикнулъ сидѣвшимъ въ ней мужчинамъ:

— Дровяной дворъ! Мелочная лавка! Выходите!

Въ каретѣ переговаривались.

— Да выходите-же! Ну, чего вы, черти, боитесь? Не люблю я этого сѣраго образованія! Словно сейчасъ изъ деревни пріѣхали и никакого понятія къ жизни. А еще купцы! Ну, кто намъ можетъ препятствовать? Никто. Я здѣсь членъ и самъ всякому воспрепятствую. Вы посмотрите только, какъ я здѣсь командую и какой мнѣ за все это почетъ. Недавно еще смотрителю три съ половиною аршина драпу на пальто подарилъ.

Языкъ бородача заплетался. Лицо было красно. Самъ онъ слегка покачивался на ногахъ. Треуголка съѣхала на затылокъ.

— Да ей-ей, не ловко... — послышалось изъ кареты. — Со свадьбы и вдругъ въ пріютъ..

— Коли говорю, что ничего, такъ значитъ ничего, — стоялъ на своемъ бородачъ. — Ну, вылѣзайте-же.

— Право, неловко. Поѣдемъ лучше въ Малоярославскій трактиръ. Первое дѣло—поздно, а второе дѣло - всетаки выпивши.

— Что за глупости! Важное кушанье, что выпивши! На бракосочетаніи законныхъ предметовъ выпили, а не въ трактирѣ. Вотъ ежели-бы мы съ какого-нибудь гражданскаго брака на манеръ западной Европы, а то слава Тебѣ, Господи!

— Осудятъ. Скажутъ: не въ своемъ видѣ пріѣхали..

— Кто смѣетъ меня осуждать? По триста рублей имъ каждый годъ вношу, недавно иконостасъ вызолотилъ, да еще осудятъ! Вылѣзай, говорю. Ты вотъ посмотришь, какъ меня здѣсь принимаютъ. Почетъ первый сортъ. Осмотримъ, а потомъ къ экономy—и у него выпьемъ.

Digitized by Google

Пауза.

— Ребята! Долго мнѣ съ вами еще торговаться? — крикнулъ бородачъ.

Изъ кареты вылѣзли еще двѣ бороды. Бородачъ въ треуголкѣ повелъ ихъ въ подъѣздъ. Швейцаръ отворилъ дверь и отвѣсилъ поклонъ.

— Не ждали меня! А я вотъ взялъ да и пріѣхалъ инкогнитнымъ манеромъ, да еще гостей съ собой привезъ, — заговорилъ бородачъ, сбрасывая съ себя пальто. — Здоровъ-ли сердцемъ, Антипъ? — спросилъ онъ швейцара.—Антипъ, кажется?

— Прохоръ, ваше степенство.

— Врешь. А какъ-же ты прежде былъ Антипомъ? Ну, да на все это намъ наплевать! Снимай съ гостей пальты-то. Стой! Ты это что? Звонить? Цыцъ! Не смѣть! Ни слова, ни полъ-слова, ни четверть слова, что я здѣсь. Ревизію буду дѣлать инкогнитнымъ манеромъ. Гдѣ ребятишки?

— Ужинаютъ, ваше степенство.

— Ужинаютъ? Отлично. Ползите, ребята, въ столовую, — обратился бородачъ къ пріѣхавшимъ съ нимъ другимъ бородачамъ — Да чего вы робѣете, анаѳемы! Ужь коли почетный членъ васъ привелъ, то и вамъ почетъ будетъ. Не даромъ-же я имъ въ прошломъ году на пятьсотъ рублевъ однѣхъ штукатурныхъ работъ сдѣлалъ. Каковъ у насъ полъ-то? Ты смотри, чистота-то какая! У другаго столъ, а у насъ полъ. Идемъ.

— Преобрази хоть ликъ-то гребенкой — шепнулъ ему одинъ изъ сопутствующихъ бородачей. — На, вотъ, гребеночку: причешись, а то на манеръ скубента косматаго.

— Плевать! Пусть такъ почитаютъ.

— Оботри хоть бороду-то. Вѣдь у тебя рыбья кость въ бородѣ. Что за социвалистъ такой! Давай, я кость-то сниму.

Начали подниматься по лѣстницѣ и вошли въ столовую. Въ столовой воспитанники ужинали.

— Здорово, ребятишки! — крикнулъ дѣтямъ мундирный бородачъ.—Не ждали? А я вотъ ѣхалъ со свадьбы мимо васъ да и заѣхалъ. Да еще гостей съ собой привезъ.

Digitized by Google

Все засуетилось. Воспитанники повскакали съ мѣстъ. Дежурный воспитатель бросился къ бородачу.

— Ахъ, Степанъ Харитонычъ... Это вы! — говорилъ онъ. — Вотъ ужь не ожидали-то!...

— А коли не ожидали, то и лучше. Господину наставнику почтеніе! Какая такая у васъ сегодня пища? Кажите пищу.

— А вотъ сейчасъ пробную порцію... Сторожъ! Алексѣй!

— Не вороши народъ! Не вороши! А то подсунутъ. Я самъ изъ миски... Ложку! Вотъ такъ... Супъ изъ перловыхъ крупъ. Крупина за крупиной бѣгаетъ съ дубиной. Ничего, ѣсть можно. Со свадебной-то закуски мнѣ не очень.. Ну, а у ребятишекъ сойдетъ.

Мундирный бородачъ слегка покачнулся на ногахъ и сѣлъ на скамейку.

— А я, братъ, сейчасъ со свадьбы, — сказалъ онъ воспитателю. — Приказчика своего вѣнчалъ. Самъ и отцомъ посаженымъ у него былъ, въ шестьдесятъ два рубля иконой его благословилъ... Серебряная вызолоченная... На свой счетъ свадьбу ему сыгралъ. Ну, конечно, обѣда этого не сдѣлалъ, чтобъ разварная стерлядь а ля рюсъ и раки чтобъ на ней на шпагахъ стояли, козы съ золотыми рогами не заказывалъ, а закусочку устроилъ ему, слава Тебѣ, Господи! Хоть генеральскому сыну при такой закускѣ перевѣнчаться, такъ и то не обидно, а не токма-что приказчику, который въ людяхъ живетъ. Да, братъ... Вотъ какой я благодѣтель! Я людей цѣню Амосъ Ѳедорычъ! Правильно я? — обратился онъ къ одному изъ сопутствующихъ бородачей.

— Да ужь что говорить, молодецъ! Тебѣ Богъ за это пошлетъ, — отозвался тотъ.

— То-то .. Мы на Всевышняго завсегда уповаемъ. Да, братъ, господинъ наставникъ юношества... Двоюродную племянницу за него отдалъ. Приданаго, шельмѣ, на шестьсотъ цѣлковыхъ, окромя салопа, сдѣлалъ. Ну, да плевать. Только-бы почитали... А намъ за это тамъ зачтется.

Мундирный бородачъ вздохнулъ и поднялъ указательный палецъ къ потолку.

Digitized by Google

— Купцы! Чего-жь вы стоите, какъ идолы истуканные! — обратился онъ къ сопровождавшимъ его бородачамъ и быстро поднялся со скамейки. — Берите ложки! Хлебайте? Пробуйте! Ну, что? Каково? У меня подчасъ и приказчики хуже этого трескаютъ, а вѣдь тутъ сироты: Зачѣмъ ихъ къ разносоламъ-то пріучать?. — ораторствовалъ онъ, посмотрѣлъ посоловѣлыми глазами по сторонамъ и крикнулъ: — Гдѣ хозяйка? Тьфу! Что я... Гдѣ смотритель?

— А онъ, кажется, на женскомъ отдѣленіи у начальницы въ карты играетъ,—отвѣчалъ воспитатель.—Сейчасъ пошлемъ.

— Не смѣть! Мы сами тамъ ревизію произведемъ. Ужь коли инкогнитнымъ манеромъ, то вали во всю, Ѳеденька! Ты мелочной лавочникъ, такъ это по твоей части! Пробуй хлѣбъ, — сказалъ мундирный бородачъ лысому бородачу. — Жуй! Мы здѣсь начальники, и наблюдатели, и соревнователи Мы за всѣмъ смотримъ и дѣйствуемъ. Ну, что? Каковъ у насъ хлѣбъ?

— Хлѣбъ для третьяго сорта отмѣнный. Только этотъ хлѣбъ изъ сыромолотной муки, — сказалъ лысый бородачъ.

— А ты ужь захотѣлъ, чтобъ здѣсь первачемъ кормили! Вѣдь это все сироты.. ни роду, ни племени. А мы ихъ призрѣли и кормимъ. Блаженни есте.. Правильно я, Иванъ Иванычъ? Иванъ Иванычъ, кажется?

— Семеномъ Игнатьичемъ меня зовутъ, — отвѣчалъ воспитатель.

— Будто? ну?! А прежде вы. кажись, Иванъ Иванычъ были.

— Иванъ Иванычъ — то другой воспитатель.

— Ахъ да... Тотъ на коротенькихъ ножкахъ... эдакого вида... и еще бородавка у него на щекѣ съ волосомъ

— Бородавка, это у меня, Степанъ Харитонычъ.

— Да неужто? Такъ и есть, бородавка. Скажи на милость, а я сослѣпа-то и не разглядѣлъ. Да и то сказать, вѣдь мы теперь въ очкахъ со свадьбы-то. Около закуски-то польку трамбланъ поплясали, да очки и соорудили. Ну, да ничего... Быть бы здорову, да попасть въ царство небесное, а остальное все трынъ-трава. Такъ съ бородавкой-то это вы, а не Иванъ Ива-

Digitized by Google

нычъ. Такъ... Ну, зато у Иванъ Иваныча носъ красный. У него, кажется, недавно жена родила двойни?

— Онъ холостой.

— Холостой? Ну, наплевать коли такъ. Намъ все равно. Во столькихъ мѣстахъ я теперь почетнымъ членомъ состою, что даже ужь и путаюсь на вашемъ братѣ. Въ Нищенскій Комитетъ вношу, въ Герольштейнское Братство вношу...

— Въ Гольдингенское, должно быть, — поправилъ воспитатель.

— Ну, вотъ, вотъ... А я какъ сказалъ? Братства даже эти самыя перепуталъ. Ей-Богу... Да и то сказать, иное братство такъ называется, что натощакъ и не выговоришь.

— Теперь ужь Гольдингенскаго нѣтъ, а есть Прибалтійское.

— Знаю, знаю... И въ Бразильское вношу, и въ Палестинское вношу, и... Постой... Вѣрно, это гдѣ нибудь въ больницѣ было, что жена воспитателя или фельдшера родила двойни. Я вѣдь и при двухъ больницахъ состою и вношу.. Меня даже крестить звали, вотъ я отчего помню... Ну, да что тутъ... Помню, что двойни. Семенъ Семенычъ!— поманилъ мундирный бородачъ воспитателя. — Заставьте ребятишекъ молитву пѣть. Мнѣ вотъ этимъ остолопамъ мальчишкины голоса хочется показать.

Онъ кивнулъ на сопутствующихъ ему бородачей.

— Да ужь, право, не знаю, какъ.. Вѣдь дѣти еще не кончили ужинать, — отвѣчалъ воспитатель.

— Такъ что-жь изъ этого? А коли членъ этого желаетъ? Послѣ могутъ до-ужинать. Во-фрунтъ, ребятишки! Пойте молитву!

Дѣти запѣли. Мундирный бородачъ подтягивалъ имъ басомъ.

— Ну, что? Каково? — обратился онъ къ лысому бородачу и шепнулъ: — Видишь, какую я имѣю полную праву надъ всѣмъ властвовать. Вздумалъ ежели, и велю сейчасъ всѣхъ перепороть. Да, братъ Ѳеденька, голоса у насъ у мальчишекъ первый сортъ, — продолжалъ онъ вслухъ. — А ужь какъ обѣдню поютъ, отдай все, да и то мало! Хоть ты и мелочной лавочникъ, а тебѣ вотъ что скажу: у нашихъ ребятишекъ,

Digitized by Google

можетъ быть, эта самая наука и слаба, а ужь Богу молиться они умѣютъ. Насчетъ религіи у насъ строго... Религіозность обширная! Ну, Семенъ Семенычъ, мерси! — сказалъ онъ воспитателю и похлопалъ его по плечу. — Разодолжилъ пѣніемъ. Заходи ко мнѣ въ лавку: дюжину платковъ носовыхъ за это подарю. Ну, а свадебную: «положилъ еси на главахъ ихъ вѣнцы» могутъ они? — спросилъ онъ.

— Свадебному пѣснопѣнію у насъ ихъ не обучали.

— Ну, въ такомъ разѣ жарьте «многая лѣта».

Раздалось «многая лѣта».

— Каковъ почетъ-то! — снова отнесся мундирный купецъ къ лысому бородачу. — Вѣдь это они мнѣ многолѣтіе поютъ. Спасибо, ребята! за мною не пропадетъ. Завтра за это вамъ полпуда мармаладу пришлю, а сегодня вотъ вамъ зелененькая на пряники. Семенъ Семенычъ! Господинъ наставникъ! Примите въ соображеніе наше распоряженіе и пошлите на одну трешницу съѣдобныхъ продуктовъ. Вотъ деньги, получайте, — сказалъ онъ воспитателю. — Тарасъ Протасьичъ! Ты чего тамъ въ ноздрѣ ковыряешь? Иди сюда! — крикнулъ онъ жавшейся къ сторонкѣ, рыжей бородѣ въ сюртукѣ ниже колѣнъ. — Кваску здѣшняго кружечку не хочешь-ли? У насъ квасъ прекрасный, монастырскій. Съ угарцу-то оно хорошо.

— Да я вовсе и не угорѣлъ. Съ чего ты? — Конфузливо откликнулся тотъ.

— Ну, все равно на свадьбѣ бражничалъ. Видѣлъ я, какъ ты около стола-то съ закуской по рябиновымъ собачкамъ прохаживался. Да ты не стыдись, здѣсь все свои, а мы ихъ начальство. Семенъ Семенычъ хоть и ученый человѣкъ, а и самъ не прочь подчасъ муху урѣзать и медвѣдя поводить. Господинъ педагогъ! Правильно? Ну, да ужь я по носу вижу, что шнапсъ тринкенъ любишь, — улыбнулся мундирный бородачъ. — Купцы! Идемте теперь въ лазаретъ! Тамъ мы сейчасъ фельдшера за бока и пусть онъ намъ сейчасъ микстуру изъ спирта съ малиновымъ сиропомъ сдѣлаетъ. Феденька! Сѣдая борода! Чего ты головой-то качаешь? Я все могу. Это даже такая наша обязанность, чтобы все пробовать. А что до васъ, постороннихъ

Digitized by Google

посѣтителей, то, триста-то рублей ежегодно вносивши, имѣю я мою собственную праву пріютскимъ спиртомъ васъ угостить. Да что триста! Видалъ паникадило въ церкви? Вѣдь это я пожертвовалъ. Ну, идемте, купцы, въ лазаретъ! Не упрямьтесь! За мной! По командѣ! Разъ, два...

Мундирный купецъ вынулъ изъ ноженъ шпагу и, взмахнувъ ею въ воздухѣ, вывелъ приведенныхъ съ собой посѣтителей въ корридоръ и повелъ въ лазаретъ.

— Кто не хочетъ оной микстуры на спирту, тому мы велимъ содовыхъ порошковъ соорудить, — говорилъ онъ. — Или можетъ быть, касторовато масла съ булочкой хотите? И этого можемъ.

На встрѣчу имъ, между тѣмъ, бѣжали уже по корридору смотритель, начальница женскаго отдѣленія и экономъ, увѣдомленные сторожами о пріѣздѣ члена. Мундирный бородачъ, завидя ихъ, спряталъ въ ножны шпагу

— Ахъ, Боже мой! Степанъ Харитонычъ! Вотъ неожиданно-то! — заговорили они.

— Нарочно инкогнитнымъ манеромъ... Дай, думаю, напугаю ихъ. Наше вамъ почтеніе! Что смотрите? Что я въ мундирномъ облаченіи-то? Это я со свадьбы. Прикащика сейчасъ перевѣнчалъ. Самъ и образомъ его благословлялъ, самъ и свадьбу ему играю. Теперь у насъ тамъ пиръ горой стоитъ, а мы вотъ сюда. Помотаемся здѣсь у васъ малость, да и обратно на свадьбу. Захотѣлось мнѣ вотъ этимъ коммерсантамъ показать, какъ у насъ здѣсь все въ порядкѣ... — кивнулъ мундирный бородачъ на слѣдовавшихъ за нимъ двухъ бородачей. — Рекомендую... Вотъ это дровяной дворъ, а это мелочная лавка.

— Очень пріятно... — заговорила начальница женскаго отдѣленія. — Ко мнѣ милости просимъ на чашку чаю.

— Это мы можемъ. Отъ хлѣба-соли не отказываются. А только прежде мы желаемъ облевизировать лазаретъ.

— Да что вамъ въ лазаретѣ? Тамъ все въ порядкѣ.

— Нельзя не идти. Съ фельдшеромъ пошептаться надо на счетъ хмѣльной микстуры. Очень ужъ онъ хорошо съ ногъ сшибательную составляетъ, которая отъ семи болѣзней.

Digitized by Google

— Не ходите. У насъ тамъ вѣтреная оспа, а у васъ у самихъ дома дѣти, — сказалъ смотритель.

— Коли я левизоръ, то я на холеру пойду, не токма-что на вѣтряную оспу! Двигайте, купцы, костылями-то! Идемъ.

— Ты, братъ, иди одинъ, а мы не пойдемъ, — отозвались сопровождавшіе мундирнаго бородача купцы.

— Трусу праздновать! Ахъ, вы!.. Ну, я одинъ...

— Позвольте, Степанъ Харитонычъ, — вмѣшался смотритель.—Можно будетъ приказать фельдшеру, чтобъ онъ эту съ ногъ сшибательную микстуру ко мнѣ на квартиру принесъ Тамъ вы и полѣчитесь.

— Ну, ладно. Вали. Ахъ, да... Господа начальство! Я желаю такъ содѣйствовать и соревновать, чтобъ сейчасъ всѣ ребятишки въ гимнастическую залу шли и тамъ кувырканіе разное показали. Въ этихъ смыслахъ я и буду ихъ левизировать.

— Полноте, Степанъ Харитонычъ. Теперь ужъ такой часъ что дѣти отъужинавши должны спать ложиться. Вы лучше ужь въ другой разъ...—проговорилъ смотритель.

— Да коли членъ, этого проситъ. Я членъ... и прошу. Можно мнѣ сдѣлать это уваженіе и почтеніе. Кажется, я не мало жертвовалъ вамъ въ пріютъ разныхъ разностевъ. Чьи у ребетишекъ пикейныя одѣяла на постеляхъ лежатъ? Кто ихъ отъ щедротъ своихъ?..

Смотритель и начальница женскаго отдѣленія начали перешептываться.

— Да полно тебѣ, Степанъ Харитонычъ, брось! — дергали его за мундиръ купцы.

— Хочется мнѣ вамъ акробатства-то наши пріютскія показать. Такъ, братъ, ловко кувырканія докладываютъ, что надѣнь на нихъ трику тѣлесную, такъ совсѣмъ циркъ.

— А мы смотрѣть не будемъ.

— Какъ смотрѣть не будете? Что-жь вы себѣ глаза-то выколете, что-ли?

— Да полно тебѣ куражиться-то!

— Я куражусь? Какъ-же я могу куражиться, коли я во всемъ своемъ парадѣ и при шпагѣ? Я членъ, а по сему испол-

Digitized by Google

неніе моего присутствія, при всей моей обязанности, даже въ лучшемъ видѣ должно быть непоколебимо... — важно произнесъ мундирный бородачъ.

— Какое тутъ исполненіе присутствія, коли ты ребятъ хочешь тревожить не во время! Зачѣмъ нарушать спокойствіе тишины?

— А позвольте васъ спросить, на чьи они деньги воспитываются? Кто имъ на шесть сотъ рублевъ штукатурныхъ работъ произвелъ? Кто имъ на елку изъ своего собственнаго кармана подарки даритъ? Ежели они на наши деньги воспитываются, то должны и тревогу чувствовать. Мы ихъ призрѣли, спасаемъ отъ когтей неудержимаго разврата, такъ должны они и насъ почитать.

Мундирный бородачъ вошелъ въ пафосъ.

— Они насъ должны почитать, а ты о нарушеніи общественной тишины и спокойствія дѣйствіемъ толкуешь! Вотъ такъ антресоль! Какой это такой законъ природы ты выдумалъ! Я членъ пріюта во всемъ своемъ составѣ, а ты мнѣ законъ природы! Любопытно!

— Прикажете созывать дѣтей въ рекреаціонное зало? — спросилъ смотритель.

— Да вонъ у меня олухи-то изъ сѣраго купечества... Словно ступы. Нешто съ ними сговоришь! — отвѣчалъ мундирный бородачъ.—Ну, пущай ребятишки дрыхнутъ. Все равно... Плевать... Мы пойдемъ въ прачешную.

— Тамъ теперь не работаютъ. Ужь поздно. Даже и огни погашены.

— Освѣтить! Я хочу всѣ фонталы полоскательные пустить и вотъ этимъ лѣшимъ показать.

— Чего ты ругаешься-то! Мы и фонталовъ твоихъ не хотимъ смотрѣть. Фонталы днемъ смотрятъ, — упирались купцы.

— А ежели я хочу инкогнитную ревизію насчетъ воды сдѣйствовать?

Къ мундирному бородачу подошелъ экономъ.

— Пойдемте-ка лучше, Степанъ Харитонычъ, ко мнѣ на квартиру. Тамъ вы можете другой предметъ обревизовать, —

Digitized by Google

сказалъ онъ, подмигнувъ.—Тамъ у меня есть отличная рябиновая.

Мундирный бородачъ улыбнулся и хлопнулъ эконома по плечу.

— Ахъ, ты носъ красный съ бордюромъ! — воскликнулъ онъ. — Знаетъ, какой сортъ я люблю. Погоди! И рябиновую твою облевизируемъ. Но прежде всего... Ведите въ кухню! Квасную хочу осмотрѣть, хорошо-ли вылужены котлы допытаться. Баня заперта?

— Квасная, котлы и бани потомъ, а сначала ко мнѣ на перепутье, — приставалъ экономъ и взялъ подъ руку мундирнаго бородача.—Такихъ грибковъ подамъ къ рябиновой, что любо дорого.

— Ну?! Ахъ, ты шутъ гороховый! Какъ онъ пристаетъ! Точно листъ банный... Слышишь, ты приходи ко мнѣ въ лавку. Я твоей женѣ новомодной шерстяной матеріи на платье отрѣжу. Купцы! Дѣлать нечего, пойдемъ къ нему на перепутье, — согласился мундирный бородачъ.

— Вы меня навѣстить обѣщали, Степанъ Харитонычъ, — начала начальница.

— И васъ облевизируемъ, Надежда Ивановна, будьте покойны. Мы своего не упустимъ... Надежда Ивановна! Я вѣдь отсюда опять на свадьбу... А у насъ тамъ танцы и въ танцовальныхъ дамахъ умаленіе, такъ отпустите, матушка, со мной парочку воспитаницъ для поддержки бала. Только отберите такихъ, которыя помоложе да повертлявѣе. Можно?

— Заходите, заходите ко мнѣ: у меня поговоримъ.

Мужская компанія двинулась по направленію къ экономской квартирѣ.

— Сторожъ! — крикнулъ мундирный бородачъ. — Возьми мою треуголку и шпагу и охраняй ихъ безпрепятственнымъ манеромъ.

Н. Лейкинъ.

Digitized by Google

За что же?...

«Вси бо пріемшіи ножъ отъ ножа погибнутъ.»

Евант. отъ Матѳ. XXVII, 52.

I.

Было это недавно, въ самую весну, — да лучше, еслибъ никогда не бывало!

Не знаю — можетъ, этого и не слѣдовало бы вспоминать, такъ нѣтъ — грѣхъ на душѣ будетъ да и на сердцѣ тяжко; а какъ разскажешь, то какъ будто въ грѣхѣ великомъ покаешься.

Такъ было это, говорю, недавно. Весеннее солнышко на западъ уже подбивалось, да словно растопленнымъ червоннымъ золотомъ брызгало и на молодой зеленый листъ на березѣ, и на грабовую рощу за Бугомъ, и на косогоръ съ черною, недавно распаханною нивою за мѣстечкомъ, и на бѣлыя дѣвичьи сорочки да красныя и зеленыя сподницы, что́ бѣлѣли, краснѣли и зелѣнѣли по-надъ берегомъ Буга, по взгорью.

Это дівчата хороводъ водятъ: въ короля играютъ.

Король, король, пустить на вой воевать.

Стройно, громко выкрикиваютъ молодыми голосами, такъ что эхо перекатывается и надъ Бугомъ, и по лѣсу.

А другія играющія словно дразнятъ первыхъ — свое выкрикиваютъ:

Не пустимо, не пустимо мосты поломать.

А тамъ старыя бабы и молодыя молодицы свои рѣчи ведутъ.

Digitized by Google

— А кукушка, вишь, еще до Юрья куковать стала.

— Да до Юрья жь, молодичко: это добрая примѣта.

— Точно, тетушка, добрая.

— Гдѣ не добрая, голубко! — все доброе отъ святого Юрья: онъ вѣдь, говорятъ, до коровъ милостивъ, а Никола до лошадокъ.

— Да, говорятъ, точно говорятъ; оно и правда.

— А старые люди, голубко, еще и такъ сказываютъ: святой — говорятъ — Юрій по полю ходитъ, хлѣбъ-жито ро́битъ. Коли на Юрья ворона въ хлѣбѣ спрячется, то и мы будемъ съ хлѣбомъ, а какъ хлѣбецъ воробью по колѣни, то и мы поколѣемъ. А какъ дождь на Юрья, то будетъ хлѣбъ и у дурня...

А гулкое эхо разноситъ въ вечернемъ воздухѣ стройную мелодію:

А мы мосты помо̀стимо, помо̀стимо...
А мы мосты поломаемъ, поломаемъ...

Что жь это за шумъ на селѣ, да гулъ, да крики? — Что-то гудитъ, словно весною вода, прорывъ плотину.

Гулъ и крики все сильнѣе и сильнѣй: не гудитъ ужь, а реветъ и стонетъ точно буря въ лѣсу, и въ шумѣ той бури словно бы кто голосно плачетъ, точно мертваго оплакиваютъ.

— Охъ, матыньки! что оно тамъ такое?

— Господи! ужь не горимъ ли, упаси Богъ!

— Нѣту, дыму, кажись, не видать.

— Матушки! что жь оно такое?

— Скорѣй бѣжимъ, дѣвыньки, домой: можетъ, и въ правду горитъ.

Нѣтъ, не горитъ; а хуже того. Вонъ, бѣгутъ изъ села дѣти: матерей ищутъ; а иныя во всю ночь кричатъ, да плачутъ.

— Мамо, мамо, жидовъ бьютъ!

— Хаты раскида̀ютъ! жидовское добро и подушки рвутъ!

А по улицамъ пуху сколько, страсть! Точно снѣгъ!

— А жидовки и жиденята плачутъ.

Digitized by Google

Вотъ она и новая Гайдамачина, нѣтъ только Желѣзняка и Гонты.

Бѣдные темные люди!

. . . . . .

Но кто это бѣжитъ берегомъ, по-надъ Бугомъ, бѣжитъ и вопитъ отчаянно.

— Караулъ! кто въ Бога вѣруетъ, спасите! о-о!

Это бѣжитъ изъ села дѣвушка, молоденькая евреечка. Бѣлое на ней платьеце разорвано сверху до подола; длинныя черныя косы, расплетенныя, такъ и укрыли ее всю, почитай до самыхъ пятъ, бѣжать даже мѣшаютъ.

А за нею гонится кто-то громадный, высокій, рыжій. Не еврей ли? можетъ, и еврей за дочкой.

— Караулъ! караулъ, кто въ Бога вѣруетъ!

— А, пархатая! еще орать вздумала! я тебя! Стой, сѣмя проклятое!

Нѣтъ, это не еврей: «кацапомъ» вырубаетъ.

А она-то бѣжитъ! она бѣжитъ! А вотъ и круча; некуда больше бѣжать... А подъ кручею вода, да такая глубокая и темная, словно могила.

А позади, на селѣ, и не приведи Богъ! — инда земля стонетъ.

Остановилась евреечка, глянула внизъ, подъ кручу, на темную, глубокую воду, оглянулась кругомъ.. Дрожитъ вся, побѣлѣла какъ полотно... А собой такъ хороша, такъ, что и сказать нельзя: глаза большіе-пребольшіе, да черные, точно тернъ спѣлый, а личико бѣленькое и нѣжное какъ яблочко, а бровки черненькія, да длинныя, соболиныя. А коса — на диво!

А онъ — «кацапъ» — вотъ-вотъ догонитъ, вотъ-вотъ схватитъ, ужь и руки къ ней протягиваетъ издали да ажно визжитъ какъ собака со злости.

Подняла бѣдная руки къ небу, до Него Самого, до Іеговы до Бога Израилева, до Бога отцовъ ея, подняла, крикнула что-то голосомъ, полнымъ отчаянія... Нѣтъ, не слышитъ Онъ, не спасаетъ бѣднаго дитяти Своего избраннаго народа, не

Digitized by Google

слышитъ ея Богъ Израилевъ: отвратилъ лицо Свое отъ Своего народа, забылъ пустыню Іорданскую и Свою бесѣду съ Іаковомъ...

— Ага! попалась, пархатая!

Бухъ!... Что-то бѣлое, точно птица съ расправленными крыльями, полетѣло съ кручи: это она полетѣла въ свою могилу, въ эту темную, холодную бездну.

Только ее и видѣли... Изъ воды повыскакивали пузыри — одинъ, другой, третій — вода сровнялась, а тамъ и слѣда не стало...

Глянулъ мѣсяцъ изъ-за облакъ, полилъ расплавленнымъ серебромъ то мѣсто, гдѣ погибла подъ водою евреечка, да и снова спрятался за тучки.

«Кацапъ» постоялъ надъ кручею, пождалъ — не вынырнетъ-ли... Нѣтъ, не вынырнула...

— Эх-ма! а хороша была пархатая...

II.

Ясное, тихое да теплое утро. Солнышко только-что выкатилось изъ-за зеленаго бора и не печетъ еще, а точно ласкается ко всему, на что ни глянетъ.

Высоко въ небѣ жаворонокъ стоитъ да словно сыплетъ на землю свои трели радостныя, а изъ-за горы, изъ-за выгона тихій вѣтерокъ дышетъ да осокою надъ Бугомъ ласково шелеститъ.

А Бугомъ, вдоль берега, бредутъ молодички: бредень волокутъ.

— Тише, тише, сердце: не плещи, не пугай рыбку.

— Да я, любко, тихо.

— А въ томъ куточкѣ, можетъ, раковъ захватимъ.

— Боже, помогай на рачковъ!

Забродятъ въ куточекъ. Дѣвочка на берегу съ ведромъ на рыбу да съ мѣшкомъ на раковъ такъ и скачетъ, какъ козочка за матерью.

Digitized by Google

— Да тише ты, Хѝмцю: не пугай рыбку.

— Да я, тетя, не пугаю.

— А ну, любко, заброди скорѣй, да тащи бредень на берегъ.

— Заразъ, заразъ, сердце... Охъ, какой же тяжелый!

— Боже, помоги намъ.. Ужь не сомъ ли попался?

— Дай-то, Господи! Тяни, тяни, родная!

Вытянули сома... съ черною косой, да съ бѣлымъ личикомъ да съ черными бровями.

— Владычица, охъ, матушки!

— Ой-ой! Богородица! помилуй насъ!

Въ бреднѣ утопленница. Длинныя, мокрыя косы, точно плащомъ, укрыли и плечи ея, и бѣлое мокрое платьеце. Мертвое, изсиня блѣдное личико кое-гдѣ зеленою «ряскою» перекрылося, равно какъ и косы, и бѣленькое платьеце. А глаза глядятъ, не закрыты, смотрятся въ то синее небо, гдѣ Тотъ, Богъ Израилевъ, Іегова грозный да праведный. Она жь Ему молилась, Его просила; нѣтъ, не вымолила ничего, кромѣ зеленой «ряски» въ дѣвичью косу да чернаго рака, что залѣзъ за пазуху, копошится тамъ у молодыхъ грудей...

Наловили молодички раковъ! Точно безумныя, бросили онѣ и рыбу, и бредень; и побѣжали въ село, словно кипяткомъ ошпаренныя.

Пришелъ сотскій съ понятыми. Набѣжало и бабъ, и дѣвокъ, и парней, и ребятишекъ видимо-невидимо.

Стоятъ да издалека смотрятъ: боятся и подойти близко. Дѣти жмутся къ подоламъ матерей, за дѣвокъ да за парней прячутся. Да развѣ жь и не страшно! Вонъ и бабы, и дівчата стоятъ блѣдныя, испуганныя, да подпираючи щеки руками, головами тихонько качаютъ, либо то та, то другая тяжело вздохнетъ да на небо, до Бога, поглянетъ.

А она лежитъ словно живая, только блѣдненькое личико точно мѣломъ припало, да розовыя губки будто отъ холода посинѣли малость. Тонкія бѣлыя ручки вдоль тѣла кинуты, а

Digitized by Google

бѣленькое мокрое платьеце до половины косою черною укрыто да зеленою ряскою кой-гдѣ убрано. И солнышко на нее свѣтитъ, какъ и вчера, и третьягодня свѣтило, да только ужь не грѣетъ ея, да и она его не видитъ.

— Ой, матыньки! да она еще жива!

— Матушки! неужьли жива?

— Да жива! вонъ, смотрите, груди подымаются подъ сорочкою, колышутся...

Пресвятая Владычица! и въ правду подымаются: она дышетъ.

Напрасно! не дышетъ она. То не груди подымаются подъ мокрымъ бѣлымъ платьецемъ. Смотрите, вонъ одна черная клешня показалась изъ-за пазухи, другая...

— Да то ракъ! Вотъ глупыя бабы какъ напужали.

— Да ракъ же и есть... Вотъ выдумали, дышетъ!

— Гдѣ ужь дышать! сутки подъ водою была.

А ракъ между тѣмъ выползъ изъ-за пазухи и полѣзъ вдоль платья, цѣпляясь клешнями за волосы утопленницы.

Что же вы стоите? Почему не поднимете бѣдной? Суда боитесь? А какъ били, да добро ихъ грабили, да ногами топтали, тогда вѣрно не боялись суда?

Поднимите же ее: ваше дѣло. Слышите? Развѣ не слышите, какъ точно-бы съ неба голосъ къ вамъ отзывается:

Окажите усопшей вниманіе,
Подымите ее поскорѣй!
Это хрупкое было созданіе;
Прикасайтеся бережно къ ней.
Посмотрите на тѣло застывшее:
На немъ платье, какъ саванъ, лежитъ,
И вода, этотъ трупъ напоившая,
Съ него капля по каплѣ бѣжитъ.
Не гнушайтеся тѣломъ безжизненнымъ,
Подымите его на рукахъ,
Не клейми языкомъ укоризненнымъ
Этотъ бѣдный, истерзанный прахъ,
Не съ холодностью сердца жестокою,
Не съ презрѣньемъ сухимъ на лицѣ,
Но подумайте съ скорбью глубокою
Объ ея злополучномъ концѣ.

Digitized by Google

Нѣтъ, не подымаютъ: боятся и тронуть. Что-то еще становой скажетъ!

— А какъ хороша на горе ей!

— Гдѣ нехороша! точно нарисованная.

— Бѣдная! Да только она не изъ нашего села: у насъ такой красавицы-жидовки не было.

— А развѣ это не Ривка?

— Какая Ривка? Аврумкина дочь?

— А, можетъ, это Гершковна? А то не Мошкина-ли?

— Нѣтъ, это заѣзжая: съ отцомъ, говорятъ, съ богатымъ жидомъ изъ Бердичева пріѣхала.

— Охъ, лишечко? еще что-то подъ платьемъ возится.

— Да, возится, точно; должно, раки: можетъ она цѣлую торбу подъ юбки раковъ наловила.

Смѣются, тѣшатся «парубки».

— Извѣстно: жидовка и тонетъ, а раковъ ловитъ.

Снова гогочутъ поганцы.

— Чево вы надъ мертвой гогочете?—кричитъ сотскій: — вотъ погань!

Что же вы не берете ея? Зачѣмъ даете ракамъ пакостить такое тѣльце прекрасное да чистое?

Развѣ не слышите го́лоса:

Окажите жь усопшей вниманіе!
Подымите ее поскорѣй!
Это хрупкое было созданіе;
Прикасайтеся бережно къ ней.
Ахъ! закройте глаза ей стеклянные,
Изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ что глядятъ,
Точно въ вѣчность вперивши туманную
Свой послѣдній отчаянный взглядъ *).

Нѣтъ, не то, не то... Вы не троньте ея своими нечистыми руками: это жь вы ее утопили. А пусть ея мать придетъ да возьметъ свое бѣдное дитя, что она своею грудью вскормила на такое великое горе. Она ей закроетъ черные глазки, она ихъ поцѣлуетъ въ послѣдній разъ...

*) Изъ Томаса Гуда: «Утопленница», въ переводѣ Д. Михаловскаго.

Digitized by Google

— Становой! становой верхомъ ѣдетъ... Утекаемъ, братцы!

— Ой, бѣжимъ, дѣвыньки!-ой-ой!

— Мамо! мамо! спрячь меня отъ становаго! — ревутъ дѣти: — онъ меня возьметъ.

— Я не билъ жидовъ; то Опанаско билъ жиденятъ! Ой, мамо!

— Цыцъ, окаянные!

А вотъ и становой. Кто жь это за становымъ бѣжитъ, да пейсы на себѣ рветъ?

Да кому же другому быть, какъ не отцу? А онъ какъ старикъ убивается.

Всѣ раступились, словно овцы отъ чужой собаки.

— Ой-вей! ой вей! это жь мое дитю!... Сара! .. Боже всесильный!

Сивая голова такъ и упала на мертвое тѣло, на бѣлое личико утопленницы, и руки вцѣпились въ мокрое платье, да такъ и закоченѣли...

III.

Спитъ себѣ на широкой, какъ улица, постели и на высокихъ, какъ горы, подушкахъ звенигородскій второй гильдіи купецъ Сила Парамонычъ Наглецóвъ, спитъ и золотые сны видитъ.

Давно-ли онъ пришелъ изъ той пасмурной «Расеи» въ эту ясную хохлацкую земельку, пришелъ пѣшкомъ, съ однимъ только коробомъ за плечами, да съ голоду выкрикивалъ подъ окнами, словно волкъ передъ запертою кошарою:

Ленты алы,
Монисты, кораллы,
Ножницы вормски,
Аховы сережки...

А вонъ теперь у него ужь свои хоромы да и не однѣ: да и лавка съ московскимъ товаромъ; не одна и тысяча въ «пеструшкахъ» да и не двѣ «тыщи» —

«гарчать въ темныхъ углахъ»,

Digitized by Google

какъ картинно выразился философъ Сковорода. Да и самъ онъ, Сила Наглецовъ, смотритъ откормленнымъ кабаномъ. А все ему мало этого добра: все ему еще бы хотѣлось чего-нибудь загрести жадными лапами.

А тутъ пархатая жидова поперекъ горла становится: у жидовы свои лавки и свой товаръ, да еще и цѣну Иродово племя сбиваетъ на ничто.

О! надо бъ ихъ, пархатыхъ, пощупать, надо бъ на нихъ дурову хохлатчину науськать.

Ну, и науськалъ, да конечно не прямо, а умненько, по московски, намекнулъ только: жиды, вишь, изъ васъ кровь точатъ, пьявками-де прицѣпились къ хохлацкому тѣлу. «А коли што, дакъ тамъ-ста ничаво»...

Ну, оно и загудѣло... И теперь вотъ хоть бы одна жидовская лавчонка либо корчма уцѣлѣла: все разнесли, да и пухъ, и перья изъ перинъ да подушекъ на вѣтеръ пустили. Остались только лавки у одного Силы Парамоныча Наглецова, потому что его Богъ помиловалъ, покрылъ его Своею десницею: вонъ у него на окнахъ да надъ дверями сама Богородица въ золотой ризѣ: Богородица Сама его стережетъ.

А надъ дверьми вонъ той лавки, такъ Самъ Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ, да такъ жалобно да кротко смотритъ, что, проходя мимо той лавки, жиды и глянуть на Спасителя боятся: ихъ вѣдь дѣды да отцы, сказываютъ люди, когда-то этотъ терновый вѣнецъ на Спасителя надѣли да, замучивши его, на крестѣ распяли.

А Сила Парамоновъ — нѣтъ, не такой онъ: онъ не распиналъ Христа, да и дѣды его и отцы не распинали, потому что они, знамо дѣло, овину тогда еще молились, какъ вонъ въ лѣтописяхъ пишутъ, да и доселѣ своему мамонѣ молятся разные Силы, хоть и въ церковь ходятъ и свѣчи въ конскую ногу ставятъ Богородицѣ.

Вотъ и снится Силѣ, будто идетъ онъ около Буга, бережечкомъ, да идучи поетъ съ радости, что жидовъ разнесли:

Тротуаромъ, стороной,
Ходи, милый, Богъ съ тобой...

Digitized by Google

Сила глядь — что-то бѣлое лежитъ въ травѣ.

О! да это та жидовочка, что когда жидовъ били, такъ она глупая, убѣгая отъ какого-то шутника, съ испугу, глупая, кинулась съ кручи въ Бугъ и утонула. Вотъ дура! не покорилась «кацапу»: вѣдь онъ шутилъ...

Такъ это вотъ она и есть. Да она - точно. Да и хороша же, пархатая, ў, какъ хороша въ своемъ бѣленькомъ платьецѣ да еще и косою, словно черною буркой, прикрылась.

— Ай да цыпочка! хушь бы намъ такъ за честь...

Сила смотритъ — что-то идетъ навстрѣчу ему бережечкомъ да словно бы само съ собою разговариваетъ.

Кто бы это могъ быть? Да кому же другому быть, какъ не жидюгѣ: вонъ идетъ себѣ да палочкою подпирается, а пейсы длинныя до плечъ, словно у дьячка. Ишь космы распустилъ, пархатый!

Приближается къ Силѣ. А Сила какъ глянулъ на него, да такъ и задрожалъ весь, какъ осиновый листъ осенью.

Передъ нимъ стоялъ жидъ, да только въ образѣ Самаго Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, Того Самого, что у Силы надъ дверьми виситъ нарисованный, да жидовъ пугаетъ.

Глянулъ Спаситель на утопленницу, глянулъ такъ жалобно, такъ жалобно, что не приведи Богъ! Глянулъ потомъ и Силѣ въ очи, да такъ глянулъ въ самую душу, что Господи! — да еще головкою вотъ такъ покачалъ...

«За что-же?» говорилъ Его короткій взоръ.

А далѣе — воздохнулъ такъ тяжко, еще разъ глянулъ на утопленницу, глянулъ на небо — и пошелъ куда-то берегомъ Буга.

Д. Мордовцевъ.

Digitized by Google

ПОѢЗДКА МИТРОПОЛИТА ХРИСАНѲА КЪ ДАЛАЙ-ЛАМѢ

въ 1792 году.

Хрисанѳъ, по собственному его показанію, природою грекъ, изъ венеціанскихъ дворянъ, по фамиліи Контарини, хиротонисанъ былъ въ митрополиты Новыхъ Патръ, что близъ Аѳинъ, въ 1774 году. На епархіи жилъ десять лѣтъ, а въ 1784 году выѣхалъ въ Константинополь. Потомъ, будучи уволенъ отъ епархіи вовсе, отправился въ ливанскіе монастыри; оттуда въ Алеппо, изъ коего, по Евфрату, чрезъ Персидскій заливъ, Маскатъ и Суратъ, въ Индію. Посѣтивъ разныя ея мѣстности, онъ, чрезъ Кашмиръ, Кабулъ, Балхъ и Бухару, прибылъ въ Хиву, гдѣ прожилъ около года; наконецъ, чрезъ Мангышлакъ и Каспійское море, пріѣхалъ въ маѣ 1795 г. въ Астрахань. Вызванный, по повелѣнію Императрицы Екатерины, въ Петербургъ, Хрисанѳъ пріѣхалъ сюда въ мартѣ 1796 г., и помѣщенный на жительство въ Александро-Невской лаврѣ, оставался въ Петербургѣ до мая 1798 г., когда отправился въ Ѳеодосію. Впослѣдствіи онъ управлялъ георгіевскимъ монастыремъ въ Балаклавѣ, гдѣ и умеръ въ 1824 году.

По прибытіи своемъ въ Петербургъ, когда шла война Россіи съ Персіею, Хрисанѳъ представилъ князю П. А. Зубову записку о посѣщенныхъ имъ странахъ Средней Азіи, въ которой, между прочимъ, изложилъ мнѣніе о пользѣ союза съ Персіею и о дальнѣйшихъ отъ того выгодахъ, но въ то время, какъ говорилъ впослѣдствіи самъ Хрисанѳъ, не только никто не спрашивалъ его о предметѣ его пути, но даже мало вѣ-

Digitized by Google

рили пріѣзду его изъ восточной Индіи, и записка его осталась безъ всякихъ результатовъ. Она явилась въ свѣтъ только въ 1861 году, съ объясненіями и примѣчаніями В. В. Григорьева [1]).

Въ 1805 году, графъ Н. П. Румянцевъ, бывшій министромъ коммерціи и много заботившійся о расширеніи русской торговли съ Азіею, получилъ отъ Хрисанѳа маршрутъ его путешествія и затѣмъ обратился къ нему съ просьбою о сообщеніи отвѣта на вопросъ: можно ли изъ Россіи, свободно и безопасно, проѣхать въ Тибетъ? На это митрополитъ Хрисанѳъ доставилъ „поясненіе“, въ которомъ, въ дополненіе къ первой своей запискѣ, поданной князю Зубову, описываетъ свою поѣздку въ 1792 году изъ Дакка въ Хлассу, пребываніе у Далай-Ламы, обратный путь въ Патну и сообщаетъ краткія свѣдѣнія о другихъ посѣщенныхъ имъ странахъ.

При сравненіи обѣихъ записокъ Хрисанѳа, первой, поданной Зубову въ 1796 г., и второй, присланной Румянцову въ 1805 г., естественно возникаетъ вопросъ: почему въ первой изъ нихъ Хрисанѳъ даже не упомянулъ о пребываніи своемъ въ Тибетѣ? Отвѣчать на этотъ вопросъ можно только предположеніями. Быть можетъ, что, составляя первую записку въ 1796 году, когда дѣло шло объ утвержденіи нашего вліянія на Каспійскомъ морѣ, Хрисанѳъ счелъ за лучшее ограничиться сообщеніемъ свѣдѣній о ближайшихъ къ нему странахъ, съ которыми русскіе бывали уже въ сношеніяхъ, и признавалъ Тибетъ выходившимъ, выражаясь современною дипломатическою формулою, изъ сферы вліянія Россіи. Быть можетъ, также, что, встрѣтивъ недовѣріе къ своимъ разсказамъ, онъ счелъ удобнѣйшимъ не усиливать его сообщеніемъ свѣдѣній о такой странѣ, о которой въ тогдашней Россіи имѣлись самыя смутныя представленія.

Путь, по которому Хрисанѳъ, въ теченіи трехъ лѣтъ (1792—1795), шелъ изъ Индіи въ Россію, весьма любопытенъ. Изъ

---

[1]) Чтенія Моск. общ. ист. и древ. 1861 г., кн. I, смѣсь, стр. 9, и отдѣльнымъ оттискомъ. Вторично напечатана г. Бартеневымъ въ Русск. Арх. 1875 г. № 5, стр. 863—867.

Digitized by Google

Патны чрезъ Бенаресъ, Агру и Делги онъ достигъ южныхъ предѣловъ Кашмира, откуда перешелъ въ Авганистанъ и, чрезъ Кандагаръ и Кабулъ, проникъ въ нынѣшнія наши среднеазіатскія владѣнія. Даже и въ настоящее время путь этотъ въ нѣкоторыхъ его частяхъ не безопасенъ для европейца; съ бо̀льшими еще затрудненіями сопряженъ онъ былъ въ прошедшемъ столѣтіи. Во всякомъ случаѣ, удостовѣреніе Хрисанѳа, что изъ Россіи по прямой линіи проѣхать въ Тибетъ никакъ невозможно и что выгоднѣе и безопаснѣе слѣдовать туда чрезъ Китай, осталось въ силѣ на цѣлое столѣтіе. Обезпечивъ путь съ запада до Герата и Кашгара, русское движеніе въ глубь Средней Азіи на время пріостановилось, и только чрезъ китайскія владѣнія русскіе путники могутъ надѣяться подойти къ столицѣ Далай-Ламы.

Между тѣмъ, попытки русскихъ проникнуть въ Индію и Тибетъ начались издавна. Перечень лицъ, туда посылавшихся, довольно значителенъ [1]); изъ лицъ же, случайно туда попадавшихъ, укажемъ на бывшаго въ русской службѣ доктора Термунда (Termund), пробывшаго въ Персіи съ 1668 по 1675 г. и ѣздившаго оттуда въ Индію [2]), на Герасима Лебедева [3]), прожившаго, въ концѣ XVIII вѣка, нѣсколько лѣтъ въ Индіи и на Филиппа Ефремова, проведшаго въ то же время восемь лѣтъ въ Средней Азіи и въ Тибетѣ.

Большинство русскихъ путешественниковъ старалось войти въ Тибетъ съ сѣвера или сѣверо-запада; впрочемъ, существованіе путей туда изъ Индіи и Персіи было извѣстно старымъ русскимъ книжникамъ. Такъ, напримѣръ, переводчикъ посольскаго приказа Спафарій, въ своемъ описаніи Китайскаго государства, составленномъ имъ по возвращеніи оттуда въ

---

[1]) Малиновскій. Извѣстіе объ отправленіяхъ въ Индію россійскихъ посланниковъ. Труды и лѣтописи Московск. общества ист. и древ. 1837, VII, 121.

[2]) Свѣдѣнія о немъ у Рихтера, Исторія Медицины, М. 1820, II, 331 и 358, и III, 180, и Дополненія къ Акт. ист. X, 471.

[3]) Булгаковъ. Русскій путешественникъ по Индіи въ концѣ XVIII вѣка. Ист. Вѣст. 1880, № 11, стр. 515, и Арх. кн. Воронцова XXIV, 174.

Digitized by Google

1678 году, объясняя различныя дороги въ Китай, говоритъ [1]), между прочимъ, что въ Китай:

а) путь сухой есть изъ Индіи; путь, чрезъ который езуиты ходили въ Китай для провѣдыванія Китая отъ большаго индійскаго царя Могола. И ѣхали они съ большимъ караваномъ, и ходили больше года; а тотъ путь зѣло труденъ и опасенъ отъ разбойниковъ, и пустынею ѣхать, горами, какъ о нихъ пространно написали. И тотъ путь первый и крайній сухой, потому что Китай послѣ моря сухимъ путемъ отъ индѣйской страны раздѣляется;

б) путь есть, которымъ ѣздятъ изъ Персиды, и тѣмъ путемъ можно ѣхать изъ Астрахани, которымъ ѣздили езуиты, да и Бухарцы безпрестанно ѣздятъ же, чрезъ городы Самаркъ и Турастанъ и Кабулъ, и иныхъ бухарскихъ городовъ, также и черезъ Барантола, гдѣ Далай-Лама живетъ. И тотъ путь зѣло нуженъ для ради безводныхъ мѣстъ и песковъ, и многіе дни возятъ съ собою воду, и отъ того скота много падаетъ; также страхъ великъ есть отъ кочевыхъ калмыковъ, которые грабятъ караваны великіе, какъ и въ прошлыхъ годахъ учинили. И тѣмъ путемъ пріѣзжаютъ въ крайній китайскій городъ Сукчи, гдѣ родится корень ревень. И тѣмъ путемъ ѣздили и тобольскіе съ Бухарцами для ревеню, потому что тутъ сѣютъ и продаютъ ревень, и оттуда весь ревень въ Европу приходитъ.

Съ подчиненіемъ Имперіи Великаго Могола англичанамъ, въ XVIII столѣтіи вошла въ сношеніе съ Тибетомъ Остиндская компанія. Два англійскія посольства отправлены были ко двору Далай-Ламы: подъ начальствомъ Богля въ 1774 году и подъ начальствомъ Тернера въ 1780 году, для возстановленія торговыхъ сношеній, прерванныхъ безпорядками, происшедшими въ Непалѣ. Однако, вслѣдъ затѣмъ, около 1792 года, по повелѣнію Китайскаго Императора Кіенгъ-Лонга, запята была китайскими войсками южная граница Тибета и доступъ туда иностранцамъ былъ затрудненъ.

[1]) Бантышъ-Каменскій. Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россійскимъ и Китайскимъ государствами, изд. Флоринскаго, Казань, 1882, 526.

Digitized by Google

Въ это именно время посѣтилъ Тибетъ митрополитъ Хрисанѳъ. Какъ ни кратко его описаніе, но мы сочли небезполезнымъ напечатать сообщенное имъ, въ 1805 году, графу Румянцеву, поясненіе [1]), въ виду того, что самый фактъ посѣщенія Далай-Ламы православнымъ митрополитомъ представляется не безъинтереснымъ.

Поясненія на вопросы преосвященнаго Хрисанѳа, изъ путешествія его извлеченныя.

Отъ самой области Бенгальской, проѣзжая до Тибета, не видѣлъ я, да и нѣтъ никакихъ пикетовъ, а спрашиваютъ паспортовъ у иностранцевъ на однѣхъ таможняхъ только. Иностранцы христіане въ странѣ сей не уважаются, особливо же англичане, потерявшіе довѣренность, не терпимы. Я проѣзжалъ по рѣкамъ: Бурампутеръ, Таренгасъ, Онгъ и Нихтай съ купцами греками на суднѣ для продажи изъ Дакка соли ѣхавшими, не видѣлъ никакихъ требованій и мы пропущены были свободно по причинѣ нужды въ соли, которой много въ Тибетъ отвозится.

Устройство гражданское въ Тибетѣ находится въ порядкѣ; города и селенія многолюдны и изобилуютъ богатствомъ. Лассы есть наибогатѣйшій, красивѣйшій во всей Индіи городъ; жителей въ немъ по крайности полтора милліона считать можно; они занимаются знатною торговлею съ Китаемъ, Индіею и съ Мунгалами (Калмыками). Далай-Лама покровительствуетъ торговыхъ людей, если они не христіане, и таковые пользуются совершенною свободою; всякіе товары мѣнять позволяютъ со взятіемъ пошлинъ. Китайцы никакого другаго вліянія на городъ Лассы не имѣютъ, кромѣ того, какое обыкновенно между двумя сосѣдними самодержавными государствами въ мирное время бываетъ; слышалъ однакожъ я (въ справедливости чего утвердить не могу), якобы Китайцы берутъ нѣкоторую дань отъ

[1]) Сохранились въ рукописи, въ дѣлѣ бывшей Комерцъ-Колегіи 1805 г. По печатному каталогу г. Кайданова (Спб. 1884), № 547.

Digitized by Google

Далай-Ламы. Сего Далай-Ламу всѣ подвластные ему народы почитаютъ, какъ Бога, чему слѣдуетъ вся Индія и всѣ сосѣдніе Тибету народы. Далай-Лама имѣетъ войска около 300,000 пѣхоты и конницы и 2,000 употребляемыхъ и обученныхъ на войну слоновъ.

Проѣхавши съ греками купцами по рѣкѣ Баремпутеръ, которую вверху называютъ Сампу, вышелъ я на берегъ и поѣхалъ въ городъ Тунсіоръ, въ которомъ, по причинѣ, что я былъ христіанинъ и митрополитъ, хотя и подъ благопристойнымъ присмотромъ, но задержанъ, и дано о томъ знать ко двору Далай-Ламы, ибо запрещено тамъ христіанъ терпѣть во всей области, въ которой за нѣсколько лѣтъ предъ моимъ прибытіемъ всѣхъ христіанъ избито и ни одного не осталось. Отъ двора прислано было повелѣніе доставить меня съ честію въ городъ Лассы. Во время слѣдованія моего туда, вездѣ по дорогѣ и въ самомъ городѣ встрѣчалъ во множествѣ народъ, однимъ удивленіемъ кажется влекомый видѣть меня въ неизвѣстныхъ ему одеждѣ и видѣ. Случилось, что я прибылъ съ полуночи часу въ одиннадцатомъ, то и доставили меня къ двору на носилкахъ тогда же, на которыхъ и прежде слѣдовалъ. На воротахъ дворца встрѣтили меня четыре государственные чиновники и одинъ министръ и осматривали меня вездѣ, не имѣю ли я оружія. Послѣ сего министръ пошелъ впередъ, а я съ тѣми чиновниками во внутренніе покои Далай-Ламы и прибывъ въ палату, гдѣ его тронъ по азіатскому обыкновенію находился, увидѣлъ, что и онъ самъ Далай-Лама, одиннадцатилѣтняго будучи возраста, сидитъ близъ трона на колѣняхъ у министра или своего дяди, называемаго Баридаръ. По наставленію мнѣ данному, идучи къ немъ, три раза я поклонился, а Далай-Лама, вставъ съ колѣнъ онаго министра поцѣловался со мною въ оба рамена по обыкновенію восточному, что и я равномѣрнымъ образомъ исполнилъ; потомъ въ знакъ почтенія взялъ онъ мою руку въ обѣ руки и пожалъ, что самое и я, видя обстоятельства позволяющія, учинилъ. Послѣ чего, поговоря Далай-Лама съ онымъ министромъ на индійскомъ языкѣ (ибо я зналъ только по персидски) началъ шутить и

Digitized by Google

осклабляться и взявъ шпагу, бывшую на подушкѣ близъ трона, положилъ на колѣна онаго жъ министра, и вмѣстѣ на колѣняхъ и оной шпагѣ сѣвъ паки, повелѣлъ и мнѣ сѣсти же, удивляяся при томъ моимъ обстоятельствамъ и собственно мнѣ самому и моему одѣянію, распрашивалъ какой я религіи по персидски. Я отвѣчалъ—христіанской и житель изъ Царьграда. Вопрошенъ былъ паки: не такой ли вѣры, которую имѣетъ нѣкоторой Великій Государь, коего люди бываютъ въ Китаѣ въ платьѣ, подобномъ мнѣ, и крестятся тако (показывая изображеніе креста). Я отвѣчалъ, что я одной съ онымъ Государемъ религіи. Во время моего сидѣнія, кое продолжалось около полчаса, приказалъ онъ другому министру Берегаю вынести мнѣ халатъ кашемирской шали, который и надѣли на меня. Послѣ же, по данному мнѣ знаку, откланявшись я и поблагодаривъ, пошелъ на великолѣпную квартиру, отведенную мнѣ по волѣ Далай-Ламы, гдѣ было учреждено для меня довольное содержаніе и опредѣленъ штатъ въ числѣ 25 человѣкъ. Того самаго дня въ вечеру прислано мнѣ на квартиру большое фарфоровое блюдо, наполненное разными азіятскими конфектами, покрытое красною тафтою и сто рупіевъ, завязанныхъ въ шелковый хорошій платокъ. Имѣя содержаніе и пристойную выгоду, жилъ я въ сей квартирѣ семнадцать дней, въ продолженіе которыхъ пользовался я четыре раза собственнымъ счастіемъ таковымъ: что Далай-Лама чрезъ своего министра приглашалъ меня при своемъ присутствіи въ свои увеселительные загородные домы, и въ домы своихъ родственниковъ на своемъ собственномъ экипажѣ, то есть на паланѣ и приказывалъ своимъ министрамъ, чтобы всякой вельможа, имѣющій великолѣпный домъ или садъ меня къ себѣ приглашалъ, что и исполняемо было. Во всякой же вечеръ министръ Баридаръ бывая у меня спрашивалъ о покоѣ и удовольствіи по обыкновенію. Въ одиннадцатый день моего тамъ пребыванія тотъ же министръ прибывъ ко мнѣ и взявъ на свой экипажъ, представилъ Далай-Ламѣ, который съ благоувѣтливостію спрашивалъ меня о здоровьѣ, о климатѣ и о моемъ припятіи; я отвѣчалъ, между прочимъ, что климатъ въ Лассы превосход-

Digitized by Google

нѣйшій (каковъ онъ былъ и дѣйствительно) и что я всѣмъ весьма доволенъ, и благодарилъ его. На вопросъ, есть ли въ Царьградѣ таковые сады, я отвѣчалъ, что нѣтъ таковыхъ садовъ. Потомъ сказалъ мнѣ, что онъ радъ моему прибытію въ его землю, и что онъ надѣется, что я вездѣ его владѣнія и его самого хвалить буду; потомъ далъ знать министру итти мнѣ на квартиру, куда я прибылъ въ провожаніи министра Бегарія. Въ семнадцатый день оный же министръ звалъ паки меня ко двору, и по обыкновенномъ привѣтствіи я осмѣлился просить рекомендаціи на дорогу въ Китай, куда мнѣ желалось ѣхать, на что мнѣ послѣ нѣсколькихъ минутъ отвѣтствовано, что этого сдѣлать не можно, а обѣщано мнѣ пособіе въ отправленіи по другой дорогѣ. Послѣ чего того же дни паки былъ позванъ ко двору, и будучи у Далай-Ламы на аудіенціи по обыкновенію, получилъ увѣдомленіе, что Боравъ-Бардонимъ министръ отправляется въ Индію въ Патну по дѣламъ государственнымъ и что ему приказано взять меня и до онаго города доставить. Тутъ я благодарилъ Далай-Ламу, и въ рамена паки поцѣловавшись по прежнему, простился съ намѣреніемъ пріуготовляться къ дорогѣ; но тутъ же приказано было мнѣ остаться обѣдать, а Далай-Лама пошелъ въ харемъ, приказавъ мнѣ дать 2,000 рупій, шубу бѣлую для дороги и штуку шелковой матеріи, что я и получилъ и того же самаго дня съ онымъ министромъ и на его содержаніи выѣхалъ въ Патну. По прибытіи туда, потребовалъ отъ меня свидѣтельство провожавшій меня министръ для доставленія ко двору, что прибылъ благополучно, которое съ моимъ особеннымъ удовольствіемъ и дано при засвидѣтельствованіи постороннихъ. Что касается до Далай-Ламы, то оный имѣетъ характеръ по душѣ пріятный, веселый и человѣколюбивый. Онъ не самъ со мною говорилъ, но чрезъ министровъ, кои знаютъ по персидски и примѣчательно, что первый министръ научилъ его во всякомъ случаѣ по молодости лѣтъ и обратно съ подтвержденіемъ яко бы тѣ же свои мысли сообщаетъ другому министру, для сообщенія мнѣ. Далай-Ламѣ было тогда одиннадцать лѣтъ, то есть въ 1792-мъ году, въ которомъ я тамо находился. Главный у него

Digitized by Google

министръ или его дядя Баридаръ назывался. Точу же Ламу и Таранаутъ-Ламу [1]) я не видѣлъ, и объ нихъ не слыхалъ, а потому объ нихъ болѣе ничего и объяснить не могу.

О городѣ Кандагарѣ.

Городъ Кандагаръ имѣетъ жителей отъ 60,000 до 80,000, съ регулярною хорошею крѣпостью. Онъ теперь не персидскій, но подъ вѣдѣніемъ авганскаго царя, котораго столица въ Кабулѣ; торговля въ Кандагарѣ состоитъ шелкомъ, персидскими парчами и прочими своими произведеніями. Никакіе европейцы тамо по торговымъ дѣламъ не бываютъ, а сами тамошніе жители въ томъ упражняются и свои товары отправляютъ въ Индію.

О городѣ Хасна.

Городъ Хасна отъ времени Шахъ-Надира остался малолюденъ и хуже благоустроенной деревни; жители бѣдны; число ихъ мало; они подобны въ жизни цыганамъ.

О городѣ Кабулѣ.

Городъ Кабулъ есть великолѣпенъ и крѣпость порядочная; жителей въ немъ положить можно около 400,000. Въ немъ имѣется столица Жземанъ-Шаха, авганскаго царя [2]). Торговля сей столицы состоитъ въ товарахъ индѣйскихъ, персидскихъ, бухарскихъ, китайскихъ и европейскихъ, малиновомъ и красномъ сукнѣ. Никакіе европейцы не торгуютъ, а жители сами въ Индію отправляютъ свой товаръ.

О городѣ Туркистанѣ.

Городъ сей собственно такъ называемый, есть собою невеликъ и крѣпости никакой не имѣетъ, но около себя заклю-

[1]) По объясненію Іакинѳа (описаніе Тибета, Спб., 1828, стр. 216), Точа или Тешу-Лама есть неизвѣстно кѣмъ составленное на русскомъ языкѣ названіе одного изъ тибетскихъ Ламъ.

[2]) Земанъ-Шахъ властвовалъ въ Авганистанѣ съ 1793 по 1800 годъ.

Digitized by Google

чаетъ много загородныхъ селеній и имѣетъ не въ отдаленности мало значащіе крѣпостцы только для защищенія отъ разбоевъ. Слѣдуя къ нему дорогою между двумя горами, пріятно созерцать множество садовъ, наполненныхъ разными плодами, представляющими кажется земной рай; но только это и замѣчательно, а въ протчемъ народъ похожъ на разбойниковъ, не имѣющихъ никакого старанія о торговлѣ, а всю промышленность свою въ одномъ воровствѣ и грабежѣ полагающихъ [1]).

О городѣ Балкѣ.

Сей городъ малъ, однако крѣпость имѣетъ изрядную, укрѣпленную хорошо и обтекаемую двумя рѣками. Онъ во владѣніи авганскаго шаха. Коммерціи никакой кромѣ малой внутренней не производитъ. Европейцы тамъ не бываютъ.

О городѣ Бухарѣ.

Городъ сей богатъ и многолюденъ; имѣетъ изрядную каменную крѣпость, укрѣпленную кромѣ того еще и тѣмъ, что стоитъ на полуостровѣ. Жителей въ немъ положить можно около 800,000. Торговля разными товарами весьма обширная производится съ Индіею, Персіею, Китаемъ и Астраханью. Христіанъ въ немъ не терпятъ, да сіи и сами по причинѣ тиранства тамъ быть не пожелаютъ. Можно иногда видѣть не болѣе двухъ или трехъ армянъ, но и то на короткое время. Въ Бухарѣ имѣется плѣнниковъ русскихъ около 30,000, въ числѣ коихъ и отъ войска казненнаго Пугачева нѣсколько тысячъ человѣкъ, коими торгуютъ, какъ товаромъ. Во время моего путешествія Бухаріею правилъ въ качествѣ государя одинъ мулла, который назывался Вели-Намъ [2]). *Вели* значитъ святой, *Намъ*—имя. Извините, ваше сіятельство, что нѣчто

[1]) Здѣсь, какъ и въ первой своей запискѣ (см. 22 прим. къ ней Григорьева), Хрисанѳъ разумѣетъ не городъ Туркестанъ, въ нынѣшней Сыръ-Дарьинской области, и не Китайскій или Восточный Туркестанъ, а страны въ бассейнѣ Аму-Дарьи, къ юго-востоку отъ Бухаріи.

[2]) Въ первой свой запискѣ Хрисанѳъ называетъ Шахъ-Мурада бухарскаго Вели-Ханомъ.

Digitized by Google

любопытное о семъ Вели-Намѣ доложить еще имѣю. Онъ женатъ, но съ женою не спитъ иначе, какъ только однажды въ недѣлю, и то въ пятницу; мяса также не ѣстъ, какъ только въ пятницу же; хлѣба пшеничнаго не употребляетъ, а только одинъ ячменный, который самъ для себя пріуготовляетъ, какъ и кушанье; имѣетъ во всемъ удивительное лицемѣрство и похожъ въ платьѣ и сапогахъ на Менипа философа. Въ таможняхъ пошлины отъ турокъ беретъ по $2^1/_2{}^0/_0$, а отъ христіанъ—по 5; во время его бытія на молитвѣ въ мечети, чрезъ шпіоновъ узнаетъ о небывшихъ и ихъ наказываетъ палкою. Удивительно мнѣ то, что если купецъ, какой бы то ни былъ, пріѣзжая въ Бухарію, и съ какимъ бы то ни было товаромъ, если только можетъ, что товаръ привезенный не его собственный, а кого-либо другаго, утвердить сими словами *валлаги, билляги, таллаги*, то никто товару онаго пересматривать не можетъ, и самъ онъ освобождается отъ всякой пошлины. А за вывозъ изъ государства товаровъ никакая пошлина ни отъ кого не взимается. Всякій христіанинъ, будучи въ Бухаріи, по пріѣздѣ своемъ вскорѣ долженъ заплатить дань; нельзя ему никакого хорошаго платья носить, а поясъ можетъ имѣть только изъ веревки. Вели-Намъ нищихъ призираетъ и однажды въ недѣлю даетъ имъ столъ въ своемъ домѣ, или близъ мечети. Домъ его не великолѣпенъ; денегъ у себя не имѣетъ и въ рукахъ даже держать гнушается. У него подъ правленіемъ имѣется 20,000 мулловъ. Склоненъ къ войнѣ, а паче съ Персіею, съ Авганскимъ царствомъ и съ узбеками и хивинцами; войска въ мирное время имѣетъ около 60,000 конницы, но и всѣ жители по азіатскому обыкновенію, къ войнѣ склонны и по первому повелѣнію къ походу готовы. Вели-Намъ самъ на войну идетъ впереди. Артиллерія у него худая; пушки велики и толсты; воину дается только платье и фуражъ.

О городѣ Хивѣ.

Городъ сей не очень великъ и все городское строеніе обнесено земляною стѣною шириною въ 4 сажени съ лишкомъ. Жителей въ немъ не болѣе 20,000; никакой европеецъ и ни-

Digitized by Google

какой христіанинъ въ немъ не торгуетъ, а сами хивинцы торгуютъ съ Бухаріею и Астраханью, съ Индіею же никакого торга не отправляютъ. Они торгуютъ внутри плѣнниками русскими, коихъ около 15,000 имѣется, также плѣнниками же кизилбасами и своими нѣкоторыми произведеніями. Артиллеріи не имѣется, а войска 20,000 конницы и сверхъ того волонтеровъ предовольно. Хивинцы съ торгующими христіанскими купцами при осмотрѣ товаровъ поступаютъ тиранскимъ образомъ, о чемъ даже гнушаюсь писать. Отъ Магисла[1]) до Кандагара прямою дорогою надобно ѣхать каравану по крайнѣй мѣрѣ 3 мѣсяца, а отъ Кандагара до Патны 2 мѣсяца съ лишкомъ.

О народѣ Каракалпакахъ.

Сей народъ многочисленъ, но онъ есть пренегодный и бѣдный; свойство имѣетъ нашего разбойника; платье изъ дикихъ козъ носитъ и по всему подобенъ кочующему народу. Живетъ онъ начиная отъ Орингензы[2]) по берегу рѣки Амударьи и на равнинѣ до горы, гдѣ Петръ Великій основалъ было заведеніе золото-серебрянной руды. Сей народъ никакой коммерціи кромѣ грабежа не имѣетъ.

Благоугодно было вашему сіятельству требовать отъ меня, чтобы и сверхъ повелѣннаго доложилъ я о всемъ, примѣчанія достойномъ, гдѣ что мнѣ замѣтить случалось, а сіе по возможности и исполняю, покорнѣйше прося удостоить вниманіемъ вашимъ мысли мои, которыя я, горя усердіемъ службы и истинною вѣрноподданническою ревностью къ благодѣтелю моему государю императору изложить съ душевнымъ удовольствіемъ смѣлость пріемлю.

Изъ Россіи по прямой линіи проѣхать въ Тибетъ никакъ неможно: 1) по причинѣ отдаленности; 2) потому что надобно дожидаться каравановъ отъ Магисла до Бухаріи, но это невозможно, ибо сіи народы никакъ въ живыхъ христіанъ неоставятъ, а паче бухарцы; могутъ только проѣхать армяне въ

[1]) Т. е. Мангышлака.
[2]) Т. е. Ургенча.

Digitized by Google

совершенной будучи нищетѣ, да и то если они кому либо знакомы будутъ; 3) надобно знать азіатскій языкъ и показать бѣдность и величайшее притворство; 4) отъ Бухаріи надобно дожидаться каравана до Кабула, но это невозможно для того что русскій человѣкъ тамо ничего безъ вышеписаннаго сдѣлать не можетъ, а ежели рекомендацію имѣть будетъ отъ Россіи до Вели-Нама бухарскаго владѣтеля, то хотя и можетъ быть принятъ, но только по одному лицемѣрію, а послѣ по предательству бухарскому-жъ можетъ пропасть въ дорогѣ отъ хазаристовъ или отъ узбековъ или отъ туркистановъ или же отъ томутовъ туркменъ, кои на многихъ мѣстахъ имѣютъ караулы и таможни и съ крайнимъ безсовѣстіемъ и своеволіемъ дѣлами управляютъ; но ежели, положимъ, позволитъ счастіе доѣхать до Кабула, то при всемъ томъ много надобно употребить иждивенія, а притомъ и отъ Кабула незнакомаго и неимѣющаго государственной довѣренности человѣка никакъ не пропустятъ; 5) въ Кабулѣ надобно ожидать другаго каравана и ѣхать до Доленагора или до Дели или до Агра или до Матри или же до Ланнаоръ, по случаю сопутствующихъ каравановъ; 6) но всякой изъ сихъ каравановъ бываетъ въ годъ по одиножды; 7) пусть доѣхать можно до англійскихъ колоній, и что англичане дадутъ полную свободу и паспортъ во всѣ мѣста, но до Великаго Ламы сомнѣваюсъ чтобы дали, ибо имени англійскаго въ Тибетѣ не терпятъ и можно даже совершенно потерять жизнь съ англійскимъ паспортомъ; опасно-жъ и въ другомъ разѣ, ибо всѣхъ христіанъ называютъ англичанами. И такъ выгоднѣе и безопаснѣе по моему мнѣнію слѣдовать, въ Тибетъ чрезъ Китай, куда не далѣе, какъ я извѣстился, состоитъ пѣшехожденія, какъ около 25 дней и мадарины китайскіе могутъ показать свободную и безпрепятственную дорогу до Тибета для Россіи; они имѣютъ свои владѣнія прилежащія весьма близко къ Тибету Великому и Малому, а паче къ Малому Тибету граничитъ городъ Касмиръ и сюда ѣхать весьма удобно. Тутъ мнѣ болѣе писать нечего: китайская дорога довольно извѣстна уже вашему сіятельству, мнѣ остается только присоединить къ сему смѣлую мысль мою вашему сіятель-

Digitized by Google

ству, что если угодно россійскому правительству открыть съ бухарцами и всею Индіею торговлю, то можно успѣть еще иначе. Если будетъ въ Бухарѣ при Вели-Намѣ министръ россійской, коего вездѣ точно уважутъ, а чрезъ сіе и министръ успѣетъ въ своихъ дѣлахъ, узнавъ совершенно о всѣхъ обстоятельствахъ, а такимъ образомъ откроются новые и совершенно возможные планы и потечетъ все по намѣренію почтительнаго правительства, тѣмъ болѣе что и Китай тамо не далече и чрезъ Кашгаръ городъ, до коего отъ Бухаріи только 25 дней дороги, каравану наиудобнѣе до Китая ѣхать.

Я не сомнѣваюсь, что ваше сіятельство свойственною вамъ прозорливостью дѣло сіе съ такимъ успѣхомъ совершите, который доставитъ великой имперіи всѣ ожидаемыя торговыя выгоды, вамъ безсмертіе, а мнѣ единственное исполненіе желаній искреннихъ для Россіи.

Въ дополненіе сего моего описанія прошу покорно ваше сіятельство отыскать еще мой прежній трудъ до сего же принадлежащій. 1796 года, во время бытности моей въ Санктпетербургѣ, отдалъ я проектъ такого же рода, относящійся до Персіи, Грузіи, Великой Арменіи и Туркоманіи, гдѣ также означено о Хивѣ и Бухарѣ. Съ греческаго моего подлинника перевелъ греческаго корпуса маіоръ Филандръ [1]) на россійскій языкъ и получилъ оный отъ меня князь П. А. Зубовъ, о чемъ извѣстно г. д. с. с. Петру Ивановичу Ковалинскому.

Дм. Кобеко.

[1]) Секундъ-маіоръ Ефимъ Анастасьевичъ Филандръ состоялъ въ 1796 г. въ должности учителя въ Корпусѣ чужестранныхъ единовѣрцевъ.

Digitized by Google

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Скверенъ міръ — противорѣчить
Въ этомъ я тебѣ не стану;
Ты желалъ бы перестроить
Все по новому въ немъ плану.

***

Страждетъ бѣдный, а богатый
Сладко ѣстъ и ходитъ въ шолкѣ,
И овецъ труда смиренныхъ
Тунеядцы губятъ волки.

***

Пылкимъ сердцемъ ты не можешь
Выносить такого склада,
И кричишь въ негодованьи:
Измѣнить все это надо!

***

Да; но только какъ измѣнишь,
Если—другъ, пойми безъ фразъ ты,—
Овцы глупы и безсильны,
Волки жъ хитры и зубасты.

ТИП. А. ВЕНКЕ.

Digitized by Google

II.

Какое время! Жизнь ползетъ
Лѣниво, точно черепаха.
Попробуй выступить впередъ —
Всѣ всполошатся, полны страха:
„Куда вы? Для чего? И такъ,
Прогресса жаждою влекомы,
Зашли чрезъ мѣру далеко мы:
Умѣрьте торопливый шагъ!
Теперь не нужны намъ порывы
Отдѣльныхъ силъ. Коль заурядъ
Идти съ другими не могли вы,
Вернуться лучше бы назадъ,
Да отдохнуть...“
И, внявъ тревогу,
Крикливо мечется толпа
И преграждаетъ вамъ дорогу...
Ахъ, жизнь подобная, ей-Богу,
Невыносима и глупа!

В. Буренинъ.

Digitized by Google

СКАЗКИ.

I. Карась-идеалистъ.

Карась съ ершомъ спорилъ. Карась говорилъ, что можно на свѣтѣ одною правдою прожить, а ершъ утверждалъ, что нельзя безъ того обойтись, чтобъ не слукавить. Что̀ именно разумѣлъ ершъ подъ выраженіемъ «слукавить»,—неизвѣстно; но только всякій разъ, какъ онъ эти слова произносилъ, карась въ негодованіи восклицалъ:

— Но вѣдь это подлость!

На что ершъ возражалъ:

— Вотъ ужо̀ увидишь!

Карась—рыба смирная и къ идеализму склонная: не даромъ его монахи любятъ. Лежитъ онъ больше на самомъ днѣ рѣчной заводи (гдѣ потише) или пруда, зарывшись въ илъ, и выбираетъ оттуда микроскопическихъ ракушекъ для своего продовольствія. Ну, натурально, полежитъ-полежитъ, да что-нибудь и выдумаетъ. Иногда даже и очень вольное. Но такъ какъ караси ни въ цензуру своихъ мыслей не представляютъ, ни въ участкѣ не прописываютъ, то въ политической неблагонадежности ихъ никто не подозрѣваетъ. Если же иногда и видимъ, что отъ времени до времени на карасей устраивается облава, то отнюдь не за вольнодумство, а за то, что они вкусны.

тип. м. п. скороходова.

Digitized by Google

Ловятъ карасей, по преимуществу, сѣтью или неводомъ, но чтобы ловля была удачна, необходимо имѣть сноровку. Опытные рыбаки выбираютъ для этого время сейчасъ вслѣдъ за дождемъ, когда вода бываетъ мутна; и затѣмъ, заводя неводъ, начинаютъ хлопать по водѣ канатомъ, палками и вообще производить шумъ. Заслышавъ шумъ и думая, что онъ возвѣщаетъ торжество вольныхъ идей, карась снимается со дна и начинаетъ справляться, нельзя ли и ему какъ-нибудь пристроиться къ торжеству. Тутъ-то онъ и попадаетъ во множествѣ въ мотню, чтобы потомъ сдѣлаться жертвою человѣческаго чревоугодія. Ибо, повторяю, караси представляютъ такое лакомое блюдо (особливо изжаренные въ сметанѣ), что предводители дворянства охотно подчуютъ ими даже губернаторовъ.

Что касается до ершей, то это рыба уже тронутая скептицизмомъ и притомъ колючая. Будучи сварена въ ухѣ, она даетъ безподобный бульонъ.

Какимъ образомъ случилось, что карась съ ершомъ сошлись, — не знаю; знаю только, что однажды сошедшись, сейчасъ же заспорили. Поспорили разъ, поспорили другой, а потомъ и во вкусъ вошли, свиданія другъ другу стали назначать. Сплывутся гдѣ-нибудь подъ водянымъ лопухомъ и начнутъ умныя рѣчи разговаривать. А плотва-бѣлобрюшка рѣзвится около нихъ и ума-разума набирается.

Первымъ всегда задиралъ карась.

— Не вѣрю, говорилъ онъ: — чтобы борьба и свара были нормальнымъ закономъ, подъ вліяніемъ котораго будто бы суждено развиваться всему живущему на землѣ. Вѣрю въ безкровное преуспѣяніе, вѣрю въ гармонію и глубоко убѣжденъ, что счастіе не праздная фантазія мечтательныхъ умовъ, но рано или поздно сдѣлается общимъ достояніемъ!

— Дожидайся! иронизировалъ ершъ.

Ершъ спорилъ отрывисто и неспокойно. Это рыба нервная, которая, повидимому, помнитъ немало обидъ. Накипѣло у ней на сердцѣ... ахъ, накипѣло! До ненависти покуда еще не дошло, но вѣры и наивности ужь и въ поминѣ нѣтъ. Вмѣсто мирнаго житія, она всюду распрю видитъ; вмѣсто прогресса — всеобщую одичалость. И утверждаетъ, что тотъ, кто имѣетъ претензію жить, долженъ все это въ разсчетъ принимать. Карася же считаетъ

Digitized by Google

«блаженненькимъ», хотя въ то же время сознаетъ, что съ нимъ только и можно «душу отводить».

— И дождусь! отзывался карась: — и не я одинъ, всѣ дождутся. Тьма, въ которой мы плаваемъ, есть порожденіе горькой исторической случайности, но такъ какъ нынѣ, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, можно эту случайность по косточкамъ разобрать, то и причины, ее породившія, нельзя уже считать неустранимыми. Тьма—совершившійся фактъ, а свѣтъ—чаемое будущее. И будетъ свѣтъ, будетъ!

— Значитъ, и такое, по-твоему, время придетъ, когда и щукъ не будетъ?

— Какихъ такихъ щукъ? удивился карась, который былъ до того наивенъ, что когда при немъ говорили: на то щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ, то онъ думалъ, что это что-нибудь въ родѣ тѣхъ никсъ и русалокъ, которыми малыхъ дѣтей пугаютъ, и, разумѣется, ни крошечки не боялся.

— Ахъ, фофанъ ты, фофанъ! Міровыя задачи разрѣшать хочешь, а о щукахъ понятія не имѣешь!

Ершъ презрительно пошевеливалъ плавательными перьями, и уплывалъ восвояси, но, спустя малое время, собесѣдники опять гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ сплывались (въ водѣ-то скучно), и опять начинали диспутировать.

— Въ жизни первенствующую роль добро играетъ, разглагольствовалъ карась: — зло — это такъ, по недоразумѣнію допущено, а главная жизненная сила все-таки въ добрѣ замыкается.

— Держи карманъ!

— Ахъ, ершъ, какія ты несообразныя выраженія употребляешь! «Держи карманъ»! развѣ это отвѣтъ?

— Да тебѣ, по настоящему, и совсѣмъ отвѣчать не слѣдуетъ. Глупый ты—вотъ тебѣ и сказъ весь!

— Нѣтъ, ты послушай, что я тебѣ скажу. Что зло никогда не было зиждущей силой, — объ этомъ и исторія свидѣтельствуетъ. Зло душило, давило, опустошало, предавало мечу и огню, а зиждущею силой являлось только добро. Оно устремлялось на помощь угнетеннымъ, оно освобождало отъ цѣпей и оковъ, оно пробуждало въ сердцахъ плодотворныя чувства, оно давало ходъ паренiямъ ума. Не будь этого во истину зиждущаго фактора жизни, не было бы и исторіи. Потому что вѣдь,

Digitized by Google

въ сущности, что̀ такое исторія? Исторія — это повѣсть освобожденія, это разсказъ о торжествѣ добра и разума надъ зломъ и безуміемъ.

— А ты, видно, доподлинно знаешь, что зло и безуміе посрамлены? подтрунивалъ ершъ.

— Не посрамлены еще, но будутъ посрамлены—это я тебѣ вѣрно говорю. И опять-таки сошлюсь на исторію. Сравни, что̀ нѣкогда было съ тѣмъ, что̀ есть—и ты безъ труда согласишься, что не только внѣшніе иріемы зла смягчились, но и самая сумма его примѣтно уменьшилась. Возьми хоть бы нашу рыбную породу. Прежде насъ во всякое время ловили, и преимущественно во время «хода», когда мы, какъ одурѣлые, сами прямо въ сѣть лѣземъ, а нынѣче именно во время «хода»-то и признаётся вреднымъ насъ ловить. Прежде насъ, можно сказать, самыми варварскими способами истребляли—въ Уралѣ, сказываютъ, во время багренія вода на многія версты отъ рыбьей крови красная стояла—а нынѣче шабашъ. Неводы, да верши, да уды—больше чтобы ни-ни! Да и объ этомъ еще въ комитетахъ разсуждаютъ: какіе неводы? по какому случаю? на какой предметъ?

— А тебѣ, видно, не все равно, какимъ способомъ въ уху попасть?

— Въ какую такую уху? удивлялся карась.

— Ахъ, прахъ тебя побери! Карасемъ зовется, а объ ухѣ не слыхалъ! Какое же ты послѣ этого право со мной разговаривать имѣешь? Вѣдь, чтобы споры вести и мнѣнія отстаивать, надо, по малой мѣрѣ, съ обстоятельствами дѣла напередъ познакомиться. О чемъ же ты разговариваешь, коли даже такой простой истины не знаешь: что каждому карасю впереди уготована уха? Брысь... заколю!

Ершъ ощетинивался, а карась быстро, насколько позволяла его неуклюжесть, опускался на дно. Но черезъ сутки друзья-противники опять сплывались и новый разговоръ затѣвали.

— Намеднись въ нашу заводь щука заглядывала, объявлялъ ершъ.

— Та самая, о которой ты намеднись упоминалъ?

— Она. Приплыла, заглянула, молвила: чтой-то будто ужь слишкомъ здѣсь тихо! должно быть тутъ карасямъ водъ?.. И съ этимъ уплыла.

— Что̀ же мнѣ теперича дѣлать?

Digitized by Google

— Изготовляться — только и всего. Ужò, какъ приплыветъ она, да уставится въ тебя глазищами, ты чешую-то да перья подбери поплотнѣе, да прямо и полѣзай ей въ хайлò!

— Зачѣмъ же я полѣзу? Кабы я былъ въ чемъ-нибудь виноватъ!

— Глупъ ты — вотъ въ чемъ твоя вина. Да и жиренъ вдобавокъ. А глупому да жирному и законъ повелѣваетъ щукѣ въ хайло лѣзть!

— Не можетъ такого закона быть! искренно возмущался карась. — И щука зря не имѣетъ права глотать, а должна прежде объясненія потребовать. Вотъ я съ ней объяснюсь, всю правду выложу. Правдой-то я ее до седьмого пота прошибу!

— Говорилъ я тебѣ, что ты фофанъ, и теперь то же самое повторяю: фофанъ! фофанъ! фофанъ!

Ершъ окончательно сердился и давалъ себѣ слово на будущее время воздерживаться отъ всякаго общенія съ карасемъ. Но черезъ нѣсколько дней, смотришь, привычка опять взяла свое.

— Вотъ кабы всѣ рыбы между собой согласились... загадочно начиналъ карась.

Но тутъ ужь и самого ерша брала оторопь. О чемъ это фофанъ рѣчь заводитъ? думалось ему: — того гляди провртся, а тутъ головель неподалеку похаживаетъ. Ишь, и глаза въ сторону, словно не его дѣло, скосилъ, а самъ знай прислушивается.

— А ты не всякое слово выговаривай, какое тебѣ на умъ взбредетъ! убѣждалъ онъ карася: — не для чего пасть-то разѣвать, можно и шопоткомъ, что̀ нужно, сказать.

— Не хочу я шептаться, продолжалъ карась невозмутимо: — а говорю прямо, что ежели бы всѣ рыбы между собой согласились, тогда...

Но тутъ ершъ грубо прерывалъ своего друга.

— Съ тобой, видно, гороху наѣвшись, говорить надо! кричалъ онъ на карася и, навостривши лыжи, уплывалъ отъ него восвояси.

И досадно ему, да и жалко карася было. Хоть и глупъ онъ, а все-таки съ нимъ однимъ по душѣ поговорить можно. Не разболтаетъ онъ, не предастъ — въ комъ нынче качества-то эти сыщешь? Слабое нынче время, такое время, что на отца съ матерью надѣяться нельзя. Вотъ плотва, хоть и нельзя

о ней прямо что-нибудь худое сказать, а все таки, того гляди, непонимаючи сболтнетъ! А объ головляхъ, язяхъ, линяхъ и прочей челяди и говорить нѣчего! За червяка присягу подъ колоколами принять готовы! Бѣдный карась! ни за грошъ онъ между ними пропадетъ!

— Посмотри ты на себя, говорилъ онъ карасю: — ну, какую ты, неровенъ часъ, оборону изъ себя представить можешь? Брюхо у тебя большое, голова малая, на выдумки не гораздая, ротъ — чутошный. Даже чешуя на тебѣ — и та не серьёзная. Ни проворства въ тебѣ, ни юркости — какъ есть увалень! Всякій, кто хочетъ, подойди къ тебѣ и ѣшь!

— Да за что же меня ѣсть, коли я не провинился? попрежнему упорствовалъ карась.

— Слушай, дурья порода! Ѣдятъ-то развѣ «за что»? Развѣ потому ѣдятъ, что казнить хотятъ? Ѣдятъ потому, что ѣсть хочется — только и всего. И ты, чай, ѣшь. Не по̀пусту носомъ-то въ илѣ роешься, а ракушекъ вылавливаешь. Имъ, ракушкамъ, жить хочется, а ты, простофиля, ими мамонъ съ утра до вечера набиваешь. Сказывай: какую такую они вину передъ тобой сдѣлали, что ты ихъ ежеминутно казнишь? Помнишь, какъ ты намеднись говорилъ: вотъ кабы рыбы между собой согласились... А что̀, если бы ракушки между собой согласились — сладко ли бы тебѣ, простофилѣ, тогда было?

Вопросъ былъ такъ прямо и такъ непріятно поставленъ, что карась сконфузился и слегка покраснѣлъ.

— Но ракушки — вѣдь это... пробормоталъ онъ смущенно.

— Ракушки — ракушки, а караси — караси. Ракушками караси лакомятся, а карасями — щуки. И ракушки ни въ чемъ неповинны, и караси не виноваты, а и тѣ и другіе должны отвѣтъ держать. Хоть сто лѣтъ объ этомъ думай, а ничего другого не выдумаешь.

Спрятался послѣ этихъ ершовыхъ словъ карась въ самую глубь тины и сталъ на досугѣ думать. Думалъ-думалъ, и между прочимъ ракушекъ ѣлъ да ѣлъ. И что больше ѣстъ, то больше хочется. Наконецъ, однакожь, додумался.

— Я не потому ѣмъ ракушекъ, чтобъ онѣ виноваты были — это ты правду сказалъ, объяснилъ онъ ершу: — а потому я ихъ ѣмъ, что онѣ, эти ракушки, самой природой мнѣ для ѣды предоставлены.

Digitized by Google

— Кто же тебѣ это сказалъ?

— Никто не сказалъ, а я самъ, собственнымъ наблюденіемъ дошелъ. У ракушки не душа, а паръ; ее ѣшь, а она и не понимаетъ. Да и устроена она такъ, что никакъ невозможно, чтобъ ея не проглотить. Потяни рыломъ воду, анъ въ зобу у тебя ужь видимо-невидимо ракушекъ кишитъ. Я, и не ловлю ихъ, сами въ ротъ лѣзутъ. Ну, а карась—совсѣмъ другое. Караси, братъ отъ десяти вершковъ бываютъ, такъ съ этакимъ старикомъ еще поговорить надо, прежде нежели его съѣсть. Надо, чтобъ онъ серьёзную пакость сдѣлалъ — ну, тогда, конечно...

— Вотъ какъ щука проглотитъ тебя, тогда ты и узнаешь, что̀ надо для этого сдѣлать. А до тѣхъ поръ лучше помалчивалъ бы.

— Нѣтъ, я не стану молчать. Хоть я отъ роду щукъ не видывалъ, но только могу судить по разсказамъ, что и онѣ къ голосу правды не глухи. Помилуй-скажи! Можетъ-ли такое злодѣйство статься! Лежитъ карась, никого не трогаетъ, и вдругъ, ни дай ни вынеси за что̀, къ щукѣ въ брюхо попадаетъ! Ни въ жизнь я этому не повѣрю.

— Чудакъ! да вѣдь намеднись, на глазахъ у тебя, монахъ цѣлыхъ два невода вашего брата изъ заводи вытащилъ... Какъ ты думаешь, любоваться, что-ли, онъ на карасей-то будетъ!

— Не знаю. Только это еще бабушка на-двое сказала, что̀ съ тѣми карасями сталось: ино ихъ съѣли, ино въ сажалку посадили. И живутъ они тамъ припѣваючи на монастырскихъ хлѣбахъ!

— Ну, живи, коли такъ, и ты, сорви-голова!

Проходили дни за днями, а диспутамъ карася съ ёршомъ и конца было не видать. Мѣсто, въ которомъ они жили, было тихое, даже слегка зеленою плѣсенью подернутое, самое для диспутовъ благопріятное. Объ чемъ ни калякай, какими мечтами ни задавайся—безнаказанность полная. Это до такой степени ободрило карася, что онъ съ каждымъ сеансомъ все больше и больше тонъ своихъ экскурсій въ область эмпиреевъ повышалъ.

— Надобно, чтобъ рыбы любили другъ друга! ораторствовалъ онъ: — чтобы каждая за всѣхъ, а всѣ за каждую — вотъ когда настоящая гармонія осуществится!

Digitized by Google

— Желалъ бы я знать, какъ ты съ своею любовью къ щукѣ подъѣдешь! расхолаживалъ его ершъ.

— Я, братъ, подъѣду! стоялъ на своемъ карась: — я такія слова знаю, что любая щука въ одну минуту отъ нихъ въ карася превратится!

— А нутко, скажи!

— Да просто спрошу: знаешь ли, молъ, щука, что такое добродѣтель и какія обязанности она въ отношеніи къ ближнимъ налагаетъ!

— Огорошилъ, нѣчего сказать! А хочешь, я тебѣ за этотъ самый вопросъ иглой животъ проколю!

— Ахъ нѣтъ! сдѣлай милость, ты этимъ не шути!

Или:

— Только тогда мы, рыбы, свои права сознаемъ, когда насъ, съ малыхъ лѣтъ, въ гражданскихъ чувствахъ воспитывать будутъ!

— А на кой тебѣ лядъ гражданскія чувства понадобились?

— Все-таки...

— То-то «все-таки». Гражданскія-то чувства только тогда ко двору, когда передъ ними просторъ открытъ. А что же ты съ ними, въ тинѣ лежа, дѣлать будешь!

— Не въ тинѣ, а вообще...

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, монахъ меня въ ухѣ захочетъ сварить, а я ему скажу: не имѣешь, отче, права безъ суда такому ужасному наказанію меня подвергать!

— А онъ тебя, за грубость, на сковороду либо въ золу въ горячую... Нѣтъ, другъ! въ тинѣ жить, такъ не гражданскія, и остолопьи чувства надо имѣть—вотъ это вѣрно. Схоронился гдѣ погуще и молчи, остолопъ!

Или еще:

— Рыбы не должны рыбами питаться, бредилъ на яву карась.—Для рыбьяго продовольствія и безъ того природа многое множество вкусныхъ блюдъ уготовала. Ракушки, мухи, черви, пауки, водяныя блохи; наконецъ раки, змѣи, лягушки. И все это добро, все на потребу.

— А для щукъ на потребу караси, отрезвлялъ его ёршъ.

— Нѣтъ, карась самъ себѣ довлѣетъ. Ежели природа ему не дала оборонительныхъ средствъ, какъ тебѣ, напримѣръ, то

Digitized by Google

это значитъ, что надо особливый законъ, въ видахъ обезпеченія его личности, издать!

— А ежели тотъ законъ исполняться не будетъ?

— Тогда надо внушеніе распубликовать: лучше, дескать, совсѣмъ законовъ не издавать, ежели оные не исполнять.

— И ладно будетъ?

— Полагаю, что многіе устыдятся.

Повторяю: дни проходили за днями, а карась все бредилъ. Другому за это хоть щелчокъ бы въ носъ дали, а ему—ничего. И растабарывалъ бы онъ такимъ родомъ аридовы вѣки, еслибъ хоть крошечку поостерегся. Но онъ такъ ужь о себѣ возмечталъ, что совсѣмъ изъ разсчета вышелъ. Припускалъ да припускалъ, какъ вдругъ къ нему головель съ повѣсткой: назавтра, дескать, щука изволитъ въ заводь прибыть, такъ ты, карась, смотри! чуть свѣтъ отвѣтъ держать явись!

Карась однакожь, не обробѣлъ. Во-первыхъ, онъ столько разнообразныхъ отзывовъ о щукѣ слышалъ, что и самъ познакомиться съ ней любопытствовалъ; а во-вторыхъ, онъ зналъ, что у него такое магическое слово есть, которое, ежели его сказать, сейчасъ самую лютую щуку въ карася превратитъ. И очень на это слово надѣялся.

Даже ёршъ, видя такую его вѣру, задумался, не слишкомъ ли онъ ужь далеко зашелъ въ отрицательномъ направленіи. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ щука только того и ждетъ, чтобы ее полюбили, благой совѣтъ ей дали, умъ и сердце ея просвѣтили? Можетъ быть, она... добрая? Да и карась, пожалуй, совсѣмъ не такой простофиля, какимъ по наружности кажется, а, напротивъ того, съ разсчетцемъ свою карьеру облаживаетъ? Вотъ завтра явится онъ къ щукѣ да прямо и ляпнетъ ей самую сущую правду, какой она отъ роду ни отъ кого не слыхивала? А щука возьметъ да и скажетъ: за то, что ты мнѣ, карась, самую сущую правду сказалъ, жалую тебя этою заводью; будь ты надъ нею начальникъ!

Приплыла на утро щука, какъ пить дала. Смотритъ на нее карась и дивится: какихъ ему про щуку сплётокъ не наплели, а она рыба какъ рыба! Только ротъ до ушей да хайло такое, что какъ разъ ему, карасю, пролѣзть.

— Слышала я, молвила щука;—что очень ты, карась, уменъ,

Digitized by Google

и разглагольствовать мастеръ. Хочу я съ тобой диспутъ имѣть. Начинай.

— Объ счастіи я больше думаю, скромно, но съ достоинствомъ отвѣтилъ карась.—Чтобы не я одинъ, а всѣ были бы счастливы. Чтобы всѣмъ рыбамъ во всякой водѣ свободно плавать было, а ежели которая въ тину спрятаться захочетъ, то и въ тинѣ пускай полежитъ.

— Гм... и ты думаешь, что такому дѣлу статься возможно?

— Не только думаю, но и всечасно сего ожидаю.

— Напримѣръ: плыву я, а рядомъ со мною... карась?

— Такъ что̀ же такое?

— Въ первый разъ слышу. А ежели я обернусь да карася-то... съѣмъ?

— Такого закона, ваше высокостепенство нѣтъ, законъ говоритъ прямо: ракушки, комары, мухи и мошки да послужатъ для рыбъ пропитаніемъ. А кромѣ того, позднѣйшими разными указами къ пищѣ сопричислены: водяныя блохи, пауки, черви, жуки, лягушки, раки и прочіе водяные обыватели. Но не рыбы.

— Маловато для меня. Головель! неужто такой законъ есть? обратилась щука къ головлю.

— Въ забвеніи, ваше высокостепенство! ловко вывернулся головель.

— Я такъ и знала, что не можно такому закону быть. Ну, а еще ты чего всечасно, карась, ожидаешь?

— А еще ожидаю, что справедливость восторжествуетъ. Сильные не будутъ тѣснить слабыхъ, богатые—бѣдныхъ. Что объявится такое общее дѣло, въ которомъ всѣ рыбы свой интересъ будутъ имѣть и каждая свою долю дѣлать будетъ. Ты, щука, всѣхъ сильнѣе и ловче — ты и дѣло на себя посильнѣе возьмешь; а мнѣ, карасю, по моимъ скромнымъ способностямъ, и дѣло скромное укажутъ. Всякій для всѣхъ, и всѣ для всякаго—вотъ какъ будетъ. Когда мы другъ за дружку стоять будемъ, тогда и подкузьмить насъ никто не сможетъ. Неводъ-то еще гдѣ покажется, а ужь мы драло! Кто подъ камень, кто на самое дно въ илъ, кто въ нору или подъ корягу. Уху-то пожалуй что видно бросить придется!

— Не знаю. Не очень-то любятъ люди бросать то, что имъ вкуснымъ кажется. Ну, да это еще когда-то будетъ! А вотъ что̀: такъ значитъ, по-твоему, и я работать буду должна?

Digitized by Google

— Какъ прочіе, такъ и ты.

— Въ первый разъ слышу. Поди проспись.

Проспался ли, нѣтъ ли карась, но ума у него во всякомъ случаѣ не прибавилось. Въ полдень опять онъ явился на диспутъ и не только безъ всякой робости, но даже противъ прежняго веселѣе.

— Такъ ты полагаешь, что я работать стану, и ты отъ моихъ трудовъ лакомиться будешь? прямо поставила вопросъ щука.

— Всѣ другъ отъ дружки... отъ общихъ, взаимныхъ трудовъ...

— Понимаю: «другъ отъ дружки»... а между прочимъ и отъ меня... гм! Думается, однакожь, что ты это зазорныя рѣчи говоришь. Головель! какъ, по нынѣшнему, такія рѣчи называются?

— Сицилизмомъ, ваше высокостепенство!

— Такъ я и знала. Давненько я ужь слышу: бунтовскія, молъ, рѣчи карась говоритъ! Только думаю: дай лучше сама послушаю... Анъ вонъ ты каковъ!

Молвивши это, щука такъ выразительно щелкнула по водѣ хвостомъ, что какъ ни простъ былъ карась, но и онъ догадался.

— Я, ваше высокостепенство, ничего, пробормоталъ онъ въ смущеніи:—это я по простотѣ...

— Ладно. Простота хуже воровства, говорятъ. Ежели дуракамъ волю дать, такъ они умныхъ со свѣту сживутъ. Наговорили мнѣ о тебѣ съ три короба, а ты карась какъ карась—только и всего. И пяти минутъ я съ тобой не разговариваю, а ужь до смерти ты мнѣ надоѣлъ.

Щука задумалась и какъ-то такъ загадочно на карася посмотрѣла, что онъ ужь и совсѣмъ понялъ. Но должно быть, она еще послѣ вчерашняго обжорства сыта была, и потому зѣвнула и сейчасъ же захрапѣла.

Но на этотъ разъ карасю ужь не такъ благополучно обошлось. Какъ только щука умолкла, его со всѣхъ сторонъ обступили головли и взяли подъ караулъ.

Вечеромъ, еще не успѣло солнышко сѣсть, какъ карась въ третій разъ явился къ щукѣ на диспутъ. Но явился уже подъ стражей и притомъ съ нѣкоторыми поврежденіями. А именно: окунь, допрашивая, покусалъ ему спину и часть хвоста.

Digitized by Google

Но онъ все еще бодрился, потому что въ запасѣ у него было магическое слово.

— Хоть ты мнѣ и супротивникъ, начала опять первая щука:—да видно, горе мое такое: смерть диспуты люблю! Будь здоровъ, начинай!

При этихъ словахъ, Карась вдругъ почувствовалъ, что сердце въ немъ загорѣлось. Въ одно мгновеніе, онъ подобралъ животъ, затрепыхался, защелкалъ по водѣ остатками хвоста, и глядя щукѣ прямо въ глаза, во всю мочь гаркнулъ:

— Знаешь ли ты, что̀ такое добродѣтель?

Щука разинула ротъ отъ удивленія. Машинально потянула она воду, и вовсе не желая проглотить карася, проглотила его.

Рыбы, бывшія свидѣтельницами этого происшествія, на мгновеніе остолбенѣли, но сейчасъ же опомнились и поспѣшили къ щукѣ узнать, благополучно ли она поужинать изволила, не подавилась ли. А ершъ, который уже заранѣе все предвидѣлъ и предсказалъ, выплылъ впередъ и торжественно провозгласилъ:

— Вотъ они, диспуты-то наши, каковы!

II. Добродѣтели и пороки.

Добродѣтели съ Пороками изстари во враждѣ были. Пороки жили весело и ловко свои дѣла обдѣлывали; а Добродѣтели жили посѣрѣе, но за то, во всѣхъ азбукахъ и христоматіяхъ, какъ примѣръ для подражанія приводились. А втихомолку, между тѣмъ, думали: вотъ кабы и намъ, подобно Порокамъ, удалось хорошенькое дѣльце обдѣлать! Да, признаться сказать, подъ шумокъ и обдѣлывали.

Трудно сказать, съ чего у нихъ первоначально распря пошла, и кто первый задралъ. Кажется, что Добродѣтели первыя начали. Порокъ-то шустрый былъ и на выдумки гораздый. Какъ пошелъ онъ, словно конь бо̀рзый, пространство ногами забирать, да въ парчахъ, да въ шелкахъ по бѣлу-свѣту щеголять—Добродѣтели-то за нимъ и не поспѣли. И не поспѣвши огорчились. «Ладно, говорятъ, щеголяй, пахалъ, въ шелкахъ! Мы и въ рубищѣ отъ всѣхъ почтены будемъ!» А Пороки имъ въ отвѣтъ: «И будьте почтены съ Богомъ!»

Digitized by Google

Не стерпѣли Добродѣтели насмѣшки, и стали Пороки на всѣхъ перекрёсткахъ костить. Выйдутъ въ рубищахъ на распутіе и пристаютъ къ прохожимъ: «Не правда ли, господа честные, что мы вамъ и въ рубищѣ милы?» А прохожіе въ отвѣтъ: «Ишь васъ, салопницъ, сколько развелось! проходите, не задерживайте! Богъ подастъ!»

Пробовали Добродѣтели и къ городовымъ за содѣйствіемъ обращаться. «Вы чего смотрите! совсѣмъ публику распустили! вѣдь она, того и гляди, по̀ уши въ Порокахъ погрязнетъ!» Но городовые знай себѣ стоятъ, да Порокамъ подъ козырекъ дѣлаютъ.

Такъ и остались Добродѣтели ни при чемъ, только пригрозили съ досады: вотъ погодите! ушлютъ васъ ужо̀ за ваши дѣла на каторгу!

А Пороки, между тѣмъ, все впередъ, да впередъ бѣгутъ, да еще и похваляются. «Нашли, говорятъ, чѣмъ стращать—каторгой! Для насъ-то еще либо будетъ каторга, либо нѣтъ, а вы съ самаго рожденья въ ней по̀ уши сидите! Ишь, злецы! кости да кожа, а глаза, посмотри, какъ горятъ! Щелкаютъ на пирогъ зубами, а какъ къ нему приступиться—не знаютъ!»

Словомъ сказать, разгоралась распря съ каждымъ днемъ больше и больше. Сколько разъ даже до открытаго боя дѣло доходило, но и тутъ фортуна почти всегда Добродѣтелямъ измѣняла. Одолѣютъ Пороки и закуютъ Добродѣтели въ кандалы: сидите, злоумышленники, смирно! И сидятъ, покуда начальство не вступится, да на волю не выпуститъ.

Въ одну изъ такихъ баталій шелъ мимо Иванушка-дурачокъ, остановился и говоритъ сражающимся:

— Глупые вы, глупые! изъ-за чего только вы другъ друга увѣчите! вѣдь первоначально-то вы всѣ одинаково *свойствами* были, а это ужь потомъ, отъ безалаберности да отъ каверзы людской, добродѣтели да пороки пошли. Одни свойства понажали, другимъ вольный ходъ дали — колёсики-то въ машинѣ и поиспортились. И воцарились на свѣтѣ смута, свара, скорбь... А вы вотъ что̀ сдѣлайте: обратитесь къ первоначальному источнику—можетъ быть на чемъ-нибудь и сойдетесь!

Сказалъ это и пошелъ путемъ-дорогой въ казначейство подать вносить.

Digitized by Google

Подѣйствовали ли на сражающихся Иванушкины слова, или пороху для продолженія битвы недостало, только вложили бойцы мечи въ ножны и задумались.

Думали, впрочемъ, больше Добродѣтели, потому что у нихъ съ голоду животы подвело; а Пороки, какъ протрубили трубы отбой, такъ сейчасъ же по своимъ прежнимъ канальскимъ дѣламъ разбрелись и опять на славу зажили.

— Хорошо ему про «свойства» говорить! первое молвило Смиреномудріе: — мы и сами не плоше его эти «свойства» знаемъ! Да вотъ одни свойства въ бархатѣ щеголяютъ и на золотѣ ѣдятъ, а другія въ затрапезѣ ходятъ, да по цѣлымъ днямъ не ѣвши сидятъ. Иванушкѣ-то съ полàгоря: онъ набилъ мамонъ мякиной и правъ; а насъ вѣдь на мякинѣ не проведешь — мы знаемъ, гдѣ раки зимуютъ!

— Да и что за «свойства» такія проявились! встревожилось Благочиніе: — нѣтъ ли тутъ порухи какой! Всегда были Добродѣтели и были Пороки, сотни тысячъ лѣтъ это дѣло ведется и сотни тысячъ томовъ объ этомъ написаны, а онъ, натко сразу рѣшилъ: «свойства»! Нѣтъ, ты попробуй, приступись-ка къ этимъ сотнямъ тысячъ томовъ, такъ и увидишь, какая отъ нихъ пыль столбомъ полетитъ!

Судили, рядили и, наконецъ, разсудили: Благочиніе правду сказало. Сколько тысячъ вѣковъ Добродѣтели числились Добродѣтелями, и Пороки — Пороками! сколько тысячъ книгъ объ этомъ написано, какая масса бумаги и чернилъ изведена! Добродѣтели всегда одесную стояли, Пороки — ошуйю; и вдругъ, по дурацкому Иванушкину слову, отъ всего откажись и назовись какими-то «свойствами»! Вѣдь это почти то же, что отъ правъ состоянія отказаться и «человѣкомъ» назваться! Просто-то оно, конечно, просто, да вѣдь иная простота хуже воровства. Поditко спроста-то коснись, анъ съ перваго же шага въ такое несметное множество капкановъ попадешь, что и голову тамъ, пожалуй, оставишь!

Нѣтъ, о «свойствахъ» думать нечего, а вотъ компромиссъ какой-нибудь сыскать — или, какъ по-русски зовется, фортель — это, пожалуй, дѣльно будетъ. Такой фортель, который и Добродѣтели бы возвеселилъ, да и Порокамъ бы по нраву пришелся. Потому что вѣдь и Порокамъ подчасъ жутко приходится. Вонъ намеднись Любострастіе съ поличнымъ въ банѣ поймали, протоколъ составили; да въ ту же ночь Прелюбодѣяніе въ одномъ

Digitized by Google

бѣльѣ съ лѣстницы спустили. Вольномысліе-то давно ли пышнымъ цвѣтомъ цвѣло, а теперь его съ корнемъ вырвали! Стало быть и Порокамъ на фортель пойти небезвыгодно. Милостивые государи! милостивыя государыни! не угодно ли кому предложить: у кого на примѣтѣ «средствице» есть?

На вызовъ этотъ прежде всѣхъ выступилъ древній старичокъ, Опытомъ называемый (есть два Опыта: одинъ порочный, а другой добродѣтельный, такъ этотъ добродѣтельный былъ). И предложилъ онъ штуку: «Отыщите, говоритъ, такое сокровище, которое и Добродѣтели бы уважило, да и отъ Пороковъ было бы не прочь. И пошлите его парламентёромъ во вражескій лагерь».

Стали искать и, разумѣется, нашли. Нашли двухъ бобылокъ: Умѣренность и Аккуратность. Обѣ на задворкахъ въ добродѣтельскихъ селеніяхъ жили, сиротскій надѣлъ держали, но торговали корчемнымъ виномъ и потихоньку Пороки у себя принимали.

Однако, первый блинъ вышелъ комомъ. Бобылки были и мало представительны, и слишкомъ податливы, чтобъ выполнить возложенную на нихъ задачу. Едва появились они въ лагерѣ Пороковъ, едва начали канитель разводить: по маленьку-то покойнѣе, а потихоньку—вѣрнѣе, какъ Пороки всѣмъ скопищемъ загалдѣли:

— Слыхали мы-ста прибаутки-то эти! давно вы съ ними около насъ похаживаете, да не въ коня кормъ! Уходите съ Богомъ, бобылки, не проѣдайтесь!

И какъ бы для того, чтобы доказать Добродѣтелямъ, что ихъ на кривой не объѣдешь, на всю ночь закатились въ трактиръ Самаркандъ, а подъ утро, расходясь оттуда, поймали Воздержаніе и Непрелюбысотвореніе, и поступили съ ними до такой степени низко, что даже татары изъ Самарканда дивились: хорошіе господа, а что̀ дѣлаютъ!

Поняли тогда Добродѣтели, что дѣло это серьёзное и надо за него настоящимъ манеромъ взяться.

Произросло между ними, въ ту пору, существо средняго рода: ни ракъ, ни рыба, ни курица, ни птица, ни дама, ни кавалеръ, а всего по маленьку. Произросло, выравнялось и расцвѣло. И было этому межеумку имя тоже средняго рода: Лицемѣріе...

Digitized by Google

Все въ этомъ существѣ было загадкою, начиная съ происхожденія. Сказывали старожилы, что однажды Смиреніе съ Любострастіемъ въ темномъ корридорѣ спознались, и отъ этого произошелъ плодъ. Плодъ этотъ Добродѣтели сообща выкормили и выпоили, а потомъ и въ пансіонъ къ француженкѣ Комильфо отдали. Догадку эту подтверждалъ и наружный видъ Лицемѣрія, потому что, хотя оно ходило не иначе, какъ съ опущенными долу глазами, но прозорливцы не разъ примѣчали, что по лицу его частенько пробѣгаютъ любострастныя тѣни, а поясница, при случаѣ, даже очень не хорошо вздрагиваетъ. Несомнѣнно, что въ этомъ наружномъ двоегласіи въ значительной мѣрѣ былъ виноватъ пансіонъ Комильфо. Тамъ Лицемѣріе всѣмъ главнымъ наукамъ выучилось: и «какъ по стрункѣ ходить», и «какъ водой не замутить», и «какъ безъ мыла въ душу влѣзть»; словомъ сказать, всему, что добродѣтельное житіе обезпечиваетъ. Но въ тоже время оно не избѣгло и вліянія канкана, которымъ и стѣны, и воздухъ пансіона были пропитаны. Но, кромѣ того, мадамъ Комильфо еще и тѣмъ подгадила, что сообщила Лицемѣрію подробности объ его родителяхъ. Объ отцѣ (Любострастіи) сознавалась, что онъ былъ мове-тонъ и дерзкій — ко всѣмъ щипаться лѣзъ! Объ матери (Смиреніе) — что она хотя не имѣла блестящей наружности, но такъ мило вскрикивала, когда ее щипали, что даже и нерасположенные къ щипанію Пороки (каковы: Мздоимство, Любоначаліе, Уныніе и проч.) — и они не могли отказать себѣ въ этомъ удовольствіи.

Вотъ это-то среднее существо, глаза долу опускающее, но и изъ-подъ закрытыхъ вѣкъ блудливо окрестъ высматривающее, и выбрали Добродѣтели, чтобъ войти въ переговоры съ Пороками, и такой общій modus vivendi изобрѣсти, при которомъ и тѣмъ, и другимъ было бы жить вольготно.

— Да ты по нашему-то умѣешь ли? вздумало-было предварительно проэкзаменовать его Галантерейное Обращеніе.

— Я-то? изумилось Лицемѣріе: — да я вотъ какъ...

И не успѣли добродѣтели опомниться, какъ у Лицемѣрія ужь и глазки опущены, и руки на груди сложены, и румянчикъ на щечкахъ играетъ... дѣвица, да и шабашъ!

— Ишь, дошлая! ну, а по ихнему, по порочному... какъ?

Но Лицемѣріе даже не отвѣтило на этотъ вопросъ. Въ одинъ моментъ оно учинило нѣчто ни для кого явственно не видимое,

Digitized by Google

но до какой степени достовѣрное, что Прозорливство только сплюнуло: тьфу!

И затѣмъ, всѣ одинаково рѣшили: написать у нотаріуса Бизяева общую довѣренность для хожденія по всѣмъ добродѣтельскимъ дѣламъ и вручить ее Лицемѣрію.

Взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ: какъ ни горько, а пришлось у Пороковъ пардону просить. Идетъ Лицемѣріе въ ихній подлый вертепъ и отъ стыда не знаетъ, куда глаза дѣвать. «Вездѣ-то нынче это паскудство развелось! жалуется оно вслухъ, а мысленно прибавляетъ:—ахъ, хорошо Пороки живутъ!» И точно, не успѣло Лицемѣріе съ версту отъ добродѣтельской резиденціи отойти, какъ ужь со всѣхъ сторонъ на него разливаннымъ моремъ пахнуло. Смѣхи, да пляски, да игры—стонъ отъ веселья стоитъ. И городъ какой отмѣнный Пороки для себя выстроили: просторный, свѣтлый, съ улицами и переулками, съ площадями и бульварами. Вотъ улица Лжесвидѣтельства, вотъ площадь Предательства, а вотъ и Срамной бульваръ. Самъ отецъ Лжи тутъ сидѣлъ и изъ лавочки клеветой распивочно и на выносъ торговалъ.

Но какъ ни весело жили Пороки, какъ ни опытны они были въ всякихъ канальскихъ дѣлахъ, а увидѣвши Лицемѣріе, и они ахнули. Съ виду—ни дать, ни взять сущая дѣвица; но точно ли сущая— этого и самъ чортъ не разберетъ. Даже отецъ Лжи, который думалъ, что нѣтъ въ мірѣ той подлости, которой бы онъ не произошелъ,—и тотъ глаза вытаращилъ.

— Ну, говоритъ:—это я объ себѣ напрасно мечталъ, будто вреднѣе меня на свѣтѣ никого нѣтъ. Я — что! вотъ онъ, настоящій-то ядъ, гдѣ! Я больше нахаломъ норовлю—оттого меня, хоть и не часто, а все-таки отъ времени до времени съ лѣстницы въ три шеи спускаютъ; а это сокровище, коли прильнетъ,—отъ него ужь не отвертишься! Такъ тебя опутаетъ, такъ окружитъ, что покуда всѣ соки не вызудитъ—не выпуститъ!

Тѣмъ не менѣе, какъ ни великъ былъ энтузіазмъ, возбужденный Лицемѣріемъ, однако, и тутъ безъ розни не обошлось. Пороки солидные (аборигены), паче всего дорожившіе преданіями старины, какъ напримѣръ: Суемудріе, Пустомыслiе, Гордость. Человѣконенавистничество и проч. нетолько сами не пошли навстрѣчу Лицемѣрію, но и другихъ остерегали.

— Истинный порокъ не нуждается въ прикрытіи, говорили

Digitized by Google

они:—но самъ свое знамя высоко и грозно держитъ. Что существенно-новаго можетъ открыть намъ Лицемѣріе, чего бы мы, отъ начала вѣковъ, не знали и не практиковали?—положительно ничего. Напротивъ, оно научитъ насъ опаснымъ изворотамъ и заставитъ насъ ежели не прямо стыдиться самихъ себя, то, во всякомъ случаѣ, показывать видъ, что мы стыдимся. Caveant consules! До сихъ поръ у насъ было достаточно твердыхъ и вѣрныхъ послѣдователей, но вѣдь они, видя наши извороты, могутъ сказать: должно быть, и впрямъ Порокамъ туго пришлось, коль-скоро они сами отъ себя отрицаться должны! И отвернутся отъ насъ, вотъ увидите—отвернутся.

Такъ говорили заматерѣлые Пороки-Катоны, не признававшіе ни новыхъ вѣяній, ни обольщеній, ни обстановокъ. Родившись въ навозѣ, они предпочитали задохнуться въ немъ, лишь бы не отступить отъ старообѣческихъ преданій.

За ними шла другая категорія Пороковъ, которые тоже не выказали особеннаго энтузіазма при встрѣчѣ съ Лицемѣріемъ, но не потому, однако, чтобы послѣднее претило имъ, а потому, что они уже и безъ посредства Лицемѣрія состояли въ секретныхъ отношеніяхъ съ Добродѣтелями. Сюда принадлежали: Измѣна, Вѣроломство, Предательство, Наушничество, Ябеда и проч. Они не разразились кликами торжества, не рукоплескали, не предлагали здравицъ, а только подмигнули глазомъ: милости просимъ!

Какъ бы то ни было, но торжество Лицемѣрія было обезпечено. Молодежь, въ лицѣ Прелюбодѣянія, Пьянства, Объяденія, Распутства, Мордобитія и проч., сразу созвала сходку и встрѣтила парламентёра такими овоціями, что Суемудріе тутъ же нашлось вынужденнымъ прекратить свою воркотню навсегда.

— Вы только мутите всѣхъ, старые пакостники! кричала старикамъ молодежь.—Мы жить хотимъ, а вы унынію наводите! Мы въ христоматію попадемъ (это, въ особенности, льстило), въ салонахъ блистать будемъ! насъ старушки будутъ любить!

Словомъ сказать, почва для соглашенія была сразу найдена, такъ что когда Лицемѣріе, возвратившись во свояси, отдало Добродѣтелямъ отчетъ о своей миссіи, то было единогласно признано, что всякій поводъ для существованія Добродѣтелей и Пороковъ, какъ отдѣльныхъ и враждебныхъ другъ другу группъ, устраненъ навсегда. Тѣмъ не менѣе, старую номенклатуру упразд-

Digitized by Google

нить не рѣшались—почемъ знать, можетъ быть, и опять понадобится?—но положили употреблять ее съ такимъ разсчетомъ чтобы всѣмъ было видимо, что она прикрываетъ собой одинъ только прахъ.

Съ тѣхъ поръ, пошло между Добродѣтелями и Пороками гостепріимство великое. Захочетъ Распутство побывать въ гостяхъ у Воздержанія, возьметъ подъ ручку Лицемѣріе,—и Воздержаніе уже издали, завидѣвъ ихъ, привѣтствуетъ:

— Милости просимъ! покорно прошу! У насъ про васъ...

И наоборотъ. Захочетъ Воздержаніе у Распутства постненькимъ полакомиться, возьметъ подъ ручку Лицемѣріе, а у Распутства ужь и двери всѣ настежь:

— Милости просимъ! покорно прошу! У насъ про васъ...

Въ постные дни постненькимъ подчуютъ, въ скоромные—скоромненькимъ. Одной рукой крестное знаменіе творятъ, другой—неистовствуютъ. Одно око горѣ возводятъ, другимъ—непрестанно вождѣлѣютъ. Впервые, Добродѣтели сладости познали, да и Пороки не остались въ убыткѣ. Напротивъ, всѣмъ и каждому говорятъ: никогда у насъ такихъ лакомствъ не бывало, какими теперь по̀ходя жуируемъ!

А Иванушка-Дурачекъ и о сю пору не можетъ понять: отчего Добродѣтели и Пороки такъ охотно помирились на Лицемѣріи, тогда какъ гораздо естественнѣе было бы сойтись на томъ, что и тѣ, и другіе, суть «свойства»—только и всего.

III. Обманщикъ-газетчикъ и легковѣрный читатель.

Жилъ-былъ газетчикъ и жилъ-былъ читатель. Газетчикъ былъ обманщикъ—все обманывалъ, а читатель былъ легковѣрный—всему вѣрилъ. Такъ ужь изстари повелось на свѣтѣ: обманщики обманываютъ, а легковѣрные вѣрятъ. Suum cuique.

Сидитъ газетчикъ въ своей берлогѣ и знай-себѣ обманываетъ да обманываетъ. «Берегитесь! говоритъ:—дифтеритъ обывателей коситъ!» «Дождей, говоритъ, съ самаго начала весны нѣтъ—того гляди, безъ хлѣба останемся!» «Пожары деревни и города истребляютъ!». «Добро казенное и общественное врозь тащатъ!»

Digitized by Google

А читатель читаетъ и думаетъ, что газетчикъ ему глаза открываетъ. «Такая, говоритъ, ужь у насъ свобода книгопечатанія, куда не взгляни—вездѣ либо дифтеритъ, либо пожаръ, либо неурожай»...

Дальше-больше. Смекнулъ газетчикъ, что его обманы по сердцу читателю пришлись—началъ еще пуще поддавать. «Никакой, говоритъ, у насъ обезпеченности нѣтъ! не выходи, говоритъ, читатель на улицу — какъ разъ въ кутузку попадешь»! А легковѣрный читатель идетъ гоголемъ по улицѣ и приговариваетъ: «ахъ, какъ вѣрно газетчикъ про нашу необезпеченность выразился»! Мало того, другого легковѣрнаго читателя встрѣтитъ, и того спроситъ: «а читали вы, какъ прекрасно сегодня на счетъ нашей необезпеченности газетчикъ продёрнулъ»? — «Какъ не читать! отвѣтитъ другой легковѣрный читатель: — безподобно! Нельзя, именно нельзя у насъ по улицамъ ходить — сейчасъ въ кутузку попадешь!»

И всѣ свободой книгопечатанія не нахвалятся. «Не знали мы, что у насъ вездѣ дифтеритъ, хоромъ поютъ легковѣрные читатели: — анъ оно вонъ что!» И такъ имъ отъ этой увѣренности на душѣ легко стало, что скажи теперь этотъ самый газетчикъ, что дифтеритъ былъ да весь вышелъ, пожалуй, и газетину его перестали бы читать.

А газетчикъ этому радъ, потому что для него обманъ—прямая выгода. Истина-то не всякому достается—поди, добивайся!—пожалуй, за нее и десятью копеечками со строчки не отбояришься! то ли дѣло обманъ! Знай пиши да обманывай. Пять копеекъ со строчки—цѣлые вороха обмановъ со всѣхъ сторонъ тебѣ нанесутъ!

И такая у газетчика съ читателемъ дружба завелась, что и водой ихъ не разольешь. Что больше обманываетъ газетчикъ, то больше богатѣетъ (а обманщику чего же другого и нужно!), а читатель, что больше его обманываютъ, то больше пятаковъ газетчику несетъ. И распивочно, и на выносъ—всяко газетчикъ копейку зашибаетъ!

«Штановъ не было! говорятъ про него завистники: — а теперь, смотрите, какъ козыряетъ! «льстеца» себѣ нанялъ! разсказчика изъ народнаго быта завелъ! Блаженствуетъ!»

Пробовали-было, другіе газетчики истиной его подкузьмить—авось, дескать, и на нашу привàду подписчикъ побѣжитъ—такъ

Digitized by Google

куда тебѣ! Не хочетъ ничего знать читатель, только одно и твердитъ:

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ...

Долго ли, коротко ли такъ дѣло шло, но только нашлись добрые люди, которые пожалѣли легковѣрнаго читателя. Призвали обманщика-газетчика и говорятъ ему: будетъ съ тебя, безстыжій и невѣрный человѣкъ! До сихъ поръ, ты торговалъ обманомъ, а отнынѣ — торгуй истиной!

Да кстати и читатели начали понемножку отрезвляться, стали цыдулки газетчику посылать. Гулялъ, дескать, я сегодня съ дочерью по Невскому, думалъ на Съѣзжей ночевать (дочка даже бутербродами, на случай, запаслась, говорила: ахъ какъ весело!), а вмѣсто того благополучно оба воротились домой... Такъ какъ же, молъ, такой утѣшительный фактъ съ вашими передовицами объ нашей необезпеченности согласовать?

Натурально, газетчикъ, съ своей стороны, только того и ждалъ. Признаться сказать, ему и самому надоѣло все обманывать. Сердце-то у него давно ужь къ истинѣ склонялось, да что же подѣлаешь, коли читатель только на обманъ клюётъ! Плачешь да обманываешь. Теперь же, когда къ нему со всѣхъ сторонъ съ ножемъ къ горлу пристаютъ, чтобъ онъ истину говорилъ — что-жь, онъ готовъ! Истина, такъ истина, чортъ побери! Обманомъ два каменныхъ дома нажилъ, а остальные два каменные дома приходится истиной наживать!

И началъ онъ каждый день читателя истиной донимать! Нѣтъ дифтерита да и шабашъ! И кутузокъ нѣтъ, и пожаровъ нѣтъ; если же и выгорѣлъ Конотопъ, такъ послѣ пожара онъ еще лучше выстроился. А урожай, благодаря наступившимъ теплымъ дождямъ, оказался такой, что и сами ѣли-ѣли, да наконецъ, и нѣмцамъ стали подъ столъ бросать: подавись!

Но что всего замѣчательнѣе, печатаетъ газетчикъ только истину, а за строку все пять копеекъ платитъ. И истина въ цѣнѣ упала съ тѣхъ поръ, какъ стали ею распивочно торговать. Выходитъ, что истина, что обманъ — все равно, цѣна грошъ. А газетные столбцы нетолько не сдѣлались отъ того скучнѣе, но еще больше оживились. Потому что вѣдь ежели благорастворѐніе воздуховъ вплотную раздѣлывать начать — это такая картина гыйдетъ, что отдай все да и мало!

Digitized by Google

Наконецъ, читатель окончательно отрезвился и прозрѣлъ. И прежде ему не дурно жилось, когда онъ обманъ за истину принималъ, а теперь ужь и совсѣмъ отъ сердца отлегло. Въ булочную зайдетъ—тамъ ему говорятъ: надо быть, со временемъ хлѣбъ дешевъ будетъ! въ курятную лавку заглянетъ — тамъ ему говорятъ: надо быть, со временемъ рябчики ни почемъ будутъ!

— Ну, а покудова какъ?

— Покудова, рубль двадцать копеечекъ за пару!

Вотъ какой, съ Божьею помощью, поворотъ!

И вотъ, однажды, вышелъ легковѣрный читатель франтомъ на улицу. Идетъ, «въ надеждѣ славы и добра», и тросточкой помахиваетъ: знайте, молъ, что отъ нынѣ я вполнѣ обезпеченъ!

Но на этотъ разъ, какъ на грѣхъ, произошло слѣдующее:

Не успѣлъ онъ нѣсколько шаговъ сдѣлать, какъ случилась юридическая ошибка, и его посадили въ кутузку.

Тамъ онъ цѣлый день просидѣлъ не ѣвши. Потому что хоть его и потчивали, но онъ посмотрѣлъ-посмотрѣлъ, да только молвилъ: вотъ они, урожаи-то наши, каковы!

Тамъ же онъ схватилъ дифтеритъ.

Разумѣется, на другой день юридическая ошибка объяснилась и его выпустили на поруки (не ровѣнъ случай, и опять понадобится). Онъ возвратился домой, и умеръ.

А газетчикъ-обманщикъ и сейчасъ живъ. Четвертый каменный домъ подъ крышу подводитъ, и съ утра до вечера объ одномъ думаетъ: чѣмъ ему напредки легковѣрнаго читателя ловчѣе обманывать: обманомъ или истиною?

Н. Щедринъ

Digitized by Google

А. В. ДРУЖИНИНЪ,

КАКЪ ОСНОВАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНАГО ФОНДА.

Двадцатипятилѣтіе литературнаго фонда представляетъ естественный поводъ вспомнить объ Александрѣ Васильевичѣ Дружининѣ, которому это учрежденіе обязано своимъ существованіемъ.

Мысль о литературномъ фондѣ, по словамъ Тургенева (въ его рѣчи 2 февраля 1864 г.), пришла Дружинину раньше чѣмъ кому нибудь изъ его сверстниковъ. Ему же принадлежитъ и самое его названіе, взятое съ англійскаго. Изучая съ особенною любовью англійскую литературу и ея нравы, Дружининъ обратилъ вниманіе на старинное учрежденіе, подъ названіемъ *literary fund*, имѣющее цѣлью помогать инвалидамъ науки и литературы, и задумалъ основать такое же учрежденіе у насъ. Мысль эта впервые была высказана въ литературномъ кружкѣ, собиравшемся въ 1850-хъ годахъ у графа Гр. А. Кушелева-Безбородко въ его домѣ на Гагаринской набережной, принадлежащемъ теперь князю М. С. Волконскому. Постоянными посѣтителями этихъ собраній были: Мей, Кроль, Благосвѣтловъ, В. Курочкинъ, Гербель, Льховскій; бывали также Дружининъ, Писемскій, П. В. Анненковъ, И. А. Гончаровъ, А. А. Краевскій, Я. П. Полонскій. Въ дневникѣ Дружинина, 14 ноября 1856 г., находимъ слѣдующую замѣтку:

«Вчера я, Гончаровъ, Анненковъ, Льховскій и Кроль обѣдали у Кушелева. Говорили о его изданіи, а я высказалъ свою

Digitized by Google

мысль о *literary fund*. Кто знаетъ, можетъ быть этой мысли еще суждена большая будущность».

О своихъ предположеніяхъ Дружининъ писалъ Тургеневу въ Парижъ, указывая на графа Кушелева-Безбородко и другихъ лицъ, которыя по своимъ средствамъ и положенію могли бы быть полезны для дѣла. Тургеневъ въ письмѣ 5 (17) дек. 1856 г., напечатанномъ въ только что вышедшемъ сборникѣ его писемъ, отвѣчалъ, что Кушелевъ... «богатъ, и потому можетъ быть полезенъ;... а Алексѣй Толстой, прекраснѣйшій и благороднѣйшій малый, можетъ быть полезенъ своимъ вліяніемъ».

Мысль Дружинина продолжала развиваться, и въ дневникѣ его 23 января 1857 г. читаемъ слѣдующія строки:

«Былъ обѣдъ у гр. Кушелева-Безбородко для положенія основанія литературному фонду. Но сей юноша, одушевленный добрыми намѣреніями, жертвуетъ въ пользу фонда лишь несуществующій доходъ съ несуществующаго журнала, а потому вся исторія на томъ покуда сѣла. Равнымъ образомъ идея о благородномъ спектаклѣ пока еще не получила должнаго хода».

Особенно дѣятельное участіе Дружинина въ осуществленіи его мысли выразилось въ его большой и хорошо обдуманной статьѣ: *Нѣсколько предположеній по устройству русскаго литературнаго фонда для пособія нуждающимся лицамъ ученаго и литературнаго круга*, напечатанной съ подписью *N.* въ ноябрьской книжкѣ «Библіотеки для чтенія» 1857 г., и пропущенной въ собраніи его сочиненій. Мысли, высказанныя въ этой статьѣ, послужили главнымъ основаніемъ устава Общества и характера его дѣятельности. Дружининъ особенно совѣтуетъ избѣгать торжественности, рѣчей и обѣдовъ, а вести дѣло скромно и просто, но съ постояннымъ содѣйствіемъ всѣхъ русскихъ писателей и ученыхъ. «Пособія изъ доходовъ фонда—говоритъ онъ—должны производиться, по русскому обычаю, тихо и дружественно, безъ обиднаго высокомѣрія, безъ формальностей, такъ тягостныхъ для человѣка, нуждающагося въ помощи. Чѣмъ болѣе такія пособія будутъ имѣть характеръ простой и, такъ сказать, *товарищескій*, тѣмъ благотворнѣе окажется ихъ значеніе, тѣмъ менѣе хлопотъ потребуютъ они для ихъ выполненія». Находя, что русское общество не такъ богато, чтобъ жертвовать огромные капиталы въ пособіе инвалидамъ науки и литерату-

Digitized by Google

ры, а русскій учёно-литературный кругъ не такъ великъ и бѣденъ, чтобъ на пособія его инвалидамъ требовались огромныя суммы, Дружининъ приходитъ къ заключенію, что для учрежденія литературнаго фонда не требуется ни большихъ усилій, ни обременительныхъ пожертвованій. Онъ особенно опасался блистательнаго начала, предвидя вслѣдъ за первымъ неразсчетливымъ порывомъ оскудѣніе средствъ, которое дѣйствительно пришлось пережить нашему Обществу. Признавая незначительные вносы лучшимъ средствомъ къ основанію литературнаго фонда, онъ разсчитывалъ на доходъ, который могли бы доставить газеты и журналы, жертвуя хотя по 1 коп. съ подписчика, сотрудники, отдавая по рублю съ оригинальной статьи и 50 коп. съ переводной, и книгопродавцы и издатели, удѣляя хоть по 1 коп. за проданный экземпляръ новой книги. Случайными источниками дохода Дружининъ считалъ подписки, которыя, могли бы быть открываемы при журналахъ и газетахъ, (мысль, неоднократно приводившаяся въ исполненіе, и въ текущемъ году съ большимъ успѣхомъ «Русскими Вѣдомостями»), изданіе сборниковъ изъ даровыхъ статей, чтенія и лекціи. Для наблюденія за доходами и правильностью расхода, Дружининъ полагалъ избрать распорядительный комитетъ изъ самыхъ дѣятельныхъ учредителей и вкладчиковъ, спеціально знакомыхъ съ литературой и имѣющихъ связи во всѣхъ журнальныхъ редакціяхъ. Совѣтъ Дружинина воздерживаться отъ всякой траты на дѣлопроизводство исполненъ въ точности: въ теченіи 25 лѣтъ на дѣлопроизводство не истрачено ни копѣйки изъ суммъ фонда. Но разсчетливость, по мнѣнію Дружинина, не должна быть переносима на самое распредѣленіе пособій. «Какъ бы ни былъ малъ ежегодный доходъ учрежденія, — говоритъ онъ, — *пособій мелкихъ производиться не можетъ.* Ни пенсій, простирающихся до трехъ рублей въ мѣсяцъ, ни единовременныхъ выдачъ размѣромъ въ десять цѣлковыхъ литературный фондъ не долженъ себѣ дозволять. Если онъ откроетъ свой кругъ дѣйствія подобными благодѣяніями, дѣло придетъ къ худшему изо всѣхъ концовъ, то-есть будетъ осмѣяно всѣми». Основной и неприкосновенный капиталъ фонда Дружининъ считаетъ зерномъ всего учрежденія, залогомъ его будущности, «быть можетъ, блистательной». По мнѣнію Дружинина съ расширеніемъ круга дѣйствій предпріятія при полномъ его

Digitized by Google

успѣхѣ, должно увеличиться и нравственное вліяніе литературнаго фонда, и польза, приносимая имъ дѣлу русскаго просвѣщенія. Литературный фондъ, представляя единственное учрежденіе, въ которомъ соединяются въ одинъ общій центръ друзья просвѣщенія, можетъ оказать величайшее вліяніе на литературу, и долженъ замѣнить собою частныхъ меценатовъ былаго времени.

Проектъ устава поручено было составить А. В. Никитенко; но онъ медлилъ, а между тѣмъ назрѣвшая мысль требовала скорѣйшаго осуществленія. Составленные имъ наброски устава, найденные неудовлетворительными, были переданы А. П. Заблоцкому-Десятовскому и К. Д. Кавелину, которые составили его въ одинъ день. Этою поспѣшностью объясняются отчасти нѣкоторые промахи, незамѣченные учредителями при обсужденіи устава и ускользнувшіе даже при окончательномъ его разсмотрѣніи въ комитетѣ министровъ. Наиболѣе существенный изъ недосмотровъ, исправленный въ первомъ же годовомъ собраніи 2 февраля 1861 г., заключается въ противорѣчіи между §§ 20, 42 и 44, уже указанномъ въ «Лѣтописи Общества». Въ дальнѣйшемъ обсужденіи и составленіи устава приняли участіе и остальные учредители Общества. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ находимъ въ статьѣ Дружинина *По поводу послѣдняго собранія членовъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ*, напечатанной безъ имени автора въ февральской книжкѣ «Библіотеки для чтенія» 1860 г., и также пропущенной въ собраніи его сочиненій. По словамъ Дружинина, 11 членовъ-учредителей болѣе года занимались составленіемъ устава Общества, и хорошо знали, что ихъ трудъ не обойдется безъ недосмотровъ и ошибокъ, но поступили совершенно практически, принявъ на себя полную отвѣтственность за всѣ могущіе случиться ошибки и недосмотры. «Обсуживая уставъ—продолжаетъ Дружининъ—они сообщили его проекты многимъ почтеннымъ литераторамъ Москвы и Петербурга, съ полной готовностью обсуждали идеи и возраженія всѣхъ особъ, заинтересованныхъ ходомъ дѣла,—но постоянно уклонялись отъ всякаго стремленія быть представителями всего общества литераторовъ и ученыхъ. Случай сблизилъ составителей устава, одна общая мысль случайно свела ихъ и посадила за дѣло, и эта случайность ихъ соединенія была лучшимъ отвѣтомъ на всѣ могущія

Digitized by Google

встрѣтиться претензіи. Общее составленіе устава черезъ посредство всѣхъ лицъ литературно-ученаго круга оказывалось невозможнымъ по многосложности, съ такимъ дѣломъ неразлучной.—стало быть, оставался одинъ скорый путь — сочиненіе этого устава лицами случайно соединившимися, безъ всякихъ правъ и претензій на представительство чьихъ либо интересовъ».

Проектъ устава подписанъ учредителями 2 февраля 1859 г. Это число и считается днемъ основанія Общества, въ который, по § 28 его устава, бываетъ годовое собраніе. 16-го того же февраля проектъ представленъ министру народнаго просвѣщенія Евграфу Петровичу Ковалевскому при прошеніи, которое подписали: Пав. Анненковъ, Степанъ Дудышкинъ, Ник. Чернышевскій, Александръ Дружининъ, Андрей Заблоцкій, Егоръ Ковалевскій, Алексѣй Галаховъ, Александръ Никитенко, К. Кавелинъ, А. Краевскій, Ив. Тургеневъ. Изъ этихъ 11 учредителей остается въ живыхъ только 5.

18 февраля проектъ устава былъ сообщенъ министру внутреннихъ дѣлъ, который 7 марта увѣдомилъ, что, по его мнѣнію, Общество, и по своему составу, и по цѣли, должно состоять въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, и что по разсмотрѣніи проекта устава, онъ не нашелъ въ немъ ничего несогласнаго ни съ существующими узаконеніями, ни съ уставами другихъ благотворительныхъ обществъ. 5 мая уставъ былъ разсмотрѣнъ главнымъ правленіемъ училищъ, и по Высочайшему повелѣнію внесенъ въ комитетъ министровъ, а 7 августа 1859 г. Высочайше утвержденъ съ незначительными измѣненіями, указанными въ «Лѣтописи Общества», напечатанной въ этомъ же сборникѣ. Упомянутыя 11 лицъ пригласили еще 66 литераторовъ, и такимъ образомъ число членовъ-учредителей возросло до 77. Въ числѣ ихъ не находился однако гр. Кушелевъ-Безбородко, въ кружкѣ котораго мысль о литературномъ фондѣ была впервые высказана и получила первоначальное развитіе. Онъ былъ предложенъ въ члены Дружининымъ въ 1861 г.

8 ноября члены-учредители собрались въ квартирѣ Ег. П. Ковалевскаго (по Мойкѣ, у Краснаго моста, д. Кочубея). Въ этомъ собраніи Общество объявлено открытымъ. Дѣятельность его началась избраніемъ членовъ Комитета, управляющаго дѣ-

Digitized by Google

лами Общества. Въ число требуемыхъ уставомъ 12 членовъ комитета избраны закрытыми записками по большинству голосовъ: К. Д. Кавелинъ, Ег. П. Ковалевскій, А. Д. Галаховъ, А. В. Дружининъ, И. С. Тургеневъ, П. В. Анненковъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, Н. Г. Чернышевскій, Е. И. Ламанскій, А. В. Никитенко, С. С. Дудышкинъ и А. А. Краевскій. Такимъ образомъ, кромѣ 11 учредителей, подписавшихъ проектъ устава, въ составъ комитета вошелъ еще Е. И. Ламанскій. По провозглашеніи этихъ именъ члены-учредители составили подписку жертвуемыхъ ими годовыхъ взносовъ, которая съ протоколомъ перваго собранія Общества была передана комитету. Того же числа члены Комитета имѣли первое засѣданіе, въ которомъ закрытыми записками избраны, по большинству голосовъ: предсѣдателемъ Ковалевскій, помощникомъ предсѣдателя К. Д. Кавелинъ, секретаремъ А. Д. Галаховъ и казначеемъ А. А. Краевскій.

Дружининъ въ первые два года существованія Общества былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Комитета. Въ засѣданіяхъ 18 ноября и 17 декабря 1859 года, Дружининъ, Некрасовъ, Панаевъ и А. А. Краевскій изъявили желаніе вносить въ пользу Общества, съ 1860 г., по копейкѣ съ каждаго подписчика на издававшіеся ими «Библіотеку для чтенія», «Современникъ» и «Отечественныя Записки»; графъ Гр. Кушелевъ-Безбородко предложилъ вносить по 25 к. съ каждаго пренумеранта на его журналъ «Русское слово», а П. В. Анненковъ заявилъ о желаніи А. П. Островскаго, Писемскаго и Тургенева читать публично свои произведенія для сбора въ пользу Общества. Немедленно была составлена программа чтенія, устройство котораго было поручено Тургеневу, К. Д. Кавелину и А. А. Краевскому. Чтеніе открывалось сценами изъ «Ричарда III» Шекспира въ переводѣ Дружинина, который предложилъ прочесть Б. М. Маркевичъ, славившійся тогда искусствомъ чтенія. Это первое публичное чтеніе, происходившее 10 января 1860 г. вечеромъ въ залѣ Пассажа, уступленномъ торговымъ домомъ Водова, Похитонова и Струговщикова, имѣло величайшій успѣхъ. Наибольшія оваціи выпали на долю Тургенева, который читалъ рѣчь о «Гамлетѣ и Донъ Кихотѣ», и встрѣченный шумными, неоднократно возобновлявшимися рукоплесканіями, долго не могъ начать чтеніе. Необыкновенный успѣхъ чтеній объяс-

Digitized by Google

няется прежде всего новостью ихъ для публики, которой впервые представлялась возможность видѣть и слышать самихъ авторовъ. Чтенія были необычнымъ дѣломъ и для писателей, которые впервые и не безъ замѣтнаго волненія лично являлись передъ публикою съ своими произведеніями. Многіе еще помнятъ, какъ дрожали Некрасовъ и Тургеневъ, какъ просили они избавить ихъ отъ лихорадочнаго ожиданія очереди и скорѣе выпустить на сцену. О необыкновенномъ успѣхѣ перваго литературнаго вечера говоритъ Дружининъ въ той же статьѣ «Библіотеки для чтенія»: «Вечеръ 10 января, устроенный на основаніяхъ совершенно новыхъ у насъ въ Россіи, стоитъ того, чтобъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Къ нему готовились долго и не безъ волненія, на этомъ вечерѣ достойнѣйшіе представители русской словесности имѣли войти въ личное соприкосновеніе съ публикою и какъ-бы выспросить ея мнѣніе о всемъ предпріятіи, въ силу котораго они соединились. Понятно, что неуспѣхъ перваго чтенія и нетолько неуспѣхъ, но простое въ немъ замѣшательство, малѣйшая къ нему холодность со стороны публики, были бы жестокимъ ударомъ всему Обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Одна минута утомленія слушателей повела бы къ fiasco, одна какая нибудь рѣзкая страница изъ прочитанныхъ статей была въ состояніи возбудить неблагопріятныя толкованія со стороны особъ, недружелюбно глядящихъ на словесность нашу. Ничего подобнаго не случилось. Весь вечеръ былъ однимъ рядомъ успѣховъ и непрерывнымъ выраженіемъ общаго участія къ дѣятельности новосформированнаго Общества. Требованія на билеты доходили до того, что будь втрое объемистѣе зала, выбранная для чтенія, въ ней не осталось бы ни одного пустаго мѣста».

Въ третьемъ засѣданіи Комитета, 18 ноября 1859 года, впервые былъ поднятъ вопросъ о пособіи тремъ лицамъ. Собраніе свѣдѣній о нихъ было поручено А. Д. Галахову, К. Д. Кавелину и Дружинину. По докладу послѣдняго назначена 6 декабря 1859 года матери и сестрѣ довольно извѣстнаго въ то время поэта пожизненная пенсія въ 180 рублей въ годъ.

Въ засѣданіи Комитета 8 января 1860 года, Ег. П. Ковалевскій предложилъ составлять краткія біографіи лицъ, которыя получили и будутъ получать отъ Общества вспомоществованія. Излагая ихъ ученыя и литературныя заслуги, которыя,

Digitized by Google

согласно §§ 5 и 11, даютъ право на пособія отъ Общества, біографіи эти показали бы и основанія, которыми комитетъ руководствовался въ назначеніи пособія. Дружинину была поручена біографія Крешева; но едва ли она была написана, такъ какъ ея не оказалось ни въ дѣлахъ комитета, ни въ бумагахъ Дружинина. Замѣтимъ кстати, что въ то же засѣданіе поручено составленіе біографій: П. А. Радищева (сына знаменитаго автора «Путешествія изъ С.-Петербурга въ Москву») Тургеневу, Дм. Н. Дубенскаго (ум. въ 1862 году, автора изслѣдованія о «Словѣ о полку Игоревѣ», бывшаго учителя Тургенева) А. Д. Галахову, И. С. Б—на и декабриста барона Штейнгеля П. В. Анненкову и В. Д. Я—ва К. Д. Кавелину. Біографіи эти не были написаны, и самое предложеніе о составленіи біографій не осуществилось. Въ засѣданіи 10 февраля 1860 года Дружининъ предложилъ издать «Памятную книжку Общества», которая содержала бы въ себѣ, кромѣ устава Общества, списокъ его членовъ и другія указанія. Изданіе книжки было поручено комитетомъ Дружинину и Н. Г. Чернышевскому; но предположеніе это также не осуществилось.

Общее собраніе, происходившее 2 февраля 1860 года въ квартирѣ министра народнаго просвѣщенія, занимаемой нынѣ шестою гимназіею, вызвало весьма оживленные толки въ обществѣ и литературѣ. По поводу этого собранія Дружининъ напечаталъ въ «Библіотекѣ для чтенія» 1860 г. горячую статью, о которой уже сказано выше. Въ этой статьѣ, написанной «съ любовью и свѣтлыми надеждами», онъ сдѣлалъ сводъ и оцѣнку главнѣйшихъ дѣйствій общества по 2 февраля 1860 года, и развилъ мысль, приведенную вслѣдъ затѣмъ въ исполненіе, объ учрежденіи неприкосновеннаго капитала. Предвидя, что, несмотря на блистательное начало, трудно разсчитывать на постоянное обиліе пожертвованій, Дружининъ настоятельно ставитъ вопросъ о неприкосновенномъ капиталѣ и находитъ, что его учрежденіе дало бы обществу значительную устойчивость, сдѣлало бы его доходы менѣе случайными, и могло бы внушить достаточнымъ ревнителямъ просвѣщенія мысль о соединеніи ихъ имени съ участью прочнаго постановленія на общую пользу. Ожиданіе это скоро осуществилось: стали поступать пожертвованія и назначаемыя по завѣщаніямъ суммы для обращенія въ неприкосновенный капиталъ, который въ настоящее

Digitized by Google

время, составляя сумму уже свыше 60,000 руб., служитъ обезпеченіемъ назначаемыхъ Обществомъ постоянныхъ и продолжительныхъ пособій. Говоря объ усиленіи денежныхъ средствъ Общества, Дружининъ особенно настаиваетъ на необременительности пожертвованій, и вполнѣ одобряетъ принятое комитетомъ разъ навсегда правило *не просить ничего и никого не вызывать на пожертвованія*. Правило это, принятое съ самаго начала Обществомъ и рѣзко отличающее его отъ другихъ благотворительныхъ учрежденій, остается и теперь однимъ изъ его коренныхъ принциповъ. Съ такимъ же сочувствіемъ говоритъ Дружининъ о принятой комитетомъ и неизмѣнившейся въ теченіи 25 лѣтъ системѣ дѣйствія относительно увеличенія числа членовъ Общества. Въ этомъ отношеніи иниціатива предоставлялась и предоставляется самимъ лицамъ, желающимъ войти въ составъ Общества; увеличеніе же списка членовъ чрезъ усиленныя приглашенія, вызовы и пріятельскія убѣжденія, по мнѣнію Дружинина, ничего не доказывало бы и не могло бы содѣйствовать успѣху дѣла.

Дѣятельность самого Дружинина въ Комитетѣ совершенно вѣрно обрисована Тургеневымъ въ рѣчи 2 февраля 1864 г., напечатанной въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1864 г., № 39, и пропущенной въ собраніи его сочиненій. «Тогдашнимъ его товарищамъ—говоритъ Тургеневъ—доселѣ памятны его постоянное трудолюбіе и безпристрастіе, его заботливое и терпѣливое вниманіе къ каждой сторонѣ предлагаемыхъ, часто сложныхъ вопросовъ и соображеній. Неподдѣльная любовь къ родной словесности, высокое чувство справедливости, уваженіе къ труду и къ труженикамъ, искреннее сочувствіе нуждѣ и горю высказывались въ каждомъ его словѣ—и съ неменьшей силой высказывалась также вражда ко всему ложному и недоброму».

Тогдашніе журналы Комитета также свидѣтельствуютъ о ревностной дѣятельности Дружинина, который, исполняя порученія Комитета, то ревизовалъ вмѣстѣ съ К. Д. Кавелинымъ суммы и приходорасходную книгу Общества, то собиралъ свѣдѣнія о просителяхъ, то, за отсутствіемъ секретаря (А. Д. Галахова), исправлялъ его должность, заботясь въ то же время объ увеличеніи средствъ Общества и числа его членовъ. Въ мартѣ 1860 г. Писемскій и П. И. Вейнбергъ предложили Коми-

Digitized by Google

тету устроить на Ѳоминой недѣлѣ одинъ или два спектакля въ пользу Общества. Комитетъ для содѣйствія имъ назначилъ Дружинина и Тургенева. Въ устройствѣ спектаклей помогалъ также актеръ М. А. Стрекаловъ. Они состоялись 14 и 18 апрѣля въ домѣ Руадзе (нынѣ Кононова), и доставили Обществу 3,578 рублей. 14 апрѣля былъ исполненъ «Ревизоръ» Гоголя съ замѣчательнымъ распредѣленіемъ ролей: Городничаго игралъ Писемскій, его жену И. С. Кони (по театру Сандунова), Шпекина Ѳ. Достоевскій, Хлестакова П. И. Вейнбергъ, Абдулина Ѳ. А. Кони, купцовъ: Тургеневъ, Дружининъ, В. Курочкинъ, А. А. Краевскій, Д. В. Григоровичъ, А. Н. Майковъ. 18 апрѣля были представлены «Провинціалка» Тургенева съ В. В. Мичуриной (Самойловой) въ роли Дарьи Ивановны и П. И. Вейнбергомъ въ роли графа Любина, и «Женитьба» Гоголя, въ которой роль Подколесина исполнялъ Писемскій, Кочкарева П. И. Вейнбергъ и Старикова Ѳ. А. Кони.

Въ первомъ годовомъ собраніи 2 февраля 1861 г. Комитетъ въ обновленномъ составѣ избралъ предсѣдателемъ Ег. П. Ковалевскаго, помощникомъ Дружинина, секретаремъ П. М. Ковалевскаго и казначеемъ П. Л. Лаврова.

Сильное общественное движеніе, достигшее у насъ наибольшаго развитія между 1860 и 1863 г., не могло не коснуться литературнаго фонда, естественно отражавшаго на своемъ личномъ составѣ колебанія общественной мысли, и выразилось въ направленіи, которое желалъ дать Обществу П. Л. Лавровъ. Онъ проводилъ мысль, чтобы Комитетъ при обсужденіи правъ на пособіе, принималъ въ соображеніе образъ мыслей и направленіе писателя. Хотя эта мысль не раздѣлялась большинствомъ членовъ Комитета, но она повліяла на охлажденіе къ Обществу многихъ его членовъ. Дружининъ, всегда спокойно выслушивавшій всякія мнѣнія, насмѣшливо относился къ такому взгляду, и говорилъ, что Лавровъ готовъ наградить всякаго, кто обругаетъ или побьетъ городоваго. Разладъ въ самой литературѣ, раздѣлившейся на враждебные лагери, также вредно отразился на Обществѣ, отъ котораго прежде всего отпали многіе московскіе члены, а нѣкоторые, даже пріятели Дружинина, какъ напримѣръ В. П. Боткинъ, обратились въ злѣйшихъ враговъ Общества.

Въ это время здоровье Дружинина уже начинало измѣнять

Digitized by Google

ему: онъ не всегда могъ являться въ засѣданія Комитета, и хотя провелъ все лѣто въ своемъ Гдовскомъ имѣніи, но силы не возвращались. Съ 26 мая онъ уже не присутствовалъ ни въ одномъ изъ засѣданій Комитета, а 1 февраля 1862 г. прислалъ на имя предсѣдателя Общества слѣдующее письмо:

«Не видя, по состоянію моего здоровья, близкой для себя возможности принимать участіе въ трудахъ Комитета Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, и хорошо зная, на сколько Комитету, при постоянно усиливающейся его дѣятельности, необходимъ постоянный трудъ каждаго изъ его членовъ, — я имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство объ исходатайствованіи мнѣ дозволенія выбыть изъ числа членовъ Комитета».

Во второмъ годичномъ собраніи, происходившемъ не 2, а 12 февраля 1862 г., былъ избранъ на мѣсто Дружинина, на оставшійся ему годъ, Некрасовъ.

Участіе Дружинина въ дѣлахъ Общества выразилось въ послѣдній разъ на выборахъ въ годовомъ собраніи 2 февраля 1863 года. Не имѣя уже силъ быть въ этомъ собраніи, онъ прислалъ Ег. П. Ковалевскому письмо, которымъ просилъ при баллотировкѣ новыхъ членовъ Комитета присоединить его голосъ за Ег. П. Ковалевскаго, Бенедиктова, Б. Утина и Ѳ. Достоевскаго. Съ тѣхъ поръ Дружининъ уже не могъ участвовать въ дѣятельности Общества, медленно угасая отъ чахотки. Онъ скончался 19 января 1864 г. на сороковомъ году жизни.

Ближайшее общее собраніе 2 февраля 1864 г. было посвящено памяти Дружинина. Оно было открыто рѣчью о немъ Тургенева, изъ которой мы привели нѣсколько строкъ, а нѣкоторые изъ членовъ предложили въ память Дружинина назвать одну изъ выдаваемыхъ Обществомъ пенсій Дружининскою. Общество единогласно приняло это предложеніе, и поручило Комитету привести оное въ исполненіе, а въ засѣданіи Комитета 24 февраля именемъ Дружинина названа старѣйшая пенсія, назначенная Дубенскому, и производившаяся, по смерти его въ 1862 г., его вдовѣ и дочери. Нынѣ названіе Дружининской носитъ назначенная по его же представленію, пенсія А. П. К—вой.

Преждевременная смерть Дружинина была тяжкимъ ударомъ для литературы, которая лишилась въ немъ одного изъ

Digitized by Google

самыхъ талантливыхъ и честныхъ представителей, и истиннымъ горемъ для небольшаго кружка друзей, знавшихъ его чистое сердце, его твердыя убѣжденія, его высокій характеръ.

Оканчиваемъ воспоминанія объ этой свѣтлой личности словами изъ той же рѣчи Тургенева: «Литературный фондъ былъ любимой мыслью Дружинина; пускай же онъ станетъ для насъ какъ бы его завѣщаніемъ!»

В. Гаевскій.

Digitized by Google

ВЫКСА.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Изъ Павлова *) и его края (въ Ардатовскомъ уѣздѣ) я направился вверхъ по Окѣ къ другой любопытной промышленной мѣстности Нижегородской губерніи,—къ Выксѣ.

На всемъ этомъ пространствѣ Ока протекаетъ по Владимірской губ. (Муромскому и Меленковскому уѣздамъ), по древней Муромской землѣ. Съ этою землею и съ теченіемъ Оки, составлявшемъ много вѣковъ назадъ именно здѣсь важнѣйшій торговый путь съ юго-запада на дальный сѣверо-востокъ, связано много историческихъ воспоминаній о прошедшихъ судьбахъ Россіи, объ ея финскихъ автохтонахъ и также объ ея первоначальныхъ славянскихъ насельникахъ. Самъ Муромъ своей исторіей свидѣтельствуетъ и о тѣхъ, и о другихъ. При своемъ финскомъ происхожденіи, онъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ городамъ русскимъ (вмѣстѣ съ Новгородомъ и Ростовомъ) и извѣстенъ уже въ X вѣкѣ своею торговлею съ Болгаріей и дальнимъ Востокомъ. Онъ поддерживаетъ и до сихъ поръ эту

*) См. описаніе Павлова и всего этого путешествія въ сочиненіи нашемъ «Народное хозяйство Россіи», т. II, 1884 г., гл. IV (эта книга выйдетъ въ свѣтъ въ концѣ 1884 г.).

Digitized by Google

тысячелѣтнюю славу своею промышленною и торговою дѣятельностью.

Муромская пристань, одна изъ оживленнѣйшихъ на Окѣ, недавно соединена желѣзною дорогою съ московско-нижегородскою (въ г. Ковровѣ) и черезъ нея со всею нашею желѣзно-дорожною сѣтью. Эта новая линія, совокупно съ шуйско-иваново-кинешемскою, составляющею какъ-бы продолженіе ея на сѣверъ отъ той же московско-нижегородской дороги, пересѣкаетъ всю Владимірскую губ. отъ юга къ сѣверу по самой промышленной ея части и стало быть идетъ по самымъ дѣятельнымъ и населеннымъ мѣстностямъ всей Московской области. Но вопреки ожиданіямъ эта линія оказывается совсѣмъ малодоходною. По всей вѣроятности тутъ оказывается дѣйствіе уже испытанной у насъ причины на всѣхъ *мѣстныхъ* желѣзныхъ дорогахъ (каковы напр. шуйско-иваново-кинешемская, ржевско-торжковская, и проч.): одно *мѣстное* грузовое движеніе, какъ бы оно ни было велико, въ особенности когда такія линіи примыкаютъ къ водянымъ путемъ, прерывающимся у насъ болѣе, чѣмъ на половину года, слишкомъ недостаточно для питанія желѣзной дороги. Потому всякая такая мѣстная линія должна входить въ составъ общей желѣзно-дорожной сѣти, чтобы мочь непрерывно въ теченіи года продолжать движеніе своихъ грузовъ. Поэтому мѣстный торговый міръ настоятельно желаетъ (какъ мы много объ этомъ слышали во время путешествія) продолженія муромской дороги на югъ, черезъ Касимовъ до Ряжска, до одного изъ пунктовъ перекрещенія желѣзно-дорожныхъ путей, соединяющихъ всѣ страны Россіи. Очень вѣроятно, что и сверхъ всего выше сказаннаго, чрезвычайныя неудобства судоходства на Окѣ, затрудняютъ развитіе движенія на муромской линіи.

Въ числѣ историческихъ слѣдовъ на этомъ окскомъ пути, идущемъ по пространству знаменитыхъ Муромскихъ лѣсовъ *), безпощадно истреблявшихся въ новѣйшее время, не можемъ не упомянуть о с. Карачаровѣ, близъ Мурома (южнѣе) на лѣвомъ берегу Оки; съ именемъ этого села (съ 3000 жит.) народное преданіе связываетъ родину героя (Ильи Муромца) одной изъ общенароднѣйшихъ русскихъ былинъ.

*) Это пространство простиралось далеко за предѣлы Муромскаго уѣзда.

Digitized by Google

Но всякое величіе историческихъ воспоминаній и всякій блескъ новѣйшей промышленной жизни, обступающіе путешественника на этомъ переѣздѣ, омрачаются впечатлѣніями современнаго положенія этого пути. Безпрерывныя остановки парохода на окскихъ мелях, горько напоминаютъ, въ какомъ небреженіи находится нынѣ этотъ историческій путь, который еще немало могъ бы послужить и новѣйшей торговлѣ, пока удастся желѣзнымъ дорогамъ покрыть такъ извилисто и облагодѣтельствовать пространство восьми губерній, какъ покрываетъ ихъ теченіе Оки *)! Не можемъ еще разъ не возвратиться къ этой злобѣ дня въ нашихъ сообщеніяхъ и въ нашемъ народномъ хозяйствѣ.

Пройдя на пароходѣ до пристани *Досчатой* (въ Меленковскомъ уѣздѣ Владимірской губ., при селеніи того-же имени, на лѣвомъ берегу Оки, около 20 верстъ выше Мурома), мы отсюда переѣхали сухимъ путемъ (8 верстъ на западъ) въ с. *Выксу* (при рѣчкѣ Выксѣ, впадающей въ Оку съ правой стороны въ тутъ-же начинающемся Ардатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губ.). Село Выкса центръ и бывшая резиденція владѣльцевъ знаменитыхъ чугуно-плавильныхъ и желѣзо-дѣлательныхъ заводовъ, расположенныхъ въ трехъ соприкасающихся тутъ губерніяхъ: Нижегородской (въ Ардатовскомъ уѣздѣ), Владимірской (въ Меленковскомъ уѣздѣ) и Тамбовской (въ Елатомскомъ уѣздѣ). Вся эта группа заводовъ и занимаемая ими мѣстность (обнимающая до 33 деревень) извѣстна подъ однимъ собирательнымъ и когда-то очень громкимъ именемъ «Выксы». Большая часть этихъ заводовъ находится въ Ардатовскомъ уѣздѣ, и вмѣстѣ

*) Страннымъ образомъ, приходится говорить о вопіющемъ гидротехническомъ неустройствѣ нашихъ рѣкъ, и въ томъ числѣ двухъ главнѣйшихъ (Волги и Оки), когда семилѣтнее существованіе навигаціонно-описной коммиссіи при Мин. Пут. Сообщ. ознаменовалось такими превосходными работами по изслѣдованію нашихъ водъ и условій ихъ улучшенія, подобныхъ которымъ не существуетъ даже нигдѣ во всей западной Европѣ (по мнѣнію экспертовъ Всероссійской Выставки 1882 г. въ Москвѣ, на которую были представлены эти работы), а между тѣмъ въ западной Европѣ приложено чрезвычайно много стараній къ усовершенствованію рѣкъ. Неужели упомянутыя работы должны оставаться безплодными и обогатили собою только всемірную науку и архивы.

Digitized by Google

со многими другими такими же заводами (при изобиліи желѣзной руды) составляетъ, совокупно съ плодородными землями, характеристическую черту этого уѣзда и счастливое условіе (соединеніе заводской работы съ земледѣльческою) для его народнаго благосостоянія.

Чугунное производство въ средоточіи самой промышленной и самой центральной области Россіи, въ средоточіи рынковъ и всякихъ путей, и сверхъ того при изобиліи горючаго матеріала (въ муромскихъ лѣсахъ), хотя бы и при рудныхъ мѣсторожденіяхъ гораздо низшихъ чѣмъ въ другихъ краяхъ Россіи, составляетъ условіе счастливое для желѣзной промышленности, даже въ сравненіи съ Ураломъ и Дономъ. Оно издавна обратило на себя вниманіе замѣчательнѣйшихъ нашихъ промышленныхъ дѣятелей, которые къ несчастію не нашли достойныхъ себѣ продолжателей въ своемъ потомствѣ нынѣшняго столѣтія. Самыми благодатными условіями природы люди могутъ быть неспособны пользоваться, какъ это мы видимъ на Выксѣ.

Выкса—любопытнѣйшее мѣсто не только въ промышленномъ отношеніи, но также и въ исторіи нашего общества XIX вѣка. Когда-то занимавшіе почетное мѣсто въ нашей промышленности обширнымъ и передовымъ для своего времени производствомъ разнообразнѣйшихъ чугунныхъ и желѣзныхъ издѣлій, выксинскіе заводы уже давно совсѣмъ упали; мы ихъ застали (12 и 13 сентября 1879 г.) въ совершенномъ разореніи, при обстоятельствахъ къ тому-же чрезвычайно диковинныхъ. Они составляютъ часть громадныхъ имѣній и заводовъ Баташевыхъ, расположенныхъ во многихъ губерніяхъ (старѣйшій чугуноплавильный заводъ при с. Выксѣ былъ основанъ Баташевымъ, въ 1767 г.). Родоначальникъ Баташевыхъ былъ одинъ изъ тѣхъ простыхъ тульскихъ мастеровыхъ и промышленныхъ сподвижниковъ Петра Великаго, выведенныхъ имъ изъ ничтожества къ дѣятельности и богатству, которые ознаменовали его царствованіе не менѣе, чѣмъ его птенцы на военномъ и государственномъ поприщѣ. Отъ Баташевыхъ Выксинскіе заводы достались въ другой родъ, въ которомъ главнѣйше и прославилась Выкса. въ началѣ XIX вѣка, но только не въ промышленномъ отношеніи.

Послѣ Павлова, въ которомъ сохранилось наименѣе горь-

Digitized by Google

кихъ воспоминаній о крѣпостномъ правѣ и съ жизнію котораго даже соединились въ новѣйшее время наиблагороднѣйшія дворянскія преданія, приходилось вспомнить на Выксѣ о совсѣмъ противуположныхъ страницахъ нашей дворянской и крѣпостной исторіи. Глубоко впечатлительны остающіяся до сихъ поръ, въ главной резиденціи бывшихъ владѣльцевъ Выксинскихъ имѣній, пышныя развалины минувшей славы, которыя мы иначе не умѣемъ назвать, какъ краснорѣчивѣйшимъ памятникомъ русскаго барскаго безпутства.

Героическая исторія этого памятника, уже разсказанная въ разныхъ литературныхъ сочиненіяхъ, не можетъ найти мѣста здѣсь, но она должна быть упомянута нами потому, что находится въ тѣснѣйшей связи съ новѣйшею промышленною исторіей Выксы.

Коротко говоря, владѣльцы Выксы, въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній (приблизительно до 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія) поставили «веселіе» единственною цѣлію своей жизни и дѣятельности. Однако имъ надо отдать справедливость: они при этомъ думали столько-же о другихъ, объ увеселеніи общества, какъ и о себѣ. Выкса сдѣлалась средоточіемъ веселой и праздной жизни нашего высшаго общества не только во всемъ окружающемъ краѣ, въ нѣсколькихъ губерніяхъ, но и на дальнихъ пространствахъ нашего отечества. Отовсюду съѣзжались сюда гости, чтобы, благодаря широкому русскому хлѣбосольству хозяевъ, вкусить всѣхъ наслажденій, и не только грубыхъ чувственныхъ, но и самыхъ утонченныхъ, европейскихъ. Часто пріѣзжала сюда «вся Москва» (tout Moscou), чтобы посмотрѣть на зрѣлища даже у нея невиданныя. Слава праздниковъ и пиршествъ Выксы раздавалась по всей Россіи; едва-ли она не доходила до всѣхъ столицъ Европы, такъ какъ посѣщали Выксу и иностранцы. Чтобы блеснуть туалетомъ посреди все превосходившей роскоши и изысканности выксинской жизни, дамы должны были выписывать для выксинскихъ баловъ наряды изъ Парижа.

Все это составляло бы только личный вопросъ владѣльцевъ Выксы и ея гостей, если бы вся эта «европейская цивилизація» не была подбита крѣпостнымъ правомъ, рабовладѣльческимъ правомъ на русскаго мужика, который не только своимъ трудомъ, но и всею своею натурою, всѣмъ своимъ тѣломъ

Digitized by Google

и даже душою. — неограниченно служилъ на эту барскую потѣху. Тутъ уже вопросъ общественный и историческій, которымъ каждый обязанъ интересоваться.

Нужно только припомнить, что здѣсь въ началѣ нашего столѣтія давались въ совершенствѣ балеты и итальянская опера, какихъ не существовало еще въ то время въ Москвѣ, и всѣ дѣйствующія въ нихъ лица и музыканты были крѣпостные, которые съ рожденія воспитывались здѣсь для всякаго рода изящныхъ искусствъ и художествъ, услаждавшихъ жизнь ихъ господъ. Такимъ образомъ здѣсь была учреждена настоящая театральная школа, въ которой воспитывались мальчики и дѣвочки, избранные по красотѣ и талантливости изъ многотысячнаго народонаселенія трехъ губерній (нынѣ до 9 тысячъ душъ), изъ 33 деревень, принадлежавшихъ помѣщику. Одѣвали весь этотъ многосотенный дворъ, украшавшій помѣщичій бытъ, портные и модистки изъ столицъ. О гигантскомъ человѣческомъ трудѣ, принесенномъ въ жертву на этотъ бытъ даютъ нѣкоторое понятіе необычайные пруды, которые окружаютъ выксинскую резиденцію и всего болѣе поражаютъ своими размѣрами, когда къ ней подъѣзжаешь; они до того велики, распространяясь на много верстъ, что нельзя повѣрить, чтобы это не были естественныя воды. Впечатлѣніе этихъ озеръ, вырытыхъ барщиною и гораздо болѣе нужныхъ для изящества ландшафта передъ господскими окнами, чѣмъ для заводскаго дѣйствія, которому они отчасти теперь служатъ, — невольно переносятъ мысль изъ этого цивилизованнаго крѣпостнаго міра, въ Африку, къ египетскимъ пирамидамъ!

Всѣ эти черты барскаго быта, основаннаго на крѣпостномъ правѣ, только распустившіяся здѣсь особенно пышнымъ цвѣтомъ, были свойственны далеко не одной Выксѣ и потому только заслуживаютъ вниманіе. Конецъ XVIII и начало (можно сказать, первая половина) XIX столѣтія составляютъ самый печальный и самый тяжкій для подвластныхъ періодъ нашего крѣпостнаго права. Большинство знатнаго и средняго (его высшаго слоя) дворянства, поверхностно вкусивъ европейской цивилизаціи, — и преимущественно со стороны пріятностей жизни, къ тому же главнѣйше чувственныхъ, налегло съ особенною силою на подвластныхъ имъ людей, для извлеченія изъ нихъ болѣе изобильныхъ средствъ натуральныхъ и денежныхъ къ удо-

Digitized by Google

влетворенію непомѣрно развившихся своихъ потребностей; а къ изысканію этихъ средствъ посредствомъ хозяйства, посредствомъ болѣе производительнаго употребленія даровaго труда, эти душевладѣльцы были менѣе, чѣмъ когда либо способны. Такъ и здѣсь горнозаводское дѣло, которое было съ общеполезными цѣлями заложено предками, и которое способно было при продолженіи ихъ добрыхъ усилій, много увеличить даже средства потребленія владѣльцевъ, оставалось въ небреженіи *) и все болѣе и болѣе отходило на задній планъ, передъ заботами веселыхъ баръ объ украшеніи своей резиденціи и своей праздной жизни.

Вся описанная высшая крѣпостная культура не оставила, конечно, не только производительныхъ, но и никакихъ слѣдовъ въ краѣ и его народонаселеніи; совсѣмъ безвозвратно погибли громадныя напряженія человѣческаго труда! Говорятъ объ одномъ результатѣ этой барской дѣятельности: будто бы воспитанники выксинскаго театральнаго училища подвизались впослѣдствіи на многихъ провинціальныхъ сценахъ и сдѣлались разсадниками драматическаго искусства въ Россіи! Этимъ хвалятся оставшіеся въ живыхъ свидѣтели славы своихъ господъ, защищая ихъ память **). Замѣчательно,—какъ одно изъ многихъ доказательствъ добросердечія нашего народа,—что мы не нашли въ преданіяхъ выксинскаго народонаселенія ни малѣйшей горечи относительно ихъ крѣпостнаго быта. Напротивъ, когда возникаетъ объ этомъ разговоръ, старожилы съ удовольствіемъ говорятъ: «за то всѣ, и господа и крестьяне, весело здѣсь пожили!»

Но и для самихъ господъ (мужское ихъ поколѣніе давно прекратилось) баснословное пользованіе крѣпостнымъ правомъ

*) То же самое было на Уралѣ, за исключеніемъ горнозаводскихъ имѣній гр. Строгановыхъ и Лазаревыхъ, сохранившихся въ образцовомъ порядкѣ (см. наше «Уральское горное хозяйство»).

**) Мы еще видѣли на Выксѣ 80-ти-лѣтняго главнаго офиціанта тѣхъ временъ. Вынужденный, не смотря на свою вѣрную службу, въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ, снискивать себѣ пропитаніе работою (въ услуженіи у директора иностранной компаніи, арендовавшей заводы), онъ до сихъ поръ остается безпредѣльно преданъ своимъ бывшимъ господамъ и не отвѣчаетъ ни на какіе вопросы объ ихъ жизни, говоря только: «всего бывало».

Digitized by Google

не принесло никакихъ плодовъ. Пресыщенные веселіемъ жизни они изъ поколѣнія въ поколѣніе вырождались и дѣлались менѣе способными къ какой бы то ни было дѣятельности *). Для веселой жизни недостало наконецъ ни неограниченной барщины во всѣхъ возможныхъ ея проявленіяхъ, ни щедрыхъ воспособленій на счетъ государственнаго кредита (ссудъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій). Наслѣдники (въ женскихъ линіяхъ) владѣльцевъ Выксы были окончательно разорены, и ихъ имѣнія, попавъ въ неоплатные казенные долги, были взяты въ опекунское управленіе. Исторія взысканія долговъ, для котораго были тщетно испытываемы всѣ возможныя мѣропріятія, продолжается и до сихъ поръ.

Замѣчательныя послѣдствія самаго крупнаго изъ этихъ мѣропріятій удалось застать и намъ, во время посѣщенія Выксы. Едва ли можно видѣть примѣръ болѣе крайней хозяйственной анархіи, нежели то зрѣлище, которое открылось здѣсь нашимъ глазамъ. Зрѣлище это, о которомъ сейчасъ разскажемъ, было тѣмъ впечатлительнѣе, что оно разыгрывалось на развалинахъ старой барской резиденціи: водворившаяся на нихъ новѣйшая эксплуатація того-же русскаго мужика и того-же русскаго добродушія, но уже со стороны цивилизованной космополитической спекуляціи Европы, составляли удивительный контрастъ съ воспоминаніями беззавѣтнаго русскаго веселія, здѣсь когда-то жившаго на счетъ того же мужика! Что для него было легче,—вопросъ мудреный!

Уцѣлѣвшіе остатки Выксинской помѣщичьей усадьбы еще живо напоминаютъ о прежнемъ ея блескѣ и жизни, и даже не лишены до сихъ поръ прелести своего рода. Усадьба по своимъ размѣрамъ, зданіямъ и всѣмъ принадлежностямъ подобна царскимъ загороднымъ резиденціямъ. Главное зданіе—настоящій

*) Напр. одинъ изъ доблестныхъ представителей рода, портреты которыхъ еще украшаютъ стѣны выксинскихъ зданій, патріотически воодушевившись къ объявленной войнѣ, не доѣхалъ до ея театра, потому что слишкомъ долго кутилъ въ дорогѣ черезъ всю Россію. Другой ознаменовалъ свое военное поприще, для обезпеченія котораго было когда-то создано на Руси крѣпостное право, только тѣмъ, что по ошибкѣ разгромилъ на Кавказѣ поселенія «мирныхъ» горцевъ.

Digitized by Google

дворецъ, съ обширнѣйшими залами, галлереями, старинными картинами и другими художественными произведеніями, и проч. Сохранилось особое зданіе для театра. Къ главному дому примыкаетъ громаднѣйшій садъ-паркъ, нѣмой свидѣтель романтическихъ приключеній всѣхъ красавицъ своего времени, съ грандіозными аллеями, вѣковыми деревьями и разными искусно придуманными и отчасти таинственными перспективами, для иллюминацій и для разныхъ оптическихъ обмановъ. По сказаніямъ выксинскихъ жителей, въ этомъ саду по ночамъ бродятъ тѣни бывшихъ обитателей этой пышной резиденціи.

Посреди всего этого великолѣпія, господиномъ всѣхъ его остатковъ былъ «водворенъ», во время нашего посѣщенія Выксы, и просторно расположился въ главномъ домѣ англичанинъ, директоръ иностранной компаніи, въ неограниченномъ распоряженіи которой находились всѣ выксинскіе заводы со всѣми своими имуществами и даже населеніемъ. Этой компаніи, по составу своему (или главныхъ своихъ капиталистовъ) преимущественно англійской, но заключавшей въ себѣ пайщиковъ со всего свѣта и космополитической по своему характеру (подобной такъ называемымъ финансовымъ «консорціямъ» безъ роду и племени) были казною отданы въ аренду съ 1865 г. всѣ выксинскія имѣнія. Этимъ способомъ (посредствомъ ежегодной арендной суммы) надѣялись покрыть казенный долгъ, лежавшій на имѣніи, доставить заработки народонаселенію, потерявшему ихъ съ прекращеніемъ дѣйствія заводовъ при наслѣдникахъ обанкрутившихся владѣльцевъ, и также содѣйствовать усовершенствованными пріемами иностранныхъ техниковъ успѣхамъ русскаго горнозаводскаго и желѣзнаго производства. Между тѣмъ на дѣлѣ вышло изъ этого финансоваго мѣропріятія совсѣмъ другое: весь новый европейскій пріемъ въ пользованіи старинными русскими заводами, весьма впрочемъ разумный съ точки зрѣнія космополитической компаніи, заключался въ томъ, что компанія поспѣшила, какъ можно скорѣе, хищнически выбрать всѣ естественныя богатства Выксы, — руду и остатки лѣсовъ (когда-то простиравшихся здѣсь на 120,000 дес.). Казенные долги не уплачивались, а напротивъ компанія умѣла добиться новыхъ ссудъ изъ казны, сверхъ сдѣланныхъ ей казенныхъ заказовъ. Рабочее крестьянское населеніе хотя полу-

Digitized by Google

чало заработки на заводахъ, но весьма скудные *) и при малыхъ надѣлахъ и безплодіи почвы положеніе его весьма жалкое (по показаніямъ самаго управленія компаніи); его бытъ, послѣ освобожденія, скорѣе ухудшился, чѣмъ улучшился. Наконецъ, просвѣщеніе русскаго горнозаводскаго міра техническими свѣдѣніями ограничилось присылкою на Выксу, подъ громкимъ названіемъ директоровъ и инженеровъ, простыхъ мастеровыхъ, ничѣмъ, ни даже своимъ образованіемъ и воспитаніемъ, не опередившихъ самыхъ обыкновенныхъ нашихъ горнозаводскихъ мастеровыхъ **).

Впрочемъ, въ техникахъ другого рода хищническая система хозяйства компаніи и не нуждалась. Заводское управленіе хвасталось намъ, что лучшіе мастера (машинисты, слесаря, токари и проч.) на всѣхъ русскихъ заводахъ и желѣзныхъ дорогахъ вышли съ Выксы; но если бы этотъ фактъ и былъ вѣренъ, то онъ объясняется не дѣятельностью компаніи, а прежнимъ болѣе цвѣтущимъ періодомъ выксинскихъ заводовъ.

Компанія однако такъ хорошо хозяйничала для кармана своихъ акціонеровъ, что успѣла въ нѣсколько лѣтъ вернуть изъ доходовъ и возвратить акціонерамъ весь складочный капиталъ ***), платя имъ кромѣ того ежегодно необычайные дивиденды, которыми хвалились они, воспѣвая (какъ намъ случилось лично слышать отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ за границей) «выгодность промышленныхъ предпріятій въ Россіи!»

---

*) По свѣдѣніямъ, доставленнымъ намъ заводскимъ управленіемъ компаніи, люди заработывали въ день при своихъ харчахъ отъ 30 к. (вѣроятно громадное большинство) до 1 р. 25 к. (maximum, для высшей категоріи мастеровыхъ), при сдѣльной платѣ (отъ 5 к съ пуда минимумъ до 1 р. 60 к. максимумъ). Работы на заводахъ, отъ возки матеріаловъ до выдѣлки желѣзныхъ издѣлій чрезвычайно разнообразны. При этомъ мы должны заявить нашу благодарность распорядителямъ компаніи, которые лично для насъ были весьма любезны какъ своимъ радушіемъ, такъ и сообщеніемъ свѣдѣній.

**) Характеристическій образчикъ такого директора застали мы на Выксѣ.

***) По всей вѣроятности, изъ этого капитала была дѣйствительно затрачена на эксплуатацію заводовъ самая ничтожная сумма (можетъ быть даже ничего), ибо оброки крестьянъ, взимавшіеся компаніей, доставили ей съ перваго дня нужный оборотный капиталъ.

Digitized by Google

Насытившись на Выксѣ и обратя свои капиталы къ другимъ общеевропейскимъ дѣламъ, компанія сдѣлалась совсѣмъ равнодушною къ выксинскому предпріятію; она пользовалась имъ, въ концѣ 70-хъ годовъ, только для того, чтобы посылать на Выксу, для кормленія, на трехъ-лѣтній срокъ, въ качествѣ директоровъ, одного за другимъ, разныхъ protégés вліятельныхъ членовъ компаніи и «главнаго правленія въ Лондонѣ»,—такихъ людей, которыхъ было не на что больше употребить въ метрополіи и которымъ почему-либо нужно было доставить теплыя мѣстечки въ отдаленныхъ краяхъ (подобно тому — какъ великобританское правительство посылаетъ своихъ разорившихся и ненужныхъ чиновниковъ на разныя мѣста въ Индію). Притомъ каждый такой директоръ, пріѣзжая въ Россію только на 3 года, могъ не заботиться о своей репутаіи въ захолустьѣ «дальной страны!»

Необыкновенная выгодность всей этой «аффёры» заключалась не въ одномъ только безконтрольномъ хищническомъ хозяйствѣ, а еще въ особомъ условіи аренднаго контракта, которое составляетъ самую уродливую и самую грустную черту страннаго положенія вещей, созданнаго этимъ контрактомъ. Вмѣстѣ съ заводами и всѣмъ имуществомъ были отданы въ аренду компаніи,—оброки съ временно-обязанныхъ крестьянъ въ выксинскихъ имѣніяхъ и всѣ связанныя съ ними помѣщичьи права надъ народонаселеніемъ (9,000 душъ и 33 деревни) въ трехъ губерніяхъ. Трудно себѣ представить, чтобы это было возможно, а между тѣмъ это было: правленіе анонимной акціонерной компаніи, засѣдающее въ Лондонѣ, распоряжалось судьбою почти десятитысячнаго народонаселенія въ самомъ сердцѣ Россіи, управляя имъ черезъ людей, какихъ ему вздумалось отъ себя выслать въ наши пустыни!

Весьма при этомъ курьёзно то обстоятельство, что въ оброчныхъ платежахъ крестьянъ стали накопляться недоимки; компанія, жалуясь на полицію за невзысканіе ихъ и ссылаясь на это, какъ на нарушеніе своихъ правъ по арендному контракту, сама перестала вносить арендные платежи въ казну.

Это обстоятельство, давало компаніи юридическое основаніе ко всякимъ неисправностямъ въ принятыхъ на себя обязательствахъ, и потому для нея было скорѣе прибыльно; но оно сдѣлалось предлогомъ войны между компанейскою конторою и по-

Digitized by Google

лиціей. Мы застали самый разгаръ этой войны. Полицейскіе чины, пребывающіе на Выксѣ и лишенные директоромъ-англичаниномъ за свое бездѣйствіе (по взысканію оброчныхъ недоимокъ) своего прежняго помѣщенія въ господскомъ флигелѣ, оправдывали себя тѣмъ, что компанія должна удерживать оброкъ изъ заводскихъ заработковъ; а англичанинъ весьма резонно говорилъ, что въ такомъ случаѣ люди откажутся работать и лишатся своего послѣдняго насущнаго существованія. Крестьяне были единственные люди, которыхъ не хаялъ на Руси англичанинъ; своимъ трудолюбіемъ они вполнѣ заслуживаютъ, по его словамъ, исправнаго съ ними разсчета. Дѣйствительно, мы слышали отъ рабочихъ, что всѣ деньги они получаютъ отъ заводской конторы сполна. Но изъ какихъ-же другихъ достатковъ крестьянъ могла взыскивать оброки полиція?

Ко всему этому необходимо присовокупить, что представители компаніи, не смотря на всѣ свои барыши и льготы по контракту съ казною, постоянно домогались новыхъ преимуществъ отъ правительства (между прочимъ отпуска казеннаго лѣса и ссудъ), — по пословицѣ, l'appetit vient en mangeant, — и вопіяли противъ неблагопріятныхъ условій дѣла въ Россіи, независящихъ отъ ихъ воли, — главнѣйше противъ недостаточнаго покровительства таможеннаго тарифа!

Къ хозяйственной неурядицѣ, посреди которой производство заводовъ съ каждымъ годомъ падало, присоединилась, вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ, административная анархія на Выксѣ, дошедшая на нашихъ глазахъ до послѣдней степени. Три враждебные стана стояли другъ противъ друга; каждый изъ нихъ не только съ крайнимъ озлобленіемъ обвинялъ во всѣхъ бѣдствіяхъ Выксы двухъ остальныхъ, но и старался разстроить, сколько могъ, ихъ дѣйствія. Кромѣ представителей иностранной компаніи и полиціи, тутъ еще доживала свой вѣкъ вотчинная контора главныхъ наслѣдниковъ Выксинскихъ имѣній; ея агенты, старые дворовые, воздыхая о прежнемъ величіи Выксы и ея господъ (передъ великолѣпнымъ портретомъ послѣдняго могикана изъ вотчинниковъ Выксы, изукрашеннаго орденами и осѣняющаго контору), собирали тутъ для ихъ исхудалыхъ наслѣдниковъ скупые крохи (небольшой доходъ, выговоренный въ пользу ихъ въ арендномъ контрактѣ), падающіе имъ изрѣдка съ пира иноземной компаніи, и не могли дождаться

Digitized by Google

ея банкротства и прекращенія аренды, заключенной казною безъ вѣдома владѣльцевъ. Каждый изъ трехъ становъ старался испортить распоряженія двухъ остальныхъ, и можно понять, каковъ былъ въ этихъ условіяхъ административный порядокъ на Выксѣ!

Менѣе всѣхъ недоволенъ, хотя и въ крайнемъ озлобленіи противъ Россіи, былъ директоръ-англичанинъ; онъ, во всякомъ случаѣ, былъ чуждъ душевной тревоги и волненій, раздиравшихъ два стоявшіе противъ него и временно между собою соединившіеся для нападенія на него непріятельскіе лагеря. Онъ готовился отплыть къ счастливымъ берегамъ своей Англіи послѣ прослуженія своего срока, и ежечасно только ожидалъ прибытія своего замѣстителя, уже командированнаго изъ великой метрополіи въ Выксинскую колонію на новый трехлѣтній срокъ кормленія. Неприступно запершись въ своемъ барскомъ замкѣ противъ всякаго безпокойства и буквально не дозволяя въ него входъ ни полиціи, ни представителямъ владѣльцевъ Выксы, онъ (въ разговорахъ съ нами) съ самодовольствіемъ и даже нѣкоторою гордостью озирался на свою прошедшую дѣятельность, съ величайшимъ презрѣніемъ отзываясь обо всѣхъ другихъ распорядителяхъ въ его временныхъ владѣніяхъ, о тунеядствѣ административныхъ лицъ, о растлѣніи празднаго русскаго барства. Его патроны ввели, по его словамъ, нѣкоторый порядокъ въ эту пустыню; онъ-де далъ нѣкоторую острастку произволу и самовластію полиціи; онъ кормилъ голодное народонаселеніе цѣлаго знаменитаго края; онъ вычистилъ старинный барскій дворецъ отъ грязи, его наполнявшей, разобралъ и сохранилъ сокровища искусствъ, невѣжественною рукою тутъ покинутыя; наконецъ онъ одинъ пріютилъ, взявъ къ себѣ на службу несчастнаго 90-лѣтняго вѣрнаго служителя прежнихъ владѣльцевъ Выксы (см. выше, примѣчаніе), брошеннаго ими безъ насущнаго хлѣба! И всего этого онъ достигъ, по его собственнымъ словамъ, не зная русскаго языка, научившись по-русски только уличнымъ ругательствамъ, которыя «необходимы для поощренія къ работѣ русскихъ мастеровыхъ». Теперь, навсегда уѣзжая изъ Россіи и не зная буквально кромѣ этого ни одного русскаго слова, онъ убѣдился, что были правы его друзья, которые ему сказали, что, за исключеніемъ этихъ реченій, русскій языкъ совсѣмъ не нуженъ. чтобы жить и дѣйствовать

Digitized by Google

въ Россіи»! «Русскіе рабочіе такъ смѣтливы, что понимали его приказанія по одному его жесту»!

Къ счастію, все это почти невѣроятное зрѣлище, которому мы были очевидцы на историческихъ берегахъ Выксы, нынѣ прекратилось: аренда выкскихъ заводовъ передана (кажется съ 1881 г.) въ руки одного изъ замѣчательнѣйшихъ новѣйшихъ русскихъ заводчиковъ, г. Струве, отъ котораго можно ожидать возрожденія этой промышленной мѣстности.

Вл. Безобразовъ.

Digitized by Google

ЛОВЧИНСКІЙ БОЙ

22-го августа 1877 г.

Пять часовъ утра. Солнышко выкатилось и ярко освѣтило окрестности, когда я подъѣхалъ съ докладомъ къ палаткѣ Куропаткина.

Куропаткинъ не спитъ; наклонившись надъ маленькимъ складнымъ столикомъ, старательно что-то пишетъ.

— Господинъ капитанъ, орудія разставлены, докладываю я, входя въ палатку.

— Я это впередъ зналъ; что вамъ будетъ поручено, будетъ исполнено, — отвѣчаетъ онъ, любезно благодаритъ и жметъ мнѣ руку. «Ну, ступайте, отдохните; въ случаѣ, если генералъ васъ спроситъ, объясню ему, что вы мною отпущены. Ступайте, усните».

Отправляюсь рядомъ къ себѣ въ палатку, совершенно довольный, въ надеждѣ хорошенько заснуть.

Но какой тутъ сонъ, когда возлѣ гремятъ зарядные ящики, звенятъ орудія, колеса, раздаются команды, шумъ, крики! Сквозь приподнятую дверку палатки видны сосредоточенныя лица проходящей пѣхоты, которая двигается не съ той отчетливостью, какъ на ученьѣ, но какъ-то тревожно, озабоченно, точно каждаго беретъ сомнѣнье, останется-ли онъ живъ. Такое выраженіе лица въ мирное время у солдата никогда не встрѣтишь: его можно видѣть только или передъ самымъ «дѣломъ», или въ «дѣлѣ». Нельзя назвать его испуганнымъ, нѣтъ, въ немъ выражается скорѣе затаенная злоба, досада и на себя, и на всѣхъ окружающихъ. Это выраженіе дѣлается въ особенности

тип. и. лебедева.

Digitized by Google

замѣтнымъ, когда раздается первый крикъ: «носилки!» Немедленно же всѣ разговоры, смѣхъ, шутки прекращаются, лица дѣлаются угрюмыми, у каждаго очевидно мелькаетъ мысль: «сейчасъ и меня хватитъ».

Б-у-у-у-мъ! раскатывается первый пушечный выстрѣлъ—*нашъ*; — тха-а-а а-а — разрывается снарядъ гдѣ-то далеко, далеко, едва слышно.

Б-у-у-у-мъ, бу-у-у-мъ, бу-у-у-мъ второй, третій, пошла писать по всей линіи!

Бой начинается. «Генералъ не утерпитъ, вѣрно сейчасъ поѣдетъ», думается мнѣ.

Такъ и есть. «Лошадь мнѣ!» раздается знакомый картавый голосъ. Приподымаю чуточку полотно палатки, выглядываю, генералъ сидитъ въ палаткѣ у князя Имеретинскаго, и о чемъ-то разсуждаетъ съ нимъ; черезъ нѣсколько минутъ оба выходятъ, садятся на лошадей и трогаются. Скобелевъ все на той же сѣрой лошади, только не въ кителѣ, какъ вчера, а въ мундирѣ и при орденахъ: должно бой будетъ настоящій! Товарищи мои, казаки Гайтовъ и Хорановъ, которыхъ генералъ только что передъ этимъ взялъ къ себѣ въ ординарцы, садятся на коней, перекинувшись нѣсколькими словами на своемъ гортанномъ осетинскомъ нарѣчіи, джигитуютъ, горячатъ лошадей и съ гикомъ несутся въ обгонку.

Поручикъ Карандѣевъ, въ мундирѣ конно-гренадерскаго полка, прибывшій изъ главной квартиры на время сраженія въ распоряженіе Скобелева, тоже не безъ достоинства галопируетъ на своемъ «ворономъ», заставляя его колесомъ сбирать шею. Казаки, конвой, адъютанты, ординарцы, всѣ спѣшатъ за начальствомъ. Казакъ кубанецъ со Скобелевскимъ значкомъ, изстрѣленнымъ въ лохмотья, не можетъ справиться съ лошадью: крутится на одномъ мѣстѣ, бьетъ ее плетью, толкаетъ подъ брюхо ногами, и наконецъ карьеромъ несется догонять генерала.

«Неужели я буду лежать? Что за срамъ! Ну что, ежели генералъ меня спроситъ, что онъ подумаетъ? Поѣду». — Эй, Ламакинъ, давай лошадь!

Digitized by Google

— Ваше благородіе, чай будете кушать? слышится голосъ, и вслѣдъ за этимъ вопросомъ показывается въ дверцахъ синяя верхушка папахи, а за нѣй и самое лицо Ламакина, потное, въ угряхъ.

— А готовъ?

— Такъ точно; чайникъ сейчасъ скипитъ.

— Ну, давай живо!

Наскоро напившись чаю съ ржаными сухарями, выхожу къ лошади.

— Ну, что, миляга, здоровъ? ласково обращаюсь я къ лошади, глажу ее, поправляю гриву, чолку, осматриваю копыта, подковы и, обошедши кругомъ, сажусь.

— Ну, смотри же, прибери тутъ все, какъ слѣдуетъ; въ случаѣ чего, не отставай отъ генеральскаго обоза, твержу казаку въ сотый разъ тоже самое.

— А къ обѣду что прикажете? спрашиваетъ тотъ, будучи самъ заранѣе увѣренъ, что, кромѣ борща, варить нечего, да и не изъ чего.

— Что же, свари борща, да каши гречневой нельзя-ли?

— Гречневой взять негдѣ; бѣлой малость есть еще.

— Ну такъ сходи къ завѣдывающему хозяйствомъ, въ Казанскій полкъ, знаешь, къ тому маіору, что вчера былъ у меня, онъ обѣщалъ всего, что понадобится. Слышишь?

— Слушаюсь. И казакъ уходитъ, не дожидаясь моего отъѣзда.

Не торопясь, ѣду искать генерала. Первый жаръ усердія начинаетъ проходить. Думается: «поспѣю, все увижу, только-бы не убили, а какъ ранятъ, да еще въ колѣнку?» И я машинально прикрываю колѣнку полой черкески — все не такъ пробьетъ.

Помахивая головой легко несетъ меня моя лошадь. Тонкія черныя уши ея, съ загнутыми одинъ къ другому кончиками, въ безпрерывномъ движеніи; подковы звенятъ. День ясный; воздухъ чистый, прекрасный; дуетъ легонькій вѣтерокъ. «Кабы

Digitized by Google

не сраженіе, какъ легко было бы на душѣ; а тутъ это «дѣло», давитъ, щемитъ сердце и не даетъ покою».

По всей линіи нашихъ батарей, попеременно взлетаютъ клубы дыму. Не успѣлъ разсѣяться одинъ, какъ его догоняетъ и дополняетъ другой, точно кричитъ ему: «постой, постой, дай я тебя догоню».

Непріятельскихъ позицій за горами еще не видно; гдѣ-то вправо внизу, за холмомъ, слышна жаркая ружейная трескотня; но гдѣ именно — не разберешь.

Подаюсь еще; позиціи обрисовываются яснѣе. Вонъ влѣво отъ шоссе спускается подъ гору эскадронъ конвоя Его Величества. Командиръ, ротмистръ, толстый, жирный Кулебякинъ, басомъ скомандуетъ: «Справа-а по три-и!» Какъ-то вѣетъ Царицынымъ Лугомъ, парадомъ, при видѣ этихъ отборныхъ молодцовъ-гвардейцевъ въ синихъ черкескахъ, расшитыхъ галунами. Лошади всѣ сытыя, красивыя; сѣдла, уздечки блестятъ. Но достаточно взглянуть на лица людей, и сейчасъ убѣждаешься, что они находятся не на парадѣ: нѣтъ той беззаботности, равнодушія; чувствуешь, что совершается что-то необыкновенное; — гдѣ прежняя непринужденность, веселые разговоры, гдѣ ихъ пѣсни?.

— А, сотникъ, здравствуйте! кричитъ Кулебякинъ, завидѣвъ меня и заворачиваетъ; я тоже ѣду къ нему на встрѣчу, останавливаемся и болтаемъ.

— Куда вы, къ генералу? онъ недавно съ княземъ проѣхалъ на позиціи,—и самъ очень хорошо знаетъ, что не новость разсказываетъ мнѣ, а говоритъ только для того, что уже если разъ съѣхались и остановились, то надо же что нибудь сказать.

— Ну что, батюшка, что новаго? гдѣ бригада наша?

— Тамъ, на правомъ флангѣ, говорю и указываю ему направленіе.

— Да, да, тамъ, знаю,—отвѣчаетъ онъ.—Перекинувшись еще нѣсколькими словами, задумчивые разъѣзжаемся, пожелавъ другъ-другу счастливаго пути.

— Шагомъ ма-а-аршъ! гудитъ по вѣтру его густая команда.

Digitized by Google

Обгоняю орудія, зарядные ящики. Вотъ, свернувъ нѣсколько съ дороги, стоитъ лазаретный фургонъ; лошади, наклонивъ морды, роются въ пыльномъ сѣнѣ; солдатъ фургонщикъ, развалясь на спинѣ, отъ времени до времени, подпихиваетъ кнутовищемъ разбросанные клочки сѣна. По другую сторону фургона, въ тѣни лежатъ санитары, закрывшись шинелями. Они тревожно выглядываютъ изъ подъ фургона, на гулъ орудій,— не ѣдутъ ли за ними?

Нѣсколько дальше на лужку, влѣво отъ шоссе, не скидывая скатанныхъ шинелей, расположился баталіонъ Шуйскаго полка. Офицеры собрались въ кучку, выпиваютъ и закусываютъ.

— Сотникъ, сотникъ, къ намъ, сюда, заворачивайте! зовутъ они чуть не въ одинъ голосъ; при этомъ кто машетъ сардинкой надъ головой, кто колбасой, кто фляжкой. Отказаться невозможно, подъѣзжаю «Возьми лошадь», кричатъ разомъ нѣсколько голосовъ ближайшему солдату, тономъ, въ которомъ слышится одновременно и укоръ, и сожалѣніе: какъ самому не догадаться взять лошадь у такого человѣка!

Баталіонный, высокій господинъ съ свѣтлыми усами, привставши нѣсколько съ барабана, не безъ достоинства предлагаетъ мнѣ закусить, приглашая рукой занять мѣсто подлѣ него на раскинутой шинели.

— Прошу-съ, не угодно-ли-съ, чѣмъ Богъ послалъ.

Всѣ наперерывъ угощаютъ меня, и въ тоже время осаждаютъ вопросами: какъ дѣла, гдѣ такой-то полкъ, гдѣ другой, сколько у насъ всѣхъ орудій, куда поѣхалъ генералъ? На ихъ лицахъ видно удовольствіе, что они могли залучить для разспросовъ человѣка, столь близко стоящаго къ начальству. Все, что я знаю, съ удовольствіемъ разсказываю, но не подаю вида, что многое мнѣ и самому неизвѣстно.

— Что же, маіоръ, вы то здѣсь дѣлаете? обращаюсь я къ командиру баталіона

— Да вотъ-съ, ждемъ дальнѣйшаго приказанія-съ, еще не получалъ!—Маіору замѣтно не нравится тотъ тонъ, съ которымъ я обратился къ нему, и онъ, чтобы прекратить мои дальнѣе распросы, зоветъ деньщика убрать остатки завтрака.

Digitized by Google

Какъ будто вотъ тутъ и есть, доноситъ вѣтеръ громъ орудій; меня опять начинаетъ подмывать скорѣй тронуться къ дѣлу. Какъ-то не ловко, совѣстно чувствуешь себя тутъ: возможно-ли спокойно сидѣть, разговаривать, когда въ нѣсколькихъ шагахъ уже навѣрно льется кровь? Надо ѣхать!

— Ну-съ, господа, до свиданья, благодарю за угощеніе!

— Посидите; успѣете еще-съ, серьезно совѣтуетъ маіоръ.

— Погоди-те немного, хоть минуточку, просятъ «субалтерны» съ дѣтски радушнымъ видомъ.

— Еще красненькаго стаканчикъ, на дорожку! предлагаютъ ротные: эти солиднѣе и не такъ просятъ остаться.

Вправо отъ шоссе, тянется гористый откосъ; онъ постепенно становится ниже и ниже, и образуетъ площадку съ нѣсколькими большими вѣтвистыми деревьями.

Въ тѣни, подъ ними, пріютился «перевязочный пунктъ». На лугу, между бѣлыми шатрами, уже виднѣются окровавленныя носилки. Въ открытыя дверцы палатокъ можно разобрать серьезныя лица докторовъ. Вонъ изъ одной показывается, съ тазомъ въ рукахъ, солдатъ-служитель, не торопясь выплескиваетъ окровавленную воду, машетъ тазомъ, чтобы сплеснуть все до капли, и, высморкавшись въ руку, равнодушно возвращается къ своему дѣлу.

Сердце щемитъ; въ памяти воскресаетъ знакомая картина 18 іюля подъ Плевной. Тороплюсь проѣхать, не вглядываясь въ нее. За перевязочнымъ пунктомъ гористый откосъ снова продолжается.

Не отъѣхалъ я и ста сажень—на встрѣчу изъ-за угла показываются «носилки». Два солдата торопливо несутъ раненаго, стараясь идти въ ногу; еще одинъ, сзади, слѣдуетъ въ припрыжку за ними, и урывками, чтобы не задержать, поправляетъ на раненомъ шинель, которая все съѣзжаетъ. Лица больнаго не видно, оно закрыто фуражкой; но рука его, блѣдная, восковая, безпомощно свѣсилась изъ-подъ шинели, и точно умоляетъ: «Стой, стой, не несите напрасно, сложите лучше гдѣ нибудь въ тѣни подъ деревомъ, дайте умереть спокойно—безъ ножей,—безъ фельдшеровъ».

Digitized by Google

— Что, опасно? спрашиваю я.

— Трудно, ваше благородіе, сухо отвѣчаютъ тѣ, очевидно съ сознаніемъ того тяжелаго братскаго дѣла, которое они исполняютъ и которое невольно ровняетъ ихъ съ начальствомъ. Не останавливаясь, и не убавляя шагу, они скрываются за извилиной шоссе.

Фію-ю-ю-у-у-у..., свиститъ шальная пуля. Свистъ знакомый, тонкій, *предательскій*.

Фію-ю-ю-у-у-у..., свиститъ вторая, но уже нѣсколько позади. «Проѣхалъ, милая, опоздала!» злорадно разсуждаю я. Пули эти очевидно шальныя, на излетѣ, пущены, съ большаго разстоянія, такъ какъ до непріятеля еще далеко.

По дорогѣ валяются разбитыя колеса, опрокинутыя повозки. Вонъ въ сторонѣ лежитъ раненая лошадь и по временамъ пробуетъ встать: приподымаетъ голову, оглядывается, гложетъ отъ боли землю и съ долгимъ протяжнымъ стономъ снова растягивается.

Валяются шинели, ранцы, котелки. Тутъ же офицерскій клеенчатый кушакъ съ револьверомъ — «не даромъ онъ брошенъ, вѣрно не до него было».

Какъ только откосъ миновался, пульки начинаютъ свистать все чаще и чаще.

Влѣво отъ дороги, за оврагомъ, сидятъ нѣсколько артиллеристовъ, держа въ поводу лошадей.

«С-е-е-е-щокъ!» — точно что оторвалось, гдѣ-то близко ударяется пуля. По щелчку можно утвердительно сказать, что «эта» не даромъ летѣла: — лошади бросаются въ стороны, одна же, бѣдняжка, подскакиваетъ на трехъ ногахъ, свѣсивъ безсильно раненую. Густая капля крови, на передней ногѣ, какъ разъ на вѣнчикѣ, ясно указываетъ, «куда попала».

Выростаетъ какъ изъ земли сѣдой усатый фейерверкеръ — раньше его не видно было — и яростно набрасывается на подчиненныхъ:

— Говорено было уйти отсюда; нѣтъ, не слушали! Маршъ, убирайтесь, чтобы духу вашего здѣсь не было; съ глазъ долой! — и онъ сердито машетъ рукой.

Digitized by Google

— Кто же ее знаетъ, гдѣ она тя найдетъ; вѣдь не угадаешь,—ворчатъ тѣ, уходя. Раненая лошадь не хочетъ отстать: безъ узды и хомута, неловко, торопливо, прыгаетъ за товарищами.

Выѣзжаю на пригорокъ,—вонъ и позиціи, вонъ и войска наши!

Скобелевъ и Имеретинскій съ конвоемъ ѣдутъ мнѣ на встрѣчу. Гайтовъ съ Харановымъ тоже тутъ ѣдутъ, очень довольные; издали дѣлаютъ мнѣ знаки и улыбаются.

— Здравствуйте, Вегещагинъ; проводите насъ, батинька, къ вогѣ, гдѣ вы ночью газставляли огудія, обращается ко мнѣ генералъ и подаетъ руку. Я, очень довольный, выскакиваю впередъ, сворачиваю вправо отъ шоссе и направляюсь по знакомой дорожкѣ. Днемъ мѣстность точно другая: рядомъ кукурузное поле — ночью его не видно было; какой-то домикъ, шалашикъ. Подымаюсь въ гору; всѣ слѣдуютъ за мной.

Немного не доѣхавъ до вершины, Скобелевъ галопомъ обгоняетъ всѣхъ и разомъ останавливается на самой макушкѣ возлѣ орудія. Всѣ слѣзаютъ. Вправо и влѣво идетъ канонада.

— Второе! бойко командуетъ раскраснѣвшійся молоденькій офицерикъ въ очкахъ, съ биноклемъ въ рукѣ, и отбѣгаетъ въ сторону, слѣдитъ за полетомъ снаряда. За нимъ также отбѣгаетъ наводчикъ и нѣсколько человѣкъ изъ прислуги. Оглушительный звукъ, ревъ, точно пробуютъ крѣпость нашихъ ушей. Дотрогиваюсь до уха, не оглохъ ли? нѣтъ, только щекотитъ немного. Гулъ мало по малу проходитъ. Офицеръ и прислуга все еще, какъ прикованные, стоятъ и слѣдятъ «гдѣ разорвется», постепенно наклоняясь и выглядывая изъ подъ дыма, застилающаго все болѣе и болѣе непріятельскую позицію. Снарядъ далеко не долетѣлъ до цѣли и разорвался.

Скобелевъ стоитъ впереди, рядомъ съ Имеретинскимъ, и, опершись на саблю, разъискиваетъ въ бинокль непріятельскія батареи.

Гористая мѣстность отсюда постепенно спускается. Верстахъ въ двухъ синеватой лентой вьется рѣчка Осьма. За ней тотчасъ же бѣлѣетъ Ловча. Вправо отъ города, не больше

Digitized by Google

какъ съ версту, видны на равнинѣ два сильныхъ непріятельскихъ редута.

— Во-о-о-нъ ихняя, да двѣ разомъ,—переговариваютъ солдаты артиллеристы. Какъ молнія, вспыхиваетъ въ ближайшемъ редутѣ огонекъ, другой; за ними слѣдомъ вылетаютъ два бѣлые клуба дыму, и, точно недоумѣвая, куда дѣлись снаряды, медленно, задумчиво, поднимаются кверху. Не успѣли еще они разсѣяться, какъ снаряды падаютъ, гдѣ-то въ сторонѣ отъ насъ, и глухо разрываются.

Артиллерійскій огонь усиливается. У непріятеля что-то мало оказывается орудій; имъ съ нами очевидно не справиться.

— Господинъ офицеръ, какую вы дистанцію опредѣлили?—обращается Скобелевъ къ офицерику въ очкахъ.

— Теперь 1200 сажень возьмемъ, ваше превосходительство, конфузясь и вытягиваясь, отвѣчаетъ тотъ.

— Картечной гранатой?

— Обыкновенной, ваше превосходительство!

— Нельзя-ли картечной?—Генералъ любилъ картечную гранату.

— Картечная граната! кричитъ офицеръ, и опрометью бросается къ орудію, счастливый уже тѣмъ, что можетъ исполнить желаніе генерала.

А ужъ тамъ, верхомъ на хоботѣ, наводчикъ изо всѣхъ силъ старается, чтобы вторично не опростоволоситься передъ начальствомъ. Потный, упершись глазами въ цѣликъ, подпрыгиваетъ онъ однимъ задомъ: то чуточку вправо, то влѣво, легонько машетъ кистью руки, куда подать хоботъ, и, наконецъ, рѣшительно спрыгиваетъ въ сторону.

Офицеръ на мгновеніе подбѣгаетъ, провѣряетъ и тоже отскакиваетъ.

— Третье—пли!—Бу-у-у-у... со звономъ откатываясь, грохочетъ орудіе. Всѣ отбѣгаютъ изъ-за дыму, слѣдить, «гдѣ разорветъ».

— Вотъ это ловко!—важно, въ са-амую середку угодила—эхъ какъ рванула! весело перекрикиваются артиллеристы, и радостные снова бѣгутъ къ орудію.

Digitized by Google

Скобелевъ садится на лошадь, той же дорогой выѣзжаетъ обратно на шоссе, и ѣдетъ на передовыя позиціи. Имеретинскій остается еще нѣкоторое время.

На встрѣчу намъ все болѣе и болѣе попадается раненыхъ. — Вонъ, стороной, пѣхотный солдатикъ, съ двумя ружьями на плечѣ, ведетъ подъ руку товарища. Всхлипывая какъ дитя, еле-еле тащится тотъ: «О-ой-о, о-о-о-ой ой,», стонетъ онъ, и, поддерживая здоровой рукой больную, которая у него толсто обмотана различнымъ тряпьемъ, качаетъ ее, какъ мать укачиваетъ младенца.

— Здогово, моготцы! Что, тебя въ гуку ганили?—спрашиваетъ генералъ, слегка задерживая лошадь.

— Та-акъ то-очно, ваше превосходительство,—дрожащимъ голосомъ уныло отвѣчаетъ раненый, и смачиваетъ языкомъ запекшіяся губы.

— Вотъ въ евтомъ мѣстѣ раздробила, ваше превосходительство,—скороговоркой добавляетъ вожатый, и указываетъ на своей рукѣ повыше кисти, но генералъ уже его не слушаетъ.

Вдали показался баталіонъ; съ нимъ онъ еще не здоровался.

Баталіонъ, переходя черезъ дорогу, сильно растянулся и идетъ вяло, не стройно.

— Здогово, бгатцы! Спасибо вамъ за сгужбу!—кричитъ генералъ, подъѣзжая галопомъ. Солдаты, замѣтивъ «начальство», въ припрыжку обгоняютъ, толкаютъ другъ друга и спѣшатъ стянуться.

— Ради стараться, ваше превосходительство!—доносится отъ нихъ.

Сворачиваемъ влѣво и ѣдемъ вдоль батарей. Огонь направленъ на «Рыжую гору», виднѣющуюся верстахъ въ двухъ. Названіе гора получила отъ того красноватаго песку, какимъ покрыта ея вершина.

Позади батарей, въ виноградникахъ, тихо, безъ разговоровъ, лежатъ пѣхотныя прикрытія; они точно боятся лишнимъ словомъ привлечь на себя огонь. Снаряды то тутъ, то тамъ, поминутно съ трескомъ падаютъ, и еще съ большимъ трес-

Digitized by Google

комъ разрываются, и обдаютъ прижавшихся солдатъ землей и осколками.

Останавливаемся на холмѣ передъ открытой лощиной, за которой въ полуверстѣ виднѣется наша послѣдняя полубатарея. Ей, какъ ближайшей къ непріятелю, достается больше другихъ, хотя и она въ свою очередь не дремлетъ.

— Вегещагинъ! Видите вы вонъ тотъ бѣгый домикъ около огудій? обращается ко мнѣ генералъ, слѣзая съ лошади и разглядывая въ бинокль.

— Вегите его поскогѣй сгомать.

Слѣзаю скорѣй съ лошади и отправляюсь.

Чѣмъ ближе къ орудіямъ, тѣмъ чаще падаютъ гранаты. Вотъ одна летитъ, ближе, ближе шу-ши-ши-ши шипитъ, сердце мое готово совершенно остановиться: такъ и тянетъ присѣсть, прижàться, чтобы не быть убитымъ. Но въ то же время мелькаетъ мысль: а если генералъ увидитъ, — что онъ скажетъ: «Испугался, струсилъ!» Товарищи навѣрно тоже смотрятъ, кàкъ я иду, кланяюсь или нѣтъ. Другая разрывается въ нѣсколькихъ шагахъ. Невольно останавливаюсь, жмурю глаза и приготовляюсь къ смерти: Фр-р-р-р... шуршитъ мимо ушей осколокъ, точно молодой дупель, близехонько сорвавшійся съ своего насиженнаго мѣстечка.

— Бѣгомъ, бѣгомъ! — шепчетъ мнѣ кто то на ухо. — Эй, увидятъ, не смѣй бѣжать, шепчетъ одновременно въ другое;— въ ногахъ чувствуется слабость; начинаю спотыкаться о самыя ничтожныя препятствія.

Перемогая себя всѣми силами, чтобы идти прямо, не кланяясь,—таки тѣмъ же шагомъ дохожу до пѣхотнаго прикрытія.

За нимъ, на бугрѣ, сквозь клубы дыма, уже видны закоптѣлыя лица артиллеристовъ. Доносится ихъ команда: «Зарядъ!» «Пли!» «Къ орудію!», и т. д.

Прохожу между пѣхотой. Прижавшись другъ къ другу, съ холщевыми сумками черезъ плечо, съ ружьями въ рукахъ, тревожно сидятъ солдатики и какъ бы раздумываютъ: «кого-то изъ нихъ теперь хватитъ, если въ ихъ роту попадетъ».

Digitized by Google

— Гдѣ ротный?—спрашиваю я негромко, чтобы не нарушить общее молчаніе.

— Здѣ-есь! и ротный, рыжій штабсъ-капитанъ, высокій, загорѣлый, усатый, неохотно приподнимается и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу. Выслушавъ меня, вполголоса кричитъ: «фельдфебеля!».—«Фельдфебеля», «фельдфебеля», осторожно передается отъ солдата къ солдату. Бойкій фельдфебель, молодцовато вскакиваетъ и, слегка наклонившись, какъ бы боясь за что зацѣпить головой, устремляется къ командиру, придерживая по пути саблю.

— Назначь вотъ имъ, живо, человѣкъ десять съ топорами, сломать вонъ ту шалашку! сумрачно приказываетъ штабсъ-капитанъ и, «козырнувъ» мнѣ, незамѣтно удаляется къ своему мѣсту, на которомъ онъ съ самаго утра просидѣлъ благополучно, и потому, какъ мнѣ казалось, убѣжденъ, что тамъ гораздо безопаснѣе, чѣмъ здѣсь. Такъ какъ его мѣсто ничѣмъ не защищено и находится при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и прочія мѣста, поэтому его увѣренность, въ сущности, есть ничто иное какъ суевѣріе. Это можно сравнить съ игрокомъ, который, выигравъ нѣсколько разъ на одной и той же картѣ, придерживается ея до конца игры.

— Ну, ты, Тимоѳеевъ, Бобровъ, Анисимовъ! перебираетъ фельдфебель ближайшихъ солдатъ, и слегка, торопливо, дотрогивается до ихъ плечъ.— Маршъ, живо, съ топорами, ломать вонъ ту шалашку! Ихъ благородіе съ вами пойдетъ.—Фельдфебель торопится; ему, повидимому, тоже хочется поскорѣй уйти къ своему мѣсту; онъ, какъ и его командиръ, кажется, тоже считаетъ себя тамъ безопаснѣе. Солдаты вскакиваютъ и дружно бѣгутъ, помахивая топорами.

Домикъ оказывается деревянный, на столбахъ. Снаружи обмазанъ известкой. Онъ ярко блеститъ на солнцѣ и служитъ отличной цѣлью для непріятельскихъ орудій; если въ него не попадаютъ, то снаряды ложатся рядомъ на батарею.

Топоры звонко стучатъ о бревна, шалашка наклоняется. Въ ту минуту, какъ она готова рухнуть, снарядъ падаетъ въ нее и разрывается. Густой, высокій столбъ дыму съ пескомъ

Digitized by Google

и землей подымается передъ нами; въ то же время раздается пронзительный крикъ:

— Носилки! Алексѣева убило!..

Домикъ срубленъ. Солдаты, прыгая черезъ борозды и кусты, торопятся добраться до роты. Я возвращаюсь. За мной, чуть не бѣгомъ, несутъ Алексѣева. Обратно идти еще хуже: снаряды преслѣдуютъ и рвутся поминутно. Только видъ генерала, стоящаго со свитой все на томъ же холмѣ, удерживаетъ меня отъ бѣглаго шагу. Гранаты рѣже, рѣже,— выходимъ изъ огня.

— Ваше превосходительство, домикъ срубленъ, — докладываю я, сбираясь съ духомъ и желая казаться какъ можно спокойнѣе. — Только одного солдатика ранило, — и указываю на носилки.

— Что вы мнѣ съ пустяками пристаете? обрушивается онъ внезапно. —Вегите нести раненаго дальше отъ войскъ, чтобы не производить дурного впечатлѣнія.

Затѣмъ, когда уже я сажусь на лошадь, капризно кричитъ въ догонку: «Какъ самому не догадаться этого сдѣлать!»

— Вотъ тебѣ и благодарность получилъ, нечего сказать,— разсуждаю дорогой. И что я за дуракъ, изъ чего бьюсь? Стараюсь, стараюсь, чуть не убилъ, а онъ еще ругается. Въ полку было бы много спокойнѣе: никто не бранилъ бы, а награды навѣрное получилъ бы тѣ же самыя. И я рѣшаю, немедленно же послѣ сраженія, подать рапортъ объ отчисленіи въ полкъ, и уже заранѣе представляю себѣ удивленное лицо генерала, когда онъ спрашиваетъ Куропаткина: «Почему Вегещагинъ просится въ полкъ? Вздоръ, пускай остается». Но одновременно представляется и другой оборотъ: какъ онъ, читая рапортъ, кричитъ Куропаткину: «Вегещагинъ просится въ полкъ, ну и чортъ съ нимъ, пускай убирается; надоѣлъ».

— Вправо возьми, дальше отъ дороги! — кричу, догоняя носилки. Генералъ велѣлъ такъ нести, чтобы войскамъ не видно было.

— Гдѣ-жъ его нести? — ворчатъ тѣ, недовольные. По ихъ лицу можно предположить, что они думаютъ въ эту минуту: «И умереть то не дадутъ спокойно!»

Digitized by Google

Раненаго несутъ окольной дорогой,—неудобной, черезъ овраги, канавы; верхомъ едва можно слѣдовать. Останавливаемся вздохнуть.

— Что, живъ-ли? спрашиваю я. Наклоняюсь надъ раненымъ и смотрю: мертвенная блѣдность лица рѣзко оттѣняется черными волосами; сквозь посинѣлыя сжатыя губы, пробивается пѣнистая слюна, около которой мухи уже жадно тѣснятся; вѣки глазъ закрыты неплотно и тусклые зрачки виднѣются; грудь рѣдко, консульсивно приподымается.

— Кажись, сейчасъ умретъ, говорю солдатамъ.

— Еще дышетъ, отвѣчаютъ тѣ, вглядываясь въ лице умирающаго.

— Ваше благородіе, намъ бы теперь на дорогу выйти?

— Ладно, идите, говорю я соглашаясь, и тихонько слѣдую за ними, ведя лошадь въ поводу.

Выходимъ на дорогу, черезъ нѣсколько минутъ насъ догонятъ Скобелевъ со свитой.

— Вегещагинъ! извините, батинька, что я немного погорячился. Вы могодецъ, спасибо вамъ! кричитъ онъ, и дружески жметъ мою руку. Хотя я и не вполнѣ вѣрю въ искренность его словъ, но все-таки злоба моя понемногу исчезаетъ, забывается, и я, въ восхищеніи отъ генерала, продолжаю идти за раненымъ. Иду не по приказанію, а вслѣдствіе того, что считаю себя невольнымъ виновникомъ раненія, и хочу по возможности скорѣй облегчить страданія больнаго.

Приходимъ на перевязочный пунктъ; носилки ставимъ около шатра.

— Взгляните, ради Бога,—прошу я доктора, который, наклонившись надъ другими носилками, осматривалъ раненаго въ голову.

— Дайте-ка тепленькой водицы, кричитъ тотъ,—мочитъ губку и выжимаетъ воду на запекшуюся рану. Волосы прилипли и не даютъ разсмотрѣть.

— Ножницы!—кричитъ онъ. Худощавый, измозженный фельдшеръ съ веснушками на лицѣ, съ толстыми губами и приплюснутымъ носомъ, флегматично подаетъ ножницы.

Digitized by Google

— Взгляните минуточку на моего, — продолжаю я приставать.

— Нельзя-же съ и этого-то бросить — возражаетъ онъ, обрѣзая слипшіеся волосы.—Гдѣ вашъ больной?

— Вотъ здѣсь лежитъ.

— Захаровъ! обстригите рану, обмойте; я сейчасъ. Ну-съ, пойдемте скорѣй. Гдѣ? Этотъ? и онъ беретъ руку моего Алексѣева.

— Что-же вы, батинька, съ мертвыми-то возитесь!

— Какъ, развѣ умеръ?

— Пощупайте сами,—и предлагаетъ дотронуться до пульса; я не рѣшаюсь; сквозь отвороченный мундиръ, на боку, оказывается глубокая рана. Какой-то бѣлый кусочекъ торчитъ изъ середины. Морозъ пробѣгаетъ у меня по кожѣ.

— Ну что, убѣдились? довольно? и, кивнувъ головой, докторъ поспѣшно уходитъ.

Солдаты стоятъ еще нѣкоторое время въ нерѣшительности; затѣмъ, переговоривъ между собой, снимаютъ шапки, крестятся, чешутъ затылки, накрываются, и пожелавъ мнѣ «счастливо оставаться», отправляются во свояси.

Я ѣду назадъ. Время полдень; жара.

Генералъ расположился въ тѣни подъ деревомъ, вблизи того же самаго холмика, въ кругу офицеровъ Казанскаго полка. Въ нѣсколькихъ шагахъ играетъ полковая музыка. Непріятельскіе снаряды нерѣдко падаютъ очень близко и обдаютъ землей играющихъ. Вотъ у одного изъ нихъ отъ страха выпалъ инструментъ; музыкантъ робко озирается на начальство, и подымаетъ его.

— А который часъ, господа?—кричитъ Скобелевъ. Всѣ, у кого имѣются часы, невольно хватаются, смотрятъ и стараются доказать генералу, что это самые вѣрные. Половина перваго. —Ну-съ, господа, такъ ежели Добровольскій со своей бригадой не подойдетъ еще чегезъ полчаса, то я самъ васъ поведу на Гыжую гогу въ атаку, - и при этомъ онъ самодовольно поти-

Digitized by Google

раетъ руки отъ предстоящей для него радости, послѣ чего съ такимъ азартомъ расправляетъ свои густые рыжіе бакенбарды, точно готовился разорвать ихъ пополамъ.

Полчаса прошло, Добровольскаго нѣтъ.

— Ну-съ, съ Богомъ, господа! Полковникъ Тебякинъ! прикажите строиться; — пѣсенники впередъ! командуетъ Скобелевъ, — развернуть знамена! — Баталіонные и ротные командиры спѣшатъ исполнить приказаніе.

Зашевелились солдаты, лежавшіе до того времени не вдалекѣ; приподымаются, крестятся, обнимаются, прощаются другъ съ другомъ и становятся въ шеренгу. Ротные командиры тоже подтягиваются, становятся у своихъ частей и обнажаютъ сабли.

— Знамена къ 3-му батаіону, — добавляетъ Скобелевъ. Музыка впередъ!

Полкъ безъ шуму и разговоровъ вытягивается.

Окруженный свитой, генералъ нервно смотритъ на Рыжую гору. Онъ уже послалъ нѣсколькихъ ординарцевъ приказать артиллеріи усилить огонь на этотъ пунктъ. Я жду, что и меня сейчасъ пошлетъ. Дѣйствительно, генералъ оглядывается, — кого-бы еще послать съ тѣмъ же приказаніемъ, и кричитъ мнѣ:

— Поѣзжайте сгогѣй вдоль батагей, вегите, сколько возможно, усигить огонь по Гыжей гогѣ, скажите, что мы ее атакуемъ.

Очень неохотно ѣду я: надежда быть при Скобелевѣ и видѣть, какъ онъ лично поведетъ полкъ въ атаку, — рушилась.

— Ружья во-о-о-льно! слабо доносится отъ передовыхъ ротъ. Оглядываюсь: головныя части спускаются подъ гору и теряются въ зелени. Нѣсколько солдатиковъ призамѣшкались, отстали: торопливо поддергиваются они — вскидываютъ ружья на плечо и, крестясь, бѣгомъ, догоняютъ своихъ.

— Усильте огонь по Рыжей горѣ, — кричу я офицерамъ, проскакивая мимо батарей. Генералъ самъ ведетъ Казанцевъ въ атаку!

— Слышали, слышали! — кричатъ оттуда, и знаками показываютъ, что это имъ уже извѣстно. На слѣдующихъ батареяхъ —

Digitized by Google

тоже самое. Полкъ, тѣмъ временемъ, подается дальше. Съ позиціи батарей хорошо видно: вонъ 1-й баталіонъ пускается бѣгомъ, за нимъ 2-й и 3-тій. «Ура» — едва-едва слышно; турецкой пѣхоты нельзя различить. Казанцы бѣгутъ въ гору. Наши снаряды падаютъ какъ разъ около нихъ.

— Бѣда! своихъ перебьемъ! думаю я дорогой.—Это наши, наши! кричу батарейному командиру, сколько возможно погоняя лошадь. Остановите огонь,—тамъ на горѣ наши!

— Я самъ тоже думалъ, что наши, отвѣчаетъ тотъ: да что станешь дѣлать! у хлѣба не безъ крохъ.—Въ это время новый снарядъ ложится какъ разъ въ середину нашего баталіона и разрывается; убило-ли кого—не видно. Вслѣдь за мной скачетъ Куропаткинъ: «Остановите огонь! наши на Рыжей горѣ», кричитъ онъ, запыхавшись. «Верещагинъ! скачите, передайте на слѣдующихъ батареяхъ!» Но уже огонь прекратился. Атака окончена — гора занята. Потери, повидимому, небольшія.

Выѣзжаю на шоссе; на встрѣчу попадаются раненые. Недалеко, въ сторонѣ, подъ деревомъ, лежитъ на носилкахъ, должно быть, офицеръ; около него суетится нѣсколько человѣкъ.

— Здравствуйте, сотникъ! здоровается со мной знакомый ротный командиръ слабымъ голосомъ, и слегка киваетъ головой.

— Что съ вами?—куда вы ранены?.. легко? спрашиваю я.

— Да вотъ—куда-то тутъ!.. онъ съ трудомъ указываетъ около плеча, и сумрачно отворачивается.

— Ну, нечего стоять; нести надо. Трогайтесь съ Богомъ! торопитъ офицеръ, товарищъ больнаго.

Проѣхавъ съ версту и не доѣзжая того мѣста, гдѣ шоссе спускается къ Ловчѣ, въѣзжаю на гору. Сторона, обращенная къ намъ, вся изрыта ложементами, траншеями и ровиками. Отъ самой подошвы валяются непріятельскіе трупы. Въ особенности ихъ много на вершинѣ, гдѣ стояли орудія.

— Ишь, смотри, какъ этому рожу-то разворотило! Всю скулу оторвало,—разсуждаютъ солдатики, оглядывая трупы. Бородатый черный турокъ, уткнувшись лицомъ въ песокъ, лежитъ,

тип. н. лебедева.

Digitized by Google

раскинувъ руки. Одинъ изъ разсуждающихъ носкомъ сапога поворачиваетъ ему голову; всѣ смотрятъ — дѣлаютъ замѣчанія, съ отвращеніемъ отплевываются и проходятъ дальше.

Отсюда городъ отчлетливо видѣнъ. За нимъ и редуты. Четвертый часъ. Ружейный огонь усиливается, начинается общее наступленіе.

По сю сторону Осьмы, вдоль берега, солдаты столпились и ищутъ броду. Вонъ дальше, тоже наши. Еще дальше, тоже наши: у-у, да сколько нашихъ здѣсь скопляется!

— Ваше благородіе, генералъ сирчаютъ, что съ ними никого нѣтъ, вси разъихались, докладываетъ мнѣ казакъ, рысью въѣзжая на гору.

— А гдѣ генералъ?

— Они туды къ городу поихали.—Ѣду. Шоссе у самаго подножья горы идетъ широкой полосой и спускается къ городу. Справа открывается видъ на непріятельскіе редуты. По нимъ уже ожесточенно дѣйствуютъ восемь орудій. То то, то другое орудіе поминутно съ громомъ откатывается; дымъ застлалъ кругомъ.

— Не видали-ли генерала? спрашиваю солдата артиллериста.

— Они, ваше благородіе, только что подъ гору съ казаками проѣхали,—должно въ городъ.

— А городъ занятъ?

— Пѣхота туды уже порядочно, какъ прошла.

Скачу въ догонку.

Внизу, подъ самой горой, шоссе упирается въ мостъ. По бокамъ моста стоятъ полуразрушенныя лавочки, городъ совершенно пустой: дома разграблены, стекла выбиты, двери настежъ. Повсюду валяется различная посуда, мѣдная, деревянная, глиняная, подушки, одѣяла, одежда, сундуки, книги и цѣлыя горы табаку.

Проѣхавъ главную улицу, въѣзжаю на кладбище; за нимъ городъ еще немного продолжается. По серединѣ кладбища, вижу, разговариваютъ Скобелевъ и Куропаткинъ. Алексѣй Николаевичъ галопцомъ куда-то уѣзжаетъ, шашка его неловко болтается съ одного бока на другой, и по временамъ задѣ-

Digitized by Google

ваетъ крупъ лошади; за нимъ, приподнявшись на стременахъ, согнувшись, въ бѣломъ кителѣ, старается поспѣть рысью казакъ донецъ, безъ пики. Генералъ подъѣзжаетъ ко мнѣ, и раздражительно кричитъ:

— Отпгавгяйтесь немедленно къ князю Имеретинскому, и привеците мнѣ во что-бы то ни стаго помощи, да не меньше двухъ батагіоновъ. Ну, магшъ, живо!

— Ваше превосходительство, куда привести, гдѣ я васъ найду?

— Сюда, на это кгадбище.

— Слушаю-съ! И я скачу во всѣ лопатки. Въ это время ружейный огонь достигъ страшной силы, и слился въ одинъ общій непрерывный гулъ. Подобнаго гула, ни прежде, ни послѣ, я не слыхалъ: это было что-то невѣроятное, и произошло именно отъ того, что въ эти самыя минуты 8,000 непріятеля столкнулись у самыхъ редутовъ съ 20,000 нашихъ солдатъ, стремившихся на приступъ. Пушечные выстрѣлы прекратились, гремѣлъ одинъ только ружейный огонь, да крики «Алла» и «Ура» Все это скопилось и ревѣло на какой-нибудь одной квадратной верстѣ.

Имеретинскаго со всѣмъ штабомъ нахожу на Рыжей горѣ. Онъ съ вершины наблюдалъ за ходомъ атаки.

— Ваша свѣтлость, генералъ Скобелевъ требуетъ подкрѣпленія, докладываю я.

— Полковникъ Паренцовъ, что у насъ есть еще въ резервѣ? обращается князь къ начальнику штаба.

— Еще Э....ій полкъ есть, ваше свѣтлость.

— Ну, такъ дайте баталіонъ.

— Ваша свѣтлость, генералъ велѣлъ мнѣ приводить не меньше двухъ баталіоновъ,—настойчиво передаю я приказаніе.

— Ну, такъ какъ же?—Ну, берите два, и князь вопросительно смотритъ на Паренцова

— Полковникъ Г....въ, прикажите строиться двумъ баталіонамъ. Сотникъ Верещагинъ проведетъ васъ, обращается начальникъ штаба къ командиру полка, низенькому усатому полковнику съ очень добрымъ выраженіемъ лица.

Digitized by Google

— 1-й и 2-й баталіоны, въ ружье! кричитъ командиръ, и направляется къ лошади. Черезъ нѣсколько минутъ, откланявшись Имеретинскому, трогаемся подъ гору.

Съ редутовъ насъ замѣтили, и хотя разстояніе не меньше трехъ верстъ, пули стали свистать очень часто.

Командиръ полка и баталіонные ѣдутъ серьезные, рядомъ со мною. Изрѣдка спрашиваютъ они: куда я ихъ поведу, гдѣ генералъ? Проходимъ мостъ, втягиваемся въ улицу, уже подходимъ къ назначенному мѣсту. Но вотъ тутъ и случилось то, чего никто не ожидалъ. Пока проходили улицей, все шло благополучно, непріятель насъ не видитъ; шальныя пули изрѣдка свистятъ. Кладбище виднѣется. Но гдѣ же Скобелевъ? Его нѣтъ. Только что мы показались съ головной частью на площади, какъ непріятель открываетъ по насъ такой губительный огонь, что тотчасъ же останавливаетъ движеніе. Кто на площади, тотъ или убитъ, или раненъ. Пули точно дробь отбиваютъ по глинянымъ заборамъ и стѣнамъ домовъ. Передніе ряды солдатъ поворачиваютъ и натыкаются на задніе; тѣ лѣзутъ впередъ: происходитъ полная суматоха. Полковникъ и баталіонные соскакиваютъ съ лошадей и спѣшатъ укрыться за первый уголъ; я за ними. Убитые лежатъ какъ разъ посреди дороги и загораживаютъ движеніе. Раненые ползаютъ на колѣняхъ и ищутъ спасенія.

Въ эту минуту, съ противуположной стороны кладбища, изъ улицы, показывается Скобелевъ, не торопясь, совершенно спокойный, шажкомъ. Онъ еще не видитъ нашего безпорядка.

Я моментально вскакиваю на лошадь и скачу къ нему,— куда и робость дѣвалась!

— Ваше превосходительство, привелъ баталіоны, докладываю я.

— Зачѣмъ вы ихъ сюда пгивеги? кричитъ онъ, и вдругъ замѣчаетъ, что у насъ дѣлается,—приходитъ чуть не въ бѣшенство.

— Это что такое? погядокъ, погядокъ! Изгубгю, подгецы! кричитъ онъ, обнажая саблю и подскакивая къ солдатамъ.— Гдѣ офицегы, гдѣ командигы батагіоновъ? Кгугомъ, ведите ихъ обгатной догогой!

Digitized by Google

Не прошло двухъ минутъ, какъ все приходитъ въ первоначальный видъ: баталіоны стройно, въ ногу, идутъ той же улицей, и, сдѣлавъ обходъ, выходятъ за городъ на открытую равнину. Въ верстѣ отъ насъ возвышаются непріятельскіе редуты.

Не успѣли отойти мы ста сажень, скачетъ поручикъ Карандѣевъ и докладываетъ генералу:

— Ваше превосходительство, турки бѣгутъ, казаки бросились за ними преслѣдовать!

Бой кончился въ 6 часовъ вечера.

Александръ Верещагинъ.

Digitized by Google

ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ.

(Сонетъ).

Одѣтая сѣдой, туманной пеленою,
Въ объятьяхъ береговъ покоится рѣка,
И воды сонныя тревожитъ лишь порою.
Скользя по нимъ, челнокъ досчатый рыбака.

А тамъ, на берегу, молчанью ночи внемлетъ,
Задумчивъ и угрюмъ, суровыхъ сосенъ рядъ.
Онъ также, какъ рѣка, отдавшись грезѣ, дремлетъ
И мглою бѣлою, какъ саваномъ, объятъ.

Но скоро солнца лучъ изъ-за горы заблещетъ:
Онъ силою своей сѣдую мглу пробьетъ,
Прольетъ тепло и свѣтъ надъ бирюзою водъ

И на песчаномъ днѣ игриво затрепещетъ...
И, пробудившись вдругъ отъ тягостнаго сна,
Любовно съ вѣтеркомъ зашепчется сосна...

Н. Позняковъ.

Digitized by Google

СКАЗКА О ЖАБѢ И РОЗѢ.

(Для дѣтей).

Жили на свѣтѣ роза и жаба.

Розовый кустъ, на которомъ разцвѣла роза, росъ въ небольшомъ полукругломъ цвѣтникѣ передъ деревенскимъ домомъ. Цвѣтникъ былъ очень запущенъ; сорныя травы густо разрослись по старымъ, вросшимъ въ землю клумбамъ и по дорожкамъ, которыхъ уже давно никто не чистилъ и не посыпалъ пескомъ. Деревянная рѣшетка съ колышками, обдѣланными въ видѣ четырехгранныхъ пикъ, когда-то выкрашенная зеленой масляной краской, теперь совсѣмъ облѣзла, разсохлась и развалилась; пики растощили для игры въ солдаты деревенскіе мальчики и, чтобы отбиваться отъ сердитаго барбоса съ компаніею прочихъ собакъ, подходившіе къ дому мужики.

А цвѣтникъ отъ этого разрушенія сталъ нисколько не хуже. Остатки рѣшетки заплели хмѣль, павилика съ крупными бѣлыми цвѣтами и мышиный горошекъ, висѣвшій цѣлыми блѣдно-зелеными кучами съ разбросанными кое гдѣ блѣднолиловыми кисточками цвѣтовъ. Колючіе чертополохи на жирной и влажной почвѣ цвѣтника (вокругъ него былъ большой и тѣнистый садъ), достигали такихъ большихъ размѣровъ, что казались чуть не деревьями. Желтые коровьяки подымали свои усаженныя цвѣтами стрѣлки еще выше ихъ. Крапива занимала цѣлый уголъ цвѣтника; она, конечно, жглась, но можно было и издали любоваться ея темною зеленью, особенно

Digitized by Google

когда эта зелень служила фономъ для нѣжнаго и роскошнаго блѣднаго цвѣтка розы.

Она распустилась въ хорошее майское утро; когда она раскрывала свои лепестки, улетавшая утренняя роса оставила на нихъ нѣсколько чистыхъ, прозрачныхъ слезинокъ. Роза точно плакала. Но вокругъ нея все было такъ хорошо, такъ чисто и ясно въ это прекрасное утро, когда она въ первый разъ увидѣла голубое небо и почувствовала свѣжій утренній вѣтерокъ и лучи сіявшаго солнца, проникавшаго ея тонкіе лепестки розовымъ свѣтомъ; въ цвѣтникѣ было такъ мирно и спокойно, что еслибы она могла въ самомъ дѣлѣ плакать, то не отъ горя, а отъ счастья жить. Она не могла говорить; она могла только, склонивъ свою головку, разливать вокругъ себя тонкій и свѣжій запахъ, и этотъ запахъ былъ ея словами, слезами и молитвой.

А внизу, между корнями куста, на сырой землѣ, какъ-будто прилипнувъ къ ней плоскимъ брюхомъ, сидѣла довольно жирная старая жаба, которая проохотилась цѣлую ночь за червяками и мошками, и подъ утро усѣлась отдыхать отъ трудовъ, выбравъ мѣстечко потѣнистѣе и посырѣе. Она сидѣла, закрывъ перепонками свои жабьи глаза, и едва замѣтно дышала, раздувая грязносѣрые, бородавчатые и липкіе бока и отставивъ одну безобразную лапу въ сторону: ей было лѣнь подвинуть ее къ брюху. Она не радовалась ни утру, ни солнцу, ни хорошей погодѣ; она уже наѣлась и собралась отдыхать. Но когда вѣтерокъ на минуту стихалъ, и запахъ розы не уносился въ сторону, жаба чувствовала его, и это причиняло ей смутное безпокойство; однако, она долго лѣнилась посмотрѣть, откуда несется этотъ запахъ.

Въ цвѣтникъ, гдѣ росла роза и гдѣ сидѣла жаба, уже давно никто не ходилъ. Еще въ прошломъ году осенью, въ тотъ самый день, когда жаба, отыскавъ себѣ хорошую щель подъ однимъ изъ камней фундамента дома, собиралась залѣзть туда на зимнюю спячку, въ цвѣтникъ въ послѣдній разъ зашелъ маленькій мальчикъ, который цѣлое лѣто сидѣлъ въ немъ каждый ясный день подъ окномъ дома. Взрослая дѣвушка, его

Digitized by Google

сестра, сидѣла у окна; она читала книгу или шила что-нибудь и изрѣдка поглядывала на брата. Онъ былъ маленькій мальчикъ лѣтъ семи, съ большими глазами и большой головой на худенькомъ тѣлѣ. Онъ очень любилъ свой цвѣтникъ (это былъ его цвѣтникъ, потому, что кромѣ него, почти никто не ходилъ въ это заброшенное мѣстечко) и, прійдя въ него, садился на солнышкѣ, на старую деревянную скамейку, стоявшую на сухой песчаной дорожкѣ, уцѣлѣвшей около самаго дома, потому что по ней ходили закрывать ставни, и начиналъ читать принесенную съ собою книжку.

— Вася, хочешь я тебѣ брошу мячикъ? спрашиваетъ изъ окна сестра.—Можетъ быть, ты съ нимъ побѣгаешь?

— Нѣтъ, Маша, я лучше такъ, съ книжкой.

И онъ сидѣлъ долго и читалъ. А когда ему надоѣдало читать о Робинзонахъ, и дикихъ странахъ, и морскихъ разбойникахъ, онъ оставлялъ раскрытую книжку и забирался въ чащу цвѣтника. Тутъ ему былъ знакомъ каждый кустъ и чуть ли не каждый стебель. Онъ садился на корточки передъ толстымъ, окруженнымъ мохнатыми бѣловатыми листьями стеблемъ коровьяка, который былъ втрое выше его, и подолгу смотрѣлъ, какъ муравьиный народъ бѣгаетъ вверхъ къ своимъ коровамъ—травянымъ тлямъ, какъ муравей деликатно трогаетъ тонкія трубочки, торчащія у тлей на спинѣ и подбираетъ чистыя капельки сладкой жидкости, показывавшіяся на кончикахъ трубочекъ. Онъ смотрѣлъ, какъ навозный жукъ хлопотливо и усердно тащитъ куда-то свой шаръ, какъ паукъ, раскинувъ хитрую радужную сѣть, сторожитъ мухъ, какъ ящерица, раскрывъ тупую мордочку, сидитъ на солнцѣ, блестя зелеными щитиками своей спины; а одинъ разъ, подъ вечеръ, онъ увидѣлъ живого ежа! Тутъ и онъ не могъ удержаться отъ радости, и чуть было не закричалъ и не захлопалъ руками, но, боясь спугнуть колючаго звѣрька, притаилъ дыханіе и, широко раскрывъ счастливые глаза, въ восторгѣ смотрѣлъ, какъ тотъ, фыркая, обнюхивалъ своимъ свинымъ рыльцемъ корни розоваго куста, ища между ними червей, и смѣшно перебиралъ толстенькими лапами, похожими на медвѣжьи.

Digitized by Google

— Вася, милый, иди домой: сыро становится, громко сказала сестра.

И ежикъ, испугавшись человѣческаго голоса, живо надвинулъ себѣ на лобъ и на заднія лапы колючую шубу и превратился въ шаръ. Мальчикъ тихонько коснулся его колючекъ; звѣрекъ еще больше съежился и глухо, и торопливо запыхтѣлъ, какъ маленькая паровая машина.

Потомъ онъ немного познакомился съ этимъ ежикомъ. Онъ былъ такой слабый, тихій и кроткій мальчикъ, что даже разная звѣриная мелкота какъ будто понимала это и скоро привыкала къ нему. Какая была радость, когда ежъ попробовалъ молока изъ принесеннаго хозяиномъ цвѣтника блюдечка!

Въ эту весну мальчикъ не могъ выйдти въ свой любимый уголокъ. Попрежнему около него сидѣла сестра, но уже не у окна, а у его постели; она читала книгу, но не для себя, а вслухъ ему, потому что ему было трудно поднять свою исхудалую голову съ бѣлыхъ подушекъ и трудно держать въ тощихъ рукахъ даже самый маленькій томикъ, да и глаза его скоро утомлялись отъ чтенія. Должно быть онъ уже больше никогда не выйдетъ въ свой любимый уголокъ.

— Маша! вдругъ шепчетъ онъ сестрѣ.

— Что, милый?

— Что въ садикѣ теперь хорошо? Розы расцвѣли?

Сестра наклоняется, цѣлуетъ его въ блѣдную щеку и при этомъ незамѣтно стираетъ слезинку.

— Хорошо, голубчикъ, очень хорошо. И розы расцвѣли. Вотъ въ понедѣльникъ мы пойдемъ туда вмѣстѣ. Докторъ позволитъ тебѣ выйдти.

Мальчикъ не отвѣчаетъ и глубоко вздыхаетъ. Сестра начинаетъ снова читать.

— Уже будетъ Я усталъ. Я лучше посплю.

Сестра поправила ему подушки и бѣлое одѣяльце; онъ съ трудомъ повернулся къ стѣнкѣ и замолчалъ. Солнце свѣтило сквозь окно, выходившее на цвѣтникъ и кидало яркіе лучи на постель и на лежавшее на ней маленькое тѣльце, освѣщая

Digitized by Google

подушки и одѣяло и золотя коротко остриженные волосы и худенькую шею ребенка.

Роза ничего этого не знала; она росла и красовалась; на другой день она должна была распуститься полнымъ цвѣтомъ, а на третій начать вянуть и осыпаться. Вотъ и вся розовая жизнь! Но и въ эту короткую жизнь ей довелось испытать не мало страха и горя.

Ее замѣтила жаба.

Когда она въ первый разъ увидѣла цвѣтокъ своими злыми и безобразными глазами, что-то странное зашевелилось въ жабьемъ сердцѣ Она не могла оторваться отъ нѣжныхъ розовыхъ лепестковъ и все смотрѣла и смотрѣла. Ей очень понравилась роза, она чувствовала желаніе быть поближе къ такому душистому и прекрасному созданію. И чтобы выразить свои нѣжныя чувства, она не придумала ничего лучше такихъ словъ:

— Постой, прохрипѣла она: я тебя слопаю!

Роза содрогнулась. Зачѣмъ она была прикрѣплена къ своему стебельку? Вольныя птички, щебетавшія вокругъ нея, перепрыгивали и перелетали съ вѣтки на вѣтку; иногда онѣ уносились куда-то далеко, куда—не знала роза. Бабочки тоже были свободны. Какъ она завидовала имъ! Будь она такою какъ онѣ, она выпорхнула-бы и улетѣла отъ злыхъ глазъ, преслѣдовавшихъ ее своимъ пристальнымъ взглядомъ. Роза не знала, что жабы подстерегаютъ иногда и бабочекъ.

— Я тебя слопаю! повторила жаба, стараясь говорить какъ можно нѣжнѣе, что выходило еще ужаснѣе, и переползла поближе въ розѣ

— Я тебя слопаю! повторяла она, все глядя на цвѣтокъ. И бѣдное созданіе съ ужасомъ увидѣло, какъ скверныя липкія лапы цѣпляются за вѣтви куста, на которомъ она росла. Однако жабѣ лѣзть было трудно: ея плоское тѣло могло свободно ползать и прыгать только по ровному мѣсту. Послѣ каждаго усилія она глядѣла вверхъ, гдѣ качался цвѣтокъ, и роза замирала.

— Господи! молилась она. хоть-бы умереть другою смертью!

Digitized by Google

А жаба все карабкалась выше. Но тамъ, гдѣ кончались старые стволы и начинались молодыя вѣтви, ей пришлось немного пострадать. Темно-зеленая гладкая кора розоваго куста была вся усажена острыми и крѣпкими шипами. Жаба перекололa себѣ объ нихъ лапы и брюхо и, окровавленная, свалилась на землю. Она съ ненавистью посмотрѣла на цвѣтокъ.

— Я сказала, что я тебя слопаю, повторила она.

Наступилъ вечеръ; нужно было подумать объ ужинѣ, и раненая жаба поплелась подстерегать неосторожныхъ насѣкомыхъ. Злость не помѣшала ей набить себѣ животъ какъ всегда; ея царапины были не очень опасны, и она рѣшилась, отдохнувъ, снова добираться до привлекавшаго ее и ненавистнаго ей цвѣтка.

Она отдыхала довольно долго. Наступило утро, прошелъ полдень, роза почти забыла о своемъ врагѣ. Она совсѣмъ уже распустилась и была самымъ красивымъ созданіемъ въ цвѣтникѣ. Некому было прійти полюбоваться ею: маленькій хозяинъ неподвижно лежалъ на своей постелькѣ, сестра не отходила отъ него и не показывалась у окна. Только птицы и бабочки сновали около розы, да пчелы, жужжа, садились иногда въ ея раскрытый вѣнчикъ и вылетали оттуда совсѣмъ косматыя отъ желтой цвѣточной пыли. Прилетѣлъ соловей, забрался въ розовый кустъ и запѣлъ свою пѣсню. Какъ она была непохожа на хрипѣніе жабы! Роза слушала эту пѣсню и была счастлива: ей казалось, что соловей поетъ ее для нея, а можетъ быть это и правда. Она не видѣла, какъ ея врагъ незамѣтно взбирался на вѣтки. На этотъ разъ жаба уже не жалѣла ни лапокъ, ни брюха: кровь покрывала ее, но она храбро лѣзла все вверхъ и вдругъ, среди звонкаго и нѣжнаго рокота соловья, роза услышала знакомое хрипѣніе.

— Я сказала, что слопаю, и слопаю!

Жабьи глаза пристально смотрѣли на нее съ сосѣдней вѣтки. Злому животному оставалось только одно движеніе, чтобы схватить цвѣтокъ. Роза поняла, что погибаетъ...

Digitized by Google

Маленькій хозяинъ уже давно неподвижно лежалъ на постели. Сестра, сидѣвшая у изголовья въ креслѣ, думала, что онъ спитъ. На колѣняхъ у нея лежала развернутая книга, но она не читала ее. Понемногу ея усталая голова склонилась: бѣдная дѣвушка не спала нѣсколько ночей, не отходя отъ больного брата, и теперь слегка задремала.

— Маша, вдругъ прошепталъ онъ.

Сестра встрепенулась. Ей приснилось, что она сидитъ у окна, что маленькій братъ играетъ, какъ въ прошломъ году, въ цвѣтникѣ и зоветъ ее. Открывъ глаза и увидавъ его въ постели, худого и слабаго, она тяжело вздохнула.

— Что, милый?

— Маша, ты мнѣ сказала, что розы разцвѣли? Можно мнѣ... одну?

— Можно, голубчикъ, можно! Она подошла къ окну и посмотрѣла на кустъ. Тамъ росла одна, но очень пышная роза.

— Какъ разъ для тебя распустилась роза, и какая славная! Поставить тебѣ ее сюда на столикъ въ стаканѣ? Да?

— Да, на столикъ. Мнѣ хочется.

Дѣвушка взяла ножницы и вышла въ садъ. Она давно уже не выходила изъ комнаты; солнце ослѣпило ее, и отъ свѣжаго воздуха у нея слегка закружилась голова. Она подошла къ кусту въ то самое мгновенье, когда жаба хотѣла схватить цвѣтокъ.

— Ахъ, какая гадость! вскрикнула она. И схвативъ вѣтку, она сильно тряхнула ее: жаба свалилась на землю и шлепнулась брюхомъ. Въ ярости она было прыгнула на дѣвушку, но не могла подскочить выше края платья и тотчасъ далеко отлетѣла, отброшенная носкомъ башмака. Она не посмѣла попробовать еще разъ, и только издали видѣла, какъ дѣвушка осторожно срѣзала цвѣтокъ и понесла его въ комнату.

Когда мальчикъ увидѣлъ сестру съ цвѣткомъ въ рукѣ, то въ первый разъ послѣ долгаго времени слабо улыбнулся и съ трудомъ сдѣлалъ движеніе худенькой рукой.

— Дай ее мнѣ, прошепталъ онъ.—Я понюхаю.

Digitized by Google

Сестра вложила стебелекъ ему въ руку и помогла подвинуть ее къ лицу. Онъ вдохналъ въ себя нѣжный запахъ и, счастливо улыбаясь, прошепталъ:

— Ахъ какъ хорошо...

Потомъ его личико сдѣлалось серьезнымъ и неподвижнымъ и онъ замолчалъ... навсегда.

Роза, хотя и была срѣзана прежде, чѣмъ начала осыпаться, чувствовала, что ее срѣзали не даромъ. Ее поставили въ отдѣльномъ бокалѣ у маленькаго гробика. Тутъ были цѣлые букеты и другихъ цвѣтовъ, но на нихъ, по правдѣ сказать, никто не обращалъ вниманія, а розу, молодая дѣвушка, когда ставила ее на столъ, поднесла къ губамъ и поцѣловала. Маленькая слезинка упала съ ея щеки на цвѣтокъ, и это было самымъ лучшимъ происшествіемъ въ жизни розы. Когда она начала вянуть, ее положили въ толстую старую книгу и высушили, а потомъ, уже черезъ много лѣтъ, подарили мнѣ. Потому-то я и знаю всю эту исторію.

Всеволодъ Гаршинъ.

Digitized by Google

*
* *

Испытывалъ ли ты, что значитъ задыхаться?
Что значитъ надъ собой видать не глубь небесъ,
А звонкій сводъ тюрьмы,—и плакать, и метаться,
И рваться на просторъ,—въ поля, въ тѣнистый лѣсъ?
Что значитъ съ бѣшенствомъ и жгучими слезами,
Остервенясь душой, какъ разъяренный звѣрь,
Пытаться оторвать изнывшими руками
Желѣзною броней окованную дверь?
Я это испыталъ,—но былъ моей тюрьмою
Весь міръ,—огромный міръ, раскинутый кругомъ;
О, сколько разъ его горячею мечтою
Я облеталъ, томясь въ безмолвіи ночномъ!
Какъ жаждалъ я,—чего,—не нахожу названья:
Нечеловѣчески величественныхъ дѣлъ,
Нечеловѣчески-тяжелаго страданья,
Лишь не дѣлить съ толпой пустой ея удѣлъ!..
Съ пылающимъ челомъ и влажными очами
Я отворялъ окно въ дремавшій чутко садъ,
И пилъ, и жадно пилъ, прохладными волнами
Съ росистыхъ цвѣтниковъ плывущій ароматъ,
И къ звѣздамъ я взывалъ, чтобъ тишиной своею
Смирила-бъ эта ночь тревогу юныхъ силъ,

тип. а. ивина.

Digitized by Google

И уходилъ къ пруду, въ глубокую аллею,
И до разсвѣта въ ней задумчиво бродилъ,—
И лишь дыханьемъ дня и солнцемъ отрезвленный,
Я возвращался вновь въ покинутый мой домъ,
И крѣпко засыпалъ, въ конецъ изнеможенный,
Тяжелымъ, какъ недугъ, и безпокойнымъ сномъ...
Куда меня влекли неясныя стремленья,
Въ какой безвѣстный міръ,—постигнуть я не могъ,
Но въ эти ночи думъ и страстнаго томленья
Ничтожныхъ дѣлъ людскихъ душой я былъ далекъ:
Мой духъ негодовалъ на власть и цѣпи тѣла,—
Онъ не хотѣлъ преградъ, онъ не хотѣлъ завѣсъ,
И вѣчность цѣлая въ лице мое глядѣла
Изъ звѣздной глубины сіяющихъ небесъ!

С. Надсонъ.

Digitized by Google

ИЗЪ БУМАГЪ А. В. ДРУЖИНИНА.

Письма къ нему В. П. Боткина.

I.

Москва, 27 іюня, 1855. Паркъ.

Спасибо Вамъ, милый Александръ Васильевичъ, за интересное письмо Ваше. Спѣшу на него отвѣчать, хотя заранѣе сожалѣю, что не имѣю никакихъ средствъ сдѣлать отвѣтъ мой хоть сколько нибудь интереснымъ. Мы благополучно продолжаемъ жить съ Некрасовымъ на извѣстной Вамъ дачѣ въ Паркѣ, которой мы придали элегантный видъ посредствомъ цвѣтовъ и другихъ украшеній... Иногда, вспоминаю Васъ, читая Некрасову «Иліаду». Все это время онъ въ кроткомъ расположеніи духа и съ нимъ легко жить. Солоникова посѣщаетъ насъ чуть не каждый день...

Третьяго дня получилъ я письмо отъ Тургенева. Я не ошибся, желая послать ему Ваши статьи о Пушкинѣ. Вотъ что онъ пишетъ:

«Я прочелъ ихъ съ великимъ наслажденіемъ.—Благо-
«родно, тепло, дѣльно и вѣрно. Но въ отношеніи къ Гоголю
«Др. не правъ. То есть въ томъ, что онъ говоритъ, Др. со-
«вершенно правъ,—но такъ какъ Др. всего сказать не мо-
«жетъ, то и правда выходитъ кривдой. Бываютъ эпохи, гдѣ
«литература не можетъ быть только художествомъ—и есть
«интересы высшіе поэтическихъ интересовъ. Моментъ само-

Digitized by Google

«познанія и критики также необходимъ въ развитіи народной «жизни, какъ и въ жизни отдѣльнаго лица. А все таки статья «славная, и когда ты будешь писать Др-ну—передай ему мое «искреннее спасибо. Многое изъ того, что онъ говоритъ, нужно «нынѣшнимъ литераторамъ мотать себѣ на усъ—и я первый «знаю—où le soulier de Gogol blesse. Вѣдь это на меня Др. со- «слался—говоря объ одномъ литераторѣ, который желалъ-бы «противудѣйствія Гоголевскому направленію;—все это такъ,— «но о Пушкинѣ Др. говоритъ съ любовію, а Гоголю отдаетъ «только справедливость,—что въ сущности никогда не бы- «ваетъ справедливо.

Я нарочно выписалъ все, что Т. говорилъ о статьѣ Вашей.

Вотъ что значитъ откладывать! Давѣча утромъ написалъ къ Вамъ на дачѣ и думалъ докончить письмо въ Москвѣ, гдѣ мнѣ нужно было быть. Но цѣлый день прошелъ въ разныхъ хлопотахъ—и вотъ ужь 5 часовъ—и я спѣшу обѣдать на дачу, а письмо не дописано, и Богъ знаетъ, когда пойдетъ къ Вамъ! Значитъ не судьба излагать мнѣ вамъ свои соображенія объ отношеніяхъ взаимныхъ направленій Пушкина и Гоголя. Оба направленія—необходимы. Спѣшу—и меня ждутъ. Обнимаю Васъ крѣпко.

Весь Вашъ съ головы до ногъ

В. Боткинъ.

Напишите хоть 2 слова.

II.

Москва, 6 августа, 1855.

Сердечное Вамъ спосибо за письмо Ваше, милый и добрый Александръ Васильевичъ; на другой же день, послѣ его полученія, явился ко мнѣ Григоровичъ, и дополнилъ его отрадное впечатлѣніе. Мнѣ стыдно было, когда я узналъ о Вашей дѣятельности,—я, который все это время провелъ въ какомъ-то смутномъ снѣ. Братъ мой (Петръ) захворалъ и

Digitized by Google

мнѣ надо было ежедневно ѣздить въ Москву и по нѣсколько часовъ въ день заниматься торговыми дѣлами, а теперь черезъ два дня ѣду въ Нижній, на ярмарку. Вотъ и лѣто прошло,—вотъ прошла и поѣздка къ Вамъ—все прошло попусту: изъ всего остается только свѣтлымъ оазисомъ наше путешествіе къ Тургеневу,—и такимъ останется во мнѣ до конца моей жизни. А я долженъ просить у Васъ прощенія: видите,—во многихъ и многихъ отношеніяхъ для меня очень не ловко, если мое имя явится въ Вашихъ фельетонахъ въ СПБ. Вѣдомостяхъ, не ловко по моему положенію главы торговаго дома въ Москвѣ. Обдумавъ это со всѣхъ сторонъ,—я рѣшился просить Васъ не печатать моего имени; обозначте его одною буквою, или поставьте вмѣсто него какое нибудь вымышленное имя. А то, находясь въ значительныхъ торговыхъ дѣлахъ,—я долженъ держать въ строгости свое имя, въ противномъ случаѣ—это можетъ произвесть бурное впечатлѣніе на тотъ классъ, съ которымъ я связанъ по положенію моему. Вы поймите меня и ради Бога оцѣните мои причины и не сердитесь на меня. Зная Вашъ истинно рѣдкій и милый характеръ—я не думаю, чтобы Вы, выслушавъ мои причины,—осердились на меня. Притомъ масса читателей непремѣнно подумаетъ, что я добиваюсь такого рода литературной извѣстности и поставитъ это мнѣ въ вину. Вѣдь фельетоны нисколько не потеряютъ своего достоинства, если вмѣсто моего имени, будетъ имя вымышленное. Притомъ же моя литературная извѣстность такъ ничтожна, что мое имя ни въ какомъ случаѣ не придастъ интереса фельетонамъ.—Еще разъ—простите меня.

Прочтите повѣсть Нарской «Первое знакомство съ свѣтомъ». Очень не дурна,—лучшая изъ всѣхъ женскихъ повѣстей. Это княжна Шаликова, лѣтъ 40, но съ талантомъ. Тургеневъ пишетъ, что уже окончилъ повѣсть, большую, листовъ въ 7 печатныхъ. Пишетъ, что работалъ очень усердно и старательно...

Здѣсь вышли соч. Гоголя и 2-я часть Мертв. душъ съ «авторской исповѣдью». Это самая интереснѣйшая вещь,

Digitized by Google

какая являлась когда либо въ русской литературѣ. Очень, очень хочется знать, какое впечатлѣніе она произведетъ на Васъ. Нѣтъ, мы слишкомъ поторопились рѣшить, что Гоголевское направленіе пора оставить въ сторонѣ,—нѣтъ и 1000 разъ нѣтъ. Еще прежде чтенія Гоголевской «Исповѣди»—я много думалъ объ этомъ предметѣ—и пришелъ къ этому заключенію. По моему мнѣнію, если русскій писатель любитъ свою сторону и дорожитъ ея достоинствомъ,—онъ не въ состояніи впасть въ идилію. Намъ милы ясныя и тихія картины нашего быта, но онѣ могутъ быть для насъ только кратковременнымъ отдыхомъ, потому что въ сущности мы окружены не ясными и не тихими картинами. Нѣтъ, не протестуйте, любезный другъ, противъ Гоголевскаго направленія—оно необходимо для общественной пользы, для общественнаго сознанія. Я не хочу этимъ сказать, чтобы задушевный взглядъ Пушкина на русскую жизнь—былъ ненужнымъ,—о, напротивъ! Но сохрани Богъ исключительно слѣдовать одному изъ нихъ.

Третьяго дня пріѣхалъ сюда Панаевъ и завтра опять уѣзжаетъ. Вторая статья Толстого о Севастополѣ—превосходна; но напечатается она съ нѣкоторыми измѣненіями. Новаго сказать Вамъ нечего. Анненковъ проѣхалъ въ Нижній...

Пока прощайте; осенью, разумѣется, увидимся, а до того, еще будемъ писать другъ другу. Хотя я и ѣду до конца Августа въ Нижній,—но Вы адресуйте мнѣ въ Москву—мнѣ перешлютъ. Обнимаю Васъ крѣпко и прошу не забыть искренно и душевно любящаго Васъ

В. Боткина.

P. S. Некрасовъ увлеченъ моимъ примѣромъ и тоже пишетъ къ Вамъ. А я не могу примириться съ тѣмъ, что статьи Ваши о Пушкинѣ напечатаны въ Б. д. Ч. которую не читаютъ порядочные люди—и безъ Вашего имени!! Не могу, больно душѣ.

Digitized by Google

III.

Москва, 4 сентября, 1885.

Спасибо Вамъ, милый Александръ Васильевичъ, за письмо Ваше такое дѣльное и умное, что я смаковалъ языкомъ, читая его. Оно тѣмъ болѣе усладило меня, что я только что воротился изъ Нижняго, гдѣ провелъ слишкомъ двѣ недѣли въ дѣловыхъ занятіяхъ, которыя сжали мнѣ душу и измучили меня вслѣдствіе усилій, которыя я долженъ былъ дѣлать надъ собой и надъ головой своей. Я три дня уже въ Москвѣ и все внутри меня потягивается, словно послѣ тисковъ. Вы поймете, почему мнѣ особенно сладко было письмо Ваше. Какъ вы тамъ на меня разсердились! Должно быть въ моемъ прежнемъ письмѣ къ Вамъ я сказалъ какую-нибудь нелѣпость вопіющую, — когда Вы могли заподозрить меня въ склонности къ дидактикѣ. Нѣтъ, любезный другъ, въ этомъ между нами споръ не возможенъ и я, читая Ваше письмо, только мысленно жалъ Вамъ руку и говорилъ про себя: «дѣльно, вѣрно, умно». Да и кто, хоть сколько нибудь не только понимающій, но чувствующій значеніе искусства, не согласится, что дидактика доказываетъ въ человѣкѣ одно совершенное безсиліе творчества и фантазіи. Но вотъ въ какихъ пунктахъ мы нѣсколько расходимся. По моему мнѣнію—не направленіе дѣлаетъ произведеніе дидактическимъ, а тупая, мелкая мысль, придуманная мысль, резонерскій умъ, холодное чувство, безталанность. Истинный, поэтическій талантъ никогда не сдѣлаетъ свое произведеніе дидактическимъ, и Гоголь только тогда впадалъ въ дидактику, когда выходилъ изъ своего рода. Это правда, что Тургенева сбилъ съ толку Гоголь, и мнѣ всегда казалось, что направленіе, избранное Тургеневымъ, не соотвѣтствуетъ вовсе его таланту. Въ томъ-то и бѣда, что Тургеневу не достаетъ пока самости и смѣлости—этихъ всегдашнихъ признаковъ большихъ талантовъ. Самъ онъ несравненно выше и лучше всего, что до сихъ поръ онъ написалъ. Вы ограничиваете значеніе дидак-

Digitized by Google

тики однимъ только направленіемъ къ исправленію общественныхъ нравовъ. Большую часть произведеній Гете можно также назвать дидактическими, только дидактизмъ его имѣетъ цѣлію не исправленіе общественныхъ нравовъ, а развитіе какой либо философской мысли,—въ смыслѣ житейской философіи. Съ этой стороны грѣшитъ въ отношеніи къ искуству, большая часть его произведеній. У Гёте житейская мудрость очень часто гораздо сильнѣе его поэтическаго таланта. Только великій, всеобъемлющій умъ его спасаетъ его произведенія отъ совершенно дидактическаго впечатлѣнія. Повторяю—мелкость мысли, взгляда, напряженное чувство, отсутствіе художническаго таланта дѣлаетъ произведенія дидактическими. На этомъ споткнулись Берне и Гервегъ и вся юная Германія: ихъ погубила бездарность. Не имѣя поэтическаго таланта, они силились замѣнить его политическими идеями — этой могилой искусства,—а въ Германіи доходило это до того, что въ началѣ 40-хъ годовъ нѣкоторые философы провозглашали ненужность, безполезность поэзіи для нашего времени. Тоже самое, только въ болѣе пошлой формѣ, проповѣдывали французскіе соціалисты. Если Жоржъ-Сандъ впала въ невыносимый дидактизмъ,—это показываетъ рѣшительную устарѣлость, ослабленіе ея таланта. Дидактическій элементъ лежалъ, впрочемъ, всегда въ основѣ ея прежнихъ романовъ,—но ихъ питало горячее, рвущееся сердце—и оно одно спасало ея произведенія отъ дидактическаго впечатлѣнія. Если наша литература впадетъ въ дидактику — это будетъ рѣшительнымъ признакомъ бездарности. Нѣтъ, я терпѣть не могу дидактики, потому, что терпѣть не могу пошлаго; но съ другой стороны—я вовсе не врагъ Гоголевскаго направленія. Писуны могутъ опошлить всякое направленіе, — но дѣло критики всегда отдѣлять направленіе отъ бездарности. Къ сожалѣнію общественная дидактика, по легкости своей, представляетъ большой просторъ для бездарныхъ писуновъ. Вы видите, что въ сущности мы сходимся, — но Вы, имѣя въ виду пошлыхъ представителей Гоголевскаго направленія, осуждаете и самое направленіе. Я только въ томъ смыслѣ

Digitized by Google

называю направленіе нашей литературы Гоголевскимъ, что она, подобно ему, стремится воспроизводить дѣйствительность во всей ея реальности; но дидактизма я въ ней пока не замѣчаю. Конечно, всякое направленіе имѣетъ свой mauvaise queu и своихъ «Африкановъ» — но о нихъ можно только говорить:

Non raggionam di lor, ma guarda i passa.

Въ Гоголевскомъ направленіи русскій человѣкъ впервые взглянулъ себѣ прямо въ лицо, неприкрашенное разными европейскими косметиками. Но для этого нужна была геніальная зоркость взгляда, — главное качество, отличающее велихъ умовъ. У Пушкина эта зоркость взгляда была обращена только на внутреннія явленія чувства. Только во 2-мъ томѣ «Мертвыхъ душъ» Гоголь начинаетъ впадать въ дидактику, — явный признакъ, что талантъ его ослабъ. Островскій выписался скорѣе: послѣ первой его пьесы «Банкрутъ»*) всѣ послѣдующія его произведенія воняютъ дидактизмомъ и отъ этого такъ слабо значеніе ихъ въ сферѣ искусства. Впрочемъ, Островскій принадлежитъ къ роду талантовъ лишенныхъ поэзіи, — а такого рода таланты всегда непремѣнно склоняются къ дидактикѣ. Тоже, мнѣ кажется, ожидаетъ и Писемскаго, да у него и прежде явно проступало дидактическое направленіе. Зачѣмъ, любезный другъ, ограничивали Вы гоненіе на дидактику въ одномъ только Гоголевскомъ направленіи, — надобно гнать ее вездѣ, начиная съ нѣкоторыхъ стихотвореній Некрасова, который, кажется, начинаетъ впадать въ дидактическій тонъ. Наше время какъ-то особенно склонно къ дидактикѣ, и она проступаетъ во всѣхъ современныхъ намъ литературахъ. Это показываетъ слабость поэтическихъ элементовъ въ европейскомъ обществѣ. Нуженъ великій поэтъ, который бы освѣжилъ сердце современнаго общества. Искуство нашего времени въ самомъ дѣлѣ дѣ-

*) Названіе пьесѣ «Банкрутъ» самъ авторъ впослѣдствіи перемѣнилъ на «Свои люди—сочтемся».

Digitized by Google

лается суррогатомъ природы, по опредѣленію диссертаціи Чернышевскаго, который не находилъ другаго значенія искусству вообще.

Ну—пока довольно резонерствовать. Представьте мое удивленіе—я вчера получилъ письмо отъ Софьи Владиміровны, которая задаетъ мнѣ множество разныхъ вопросовъ—и между прочимъ о васъ. Она боится, что Вамъ скучно бывало у ней. «Que fait-il cet homme heureux de vivre, pour qui les rapports sociaux ne se reproduisent que dans deux individus: l'athénienne et le camarade? Вообще въ письмѣ своемъ она нѣсколько разъ возвращается къ мысли объ l'athénienne и даже оканчиваетъ его желаніемъ мнѣ аѳинянки — ou plutot et ce qui vaut mieux une amie brune ou blonde, selon que vous aimez et fidèle... selon que vous le meritez. N'est ce pas que cela vaut mieux? Вообще письмо ея произвело на меня милое, но грустное впечатлѣніе. Какое душное существованіе! Мнѣ мочи нѣтъ какъ хочется васъ видѣть, и я, какъ только будетъ мнѣ можно, осенью пріѣду въ Петербургъ. Отъ Григоровича нѣтъ ни слуху, ни духу; отъ Тургенева получилъ письмо назадъ недѣли три—онъ сбирался стрѣлять дупелей. Пока прощайте — напишите мнѣ слова два. Крѣпко жму Вамъ руку

душевно преданный Вамъ

В. Боткинъ.

Вѣсть о паденіи Севастополя — здѣсь страшно поразила всѣхъ. Всѣ ходятъ словно подъ обаяніемъ кошемара.

Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ—
Нынче жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ.
Смертный, силѣ насъ гнетущей
Покаряйся и терпи —
Мертвый—въ гробѣ мирно спи,—
Жизнью пользуйся живущій.

Digitized by Google

IV.

Москва, 24 сентября, 1855.

Если будетъ южный вѣтеръ, и если Вы прислушаетесь не много, то вѣрно услышите: здравствуйте милый мой Александръ Васпльевичъ—это я кричу Вамъ отсюда. Некрасовъ писалъ мнѣ, что Вы уже пріѣхали въ Петербургъ—и теперь меня наполняетъ одно желаніе—поскорѣй вырваться изъ Москвы. Не знаю, получили ли Вы мое письмо, которое я послалъ Вамъ недѣли двѣ тому. Я все это время хворалъ—сильнѣйшимъ ревматизмомъ въ ногахъ, который мѣшаетъ мнѣ даже заниматься. Разрушающійся организмъ заставляетъ сдѣлаться идеалистомъ. Съ нетерпѣніемъ жду сюда Тургенева и его повѣсть, въ которой, я почему-то надѣюсь, онъ гораздо болѣе приблизится къ самому себѣ, нежели въ прежнихъ своихъ повѣстяхъ. Что Ваша начатая повѣсть? Относительно нашего спора о противудѣйствіи Гоголевскому направленію,—я рѣшительно нахожусь въ неопредѣленности. Я думаю, что Гоголь въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ нисколько не думалъ объ исправленіи нравовъ. Онъ выводилъ на сцену своихъ Чичиковыхъ, Ноздревыхъ и Коробочекъ просто потому, что они интересовали его, такъ же какъ Теньеръ и Остадъ писали свои сцены въ деревняхъ и кобачкахъ. А потомъ, сошедшись съ сектой славянофиловъ и мрачныхъ мудрецовъ, сталъ самъ натягивать себя и возводить въ теорію свой юмористическій взглядъ на общество. Притомъ юморъ былъ новостью въ русской литературѣ. Никто, и тѣмъ менѣе Грибоѣдовъ, не были юмористами. Мы живемъ въ эпоху непомѣрнаго резонерства и необузданнаго стремленія все приводить въ теоріи. Не положительность и матеріальность составляетъ болячку нашего времени,—а резонерство и тупая страсть къ теоріямъ и системамъ. Онѣ однѣ подтачиваютъ современное поэтическое чувство: онѣ убили талантъ Ж. Санда, убили талантъ Гоголя. Духовный горизонтъ человѣка пересталъ имѣть просторъ и свободная игра

Digitized by Google

фантазіи стѣснена разными всюду насъ окружающими тенетами теорій, системъ и резонерства. Вотъ почему по мысли я всей душой одобряю Чернокнижникова и благоговѣю передъ Пиквиками Дикенса.—Пока прощайте, милый и добрый другъ.—Прилагаю переводъ нашего любимаго четверостишія Гете, сдѣланный Грановскимъ—онъ недуренъ:

Приди и сядь со мной за пиръ,
Грустить о вздорѣ перестанемъ:
Гніетъ, какъ рыба, дряхлый міръ—
Мы въ щокъ солить его не станемъ.

Вашъ весь В. Боткинъ.

V.

Москва, 7 февраля, 1856.

Мнѣ досадно, что Вы предупредили меня письмомъ,—потому что всѣ эти дни, съ самаго моего пріѣзда изъ Петербурга, меня такъ и тянуло написать къ Вамъ. Писать было хоть не о чемъ,—по мнѣ хотѣлось молча пожать Вамъ руку. Нечаянный отъѣздъ мой былъ мнѣ очень досаденъ,—а особенно когда послѣ нашей симпатичной жизни—я вдругъ почувствовалъ себя въ совершенной пустотѣ. Увидя Вашъ почеркъ на адресѣ, я прыгнулъ отъ удовольствія и ей Богу не знаю, читалъ ли я какое женское письмо съ такимъ пріятнѣйшимъ волненіемъ, какъ теперь Ваше письмо. А каковъ успѣхъ Вашего «Лира!» Для меня онъ—былъ несомнѣненъ,—но какъ увеличивается удовольствіе, когда внутренее убѣжденіе дѣлается очевидностью. Вотъ и знаменитая антипатія Толстого къ Шекспиру, противъ которой такъ ратовалъ Тургеневъ! Не могу не отдать себѣ справедливости въ томъ, что я убѣжденъ былъ, что эта антипатія изчезнетъ при первомъ же случаѣ;—но я радуюсь, что слу-

Digitized by Google

чаемъ этимъ послужилъ Вашъ отличный переводъ. Спасибо Вамъ, что помянули меня, тѣмъ болѣе, что сердце мое было съ вами.

Я нанялъ себѣ дачу въ Кунцовѣ, на отличнѣйшемъ мѣстѣ: лѣсъ, рѣка и поле. Комнатъ много. Вотъ если бы кто нибудь одолжилъ мнѣ своимъ сожительствомъ!—За уединеніе и комфортъ — ручаюсь — можно будетъ работать и гулять. Четыре комнаты въ низу и 3 на верху. Какъ бы славно пожили мы. На васъ желалъ надѣяться, да не смѣю. Вы не растанетесь съ деревней! Авось хоть не надолго увлеку Васъ.

Къ Масляницѣ—надѣюсь свидѣться со всѣми. А пока прощайте милый мой Александръ Васильевичъ, и вѣрьте въ душевную и искренную преданность

Вашего В. Боткина.

P. S. Если Григоровичъ поѣдетъ, скажите ему, что я жду его прямо къ себѣ.

Если бы не надежда, что поѣздка заграницу облегчитъ Некрасова,—я бы насильно увезъ его въ Кунцово.

Некрасовъ знаетъ эту дачу: прошлое лѣто на ней жилъ братъ мой.

VI.

10 апрѣля, 1856, Москва.

Обрадовало меня, милый Александръ Васильевичъ, письмо Ваше. Скажу прямо,—изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ пишущихъ людей Вы болѣе всѣхъ представляете гарантій для дѣйствительнаго редактора журнала—и не только по своей общей образованности, но главное по характеру своему. Нѣтъ человѣка, который, зная васъ, не уважалъ бы Васъ искренно и не ощущалъ бы къ Вамъ полнѣйшаго довѣрія. При редакторствѣ журнала — это вещь первой важности. Потомъ,

Digitized by Google

Вы человѣкъ съ положительнымъ талантомъ. Всѣ эти обстоятельства необходимы для образованія вокругъ себя литературнаго кружка, безъ котораго невозможно существовать порядочному журналу. Трудъ Вашъ будетъ большой, потому, что для того, чтобы поднять «Библіотеку» изъ ея безличности и пошлой рутины, Вамъ надо будетъ самому проникать во всѣ изгибы журнала. Взявшись за дѣло, Вы и не будете поступать иначе. Но главный затѣмъ вопросъ — состоитъ въ самомъ г. Печаткинѣ. Дѣйствительно ли онъ человѣкъ съ состояніемъ? Объ этомъ необходимо узнать основательно; если да, и если, какъ Вы пишите, онъ еще человѣкъ кроткій—все это Вамъ значительно облегчитъ дѣло. Но тѣмъ не менѣе нельзя предполагать, чтобы можно было скоро поднять въ общемъ мнѣніи «Библіотеку». Пройдетъ не менѣе года, прежде нежели ея возвышеніе въ мнѣніи публики станетъ отражаться на подписки у ней. А это будетъ тогда, когда публика убѣдится, что «Библіотека» есть журналъ, а не странный сборникъ, въ которомъ рядомъ съ статьей о Пушкинѣ печатается глупѣйшая и подлѣйшая журналистика и т. п. Жаль, что Вы ничего не сказали о томъ, на сколько лѣтъ принимали Вы на себя редакторство; а это обстоятельство важно, потому что въ то время, когда редакторство Ваше увеличитъ подписку на журналъ, — издатель, въ виду выгоднѣйшихъ для себя условій,—пожалуй вздумаетъ перемѣнить редактора. Надобно также уговориться, чтобы разсчетъ за статьи и за редакторство дѣлаемъ былъ непремѣнно тотчасъ по выходѣ каждой книжки. Это самый главный пунктъ—для упроченія его и нужно основательно знать состоятельность Печаткина. Если съ матеріальной стороны Вы покойны,—то дѣло въ шляпѣ. Вы сдѣлаете «Библіотеку» журналомъ, на который публика принуждена будетъ обратить вниманіе. Съ Богомъ, милый и добрый Александръ Васильевичъ! Обо многомъ бы хотѣлось съ Вами переговорить относительно этого,—но мы еще до этого увидимся и поживемъ вмѣстѣ—вѣдь я надѣюсь, что мысль о поѣздкѣ въ Москву и Кунцово Вами не брошена? Да и мнѣ страсть

Digitized by Google

какъ хочется посмотрѣть на всѣхъ, и я можетъ быть на святую съѣзжу въ Петербургъ. Но не знаю.

Ну-съ,—статья Ваша объ Англійской литературѣ отличная, но жаль, что не ровна; — къ концу видно, что Вы спѣшили. Повѣрьте, этого рода статьи очень важны и приносятъ большую пользу—и не забудте, что во всей русской литературѣ нынѣшней одни только Вы и мастеръ на нихъ. Пока прощайте мой милѣйшій Боярдъ и вѣрьте въ мою къ Вамъ искреннѣйшую преданность.

В. Боткинъ.

VII.

Кунцово, 24 іюня, 1855.

Спѣшу поскорѣе отвѣчать Вамъ, милый и добрый другъ Александръ Васильевичъ, чтобы письмо мое застало Васъ еще въ Петербургѣ. Спасибо Вамъ, добрый и вѣрный товарищъ, за Ваше письмо съ его вопіющимъ содержаніемъ. А не смотря на это, я дорого бы далъ, чтобы быть свидѣтелемъ всей этой истинно чернокнижной сцены, къ герою которой я питаю нелицемѣрное удивленіе. Безцѣнный человѣкъ! Усладитель! Избавьтесь отъ пошлой рутины вагонныхъ бесѣдъ и безцвѣтныхъ сценъ! Такія явленія—поэзія вагонной жизни, за неимѣніемъ, разумѣется, другой, болѣе ароматной поэзіи, которую, увы! кажется надо отнести въ царство вагонной фантазіи.

Радъ я, что редакцію «Библіотека для чтенія» нашли Вы въ исправности, это облегчило меня за Васъ, потому что я въ Вашемъ редакторствѣ принимаю душевное участіе. Черезъ день послѣ Вашего отъѣзда получилъ я письмо отъ Тургенева. Онъ хвалилъ Вашу статью о Фетѣ, хотя и говоритъ, что Вы вдались въ ней въ нѣкоторое преувеличеніе, а статью объ Огаревѣ находитъ прелестной. — «Это настоящій тонъ, дѣльное дѣло — въ немъ (т. е. въ Васъ) сидитъ русскій reviewer въ отличнѣйшемъ смыслѣ слова; я много

Digitized by Google

жду отъ «Библіотеки для чтенія» подъ его командой. Если я не превращусь окончательно въ животное, напишу непремѣнно для него разсказъ — (entre nous soit dit—только для него и напишу,—а въ «Русскій Вѣстникъ» и «Отечественныя записки» хоть сѣки меня—не могу).

Я нарочно выписываю эти строки изъ письма Тургенева надѣясь, что онѣ доставятъ вамъ нѣкоторое удовольствіе. А мнѣ, какъ на зло, «Библіотека для чтенія», не дается, какъ кладъ. Ради Бога,—нельзя ли прислать мнѣ изъ майскаго нумера статьи о Фетѣ и Огаревѣ? Я ихъ опять возвращу вамъ,— въ Москвѣ же я, по извѣстному вамъ обстоятельству, показываться не могу, а никто изъ знакомыхъ не получаетъ «Библіотеки для чтенія». Пожалуйста, если можно! — Такъ какъ вы видѣли уже Фета, и вѣрно знаете его стихи «Петербургская ночь». Особенно окончаніе — удивительно! — я здѣсь упивался имъ до сладострастія.

А нынѣшнее лѣто—пропало для насъ: холодно и мрачно— хоть я и купаюсь, но того панеистическаго ощущенія, которое мы испытали съ вами здѣсь въ немногіе теплые дни—нѣтъ и слѣда; точкой соприкосновенія съ природою— служатъ мнѣ одни только воробьи; цвѣты не пахнутъ отъ холода; деревья стонутъ отъ страшныхъ порывовъ вѣтра и судорожно качаютъ вѣтвями; на дняхъ вѣтромъ сломило огромную липу, около того мостика, внизу, на которомъ любовались мы на склонившуюся липу. Это случилось во время моего купанья: съ какимъ трескомъ рухнулось огромное дерево, изломало мостикъ, испортило ключъ и нарушаетъ теперь прежнюю успокоительную картину своимъ громаднымъ трупомъ съ поблекшими вѣтвями. Все остальное въ Кунцовѣ не измѣнилось; Грекъ былъ у меня, но не засталъ; и я потомъ не засталъ его. Теперь здѣсь Панаевъ, и мы дѣлаемъ съ нимъ большія прогулки.

Эхъ, дорогой, пожили бы вы со мной, чѣмъ мерзнуть въ Петербургѣ, а у васъ въ Нарвской сторонѣ должно быть еще холоднѣе. Ахъ, забылъ было — Тургеневъ пишетъ, что Каратѣевъ цѣлъ и невредимъ, — но еще не вернулся домой!

Digitized by Google

Да ужъ и эта вѣсть восхитила меня. Ко мнѣ сбирался пріѣхать Языковъ. Если увидите богоподобнаго Андреаса, передайте ему мой сердечный привѣтъ. Изъ славянъ никого не видалъ. Панаевъ вамъ кланяется.

Если еще увидите милѣйшаго Григоровича,— передайте ему отъ меня самый искренній и дружескій поклонъ. Да скажите ему, что я прошу его увѣдомить меня, когда онъ располагаетъ быть въ Москвѣ? Жму вамъ крѣпко руку.

Душевно преданный вамъ

В. Боткинъ.

VIII.

Кунцово, 26 іюля, 1856.

Здравствуйте мой милѣйшій и дорогой Александръ Васильевичъ! Уже недѣлю цѣлую сбираюсь писать къ Вамъ,— и все не могу войти въ письменное расположеніе. А безъ Васъ случилось многое: во первыхъ получилъ я письмо отъ Анненкова, который и Вамъ приписываетъ слѣдующее:

«Касательно статей,—закажите: вотъ, дескать, что̀ напишите, а иначе самъ я ни на чемъ не остановлюсь, потому что ничего особенно меня теперь не занимаетъ. Ничего я не штудирую, а лежу въ безобразномъ своемъ саду, имѣющемъ нѣкоторое количество старыхъ, престарыхъ деревъ. И очень хорошо. Четвероугольныхъ нѣтъ,—это вздоръ, противный физикѣ и здравому смыслу».

Меня привела въ восхищеніе эта оппозиція Тургеневскому описанію сада Анненкова. А потомъ былъ здѣсь Тургеневъ два дня, а на третій уѣхалъ, и вчера я получилъ отъ него письмо изъ Петербурга, въ которомъ онъ пишетъ, что черезъ 4 дяса—отъѣзжаетъ на параходѣ за границу. О Некрасовѣ не знаю, что съ нимъ дѣлается и что онъ самъ думаетъ о своемъ отъѣздѣ. Тургеневъ написалъ небольшой разсказъ; онъ читалъ его мнѣ въ неисправленномъ еще видѣ,—

Digitized by Google

но если ему удалось хорошенько выдержать его, разсказъ будетъ очень хорошъ.—Жизнь моя идетъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и при Васъ, внѣшнихъ развлеченій не прибавилось; Греки стали было сильно надоѣдать мнѣ приглашеніями къ себѣ и въ свои parties de plaisir,—но я однакожъ выдержалъ, и теперь они оставили меня въ покоѣ. Сладостное однообразіе нашей жизни нарушено было только пріѣздомъ изъ заграницы брата и сестры. Чертъ знаетъ какъ случается это, что я кажется занятъ, никогда не скучаю,—и все таки въ результатѣ выходитъ нуль, а когда Вы пишете мнѣ о своей дѣятельности—мнѣ становится больно и досадно отъ стыда за свою пустую жизнь. Прочелъ «Хронику» Аксакова. Его гимназическія идилліи—убиваютъ неодолимою скукою. Удивительно, что все разсказываемое имъ по наслышѣ,—крайне интересно,—а его собственныя воспоминанія—крайне пусты. Это обстоятельство даетъ невыгодное понятіе объ авторѣ. Просмотрѣлъ я свои «письма изъ Испаніи» и отправляю ихъ Некрасову, которому обѣщалъ ихъ. За статью о Фетѣ почти не принимался. Хочется по этому поводу вывести значеніе искусства и поэзіи,—но чувствую, что безпрестанно путаюсь въ этихъ глубинахъ,—а нѣмецкія опредѣленія до сихъ поръ очень мало уяснили дѣло для русской публики, отвлеченныя же опредѣленія похожи на громкія, но пустыя слова. Милѣйшій Григорьевъ нѣсколько разъ являлся въ Кунцево—и разъ съ грустною вѣстію,—что если онъ не достанетъ 100 рублей, то его посадятъ въ тюрьму. Къ счастью грозу эту можно было отвратить. Сочинилъ онъ большую статью объ искренности въ искусствѣ, для «Русской бесѣды». То, что онъ читалъ мнѣ изъ нея—очень хорошо. Теперь занятъ онъ исправленіемъ «Сна въ лѣтнюю ночь» для «Библіотеки для чтенія»; отъ этой пьесы я жду большой занимательности для читателей. Теперь доживаю я послѣдніе дни въ Кунцевѣ—а потомъ въ Нижній. Гадкая перспектива! Прощай тишина и уединеніе! Я безъ Васъ много читалъ Гете—сначала думалъ только справиться въ немъ кой о чемъ,—да невольно и зачитался его мелкихъ статей, рецензій и замѣтокъ. Что

Digitized by Google

нашъ милѣйшій и сладчайшій Григоровичъ? У васъ ли онъ теперь? Если у Васъ—передайте ему мой сердечный привѣтъ. Панаевъ отличный сожитель и храбрый человѣкъ: представьте себѣ, мы продолжаемъ купаться, не смотря на гнусную погоду. Солоникова съ тѣхъ поръ не видалъ и не знаю, что съ нимъ дѣлается, Нельзя ли какъ нибудь выманить у него его сочиненія о женщинѣ? Вѣдь это будетъ потеря для потомства. Краевскій, напечатавши сцены Горева, далъ ужаснаго маху: это пошлѣйшая дрянь, и вся тактика его противъ Островскаго—пала ему же самому на голову. Адрессуйте мнѣ по прежнему въ Москву.

Душевно преданный вамъ

В. Боткинъ.

IX.

Москва, 9 октября, 1856.

Вотъ какое обстоятельство: я долженъ ѣхать въ Петербургъ по одному дѣлу, но поѣздка моя зависитъ отъ положенія этого дѣла; я всякій день жду извѣстія, въ слѣдъ за которымъ я долженъ ѣхать; но это извѣстіе не приходитъ и я сижу у моря и жду погоды и не пишу къ Вамъ въ надеждѣ скораго свиданія. Эта надежда на скорое свиданіе—отнимаетъ охоту писать, такъ хочется о многомъ поговорить! Ну, милый душѣ моей редакторъ, — вотъ вы теперь ужь официальное лицо. Да зачѣмъ же Вы продолжаете не подписывать свое имя подъ критическими статьями? Неужели Вы надѣетесь, что публика святымъ духомъ знаетъ о Вашемъ критическомъ талантѣ? Вы рѣшительно дѣйствуете наперекоръ своимъ и литературнымъ, и другимъ интересамъ; Ваше существенное, журнальное значеніе продолжаетъ быть тайной для публики,—а Вы разсчитываете на подписку ради своего редакторства.

Прочтя Вашу статью о «Метели» и «Двухъ гусарахъ» Толстаго, я рѣшительно воскипѣлъ на Васъ негодованіемъ. Зачѣмъ нѣтъ подъ нею Вашего имени? Вы сошлетесь на

ТИП. В. С. БАЛАШЕВА. 32

Digitized by Google

обычай журнала; да къ черту обычай, когда надлежитъ довести до свѣдѣнія публики, что авторъ статей о Фетѣ, Огаревъ и Толстомъ—есть будущій редакторъ журнала. Вы рѣшительно обнаруживаете недостатокъ практическаго смысла, и я злобно сердитъ на Васъ. Еслибъ Печаткинъ Вашъ не былъ такой тупецъ, онъ самъ потребовалъ бы отъ Васъ подписи имени. Все это меня бѣситъ потому, что если публика при подпискѣ окажетъ равнодушіе, Вы это равнодушіе станете относить къ Вашему имени и впадете пожалуй въ уныніе; а эта публика даже и не подозрѣваетъ въ Васъ литературнаго критика!.. Я знаю, что Вы упрямы, какъ столбъ и своротить Васъ съ принятыхъ Вами рѣшеній—невозможно,—но по крайней мѣрѣ не вините же публику за ея незнаніе Васъ, какъ критика;—а литературная критика стала теперь рѣшительно рѣдкостію въ журналахъ—ну и проч., о чемъ я предоставляю себѣ говорить съ Вами лично.

Получилъ я, любезный другъ, Вашу статейку для «Журнала Садоводства» и передалъ ее Пикулину, который нашелъ ее милой и интересной и, кажется, уже печатаетъ ее. Низко и любовно кланяется онъ Вамъ за нее.

Здѣсь теперь проѣздомъ Анненковъ, котораго скоро увидимъ—онъ похудѣлъ и принялъ болѣе человѣческій образъ. Видѣлъ я Писемскаго,—онъ пріѣхалъ сюда лечиться и живетъ у Островскаго—вотъ измѣнился-то! Похудѣлъ, пожелтѣлъ, голосъ дрожитъ; сдѣлался ипохондрикомъ, боится умереть. Онъ болѣнъ серьезно и, кажется, печенью. Многое тутъ слѣдствіе возліяній водочныхъ. До сихъ поръ желѣзный организмъ Островскаго выдерживаетъ еще эти возліянія,—но и ему они не пройдутъ даромъ. Григорьева давно не видалъ,— но какіе онъ себѣ сочинилъ славянофильскіе костюмы—удивленіе! Онъ—великъ. Кромѣ щегольскаго зипуна носитъ онъ какую-то поддевку съ голобыми плисовыми отворотами,—чертъ знаетъ что такое. У него было что то въ родѣ оспы, и поэтому я не былъ у него.

Спасибо Вамъ за выборъ «Коріолана»: — есть высочайшая современность въ этой пьэсѣ. Я, въ ожиданіи скораго

Digitized by Google

свиданія съ Панаевымъ, не пишу ему,—а пожалуста передайте ему, чтобъ онъ остановилъ Ч. отъ дальнѣйшаго развитія послѣдней статьи его. Здѣсь всѣ возмущены ея несвоевременностью и ребяческою откровенностью, служащею комментаріями къ воспоминаніямъ другаго автора. Это не хорошо и вредно.

Душевно преданный Вамъ
В. Боткинъ.

X.

Марта, 1857.

Не браните меня за мое долгое молчаніе, любезный другъ. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я страдаю отъ появившагося у меня мучительнаго карбункула, ужасная боль котораго не давала мнѣ стать или принять какое либо другое положеніе, кромѣ горизонтальнаго. И эти строки пишу къ вамъ черезъ силу, кое какъ. Ради Бога не распространяйтесь обо мнѣ по поводу моей книги. Вообще писалъ я очень мало—кое-что въ «Москов. Наблюдателѣ»—«Телескопѣ», а потомъ нѣсколько статей было въ «Отечественныхъ Запискахъ». Что же касается до моихъ отношеній къ Бѣлинскому,—то право трудно рѣшить, по крайней близости этихъ отношеній, на которую сторону было больше вліянія. Да и какъ тогда было это замѣчать, когда мы преданы были разъясненію и розысканію занимавшихъ насъ эстетическихъ вопросовъ. Выгода моя состояла только въ томъ, что я зналъ по нѣмецки и смѣло могъ справляться съ источниками. Не могу больше продолжать. Какъ будетъ мочи, тотчасъ же напишу вамъ.

Обнимаю васъ
В. Боткинъ.

P. S. Перечелъ «Барыню» Писемскаго,—очень хороша, прелестна, и Анненкова статья отличная. О деньгахъ вы не заботьтесь—если не достанете—у меня будутъ—и нужды мы избѣжимъ.

Digitized by Google

XI.

Москва, 8 марта, 1857.

Наконецъ получилъ я нѣкоторую возможность сидѣть, и спѣшу написать вамъ нѣсколько строкъ, мой дорогой и милый Александръ Васильевичъ. Дня три назадъ я послалъ къ вамъ нѣсколько строкъ, гдѣ писалъ вамъ о причинѣ моего долгаго молчанія. Теперь мой карбункулъ начинаетъ проходить. Возвращаюсь къ вашему письму и заданнымъ мнѣ вопросамъ. Повторяю вамъ, любезный другъ, пожалуста, какъ можно меньше говорите собственно обо мнѣ, а тѣмъ менѣе о какой либо помощи, какую я могъ оказывать Бѣлинскому. И какъ можно мнѣ объ этомъ судить? Это дѣло посмертныхъ замѣтокъ, т. е. замѣтокъ обо мнѣ, когда я умру. Найдутся люди, которые теперь сочтутъ такого рода «извѣстія» за поползновеніе съ моей стороны придать себѣ какое то ничѣмъ не оказанное значеніе, а васъ за снисходительнаго compère. Нѣтъ, оставимъ лучше это дѣло. То время было то, что нѣмцы называютъ Sturm und Drang Periode. Все въ насъ кипѣло, и все требовало отвѣта и разъясненія; всякій клалъ свою посильную лепту въ общую сокровищницу, которою была критика Бѣлинскаго. Одинъ меньше, другой больше,— но какъ теперь разберешь?

Вчера получилъ я письмо отъ Толстого — первое послѣ отъѣзда его за границу—и наконецъ письмо отъ Тургенева— мрачное, унылое. Видно, что онъ переживаетъ какое—то сильное душевное разстройство; ни въ какія подробности онъ не вдается, а говоритъ только что онъ отравленъ. Но этого мало—отрава, кажется, проникла и въ его умственную дѣятельность. Вотъ что между прочемъ онъ пишетъ: «Что касается до меня, то скажу тебѣ на ухо съ просьбой не пробалтываться: ни одной моей строчки никогда напечатано (да и написано) не будетъ до скончанія вѣка. Третьяго дня я не сжегъ (потому что боялся впасть въ подражаніе Гоголю), но изорвалъ и бросилъ въ water-clozet всѣ мои начинанія, планы и т. д. Все это вздоръ. Таланта съ

Digitized by Google

особенною физіономіею и цѣлостностью—у меня нѣтъ—были поэтическія струнки, да онѣ прозвучали и отзвучали — повторяться не хочется. Въ отставку! Это не вспышка досады, повѣрь мнѣ, это выраженіе, или плодъ медленно созрѣвшаго убѣжденія. Неуспѣхъ моихъ повѣстей ничего мнѣ не сказалъ новаго. Все это довольно странно послѣ обязательнаго соглашенія,—mais je m'en lave les mains. Такъ какъ я порядочно владѣю россійскимъ языкомъ, то я намѣренъ заняться переводомъ «Донъ-Кихота»—если буду здоровъ. Ты вѣроятно подумаешь, что все это преувеличеніе, и ты мнѣ не повѣришь. Ты увидишь, я надѣюсь, что я никогда не говорилъ серьезнѣе и искреннѣе. Ты знаешь, что я хотѣлъ бросить стихи писать, какъ только убѣдился, что я не поэтъ, а по теперешнему моему убѣжденію я такой же повѣствователь, какой былъ поэтъ».

Что скажете вы объ этомъ? Мнѣ кажется, при свойственной ему дозѣ легкомыслія, тутъ однакожъ говоритъ и здравое чувство. Тотъ необходимый искусъ, о которомъ вы говорили, черезъ который долженъ пройти всякій даровитый писатель, этотъ искусъ только теперь насталъ для него. Вѣроятно до него дошолъ и разборъ Дудышкина. Все вмѣстѣ наконецъ заставило его внимательно взглянуть на себя, а сверхъ всего этого и тяжкое душевное состояніе способствуетъ къ ипохондрическому раздумью о себѣ. Словомъ, мнѣ кажется, что въ нашемъ пріятелѣ совершается какой-то духовный кризисъ. Вотъ что пишетъ Толстой о свиданіи своемъ съ нимъ: «Оба они блуждаютъ въ какомъ-то мракѣ, грустятъ, жалуются на жизнь, ничего не дѣлаютъ и тяготятся, какъ кажется, каждый своими респективными отношеніями». Тургеневъ пишетъ, что Некрасовъ внезапно собрался и уѣхалъ опять въ Римъ. Письмо Толстого всего занимаетъ только одну страничку, но исполнено свѣжести и бодрости. Германія очень заинтересовала его, и онъ хочетъ потомъ поближе узнать ее. Черезъ мѣсяцъ ѣдетъ онъ въ Римъ. Но что вы скажете о письмѣ Тургенева? Когда человѣка хватитъ что нибудь сильно по сердцу — Боже мой! въ какомъ призрач-

Digitized by Google

номъ видѣ представляется ему литературная дѣятельность. А можетъ быть и то еще, что ему самому теперь только сознательно раскрылись слабыя стороны его произведеній. Какъ бы то ни было, но положеніе его меня душевно безпокоитъ. Что думаетъ объ этомъ Анненковъ? Кстати, скажите ему, что статья его о Станкевичѣ мнѣ кажется прекрасною. Я прочелъ только первый отдѣлъ ея: все вѣрно и точно понято. Ахъ, какъ хотѣлось бы быть съ вами и хоть на день обмѣняться мыслями! Я едва могу сидѣть, никого здѣсь не вижу. А какова наша публика! Не правда ли вѣдь весело видѣть такое признаніе и отвѣтъ? Я разумѣю продолжающуюся подписку на «Библіотеку». Повторяю, «Барыня» Ермила *) отлично разсказана. Пока прощайте. Едва могу дописать, такъ еще больно мнѣ сидѣть.

Весь вашъ В. Боткинъ.

XII.

Москва, 20 марта, 1857 г.

Вчера получилъ я Ваше письмо, любезный другъ Александръ Васильичъ, изъ котораго вижу, что у Васъ всѣ приготовленія къ отъѣзду уже сдѣланы. Представте, я въ этомъ отношеніи нахожусь въ самомъ загадочномъ положеніи: вотъ уже полтора мѣсяца, какъ мы не получаемъ никакого письма отъ нашего главнаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Кяхтѣ. Я рѣшительно не знаю, чему приписать такое неестественное молчаніе. Если онъ опасно болѣнъ, или не въ состояніи завѣдывать нашими дѣлами — въ такомъ случаѣ приведется въ Маѣ ѣхать въ Кяхту брату Дмитрію, а мнѣ тогда необходимо остаться въ Москвѣ. Вотъ въ какомъ положеніи я нахожусь! Каждую почту, приходящую изъ Кяхты, жду съ нетерпѣніемъ и откладываю свои хлопоты о паспортѣ. По этой причинѣ я еще не публиковался. Хотя и есть нѣкоторая надежда, что такое странное молчаніе нашего повѣрен-

*) Дружининъ назвалъ Ермиломъ Писемскаго, находя въ немъ черты, общія съ Ермиломъ Костровымъ. Прим. ред.

Digitized by Google

наго имѣетъ причиною болѣзнь, и что мы въ мартѣ получимъ отъ него извѣстіе,—но до полученія этого извѣстія я все таки не могу приняться за хлопоты о паспортѣ. Если, какъ Вы пишете, Вамъ трудно будетъ выѣхать раньше 15 апрѣля, то я успѣю еще приступить къ полученію паспорта съ 1-го апрѣля, тѣмъ болѣе что всѣ предварительныя распоряженія мной сдѣланы. Вотъ какое совершенно неожиданное обстоятельство! Но я думаю также, не взять-ли мѣсто на почтѣ въ Варшаву и на какое число? Вѣдь если все уладится,—надобно все-таки взять мѣсто заранѣе... Увѣдомяте меня, на какое число апрѣля взять мѣсто? У меня сердце, сжимается отъ мысли, что наша общая поѣздка не состоится, и какъ я ни ломаю себѣ головы о средствахъ вырваться теперь,—ничего не могу придумать. Черезъ двѣ недѣли все должно опредѣлиться. Все это время неизвѣстность просто давитъ меня—поѣду я, или не поѣду? И подумайте, для чего я долженъ остаться: на случай болѣзни брата Петра, который здѣсь занимается веденіемъ дѣлъ! А весьма можетъ статься, что онъ будетъ здоровъ, и во мнѣ не встрѣтится ни какой надобности,—и все лѣто пройдетъ для меня попусту, тогда какъ... ну да мнѣ больно даже думать объ этомъ. Что-то скажутъ эти роковыя для меня двѣ недѣли.

На счетъ денегъ вы не безпокойтесь. Если,—чего Боже сохрани, мнѣ невозможно будетъ ѣхать, то вы напишите мнѣ изъ за границы, куда и сколько вамъ прислать—я вамъ тотчасъ пришлю вексель на банкира. Но повторяю, я не теряю надежды на выѣздъ.

Относительно денегъ, т. е. брать-ли ихъ въ векселяхъ—зависитъ отъ мѣста, куда ѣхать. Такъ какъ нашъ путь будетъ лежать въ Италію, то лучше взять у Штиглица нѣсколько векселей на Парижъ каждый въ 500 или 700 франковъ, да кромѣ того русскимъ золотомъ съ собой 300 руб. сер. Еслибъ можно было достать въ Петербургѣ французскихъ золотыхъ 20 франковыхъ, то всего-бы лучше было взять ихъ съ собой на всю сумму, которой вы можете располагать. Это было бы всего выгоднѣе. Что касается до век-

Digitized by Google

селей Штиглица, то за нихъ можно получить деньги у каждаго банкира въ Италіи, хотя и съ нѣкоторымъ учетомъ. Векселя взять у Штиглица на три мѣсяца; а въ теченіе этого времени будутъ расходоваться взятыя съ собой деньги золотомъ. Конечно, и въ Москвѣ можно взять у банкировъ векселя, но въ Петербургѣ, особенно у Штиглица, это дѣлать выгоднѣе, да и вексель Штиглица все равно, что деньги—его во всякомъ торговомъ городѣ можно продать.

Передайте мой поклонъ милѣйшему А. Григорьеву.

Комедія Островскаго въ «Русской бесѣдѣ» (*) показалась мнѣ слабоватою почти во всѣхъ отношеніяхъ. Отъ нея вѣетъ книжностью, да и языкъ ея, исключая матери и двухъ дочерей,—тоже книженъ. Вышневскій съ супругой—тѣни не имѣющія физіономій. Живѣе характеризуются только въ Полинѣ, Юлинькѣ и матери ихъ Кукушкиной. Добрая ничтожность отлично олицетворена въ Полинѣ. Весь 4 актъ, сцены Кукушкиной съ Полиной и Жадовымъ—мастерскія,—жизненнымъ пахнетъ отъ нихъ. Мысль—указать на ту неуловимую черту, какая отдѣляетъ въ жизни честность отъ взяточничества—вѣрна и глубока. Да, лучшій человѣкъ можетъ загрязнить себя, но къ сожалѣнію Жадовъ своею книжностью не внушаетъ къ себѣ довѣрія. А между тѣмъ, если раздумаешь объ этомъ, то вѣдь книжностію и можно только бороться противъ существующаго зла и укоренявшейся безнравственности, которая взятку, «благодарность» ни съ какой стороны не считаетъ предосудительною. Жаль, что Жадовъ представленъ нѣсколько легкомысленнымъ; доказательство тому его женитьба, да и вообще въ немъ слышится мальчикъ—резонеръ. Отношенія его къ своей женѣ остаются для читателя совершенно внѣшними, чуждыми. Вообще психологическая сторона комедіи особенно слаба—словомъ это невыношенное произведеніе большаго таланта, и въ немъ талантъ отражается гораздо менѣе, нежели въ предшествовавшихъ его произведеніяхъ.

(*) «Доходное мѣсто».

Digitized by Google

Сейчасъ посылалъ справляться на почтѣ; представьте: съ легкою почтою есть два мѣста на 8 Апрѣля, а потомъ до 20 Мая всѣ мѣста заняты. Но съ тяжелою, которая днемъ и даже 2 днямъ ходитъ медленнѣе — мѣста есть почти на весь апрѣль. Но прежде я хочу переговорить съ продавцами тарантасовъ,—не дадутъ ли на прокатъ до Варшавы — тогда бъ для насъ проѣздъ до Варшавы былъ удовольствіемъ, да еще и интереснымъ, и я готовъ заплатить за это 100 р. лишняго противъ почты. Я объ этомъ скоро буду писать къ вамъ.

Какая отличная книжка «Русской Бесѣды»! Но статья Крылова—объядѣнье по взгляду, по изложенію, по глубокомыслію—читать ее рѣдкое наслажденіе. Подобное наслажденіе даетъ мнѣ только Карлейль. Мартовской «Библіотеки» мнѣ еще не присылали: жду ее съ алчностью, чтобы прочесть вторую статью о Тургеневѣ. Непремѣнно надо списаться съ Толстымъ для свиданія. Я ему писалъ въ Парижъ, а потомъ слышалъ, что онъ уже уѣхалъ оттуда въ Римъ. Тургенева же не затащишь въ Италію—а что онъ пишетъ о своемъ возвратѣ? Увѣдомьте, когда именно? Жму вамъ крѣпко вашу крошечную руку.

В. Боткинъ.

P. S. Я все таки надѣюсь ѣхать—и все употреблю для этого.

XIII.

Москва, 27 марта, 1857.

Ура, любезный другъ! Послѣдняя почта изъ Кяхты дала мнѣ увѣренность, что я могу сбираться къ отъѣзду. На дняхъ же приступаю къ публикаціи. Но главный вопросъ: какъ намъ ѣхать? По внимательномъ обсужденіи вопроса я останавливаюсь на желаніи—ѣхать въ своемъ экипажѣ. Спать 6 или 7 дней, сидя въ почтовой каретѣ, гдѣ нѣтъ возможности протянуть ногъ—ужасно! И ноги отекутъ, да и самъ измучаешься. А въ своемъ экипажѣ хотя мы проѣдемъ нѣ-

Digitized by Google

сколько долѣе, но спать мы будемъ покойно, да и сторона для насъ новая, слѣд. любопытная, а на дорогу возьмемъ нѣсколько книгъ,—авось скуки не увидимъ. Право, лучше ѣхать въ своемъ экипажѣ. Назначайте же время Вашего пріѣзда—я Васъ буду ждать совсѣмъ готовый къ выѣзду. Относительно экипажа—я уже все придумалъ и устроилъ и беру съ собой человѣка до Варшавы, который оттуда пріѣдетъ обратно съ экипажемъ. Только пожалуста, назначьте мнѣ повѣрнѣе время Вашего прибытія въ Москву. Хорошо бы, если бы это сдѣлалось недалѣе 15 апрѣля, какъ Вы и сами мнѣ писали,—и разумѣется—чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Жду Вашего письма.

Вашъ В. Боткинъ.

XIV.

27 марта, 1857.

Насилу-то сегодня получилъ отъ васъ письмо, котораго всѣ эти дни я ждалъ съ нетерпѣніемъ. Вы говорите, что срокъ выѣзда зависитъ отъ меня—такъ спѣшу сказать Вамъ, мой тысячу разъ любезный сердцу Александръ Васильевичъ, что сегодня о моемъ отъѣздѣ явилась уже вторая публикація, въ субботу явится третья, а въ понедѣльникъ я подаю просьбу о паспортѣ заграничномъ. Если боги будутъ ко мнѣ милостивы,—то я получу его къ празднику. Экипажемъ нашимъ будетъ карета—легкая и удобная, въ которой можно протянуть ноги во всю длину и спать, какъ на диванѣ. О боги! будьте ко мнѣ милостивы! Если не встрѣтится препятствія,—намъ надо стараться непремѣнно выѣхать къ 15 апрѣля. Но я все боюсь:

Вотъ—вотъ зловѣщій воронъ крикнетъ!

Пока прощайте, милый другъ! Хотѣлось бы написать вамъ о второй статьѣ вашей о Тургеневѣ. Она для меня важнѣе и глубокомысленнѣе первой, но я простудился, у меня несноснѣйшій насморкъ и головная боль. Опредѣленіе лиш-

Digitized by Google

нихъ людей — необыкновенно вѣрно и такъ вѣрно то, что поэзія Огарева есть именно выраженіе сущности лишняго человѣка! А главное то, что вся статья имѣетъ пропасть жизненнаго значенія, а не литературнаго, какъ обыкновенно у насъ бываетъ. Характеристика Авдѣя Лучкова и вообще озлобленныхъ людей — безцѣнная, — да, мнѣ бы хотѣлось говорить, — но невыносимо болитъ голова.

Бѣдный Григорьевъ! Да намекните ему какъ нибудь, чтобы онъ не заботился о своемъ маленькомъ долгѣ мнѣ. Тутъ акуратность будетъ вещью совершенно ненужною.

В. Боткинъ.

P. S. Скажите Анненкову, что я постоянно и неизмѣнно ему кланяюсь.

XV.

Москва, 5 апрѣля, 1859.

Дорогой другъ Александръ Васильевичъ!

Наконецъ я привелъ въ порядокъ свое домашнее житье, обклался русскими журналами и сталъ ихъ просматривать. Прочелъ я наконецъ и «Саргину могилу». Скажу вамъ, что просто пораженъ талантливостью ея автора. Самый дурной эпизодъ въ ней — это лицо становаго съ его присказками. Лицо совершенно плохо, но все остальное, а особенно любовь крестьянской дѣвушки, и именно ея начинающаяся любовь, ея отношеніе къ любимому парню, пирушка, — все это нетолько вѣрно, но свѣжо и колоритно. Надо всѣми силами постараться сдѣлать все возможное для Петрова и извлечь его изъ его теперешняго положенія. Поощрите его писать непремѣнно. Узнайте его покороче, распросите, что онъ читалъ. Судя по твердости и опредѣленности языка его, надо продположить, что онъ уже много писалъ. Я замѣтилъ также у него во многихъ мѣстахъ и именно въ описаніяхъ природы вліяніе Тургеневской манеры. «Война и плѣнъ» — отличная вещь, и не смотря на то, что объ этомъ предметѣ у насъ было уже столько писано и читано, — она читается съ

Digitized by Google

живѣйшимъ удовольствіемъ. Въ московскомъ кругу мнѣніе о «Библіотекѣ» вашей, самое благосклонное: ее считаютъ не только хорошимъ журналомъ, но самымъ честнымъ и чистымъ. Просмотрѣлъ я также и «Современникъ»,—и уже не знаю, какъ и что сказать о немъ. Такого пошлаго панибратства со всѣми предметами, конечно, никогда еще не видано было въ русской литературѣ. Правда, что молодая редакція покойнаго «Москвитянина» оказывала подобное же панибратство, но только въ однихъ литературныхъ вопросахъ,—а «Современникъ» распространилъ эту пошлую безцеремонность на всѣ сферы и на всѣ возможные предметы. Это именно должно нравиться нашей публикѣ, и особенно нашей молодежи, потому что озадачиваетъ и льститъ нашему невѣжеству, которое изстари привыкло презирать и плевать на все, чего не понимало. . . . . .

. . . . . .

Не сердитесь, любезный другъ, за помѣщеніе моей ничтожной статейки въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Катковъ просилъ меня сдѣлать статейку объ этомъ предметѣ—и я состряпалъ ее, чтобъ отдѣлаться отъ него. Но я непремѣнно при первой возможности сдѣлаю что нибудь для «Библіотеки». Тургеневъ пробылъ въ Москвѣ два дня и спѣшилъ переѣхать Оку. Фетъ тоже уѣхалъ уже въ деревню. Съ Толстымъ видѣлся нерѣдко, представьте: онъ угораздился проиграть 1500 р. с. въ клубѣ на китайскомъ биліардѣ какому-то пѣхотному капитану. Онъ постоянно въ какомъ то нервическомъ раздраженьи,—можетъ быть отъ того, то передѣлываетъ свою повѣсть, которая въ Петербургѣ показалась намъ довольно неудачною. Когда вы думаете въ Москву? Напишите. Тургеневъ обѣщалъ быть здѣсь 20 апрѣля. Я о Бозіо чуть не плакалъ. Дайте о себѣ вѣсть, чтобъ я зналъ, что Вы здоровы.

Весь вашъ В. Боткинъ.

Digitized by Google

ПО СЕНЬКѢ ШАПКА.

Такъ говоритъ повсемѣстно извѣстная народная поговорка, кое-гдѣ съ прибавками «по Еремѣ колпакъ, по Малашкѣ шлыкъ», обращая свой намекъ обычно на такихъ людей, которыхъ постигло заслуженное несчастіе и которыхъ за что-нибудь не долюбливаютъ и вовсе не жалѣютъ. Могла бы несчастливцу достаться лучшая доля въ жизни, и имѣетъ онъ пожалуй, право на полученіе большаго, да ладно и такъ: получилъ, чего самъ стоитъ, и что заслужилъ, ни больше — ни меньше, а въ самый разъ и впору. Каждый излишекъ сверхъ мѣры, всякая наддача будетъ ему словно бы и не въ прокъ, и не къ лицу. Даже и такъ, что «коли кривенько сшитъ, то и Сенькинъ шлыкъ», чѣмъ хуже, тѣмъ лучше.

Таковъ собственно смыслъ иносказанія, заключеннаго въ заглавной поговоркѣ, которая, какъ всѣ загадочные намеки, скрываетъ двоякій смыслъ. Пользуясь этимъ свойствомъ всякаго обиняка, привыкшаго выходить на вольной свѣтъ покрытымъ и въ маскѣ, попробуемъ взглянуть ему прямо въ глаза. Уже съ перваго раза очевидно, что какъ бы ни подсмѣивались надъ вымышленнымъ Сенькой, обиходный уборъ или головная покрышка играетъ здѣсь главную роль, и около него вертится все остроуміе насмѣшки. На этой самой верхней и наиболѣе видной части народной одежды и остановимся.

Digitized by Google

Въ нынѣшнее бѣдовое время безпрестанныхъ перемѣнъ стараго на новое, когда вся народная жизнь всколебалась до самаго дня, и всякому наблюдателю ея по своей спеціальности доводится заявлять о новыхъ и совершенно неожиданныхъ явленіяхъ,—своевременно задавать вопросы и этнографу: нѣтъ ли и въ области его наблюденій какихъ-либо перемѣнъ и новостей? Отвѣтъ получается категорическій: есть, и очень много крупныхъ, свѣжихъ, такъ сказать вчерашнихъ и очень важныхъ. Рядомъ съ переворотами экономическихъ условій народнаго быта совершается очевидная перестройка въ домашней жизни и соединенныхъ съ нею нравахъ, обычаяхъ и обрядахъ. По зависимости въ тоже время исчезаетъ русскій деревенскій нарядъ, быстро замѣняемый платьемъ новаго покроя и городскихъ вкусовъ. Это явленіе, кажущееся на первый взглядъ не особенно существеннымъ, въ самомъ дѣлѣ представляется очень важнымъ, какъ выдающаяся національная особенность, тѣмъ болѣе по примѣненіи къ нашимъ народнымъ свойствамъ и даже религіознымъ вѣрованіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ говоритъ поговорка: умный попъ Семенъ книги уже продалъ и купилъ карты. Ученымъ обществамъ и состоящимъ при нихъ музеямъ предстоятъ теперь неодолимыя затрудненія при собираніи надлежащей полноты народныхъ драгоцѣнностей и сокровищъ въ этомъ направленіи. Строгаго систематическаго сбора народныхъ костюмовъ въ настоящее время никакими силами имъ уже не достичь: перестройка и исчезновеніе всѣхъ ихъ разновидностей начались довольно давно и хотя на памяти нашей, но совершаются съ такой быстротой, что почти невозможно услѣдить глазами. Многое уже, какъ выражается самъ народъ, прозѣвали, прохлопавъ глазами; что же остается пока на виду, на то надо смотрѣть въ оба. Замѣтка о такомъ серьезномъ явленіи во всякомъ случаѣ и своевременна, и обязательна.

А. Н. Островскій, производившій наблюденія на Верхней Волгѣ въ началѣ 1856 года писалъ между прочимъ про городъ Торжокъ, изъ старины столь характерный по тому

Digitized by Google

обстоятельству, что въ немъ сталкивались двѣ родственныя, но весьма несходныя народности велико-русскаго племени, Новгородская и Московская:

«Старый живописный нарядъ дѣвушекъ,—шубка или сарафанъ, кисейные рукава и душегрѣя, у которой одна пола вышита золотомъ, — начинаетъ выводиться. Мѣсто ея заступаетъ пальто, а вмѣсто повязки съ рясками (поднизи изъ жемчуга) покрываютъ головы шелковымъ платочкомъ. Пальто, которыя пошли теперь въ моду, длинны и узки, съ перехватомъ на таліи. Они шьются изъ шелковой матеріи яркихъ цвѣтовъ и, большею частію, бываютъ голубыя и розовыя. Сжимая грудь, они безобразятъ фигуру».

Во время пребыванія моего въ томъ же Торжкѣ, ровно черезъ 25 лѣтъ послѣ того, меня посылали искать какую-то Гребенщикову, у которой единственно сохранялся торжковый нарядъ горожанокъ за тремя замками. При этомъ говорили:

— Баба она крутая и несуразная, — пожалуй и не покажетъ. Фотографъ возился съ ней, и ничего не сдѣлалъ, потому что, какъ старовѣрка, она почитала за грѣхъ снять съ себя портретъ, забоявшись скорой и нечаянной смерти.

Фотографу пришлось собирать въ разныхъ сундукахъ хранившійся по частямъ полный нарядъ, во всякомъ случаѣ уже какъ драгоцѣнность, по крупнымъ бурматскимъ жемчугамъ и самоцвѣтнымъ камнямъ, и по тому нетлѣнному толстому, какъ лубокъ, шелковому *) штофу, шитому серебромъ, золотомъ и цвѣтами. Лишь по этой случайной сборкѣ и подъ кое-какимъ руководствомъ безпамятныхъ старухъ фотографу удалось закостюмировать двухъ дѣвицъ и представить старину конечно нѣсколько въ фанстантическомъ видѣ. Мнѣ пришлось удовлетворяться обязательно показаннымъ мнѣ портретомъ нѣкогда знаменитой и до сихъ поръ извѣстной изобрѣтательницы котлетъ изъ цыплятъ или дичи, получившихъ

*) В. И. Далю, между прочимъ, случилось видѣть старинный головной женскій уборъ (некрасивую, но самую распространенную сороку) цѣной въ десять тысячъ рублей.

Digitized by Google

ся имя (пожарскихъ). Портретъ написанъ превосходно, опытною рукою: изъ подъ фаты смотритъ какъ живое, веселое красивое лице пожилой русской женщины съ голубыми глазами, съ румянцемъ во всю щеку, но затѣмъ не видно ни сарафана, ни покроя рубахи, ни кокошника. Видны на плечахъ пышные рукава кисейной рубашки, на шеѣ — крупныя жемчужныя бусы, за которыя ухватилась пухлая рученка мальчика во весь ростъ (говорятъ, сына министра двора въ николаевскія времена, князя Волконскаго, расположеніемъ котораго пользовалась Пожарская, и въ семьѣ его, при поѣздкахъ своихъ въ Петербургъ, принималась, какъ своя близкая).

Чтобы не углубляться слишкомъ и не забрести глубоко, остановимся на этотъ разъ лишь на одной части народнаго наряда,—именно на головномъ, и при этомъ преимущественно на мужскомъ. А чтобы еще больше не удлинять разсказа, изъ головныхъ покрышекъ, остановимся на лѣтней изъ твердаго припаса, когда не гонятся за теплomъ и не хлопочутъ о надежной защитѣ противъ лютыхъ морозовъ и злыхъ вьюгъ. Зимней шапкѣ къ тому же посчастливило въ послѣднее время повсемѣстною извѣстностью: она изъ захолустныхъ деревушекъ, по волѣ насущной моды, забралась въ щепетильныя столицы и въ столь щеголеватую, какъ здѣшняя. Мужская же крестьянская поярковая шляпа быстро исчезаетъ изъ обращенія въ мужскомъ крестьянскомъ гардеробѣ. Объ ней скоро придется говорить уже, какъ объ археологической рѣдкости.

Не буду пока разсказывать объ упадкѣ валяльнаго шляпнаго промысла, столь распространеннаго нѣкогда во множествѣ мѣстностей, и въ особенности въ Семеновскомъ и Макарьевскомъ заволожьѣ Нижегородской губерніи. На его счетъ давно уже сильно выросъ фуражечный промыселъ (особенно въ селѣ Молвитинѣ, Костромской губерніи, Буевскаго уѣзда), такъ какъ въ самомъ дѣлѣ городской щеголь картузъ съ лакированнымъ свѣтлымъ ремешкомъ и шелковой ленточкой, при гармоніи вмѣсто балалайки, при смазныхъ скрипучихъ сапогахъ и дождевомъ зонтикѣ вышелъ на смѣну

Digitized by Google

въ нынѣшнія времена освобожденной Россіи отъ крѣпостнаго состоянія. Вспоминаемъ, поэтому, о мужичьей шляпѣ, какъ разъ въ то время, когда «спырьки» и «стрѣлочки» въ свою очередь гонятъ народную пѣсню. Поговоримъ же собственно о фасонахъ шляпъ, ихъ покроѣ и многочисленныхъ видахъ.

Во первыхъ, приходится вспомянуть о такъ называемой «ровной» шляпѣ, гдѣ тулья одинакова, какъ около дна или верха, такъ и подлѣ полей на низу. Любятъ ее почтенные старички до сихъ поръ. Ее еще кое-гдѣ видно въ большіе праздники, на базарахъ, для чего она и хранится во всякое другое время на полицахъ въ избахъ. Работаютъ обычно въ старенькой рвани, а въ горячее время и вовсе безъ шапокъ.

Всякій ходитъ въ этой шляпѣ серьезнымъ такимъ, словно только одно умное думаетъ и самымъ видомъ внушаетъ полное уваженіе. Много у него и «дѣла въ шляпѣ»; главнымъ образомъ хранится неизбѣжно ситцевый чистый платокъ, большею частію любимаго синяго цвѣта. Онъ однако здѣсь совсѣмъ не для той цѣли, съ какою носятъ платки въ карманахъ: въ шляпномъ платкѣ завернуты деньги, сунутъ про всякой случай проклятый паспортъ, лежатъ тамъ нужныя бумаженки со счетами и росписками, письмо отъ баломута—сына изъ Питера, прислвшаго столько денегъ, сколько осталось у него отъ гулянокъ. Письмо ищетъ досужаго чтеца который бы въ десятый разъ почиталъ вѣсти отъ питерщика, а читать путнаго нечего; все больше поклоны да упованія на милость Царя Небеснаго, да простили бы, что мало денегъ шлетъ.

Молодой народъ требуетъ на «ровную» шляпу цвѣтную ленточку съ оловянной раскрашенной пряжкой и другія украшенія. Иногда желаютъ, какъ у рожечниковъ, дерзнувшихъ давать публичные концерты на столичныхъ пригородныхъ гуляньяхъ, чтобы эта ровная шляпа не дѣлалась, по старому обычаю, слишкомъ высокой, торчкомъ и колпакомъ, а была бы середкой на половинѣ стопочкой и коробочкомъ. Такимъ образомъ придумана «черéповка», которая полюби-

Digitized by Google

лась всѣмъ новогородскимъ порѣчьямъ и заозерьямъ. Она изготовляется близь того города, который далъ ей свое имя. Череповка также требуетъ украшеній, но во всякомъ случаѣ очень скромныхъ. На прихотливые вкусы раскрашивались шляпныя ленты разомъ въ три и четыре разноцвѣтныя полоски. Своеобычные вкусы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не довольствовались и этимъ, а требовали ломать шляпы по самой серединѣ. Выходилъ особый сортъ «съ переломомъ». Сюда, въ переломъ, требовалась особая ленточка или бархатка и особая пряжка, да такія же ленточки по полямъ. Другихъ и это не удовлетворяло: и народилась шляпа «съ перехватомъ», гдѣ ленточка пришивалась ближе къ верху и спускалась накось къ полю. Казалась она тогда пестро изукрашенной, и пестрыми бархотками ярко бросалась въ глаза въ богатыхъ селахъ на торжкахъ и ярмаркахъ. Начнетъ молодой парень хозяйничать и сколотитъ деньгу,—надѣнетъ такую шляпу и, грѣшнымъ дѣломъ, бахвалитъ, хвастается, чтобы не смѣшиваться съ толпой и выдѣляться. Если эта шляпа ѣдетъ въ телегѣ, то на козлахъ навѣрное сидитъ и правитъ товарищъ дружокъ. Въ такомъ случаѣ уже на рукахъ щеголя непремѣнно надѣты зеленыя замшевыя пертатки съ разрубомъ, на плечахъ—синій кафтанъ и жилетка; отыщется у него и цѣпочка красносельскаго мастерства на серебряныхъ часахъ. На ходу, у такихъ щеголей, и свитка въ накидку, и гармонія подъ мышками, и самъ онъ чуть—чуть не тиролецъ. Молодцуетъ этотъ сортъ шляпъ вѣрнѣе и лучше всѣхъ: выходитъ «щеголекъ пѣтушокъ, золотой гребешокъ», напр. какъ рязанецъ.

Для подобныхъ затѣйливыхъ шляпъ требовался особый заказъ и надобились особые мастера и цѣлыя мастерскія. Требованій такъ много, что дома каждому хозяину за другими работами не поспѣть. Кто пристрастился къ выдѣлкѣ шляпъ, тому не запасти про себя хлѣба на круглый годъ; ему же не успѣть и не съумѣть выткать ленточки, вылить изъ олова пряжки, выбѣлить и покрасить въ красную краску кожу на подкладку. На мѣсто поношеной шляпы, порыжѣлой

Digitized by Google

отъ дождей и выцвѣтшей отъ солнца, онъ можетъ свалять только новую, а въ другихъ мѣстахъ завелись такіе мастера, которые придумали старую шляпу перекрашивать наново. Смѣшиваютъ сандалъ съ мѣднымъ купоросомъ и еще съ чѣмъ-то секретнымъ (на секреты наши мастера великіе охотники)—и за 15 коп. наводятъ на поношенную шляпу такой черный цвѣтъ, что она кажетъ бархатной, еще лучше новой. И не заставляютъ просить и кланяться; сами по деревнямъ ѣздятъ и обираютъ поношенныя шляпы. Дѣйствительно, завелись многолюдныя мѣстности, которыя заняты исключительно приготовленіемъ всякаго сорта шляпъ. Прославился же этимъ мастерствомъ на всю Русь Семеновскій уѣздъ (Нижегородской губерніи), умѣвшій потрафлять на всѣ требованія. Ѣдешь, бывало, по тамошнимъ деревнямъ и видишь, какъ на всѣхъ крышахъ торчатъ вверхъ пятками бѣлые, черные и сѣрые сапоги и вверхъ полями черныя шляпы. Ихъ раскладываютъ бабы сушить не лѣтнемъ солнышкѣ (зимой, какъ пироги, сажаютъ ихъ въ жаркія печи поодаль одинъ сапогъ отъ другого, а иначе не скоро просохнутъ). Зайдешь въ первую встрѣчную избу—и непремѣнно гдѣ-нибудь въ углу либо загибаютъ листъ войлока на носокъ, или на голенище, либо очищаютъ пензой просохшій сапогъ, который теперь готовъ на продажу: ровный, теплый, мягкій,—нога въ немъ, какъ въ раю, стоптать на сторону удается однимъ лишь косолапымъ. Заварены валенки сильно. Они не только не расползутся, но заслужатъ десятки спасибовъ во всѣхъ концахъ и углахъ Русскаго царства, гдѣ трещатъ морозы, хватаютъ прямо и больно щипятъ всѣ конечности тѣла, слабо защищенныя или худо прикрытыя отъ внѣшнихъ вліяній. Семеновцы и Макарьевцы умѣютъ угождать валенками и старичкамъ съ простуженными ногами, и щеголямъ на вертлявыхъ и непосѣдливыхъ ногахъ. Только лѣтомъ отрываются мастера отъ сапоговъ для полевыхъ срочныхъ работъ, когда зѣвать не велятъ: за то все остальное время «окладываютъ» сапоги и «завариваютъ» шляпы.

На неблагодарной почвѣ, которая родитъ хлѣбъ едва на

Digitized by Google

на полгода, на голой равнинѣ, гдѣ давно истребленъ всякій лѣсъ, работаютъ заволжскіе мастера эти издѣлія съ тѣхъ еще временъ, когда Козьма Мининъ съ княземъ Пожарскимъ ходили изъ этихъ мѣстъ выманивать и выгонять изъ московскаго кремля литву въ валяныхъ же калпакахъ и поляковъ въ шапкахъ на четыре угла. Не удивительно, что въ эти двѣсти слишкомъ лѣтъ Семеновскіе выучились мастерить такъ хорошо, что нигдѣ не встрѣчаютъ себѣ соперниковъ, и такъ скоро, быстро, что успѣвали обувать ноги и накрывать головы чуть не цѣлой половинѣ русскаго государства. Къ семеновскимъ ходили наниматься въ работники изъ разныхъ мѣстъ, у нихъ выучивались, присматривались къ пріемамъ, вызнавали секреты, прислушивались, гдѣ какой фасонъ шляпы любятъ,—и назадъ не возвращались. Ученики въ своихъ дальныхъ и ближнихъ мѣстахъ заводили такія же мастерскія въ опустѣлыхъ и негодныхъ для жилья избахъ: живетъ и такая для мокраго, грязнаго и вонючаго мастерства. Эту старую и полусгнившую избу обычно называютъ «стиромъ», и совершенно справедливо: небольшая печь съ желѣзной трубой стоитъ въ самой серединѣ избы. Въ ней устроена низкая лежанка аршина на полтора въ вышину и по обѣимъ ея сторонамъ положены деревянные дощатые скаты. На нихъ то и стираютъ всякіе колпаки. Надъ очагомъ вмазанъ небольшой котелъ, чтобы мокать въ кипятокъ валяные сапоги либо поярковую шляпу. Отъ страшной духоты и вони непривычнымъ дѣломъ мы не могли усидѣть здѣсь и пяти минутъ. Мы были очень довольны уже и тѣмъ, что въ кисломъ туманѣ, сквозь густые пары успѣли разсмотрѣть хоть только то, о чемъ теперь разсказали. Уже въ другой избѣ, на свѣту, показывали тѣ шляпы, которыя разойдутся съ ближнихъ ярмарокъ, особенно нижегородской, во всѣ стороны Руси, преимущественно впрочемъ на низъ по Волгѣ и Окѣ въ южную хлѣбородную и степную Россію. Словомъ здѣсь на всѣхъ Сенекъ изготовлялись шляпы, потому что, какъ мы видѣли и увидимъ еще, не всякій Сенька наденетъ на голову каждую шляпу. Опять—таки подай каждому такую,

Digitized by Google

чтобы была по вкусу и всѣ бы ее въ тѣхъ мѣстахъ носили: не выдѣлиться бы на посмѣшище съ нехорошимъ прозваніемъ «стрюцкаго».

Вотъ напр. еще шляпа «верховка». Она полюбилась и требуется не только на верхнюю Волгу, выше Нижняго и далеко за Ржевъ, но и во всю ту громадную лѣсную Русь, которая залегла отъ Семенова на всемъ сѣверѣ. Она не высока, красива простотой да и податлива; если ее выдѣлать пониже и пошире, то будетъ любимый сортъ, который зовется «срѣзокъ». Въ украшеніяхъ не нуждается, предпочитаетъ скромность и вѣнчаетъ голову серьезнаго лѣснаго жителя. Подъ ней онъ носитъ много думъ о томъ, какъ быть и жить, когда земля не родимая, климатъ суровый; промежъ сохой и бороной не ухоронишься, и надо думать о сторонникъ и отхожихъ промыслахъ. Потому-то эти шляпы торчатъ вездѣ, гдѣ нанимаютъ рабочихъ на лѣсныя рубки, на проводы судовъ и т. под. Цѣлыя артели одѣты такъ, какъ будто у одного хозяина заказывали шляпы. Эту верховку такъ много и всюду показываютъ, что съ нея взяли образецъ для столь всѣмъ извѣстной «прямой или кучерской» шляпы. Валяютъ ее покрѣпче, чтобы войлокъ стоялъ лубомъ, поля наводятъ пошире (у настоящей верховки узенькіе), подшиваютъ подъ нихъ лакированную кожу, украшаютъ вмѣсто ленты кожаннымъ ремешкомъ съ мѣдными пряжками. На нее наводится пушекъ или ворса, чтобы казалась она какъ бы шелковою. Да у богатыхъ людей и настоящая шелковая бываетъ для приданія своему сану и стану больше важности и значенія. Оттого-то въ простомъ языкѣ стали спутывать слова ворсу съ форсомъ, хотя это не одно и тоже. Смотрятъ и строго соблюдаютъ, чтобы украшеніями не превышать свыше мѣры и не испортить внушительную и солидную простоту. Всѣ знаютъ, какъ высоко сидятъ на козлахъ, высоко и много о себѣ думаютъ господа кучера, предметъ зависти, ненависти и насмѣшекъ легковыхъ городскихъ извощиковъ. Эти впрочемъ свою деревенскую завѣтную «ровную» шляпу давно уже обмѣняли на верховку, которая для петербургскихъ стала

Digitized by Google

казенною форменною; и въ первопрестольной Москвѣ, гдѣ вообще туги на всякія перемѣны и неохотники на нововведенія, она вошла въ употребленіе и смѣнила завѣтную. Кто не помнитъ той классической шляпы на московскихъ извощикахъ,—шляпы «гречневикомъ», съ нѣсколько съуженной къ верху тульей, но рѣшительно такой же формы, какъ выпекаютъ торговки это постное съѣдобное изъ гречневой муки. Совершенно похожій на московскій шпилекъ «гречневикъ» особенно распространенъ отъ Москвы до Серпухова, Коломны, и южнѣе этихъ городовъ по губерніямъ московской и рязанской, а главное—калужской.

Проявился среди шляпъ и ублюдокъ: ни то, ни се, ни «ровная» шляпа, поповская стопка, ни бабій повойникъ,—словомъ какой-то выродокъ, помѣсь, тумакъ. Ее и величаютъ въ торговомъ языкѣ полуименемъ, зовутъ не шляпой, а «шляпкомъ», вовсе не желая раздѣлять съ ней понятіе о разныхъ шляпкахъ и нахлобучкахъ за то, что уже очень приплюснута. Въ большихъ городахъ ее называютъ и «дѣтской» и «ямщичьей», и въ томъ и въ другомъ случаѣ—она подневольная, надѣта не по своему хотѣнью, а по чужому велѣнью. Украшенія на ней всякія допускаются, на сколько сдержать можетъ, и бархатцы, и ленточки, но одно павлиное перо съ краснымъ глазкомъ очень идетъ къ ней; даже какъ будто горделивая и кокетливая птица для такой шляпы въ своемъ хвостѣ такія перья носитъ. Кромѣ того шляпокъ на головѣ играетъ въ два тона: на кругленькой кудрявой дѣтской головкѣ она прелестнѣе всѣхъ другихъ украшеній: скромно сидитъ и не кричитъ. Сдвинутая же слегка на ушко, «на бекрень», еще миловиднѣе дѣлаетъ безмятежное, но живое и открытое дѣтское личико. Сидя на ямщицкой головѣ и открывая загорѣлое лицо взрослыхъ, она рисуетъ совсѣмъ иную картину, особенно если показываетъ рѣденькую бороду, классическіе желтые глаза и носъ картошкой. Хотя бы шляпокъ кругомъ утыканъ былъ павлиными перьями, какъ рѣчная прорубь еловыми вѣтками, все-таки эта шляпа здѣсь не у мѣста. Какъ будто сама она не надивится тому, что попала не туда: на головѣ

Digitized by Google

топырщится, какъ испуганная птица, на волосахъ плохо цѣпляется и, кажется, ежеминутно готова слетѣть. Да какъ ни старается и самъ ямщикъ казаться довольнымъ и равнодушнымъ, ему непривычнаго смущеннаго взгляда не скрыть отъ солидныхъ прохожихъ и не рѣдкость услышать: «ишь ты, какъ его обдураковали!» Впрочемъ настоящіе ямщики, которые ѣздятъ на почтовыхъ тройкахъ по дорогамъ, а не на городскихъ рысакахъ и вяткахъ, украшенныхъ по гривамъ ленточными бантами, а по бокамъ и спинамъ наборною сбруей,—настоящіе ямщики надѣваютъ либо «ровныя», либо «прямыя» шляпы. На нихъ нѣкогда выдана была даже казенная форма: мѣдная бляха съ гербомъ, которая полагалась также и на правое плечо чернаго армяка. Узаконенная гербомъ форменная ямщичья шляпа и до сего времени, кажется, еще не отмѣнена.

Завѣтную русскую верховку бурлакъ смѣнилъ особенной шляпой, за которой и осталось его ругательное имя. На лавочномъ торговомъ языкѣ этотъ сортъ называется «шпилекъ простой», потому что семеновцы умѣли дѣлать шпильки разные все изъ того же колпака, который бѣлоруссы надѣваютъ въ неприкосновенной цѣлости, какъ носили еще доисторическіе скифы и сарматы. Угождали подмосковному, избалованному столицей вкусу и, выходилъ у нихъ «шпилекъ московскій»: не такъ были толсты и широки поля и не очень скатывался въ острый уголъ околъ или стопка, при соединеніи съ тульей или дномъ. Выходилъ на семеновскихъ болванахъ и «шпилекъ ровный» и настоящій «кашникъ» и «буфетка», — кто что любитъ и требуетъ. «Ровный шпилекъ» походитъ на опрокинутый на голову донышкомъ вверхъ глиняный кувшинъ, въ которыхъ обычно продаютъ въ Москвѣ молоко, а кашникъ—рѣшительно на тотъ горшокъ, въ которомъ варятъ щи и кашу. Впрочемъ, настоящій бурлакъ хлопочетъ при шляпѣ также и о томъ, чтобы можно ему было прицѣпить на ней деревянную ложку хлебать изъ Волги воду, слегка сдобренную крупой и солью, въ видѣ кашицы. Такую-же ложку продѣваетъ за шляпную ленточку въ видѣ кокарды, бурлакъ на Сѣверной Двинѣ, уроженецъ съ рѣки Ваги и

Digitized by Google

ходитъ съ ней по архангельскому рынку полоротымъ,—всѣмъ въ примѣту и на посмѣшище. Всѣ знаютъ тамъ этого смирнаго, работящаго, но полудикаго «вагана».

Умѣли семеновцы катать еще купецкія шляпы, но на городскихъ торговцевъ стали теперь угождать только настоящіе шляпные фабриканты (въ особенности потрафили московскій Вандрага и Александровъ). Валяютъ семеновцы и арзамасцы еще шляпы «чувашки» для полудикихъ сосѣдей чувашъ, которые живутъ около Волги внизъ за Сурой, гдѣ у нихъ столичный городъ—Чебоксары. (Татары валяютъ свои бѣлыя неуклюжія шляпы грибомъ сами, а для чуваша полагается шляпа совершенно черная, такъ какъ этотъ цвѣтъ у нихъ въ несмѣняемой модѣ: онучи даже у женщинъ черные). За то для пермяковъ изготовляются обязательно бѣлыя шляпы въ подобіе бѣлорусскихъ колпаковъ-магерокъ, и иногда допускается чернымъ лишь одинъ околышъ въ два пальца ширины. Заготовлялись еще шляпы «шиловатыя», но я такихъ не видывалъ (цѣной они обходились дешевле прочихъ,— 27 руб. за сотню, ровно столько, какъ и «срѣзокъ»). Поповскую шляпу, гдѣ тулья похожа на шлепокъ, а поля, что крылья, самые широкіе въ соотвѣтствіе, должно быть, съ рукавами рясы, — поповскую семеновцы, да и вообще русскіе шаповалы мало дѣлаютъ: это—издѣлье городское, фабричное. Впрочемъ и на поповскую шляпу вышла новая мода съ тѣхъ поръ, какъ столичные и городскіе стали подстригать волосы въ кружокъ и не заплетаютъ ихъ въ древле-русскую косу тесемочкой. Точно таково же издѣліе прочихъ шляпъ: лакейской съ кокардой на боку и мишурными золотыми позументами, и треугольной чиновничьей, которая надѣвается носкомъ впередъ и по формѣ поперекъ, какъ въ давнюю старину). Всѣ они изготовляются на настоящихъ фабрикахъ, при газовомъ свѣтѣ, на машинахъ. Не осмѣливались посягать шаповалы и на модныя шелковыя шляпы, изобрѣтенныя, говорятъ, во Франціи, во времена революціи. Выдѣлка шляпъ и изобрѣтеніе для нихъ модныхъ фасоновъ предоставлены Брюно и Циммерману.

Digitized by Google

Мы, однако, разсказами о шляпахъ дошли до того, что изъ-подъ нихъ стали намъ примѣтны разные Сеньки; ими всякій старается выкрикнуть свое званіе, занятіе, происхожденіе и мѣсто родины. Стало знать по шляпѣ, откуда залетѣла птица: могли наблюдательные люди распознавать ярморочный народъ не только по губерніямъ и по племенамъ (послѣднее въ особенности легко), но и по уѣздамъ или типичнымъ мѣстностямъ. Сталъ отличаться такъ крупно, какъ попъ и кучеръ, малороссъ своимъ круглымъ «брилемъ», бѣлоруссъ — маргелкой, колпакомъ безъ полей, волжанинъ — верховкой, пермякъ — особымъ колпакомъ, который у него чернаго цвѣта, не смотря на то, что обликомъ пермякъ уже пересталъ отличаться отъ коренныхъ русскихъ. Чухонскую шляпу не смѣшаемъ съ извощичьей и, увидя «гретневикъ», не усумнимся, что онъ изъ-подъ Москвы принесенъ откуда нибудь. Черный цвѣтъ со своими темными оттѣнками полюбился жителю холодныхъ странъ, можетъ быть ради разнообразія, потому что бѣлый цвѣтъ тамъ вообще на глубокихъ и частыхъ снѣгахъ докучаетъ отъ бѣлой березы до зайца, бѣлаго медвѣдя, тюленя, бѣлухи, писца, горностая, оленя, совы и куропатки. На свѣтломъ югѣ, среди яркой зелени и разноцвѣтныхъ пестрыхъ степей, бѣлый цвѣтъ южнымъ жителямъ сталъ милѣе и на рубахахъ, и на свитахъ, и на шляпахъ. Даже у курскихъ крестьянъ шляпа въ видѣ незатѣйливаго колпака, въ родѣ бѣлорусской маргелки, называемой «гилька», тоже обязательно бѣлаго цвѣта.

Скажемъ, что это идетъ еврей, если шелковая французская шляпа очень сдвинута на затылокъ. Московскій купецъ надвигаетъ ее немного на лобъ и нѣсколько сваливаетъ на бѣкрень, на правое ухо. Онъ очень ловко приподнимаетъ ее правой рукой на отлетѣ, зазывая лѣвой къ себѣ въ лавку покупателя и очень охорашиваетъ, приглаживая локоткомъ, когда сидитъ въ трактирѣ. Старые люди наклобучиваютъ на голову шляпы свои такъ, какъ будто всѣ въ нихъ ушли и хотятъ тамъ спрятаться. У всякаго свои ухватки; а каждая ухватка по достатку. Однако по тому, какъ надѣваются на

Digitized by Google

головы шляпы, можно приблизительно судить о національномъ характерѣ и племенныхъ свойствахъ. Особенно это можно сказать о шапкахъ: смѣлые въ наѣздахъ и лихіе въ бояхъ казаки носятъ свои шапки совсѣмъ сдвинутыми на ухо и укрѣпленными подъ подбородкомъ на ремешкѣ. Такъ водилось и въ летучихъ отрядахъ польскихъ уланъ, и кавказскіе горцы, не знавшіе сна и покоя въ набѣгахъ, заламываютъ свои шапки не только молодцовато на бекрень, но и заваливаютъ ихъ самымъ внушительнымъ образомъ на затылокъ. Не должна же при томъ мѣшать глазамъ шапка, когда надо смотрѣть вдаль и розыскать завалившагося за камнемъ или засѣвшаго въ кустахъ казака или солдата. Въ противоположность южнымъ открытымъ лицамъ сѣверные люди предпочитаютъ надѣвать шапку глубоко на лобъ, наклобучиваютъ ее на глаза. Самоѣдскую бороденку едва видно изъподъ мѣховаго колпачка или пыжицы, и самому ему смотрѣть нечего: онъ все уже давно видѣлъ и ничего, во всей своей родинѣ, не нашелъ хорошаго и утѣшительнаго. Въ покроѣ шапокъ климатъ играетъ главную, но двуличную роль. Въ теплыхъ и жаркихъ странахъ, въ Крыму и за Кавказомъ, теплую баранью шапку, величиной иногда въ двугодичнаго ребенка, съ головы не снимаютъ круглый годъ. На лѣсномъ сѣверѣ, при короткомъ лѣтѣ, не всегда покидаютъ овчинный полушубокъ, но на голову требуется легкій покровъ въ видѣ картуза или шляпы. За то на зимнее время, по силѣ гнетущихъ обстоятельствъ, наросли подлинные наушники и подзатыльники, и потребовалась на прокатъ отъ киргизъ такая уродливая, какъ малахай, лопастая и ушастая шапка, къ которой пришиваются и тѣ, и другіе. Сибирскіе инородцы (а за ними и тамошніе русскіе) вынуждены пришивать на груди, про запасъ и на всякій случай, особыя мѣховыя лоскутья, чтобы, на палящихъ морозахъ, поднимать ихъ съ груди вверхъ и закрывать на глухо лица. Таковы тамъ всѣ шубки, называемыя «кухмянками». Головной русскій уборъ сдѣлался такимъ образомъ, какъ бы паспортомъ. Открыто обозначалось на головѣ то, что прописывалось въ казенной бумагѣ и тща-

Digitized by Google

тельно запрятывалось либо за пазухой, либо въ той же шляпѣ подъ подкладку. Теперь стало не то.

По шапкамъ еще можно пока различать русскихъ людей и инородческія племена, но по шляпамъ, въ нынѣшнія времена, стало уже очень трудно. Этотъ племенной признакъ, какъ выше сказано, исчезаетъ: шляпы, именно со времени освобожденія крестьянъ, стали появляться все рѣже и рѣже. Придерживаются ихъ теперь только старики, и то больше въ захолустныхъ мѣстностяхъ. Картузъ или тѣ высокія шапки съ козырькомъ, которыя, напримѣръ, на Литвѣ и въ Жмуди издавна былъ отличительнымъ народнымъ головнымъ уборомъ,—франтовитый, легкій и дешевый картузъ съ козырькомъ противъ солнца, серьезно и быстро сбиваетъ съ деревенскихъ головъ старобытныя шляпы. Отсюда понятно теперь, что въ той подмосковной деревнѣ, гдѣ было, лѣтъ 40 тому назадъ, 16 шляпныхъ заведеній, теперь нѣтъ ни одного. Вышло какъ-то совсѣмъ кстати, даже и въ семеновскомъ уѣздѣ, что всѣ шляпники стали переходить къ валеному сапогу: благо матеріалы и способы одни и тѣ же. Своихъ луговъ нѣтъ или очень мало,—овецъ развести негдѣ и накормить нечѣмъ: надо шерсть покупать. Чтобы купить гуртомъ, а стало быть подешевле—нѣтъ ни денегъ въ запасѣ, ни банковъ на помощь. Шерсть изъ вторыхъ рукъ, да еще въ долгъ, обходится несравненно дороже настоящей цѣны. Посчитать все то, во что самому обошелся товаръ и приравнять къ тѣмъ деньгамъ, которыя сулятъ купцы,—и эта овчинка не стоитъ выдѣлки. Приходится самому ѣздить по торговцамъ и навязывать шляпу, какъ товаръ: бѣдность не ждетъ ни благопріятнаго времени, ни хорошихъ цѣнъ. Гуртовой покупатель ломается и охотно прижимаетъ, да и правъ отчасти, потому что либо тутъ, либо тамъ, кругомъ и около, валяютъ и сапоги, и шляпы. Ихъ заготовляютъ множество и сбиваютъ на нихъ цѣну такъ, что хоть удавиться. Въ 50 дней, постаравшись, можно сдѣлать цѣлую сотню, а въ одинъ день плохонькихъ пять штукъ, да что толку? За работу всей сотни даютъ лишь 10 рублей, а продаютъ хозяева мастерскихъ городскимъ куппамъ по 20—

Digitized by Google

25 руб. за туже сотню. По нѣскольку десятковъ тысячъ (100—150 тыс.) паръ сапогъ и шляпъ пускали одни только семеновцы изъ своихъ 35—40 деревень и селъ на ближніе базары. Однако они никогда не жили зажиточно съ примѣтнымъ достаткомъ, хотя трезво и усидчиво катали и валяли сплошь всю длинную зиму, и особенно налегали на работу послѣ святокъ и масляницы. Нѣсколько тысячъ народу выучились отъ семеновцевъ этому ремеслу, но сами они кончили тѣмъ, что стали совсѣмъ отставать отъ шляпъ и даже сокращать выдѣлку сапоговъ, всякихъ: бѣлыхъ, черныхъ, голубыхъ, сѣрыхъ, синихъ, съ зачесомъ и безъ зачеса вареныхъ и невареныхъ, валенокъ и полусапожекъ, калошъ и ботинокъ. На пущую бѣду и невзгоды, тутъ же на Волгѣ начали разводить (совсѣмъ въ недавнее время) соломенныя шляпы, которыя на лѣтнюю пору еще лучше поярковыхъ.

Завелся пастушекъ у деревенскаго стада, заскучалъ своимъ временемъ, а Богъ ему далъ талантъ. Выдумалъ онъ таскать изъ чужихъ скирдовъ солому,—думали на постель себѣ, такъ и Христосъ съ нимъ! А онъ перехитрилъ, всѣхъ обошелъ: началъ оржаную солому заплетать на досугѣ въ длинныя полоски, какъ быть ремешки или ленты въ повершка шириной. Сталъ по краямъ аккуратно сшивать ниточками, какія наклянчитъ у хозяевъ въ деревняхъ; стали выходить у него круглыя шляпы съ полями, какъ у хохловъ «брили». Видѣлъ онъ такую у проѣзжаго барина, и у попа присмотрѣлъ. Сталъ продавать эти шляпы за гривенникъ; товаръ его приглянулся. На базаръ въ такой шляпѣ не всегда выѣдешь, но на работахъ въ полѣ—нѣтъ ея лучше. Выучились у него досужіе, а теперь начали плести цѣлыми деревнями. Стоитъ теперь такая соломенная шляпа цѣлый четвертакъ, а все же не полтора цѣлковыхъ и не два рубля, за что обыкновенно продаютъ въ лавкахъ поярковую шляпу.

Гдѣ существовало шитье шапокъ обширнымъ и давнимъ мастерствомъ (какъ напр. въ селѣ Молвитинѣ, Костр. губ. еще со временъ царя Алексѣя Михайловича), — тамъ всѣ теперь усилили шитье картузовъ. Гдѣ не умѣли, тамъ вы-

Digitized by Google

учились; когда стали сбивать цѣну соперничествомъ, — выселились мастера въ столицы и пустились на чистую работу. Картузъ ихъ и на руку прикунуть можно, какъ вещь легкую, и къ свѣту повернуть, какъ издѣлье фасонистое; мастеръ деньги беретъ за хорошій товаръ, и въ тоже время не устаетъ прилаживаться къ прихотливой модѣ. Стежку тулей производятъ теперь американскими швейными машинами, и только самую шапку и картузы все еще по старому, шьютъ руками. Работаютъ также, какъ и шляпы прежде валяли, всей семьей отъ мала до велика, не исключая и малыхъ дѣтокъ. Вотъ теперь и распознавай, по милости ихъ и фуражекъ, своихъ земляковъ, и кто откуда родомъ, когда всѣ волки, по пословицѣ, сѣры.

Остановимся по пути (не надолго) на женскихъ головныхъ уборахъ,—и именно тѣхъ, которые ведутся изстари.

Они гораздо, не въ примѣръ, разнообразнѣе мужскихъ, а по тому по нимъ легче опредѣлять различныя мѣстности даже до сихъ поръ, когда и здѣсь началась ломка стараго и старинные головные уборы начали исчезать мало по малу, особенно въ городахъ. Ситцевые платки, головныя модныя шляпки, зараза новыми обычаями направили дѣло женскаго щегольства совсѣмъ въ другую сторону. Однако здѣсь модѣ бороться труднѣе, потому что прицѣпились сюда вѣковые религіозные обычаи глубокой старины, особенно при свадебныхъ празднествахъ, которыя справляютъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ языческій религіозный обрядъ. Головной уборъ женщинъ играетъ важную роль, потому что по всѣмъ законамъ (языческимъ и христіанскимъ, и у всѣхъ извѣстныхъ народовъ) женщина должна являться всюду съ покрытой головой. Намѣренно опроволосить женщину, сорвавши платокъ,—значитъ кровно ее оскорбить, покрыть ея головушку несмываемымъ бозчестьемъ.

Весь женскій законъ на томъ держится, что деревенская дѣвушка до замужества обязательно заплетаетъ волоса въ одну косу и имѣетъ право пустить ее по спинѣ открыто, украшенную мимоходомъ алыми лентами. Она не покрываетъ го-

Digitized by Google

лову по праву, представленному незамужнимъ, но какъ только расплетутъ ей послѣ вѣнца косу на двѣ прядки и покроютъ голову, она ужь перестаетъ считаться и называться дѣвицей: дѣвушка становится бабой. Ея «трубчатую» косу продаютъ, т. е. получаютъ за нее подарки. Самой молодой говоритъ сваха, покрывая послѣ вѣнца, голову: «вотъ тебѣ кокуй,—съ нимъ и ликуй!—т. е. умѣй работать на свою семью, угождай мужу, воспитывай дѣтокъ въ стахѣ Божіемъ. При этомъ, конечно, много горя, много искреннихъ слезъ и и цѣлый сборникъ разнообразныхъ поэтическихъ плачекъ и пѣсенъ, которыми сопровождается этотъ весьма важный моментъ свадебныхъ обрядовъ. Дѣвушкамъ до церковнаго вѣнца разрѣшается носить только легкія, низенькія повязки изъ лентъ: спереди онѣ похожи на кокошникъ, но опять-таки безъ покрышки. При строгихъ деревенскихъ обычаяхъ, въ то время, когда молодыхъ обводятъ кругомъ налоя въ церкви, знающія дѣло свахи раздираютъ эту повязку пополамъ. Затѣмъ тутъ же, на церковной паперти, накрываютъ голову бабьимъ повоемъ, повойникомъ. Это—собственно простеганая шапочка, домашнаго издѣлія высокій (иногда въ двѣ четверти) холщевый шлыкъ, на который повиваютъ (навертываютъ повой): либо платокъ, либо узорчатое полотенцо, смотря по мѣстнымъ обычаямъ, и по достаткамъ. Такую же таинственную священную роль въ свадебныхъ торжествахъ играла въ языческія времена и мужская шапка, которую кое-гдѣ и теперь вызываютъ на сцену: сваха обводитъ шапкой головы новобрачныхъ и надѣваетъ ее на невѣсту, точно и въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь вѣнецъ.

Повойникъ, (у котораго вообще много разныхъ названій), составляетъ основаніе всякихъ женскихъ головныхъ уборовъ, какъ бы они разнообразны ни были. Самые главные и наиболѣе употребительные: кика, или кичка, кокошникъ и сорока. Они всѣмъ извѣстны, потому что напр. «сороку» носитъ чуть ли не цѣлая половина Россіи. Отъ рогатой «кики» или кички она отличается тѣмъ, что не имѣетъ роговъ и, сидя на лбу низко, съ боковъ лишь немного при-

Digitized by Google

поднята и скруглена. Ее убираютъ цвѣтными каменьями, бусами, и жемчугомъ. Иногда къ ней пришиваютъ такія же подвязи, которыя прикрываютъ брови и щеки, иногда же ее просто повязываютъ шитой ширинкой или цѣльнымъ кускомъ какой-нибудь ткани.

Сорока вообще уборъ некрасивый, хотя она и надѣвается въ люди и въ гости, но повойникъ — неснимаемый бабій домашный уборъ, потому что женщина обазана всегда свои волоса припрятывать и чѣмъ-нибудь прикрывать. За то кокошникъ, который всѣмъ знакомъ по кормилицамъ, составляетъ самое красивое убранство женской головы: онъ на этомъ основаніи разрѣшается даже дѣвицамъ. Точно развернутый вѣеръ или круглое опахало онъ обрамляетъ все лице и для характерныхъ русскихъ круглыхъ и румяныхъ лицъ какъ будто нарочно, и по особенному заказу, придуманъ. Этотъ бумажный или картонный щитокъ, расшитый и разукрашенный жемчугомъ, позументами и поднизями пришивается сзади къ цвѣтной шапочкѣ, что называется въ деревняхъ волосникомъ и донцемъ съ припущенной на спину шелковой лентой. При такой упрощенной и облегченной формѣ «начельниковъ», кокошники разнообразятся чрезвычайно, угождая общему вкусу, но зачастую попадая только на исключительный и мѣстный. Московскіе (пониже) считаются наиболѣе изящными и приняты при Дворѣ; калужскіе, торжковскіе, галицкіе составляютъ особенности и рѣзкія видоизмѣненія, но ихъ такъ много, что потребуется отъ автора особая статья, и къ ней обязательная помощь умѣлаго, толковаго и образованнаго художника. Не пересказать того словами, что легко и ясно протолковывается находчиво и остоумно составленнымъ рисункомъ. Какъ напр. передать — безъ помощи живописи то впечатлѣніе изящества, какимъ отличаются наши кокошники, обязательно требующіе въ пополненіе фату разнообразныхъ сортовъ: кружевную, кисейную, полупарчевую или канаватную, т. е. вышитую золотыми цвѣтами, «урочную», — какъ называлась она въ далекую старину. Эти красивыя покрывала, воспѣтыя нашими поэтами, представляютъ собой два большихъ плата (всегда шелковые неразрѣзные) которые

Digitized by Google

укрѣпляются сверхъ кокошника и ниспускаются съ обѣихъ плечъ по стану красивыми складками. Эти фаты, какъ и сарафаны, хранились въ сундукахъ, какъ драгоцѣнность, и переходили изъ рода въ родъ въ наслѣдство. Лица невѣстъ до вѣнца и до сихъ поръ покрываются такими фатами. Не такъ давно видали головные уборы цѣной въ нѣсколько тысячъ; такъ напр. извѣстна сорока по обычаю некрасивая формой, однако стоившая десять тысячъ рублей.

Во всякомъ случаѣ, если по каждому Сенькѣ и шапка, то и «по Малашкѣ шлыкъ», какъ ясно видимъ теперь изъ всего вышесказаннаго. Напр. даже на нижегородской ярмаркѣ, въ концѣ ея, при распродажѣ по удешевленнымъ цѣнамъ остатковъ въ густыхъ толпахъ женщинъ всегда удобно выдѣлить старовѣрокъ. Онѣ обыкновенно повязываютъ головы платками, спуская на спину не одинъ, а два конца, что называется «роспускомъ». Для насъ это очень важно и любопытно,—особенно въ нынѣшныя переходныя времена, когда измѣняется наново все лице земли Русской. Это важно для науки которая умѣетъ по осколку кости опредѣлять видъ и родъ того животнаго, кому эта отрытая въ землѣ находка принадлежитъ, а по случайно попавшимся зубамъ объясняетъ его бытъ и нравы. Это любопытно для насъ именно теперь—въ томъ отношеніи, что полузабытый и почти сброшенный съ головы и плечъ деревенскій нарядъ вошелъ въ честь и заслужилъ большое вниманіе у всѣхъ горожанъ. Мы не станемъ обманываться, не будемъ увлекаться, какъ сдѣлано на этотъ разъ подражательницами, всесильный властелинъ—мода виноватъ въ томъ. Подобный другъ—ненадежный и коварный, хотя на этотъ разъ онъ дружитъ и необычно держится что-то уже очень долго вопреки своему легкомыслію и шаткимъ правиламъ. Важно и любопытно здѣсь главнымъ образомъ то, что вѣтреная мода сходила теперь за образцами не въ Парижъ и Берлинъ, какъ бывало, а въ сѣрую и бѣдную, но родную русскую деревню.

— Въ добрый часъ—можно сказать словами задушевнаго народнаго привѣтствія.

С. Максимовъ.

Digitized by Google

КАРЬЕРИСТЪ.

(Очеркъ).

Посвящено В. П. Гаевскому.

Я познакомился съ нимъ въ гимназіи, гдѣ мы вмѣстѣ учились. Тогда еще сталъ онъ обращать на себя вниманіе товарищей. Ничѣмъ не отличаясь, повидимому, отъ другихъ мальчиковъ, маленькій Ягозинъ (такъ его звали), всегда, между тѣмъ, былъ отличаемъ начальниками. Въ концѣ перваго года онъ такъ подружился съ сыномъ директора, что былъ принятъ у послѣдняго наровнѣ съ сыномъ,—ставился даже въ примѣръ ему. Директорша была безъ памяти отъ маленькаго Ягозина.

Помню разъ, въ началѣ лѣта, нѣсколькихъ изъ воспитанниковъ взяли на дачу. Мы разбѣжались немедленно по лѣсу и начали объѣдаться земляникой. Ягозинъ не съѣлъ ягодки; тщательно выбирая кусточки съ лучшими ягодами, онъ составилъ изъ нихъ маленькій букетъ, перевязалъ его красиво ниточкой и тайно ускользнувъ отъ насъ, вернулся на дачу и преподнесъ свой букетъ директоршѣ; мы узнали объ этомъ послѣ, во время обѣда отъ самой начальницы.

Шестнадцати лѣтъ можно было его видѣть, въ день именинъ директора сидящимъ за роялемъ рядомъ съ его дочерью и розыгрывающимъ въ четыре руки какую-то сонату, нарочно сочиненную для этого торжественнаго случая.

Откуда взялись вдругъ музыкальныя способности? Гдѣ выучился онъ играть? Гдѣ, наконецъ, нашелъ для этого время?... все это оставалось совершенно покрыто мракомъ.

Вечеромъ, въ тотъ же день, во время бала, онъ танцовалъ съ такою ловкостью, съ такимъ юношескимъ увлеченьемъ вскрикивалъ:—„*Les dames en avant, s il vous plait*,„—что рѣшительно обворожилъ всѣхъ присутствовавшихъ.

тип. и. и. глазунова.

Digitized by Google

Мы перешли за тѣмъ въ университетъ и провели тамъ съ грѣхомъ пополамъ четыре года. Учились мы посредственно.

Послѣ выпускнаго экзамена всѣ разбрелись въ разныя стороны; Ягозинъ остался въ Петербургѣ, и былъ немедленно кѣмъ-то опредѣленъ на дѣйствительную службу.

Тутъ на нѣкоторое время, я потерялъ его изъ виду. Но прошло три четыре года, я узналъ,—онъ сдѣлался необходимымъ лицомъ у новой своей начальницы: состоялъ должно-быть по особымъ порученіямъ. Мимо службы онъ занималъ еще мѣсто секретаря двухъ дамскихъ благотворительныхъ комитетовъ одного,—„имѣющаго цѣлью снабженіе даровымъ мыломъ бѣдныхъ трубочистовъ," „другаго по снабженію нюхательнымъ табакомъ бѣдныхъ слѣпыхъ старухъ"; сверхъ того, онъ управлялъ танцами чуть-ли не на всѣхъ балахъ столицы.

Встрѣтясь съ нимъ въ этотъ періодъ его жизни, я выразилъ наивно удивленье: какимъ образомъ ухитрился онъ что бы проникнуть такъ скоро въ большой свѣтъ.

— Любезный другъ! возразилъ онъ прищуриваясь и посматривая куда то своими сѣрыми глазками (что доказывало, что въ эту минуту онъ вовсе обо мнѣ не думалъ) любезный другъ! надо провинчиваться въ люди, il faut sepousser au monde!... прибавилъ онъ и быстро пустился догонять какого-то важнаго сановника, проходившаго по другой сторонѣ улицы.

Не знаю, въ чемъ собственно заключались служебныя обязанности Ягозина; я встрѣчалъ его всюду, на всѣхъ пунктахъ, гдѣ только въ урочный часъ показывается „высшее дворянство" какъ печаталось когда то въ афишахъ увеселительныхъ садовъ: на дворцовой набережной, намосткахъ лѣтняго сада, въ соборахъ при торжественныхъ молебствіяхъ, (больше впрочемъ на виду при выходѣ изъ церкви), въ ложахъ театра во время антрактовъ, въ креслахъ во время представленія, на вечерахъ играющихъ вмѣстѣ со старушками, на балахъ танцующимъ всегда въ видной парѣ. Тамъ имѣлъ онъ почтительный, какой-то наклоненный видъ; здѣсь, во время танцевъ, лицо его отражало юношескую восторженность.... Подпрыгивая и перевертываясь съ замѣчательною ловкостью, онъ и здѣсь впрочемъ, въ танцахъ, находилъ возможность при-

Digitized by Google

давать лицу что-то солидное, сдержанное и почтительное когда проносился мимо особъ существеннаго вѣса; словомъ онъ былъ вездѣ, поспѣвалъ всюду, являлся во всѣхъ видахъ, такъ что меня ни мало-бы не удивило, если-бъ сказали, что подобно знаменитому Пинетти,—онъ въ одну и туже минуту выѣхалъ изъ всѣхъ заставъ Петербурга.

Его физическая подвижность, само уже по себѣ весьма замѣчательная, была ничтожна передъ способностью передвигаться нравственно.

Дѣйствуетъ-ли такъ сырой климатъ Петербурга, или, скрываются другія болѣе сложныя причины, но вы замѣтили вѣроятно, что въ большинствѣ петербургскихъ жителей присутствуетъ что-то развярное и раскислое, преобладаетъ какая-то разслабленность и чернослив ность, хотя тутъ же надо сказать,—и вы вѣроятно также это замѣтили—свойства эти нисколько не мѣшаютъ служить съ успѣхомъ и приносить пользу себѣ и отечеству.

Не смотря на то, что Ягозинъ былъ кровнымъ дѣтищемъ Петербурга, дышалъ со дня рожденія воздухомъ Невскаго проспекта, и сосалъ молоко охтенской кормилицы, онъ весь тѣмъ не менѣе состоялъ изъ одной быстроты и прыткости. Встрѣчаются иногда нѣмцы такого темперамента,—особенно часто между берлинскими маклерами, коммиссіонерами всякаго рода и старшими кельнерами; приземистые, бѣлокурые съ бѣловатыми рѣсницами на красной кожѣ, а между тѣмъ, такъ вотъ и прыгаютъ, какъ стрекоза, готовые кажется вскочить въ зрачки прежде чѣмъ вскочутъ вамъ въ карманъ.

Противъ такихъ нѣмцевъ Ягозинъ тѣмъ отличался, что могъ сдерживать свою быстроту по желанію; въ крайнихъ случаяхъ могъ даже сосредоточить ее въ своихъ сѣрыхъ,—чисто уже славянскихъ глазахъ; они выражали тогда попеременно все, что подходило къ случаю: юношескую, почти дѣтскую откровенность, пониманіе самаго тонкаго неуловимаго намека, безпредѣльное повиновеніе, преданность, восторженное благоговѣніе передъ старшими, стремительное желаніе исполнить трудное порученіе... Но всего не перечесть, что

Digitized by Google

могли выражать глаза Ягозина. Онъ, конечно, много надъ собою работалъ чтобы пріобрѣсти такія способности; но надо быть справедливымъ: много также дано было ему самой природой.

Быстрое повышеніе Ягозина удивляло многихъ; меня удивляло другое: я не понималъ, когда находилъ онъ время для исполненія служебныхъ обязанностей. Оставивъ скоро за собою всѣхъ своихъ товарищей по службѣ, онъ, помнится, тогда еще составилъ себѣ репутацію молодаго человѣка съ большимъ тактомъ и замѣчательными практическими способностями. Лица, которыя приписывали его успѣхи одной юркости, которыя называли его „Петербургскимъ Леотаромъ, съ тою разницей, что Леотаръ упражнялся въ циркѣ и надо было тратить деньги чтобы его видѣть, тогда какъ Ягозинымъ можно было любоваться всюду и притомъ даромъ"—такія лица, я увѣренъ, говорили только изъ зависти.

Прошло еще три—четыре года. Ягозинъ занималъ уже видное мѣсто при одной высокопоставленной особѣ. Форма службы Ягозина нисколько не измѣнилась; онъ и прежде, замѣтьте, не столько служилъ собственно, какъ это дѣлали его товарищи, сколько всегда состоялъ при комъ нибудь и всегда скорѣе въ качествѣ приближеннаго, домашняго человѣка, чѣмъ чиновника.

Но здѣсь, главнымъ образомъ, отражалось на Ягозинѣ высокое вліятельное положеніе его начальника.

— И вотъ, говорилъ Ягозинъ при каждомъ новомъ повышеніи;—и говорилъ всегда голосомъ невинности съ оттѣнкомъ чего-то скорбнаго противъ людскаго недоброжелательства,—вотъ непремѣнно скажутъ, что я тутъ интриговалъ, добивался!.. А я... я и не зналъ даже! Все это вышло совершенно случайно;—я тутъ столько же виноватъ сколько... сколько какой нибудь Воскресенскій мостъ.....

Разъ какъ-то, въ этотъ самый періодъ его карьеры, отправился я къ нему общаго нашего товарища по университету,—человѣка въ высшей степени смиреннаго хотя, и вышедшаго изъ университета первымъ кандидатомъ съ золотой медалью; но протекціи у него не было, онъ попалъ съ перваго шага на службу въ провинцію, и тамъ, какъ это не рѣдко слу-

Digitized by Google

чается, завязъ и засорился. Обстоятельства заставили его искать мѣста въ Потербургѣ. Опредѣленіе зависѣло отъ начальника Ягозина, т. е. какъ зависѣло?—сказать слово и дѣло сдѣлано. Я совѣтовалъ ему обратиться прежде къ Ягозину:—и товарищъ дѣтства, и человѣкъ вліятельный.

— Ну что? спросилъ я, когда онъ вернулся ко мнѣ на другой день.

— Сомнѣваюсь въ успѣхѣ! отвѣчалъ онъ, тяжело отпускаясь въ кресло.

— Какъ? отчего?...

— Начать съ того, я кажется попалъ не вò время. Хотя Ягозинъ принялъ меня ласково, но я не могъ незамѣтить въ его пріемѣ присутствіе чего-то.... Точно его обезпокоили.... Его вѣроятно ждали, или онъ ждалъ кого-нибудь, или просто былъ очень занятъ, какъ всѣ здѣсь у васъ въ Петербургѣ, и я помѣшалъ ему.... Онъ обѣщалъ однакожъ. Но все это вообще было какъ-то странно.... очень странно!... прибавилъ товарищъ заботливо пожимая губами.

— Чтожъ онъ сказалъ?

— Стали мы уже прощаться, онъ и говоритъ мнѣ. „Я любезный другъ, скажу тебѣ откровенно, какъ старому товарищу; ты пожалуста не сердись.... Но есть такое обстоятельство.... Оно, если хочешь, ничтожно, но все таки оно не совсѣмъ ладно.... Оно можетъ, при твоемъ представленіи, неблагопріятно повліять на начальника....

— Чтожъ такое?.... спрашиваю.

— Ты знаешь, говоритъ онъ, въ этихъ случаяхъ весьма важно первое впечатлѣнье.... Откровенно скажу тебѣ: боюсь за твой ростъ....

Я удивился.

— Какъ, ростъ? спрашиваю.

— Да, любезный другъ, долженъ предупредить тебя: онъ, т. е. начальникъ, имѣетъ предубѣжденье противъ людей высокаго роста.... Чтожъ дѣлать! у этихъ лицъ есть также свои слабости? Потомъ, говоритъ, есть еще другое обстоятельство....

— Что? спрашиваю.

Да вотъ, говоритъ, этотъ басъ....

Digitized by Google

— Какой басъ? спрашиваю, ничего уже не понимая.

— У тебя, говоритъ, такой густой басъ;—этого онъ также не выноситъ; громкій голосъ дѣйствуетъ на него раздражительно. Оно, если хочешь, весьма понятно; самъ посуди: съ утра до вечера комитеты, аудіенціи, засѣданія, совѣщанія, доклады, представленія.... поневолѣ нервы раздражатся!... Но пожалуй и это бы еще ничего, еслибы....

— Развѣ еще что? Боже мой?!.. спрашиваю.

— Извини, прошу тебя, говоритъ онъ, но надо смотрѣть на вещи настоящимъ образомъ; у всякаго человѣка есть свои слабости.... ну, а этимъ лицамъ онѣ и подавно извинительны. Я желаю тебѣ добра, и потому только рѣшаюсь предупредить тебя: я замѣтилъ, когда ты начинаешь объясняться, ты поминутно дѣлаешь нервныя движенія, дергаешь головою и даже махаешь руками....

— Да, говорю, правда.... ну, такъ чтожъ?....

— Ничего, рѣшительно ничего, поспѣшно возразилъ Ягозинъ: только вотъ этого-то онъ особенно не выноситъ.... Состоя, понимаешь, темперамента сыраго, онъ любитъ прежде всего спокойствіе. Предупреждаю тебя: когда будешь ему представляться, — войди тихо; не начинай говорить прежде чѣмъ тебя не спросятъ; спросятъ отвѣчай, понижая голосъ на сколько возможно; отвѣчай коротко, сжато; словомъ, говори какъ можно меньше; больше слушай и старайся стоять спокойнѣе, даже, если можешь, съ опущенными глазами.... Чтожъ дѣлать! говоритъ, и тутъ началъ похлопывать меня по плечу;— Чтожъ сдѣлать, не намъ, говоритъ, передѣлывать свѣтъ; надо, братецъ, говоритъ,—жить со свѣтомъ!!..

— Сомнѣваюсь въ успѣхѣ! заключилъ товарищъ.

И дѣйствительно онъ былъ правъ. Ему неудалось даже представиться; съ того самаго дня не было даже возможности добиться вторичнаго свиданья съ Ягозинымъ.

Вскорѣ весь служебный людъ столицы заговорилъ о новомъ назначеніи Ягозина.

Разсматривая это назначеніе съ точки зрѣнія обыкновенной логики,—оно, по своей спеціальности, не имѣло ничего общаго съ прежней служебной дѣятельностью Ягозина, діа-

Digitized by Google

метрально даже съ нею расходилось. Но здѣсь руководствомъ служили другія, болѣе основательныя соображенія: прежде всего здѣсь нуженъ былъ человѣкъ надежный, вѣрный и преданный. Кто-муже, лицо занимавшее прежнее мѣсто, давно надоѣло, прискучило; въ его управленіи найдены были нѣкоторыя запущенія; говорилось даже о злоупотребленіяхъ. Лицо это, конечно, было немедленно повышено, ему дали аренду, оставили полный окладъ прежняго содержанія, и перевели въ другое вѣдомство. Ягозинъ занялъ его мѣсто.

Со свойственною ему ловкостью, онъ окружилъ себя спеціалистами, и здѣсь точно также,—благодаря своимъ помощникамъ,—не замедлилъ обратить на себя вниманіе начальства.

Два года спустя, вспомнивъ обо мнѣ случайно, онъ пригласилъ меня къ себѣ на свадьбу: онъ женился на свояченицѣ новаго своего начальника, дѣвицѣ красивой и богатой, но имѣвшей несчастье обставить себя въ глазахъ свѣта какой-то таинственной, романической исторіей.

Ягозинъ переѣхавъ въ домъ жены, отдѣлалъ его съ большимъ вкусомъ, и началъ давать обѣды, получившіе въ скоромъ времени извѣстность.

Мимо гастрономическихъ качествъ и рѣдкости винъ, обѣды эти отличались еще внимательнымъ подборомъ гостей въ силу тѣхъ пріятныхъ или полезныхъ отношеній, которыя могли послѣдовать, какъ для гостей, такъ и для хозяина дома.

Если вы были нужны Ягозину, вы непремѣнно встрѣтили бы у него за обѣдомъ только тѣхъ лицъ которыя, по его соображеніямъ, были вамъ нужны или пріятны особеннымъ образомъ. Если вы вовсе не были нужны хозяину или даже были ему непріятны, но, по соображеніямъ его, могли доставить удовольствіе лицу, которое было ему нужно, вы также непремѣнно приглашались.

Въ Петербургѣ, гдѣ каждому болѣе или менѣе всегда что нибудь очень нужно,—всѣ ѣздили на обѣды Ягозина съ большимъ увлеченьемъ. Выходя отъ него, часто бранили его съ такимъ же увлеченьемъ, находя, напримѣръ, что онъ ничего больше, какъ выскочка, и спаржа его несравненно тоньше чѣмъ была вчера у княгини Зинзивѣевой; но Ягозинъ пріоб-

Digitized by Google

рѣлъ съ лѣтами философскую складку ума, и мало обращалъ вниманія на такія мелкія пересуды. Замѣтивъ успѣхъ своихъ обѣдовъ,—онъ сдѣлался строже въ выборѣ своихъ гостей; разумѣется, это только прибавило къ числу желающихъ получать приглашенье.

Въ этотъ періодъ времени Ягозинъ уже давно пересталъ танцовать; быстрота была въ немъ все таже, несмотря на нѣкоторую округлость живота; но она скорѣе перешла и установилась въ его нравственной природѣ. Къ тому же танцы не шли уже къ звѣздѣ, камергерскому ключу и лентѣ, которую, со свойственнымъ ему тактомъ, носилъ онъ скромно подъ жилетомъ. Въ свѣтѣ отдавался онъ висту; на балахъ предпочиталъ бесѣду, умѣя ее разнообразить до виртуозности; онъ могъ начать съ игриваго скабрезнаго анекдота, перейти къ глубокому въ практическомъ смыслѣ замѣчанію, и кончить даже поэтическою мыслію. Все зависѣло отъ собесѣдника.

— М-г Ягозинъ, сказала ему на балѣ подлѣ меня графиня Ливенская, указывая на вальсирующую молодежь,—что вы на это скажете?...

— Да, графиня, возразилъ онъ, подавляя вздохъ и съ чувствомъ разслабленной нѣжности въ голосѣ,—да, и мы когда-то съ вами такъ танцовали;—теперь смотрю и восхищаюсь этой маленькой волшебницей, которую зовутъ вашей дочкой....

— Vous êtes toujours charmant! проговорила старая графиня, думая сейчасъ же пригласить Ягозина присѣсть на видное мѣсто и приступить съ умнымъ человѣкомъ къ пріятной бесѣдѣ. Но умный человѣкъ быстро юркнулъ въ толпу, гибко, какъ вьюнъ, скользнулъ между тѣсными рядами зрителей,—и вдругъ.... вдругъ остановился, придавъ своему лицу выраженье смиренной кротости и глубокаго благоговѣнья.... Я посмотрѣлъ въ ту сторону: изъ дверей выступала сановитая вліятельная особа....

Такимъ видѣлъ я Ягозина въ послѣдній разъ передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга.

Д. Григоровичъ.

1884.

Digitized by Google

ОДИНЪ ИЗЪ ВЫМЫСЛОВЪ ВЪ НАШЕЙ ИСТОРІИ.

Вѣроятностію отрещись не могу, достоствѣрности не вижу.
Ломоносовъ. Древн. Росс. Исторія.

Прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ ученые историки, и русской и нѣмецкой породы, завели неоконченный доднесь споръ о происхожденіи названія Руси, когда нашъ вѣщій поэтъ, хотя и случайно, но едва ли не вѣрнѣе всѣхъ этихъ мудрствовавшихъ и до него и послѣ него мужей—какъ будто разрѣшилъ упомянутый споръ.

Эпиграфомъ ко второй главѣ „Евгенія Онѣгина“ Пушкинъ избралъ слѣдующія слова:

O rus!

Hor.

О Русь!

Здѣсь онъ съ идилическимъ восклицаніемъ Горація сопоставилъ свое шутливое восклицаніе, обозвавъ такимъ образомъ наше отечество просто-на—просто „деревней“, „деревенщиною“, которою, впрочемъ, онъ на этотъ разъ поэтически восхищался.

Какъ ни страннымъ покажется такое разрѣшеніе научноспорной задачи, но, принявъ сопоставленіе, сдѣланное Пушкинымъ, за исходную точку или, такъ сказать, за надоумливающій толчекъ, можно подкрѣпить рядомъ доказательствъ и

Digitized by Google

соображеній то предположеніе, что слово „Русь“ ничто иное, какъ латинское слово „rus“ означающее „деревня“, и что пришлые къ намъ „володѣти и княжити“ какіе бы то ни были князья и ихъ дружина не дали нашей родинѣ—вопреки указанію Нестора, поддерживаемому многими историками,—названія Руси или Россіи. Мы, конечно никакъ не можемъ ручаться, что тѣ доводы, какіе мы выскажемъ на этотъ счетъ, будутъ отличаться полною и всестороннею несомнѣнностію. Тѣмъ не менѣе позволяемъ себѣ думать, что они во многихъ случаяхъ будутъ, по крайней мѣрѣ, на столько же наглядны и убѣдительны, какъ и тѣ, какіе до сихъ поръ выставлялись въ подтвержденіе мнѣнія о происхожденіи названія Руси отъ имени варяго-руссовъ, хотя бы въ этихъ послѣднихъ признавали то скандинавовъ, то финновъ, то вагровъ, то хазаръ, то поморскихъ славянъ, то литовцевъ.

Извѣстно, что вопросъ, который мы принимаемся обсуждать—вопросъ давнымъ—давно избитый, породившій при его непрерывной разработкѣ какъ бы отдѣльную литературу, такъ что изъ произведеній ея можно составить довольно-обширный особый отдѣлъ въ русско-исторической библіотекѣ. На разработкѣ этого вопроса пріобрѣли себѣ извѣстность: Байеръ, Тунманнъ, Миллеръ, Шлецеръ, Эверсъ, Венелинъ, Каченовскій, Строевъ, Погодинъ, Костомаровъ, Иловайскій, Куникъ, Гедеоновъ и многіе другіе. Особенною же настойчивостію отличалась въ этомъ случаѣ такъ называемая „школа норманистовъ“.

Само собою разумѣется, что вопросъ о началѣ Руси, возбудившій слишкомъ вѣковое междоусобіе среди мирныхъ ученыхъ, не представляетъ практической важности, такъ какъ разрѣшеніе его, въ томъ или другомъ смыслѣ, не повліяетъ нисколько ни на настоящее положеніе, ни на будущность нашего отечества, а также ни на подъемъ, ни на упадокъ народнаго нашего духа. Тѣмъ не менѣе онъ и теперь оказывается чрезвычайно занимательнымъ вопросомъ въ чисто-научномъ отношеніи, такъ какъ болѣе или менѣе удачный отвѣтъ на него долженъ служить какъ бы закваскою первона-

Digitized by Google

чальной исторіи русскаго государства. Въ добавокъ къ этому, разные пріемы, употребленные для разрѣшенія этого вопроса, лучше всего указываютъ на способъ разработки нашей древней исторіи и при томъ не съ-проста, но болѣе или менѣе съ патріотическимъ оттѣнкомъ своего рода. Такъ, напримѣръ, авторъ „Ядра Россійской Исторіи" заявляя, что по свидѣтельству „именному" Іезекіиля главъ 38 и 39 названіе Россіи происходитъ отъ имени князя Росса, одного изъ сыновей Іафета, вдавался въ размышленія о добродѣтеляхъ россовъ. Онъ писалъ, что русскій народъ ведетъ начало отъ человѣка, а не отъ „притворныхъ" боговъ, какъ дѣлаютъ это греки, римляне, англичане, французы и венгры, „а наши русскіе славяне—заявлялъ князь Хилковъ, или вѣрнѣе его секретарь Манкѣевъ—не летаютъ по поднебесью для произведенія своихъ предковъ, но истинною своею добродѣтелью не отъ боговъ, но отъ человѣка явно начало свое производятъ". Добродѣтель русскаго народа, при усвоеніи имъ названія руссовъ, видѣлъ и Болтинъ. Онъ писалъ: „праотцы наши суть Руссы, отъ нихъ мы влечемъ свою природу и на тѣхъ самыхъ мѣстахъ обитаемъ, гдѣ они родились и погребены. Хотя и славянъ, по смѣшенію ихъ съ Руссами, имѣемъ долгъ назвать нашими праотцами, но все то, что мы отъ нихъ заимствовали, климатъ и время превратили въ русское, и едва ли осталась въ жилахъ нашихъ одна капля крови славянской". Это заявленіе Болтина ведетъ и его къ патріотической похвалѣ русскимъ. „Руссы—говоритъ онъ получивъ обладаніе надъ славянами при Рюрикѣ, не похотѣли ихъ славою воспользоваться и предпочли названіе, означающее русость ихъ волосовъ, названію тезоименитому славѣ".

Изъ этихъ выписокъ достаточно видно съ какой особенной точки зрѣнія смотрѣли наши историки XVIII столѣтія на вопросъ о происхожденіи названія Руси. Однажды изъ-за него вышло даже политическое столкновеніе у Ломоносова съ исторіографомъ Миллеромъ, „штрафованнымъ за вздорную диссертацію о россійскомъ народѣ и оному предосудительную". Въ „произвожденіи" Миллеромъ названія Руси отъ скандина-

Digitized by Google

вовъ-руссовъ, пришедшихъ къ намъ изъ Швеціи, Ломоносовъ усматривалъ „униженіе своего отечества“.

Было бы слишкомъ долго, слѣдить за постепеннымъ ходомъ вопроса о происхожденіи названія Руси. Мы пройдемъ молчаніемъ исторію этой продолжительной историко-филологической борьбы и упомянемъ только о томъ положеніи, въ какомъ представляется она въ настоящее время. Конецъ этой борьбы пока заключается въ томъ, что для разрѣшенія упомянутаго вопроса нужно прибѣгнуть къ помощи какого-то предполагаемаго „росничскаго“ нарѣчія потомковъ древнихъ родсеновъ и привести варяго-руссовъ съ острова Даго. Предоставляемъ любителямъ ученыхъ преній добраться какъ-нибудь до всего этого, а между тѣмъ мы пойдемъ своей дорогой.

Обратимъ прежде всего вниманіе на то, что всѣ наши историки отождествляютъ русское слово „Русь“ съ греческимъ словомъ „Ῥῶς“. Ученый Кругъ полагалъ, что Несторъ нашелъ это имя въ первый разъ въ греческой лѣтописи. Но если бы такое предположеніе было справедливо, то у Нестора явилась бы не „Русь“, а „Рось“, не „руській“, а „рось-скій“. По нашему мнѣнію основательнѣе будетъ предположить—и это тѣмъ вѣроятнѣе—что И. И. Срезневскій достаточно доказалъ что договоры, изъ которыхъ писаны по славянски. Въ этихъ договорахъ Несторъ впервые встрѣтилъ слова „Русь“ и „руській“, въ славянскомъ текстѣ взято это названіе въ выраженіи „отъ рода русскаго“. Оно прямо указало Нестору, что одна изъ участвовавшихъ сторонъ были русскіе, родомъ изъ страны, которая называлась „Русью“. Нужно было, однако пріурочить куда-нибудь это новое для него племенное названіе и, безъ всякаго сомнѣнія, всего удобнѣе было отнести его къ дѣйствительному или къ вымышленному приходу первыхъ князей, которыхъ Несторъ съ ихъ родомъ и дружиною, и назвалъ Русью.

Здѣсь, однако, возникаетъ существенный вопросъ о томъ, откуда же у грековъ могло взяться имя „Ῥως“ для означенія народа и почему имя это или въ славянскомъ оригиналѣ или въ переводѣ на славянскій языкъ появилось съ перваго

Digitized by Google

разу въ измѣненномъ видѣ, т. е., оказывается „Русь", а не „Рось". Для объясненія этого нужно прежде всего замѣтить, что А. А. Куникъ вполнѣ основательно призналъ, что слово „'Ρῶς" не греческаго происхожденія, такъ какъ оно у грековъ употребляется въ неизмѣняемой по падежамъ формѣ: „οἱ 'Ρῶς", „τῶν 'Ρῶς" и т. д. и онъ, какъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ норманистовъ, призналъ, разумѣется, это чуждое грекамъ слово скандинавскимъ. Мы же полагаемъ, что греки заимствовали слово „'Ρῶς" изъ латинскаго языка и что оно ничто иное какъ слово „rus", въ которомъ по свойству греческаго языка буква „u" обратилась въ букву „ω". На возможность такого измѣненія указываетъ,—хотя и совершенно не съ тою цѣлью, съ какою дѣлаемъ это мы—А. С. Гедеоновъ въ замѣчательномъ своемъ изслѣдованіи „Варяги и Русь". Онъ приводитъ рядъ латинскихъ и греческихъ словъ, подтверждающихъ возможность такого измѣненія напримѣръ: summa, — σῶμα; suppedaneum — σωπεδιὸν; culus — κῶλος; mulavium—μωραλιὸν. Добавимъ къ этому, что знаменитый римскій царь Нума Помпилій—по латинѣ „Numa"—у Плутарха и у другихъ греческихъ писателей называется Νωμα, а имя одного французскаго рыцаря Rousseau de Solioux обратилось у византійскаго историка XII вѣка, Пахимера, въ „Ρῶς Σολιὼς". Такимъ образомъ представляется вполнѣ вѣроятнымъ, что и латинское слово „rus" могло измѣнится у грековъ въ слово „'Ρῶς" и за тѣмъ остается рѣшить вопросъ: какимъ образомъ оно попало въ греческій языкъ и стало служить тамъ названіемъ или особаго племени или смѣшаннаго народа или, наконецъ, какой-либо мѣстности.

Извѣстно, что въ первые вѣка по Р. Х. римская цивилизація, римское образованіе и языкъ римлянъ подавили собою въ западной и южной Европѣ все, что въ этомъ отношеніи выработали прежде древніе греки. Около этого времени дальнѣйшее распространеніе греческаго языка не только прекратилось, но языкъ этотъ началъ изчезать и тамъ, куда онъ успѣлъ проникнуть въ былую пору. Подъ вліяніемъ римскаго господства латинскій языкъ или замѣнялъ греческій или пріі-

Digitized by Google

обрѣталъ для себя новое господствующее значеніе. Не позднѣе VIII столѣтія латинскій языкъ сдѣлался языкомъ ученыхъ во всей западной Европѣ, а потомъ онъ явился языкомъ правительственнымъ и на востокѣ—въ Польшѣ и въ Венгріи, кромѣ того, латинскій языкъ былъ единственно-употребительнымъ языкомъ во всей западной письменности. При такой его распространенности нѣтъ ничего невѣроятнаго, если во многихъ случаяхъ и латинская названія — какъ по исторіи и по географіи, такъ и въ обыденномъ говорѣ, расходились не только по всей Европѣ, но могли даже переходить за ея предѣлы. Что̀ византійскіе греки держались этой номенклатуры, лучше всего можно заключить изъ того, что они даже самихъ себя называли римлянами „ромеи“ (ρωμαιοί), а столицу своей имперіи Константинополь—Рӣмомъ (Ρωμα).

Въ Европѣ границы господства римлянъ, въ послѣднія времена ихъ могущества, раздвинулись на сѣверо-востокъ до береговъ Дуная. Здѣсь, при императорѣ Траянѣ, осѣли римскіе выходцы, переродившіеся потомъ въ молдаванъ и валаховъ. Страна ими занятая получила устройство по образцу римскихъ провинцій, такъ что здѣсь оканчивались римскіе гражданственные порядки. Однимъ же изъ самыхъ рѣзкихъ проявленій этихъ порядковъ было муниципальное устройство городовъ. За придунайскими мѣстностями былъ конецъ городскихъ порядковъ, устроенныхъ на римскій ладъ. Отсюда начиналось преобладаніе не городскаго, а сельскаго быта, такъ что у береговъ Дуная передъ римлянами являлась на безграничныхъ пространствахъ ихъ „rus“. Слово это какъ у древнихъ римлянъ, такъ и у позднѣйшихъ латинистовъ, противополагается постоянно слову „urbs“ — городъ, и означаетъ такое пространство внѣ города, на которомъ находятся деревни, поля, лѣса, луга и пустыри. Придунайская же славянщина должна была казаться западнымъ европейцамъ, усвоившимъ римскія порядки, „деревенщиною“ т. е. была „rus“. Прокопій передаетъ это впечатлѣніе, замѣчая что славяне живутъ въ дрянныхъ избахъ, разбросанныхъ, одна отъ другой на большое разстояніе. Гораздо позднѣе, въ XIII вѣкѣ, нѣмецкій историкъ

Digitized by Google

Гельмгольдъ писалъ, что славяне не заботятся о постройкѣ своихъ домовъ, а обыкновенно строютъ себѣ избушки изъ хвороста, лишь бы укрыться отъ непогоды. Но кто не согласиться, что такіе поселки были ужъ не „urbs“, но „rus“. По этому латинское названіе „rus“ могло быть примѣнено вполнѣ наглядно къ тѣмъ пространствамъ юго-восточной Европы, гдѣ прекращался римско-городской строй, гдѣ люди вели деревенскую жизнь, и гдѣ, кромѣ того, племенной составъ населенія не былъ еще до такой степени извѣстенъ, чтобъ могли быть перечислены въ поименной отдѣльности тѣ или другіе народы. Это названіе вполнѣ подходитъ къ употребляемому въ рȳсскомъ языкѣ неопредѣленному названію „степь“, и въ недавнее время у насъ появилась даже названія „степной“ губернаторъ, вмѣсто означенія его по имени какой-либо области или города. Къ такимъ пространствамъ, какія подразумѣваемъ мы подъ словомъ „rus“, подходили какъ нельзя болѣе мѣстности за лѣвымъ берегомъ Дуная, римляне же могли составить, не только сами, но даже и позаимствовать понятіе о нихъ, какъ о мѣстностяхъ сельскихъ, еще отъ древнихъ грековъ, такъ какъ еще Геродотъ противопоставляетъ городской бытъ грековъ, быту народовъ, жившихъ на берегахъ Днѣпра, упоминая о тамошнихъ туземцахъ, какъ о земледѣльцахъ (εοργιοί) и лѣсовикахъ („ὑλητοί“), а не какъ о горожанахъ. Деревенскія занятія—земледѣліе и скотоводство—составляли также отличительную черту славянъ, поселившихся на берегахъ Дуная. На такую особенность въ быту ихъ обратили вниманіе и германцы, и графъ Стольбергъ (gesh der Rel. J. Chr. 279 стр.) говоритъ, что когда германцы жили только охотою и рыбною ловлею, мало занимаясь земледѣліемъ, славяне были уже трудолюбивыми и искусными земледѣльцами и готовили неизвѣстныя еще германцамъ земледѣльческія орудія. Да и мы сами считаемъ наше отечество земледѣльческою страною т. е. такою, къ какой латинисты могутъ примѣнить слово „rus“. Добавилъ къ этому, что, по свидѣтельству Нестора, поляне получили свое названіе отъ полей, среди которыхъ они обитали, а древляне отъ деревьевъ, такъ какъ они

Digitized by Google

жили въ лѣсахъ. Очевидно, что поля и лѣса—эти существенныя принадлежности деревни, и при томъ при отсутствіи городской жизни, могли при употребленіи сосѣдними народами латинскаго языка получить общее названіе — „rus“. Названіе это путемъ или письменныхъ источниковъ или разговорнаго языка перешли къ грекамъ, гдѣ оно — какъ мы сказали — измѣнившись въ слово „Ῥως“, послужило для означенія многихъ народностей, сливавшихся, по условіямъ ихъ быта, въ одну этнографическую или географическую единицу.

Держась того мнѣнія, что слова „Русь“ и „rus“ одно и тоже, мы позволимъ себѣ итти въ нашихъ предположеніяхъ очень далеко, поспѣшивъ, впрочемъ—добавить итти только въ области совершенно-произвольныхъ догадокъ, слѣдуя, однако, въ этомъ случаѣ примѣру, поданному многими учеными изыскателями о происхожденіи названія Руси. Такъ можно предположить, что самое имя Рюрикъ происходитъ отъ слова „rus“, родительный падежъ котораго будетъ „ruris“, а при производствѣ отсюда прилагательнаго съ прибавкою окончанія „cus“ получится „ruriscus“. Быть можетъ одинъ какой-нибудь хроникеръ-латинистъ измыслилъ это имя, а другой, желая ославянить или, пожалуй, онорманить его, перечеркнулъ окончаніе „us“, а для ясности сдѣлалъ приписку, что это слово должно быть „sine us“, а не разобравшій хорошо этой помѣтки переписчикъ сдѣлалъ изъ нея „Sineus“, т. е., норманскаго Синеуса. Затѣмъ вслѣдствіе какой нибудь поправки могло явиться въ рукописи слово „trude“, въ которомъ буква „d“, какъ рукописная бываетъ похожа на букву „v“ и такимъ образомъ явиться „trude„ обратившаяся въ свою очередь въ Трувора.

Само собою разумѣется, что мы не придаемъ этой догадкѣ никакого научнаго значенія и приводимъ ея только какъ игру нашего воображенія, тѣмъ не менѣе латинское происхожденіе имени „Рурика“ или „Рюрикъ“ отъ слова „rus“ весьма возможно.

Тождественность слова „Русь“ съ латинскимъ словомъ „rus“ подкрѣпляется еще и слѣдующими соображеніями. Не

Digitized by Google

только въ тѣхъ языкахъ, корнемъ которыхъ служитъ латинскій языкъ, какъ-то въ языкахъ: французскомъ, италіанскомъ, испанскомъ, молдаванскомъ и англійскомъ, удержалась буква „u“, но то же самое оказывается и въ языкахъ славянскихъ а также въ нѣмецкомъ, венгерскомъ, арабскомъ и армянскомъ. Въ чешскомъ, напримѣръ, языкѣ для обозначенія руса существуетъ много названій, какъ-то: Rus, Rusko, Ruscinin, Rusan, но всѣ они удерживаютъ латинскую форму, т. е. букву „u“, а не „ω“. Трудно однако допустить такую распространенность и такую стойкую одинаковость въ произношеніи, если бы названіе Руси было заимствовано отъ греческаго слова „Ρως“, а не отъ латинскаго „rus“. Буква „u“ удержалась и до нынѣ во всѣхъ упомянутыхъ языкахъ, а позднѣйшія латинскія слова „Rossia“ и „rossicus“ есть ничто иное какъ искусственное произведеніе въ примѣненіи къ греческому названію Руси—„Ρως“.

Продолжая приводить наши соображенія на счетъ латинскаго происхожденія слова „Русь“, мы замѣтимъ слѣдующее. По-венгерски нынѣшняя Россія называется Oroszorszag, нынѣшній русскій „orosz“. Слово это на венгерскомъ языкѣ не имѣетъ никакого значенія, но очевидно, что оно греческое слово „ὁ'Ρως“, въ которомъ членъ и имя собственное слились вмѣстѣ, составивъ такимъ образомъ слово—ὁρῶς. Великая же Россія или прежнее государство московское называется у венгровъ „moszkaorzag“, а великорусъ въ смыслѣ москаля—„moszka“. Между тѣмъ, для означенія руссиновъ или русскихъ, находящихся въ Венгріи, у венгерцевъ существуетъ искони и до нынѣ исключительно употребляемое для того слово „rusznyak“, въ которомъ слышится уже не греческое "'Ρῶς“ , а латинское „rus“. Добавимъ къ этому, что на языкѣ племени миридитовъ—слово „орошъ“ значитъ селеніе, и имя это, какъ имя собственное, носитъ та деревня, въ которой пребываетъ глава этого племени. У сербовъ слово „ворошъ“—собственно „орошъ“ означаетъ поселеніе въ противоположность слову „градъ“, городъ, urbs. Такимъ образомъ и въ двухъ этихъ словахъ, представляющихъ собою

ТИП. И. И. ГЛАЗУНОВА. 35

Digitized by Google

отзвукъ греческаго названія „Руси", таится то значеніе, какое имѣетъ латинское слово „rus", обратившееся у грековъ въ слово „ο'Ρῶς".

Въ подтвержденіе латинскаго происхожденія слова „Русь" говорятъ еще и слѣдующія соображенія:

И. И. Срезневскій, по мнѣнію г. Гедеонова, достаточно доказалъ, (Извѣст. II отд. Имп. Ак. Наукъ 1863), какъ мы уже упомянули, что договоры 907 и 911 съ греками были писаны по славянски, а въ нихъ—какъ мы то же замѣтили—встрѣчается „Русь", а не „Рось" не „росьскій", а „русьскій". Это объясняется тѣмъ предположеніемъ, что пришлымъ въ Константинополь дружинникамъ и безъ грековъ было извѣстно ихъ имя „Русь" заимствованное прямо изъ латинскаго языка. Такое предположеніе представляется вполнѣ вѣроятнымъ, если принять въ соображеніе, что еще за долго до Нестора, по свидѣтельству, однако же, его самаго, приходили въ Кіевъ кармянскія проповѣдники съ цѣлью проповѣдничества католицизма „нѣмцы изъ Рима". Такіе, конечно, употребляли латинскій языкъ и потому могли занести въ Кіевъ слово „rus" для означенія вообще страны, носившій сельскій, деревенскій отпечатокъ, сравнительно съ тою мѣстностію, изъ которой они пришли и въ которой такъ сильно была развита городская жизнь. Въ особенности же слово „rus" могло примѣняться къ „полянамъ", по самой этимологіи ихъ славянскаго названія, и дѣйствительно они и въ нашихъ лѣтописяхъ носятъ преимущественно названіе Руси.

Латинскимъ происхожденіемъ названія Руси мы объясняемъ и загодочное до сихъ поръ изображеніе на древнихъ печатяхъ, а потомъ и въ гербѣ „русскихъ" князей всадника, почитаемаго Георгіемъ Побѣдоносцемъ. Георгій—по гречески Γεωργιὸς—означаетъ, земледѣлецъ—и усвоеніе такой геральдической эмблемы будетъ понятно, если принять, что старинные ученые мужи придавали названію Руси то значеніе, какое имѣетъ латинское слово „rus", и которому въ греческомъ языкѣ соотвѣтствуетъ слово γεωργίκον.

Digitized by Google

Обратимъ вниманіе и на то, что въ старинной нашей письменности напр., въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ прилагательное „русьскій“ замѣняется иногда прилагательнымъ „рустій“. Здѣсь опять звучитъ не греческое „Ρῶς“ но латинское „rusticus“, происходящее отъ слова „rus“. Слово же „rusticus“, противуполагается слову „urbanus“—городской: вѣжливый, образованный и означаетъ,—кромѣ деревенскій, сельскій,—также грубый, невѣжественный, какимъ съ давнихъ временъ и считали славянинанароды западной Европы, усвоившіе себѣ плоды римской цивилизаціи.

Впослѣдствіи слово „Русь“ стало у насъ замѣняться словомъ „Русія“ или „Руссія“ здѣсь опять видны несомнѣнные признаки латинскаго, а не греческаго происхожденія этого слова. Является первоначальною не „Ρωσια“ грековъ, а „Russia“ латинцевъ. Мы не можемъ съ полною достовѣрностію сказать, когда именно началась такая замѣна, во всякомъ случаѣ она встрѣчается у насъ едва ли ранѣе начала XIV столѣтія. Между тѣмъ еще въ половинѣ XIII вѣка галицкіе князья стали носить латинскіе титулы „rex и dux“ съ прибавкою или просто „Russiae“ или „totius Russiae“. Первый изъ этихъ титуловъ они носили по владѣнію только Угорскою или Закарпатскою Русью, а послѣдній—и Кіевскою. Какъ ни плохи были латинисты того времени, но понятно, что они не могли состряпать титулъ rex или dux „Ruris“ или „Rurum“, такъ какъ настоящее значеніе этого латинскаго слова было бы слишкомъ простовато. Потому, слово „rus“ на офиціальномъ латинскомъ языкѣ пришлось обратить въ слово „Russia“. Даже и въ тѣхъ русскихъ княженіяхъ, гдѣ латинскій языкъ не былъ въ употребленіи, не измѣнилось на первыхъ порахъ въ княжескихъ титулахъ старинное слово „Русь“, и только при большемъ сближеніи Москвы съ греками оно стало замѣняться, да и то изрѣдка, названіемъ Россія.

Подтвержденіе мнѣнія о латинскомъ происхожденіи слова „Русь“ мы встрѣчаемъ и въ одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ нашей письменности—въ „Русской Правдѣ“. Въ нѣкоторыхъ ея спискахъ отдѣляется „русинъ“ отъ „славя-

*

Digitized by Google

нина", и такое отдѣленіе даетъ поводъ норманистамъ видѣть здѣсь указаніе на племенное различіе между Русью и славянами. Въ другихъ, однако, спискахъ—не менѣе достовѣрныхъ, какъ тѣ, о которыхъ мы сейчасъ упомянули, вмѣсто „руссинъ" является „горожанинъ", а вмѣсто „словенинъ",—„селянинъ". Варіанты эти Н. В. Калачевъ въ своемъ „Изслѣдованіи о Русской Правдѣ" признаётъ „не совсѣмъ" произвольными, но, къ сожалѣнію, не объясняетъ на чемъ именно онъ основываетъ такое мнѣніе. Съ своей стороны мы считаемъ измѣненія эти вполнѣ правильными, такъ какъ „русинъ" и "славянинъ„ встрѣчаются въ „Русской Правдѣ" не при исчисленіи племенъ, но при исчисленіи званій, или занятій.

Здѣсь „русинъ" и „славянинъ" поставлены рядомъ съ гриднемъ, купцемъ, тивуномъ, мечникомъ и изгоемъ. Слѣдовательно, при такомъ перечисленіи должно скорѣе всего встрѣтить „горожанина" и „селянина", тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ отсутствіе такихъ главныхъ противоположныхъ другъ-другу представителей въ населеніи каждой страны, рѣзко бросается въ глаза; тогда какъ между гриднемъ, купцемъ и тивуномъ русинъ и славянинъ являются вовсе некстати. Какіе, впрочемъ, означенія будутъ въ данномъ случаѣ правильны—мы объ этомъ разсуждать не будемъ. Собственно для насъ важна только сущность такой замѣны, потому что въ ней отражается понятіе о томъ значеніи, какое должно имѣть слово русинъ при его происхожденіи отъ латинскаго „rus". Надобно впрочемъ замѣтить, что въ этихъ варіантахъ „горожанинъ" замѣняетъ „русина", а „селянинъ" славянина, но такая ошибочная перестановка не представляетъ существенной важности. При томъ въ Новгородѣ не назывшемся Русью, слово „русинъ" могло получить даже значеніе обратное тому, какое оно должно было бы имѣть по своему происхожденію отъ латинскаго слова „rus". Подобныя превращенія встрѣчаются даже въ отношеніи коренныхъ русскихъ словъ. Такъ, казалось бы, названіе „художникъ" по словопроизводству никакъ не могло бы быть примѣняемо къ та-

Digitized by Google

кому человѣку, который производитъ „хорошія“ вещи, но тѣмъ не менѣе такая несообразность существуетъ. Въ Австріи „Сельскій Уставъ“ носитъ названіе „Urbarium“ хотя такое названіе прямо противорѣчитъ коренному значенію того слова, отъ котораго оно происходитъ. Впрочемъ и помимо упомянутыхъ измѣненій, мы для объясненія встрѣчающагося въ „Русской Правдѣ“ отдѣленія „русина“ отъ словянина можемъ выставить и другую догадку. Ярославъ сидѣлъ не только на княженіи Новгородскомъ, но и на княженіи Кіевскомъ. Слѣдовательно, онъ могъ и даже долженъ былъ писать законы для обоихъ этихъ областей. Новгородская область, какъ мы замѣтили выше, Русью не называлась и, слѣдовательно тамъ русиновъ не было, а были славяне; въ Кіевской же, области были поляне, т. е. „русины“ и въ упоминаніи въ „Русской Правдѣ“ о тѣхъ и о другихъ слѣдуетъ видѣть только цѣль Ярослава—подчинить жителей обоихъ княжествъ общимъ для нихъ законамъ. Такимъ образомъ, здѣсь устраняется всякій вопросъ о какихъ-то норманскихъ руссахъ: подъ словомъ „русинъ“ рѣчь идетъ о коренныхъ жителяхъ кіевской Руси, а подъ словомъ славянинъ—Новгородской области.

Противъ доводовъ нашихъ о латинизмѣ слова „Русь“ могутъ, конечно, выставить прежде всего то возраженіе, что мы не приводимъ въ подтвержденіе ихъ положительнаго указанія на то, что у древнихъ или у средневѣковыхъ латинскихъ писателей упоминалось бы о примѣненіи слова „rus“ какъ имени собственнаго, къ какой либо географической мѣстности или къ какому нибудь народу. По поводу этого должно замѣтить, что у классическихъ латинскихъ писателей такого примѣненія дѣйствительно не встрѣчается, да при томъ въ настоящемъ случаѣ и не къ чему восходить до глубокой древности. Что же касается позднѣйшихъ латинистовъ, то развѣ историки наши, писавшіе о началѣ Руси, перечитали при своей работѣ всѣ латинскія хроники и акты, относящіеся къ исторіи разныхъ славянскихъ племенъ, а также къ исторіи венгровъ и молдаванъ, въ которыхъ можетъ упоминаться о коренной Руси, жившей въ юго-восточныхъ частяхъ Европы?

Digitized by Google

Развѣ кто нибудь изъ такихъ изслѣдователей можетъ съ полною увѣренностію ручаться за несомнѣнность подобнаго опроверженія? При томъ даже и доказанное отсутствіе въ старинныхъ латинско-письменныхъ памятникахъ такого указанія не разбиваетъ само по себѣ нашихъ соображеній. Развѣ писатели, выводящіе происхожденіе слова „Русь", то оттуда, то отсюда, предъявляютъ столь несомнѣнныя доказательства въ подтвержденіе своихъ соображеній, что для противорѣчія имъ обязательно представлять только доводы, не допускающіе никакихъ возраженій? Наконецъ, слово „rus" не встрѣчающееся какъ географическое или этнографическое названіе въ латинской письменности, могло тѣмъ не менѣе быть въ употребленіи, какъ разговорное слово у тѣхъ народовъ, которые, будучи близкими сосѣдями Руси, говорили языкомъ латинскаго происхожденія. Такими сосѣдями Угорской Руси, получившей безъ всякаго участія и вліянія норманов или варяго-руссовъ свое названіе, были валлахи, которые даже и безъ писателей-латинистовъ могли называть сопредѣльныя имъ славянскія земли „rus", а обитатели этихъ земель усвоить себѣ отъ нихъ такое названіе.

Признавая названіе „Русь" латинскимъ словомъ „rus", должно замѣтить, что такое названіе было у насъ первоначально только книжнымъ названіемъ. Народнымъ же названіемъ оно сдѣлалось лишь у Угорскихъ руссовъ, которые съ давнихъ временъ, именуютъ самихъ себя „русняками" и „русинами" и это объясняется тѣмъ, что такое названіе, по близости ихъ съ населеніемъ латинскаго происхожденія, прежде всего появилось и укоренилось въ ихъ сторонѣ, а оттуда уже распространилось постепенно путемъ письменности на юго-востокъ, а потомъ перешло и на сѣверо-востокъ Европы. Что названіе Русь не было занесено къ намъ варяго-руссами съ сѣвера, а на оборотъ пришло съ юга, въ этомъ лучше всего убѣждаетъ, то что еще до прихода въ Новгородъ варяжскихъ князей, названіе „русъ" у арабовъ и однозначущее съ нимъ у грековъ „росъ" были въ употребленіи какъ собирательное имя для означенія вообще неиз-

Digitized by Google

вѣстныхъ въ точности племенъ, жившихъ по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, которое называлось и въ нашихъ лѣтописяхъ и у арабовъ „Русскимъ“ моремъ. Цѣлый рядъ подтвержденій на счетъ существованія Руси въ этихъ мѣстахъ мы находимъ въ книгѣ г. Гаркави „Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ“. Такъ Ибнъ-Хордабе пишетъ, что „русы—славянское колѣно“. Хордабе же жилъ въ Багдадѣ и написалъ свое сочиненіе не позже 870 года. Поэтому, какъ же онъ могъ знать, что славяне отъ призванныхъ ими только въ 862 году варяго-руссовъ получили названіе Руси? Для того, чтобъ новое имя народа такъ далеко распространилось, особенно въ ту пору, при рѣдкихъ и слабыхъ международныхъ сношеніяхъ, нужны были десятки и даже сотни лѣтъ. А тутъ оказывается, что черезъ какихъ нибудь восемь лѣтъ послѣ прихода Руси въ Новгородъ, все громадное пространство нынѣшней Россіи отъ Новгорода до береговъ Чернаго моря, частію даже вовсе не подвластное какимъ-то загадочнымъ и безвѣстнымъ пришельцамъ, усвоило себѣ ихъ племенное имя! Такая несообразность слишкомъ очевидна, чтобы стоило говорить о ней. Если же и этого довода недостаточно, то скажемъ, что у арабскихъ писателей упоминается еще въ первой половинѣ VII о „русахъ“ какъ о могущественномъ народѣ, а Волгу, на которой и не думали показываться варяго-руссы или норманы, они считаютъ и славянскою, и русскою рѣкою. Аль-Массуди, писавшій между 950 и 970 годами, сообщаетъ, что руссы составляютъ многіе народы, раздѣляющіеся на разрозненныя племена. Такимъ народамъ, жившимъ за Дунаемъ, латинисты, по тѣмъ причинамъ о которыхъ мы уже говорили и могли дать собирательное имя, „rus“ и оно въ томъ же смыслѣ, т. е. безъ географической и этнографической точности, перешло отъ нихъ и къ арабскимъ писателямъ, имѣвшимъ сношенія съ западной Европою.

Искать Русь въ Скандинавіи совершенно напрасно не только въ виду этихъ, но и другихъ еще извѣстій. Такъ въ паннонскомъ житіи св. Кирилла упоминается, что онъ, говоря

Digitized by Google

съ „русами“, старался понять ихъ и быть понятымъ ими, для чего и принаравливалъ свой собственный языкъ, измѣняя гласныя и согласныя, но это должно было быть только годами двумя-тремя позднѣе призванія въ Новгородъ варяговъ, такъ что къ придунайскимъ славянамъ не могла бы даже дойти вѣсть о переименованіи ихъ въ Русь по случаю прихода Рюрика въ Новгородъ, да и собственный славянскій языкъ Кирилла не былъ норманскимъ, т. е. скандинавскимъ.

По розысканіямъ польскихъ историковъ, имя Руси носила первоначально Прикарпатская мѣстность и по владѣнію этой мѣстностью князья Галицкіе, помимо всякаго вопроса о варяго-руссахъ, принимали титулъ: Даніилъ „Rex Russiae“, сынъ его Левъ „dux totius Russiae“, сыновья его именовались „duces totius terrae Russiae“. Всѣ эти титулы „русскихъ“ королей и герцоговъ были самобытны и появлялись безъ всякаго соотношенія къ господству варяго-руссовъ. Они прямо заимствовались отъ мѣстнаго названія области, издавна носившей имя Руси.

Первымъ государемъ „Руси“ считается Рюрикъ, князь новгородскій, но о немъ говорятъ только сѣверные, и притомъ позднѣйшіе источники, относящіеся къ XIII столѣтію, т. е. явившіеся уже во время борьбы Рюриковичей за Кіевскую область, носившую названіе Руси. Въ виду сбивчивыхъ сказаній о призваніи Рюрика въ Новгородъ, г. Иловайскій предлагаетъ основать первоначальную исторію Россіи единственно на источникахъ арабскихъ и греческихъ, что́, конечно, будетъ равносильно увольненію Рюрика въ отставку, съ тѣмъ, чтобы не принимать его болѣе на историческую службу. Но если даже и послѣдовать этому внушенію, то все же не упразднится вопросъ: откуда, однако, могъ взяться, если не въ дѣйствительности, то въ лѣтописи Рюрикъ, пришедшій изъ Руси и съ Русью?

Въ подтвержденіе исторической достовѣрности относительно призванія въ Новгородъ варяго-русовъ, приводятъ то самое существенное соображеніе, что для лѣтописца не было никакого повода вносить въ свои сказанія подобную выдумку, не представлявшую никакой цѣли. Съ своей стороны мы на-

Digitized by Google

ходимъ, что для подобной выдумки было своего рода патріотическое побужденіе. Надобно замѣтить, что появленіе въ сѣверныхъ лѣтописяхъ Рюрика совпадаетъ съ той эпохой, когда сѣверные (суздальскіе) князья утратили свое господство надъ Русью, т. е. надъ кіевскою областью. Нужно было, однако, поддержать несуществовавшее уже на дѣлѣ династическое ихъ право на Русь и сказаніе о томъ, что князья новгородскіе, предки великихъ князей суздальскихъ и владимірскихъ, были родомъ изъ „Руси", что они были князья „русскіе", казалось весьма подходящимъ средствомъ для такой цѣли. Изъ этой генеалогіи возникало ихъ родовое или „вотчинное" право на владѣніе Русью, т. е. кіевскимъ великимъ княженіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ не представить Новгородъ покореннымъ чуждою ему Русью, но, напротивъ, выставить его первенствующее значеніе, лѣтописецъ присоединилъ сказаніе о добровольномъ призывѣ туда „русскихъ" князей. Впослѣдствіи же, когда „Русь" подпала подъ власть литовскихъ государей, вызовъ оттуда новгородцами князей казался уже событіемъ не соотвѣтствующимъ самостоятельности сѣверныхъ княжествъ. Поэтому, позднѣйшіе лѣтописцы и стали селить Русь „за моремъ" и около Ильменя и отъ такихъ передѣлокъ вышла та путаница въ началѣ русской лѣтописи, которую замѣтилъ еще Татищевъ и которая возбудила нескончаемый споръ о породѣ „Руси". Кстати здѣсь приплелись еще извѣстія о „варягахъ", — дружинникахъ, и изъ всего этого явилась лѣтописная смѣсь, поставившая въ тупикъ историковъ. Для лѣтописцевъ „варяги" были нужны князьямъ, такъ какъ этимъ послѣднимъ притти безъ дружины было бы несоотвѣтственно ихъ сану, особенно если принять въ соображеніе, что въ ту пору, къ которой относится составленіе древнѣйшихъ сводовъ нашихъ лѣтописей, даже многіе родоначальники дворянскихъ фамилій, выѣзжавшіе изъ нѣмецъ и изъ Литвы, въ Новгородъ, Тверь, Рязань и Москву, приводили съ собою дружину, состоявшую нерѣдко изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Наши бытописатели несомнѣнно были знакомы съ греческими хронографами, по образцу которыхъ

Digitized by Google

даже и писались нами лѣтописи. Такимъ образомъ составители этихъ послѣднихъ знали, что при византійскихъ императорахъ находились дружины варяговъ и, конечно, въ виду этого, всего сподручнѣе было окружить и первыхъ русскихъ князей „варягами“ для приданія княжеской власти болѣе блеска и важности.

Что разныя неосновательныя передѣлки и произвольныя вставки въ нашихъ лѣтописяхъ случались,—это доказываютъ „Степенныя Книги“ митрополита Макарія, который внесъ въ нихъ басню о происхожденіи Рюрика изъ Пруссіи отъ Прусса брата Августа-Кесаря. Послѣ Макарія передѣлкою лѣтописей сообразно съ своими видами и цѣлями, занимались патріархи Филаретъ и Никонъ. Наконецъ, даже въ весьма неотдаленное отъ насъ время явился у насъ историческій вымыселъ, получившій офиціальное утвержденіе. Такъ, при составленіи первой части „Общаго Гербовника“ генералъ-прокуроромъ былъ князь Куракинъ, потомокъ Гедимина, и безъ сомнѣнія, въ угоду ему, въ росписи княжескихъ родовъ, приложенной къ этой части „Гербовника“, Гедеминъ, посредствомъ вымышленныхъ предковъ, выведенъ прямымъ потомкомъ Рюрика по старшей линіи—по линіи князей Полоцкихъ. Что жъ мудренаго, если въ прежнее время, при отсутствіи всякой исторической критики, въ наши лѣтописи вносилось много выдумокъ, которыя или согласовались съ духомъ времени, или создавались воображеніемъ лѣтописца?

Изъ всего изложеннаго нами мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ:

1) Что греческое слово „Ρως“ и латинское „rus“,— послѣднее въ смыслѣ деревни, сельскаго быта, какъ противоположности городскому строю, слаженному на римскій образецъ—совершенно тождественны между собою. Въ этомъ случаѣ мы расходимся не только съ норманистами, но и съ гг. Гедеоновымъ и Иловайскимъ, отвергающими доводы норманистовъ. Первый изъ этихъ двухъ почтенныхъ изслѣдователей приходитъ къ тому заключенію, что Русь получила свое названіе отъ относившагося къ рѣкамъ „Русь“ богопо-

Digitized by Google

читанія, а послѣдній, предполагая первую форму не Русь, а „Рась“ и „Рось“ думаетъ, что названіе Русь находится въ непосредственной связи съ такими названіями рѣкъ.

2) Что собственно отъ слова „rus“, а не отъ слова „Ρως“ произошло какъ у насъ, такъ почти и во всѣхъ европейскихъ языкахъ первоначальное названіе Россіи,—Русь.

3) Что сперва,—и при томъ безъ всякой связи съ призваніемъ варяго-руссовъ въ Новгородъ,—имя Руси принадлежало Игорской или Закарпатской Руси, какъ области, соприкасавшейся ближайшимъ образомъ съ населеніемъ облатинившагося происхожденія,—населеніемъ, которому были знакомы римско-городскіе или муниципальные порядки, и противоположность имъ которую они видѣли далѣе на востокѣ Европы представлялась имъ деревнею—rus.

4) Что изъ этихъ мѣстъ названіе Руси, какъ, собирательное имя разныхъ народовъ, безъ точнаго опредѣленія ихъ разноплеменности и занятаго ими пространства, расширялось, отчасти путемъ письменности, а отчасти путемъ общежительныхъ отношеній, на югѣ по сѣверному прибрежью Чернаго или Русскаго моря и на востокѣ къ Днѣпру, и что названіе это употреблялось сперва въ такомъ же общемъ смыслѣ какъ употреблялось у грековъ и у римлянъ названіе варвары, а у насъ употребляется орда, украйна, хохлы, горцы, и что такая же неопредѣленность въ названіи Руси существуетъ и въ сказаніяхъ какъ греческихъ, такъ и арабскихъ писателей. Въ нашихъ же лѣтописяхъ подъ именемъ Руси подразумѣвались сперва только приднѣпровскія области.

5) Что названіе „Руси“ взято для нашихъ лѣтописей въ первый разъ изъ договоровъ Игоря и Святослава съ греками и при томъ не въ греческой а въ латинской формѣ, такъ какъ договарившаяся съ греками сторона называла сама себя не Росью, а Русью.

6)) Что если первыя лѣтописныя сказанія о происхожденіи названія Руси не имѣютъ за собою исторической достовѣрности, то надобно полагать, что имя Руси явилось въ позднѣйшихъ сѣверныхъ нашихъ лѣтописяхъ,—какъ имя будто

Digitized by Google

бы небывалое у славянъ до прихода Рюрика въ новгородскую землю,—для поддержанія династическихъ правъ князей новгородскихъ, суздальскихъ и владимірскихъ на кіевскую область и сопредѣльныя съ нею земли, носившія издревле названіе Руси, независимо отъ прихода или призванія варяжскорусскихъ князей въ Новгородъ.

Мы, конечно не рѣшимся утверждать, чтобъ доводы наши могли выдержать строгую научную критику, но развѣ можетъ выдержать ее какіе нибудь другіе доводы, касающіеся вопроса о происхожденіи названія „Руси"? Изъ всѣхъ относящихся къ нему догадокъ, наиболѣе достовѣрною можно было до сихъ поръ считать догадки норманистовъ, но и они не въ состояніи согласить свои предположенія и выводы съ разсказами нашей лѣтописи и съ извѣстіями о руссахъ, сообщаемыми арабскими писателями. За нашей же догадкой можно, какъ мы полагаемъ, признать, по крайней мѣрѣ, ту особенность, что она устраняетъ, если и не вполнѣ, то въ достаточной степени, тѣ главныя недоразумѣнія, которыя составляютъ главный предметъ спора между приверженцами норманизма и ихъ различными противниками.

Съ принятіемъ нашего предположенія о латинскомъ происхожденіи названія „Русь" и о первоначальномъ примѣненіи этого названія къ прикарпатскихъ мѣстностяхъ устраняются тѣ несообразности нашихъ лѣтописей съ сказаніями греческихъ и арабскихъ писателей, какія неизбѣжно возникаютъ при другихъ высказываемыхъ догадкахъ по этому предмету.

Признавая слово „Русь" не названіемъ какого либо особаго племени, а названіемъ разноплеменнаго населенія или говоря точнѣе только названіемъ мѣстности, границы которой никогда опредѣлены не были ни историками, ни географами, мы соглашаемъ взаимно какъ извѣстія византійскихъ грековъ о „россахъ", такъ и сказанія арабскихъ писателей о „русахъ".

Съ признаніемъ за именемъ „Русь" латинскаго происхожденія, легко объяснится то, что Угорская Русь безъ всякаго участія какихъ-то варяго-руссовъ получила свое названіе

Digitized by Google

только по той причинѣ, о которой мы говорили уже подробно. До сихъ поръ главный доводъ, представляемый для разъясненія этого факта,—всего сильнѣе противорѣчащаго ученію норманистовъ,—заключается только въ томъ, ни на чемъ неосновавномъ предположеніи, будто Угорская Русь приняла свое названіе отъ могущественнаго сосѣдняго съ нею государства, имѣя одинаковые съ нимъ языкъ и религію. Но дѣло въ томъ, что Погодинъ, сдѣлавшій такое возраженіе, не доказалъ, что Угорская Русь приняла это названіе только послѣ прихода варяго-руссовъ въ Новгородъ.

При нашей догадкѣ разъяснится также, почему Новгородская земля, бывшая по сказанію нашей лѣтописи, колыбелью „русскаго" государства, не носила, однако, названія Руси, хотя Несторъ и связываетъ непосредственно это названіе съ приходомъ туда „Руси" и поставляетъ появленіе такого названія въ прямую и исключительную зависимость отъ этого событія. Латинское, а не скандинавское происхожденіе названія Руси даетъ возможность объяснить очень просто неусвоеніе на сѣверѣ такаго названія отчужденностію Новгородской области отъ латинизма. Нельзя не замѣтить, что чѣмъ болѣе удалялись мѣстности отъ соприкосновенія съ римскою культурою, тѣмъ слабѣе усвоивалось для нихъ названіе Руси. Такъ въ Угорской Руси и въ Галиціи каждый коренной житель, каждый простолюдинъ, называетъ себя,—да и другіе его называютъ — „руснякомъ" „русиномъ". На сѣверѣ нынѣшней Россіи названіе Руси не было вовсе народнымъ названіемъ. Оно было введено тамъ искусственно—посредствомъ государскихъ титуловъ—и распространилось въ народѣ вмѣстѣ съ распространеніемъ письменности, такъ что названіе Московскаго государства Русью можно считать лишь правительственнымъ названіемъ, перешедшимъ въ народную рѣчь въ весьма неотдаленное отъ насъ время.

Согласившись, что слово „Русь" употреблялось въ указанномъ нами смыслѣ, не трудно убѣдиться, что соратники Олега и Игоря назывались этимъ именемъ у грековъ вовсе не потому, что они были какіе нормано-руссы, но что на-

Digitized by Google

званіе это имъ давалось какъ собирательное имя разноплеменнаго населенія, жившаго за предѣлами византійской имперіи и находившагося на степени низшей культуры. Доказательствомъ этому можетъ служить то, что въ акаѳистѣ, сочиненномъ патріархомъ Филофеемъ, по случаю побѣды надъ „россами“ говорится объ избавленіи царствующаго града отъ „скиѳскаго“ воеводы. Скиѳами же какъ извѣстно, назывались у грековъ вообще сѣверные народы, чуждые еллинской цивилизаціи, т. е. названіе это употреблялось у нихъ въ томъ же смыслѣ, какой по нашему предположенію должно было имѣть слово „Русь“, при производствѣ его отъ латинскаго „rus“, и въ примѣненіи къ быту чуждыхъ и необразованныхъ народовъ къ римской гражданственности. Левъ Діаконъ называетъ руссовъ—варварами и тавро-скиѳами, а патріархъ Фотій народомъ непочтеннымъ, бѣднымъ, кочевымъ и живущимъ варварски.

За тѣмъ, если признать правильность нашего предположенія, то окажется возможность устранить и остальные камни преткновенія, попадающіеся на пути къ разрѣшенію вопроса о происхожденіи названія „Руси“ безъ содѣйствія варяго-руссовъ и другихъ инопленныхъ руссовъ-пришельцевъ, а именно объяснить: сбивающія до сихъ поръ съ толку названія днѣпровскихъ пороговъ, указаніе Ліутпранда на тождественность руссовъ и норманновъ и, наконецъ, одно туманное мѣсто въ бертинскихъ лѣтописяхъ.

Константинъ Богрянородный отличаетъ, какъ извѣстно, русскія и славянскія названія днѣпровскихъ пороговъ, и это даетъ поводъ норманистамъ, пуская въ ходъ сравнительную, весьма натянутую, филологію, видѣть въ русскихъ—скандинавовъ. Если, однако, признать то происхожденіе и то толкованіе слова „Русь“, какія мы ему приписываемъ, то дѣло объясниться гораздо проще.

Мы сейчасъ замѣтили о замѣнѣ прилагательнаго „русскій“ прилагательнымъ „скиѳскимъ“. Во время Константина Багрянороднаго, т. е. въ половинѣ X вѣка, слѣды классической древности были уже слишкомъ слабы. Поэтому, въ означен-

Digitized by Google

ную пору слово скиѳскій было уже словомъ какъ бы устарѣлымъ и употреблялось подобно тому, какъ теперь употребляется у насъ, напримѣръ, „галлъ“ вмѣсто французъ, „тевтонъ“ вмѣсто германецъ, „еллинъ“ вмѣсто грекъ, „ляхъ“ вмѣсто полякъ. О подобномъ различіи между названіями Скиѳы и Россы упоминаетъ и Левъ Діаконъ, говоря, что тавро-скиѳовъ называютъ обыкновенно на простомъ языкѣ „Ρως η κοινῇ διαλεκτως Ρος εἰωθεν ονομαζειν“. Такъ какъ Константинъ писалъ не какое нибудь торжественное произведеніе, требовавшее высокопарныхъ словъ, какъ напримѣръ, упомянутый выше акаѳистъ, то, поэтому, жителей древней Скиѳіи онъ могъ назвать попросту современнымъ ему общимъ именемъ „Ρωσ“ и, упоминая о названіи днѣпровскихъ пороговъ, разумѣлъ подъ „русскими“ скиѳскія ихъ названія. Но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ около половины X столѣтія, а къ этому времени славянское племя достаточно уже выдѣлилось среди всѣхъ вообще „русскихъ“ или скиѳскихъ племенъ, то и Константину кстати было отличить славянскія названія пороговъ отъ скиѳскихъ. Собственно же указаніямъ Константина на двойственныя названія пороговъ долженъ быть по нашему мнѣнію приданъ такой смыслъ: у прежнихъ обитателей Руси, т. е. у скиѳовъ, пороги назывались такъ-то, а у нынѣшнихъ, т. е. у славянъ, такъ-то. При томъ г. Юргевичъ, въ „Запискахъ Одесскаго историческаго Общества“ доказалъ—не хуже, чѣмъ доказываютъ норманисты скандинавско-русское происхожденіе названій днѣпровскихъ пороговъ,—позаимствованіе этихъ названій изъ венгерскаго языка. Предки же венгровъ были гунны, которыя у грековъ сливались въ общемъ названіи скиѳовъ. Такимъ образомъ приплетать сюда норманъ нѣтъ рѣшительно никакого основанія.

Что касается бертинскихъ лѣтописей, то въ нихъ для насъ важно упоминаніе о народѣ „Росъ“, а рядомъ съ нимъ и о царѣ этого народа, именовшемся Хаканомъ. На основаніи такого упоминанія надобно, какъ мы полагаемъ, заключить, что здѣсь рѣчь идетъ о хазарахъ, входившихъ, по ихъ географическому положенію, въ ту же смѣсь народовъ, которую

Digitized by Google

греки называли „Ρῶς“. Лѣтопись прибавляетъ, впрочемъ, что нѣмецкій императоръ Людвигъ Благочестивый увѣдомился доподлинно, что эти „росы“ были родомъ »шведы“ gentis sueonum. Это извѣстіе лѣтописи даетъ норманистамъ основаніе признать въ „росахъ“ шведовъ. Слѣдуетъ, однако, обратить вниманіе на то, что въ сочиненіи Кедереля. „Explicatio nominum numorum“ 1706 г., шведы „sueones “назывались также скиѳами. Мы же объяснили прежде, что у грековъ смѣшивались скиѳы и россы, а изъ приведенной нами сейчасъ ссылки видно, что то же самое было и со шведами. Кромѣ того Еккардъ (De origine Francorum), ссылаясь на Сноро Стурлесона говоритъ, что „великою“ Швеціею называлось все пространство на сѣверъ отъ Эвксинскаго понта. Стало быть и бертинскіе россы, прибывшіе изъ означенной мѣстности, могли считаться, по тогдашнему, шведами. Добавимъ къ этому, что по всей вѣроятности и Швеція, называемая у Іорнандо „vagina gentium“, была не нынѣшній Скандинавскій полуостровъ, а Великая Швеція или Свеонія, изъ которой, со времени великаго переселенія народовъ, лились въ западную Европу потоки разныхъ племенъ. Ничего нѣтъ также мудренаго, что при такихъ условіяхъ, какому либо сѣверному нашему лѣтописцу—при сношеніяхъ Новгорода со Шведами пришлось южную Русь перепутать съ „великою“ Швеціею и такимъ образомъ вывести „русскихъ“ изъ-за моря. На такое смѣшеніе Швеціи съ Скиѳіею, а слѣдовательно и съ Русью, противники норманистовъ до сихъ поръ не обратили должнаго вниманія. Между тѣмъ оно даетъ весьма чувствительный отпоръ ученію о Скандинавскомъ происхожденіи Руси. Слѣдовательно, въ томъ случаѣ, о которомъ упоминается въ бертинскихъ лѣтописяхъ, подъ шведами могли подразумѣваться скиѳы т. е. россы. Позволяемъ себѣ думать, что вслѣдствіе такого объясненія разбивается тотъ туманъ, который наводили на вопросъ о происхожденіи названія Руси нѣсколько строкъ бертинской лѣтописи, плохо толкуемыхъ разными историками.

Digitized by Google

Остается сказать еще о свидѣтельствѣ Ліутпранда, епископа Кремонскаго. Онъ пишетъ:

„Есть нѣкоторый народъ, живущій въ сѣверной странѣ, который по качеству тѣла греки называютъ „руссами", а мы отъ мѣста положенія ихъ страны называемъ норманами или сѣверными людьми". Для разъясненія этихъ строкъ нужно прежде всего вспомнить, въ какой степени была разработана географія во времена Ліутпранда. Въ эту пору не было, разумѣется, никакихъ точныхъ топографическихъ опредѣленій, и понятіе о сѣверѣ было самое растяжимое и сбивчивое. Слѣдовательно для Ліутпранда жившаго въ Италіи, а также и въ Константинополѣ, Угорская у Приднѣпровская Русь были конечно сѣверною страною. При томъ Ліутпрандъ впадаетъ здѣсь въ филологическую ошибку. У грековъ есть прилагательныя, подходящія какъ нельзя ближе для названія „русыхъ" по цвѣту тѣла и волосъ. Слова эти «ροῦσιος» и «ρουσαῖος»; но дѣло въ томъ; что для означенія „руссовъ" греки не употребляли этихъ словъ, а употребляли заимствованное, какъ мы объяснили, изъ латинскаго языка слово „rus" передѣланное «Ρως». Бѣлотѣлыхъ же и свѣтловолосыхъ людей называли они „ξανθοί" что значитъ собственно „рыжій" и названіемъ этимъ означали они народности германскаго происхожденія, къ какимъ именно и могли бы принадлежать и норманы, если бы они были дѣйствительно скандинавы. Такимъ образомъ оказывается, что свидѣтельство Ліутпранда, которому норманисты придаютъ такую важность, даже по самой ошибочности въ объясненіи названія „Ρως", не имѣетъ никакой доказательной силы.

Что касается варяго-руссовъ, то съ ними историческій разсчетъ очень простъ: они могли быть около новогородскихъ и около кіевскихъ князей, но ни въ какомъ случаѣ они не могли дать Русской Землѣ названіе Руси и сказаніе о томъ приходится считать одною изъ выдумокъ въ нашей исторіи.

Е. Карновичъ.

ТИП. Н. И. ГЛАЗУНОВА. 36

Digitized by Google

Вліяніе финансовыхъ учрежденій на экономическое положеніе первобытныхъ народовъ *).

(Страница изъ исторіи острововъ Фиджи).

Въ одномъ изъ уголковъ Южнаго океана, въ Полинезіи, лежитъ красивая группа острововъ, извѣстная между географами подъ именемъ Viti (туземное названіе) или Фиджи (европейское). За ихъ живописность нѣмецкій ученый Рихардъ Оберлэндеръ называетъ эти острова райскими, а по плодородію группа Фиджи едва ли не превосходитъ острова цѣлаго міра. Рядомъ съ роскошной тропической растительностью на островахъ Фиджи произрастаютъ въ изобиліи, при самой небольшой затратѣ человѣческаго труда, и многія злаки умѣренныхъ поясовъ. Кокосовые орѣхи, встрѣчаясь на всѣхъ островахъ въ огромномъ числѣ, составляютъ отчасти пищу жителей, и еслибы существовалъ достаточный спросъ и лучшіе пути сообщенія на островахъ, то жители Фиджи могли бы снабжать кокосовымъ масломъ половину Европы. Самые высшіе сорта хлопка, такъ называемые Sea Island, воздѣлываются на о. Фиджи съ успѣхомъ, и по словамъ д-ра Брауера, американскаго консула на этихъ островахъ и плантатора, тамъ имѣются всѣ условія для самой совершенной культуры хлопка. Далѣе на Фиджи вызрѣваютъ самые тонкіе сорта Виргинскаго табаку, а кофейныя

*) Рефератъ, прочитанный 15 октября 1884 года въ годичномъ засѣданіи Общества Любителей Естествознанія, Этнографіи и Антропологіи.

Digitized by Google

плантаціи даютъ продукты далеко высшіе, чѣмъ кофе съ острова Ява. Сахарный тростникъ выростаетъ на о. Фиджи до 25 ф. роста и по содержанію сахара можетъ съ успѣхомъ конкурировать съ любымъ сахарнымъ тростникомъ въ мірѣ. Индиго, чайное дерево, рисъ въ значительномъ количествѣ, пряности могутъ воздѣлываться на большинствѣ острововъ почти съ одинаковой легкостью и успѣхомъ. Прибавимъ къ этому необыкновенно здоровый климатъ, сообщающій жителямъ Фиджи долголѣтіе, и мы поймемъ тѣ восторженныя похвалы, съ которыми многіе англійскіе миссіонеры, жившіе тамъ подолгу, отзываются объ этихъ островахъ.

Вся группа состоитъ изъ полутораста мелкихъ острововъ, частью вулканическаго, частью коралловаго происхожденія, занимающихъ вмѣстѣ приблизительно 40,000 англійск. квадр. миль, т. е. не менѣе какъ въ три раза бо́льшее пространство, чѣмъ Московская губернія. Лишь половина острововъ обитаема немногочисленнымъ населеніемъ, которое не превосходитъ 150,000 туземцевъ и 1,500 бѣлыхъ, хотя почва съ избыткомъ могла бы прокормить навѣрное десять милліоновъ населенія. Добавимъ къ этому, что туземные жители уже довольно давно вышли изъ дикаго состоянія, рѣшительно выдаются своими умственными способностями между другими туземцами Полинезіи и представляютъ собою народъ способный къ труду и развитію, что́ и доказали, сдѣлавшись въ сравнительно короткое время хорошими земледѣльцами и весьма недурными скотоводами.

Такимъ образомъ всѣ условія повидимому соединились къ тому, чтобы обезпечить жителямъ благосостояніе, а вновь возникшему и сложившемуся государству на этихъ островахъ, подъ эгидой счастливаго вождя-завоевателя, а затѣмъ короля Какабо или Такомбо, — дальнѣйшее развитіе и достаточныя средства для удовлетворенія несложныхъ государственныхъ нуждъ. Но увы! всѣ эти предположенія на практикѣ оказались бы невѣрными. Дѣйствительно, населеніе Фиджи матеріально живетъ недурно и, по свидѣтельству Гордона, нынѣ англійскаго губернатора этихъ острововъ, домашняя обста-

*

Digitized by Google

новка Фиджіанцевъ гораздо лучше, чѣмъ имѣли когда-либо шотландскіе или ирландскіе крестьяне; но все это не помѣшало тому, что очень скоро въ 1859 году новое королевство очутилось въ крайне затруднительномъ финансовомъ положеніи, до сихъ поръ ему невѣдомомъ, хотя и давно знакомомъ многимъ странамъ старой Европы. Народу Фиджи и его представителю Какабо крайне понадобились деньги, хотя сравнительно сумма и небольшая, какую бы напр. могъ безъ затрудненія достать любой англійскій купецъ въ Лондонскомъ Сити, всего лишь 45,000 долларовъ или 90,000 рублей. Нужда была однако такъ настоятельна, такъ назойлива, что король Какобо готовъ былъ рѣшительно на все, чтобы получить эти деньги: онъ готовъ былъ отдать сначала сто, а потомъ двѣсти тысячъ акровъ лучшей земли на своихъ островахъ на выборъ за эти деньги, отказаться отъ своего права издавать въ странѣ собственные законы и постановленія, освободить на вѣчныя времена кредиторовъ отъ всякихъ сборовъ и налоговъ въ свою пользу и чуть не заложить женъ и дѣтей своихъ подданныхъ, чтобы получить столь желанные 45,000 долларовъ!!..

Спрашивается, какимъ образомъ на такихъ цвѣтущихъ по своимъ природнымъ условіямъ островахъ, въ новомъ королевствѣ, могла возникнуть такая сильная нужда въ сравнительно ничтожной суммѣ денегъ? Какія затѣмъ послѣдствія произошли для туземцевъ острововъ Фиджи отъ означеннаго финансоваго затрудненія?—Въ моемъ настоящемъ рефератѣ я именно и постараюсь выяснить и дать отвѣтъ на эти вопросы.

На первый вопросъ отвѣтить сравнительно не трудно. Деньги понадобились королевству Фиджи для уплаты контрибуціи или вознагражденія, требуемаго Американскими Соединенными Штатами за насилія будто-бы нанесенныя Фиджіанцами нѣкоторымъ гражданамъ американской республики. Съ этой цѣлью американцы прислали эскадру, которая захватила внезапно нѣсколько лучшихъ острововъ, какъ залогъ, и угрожала даже бомбардированіемъ и разрушеніемъ поселеній, если контрибуція не будетъ въ извѣстный срокъ вручена представителямъ Америки. Слѣдуетъ замѣтить, что американ-

Digitized by Google

цы были одни изъ первыхъ колонистовъ, которые вмѣстѣ съ миссіонерами появились на Фиджи. Выбирая и захватывая подъ тѣми или иными предлогами лучшіе куски земли на островахъ и устраивая тамъ хлопчатобумажныя и кофейныя плантаціи, янки отнюдь не церемонились съ мѣстными жителями. Нужда въ рабочихъ рукахъ заставляла ихъ нанимать цѣлыя толпы туземцевъ, какъ съ острова Фиджи, такъ и съ другихъ острововъ Полинезіи, связывая ихъ незнакомыми для полудикарей контрактами или дѣйствуя черезъ особыхъ подрядчиковъ или поставщиковъ живого товара, какъ это имѣетъ мѣсто въ наши дни въ Америкѣ относительно китайскихъ кули. Столкновенія между такими хозяевами плантаторами и туземцами, на которыхъ они смотрѣли почти какъ на рабовъ, были неминуемы, и вотъ нѣкоторые-то изъ нихъ послужили поводомъ къ американской контрибуціи и первому финансовому затрудненію королевства Какабо. Несмотря на свое сравнительное благосостояніе, на Фиджи почти до настоящаго времениеще уцѣлѣли формы такъ называемаго натуральнаго хозяйства, имѣвшія мѣсто въ Европѣ лишь въ средніе вѣка: деньги между туземцами почти не обращались и вся торговля имѣла исключительно мѣновой характеръ; товаръ мѣнялся на товаръ, а немногіе общественные и государственные сборы взимались прямо сельскими продуктами. Понятно отсюда критическое положеніе короля Какабо, когда американцы категорически потребовали 45,000 долларовъ, подъ угрозой самыхъ тяжелыхъ послѣдствій въ случаѣ ихъ невзноса. Для Фиджіанцевъ самая эта цифра представляла нѣчто непостижимое, не говоря уже о деньгахъ, которыя они никогда не видали въ такихъ размѣрахъ.

Въ своемъ критическомъ положеніи Какабо, посовѣтовавшись съ другими вождями, рѣшился обратиться къ англійской королевѣ и сначала сталъ просить ее принять острова подъ свой протекторатъ, а позднѣе прямо подъ свое подданство, лишь съ условіемъ сохраненія своего королевскаго ранга и пенсіи. Но англичане отнеслись крайне осторожно къ этой просьбѣ и не спѣшили выручать полудикаго монарха изъ его

Digitized by Google

затрудненія. Вмѣсто прямого отвѣта они послали въ 1860 г. спеціальную экспедицію съ цѣлью изслѣдованія о. Фиджи, чтобы рѣшить, стóитъ ли ихъ присоединять къ британскимъ владѣніямъ и тратить деньги на удовлетвореніе американскихъ кредиторовъ. Между тѣмъ американское правительство продолжало настаивать на уплатѣ и удерживало въ качествѣ залога въ своемъ фактическомъ владѣніи нѣсколько лучшихъ пунктовъ, а прежнія 45,000, присмотрѣвшись къ природнымъ богатствамъ съ торгашеской безсовѣстностью повысили до 90,000 дол. и угрожали еще повысить, если Какабо не уплатитъ ихъ скоро. Тогда, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, бѣдный Какабо, незнакомый съ европейскими способами кредитныхъ сдѣлокъ, по совѣту европейскихъ колонистовъ, началъ искать денегъ въ Мельбурнѣ у купцовъ во чтò бы то ни стало и на какихъ угодно условіяхъ, хотя бы пришлось уступить частнымъ лицамъ все королевство. И вотъ въ Мельбурнѣ на вызовъ Какабо составляется торговая компанія. Эта акціонерная компанія, принявшая названіе Полинезійскаго Общества (Polynesian Company), заключила съ владѣтелями Фиджи договоръ на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ. Принявши на себя долгъ американскому правительству и обязавшись его уплатить вносомъ въ извѣстные сроки, Компанія получала за это по первому уговору 100, а затѣмъ 200 тысячъ акровъ лучшей земли, по своему выбору, свободу на вѣчныя времена отъ всякихъ налоговъ и пошлинъ для всѣхъ своихъ факторій, операцій и колоній *) и исключительное право на продолжительное время заводить въ Фиджи эмиссіонные банки съ привиллегіей неограниченнаго выпуска билетовъ. Со времени этого договора, заключеннаго окончательно въ 1868 г., у Фиджіанъ, рядомъ съ ихъ мѣстнымъ правительствомъ съ Какабо во главѣ, очутилась другая

*) Первоначально П. К. выговорила для себя даже право издавать собственные законы и назначать таможенные сборы для всѣхъ острововъ Фиджи, но остальные бѣлые колонисты протестовали, и статья эта была выброшена изъ договора.

Digitized by Google

власть—могущественная торговая факторія съ обширными земельными владѣніями по всѣмъ островамъ и рѣшительнымъ вліяніемъ въ управленіи. Дѣла черезъ это однако нисколько не улучшились: экономическое положеніе жителей, какъ мы увидимъ дальше, во многихъ случаяхъ ухудшилось, и они едва не превратились за нѣсколько лѣтъ въ рабовъ колонистовъ, благодаря финансовымъ мѣропріятіямъ по европейскому образцу, за которыя взялся Какабо по совѣту своихъ новыхъ бѣлыхъ друзей, и о чемъ подробнѣе мы будемъ говорить впереди. Пока же мы должны, чтобы сдѣлать болѣе понятнымъ дальнѣйшее изложеніе предмета, прибѣгнуть къ нѣкоторому общему отступленію спеціально по вопросу о характерѣ означеннаго европейскаго вліянія на полудикіе или малокультурные народы, какимъ и является въ данномъ случаѣ населеніе острововъ Фиджи.

Весьма много написано по вопросу о столкновеніи европейскихъ культурныхъ расъ съ расами менѣе развитыми или совсѣмъ примитивными и тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя отсюда проистекаютъ. Тѣмъ не менѣе, мнѣ представляется этотъ вопросъ еще крайне мало выясненнымъ и заслуживающимъ всесторонняго вниманія со стороны не однихъ даже этнографовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ каждый знаетъ, обыкновеннымъ результатомъ поселенія европейца въ одной области съ дикарями является вымираніе послѣднихъ; прямой непосредственной причиной этого большею частью выставляютъ пьянство, болѣзни и пороки, которые всегда являются какъ бы предшественниками цивилизаторской миссіи европейцевъ. Къ этому иногда присоединяется экономическая эксплоатація всякаго рода, прямой обманъ и, наконецъ, стѣсненіе въ жизненныхъ средствахъ, напр. въ пользованіи землей, не говоря уже, конечно, о прямомъ истребленіи туземцевъ силой оружія. Но сейчасъ же на сцену является цѣлый рядъ вопросовъ: отчего же тѣ же самые недостатки и пороки, которые дикари заимствуютъ у европейцевъ, напр. хоть пьянство, на которое вездѣ слышна жалоба въ Европѣ, не уменьшаетъ численности самихъ Европейцевъ, а лишь тѣхъ народовъ, которые у нихъ это зло заимствовали? Кромѣ

Digitized by Google

того уже теперь извѣстно, что многіе по крайней мѣрѣ, если не всѣ дикари весьма далеко отстоятъ отъ человѣка природы (l' homme de la nature) опоэтизированнаго Жанъ Жакомъ Руссо, и имѣютъ свои собственные пороки и недостатки, еще большіе, чѣмъ у европейцевъ. Наконецъ мы видимъ, что многія европейскія учрежденія, не только безвредныя сами по себѣ, но представляющія даже отчасти фундаментъ всей современной цивилизаціи, какъ напр. институтъ частной земельной собственности, нѣкоторыя налоговыя формы, перенесенныя въ чуждую имъ среду полуцивилизованныхъ народовъ или совсѣмъ дикихъ, не только не способствуютъ всеобщему благу, но, напротивъ, являются лишь вопіющимъ зломъ, способствующимъ болѣе быстрому обнищанію и вымиранію некультурныхъ расъ. Очевидно, что эта сторона поставленнаго вопроса, одинаково интересная какъ для экономиста, такъ для юриста и не менѣе для этнографа, еще мало разработана и ждетъ въ будущемъ своихъ изслѣдователей.

Въ отношеніяхъ культурнаго человѣка къ дикарю можно подмѣтить, мнѣ кажется, политику троякаго рода.

Во первыхъ культурный человѣкъ считаетъ дозволительнымъ и даже полезнымъ полное подчиненіе себѣ дикаря и, какъ необходимое послѣдствіе такого убѣжденія, является всевозможная эксплоатація въ интересахъ исключительно сильной стороны, при чемъ нарушеніе самыхъ священныхъ правъ побѣжденнаго туземца, его личности и собственности, его обычаевъ и нравовъ и вѣковыхъ привычекъ ставится ни во что.... Таково было давнее и общее отношеніе рѣшительно всѣхъ европейскихъ народовъ въ ихъ колоніальной политикѣ, начиная съ главнаго въ этомъ случаѣ государства Великобританіи и кончая нашимъ отечествомъ—Россіей. До нашихъ дней слѣды этой системы попиранія всѣхъ правъ низшихъ расъ ради однихъ лишь выгодъ цивилизованныхъ завоевателей удержались въ болѣе чистомъ видѣ, мнѣ кажется, въ колоніальной политикѣ Нидерландовъ или Голландіи, особенно же въ знаменитой т. н. системѣ культуры (culture system) генерала Фанъ-денъ-Боша, введенной имъ на о. Явѣ въ 1832 г.

Digitized by Google

Мы не имѣемъ возможности вдаваться въ подробное описаніе этого любопытнаго способа извлеченія дохода отъ полудикихъ туземцевъ. Скажемъ только что яванская „система культуры“ основана на слѣдующихъ принципахъ: во первыхъ голландское правительство, ложно ссылаясь на начала мусульманскаго права, объявило себя собственникомъ всей земли, а туземныхъ земледѣльцевъ лишь временными пользователями съ обязательной за то барщиной на государственныхъ плантаціяхъ кофе, сахарнаго тростника и т. п. Кромѣ того, культура, или производство этихъ послѣднихъ продуктовъ, у многихъ иныхъ была объявлена правительственной монополіей въ пользу одной частной торговой компаніи; весь сахаръ и кофе напр. обязательно должны продаваться этой компаніи или правительству, по назначенной имъ цѣнѣ, лишь съ малымъ вознагражденіемъ производителю за его трудъ и хлопоты. Самая сложная и строгая система контроля установлена при этомъ за туземцами, превращенными такимъ образомъ въ казенныхъ крѣпостныхъ крестьянъ, говоря нашимъ языкомъ. Послѣдніе годы, именно по закону 1870 г., „система культуры“ на о. Явѣ была нѣсколько смягчена, но въ существенныхъ чертахъ отношенія культурныхъ голландцевъ къ яванцамъ остаются тѣ же самыя: принудительныя работы по воздѣлыванію сахара должны кончиться напр., по постановленію Нидерландскаго парламента, лишь въ 1890 году. Мало того, въ интересѣ собственныхъ сахарныхъ рафинёровъ въ Голландіи, обработка сахара на Явѣ запрещена до сихъ поръ, а въ интересахъ голландскихъ же торговцевъ французскимъ виномъ запрещено на Явѣ разведеніе винограда, который на нѣкоторыхъ возвышенностяхъ острова вызрѣваетъ отлично и бываетъ прекраснаго качества, какъ показывали опыты. (*) Такова первая система отношеній культурнаго человѣка къ

(*) См. The Statesman's yearbook for 1881 by Frederick *Martin*, стр. 710, а также:

Der Welthandel. Illustrirte Monatshefte fur Handel u. Industrie etc. Zweiter jahrgang. 1870. Стр. 495.

Digitized by Google

низшимъ расамъ, въ прежніи времена общепринятая и, разумѣется, способствовавшая быстрому исчезновенію съ лица земли многихъ расъ и народовъ.

Вторая система этихъ отношеній составляетъ, въ смыслѣ гуманности, уже шагъ впередъ; культурный человѣкъ начинаетъ сознавать нѣкоторыя свои обязанности по отношенію къ дикарю или туземцу; онъ уже считаетъ строгую справедливость, по крайней мѣрѣ, въ формальномъ смыслѣ, необходимой основой своей колоніальной политики и отсюда старается обезпечить личныя права туземцевъ одинаково съ бѣлыми колонистами. Въ тоже время однакожъ культурный человѣкъ не желаетъ ни на волосъ поступиться въ своихъ отношеніяхъ къ этой низшей расѣ, какъ побѣжденному народу, а потому находитъ всѣ легальныя способы наживы и обогащенія на счетъ послѣдняго вполнѣ дозволительными и нормальными, лишь бы формальная правда не была нарушена. Образцомъ подобныхъ отношеній можетъ служить еще въ настоящее время политика сѣверо-американцевъ по отношенію къ краснокожимъ индѣйцамъ и англичанъ къ туземцамъ многихъ африканскихъ и азіатскихъ колоній. Многое, что дозволяется или точнѣе попускается закономъ или практикой, при существованіи такой системы, для бѣлыхъ пришельцевъ, воспрещается туземцамъ и даже встрѣчаетъ противодѣйствіе.

Наконецъ *третій способъ* отношеній культурнаго человѣка къ дикарю заключается въ томъ, что интересы туземцевъ принимаются во вниманіе одинаково съ интересами и выгодами бѣлыхъ колонистовъ. Культурный человѣкъ здѣсь уже отказывается отъ стараго и привычнаго воззрѣнія на туземца исключительно, какъ на объектъ своего легкаго обогащенія, находящійся почти внѣ дѣятельной защиты правительства и его органовъ. Европеецъ вступаетъ въ состязаніе съ туземцемъ, но уже исключительно на мирной аренѣ труда, какъ промышленникъ, какъ наниматель его рабочей силы.

Но и здѣсь, къ сожалѣнію, при такой системѣ колоніальной политики, получившей свое начало лишь въ самое по-

Digitized by Google

слѣднее время, туземецъ выигрываетъ отъ своего общенія съ европейцами весьма немного: чаще всего благія начинанія этого новаго характера отношеній культурнаго человѣчества къ низшимъ расамъ встрѣчаются съ явными или скрытыми противодѣйствіями, которыя лежатъ въ самомъ корнѣ племенныхъ, интеллектуальныхъ и иныхъ различій между двумя расами. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ незнаніе или неуваженіе со стороны европейца къ непонятнымъ или несимпатичнымъ для него мѣстнымъ учрежденіямъ и обычаямъ низшей расы. Затѣмъ стоитъ рутина и, какъ послѣдствіе ея нетерпимость къ вѣковымъ привычкамъ другого народа и мѣрка чуждыхъ явленій и отношеній на свой европейскій аршинъ... Что хорошо для меня, разсуждаетъ европеецъ, то хорошо и для всякаго другаго ниже меня. И вотъ при самомъ, повидимому, доброжелательномъ отношеніи къ интересамъ мѣстнаго туземнаго населенія, европейскія мѣропріятія не приносятъ ему ничего, кромѣ вреда, и зачастую, къ удивленію носителей культуры, вмѣсто благодарности къ ея плодамъ, родятъ у туземцевъ лишь недовольство и вызываютъ открытыя волненія. Извѣстенъ всѣмъ примѣръ англичанъ, которые, привыкши къ собственнымъ формамъ землевладѣнія, тщетно искали въ нѣкоторыхъ областяхъ Индіи ландлордовъ и, наконецъ, превратили въ крупныхъ землевладѣльцевъ простыхъ сборщиковъ податей. Такую же пагубную ошибку, только съ умысломъ, совершаютъ французы, какъ это видно изъ книги профессора Ковалевскаго *). въ Алжирѣ, съ настойчивостью и послѣдовательно уничтожая родовое и общинное землевладѣніе, отчасти по политическимъ соображеніямъ, а главнымъ образомъ потому что такая система землевладѣнія не принята во Франціи и не имѣетъ санкціи отъ европейской науки.

Послѣ приведенныхъ примѣровъ можно, пожалуй, заключить, что европейскія учрежденія совсѣмъ не могутъ имѣть никакого приложенія между низшими расами съ соблюдені-

(*) М. М. *Ковалевскій*: Общиное землевладѣніе; причины, ходъ и послѣдствія его разложенія, 1879.

Digitized by Google

емъ интересовъ этихъ послѣднихъ. Но такой выводъ былъ бы слишкомъ поспѣшенъ и, если обратиться къ той же исторіи колоніальной политики, то не трудно найти многіе примѣры обратнаго и встрѣтить такіе случаи, гдѣ многія формы европейскаго общежитія и самыя учрежденія легко воспринимаются и усвояются низшими расами лишь при необходимомъ условіи принаровленія ихъ къ мѣстнымъ потребностямъ. Требуется лишь измѣненіе и приспособленіе новыхъ формъ согласно народному духу туземцевъ, ступени ихъ экономическаго развитія, ихъ привычкамъ и обычаямъ, которые культурный человѣкъ обязанъ изучить прежде, чѣмъ приступить къ исполненію принятой на себя цивилизаторской миссіи. Наилучшимъ аргументомъ въ данномъ случаѣ можетъ послужить новѣйшая исторія именно острововъ Фиджи: со временъ извѣстнаго намъ короля Какабо и затѣмъ послѣ присоединенія этихъ острововъ въ 1874 г. къ Англіи и до настоящаго времени на нихъ произведенъ рядъ попытокъ установленія европейскихъ финансовыхъ формъ, однородныхъ по своему содержанію, но весьма различныхъ по результатамъ. Попытки эти являются въ одно и то же время прекраснымъ примѣромъ всей условности финансовой науки и также поучительнымъ образомъ, наглядно подтверждающимъ возможность и даже пользу разумнаго введенія европейскихъ формъ, но лишь съ необходимыми измѣненіями по мѣстнымъ условіямъ.

Прежде всего нѣсколько словъ о государственной организаціи фиджіанцевъ и ихъ соціальномъ бытѣ. Жителей Фиджи отнюдь нельзя назвать дикарями. Они ведутъ осѣдлый образъ жизни, поселяясь цѣлыми обществами въ весьма удобно устроенныхъ и принаровленныхъ къ житью постройкахъ; съ уваженіемъ они относятся къ земледѣлію, которымъ и занимаются. Ихъ общественная и политическая организація отличается, какъ мы сейчасъ увидимъ, значительной сложностью, что̀ уже указываетъ на довольно высокую ступень развитія. Они накопляютъ богатства и имѣютъ законы о наслѣдствѣ (по женской линіи), хотя въ тоже время, судя по описаніямъ, преимущественной формой землевладѣнія между ними яв-

Digitized by Google

ляется общинное, причемъ общины, что̀ составляетъ ихъ особенность, кромѣ земли владѣютъ и общинными нераздѣльными стадами, рядомъ съ которыми, впрочемъ, могутъ имѣть мѣсто и частныя. Большинство фиджіанцевъ умѣютъ читать, писать и знакомы съ цифрами; женщины между ними уважаются, занимаютъ высокое соціальное положеніе и избавлены поэтому отъ земледѣльческихъ работъ. Почти въ каждой деревнѣ имѣется школа, и всѣ фиджіанцы считаются христіанами, хотя нѣкоторые и номинально. Вообще, по свидѣтельству новѣйшихъ англійскихъ источниковъ, населеніе острововъ обнаруживаетъ постепенный и весьма быстрый прогрессъ относительно многихъ лучшихъ сторонъ европейской жизни.

Политической единицей у нихъ является деревня, во главѣ которой стоитъ мѣстный вождь или старшина, номинально назначаемые окружнымъ совѣтомъ, а на практикѣ очень часто наслѣдственные. Этотъ вождь состоитъ предсѣдателемъ деревенскаго совѣта, и рядомъ съ нимъ стоятъ нѣсколько иныхъ исполнительныхъ чиновъ, какъ то судья, часто родственникъ вождя, одинъ или нѣсколько полицейскихъ чиновъ, глашатай или герольдъ (наслѣдственная весьма почетная должность въ поселеніи), надсмотрщикъ за садами и огородами. Нѣсколько такихъ деревень или поселеній составляютъ округъ, во главѣ котораго стоитъ начальникъ округа, на мѣстномъ языкѣ *були* (Buli) который однажды въ мѣсяцъ собираетъ вождей всѣхъ подвѣдомственныхъ селеній, составляя такимъ образомъ окружной совѣтъ (Bose ni Tikina) и трактуетъ съ ними дѣла округа, какъ то: очистку и устройство деревень, способы наилучшаго завѣдыванія или распоряженія стадами принадлежащими общинамъ, улучшеніе и содержаніе дороги и мостовъ и имѣетъ надзоръ за общественными купальнями. Окружной Совѣтъ назначаетъ, также и смѣняетъ мѣстныхъ или сельскихъ вождей, контролируетъ уплату мѣстныхъ сборовъ и слѣдитъ за дѣятельностью полиціи. Слѣдующая ступень въ государственномъ устройствѣ, т. н. провинціальный Совѣтъ, а во главѣ его старшій вождь (Roko Tni; всѣхъ ихъ число въ странѣ—двѣнадцать). Этотъ совѣтъ (Bose vaka gasana) составляется изъ Buli или окружныхъ на-

Digitized by Google

чальниковъ и обязательно собирается два раза въ годъ, причемъ каждый Buli даетъ подробный отчетъ о своемъ округѣ, затѣмъ совѣщаются о мѣстныхъ дѣлахъ и распредѣляютъ мѣстные налоги. Наконецъ высшимъ органомъ управленія, съ которымъ непосредственно совѣщался король, когда Фиджи составляло королевство, а нынѣ англійскій губернаторъ, является Великій Совѣтъ или Bose vaka Turanga, который собирается однажды въ годъ и составляется изъ Roko Tui или провинціальныхъ вождей, нѣсколькихъ судей и двухъ Buli или окружныхъ начальниковъ по выбору провинціальнаго совѣта. Здѣсь, въ свою очередь, каждый изъ провинціальныхъ вождей (Roko Tui) представляетъ полный отчетъ о состояніи своей провинціи за годъ и дѣлаетъ предложенія о тѣхъ законодательныхъ или административныхъ мѣрахъ, которыя по ихъ мнѣнію желательно видѣть принятыми правительствомъ.

Такова старая туземная организація управленія, и англичане мало ее измѣнили. На ежегодномъ собраніи Великаго Совѣта присутствуетъ нынѣ губернаторъ и постановленія этого собранія по прежнему имѣютъ значеніе рекомендаціи, которую въ старое время принималъ или отвергалъ Какабо, а нынѣ представитель британскаго правительства. Вообще же, по словамъ нынѣшняго губернатора, Артура Гордона, постановленія Совѣта отличаются такимъ здравымъ смысломъ и практичностью въ отношеніи къ разбираемымъ дѣламъ, что неоднократно заслуживали самаго горячаго одобренія будто бы британскаго правительства и обыкновенно доводятся имъ, т. е. губернаторомъ, до послѣдней инстанціи, или такъ называемаго „Законодательнаго Совѣта“, который состоитъ частью изъ европейцевъ, частью изъ туземцевъ и уже придаетъ постановленіямъ Высшаго Совѣта силу закона. Во всѣхъ этихъ органахъ мѣстнаго самоуправленія, утверждаетъ Гордонъ, онъ встрѣчаетъ постоянно дѣятельныхъ, способныхъ исполнителей, какъ постановленій своихъ учрежденій, такъ и спеціальныхъ распоряженій англійской власти (*).

(*) См. Proceedings of the Royal Colonial Jnstitute. Volume the Tenth 878—79. Native Taxation in Fiji. By the Hon. Sir Arthur Gordon etc.

Digitized by Google

Заручившись этими общими понятіями объ организаціи управленія на Фиджи, мы можемъ прямо перейти къ вопросу о налогахъ. Мы покинули Какабо въ тотъ моментъ, когда онъ заключилъ условіе съ Полинезійской Компаніей, столь невыгодное для его страны, чтобы только избавиться отъ притязанія американцевъ. До сихъ поръ правительство Какабо довольствовалось для своихъ потребностей тѣми матеріальными средствами, которыя заключались въ различныхъ натуральныхъ сборахъ и небольшой таможенной пошлинѣ съ привозныхъ товаровъ. Съ заключеніемъ договора и основаніемъ могущественной Полинезійской Компаніи его финансовыя обстоятельства измѣнились рѣшительно къ худшему. Значительная часть лучшихъ земель во владѣніяхъ отошла къ Компаніи, слѣдовательно, сборы уменьшились; съ другой стороны Компанія, какъ мы знаемъ, выговорила себѣ безпошлинный, свободный привозъ и вывозъ всякихъ товаровъ, а черезъ это и доходъ отъ пошлинъ также упалъ. Туземцы, т. е. 0, 99 всего населенія, всегда были плохими плательщиками таможенныхъ налоговъ такъ какъ ничего почти не потребляютъ изъ европейскихъ продуктовъ, кромѣ немногихъ тканей и металлическихъ издѣлій; теперь же, черезъ освобожденіе вмѣстѣ съ Полинезійской Компаніей, наиболѣе состоятельныхъ европейцевъ отъ таможеннаго налога, доходъ короля Какабо дѣлался окончательно ничтожнымъ, и онъ долженъ былъ позаботиться о его дополненіи. И вотъ Какабо начинаетъ совѣщаться съ своими бѣлыми друзьями о томъ, какимъ образомъ отвратить бѣду, и получаетъ отъ нихъ весьма коварный, какъ мы сейчасъ увидимъ, совѣтъ ввести первый прямой налогъ въ странѣ и, чтобы менѣе утруждать себя вѣроятно,—въ формѣ денежнаго сбора, а не натуральныхъ поборовъ, какъ это имѣло мѣсто до того времени. Такимъ путемъ явился на свѣтѣ, на о. Фиджи, первый и, надо думать послѣдній денежный налогъ въ царствованіе Какабо, такъ какъ вызвалъ собой сильныя неудовольствія туземцевъ и привелъ скоро къ англійскому владычеству. Налогъ былъ установленъ въ формѣ всеобщей поголовной или подушной

Digitized by Google

подати въ размѣрѣ 1 ф. с. на всякаго мущину и 4 шил. на всякую женщину по всѣмъ островамъ. Какъ мы уже говорили, даже до сихъ поръ на о. Фиджи существуетъ еще натуральное хозяйство и мѣновая торговля. Очень немногіе туземцы владѣютъ деньгами. Ихъ богатство состоитъ исключительно изъ различныхъ сырыхъ продуктовъ и стадъ, а не въ деньгахъ. Между тѣмъ, новый налогъ требовалъ въ извѣстные періоды времени во что бы то ни стало денегъ, для семейнаго туземца весьма значительныхъ въ сложности. До сихъ поръ туземецъ не привыкъ ни къ какимъ индивидуальнымъ тягостямъ въ пользу правительства, кромѣ личныхъ повинностей. Всѣ сборы, какіе случались, уплачивались общиной или деревней, къ которой онъ принадлежалъ, и съ общихъ полей, съ которыхъ получаетъ онъ свой главный доходъ. Ему оставался одинъ исходъ искать денегъ у бѣлыхъ колонистовъ, т. е. обратиться или къ торговцу, или къ плантатору. Первому онъ долженъ былъ продать свой продуктъ по какой угодно цѣнѣ, такъ какъ сборщикъ податей требовалъ деньги къ извѣстному опредѣленному сроку или даже занять денегъ подъ будущій продуктъ, чѣмъ конечно торговецъ пользовался, чтобы брать безбожные проценты; или же онъ долженъ былъ обратиться къ плантатору и продать ему свой трудъ т. е. поступить въ рабочіе. Но заработная плата на о. Фиджи оказалась вслѣдствіе, вѣроятно, единовременнаго большаго предложенія, очень низкой — не болѣе, согласно показанію настоящей администраціи, одного шиллинга въ недѣлю для взрослаго мущины, или 2 ф. 12 шил. въ годъ и, слѣдовательно, лишь для того, чтобы получить деньги, необходимыя для уплаты только за самого себя, не говоря о семействѣ, фиджіанецъ долженъ бросить свой домъ, семью собственныя земли и хозяйство и, переселившись часто далеко на другой островъ, закабалить себя плантатору по крайней мѣрѣ на полгода, чтобы выручить 1 фунтъ необходимый для уплаты новаго налога; для уплаты же налога за все семейство онъ долженъ былъ искать другихъ средствъ. Понятенъ результатъ такого порядка. Съ полутораста тысячъ поддан-

Digitized by Google

ныхъ Какабо собиралъ всего только 6000 ф. с.; и вотъ начинается усиленное вымогательство податей, дотолѣ незнакомое, и рядъ принудительныхъ мѣръ. Мѣстная администрація, прежде неподкупная, весьма скоро стакнулась съ бѣлыми плантаторами, которые начали вертѣть страною. За неплатежъ фиджіанцы притягиваются къ суду и приговариваются, кромѣ судебныхъ издержекъ, къ заключенію въ тюрьму на сроки не мѣнѣе какъ на полъ-года. Роль этой тюрьмы играютъ плантаціи перваго бѣлаго, который пожелаетъ внести налогъ и судебныя издержки за приговореннаго. Такимъ образомъ бѣлые получаютъ въ изобиліи дешевый трудъ, въ какомъ угодно количествѣ. Первоначально дозволялась эта принудительная отдача на работы срокомъ на полъ-года, но затѣмъ подкупленные судья находили возможнымъ назначать на работы даже на восемнадцать мѣсяцевъ, а потомъ свой приговоръ возобновлять вновь.

Весьма быстро, въ нѣсколько лѣтъ, картина экономическаго положенія жителей Фиджи совершенно измѣнилась. Цѣлые цвѣтущіе зажиточные округа на половину обезлюдѣли и крайне обѣднѣли. Все мужское населеніе, кромѣ стариковъ и слабосильныхъ, работало на сторонѣ у бѣлыхъ плантаторовъ, чтобы добыть деньги, нужныя для уплаты налога или по приговору суда. Женщины, какъ мы уже говорили, въ Фиджи почти не несутъ никакихъ земледѣльческихъ работъ; а потому въ отсутствіе мужчинъ хозяйства были запущены или совсѣмъ брошены. Въ нѣсколько лѣтъ половина населенія Фиджи превратилась въ рабовъ бѣлыхъ колонистовъ. Натурально возникло общее народное недовольство и благоденствовали лишь одни плантаторы. Взоры фиджіанцевъ невольно начали опять обращаться къ Англіи въ надеждѣ, что сильная британская власть можетъ положить конецъ этому ненормальному порядку вещей и произвольнымъ финансовымъ экспериментамъ Какабо и его бѣлыхъ совѣтниковъ. Появилось новое прошеніе, покрытое множествомъ подписей именитѣйшихъ лицъ и вождей, о принятіи ихъ въ англійское подданство и было вручено британскому консулу. Къ этому времени Англія,

ТИП. И. И. ГЛАЗУНОВА.

Digitized by Google

благодаря своимъ ученымъ экспедиціямъ, успѣла не только изучить, но даже измѣрить острова и должнымъ образомъ оцѣнить природныя богатства этого прекраснаго уголка земнаго шара. По всѣмъ этимъ причинамъ переговоры на этотъ разъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и въ 1874 г. къ большому неудовольствію американскихъ плантаторовъ, Англія оффиціально вступила во владѣніе островами Фиджи, присоединивши его къ своимъ колоніямъ. Какабо умеръ, а его наслѣдникамъ назначена маленькая пенсія.

Въ первый годъ своего присоединенія къ Англіи Фиджи не имѣло своего управленія, а находилось подъ вѣдѣніемъ Сэръ Робинзона, губернатора Новаго Южнаго Валлиса, который назначилъ сюда администратора. Принимая въ свои руки острова, англійское правительство должно было разрѣшить трудную задачу удовлетворить разнообразнымъ ожиданіямъ, на него возлагаемымъ. Туземцы, конечно, разсчитывали прежде всего на уничтоженіе ненавистнаго для нихъ подушнаго налога, бѣлые же колонисты, частью (американцы) относились къ британскому владычеству съ недовѣріемъ, частью же (англійскаго происхожденія) расчитывали на всякія блага—признаніе напр. своего верховенства надъ туземцами, освященіе своихъ правъ на земельные захваты и т. д. Англійское управленіе оказалось, однако, вполнѣ на высотѣ своей задачи, и первымъ его дѣйствіемъ было уничтоженіе навсегда подушнаго налога, создававшаго рабство туземцевъ для выгодъ немногихъ колонистовъ. Но тутъ сэру Робинзону представлялась тотчасъ же другая трудная дилемма. По принятому правилу англійской колоніальной политики колоніи должны содержать себя сами, т. е. находить свои собственныя средства на удовлетвореніе расходовъ по управленію. Между тѣмъ, съ уничтоженіемъ подушнаго налога всѣ доходы на Фиджи (съ таможенныхъ пошлинъ) не превышали 6000 ф., огда какъ расходы на управленіе требовали по меньшей мѣрѣ 70,000 въ годъ. Очевидно необходимо было изобрѣсти новый финансовый источникъ, который бы покрылъ этотъ громадный дефицитъ, а также сократить по возможности рас-

Digitized by Google

ходы, замѣнивши напр, гдѣ можно бѣлыхъ чиновниковъ туземцами. Послѣ нѣкотораго размышленія и совѣщанія съ послѣдними, сэръ Робинзонъ на мѣсто старой подушной подати установилъ, какъ онъ назвалъ, „налогъ на трудъ“ (labour tax) или точнѣе личную повинность натурой, выкупаемую впрочемъ деньгами, исключительно лишь для взрослыхъ туземцевъ мужскаго пола. Каждый новый британскій подданный обязанъ былъ отдать двадцать дней своего труда въ году для казенныхъ работъ по указанію управленія или могъ откупиться отъ нихъ, заплативши извѣстную сумму по таксѣ. Весьма скоро однако планъ сэра Робинзона оказался полнѣйшей неудачей. Первоначально еще нѣкоторые туземцы, опасаясь отдачи по старому на работу къ колонистамъ, откупались, доставая небольшія суммы денегъ взаймы у торговцевъ; но затѣмъ огромное большинство нашло болѣе выгоднымъ—прямо предложить правительству свой трудъ, и сэръ Робинзонъ очутился въ крайнѣмъ затрудненіи, на какія общественныя работы можно употребить такую массу рукъ? Такихъ мѣстъ, гдѣ требовалось работа (напр. вродѣ исправленія дорогъ, постройки казенныхъ зданій), было сравнительно немного; между тѣмъ, населеніе разбросано по многочисленнымъ островамъ, на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Во многихъ округахъ колоніи не было совсѣмъ надобности въ общественныхъ работахъ, къ которымъ можно было примѣнить трудъ такихъ многочисленныхъ рукъ и приходилось изобрѣтать такія работы, часто для колоніи совсѣмъ не нужныя, между тѣмъ, какъ денежныя затраты на управленіе попрежнему оставались не покрытыми. Черезъ годъ острова Фиджи были превращены въ самостоятельную британскую колонію, и въ нихъ назначенъ губернаторомъ сэръ Артуръ Гордонъ, весьма извѣстный въ Англіи дѣятель и бывшій членъ Палаты Общинъ. Ему одному такимъ образомъ предстояло исправить сдѣланное и выпутать колонію Фиджи изъ затруднительнаго финансоваго положенія

Сэръ Гордонъ видѣлъ, что не могло быть и рѣчи о возстановленіи прежняго подушнаго налога. Съ другой стороны

*

Digitized by Google

изобрѣтенный Робинзономъ налогъ на трудъ оказался на практикѣ никуда не годнымъ и не удовлетворялъ поставленнымъ цѣлямъ. Необходимо было найти что нибудь новое, не столько по содержанію, сколько по формѣ и примѣненію. Для этого сэръ Гордонъ, какъ умный и ловкій администраторъ, прежде всего обратился къ изученію мѣстныхъ условій и пожелалъ опредѣлить, какими способами добываютъ туземцы средства, необходимыя для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ, т. е. какъ получаются земскіе сборы, употребляемые на содержаніе дорогъ, школъ и т. д. Оказалось во первыхъ, что всѣ эти сборы, при существующей общинной системѣ землевладѣнія, были всегда общинными, а не индивидуальными, т. е. уплачивались цѣлой общиной или деревней, а не каждымъ лицомъ отдѣльно. Во вторыхъ оказалось, что сборы эти всегда были натуральные, т. е. дороги напр. содержались и чинились самими жителями безъ особеннаго для того найма, учителя и разныя служебныя лица точно также вмѣсто денегъ вознаграждались всегда сырыми продуктами или долей въ общинныхъ земельныхъ участкахъ и стадахъ. Въ третьихъ изъ изслѣдованій Гордона оказалось, что вся эта система сборовъ велась общинами совершенно самостоятельно, независимо отъ центральнаго правительства, и въ тоже время въ общемъ довольно успѣшно, т. е. всѣ мѣстныя нужды удовлетворялись своевременно и вполнѣ. Заручившись этими важными свѣдѣніями, сэръ Гордонъ уже могъ съ бо̀льшею увѣренностью приступить къ преобразованію финансовой системы колоніи.

Такъ какъ все богатство туземцевъ Фиджи заключается въ землѣ и ея продуктахъ, разсуждалъ сэръ Гордонъ, то, конечно, новый налогъ, долженствующій собой замѣнить прежній, долженъ быть непремѣнно налогъ земельный, т. е. падать на жителей, соображаясь съ количествомъ и качествомъ земли въ ихъ владѣніи. Но туземцы не знали въ то же время индивидуальныхъ сборовъ, исключительно живя въ тѣсной общинной связи и уплачивая сборы только общинные. Поэтому, естественно, и новый налогъ долженъ былъ принять привычный

Digitized by Google

для нихъ характеръ, т. е. падать на общину, а не на отдѣльнаго индивида и притомъ въ формѣ натуральнаго сбора продуктами, а не деньгами. На этихъ руководящихъ началахъ Гордонъ составилъ проектъ и предложилъ „Законодательному Совѣту“ Фиджи, который разработалъ его въ подробностяхъ и принялъ единогласно въ 1876 году.

Нельзя не отдать полной справедливости энергіи и замѣчательнымъ административнымъ способностямъ сэра Гордона въ проведеніи этой важной законодательной мѣры, несмотря на явное, а еще сильнѣе тайное, противодѣйствіе и даже упорное сопротивленіе, какъ въ колоніи, такъ и въ самой Англіи. Имѣя здѣсь въ виду исключительно интересы туземнаго населенія колоніи, ему ввѣренной, Гордонъ дѣйствовалъ рѣшительно наперекоръ выгодамъ кучки бѣлыхъ поселенцевъ, захватившихъ въ странѣ значительную власть, и лишилъ ихъ своей мѣрой изобильныхъ и дешевыхъ рабочихъ. Но мало того, ему еще необходимо было ради этой реформы отрѣшиться отъ многихъ личныхъ предразсудковъ свойственныхъ европейцамъ въ ихъ отношеніяхъ къ низшимъ расамъ, даже при полномъ уваженіи къ желаніямъ этихъ послѣднихъ; и наконецъ пришлось отказаться, принаравливаясь къ мѣстнымъ условіямъ и учреждая общины и натуральные сборы вмѣсто денежныхъ, отъ примѣненія самыхъ первичныхъ началъ европейской финансовой политики, единственно признаваемыхъ доселѣ правильными. Какъ извѣстно, вездѣ въ Европѣ натуральные сборы, какъ способы полученія государственнаго дохода, давно осуждены и перешли въ область преданія. Гордонъ же имѣлъ смѣлость, вопреки всему сказанному, примѣнить ихъ на обширномъ пространствѣ новой британской колоніи Фиджи съ наилучшими, какъ мы увидимъ сейчасъ, результатами.

Опишемъ вкратцѣ устройство этого оригинальнаго земельнаго налога. Ежегодно „Законодательный Совѣтъ“ колоніи по соглашенію съ губернаторомъ опредѣляетъ въ фунтахъ стерлингахъ денежный размѣръ налога, необходимый для полученія и затѣмъ разноситъ эту сумму по двѣнадцати провинціямъ составляющимъ колонію, причемъ расцѣнка оклада произво-

Digitized by Google

дится относительно каждой провинціи на основаніи соображеній о размѣрѣ земли тамъ обработываемой, ея плодородію и свойствѣ продуктовъ, а также, смотря по численности населенія и степени его цивилизаціи, различной для разныхъ провинцій. Въ то же время законодательнымъ совѣтомъ составляется также и такса или разцѣнка продуктовъ, въ которыхъ налогъ можетъ уплачиваться. Наиболѣе употребительные продукты, въ формѣ которыхъ поступаетъ взносъ налога, суть слѣдующіе: кокосы, хлопокъ, плоды восковаго дерева, табакъ, маисъ и кофе; кромѣ того, въ нѣкоторыхъ округахъ для уплаты налога допускается также такой странный продуктъ, какъ трипангъ или голотурія — морской червь, очень любимый китайцами. На обязанности слѣдующей инстанціи, о которой мы знаемъ, „Провинціальнаго Совѣта“ (Bose vaka gasana) лежитъ разнесеніе денежной суммы налога, приходящейся на провинцію, уже по отдѣльнымъ округамъ, и притомъ на этотъ разъ уже переводя, согласно годичной таксѣ, эту сумму на продукты извѣстнаго рода, которыми этотъ налогъ будетъ собираться въ данномъ округѣ. Окружной Совѣтъ, въ свою очередь, разноситъ приходящуюся на его долю сумму продуктовъ по отдѣльнымъ общинамъ, а въ этихъ послѣднихъ Buli и совѣтъ старшинъ разлагаютъ ихъ, или часто лишь трудъ нужный для производства этихъ продуктовъ, между отдѣльными членами общинъ. Способъ этой раскладки при этомъ оставленъ вполнѣ на произволъ общинъ и до крайности разнообразенъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ производятъ извѣстный, употребляемый для уплаты налога продуктъ вмѣстѣ съ тѣмъ, который готовятъ для домашняго употребленія и продажи; въ другихъ же случаяхъ по нѣсколько деревень собираются вмѣстѣ и устраиваютъ одну общую большую плантацію, спеціально засаженную извѣстными растеніями для уплаты налога. Всѣ жители обработываютъ и ухаживаютъ вмѣстѣ за этой плантаціей и весь продуктъ съ этихъ, такъ называемыхъ правительственныхъ садовъ или огородовъ, поступаетъ цѣликомъ въ руки казны.

Digitized by Google

Собранные продукты продаются колоніальнымъ правительствомъ европейскимъ торговцамъ съ аукціона за возможно высшую цѣну и передаются покупателямъ по полученіи уплаты. Притомъ, если бы цѣна продукта случайно поднялась противъ таксы, или самаго продукта отъ какой-нибудь общины поступило больше, чѣмъ отъ нея требовалось налога въ деньгахъ, то весь излишекъ цѣны возвращается плательщикамъ данной общины, причемъ казна такъ выгодно устраиваетъ продажу, что въ 1878 г., напр., такого излишка возвращено было до 2000 ф. с. Мало того: такъ какъ правительство является заинтересованнымъ здѣсь въ качествѣ продуктовъ и ихъ хорошей доставкѣ, то ежегодно колоніальное управленіе раздаетъ общинамъ лучшіе сорта сѣмянъ различныхъ продуктовъ, болѣе усовершенствованныя орудія, мѣшки для сбереженія, сопровождая все это практическими совѣтами и указаніями относительно улучшенія земледѣльческой культуры, въ чемъ такимъ образомъ являются непосредственно заинтересованными одинаково обѣ стороны, и туземцы, и правительство.

Результаты во всѣхъ отношеніяхъ были вполнѣ удовлетворительны; во первыхъ въ финансовомъ: въ 1875 г., при вступленіи въ должность, сэръ Гордонъ засталъ „трудовой налогъ“ съ доходомъ всего лишь въ 3,099 фунтовъ стерл. Въ первый же годъ введенія новый „поземельный налогъ“ далъ 9,342 фунта; въ 1877 г., 15,149 ф., въ 1878 г.—уже 19,000, причемъ, издержки, считая тутъ, между прочимъ и трату на разныя улучшенія культуры, не превосходили 2,000 фунт. Въ таможенныхъ пошлинахъ и другихъ сборахъ, преимущественно падающихъ на бѣлыхъ, также были сдѣланы необходимыя измѣненія, а въ издержкахъ—сокращенія; такъ что въ то время, какъ въ 1875 г. общій доходъ колоній не превышалъ 16,000 ф., а расходъ 70,000, черезъ три года, т. е. въ 1877 г., общая сумма доходовъ равнялась 60,000 ф. и балансировала съ расходами, которые также понизились до 60,000 фунт.

Digitized by Google

Еще ощутительнѣе были результаты экономическіе. До введенія новаго натуральнаго сбора туземецъ долженъ былъ продавать продуктъ торговцу, чтобъ выручить необходимыя деньги, *по цѣнѣ, произвольно назначаемой этимъ послѣднимъ*. При своей непривычкѣ и незнакомствѣ съ деньгами, при господствѣ исключительно мѣновой торговли, *фиджіанецъ не имѣлъ никакой точной мѣрки для оцѣнки взаимной стоимости* извѣстнаго количества того или другаго продукта и суммы денегъ, которыя торговецъ за него давалъ, тѣмъ болѣе, что это отношеніе постоянно колеблется по естественнымъ условіямъ рынка. Стремленіе къ наивозможно болѣе крупному барышу вело со стороны бѣлыхъ торговцевъ къ сильному обману несвѣдущаго туземца. Такъ въ 1876 г., во всѣхъ лавкахъ главнаго города Фиджи-Левука приняты были за правило *двѣ цѣны* каждаго товара, одна для европейцевъ и другая — вдвое бо́льшая „туземная цѣна“, для аборигеновъ Фиджи, точно также какъ въ недавнемъ прошломъ во всѣхъ наиболѣе оживленныхъ пунктахъ Германіи, куда приливала масса путешественниковъ, существовалъ рядомъ съ „echter Preis“ „Narrenpreis“ или „Russenpreis“. По общему правилу торговецъ предлагалъ туземцу за его продуктъ отнюдь не больше половины настоящей цѣны. Такъ напр., приводитъ Гордонъ, когда кокосы стоятъ 6 ф. 10 шил. за полъ-тонны, торговецъ даетъ туземцу 3 ф. и притомъ не деньгами, а товаромъ: матеріями, ножами, инструментами и т. п., причемъ, опять оцѣнивалъ свой товаръ по меньшей мѣрѣ вдвое. *Въ результатѣ туземецъ получалъ за свои кокосы вмѣсто 6 ф. 10 шил.* всего лишь цѣнность, равную *1 фунту 10 шил., т. е. въ четыре, пять разъ меньше, чѣмъ слѣдовало*. Хорошее дѣйствіе новаго налога выразилось уже въ томъ, что такой наглый *обманъ сдѣлался теперь почти невозможнымъ*, благодаря тому, что туземцамъ ежегодно хорошо извѣстна средняя цѣна главнѣйшихъ продуктовъ, означаемая въ видѣ правительственныхъ таксъ при распредѣленіи земельнаго налога. *Довѣріе къ правительству* черезъ эту мѣру такъ *усилилось*, что туземцы поставляютъ обыкновенно въ казну не только не мень-

Digitized by Google

шее, но даже часто большее количество продуктовъ, чѣмъ требуется съ нихъ по таксѣ для уплаты налога, такъ какъ они увѣрены, что излишекъ имъ будетъ возвращенъ правительствомъ въ формѣ денегъ. *Нѣкоторымъ общинамъ* въ 1878 г. пришлось возвращать такого перебраннаго налога *даже по нѣсколько сотъ фунтовъ стерлинговъ*. Однимъ словомъ, можно сказать, что организація новаго налога до нѣкоторой степени открыла глаза туземцамъ, и въ своихъ частныхъ торговыхъ сношеніяхъ они начинаютъ *теперь требовать и фактически получаютъ цѣны близкія къ рыночнымъ для этихъ продуктовъ* причемъ, болѣе и болѣе освоиваются съ значеніемъ денегъ, что постепенно измѣняетъ самый характеръ торговли и отношенія туземцевъ къ бѣлымъ торговцамъ. При существованіи прежней подушной подати, введенной Какабо, многіе изъ туземцевъ состояли неоплатными должниками у торговцевъ въ такой же степени, какъ фактическими рабами у колонистовъ. Но разъ реформа сэра Гордона сберегла для нихъ описаннымъ способомъ значительную часть ежегоднаго сбора прежде поступившаго въ карманъ бѣлыхъ, *туземцы начали быстро освобождаться изъ подъ старой кабалы: трудолюбіе ихъ* вслѣдствіе того *получило лишній стимулъ, распашка земли* подъ засѣвы и разнаго рода плантаціи *начала быстро увеличиваться, деревни обстраиваться* новыми зданіями, а само *населеніе*, по свидѣтельству путешественниковъ, *выглядитъ* въ общемъ гораздо, *зажиточнѣе, довольнѣе и веселѣе, нежели* десять лѣтъ тому назадъ.

Но *мало того*, умная финансовая *политика Гордона* привела къ важнымъ и благимъ для британцевъ политическимъ результатамъ. Въ короткій срокъ нѣсколькихъ лѣтъ престижъ Англіи поднялся въ глазахъ туземцевъ такъ высоко, какъ никогда и *нигдѣ и большинство фиджіанцевъ заявило себя на дѣлѣ усердными вѣрноподданными англійской королевы*, такъ что недавно, когда въ одномъ горномъ округѣ *Viti Levu произошло волненіе*, а затѣмъ столкновеніе воинственныхъ горцевъ съ однимъ изъ поселеній бѣлыхъ, то достаточно было англійскому губернатору, почти не имѣвшему для своей под-

Digitized by Google

держки войска, сдѣлать возваніе къ туземцамъ о помощи и присылкѣ контингента, какъ явилось вдвое и втрое большее, чѣмъ нужно, число вооруженныхъ охотниковъ и *въ нѣсколько недѣль мѣстное туземное возстаніе было усмирено самими же туземцами безъ всякой потери крови и денегъ для британской короны*. Указаніемъ на этотъ поразительный фактъ мы и закончимъ нашъ краткій очеркъ новѣйшей финансовой исторіи острововъ Фиджи, какъ новое теченіе, достойное подражанія, въ колоніальной политикѣ европейцевъ.

Приведенныхъ фактовъ въ этой и безъ того разросшейся статьѣ *достаточно, чтобы составить правильное сужденіе во-первыхъ о возможности и степени успѣшности перенесенія европейскихъ финансовыхъ формъ къ низшимъ расамъ* и во-вторыхъ одинаковой возможности выполненія европейцами ихъ цивилизаторской миссіи безъ сопровождающей ее обыкновенно зловредной ломки всего быта туземцевъ. Очевидно, что для достиженія такихъ результатовъ необходимо считаться съ обычаями, нравами, привычками и иными условіями жизни низшей расы, переработывая европейскія формы, согласно этимъ послѣднимъ, и что наконецъ для европейца необходимо отрѣшиться отъ многихъ вѣковыхъ предразсудковъ въ отношеніи къ другимъ расамъ и *постараться въ человѣкѣ видѣть прежде всего лишь человѣка, къ какой-бы онъ расѣ ни принадлежалъ*.

И. И. Янжулъ.

Москва, 14 октября.

Digitized by Google

КЪ БАТЮШКОВУ.

Ты на пути возвратномъ!
Въ волненіи пріятномъ
Уже свиданья день
Сквозь трепетную тѣнь
Я вижу недалече.
Ужь ты передо мной:
Здорово, гость герой,
Безвредный въ шумной сѣчѣ,
И неизмѣнный братъ
Во дни разлуки долгой!
Намъ отданъ ты назадъ!
Припомнишь ли надъ Волгой
Прощанья тяжкій часъ?
Тебя звалъ славы гласъ
На поприще героя.
Въ цѣпяхъ обременя,
Рокъ удержалъ меня
Въ бездѣйствіи покоя;
Но пламенной душой
Летѣлъ я за тобой
На трудный и завидный
Путь смерти и побѣдъ
И, праздностью постыдной
Гнушаясь, долгихъ лѣтъ
Рядъ темный и безгласный
За день, но день прекрасный
Отечества сыновъ,

ТИП. А. ЕЛИКЪ.

Digitized by Google

Отдать я былъ готовъ.
Садись, мой гость желанный!
Тяжелый мечъ откинь,
Другъ, лавромъ увѣнчанный
И миртомъ отъ богинь
Крылатыхъ вдохновеній
И звучныхъ пѣснопѣній!
Скажи ты другу вѣсть
Про дальніе походы;
Какъ праведная месть
Подвигнула народы
Въ слѣдъ вашимъ знаменамъ,
Несла перуны брани
Къ преступнымъ берегамъ;
Какъ мужественны длани
Вождя царей и царствъ
Сломили скиптръ свинцовый
Злодѣйства и коварствъ;
Какъ онъ сорвалъ оковы
Съ враждующихъ племенъ,
И мести въ день счастливый
Внесъ мечъ миролюбивый
Въ среду мятежныхъ стѣнъ.
Ты зрѣлъ и храбрость ратныхъ,
И мужество вождей,
Ты зрѣлъ судебъ превратныхъ
Игру: урокъ людей.
Сегодня царь счастливый,
А завтра изъ дворца
Изгнанникъ торопливый.
Нѣтъ скиптра—нѣтъ льстеца!
Осмѣянный рабами,
Онъ крадется стезями,
По коимъ съ торжествомъ,
Какъ полубогъ вселенной,
Вчера онъ шелъ, надменный,
Съ увѣнчаннымъ челомъ.
Ты былъ въ столицѣ шумной
Ума, искусствъ и модъ,

Digitized by Google

Ты зрѣлъ сей остроумный,
Привѣтливый народъ,
Презрительный и славный,
Средь бурь злодѣйствъ, забавный.
Позоръ и образецъ
Для мыслящаго міра,
Теперь кумира жрецъ,
Чрезъ часъ палачъ кумира.
Рабъ низкой иль тиранъ,
Стократъ въ бояхъ счастливый,
Зрѣлъ вражескій онъ станъ
Въ столицѣ горделивой.
И Сены берега,
Подъ облакомъ печали,
Чудясь передавали
Въ окрестные луга,
Въ сосѣдственныя нивы
Веселые отзывы
Богатырей-пѣвцовъ
Придонскихъ береговъ.
Ты видѣлъ въ годъ единый
Событія вѣковъ,
Чудесныя картины
Превратныя судьбы.
Здѣсь изгнанны съ позоромъ,
Вѣнчанные раздоромъ,
Мятежные рабы;
Тамъ, родины изгнанникъ,
Порфироносный странникъ
Призыванъ на престолъ!
Рядъ перемѣнъ волшебныхъ,
Надежду благъ цѣлебныхъ,
Забвенье прежнихъ золъ
За бурею ужасной,
Ты зрѣлъ разсвѣтъ прекрасный
Сіяющей зари.
Оковано злодѣйство!
Спряглись въ одно семейство
Народы и цари.

Digitized by Google

Бѣлинскій посвятитъ мнѣ часъ свободный,
И Комаровъ понюхаетъ меня...
Языковъ самъ, столь важный, столь пріятный,
Меня почтитъ улыбкой благодатной.

IV.

И такъ, друзья, я жилъ тогда на дачѣ,
Въ чухонской деревушкѣ, съ давнихъ поръ
Любимой нѣмцами... Такой удачѣ
Смѣетесь вы... Что дѣлать? Мой позоръ
Я самъ глубоко чувствовалъ, тѣмъ паче,
Что ничего внимательный мой взоръ
Не могъ открыть въ числѣ супругъ и дочекъ,
Похожаго на лакомый кусочекъ.

V.

Вокругъ меня все жилъ народъ извѣстный,
Столичныхъ нѣмцевъ цвѣтъ и сокъ. Во мнѣ
При видѣ каждой рожи глупо-честной
Кипѣла желчь. Какъ русскій, не вполнѣ
Люблю я честность... Нѣмокъ полъ прелестный
Я жаловалъ когда-то; но онѣ—
На уксусѣ настоянныя розы,
И холодны, какъ ранніе морозы.

VI.

И я скучалъ, зѣвалъ и падалъ духомъ
. . . . . .

И. Тургеневъ.

Іюнь 1844.
Парголово.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
REFERENCE DEPARTMENT

This book is under no circumstances to be taken from the Building

form 419

Digitized by Google

BDMAY 5 - 1917

Digitized by Google